

Рудольф Гильфердинг

ФИНАНСОВЫЙ
КАПИТАЛ

РУДОЛЬФ ГИЛЬФЕРДИНГ

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВЕЙШЕЙ ФАЗЫ
В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА

Перевод с немецкого
И. И. СТЕПАНОВА-СКБОРЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1969

Перевод с немецкого проверен и исправлен
Г. Б. АРДАЕВЫМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Работа Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал» принадлежит к числу наиболее известных произведений западноевропейской социалистической литературы начала нынешнего века. Книга эта, вышедшая из печати в 1910 г. в Вене, была вскоре переведена на ряд языков. Идеи, подытоженные в этой работе, излагались во множестве статей в периодической печати, повторялись в решениях национальных съездов социалистических партий и их международных конгрессов.

Чтобы понять причины такого успеха «Финансового капитала», надо вспомнить историческую обстановку, в которой он появился. Это был период II Интернационала, точнее, последний отрезок этого периода, непосредственно предшествовавший первой мировой войне. В жизни капиталистических стран произошли глубокие изменения. Совершился переход от старого капитализма эпохи господства свободной конкуренции к новой стадии в развитии буржуазного общества, к империализму, основной отличительной чертой которого является господство монополий. Переход к империализму существенно изменил условия борьбы рабочего класса и выдвинул перед ним ряд новых задач. И прежде всего возникла настоятельная потребность осмыслить происшедшие изменения, выяснить их значение для социалистического движения.

После франко-прусской войны и Парижской коммуны Западная Европа на некоторое время вступила в относительно мирный период развития. Повсюду сложились и стали быстро расти социалистические партии, пролетарские по своей основе, профессиональные союзы, культурные организации и кооперативы рабочего класса. Учение Маркса одержало полную победу над всеми течениями домарксовского социализма и быстро распространилось вширь. Однако по мере перехода к империализму рабочее движение оказалось перед лицом новых опасностей.

Поток гигантских сверхприбылей, загребаемых монополиями развитых капиталистических стран за счет финансовой эксплуатации остального мира, дал возможность буржуазии этих стран систематически подкупать верхушку рабочего класса. Явление, которое еще в середине XIX в. было характерным лишь для Англии, пользовавшейся тогда монополией на мировом рынке, стало общей чертой для всех промышленно развитых стран. Так возникла социальная база для развития оппортунизма и реформизма в рабочем движении Западной Европы.

В то же время с огромным ростом рабочего движения в ряды организованного пролетариата вовлекались миллионные массы, значительная часть которых приходила с неизжитыми мелкобуржуазными предрассудками. В течение 44 лет — от франко-прусской войны 1870—1871 гг. до начала мировой войны 1914 г. — в Западной Европе царил мир. Такие войны, как американо-испанская, англо-бурская, русско-японская и даже балканские, явившиеся непосредственным предвестником мировой войны, воспринимались в Западной Европе как периферийные столкновения. Все это способствовало распространению реформистских иллюзий.

В период II Интернационала, особенно после смерти Энгельса, западноевропейские социалистические партии вступили на путь постепенного перерождения. Из партий социальной революции они все более превращались в партии социальных реформ. Процесс этот протекал в формах, порою незаметных или малозаметных, и лишь крах II Интернационала при первых пушечных залпах мировой войны сделал явным то, что прежде оставалось скрытым.

Реформистское перерождение официальных социалистических партий Западной Европы проявлялось прежде всего в расхождении между словами и делами. На словах еще признавалась революционная марксистская теория, а на деле проводилась оппортунистическая политика, в корне чуждая и враждебная марксизму. Такое положение неизбежно порождало отрыв теории от практики. В области теории многие деятели социалистических партий выступали против ревизии марксизма, именуя себя приверженцами ортодоксального марксизма; они подвергали ревизионизм критике, хотя и не последовательно, не до конца. В области же практики ревизионисты получили самый широкий простор для своей деятельности, и оппортунизм распускался все более пышным цветом. А с первых же дней мировой войны обнаружилось полное единение ортодоксов типа Каутского с ревизионистами типа Бернштейна и все прежние споры были окончательно забыты. Наконец, реформистское перерождение партий II Интернационала проявлялось в неспособности их лидеров и теоретиков к творческому применению и развитию марксизма в условиях изменившейся исторической обстановки.

Из числа рабочих партий крупных государств только созданная Лениным в России партия большевиков высоко подняла знамя творческого марксизма, способного к развитию и действительно развивающегося с изменением исторических условий борьбы рабочего класса за социализм. Партия большевиков еще в преддверии первой русской революции вела беспощадную борьбу против ревизионизма и оппортунизма всех видов. Партия большевиков во главе с Лениным показала пример применения марксистской теории как руководства к действию на всех этапах этой революции — первой великой народной революции периода империализма, имевшей громадное международное значение.

Неспособность официальных теоретиков западноевропейских партий II Интернационала к творческому развитию марксизма, их идейное банкротство перед лицом новых задач особенно ярко сказались в том, что они даже не поставили сколько-нибудь серьезно задачу осмысливания новой фазы в развитии капитализма. Между тем в конце прошлого и начале нынешнего века ряд новых явлений выдвинулся на первый план в экономической жизни промышленных стран. Подготовленные всем предыдущим ходом развития, явления эти вместе с тем свидетельствовали о важных изменениях в экономической структуре буржуазного общества.

В громадной степени выросла концентрация производства и капитала. Быстро распространились монополистические союзы в промышленности и банковом деле. Появилась могущественная финансовая аристократия, которая стала вершить все государственные дела. Вывоз капитала послужил основой для создания хитроумной системы финансовой эксплуатации горсткой богатых капиталистических стран всего остального мира. В погоне за источниками сырья, рынками сбыта, сферами наиболее выгодного приложения капитала великие державы в короткое время расхватили на части весь мир, связав слаборазвитые страны путями колониальной и полуколониальной зависимости.

Сдвиги в экономике находили отражение в политической жизни буржуазного общества. В капиталистических странах независимо от различий в государственном устройстве усилилась тенденция к реакции. Повсюду вырос милитаризм, быстро обострялись противоречия между великими державами и их военными союзами.

Все эти процессы и многие сопутствовавшие им явления оживленно обсуждались в повседневной печати, в политической и экономической литературе. Появилось множество произведений — от злободневных памфлетов до обстоятельных исследований, посвященных описанию и оценке происшедших изменений, попыткам их систематизации и объяснения. Буржуазная апологетика империализма бесстыдно приукрашивала

неприглядные дела магнатов капитала. Мелкобуржуазная критика империализма наивно сетовала на падение нравов. И та и другая были как небо от земли далеки от научного анализа происходящих процессов.

Такой анализ могла дать только марксистская мысль. Однако теоретики западноевропейских партий II Интернационала не только не ставили перед собой задачи исследования новой фазы капитализма, они не видели самой проблемы.

Лидеры ревизионистского толка систематически разоряли рабочий класс, упорно отрицая всем очевидные факты, признаваемые даже многими буржуазными политиками и экономистами. Вторя наиболее беззастенчивым прислужникам господствующего класса, ревизионисты продолжали «опровергать» раскрытые Марксом законы концентрации капитала в обстановке, когда разительные последствия этой концентрации бросались в глаза на каждом шагу. Они пророчили длительный мир и усыпляли пролетариат уверениями о невозможности войны в то самое время, когда капиталистический мир на всех парах мчался к военной катастрофе.

Но и так называемые ортодоксы II Интернационала обнаружили полную неспособность разрешить проблемы новой, монополистической стадии в развитии капитализма. Так, Каутский отрицал самый факт наступления этой новой стадии. Прибегая ко всяким софизмам, он доказывал, будто бы империализм представляет собой лишь определенный вид политики тех или иных держав. Это утверждение явилось для Каутского своего рода теоретическим обоснованием его предательской позиции во время первой мировой войны.

В лучшем случае теоретики II Интернационала пытались разобраться в некоторых побочных, хотя и существенных для рабочего класса, явлениях новой эпохи, как например растущая дороговизна жизни. Но они при этом упорно закрывали глаза на глубокие корни подобных явлений, представлявших собой лишь порождения новой стадии капитализма.

Марксистский анализ империализма как высшей и последней стадии капитализма был дан только Лениным. В годы первой мировой войны, означавшей острейший социальный кризис, Ленин подверг всестороннему исследованию монополистическую стадию капитализма. Он выяснил основные экономические признаки империализма, определил его историческое место по отношению к капитализму вообще, глубоко вскрыл существенные изменения в условиях борьбы рабочего класса за социализм в новую историческую эпоху. Ленинская теория империализма была выкована в непримиримой борьбе с социал-демократическим оппортунизмом и прежде всего с его каутскианской разновидностью.

Работы Ленина об империализме явились прямым продолжением трудов Маркса, посвященных научному исследованию

капитализма вообще. Подобно тому как Маркс с огромным вниманием отмечал все крупницы положительного знания в работах предшествующих экономистов, Ленин высоко ценил даже то немногое, что было сделано до него в области исследования империализма. Вместе с тем Ленин, как и Маркс, решительно критиковал ошибки предшествующих исследователей.

В частности, Ленин дал в общем положительную характеристику «Финансового капитала» Гильфердинга, отмечая в этой работе дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни, называя ее в высшей степени ценным теоретическим анализом новейшей фазы в развитии капитализма. В то же время Ленин раскрыл существенные отрицательные стороны работы Гильфердинга, прежде всего известную склонность автора к примирению марксизма с оппортунизмом, а также ряд конкретных теоретических ошибок. Наиболее важными из этих ошибок Ленин считал: 1) отступление от марксизма в теории стоимости и денег; 2) почти полное игнорирование раздела мира; 3) игнорирование связи финансового капитала с паразитизмом и 4) игнорирование соотношения империализма с оппортунизмом¹.

Склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, равно как и ряд других существенных отступлений от марксизма, не были случайностью для автора «Финансового капитала». Об этом свидетельствует весь пройденный им сложный и извилистый жизненный путь.

Рудольф Гильфердинг (1877—1941 гг.) принадлежал к руководящей верхушке германской социал-демократии в первые десятилетия нынешнего века. Этот бурный период охватывает канун первой мировой войны, время войны, ноябрьскую революцию 1918 г., Веймарскую республику и установление гитлеровского режима в Германии. На протяжении этого периода взгляды Гильфердинга, как и многих других социал-демократических деятелей, проделали весьма существенную эволюцию — от марксизма, хотя и непоследовательного, к антимарксизму, к полному переходу на идейные и политические позиции буржуазии.

Гильфердинг родился в Вене. Еще будучи студентом, он примкнул к австрийской социал-демократии. Оппортунистическое перерождение, охватившее большинство партий II Интернационала, проходило в Австрии в своеобразной форме распространения так называемого австромарксизма. Он представлял собой прежде всего плод особых условий, в которых развивалось рабочее движение в габсбургской монархии.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 71; т. 22, стр. 183; Тетради по империализму, М. 1939, стр. 162.

В Австрии экономическая отсталость, засилье полуфеодалных пережитков, нещадная эксплуатация трудящихся масс и национальный гнет сочетались с раздробленностью сил пролетариата из-за разжигаемой господствующими классами национальной розни.

Отражая резкое недовольство рабочих масс, лидеры австрийской социал-демократии признавали многие важные положения революционного марксизма и подчас даже выступали в защиту этих положений от нападок ревизионистов. Но вместе с тем они были заражены глубоким неверием в силы пролетариата. Это неверие порождало неспособность к революционному действию и стремление мирно ужиться с оппортунистами и реформистами. Так называемый австромарксизм отличался особым пристрастием к прикрыванию капитулянтской по существу политики марксистскими фразами и весьма революционно звучащими словами. В этой обстановке складывались теоретические взгляды и политическое кредо молодого Гильфердинга.

По окончании университета Гильфердинг переехал в Германию, где стал активно участвовать в пропагандистской и теоретической работе германской социал-демократии. Он сотрудничал в центральном органе этой партии газете «Форвертс» и в журнале «Нейе цейт», издававшемся Карлом Каутским. Выход «Финансового капитала» принес Гильфердингу широкую известность, но на политической арене он стал выступать активно главным образом в годы первой мировой войны и после окончания ее.

Вместе с Каутским Гильфердинг явился одним из главных глашатаев буржуазной, реформистской политики в так называемой независимой социал-демократической партии Германии, в которую вошли широкие массы рабочих, отвернувшиеся от предательской политики официальной социал-демократии. После свержения кайзеровской монархии в 1918 г. Гильфердинг вместе с Каутским, учитывая рост революционных настроений широких масс рабочих, выдвинули предложение сочетать созданные германским пролетариатом Советы с буржуазной Учредилкой, т. е. примирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата. Разоблачая эту «гениально-филистерскую идею», Ленин писал, что ни в чем крах таких идейных вождей II Интернационала, как Каутский и Гильфердинг, не выразился так ярко, как в их полной неспособности понять значение советской, или пролетарской, демократии, ее исторического места, ее исторической необходимости как формы диктатуры пролетариата¹.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 286.

На съезде в Галле в ноябре 1920 г., когда большинство независимцев решило объединиться с коммунистами в единую Коммунистическую партию Германии, Гильфердинг в качестве одного из главарей правого крыла боролся против этого решения. Вскоре правое охвостье независимцев вернулось в лоно старой социал-демократии — партии Шейдемана и Носке.

С тех пор вся деятельность Гильфердинга проходила под знаком той политики «спасения» капитализма, а затем его «лечения», которую проводила германская социал-демократия в период после первой мировой войны. По злой иронии судьбы автор «Финансового капитала», столь красочно разоблачавший реакционный, антинародный характер монополистического капитала, приложил недюжинные усилия к укреплению пошатнувшегося господства крупнейших банков и трестов Германии. Гильфердинг несколько раз занимал пост министра финансов в коалиционных буржуазно-социал-демократических правительствах. На этом посту он всемерно содействовал восстановлению внутренних и внешних позиций монополистического капитала.

Ослепленный ненавистью к коммунизму, Гильфердинг упорно сопротивлялся установлению единства действий в рабочем движении Германии и немало сделал для углубления раскола рабочего класса, чем был так сильно облегчен приход к власти Гитлера. После установления фашистского режима в Германии Гильфердинг эмигрировал во Францию. Он умер в Париже в 1941 г., вскоре после оккупации Франции гитлеровцами. В незаконченной статье, опубликованной его единомышленниками в декабре 1954 г., Гильфердинг полностью и открыто отрекся от марксизма. Статья эта представляет собой повторение трафаретных антимарксистских измышлений, направленных против материалистического понимания истории, марксистской теории классовой борьбы, марксистского понимания классовой природы буржуазного государства. Так человек, начавший свою деятельность способным, многообещающим марксистским исследователем, закончил ее в лоне самого пошлого антимарксизма.

«Финансовый капитал», по свидетельству Гильфердинга, был в основных чертах закончен уже к концу 1905 г., когда его автору не было и 30 лет. В те годы, под непосредственным влиянием первой русской революции с ее грандиозным размахом борьбы народных масс, теоретики западноевропейской социал-демократии подчас в наибольшей для них степени приближались к марксизму. Примером может служить изданная в 1909 г. работа Каутского «Путь к власти», которую Ленин уже в годы войны, после измены Каутского делу социализма, характеризовал как «самое цельное, самое благоприятное для немецких социал-демократов (в смысле пода-

ваемых ими надежд) изложение взглядов на задачи нашей эпохи»¹.

«Финансовый капитал» был для Гильфердинга вершиной теоретической мысли, несмотря на непоследовательность его марксистских взглядов, обусловившую ряд существеннейших изъянов, ошибок и недостатков этой работы. Но сила марксистской теории как единственно научного инструмента познания процессов общественного развития столь велика, что даже непоследовательное применение ее к исследованию монополистического капитализма позволило Гильфердингу создать работу, стоящую неизмеримо выше исследований буржуазных авторов.

Изучив обширную литературу, посвященную описанию капиталистического хозяйства конца прошлого и начала нынешнего веков, Гильфердинг в «Финансовом капитале» дал серьезный и обстоятельный анализ ряда важных сторон новейшей фазы в развитии капитализма. Выход этой работы явился определенным вкладом в марксистское понимание империализма.

На основе богатого фактического материала Гильфердинг рассматривает процессы, происходившие в капиталистической экономике начала XX в. Многие из этих процессов имеют место и в современном капитализме. В «Финансовом капитале» читатель находит научно обоснованные и убедительно изложенные выводы, которые бьют по оппортунистическим взглядам на сущность империализма, в частности по каутскианству, к которому затем полностью перешел и сам Гильфердинг. Эти положения могут быть использованы и в борьбе против нынешнего ревизионизма, который зачастую представляет собой лишь воспроизведение и повторение старых пошлостей каутскианства. Отсюда ясно, что работа Гильфердинга имеет не только исторический интерес.

II

В «Финансовом капитале» рассматривается обширный круг проблем.

Несомненную познавательную ценность представляет собой уже анализ процесса мобилизации капитала, принявшего огромный размах с развитием кредита и в особенности с распространением акционерных обществ. Сущность акционерной формы предприятий и ее роль в развитии капиталистического способа производства были раскрыты еще Марксом и Энгельсом. Обобщая опыт деятельности акционерных обществ в то время, когда они были еще немногочисленны, основоположники марксизма с огромной прозорливостью обрисовали за-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 77.

ключающиеся в этой форме противоречия, свидетельствующие о ненужности капиталистической частной собственности, о необходимости обобществления средств производства.

Однако акционерные общества получили широкое распространение и стали преобладающей формой капиталистических предприятий уже после смерти Маркса. В «Финансовом капитале» рассматриваются проблемы, порожденные всеобщим распространением акционерных обществ.

Переход к акционерной форме предприятий в промышленности знаменует прежде всего изменение функции промышленного капиталиста, поскольку он освобождается от функции промышленного предпринимателя и вложенный им в акционерное общество капитал приобретает для него характер чисто денежного капитала. Наличие особого рынка — фондовой биржи — создает возможность реализации акций в любое время. В «Финансовом капитале» рассматривается экономическое содержание таких категорий, как дивиденд и цена акций. Гильфердингу принадлежит анализ такой новой категории, введенной им в обиход марксистской экономической науки, как учредительная прибыль. Он подробно разбирает процесс образования фиктивного капитала.

Пока акционерное общество еще не стало господствующей формой и торговля акциями не развита, в дивиденде заключается не только процент, но и предпринимательская прибыль. Со всеобщим распространением акционерных обществ доходность акции, т. е. дивиденд, сводится к уровню процента. Обособление движения фиктивного капитала от движения действительного капитала открывает возможность получения учредительской прибыли как при создании новых акционерных предприятий, так и при преобразовании индивидуальных предприятий в акционерные общества.

Учредительство является прежде всего делом банков, и притом преимущественно крупных банков или же банковых консорциумов. Разбирая роль банков в создании и функционировании акционерных обществ, Гильфердинг характеризует не только процесс обогащения крупного капитала за счет учредительской прибыли, но и механику установления господства финансовой аристократии над чужим капиталом. Он отмечает, что власть распоряжаться чужим капиталом имеет величайшую важность, и господство над предприятием приобретает огромное значение, в частности для того, чтобы влиять на курсы акций и других ценных бумаг.

Исходя из того, что для полного хозяйничания в акционерном обществе требуется иметь половину капитала, Гильфердинг делает вывод, что это удваивает власть крупных капиталистов. Далее он замечает, что на практике для господства в акционерном обществе достаточно от одной трети до одной четверти капитала и даже меньше. С тех пор эволюция ак-

ционерной формы привела к тому, что для фактического распоряжения акционерным обществом достаточно обладать (в США, например) 10—15% всех его акций.

В «Финансовом капитале» показано, как с развитием акционерного дела распространяется и совершенствуется особая финансовая техника, имеющая целью обеспечить финансовым магнатам господство над возможно большим чужим капиталом. Наряду с такими операциями, как разжижение (разводнение) капитала, деление акций на привилегированные и обыкновенные, всевозможные формы «оздоровлений», особое значение имеет так называемая система участия. При помощи этой системы создается целая цепь зависящих друг от друга обществ: основное общество, затем дочерние, внучатые и т. п.

В гипотетическом примере у Гильфердинга капитал в 5 млн. господствует таким способом над 39 млн. Современная практика оставила подобные масштабы далеко позади. Так, по данным, приводимым американским экономистом Виктором Перло, личное состояние семейства Рокфеллеров оценивалось на апрель 1956 г. в 3,5 млрд. долл., а активы корпораций, контролируемых группой Рокфеллера, превышали эту сумму в 17 раз, составляя 60 млрд. долл.¹

К числу наиболее прибыльных для крупного капитала операций относятся всякого рода «оздоровления» и «реорганизации» акционерных обществ, ставших убыточными по тем или иным причинам, например во время кризиса. В таких случаях, указывает Гильфердинг, акционерам приходится согласиться на то, чтобы фактический убыток нашел себе и номинальное выражение. Это осуществляется путем понижения акционерного капитала, в результате чего доход распределяется на меньший капитал и исчисляется уже на него. Если же доходность снизилась до нуля, привлекается новый капитал. Все подобные мероприятия имеют для банков двоякое значение: во-первых, как прибыльная операция и, во-вторых, как способ поставить такие нуждающиеся акционерные предприятия в зависимость от себя.

Гильфердинг рассматривает развитие акционерного дела как мощный рычаг концентрации собственности в руках немногих крупных капиталистов. На этой почве возникает круг лиц, которые захватывают места в руководящих органах множества акционерных обществ, опираясь не только на силу собственного капитала, но и на концентрированную мощь чужого капитала. В результате складывается личная уния: одни и те же магнаты капитала хозяйничают в банках, промышленных и других предприятиях.

¹ В. Перло, Империя финансовых магнатов, М. 1958, стр. 61, 62.

Для понимания причин быстрого распространения акционерной формы предприятий весьма важное значение имеет данная в «Финансовом капитале» сводка преимуществ акционерного общества перед индивидуальным предприятием: в деле привлечения дополнительных капиталов, в политике цен, в смысле устойчивости при смене конъюнктуры, в отношении накопления прибылей и т. д. Резюмируя эти преимущества, Гильфердинг приходит к выводу, что с распространением акционерных обществ экономическое развитие освобождается от индивидуальных случайностей в движении собственности и концентрация предприятий может идти быстрее, чем централизация собственности.

В обоих этих движениях, развивающихся по своим особым законам, действует одна и та же тенденция к концентрации. Но в движении собственности эта тенденция представляется более случайной, менее закономерной, и эта внешняя видимость дает иногда повод к распространению иллюзий относительно демократизации капитала посредством акций.

Как известно, иллюзии такого рода оказались весьма живучими. Секрет этой живучести очень прост: теория демократизации капитала путем распространения акций, в особенности мелких акций, усиленно популяризируется защитниками монополистического капитализма и его бесхребетными мелкобуржуазными критиками.

В наше время теория эта служит одним из краеугольных камней апологетических измышлений насчет так называемого «народного капитализма». Эти измышления поддерживаются широким фронтом врагов марксизма от фашиствующих элементов до правых социалистов и ревизионистов — наследников Гильфердинга периода его ренегатства. Тем более актуально звучит разоблачение теории демократизации капитала на страницах «Финансового капитала».

В своей работе Гильфердинг делает следующее саркастическое замечание. В то время как для мелкобуржуазной теории акции знаменуют «демократизацию капитала», мелкобуржуазная практика — и это все же разумнее — старается предоставить владение акциями исключительно капиталистам, а представители крупного капитала любезно присоединяются к мелкобуржуазным предостережениям. В этой связи Гильфердинг приводит высказывания одного из экспертов, который в германской биржевой анкете 1903 г. заявил:

«Кому нужен постоянный процент для существования, тот не должен покупать акции». Ибо колебания курса акций, по компетентному мнению этого биржевика, являются для мелкого владельца лишь источником потерь: он бывает вынужден продавать акции по низкому курсу.

Весьма любопытно, что спустя более полувека подобные же опасения были высказаны в Англии праволейбористским

руководством. В выпущенной им в 1957 г. брошюре «Промышленность и общество», призванной обосновать отказ правых лейбористов от программного требования национализации промышленности, содержалось любопытное признание «недостатков», которые акции имеют для мелкого держателя:

«Курс акций любой фирмы может колебаться. Для богатого человека, который имеет возможность вложить свои капиталы в ряд различных фирм и который, кроме того, имеет и другие активы, такой риск не будет представлять большого значения. Но для рабочего, у которого мало других ресурсов и которому может понадобиться в любой момент продать свои акции, колебание курса и возможность потери капитала имеют решающее значение. К тому же для рабочего и служащего — акционера существует определенная опасность, состоящая в том, что уменьшение стоимости его капитала может совпасть с уменьшением его заработков или даже потерей работы. Никто не может считать идеальными такие сбережения, которые могут стоить меньше как раз в тот момент, когда в них будет наибольшая необходимость».

Как видно, за полвека положение дела с «демократизацией капитала» путем акций осталось без изменений.

Несомненный интерес для понимания процессов развития капитализма представляет данное в «Финансовом капитале» описание биржи как рынка фиктивного капитала и специфической ее функции — спекуляции. В ссудном капитале, как показал Маркс, фетишизм, свойственный капиталу вообще, достигает своего высшего развития. Процесс возрастания стоимости капитала оказывается совершенно оторванным от процесса производства, и способность капитала приносить прибавочную стоимость представляется таким же естественным его свойством, как способность грушевого дерева приносить груши.

Гильфердинг показывает эту высшую ступень фетишизации капитала в конкретном виде. В результате отделения капитала-собственности от капитала-функции капиталистическая собственность в возрастающей степени превращается в свидетельство на доход и процесс производства становится все более независимым от движения собственности. Биржа является рынком обращения собственности, взятой сама по себе, на котором происходит торговля процентными титулами.

На бирже капиталистическая собственность выступает в своей чистой форме как титул доходности, в который превратилось отношение эксплуатации, присвоение прибавочной стоимости. Связь между тем и другим теперь можно установить только теоретическим анализом. Действительное образование стоимости оказывается процессом, который остается

совершенно отрешенным от смены собственников и совершенно загадочным образом определяет их собственность.

Вслед за многими другими авторами, писавшими о бирже, Гильфердинг показывает, как с развитием банков изменяется структура торговли ценными бумагами. Сначала банк выступает в качестве простого комиссионера, выполняющего операции с ценными бумагами по поручению своих клиентов. Но с возрастанием финансовой мощи банков они переходят к совершению сделок за свой собственный счет. Постепенно крупные банки сами становятся рынком для ценных бумаг. Все это неизбежно приводит к упадку значения биржи.

В «Финансовом капитале» значительное место занимает обширный круг вопросов, относящихся к взаимоотношениям банков с промышленностью. Эта сфера, несомненно имеющая важное значение для характеристики монополистического капитализма, рассматривается с различных сторон. Так или иначе она затрагивается во всех разделах книги. Здесь особенно наглядно сказываются как сильные стороны исследования Гильфердинга, вытекающие из его попытки подойти к делу с позиций экономической теории марксизма, так и слабые стороны его работы, вызванные непоследовательным, во многом недостаточным проведением марксистской точки зрения.

В первом же разделе, рассматривая вопрос о банках и промышленном кредите, Гильфердинг описывает три функции банков: во-первых, посредничество в платежах, во-вторых, превращение бездеятельного капитала в деятельный и, в-третьих, сбор дохода всех других классов в денежной форме и предоставление его в качестве денежного капитала в распоряжение класса капиталистов.

Банки привлекают, концентрируют и потом ссужают производительным капиталистам по возможности все деньги, которые праздно лежат в руках владельцев. Денежный капитал, предоставляемый банком в распоряжение промышленного капиталиста, тот превращает либо в оборотный, либо в основной капитал. С течением времени все большее значение приобретают ссуды, превращаемые в основной капитал.

В связи со всем этим изменяются позиции банков по отношению к промышленности. Пока банки остаются посредниками в платежах, их интересует только положение предприятия, его платежеспособность в данный момент. Когда же банк переходит к снабжению промышленника производственным капиталом, рамки его заинтересованности значительно расширяются: теперь ему далеко не безразлична дальнейшая судьба предприятия. Вместе с тем увеличивается и влияние банка на предприятие.

Развитие капитализма, как показывает Гильфердинг, приводит к тому, что все возрастающая часть промышленного

руководством. В выпущенной им в 1957 г. брошюре «Промышленность и общество», призванной обосновать отказ правых лейбористов от программного требования национализации промышленности, содержалось любопытное признание «недостатков», которые акции имеют для мелкого держателя:

«Курс акций любой фирмы может колебаться. Для богатого человека, который имеет возможность вложить свои капиталы в ряд различных фирм и который, кроме того, имеет и другие активы, такой риск не будет представлять большого значения. Но для рабочего, у которого мало других ресурсов и которому может понадобиться в любой момент продать свои акции, колебание курса и возможность потери капитала имеют решающее значение. К тому же для рабочего и служащего — акционера существует определенная опасность, состоящая в том, что уменьшение стоимости его капитала может совпасть с уменьшением его заработков или даже потерей работы. Никто не может считать идеальными такие сбережения, которые могут стоить меньше как раз в тот момент, когда в них будет наибольшая необходимость».

Как видно, за полвека положение дела с «демократизацией капитала» путем акций осталось без изменений.

Несомненный интерес для понимания процессов развития капитализма представляет данное в «Финансовом капитале» описание биржи как рынка фиктивного капитала и специфической ее функции — спекуляции. В ссудном капитале, как показал Маркс, фетишизм, свойственный капиталу вообще, достигает своего высшего развития. Процесс возрастания стоимости капитала оказывается совершенно оторванным от процесса производства, и способность капитала приносить прибавочную стоимость представляется таким же естественным его свойством, как способность грушевого дерева приносить груши.

Гильфердинг показывает эту высшую ступень фетишизации капитала в конкретном виде. В результате отделения капитала-собственности от капитала-функции капиталистическая собственность в возрастающей степени превращается в свидетельство на доход и процесс производства становится все более независимым от движения собственности. Биржа является рынком обращения собственности, взятой сама по себе, на котором происходит торговля процентными титулами.

На бирже капиталистическая собственность выступает в своей чистой форме как титул доходности, в который превратилось отношение эксплуатации, присвоение прибавочной стоимости. Связь между тем и другим теперь можно установить только теоретическим анализом. Действительное образование стоимости оказывается процессом, который остается

совершенно отрешенным от смены собственников и совершенно загадочным образом определяет их собственность.

Вслед за многими другими авторами, писавшими о бирже, Гильфердинг показывает, как с развитием банков изменяется структура торговли ценными бумагами. Сначала банк выступает в качестве простого комиссионера, выполняющего операции с ценными бумагами по поручению своих клиентов. Но с возрастанием финансовой мощи банков они переходят к совершению сделок за свой собственный счет. Постепенно крупные банки сами становятся рынком для ценных бумаг. Все это неизбежно приводит к упадку значения биржи.

В «Финансовом капитале» значительное место занимает обширный круг вопросов, относящихся к взаимоотношениям банков с промышленностью. Эта сфера, несомненно имеющая важное значение для характеристики монополистического капитализма, рассматривается с различных сторон. Так или иначе она затрагивается во всех разделах книги. Здесь особенно наглядно сказываются как сильные стороны исследования Гильфердинга, вытекающие из его попытки подойти к делу с позиций экономической теории марксизма, так и слабые стороны его работы, вызванные непоследовательным, во многом недостаточным проведением марксистской точки зрения.

В первом же разделе, рассматривая вопрос о банках и промышленном кредите, Гильфердинг описывает три функции банков: во-первых, посредничество в платежах, во-вторых, превращение бездеятельного капитала в деятельный и, в-третьих, сбор дохода всех других классов в денежной форме и предоставление его в качестве денежного капитала в распоряжение класса капиталистов.

Банки привлекают, концентрируют и потом ссужают производительным капиталистам по возможности все деньги, которые праздно лежат в руках владельцев. Денежный капитал, предоставляемый банком в распоряжение промышленного капиталиста, тот превращает либо в оборотный, либо в основной капитал. С течением времени все большее значение приобретают ссуды, превращаемые в основной капитал.

В связи со всем этим изменяются позиции банков по отношению к промышленности. Пока банки остаются посредниками в платежах, их интересует только положение предприятия, его платежеспособность в данный момент. Когда же банк переходит к снабжению промышленника производственным капиталом, рамки его заинтересованности значительно расширяются: теперь ему далеко не безразлична дальнейшая судьба предприятия. Вместе с тем увеличивается и влияние банка на предприятие.

Развитие капитализма, как показывает Гильфердинг, приводит к тому, что все возрастающая часть промышленного

капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в возрастающей степени становится промышленным капиталистом.

Обобщая эмпирический материал, относящийся главным образом к Германии начала XX в., Гильфердинг сделал вывод о том, что с развитием капитализма банки приобретают господство над промышленностью. Более того, это свое утверждение он даже приписывает Марксу. Приведя слова Маркса о том, что с течением времени функция промышленного капитала становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных, Гильфердинг замечает, что здесь Маркс предсказал такое важнейшее явление нового времени, как господство банков над промышленностью, еще в ту эпоху, когда едва лишь намечались зародыши этого процесса.

Такое толкование характера взаимоотношений между банками и промышленностью является по меньшей мере односторонним, а потому неправильным. Нечего и говорить, что высказывание Маркса отнюдь не дает оснований приписывать ему подобное утверждение. Показательно, что и сам Гильфердинг допускает в этом вопросе явные противоречия. В некоторых местах он отмечает, что во взаимоотношениях между банками и промышленностью в каждом отдельном случае конкретные условия определяют, какая сторона окажется сильной и какая — слабой. Но это не мешает ему вновь и вновь возвращаться к своему тезису о господстве банков над промышленностью.

Дальше мы увидим, что такое однобокое представление связано у автора «Финансового капитала» с его неверными исходными методологическими позициями, обусловившими ряд крупнейших недостатков его работы. Здесь же отметим лишь, что утверждение Гильфердинга о господстве банков над промышленностью не нашло подтверждения в ходе развития капитализма за полвека, прошедшие со времени появления «Финансового капитала». Наоборот, с дальнейшим ходом концентрации как промышленности, так и банков, возникают и вырастают современные мощные концерны, представляющие особенно наглядную картину сращивания промышленного капитала с банковым.

Подытоживая изменившиеся взаимоотношения между банками и промышленностью, Гильфердинг пришел к важному выводу о том, что новейшая фаза в развитии капитализма представляет собой эпоху финансового капитала. Односторон-

ность его оценки отношений между банками и промышленностью отразилась и на данном им определении финансового капитала как капитала, находящегося в распоряжении банков и применяемого промышленниками.

Приведя это определение Гильфердинга, Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» указывал, что оно неполно постольку, поскольку в нем отсутствует один из самых важных моментов, а именно рост концентрации производства и капитала, приведший к монополии, хотя роль капиталистических монополий подчеркивается во всем изложении Гильфердинга вообще. Устраняя существенные недостатки определения финансового капитала, данного Гильфердингом, Ленин писал:

«Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»¹.

Легко заметить, что определение Ленина несравненно глубже, богаче, всестороннее и точнее, чем определение Гильфердинга. Оно включает прежде всего концентрацию производства и вырастающее из нее господство монополий. Это и есть основа возникновения финансового капитала как новой экономической категории, присущей монополистической стадии капитализма. Затем Ленин говорит о слиянии, или сращивании, банков с промышленностью, а не об установлении господства банков над промышленностью. В другом месте Ленин определяет финансовый капитал как «банковский капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников»².

Финансовый капитал, как показал Ленин, облагает общество все возрастающей данью монополистам. В этой связи Ленин ссылается на приводимый Гильфердингом один из бесчисленных примеров хозяйничанья американских трестов.

Это история сахарного треста, созданного в 1887 г. путем слияния ряда компаний с общим капиталом в 6,5 млн. долл. Капитал же треста был, по американскому выражению, «разведен водой» и определен в 50 млн. долл. Сахарный трест сразу же повысил цены и стал получать такие доходы, что мог выплачивать 10% дивиденда на весь капитал, «разведенный водой», т. е. почти 70% на капитал, действительно внесенный при организации треста. Кроме того, он мог еще при случае выплачивать дополнительные дивиденды и отчислять огромные суммы в запасной капитал. В 1909 г. акцио-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 214.

² Там же, стр. 253.

нерный капитал треста составлял уже 90 млн. долл.— рост за 22 года более чем в 10 раз.

Ленин отмечал, что во всем изложении Гильфердинга вообще показана роль капиталистических монополий. Уже в предисловии к «Финансовому капиталу» Гильфердинг писал, что отношения между банковым и промышленным капиталом по мере роста промышленной концентрации все больше переплетаются. В другом месте он указывает, что промышленная концентрация остается первичной причиной банковской концентрации.

Процессы концентрации производства и перехода от господства свободной конкуренции к господству монополий затрагиваются в «Финансовом капитале» неоднократно. Однако нигде не дано сводного освещения этой коренной особенности империализма на основе анализа фактических и прежде всего статистических данных. Вместе с тем в той или иной связи Гильфердинг освещает некоторые важные стороны процесса образования и распространения монополий.

Напомнив основные положения теории Маркса об образовании общей нормы прибыли, Гильфердинг разбирает противоречивое влияние мобилизации капитала на процесс уравнивания нормы прибыли. Необходимым условием установления равной нормы прибыли является свобода передвижения капитала. Мобилизация капитала устраняет всякие границы передвижения для индивидуального капитала: отдельный капиталист может легко продать акцию и купить другую. Но одновременно мобилизация капитала оставляет неприкосновенными те преграды, которые стоят на пути уравнивания нормы прибыли. Более того, эти преграды возрастают с развитием капитализма, которое ведет к расширению производства, к росту масштабов предприятий.

Преграды к уравниванию нормы прибыли действуют с различной силой в различных отраслях в зависимости от органического строения капитала и в особенности от удельного веса основного капитала. Особенно большую роль играет основной капитал в тяжелой индустрии, и отлив капитала здесь наиболее затруднен. Далее, в этих отраслях резко преобладает крупное производство, и здесь легче всего могут возникнуть нормы прибыли ниже средней.

Таковы причины того, что монополии возникают и находят широкое распространение раньше всего в тяжелой индустрии. В том же направлении действуют интересы банков, которые особенно тесно связаны с тяжелой индустрией. Тенденции банковского капитала к устранению конкуренции совпадают с такими же тенденциями промышленного капитала.

Несомненный интерес представляет данное в «Финансовом капитале» освещение процесса комбинирования производства. Тяжелая индустрия особенно чувствительна к колебаниям

конъюнктуры. С одной стороны, неблагоприятный поворот конъюнктуры сильнее ограничивает спрос и соответственно сбыт продукции добывающей промышленности, чем обрабатывающей. С другой стороны, отлив капитала и ограничение производства в добывающей промышленности более затруднительны и сопряжены с большими потерями, чем в сфере производства готовых изделий. Отсюда стремление к соединению добывающей промышленности и обрабатывающей посредством комбинирования.

По способу возникновения Гильфердинг различает комбинацию восходящую (прокатный завод, присоединяющий к себе доменные печи и угольные шахты), нисходящую (угольная шахта покупает доменное и прокатное производство) и смешанную (металлургическое предприятие покупает, с одной стороны, угольную шахту, с другой — прокатный завод). Комбинация, порожденная экономическими побуждениями, открывает возможность введения технических усовершенствований. Это в свою очередь дает новый импульс к комбинированию там, где одни экономические мотивы были бы недостаточно сильны.

Подытоживая выгоды комбинирования, Гильфердинг приходит к следующим выводам. Комбинация, во-первых, уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает большее постоянство нормы прибыли. Во-вторых, комбинация приводит к устранению торговли. В-третьих, она делает возможным технические усовершенствования, а следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с чистыми предприятиями. В-четвертых, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с чистым, усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии, когда понижение цен сырья отстает от понижения цены фабрикатов. Эти выводы Гильфердинга приводятся Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».

В своем конспекте «Финансового капитала» (опубликованном в «Тетрадах по империализму») Ленин обратил внимание и на замечание Гильфердинга о том, что с ростом комбинации растет производство для собственных нужд: товар здесь не предназначается на продажу, а применяется тем же предприятием как элемент постоянного капитала. Но это производство в корне отлично от того производства на собственные нужды, которое наблюдалось при прежних общественно-экономических формациях, ибо оно служит уже не потреблению, а товарному производству.

Там же Ленин обращает внимание и на данную в «Финансовом капитале» эволюцию форм монополий. Прежде всего Гильфердинг дает классификацию промышленных объединений. Он различает две ступени. Первой является соглашение о так называемой общности интересов, в котором предприя-

тия формально сохраняют свою самостоятельность, и общность их действий закрепляется только договором. Вторая ступень — это слияние (фузия), когда предприятия теряют свою самостоятельность и растворяются в одном новом предприятии. Монополистическое соглашение — это картель, а монополистическая фузия — это трест.

Развитие монополий идет от более слабых и недолговечных форм объединения к более прочным и постоянным. Гильфердинг характеризует последовательность развития договоров, лежащих в основе монополистических соглашений, оговариваясь, что та или иная ступень развития может выпасть.

Самой слабой формой является своего рода предварительная ступень — «картель, построенный на кондициях». Далее следует совместное регулирование цен. Но для удержания цен на высоком уровне необходимо соответственно фиксировать предложение, т. е. определить размеры производства. Чтобы предупредить возможные обходы договора, дело сбыта изымается из рук отдельных предприятий и передается общему органу — конторе по продаже продукции. В этом случае предприятия теряют свою коммерческую самостоятельность. Картель, который в результате уничтожения коммерческой самостоятельности предприятий превращается в единое коммерческое целое, называется синдикатом. Далее следует совместная закупка сырья.

Затем вмешательство затрагивает и техническую самостоятельность отдельных предприятий. Те из них, которые плохо оборудованы, могут быть остановлены. Другие предприятия могут быть оборудованы специально для выработки определенного вида продукции. Все подобные изменения осуществимы как путем фузии, так и путем простых соглашений.

Таким образом, и в форме картеля самостоятельность предприятий может быть ограничена до такой степени, что исчезает всякое отличие от треста. В этой связи Гильфердинг высмеивает курьезную идею, будто картель в противоположность тресту «демократичен».

Картели легко организуются в фазе подъема или во всяком случае после окончания депрессии и, наоборот, часто разрушаются в фазе депрессии. Так возникает определенное противоречие. Ограничение конкуренции осуществляется легче всего, когда оно наименее необходимо. Наоборот, когда ограничение конкуренции особенно необходимо, заключение договора оказывается наиболее трудным.

В «Финансовом капитале» показано, что монополии не в состоянии уничтожить конкуренцию. Мнение, будто бы картели могут устранить кризисы, регулируя производство и приспособляя таким образом предложение к спросу, свидетельствует, по словам Гильфердинга, лишь о непонимании как действительных причин кризисов, так и общей связи капита-

листической системы. Картели не уничтожают действий кризиса, они лишь модифицируют их постольку, поскольку перелагают тяжесть кризиса на некартелированные отрасли производства.

Впоследствии автор «Финансового капитала» отказался от этой точки зрения. В годы временной стабилизации капитализма он выступил с насквозь апологетической теорией «организованного капитализма», означающего будто бы «принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства». Так Гильфердинг сжег то, что он утверждал раньше, и поклонился тому, что раньше сжигал.

Теория «организованного капитализма» стала одним из краеугольных камней реформистской идеологии во второй четверти нынешнего века и продолжает играть такую роль до наших дней. Каждый кризис обнаруживает несостоятельность этой теории, и тем не менее ревизионисты продолжают ее проповедовать. Марксистское освещение вопроса о монополиях и конкуренции, данное в «Финансовом капитале», до сих пор сохраняет свое значение для критики всевозможных теорий бескризисного капитализма.

В «Финансовом капитале» в ряде мест затрагивается такая важная проблема монополистической стадии капитализма, как вывоз капитала. При рассмотрении вопроса о переходе банков к производственному кредитованию промышленности отмечается, что в международном масштабе развитие идет в направлении от платежного кредита к кредиту для капиталовложений. Приводится пример Англии, которая сначала оказывала торговый кредит чужим странам, покупая английские продукты, сама же значительную часть своих покупок оплачивала наличными. Затем положение изменилось: кредит стал оказываться не столько для торговых соглашений, сколько для вложения капитала, причем обнаружилось стремление таким образом подчинить себе экономику чужих стран.

В другом месте, рассматривая процесс ограничения свободной конкуренции при господстве финансового капитала, Гильфердинг вновь касается вопроса о вывозе капитала. Картелирование, отмечает он, ведет к тому, что замедляется применение нового капитала. В картелированных отраслях это происходит потому, что там прежде всего ограничивается производство, в некартелированных — вследствие понижения нормы прибыли.

Таким образом, с одной стороны, возрастает масса капитала, предназначенного для накопления, а с другой стороны, сокращается возможность его применения. Это противоречие находит свое разрешение в вывозе капитала. Гильфердинг замечает, что вывоз капитала сам по себе не является следст-

вием картелирования, но последнее придает этому вопросу острый характер.

В специальной главе, посвященной вывозу капитала и борьбе за хозяйственную территорию, рассматриваются те последствия, которые вывоз капитала имеет как для стран, вывозящих капитал, так и в особенности для стран, куда этот капитал направляется. Под вывозом капитала, по определению Гильфердинга, следует понимать вывоз стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость. При этом имеется в виду, что прибавочная стоимость остается в распоряжении страны, вывозящей капитал. Акционерная форма предприятий и развитие кредита благоприятствуют вывозу капитала и обеспечивают сохранение капитала за экспортирующей страной.

Условием вывоза капитала является различие норм прибыли, которое в свою очередь зависит от уровня капиталистического развития страны. В «Финансовом капитале» говорится о влиянии вывоза капитала на развитие колоний и новых рынков, на изменение характера колониальной политики.

Насильственные методы, указывает Гильфердинг, не отделимы от существа колониальной политики, которая без них утратила бы свой капиталистический характер. Они составляют такой же необходимый элемент колониальной политики, как наличие лишнего собственника пролетариата составляет необходимое условие капитализма. Желать колониальной политики и в то же время толковать об устранении ее насильственных методов — это такая же нелепость, как мысль, будто можно сохранить капитализм и в то же время уничтожить пролетариат.

Колониальная политика капиталистических держав с ее насильственными методами неизбежно вызывает возмущение порабожденных народов. Что касается вновь открытых стран, пишет Гильфердинг, там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает все растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию. Это сопротивление легко может принять опасные для иностранного капитала формы. В корне революционируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обособленность так называемых «внеисторических наций», они вовлекаются в капиталистический водоворот. Капитализм сам дает порабоженным народам средства и способы для освобождения. Они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась наивысшей европейским нациям, — создание единого национального государства как способ достижения экономической и культурной свободы. Это движение к независимости создает для европейского капитала угрозу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее

блестящие перспективы, и европейский капитал может удерживать господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы.

Эти положения «Финансового капитала» Ленин приводит в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», указывая, что Гильфердинг справедливо отмечает связь империализма с обострением национального гнета. К этому Ленин добавляет, что «не только во вновь открытых, но и в старых странах империализм ведет к аннексиям, к усилению национального гнета и, следовательно, также к обострению сопротивления»¹.

Весьма любопытны и другие свидетельства Гильфердинга относительно характера внешней политики финансового капитала. Эта политика, указывает он, преследует тройного рода цели: во-первых, создание возможно более обширной хозяйственной территории, которая, во-вторых, должна быть ограждена от иностранной конкуренции таможенными стенами и, таким образом, должна превратиться, в-третьих, в область эксплуатации для национальных монополистических союзов. Это определение целей политики финансового капитала Ленин воспроизвел в своем конспекте «Финансового капитала», резюмировав на полях: «колонии, протекционизм, монополии».

Борьба за колонии ведет к обострению противоречий между державами. В конкурентной борьбе финансового капитала решающее значение приобретает политическая власть, и прибыль финансового капитала непосредственно связывается с политической силой государства. Важнейшей функцией дипломатии становится представительство финансового капитала.

Для обеспечения своих интересов финансовый капитал, отмечает Гильфердинг, нуждается в сильном государстве, которое повсюду в мире может вмешиваться с той целью, чтобы весь мир превратить в сферу для приложения своего финансового капитала. Ему нужно государство, достаточно сильное для того, чтобы вести политику расширения и присоединения новых колоний.

И как злободневно звучат в настоящее время слова Гильфердинга о том, что политика силы без всяких ограничений становится требованием финансового капитала и осталась бы его требованием, если бы даже расходы на милитаризм и маринизм не обеспечивали мощным капиталистическим объединениям важной статьи сбыта, приносящей огромные барыши. Сейчас, спустя полвека после написания «Финансового капитала», политика силы осталась альфой и омегой всей внешнеполитической деятельности империалистических государств. Правдивое свидетельство Гильфердинга-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 283.

марксиста разоблачает предательское поведение нынешних единомышленников Гильфердинга-антимарксиста — правосоциалистических лидеров, поддерживающих империалистическую политику силы и расхваливающих такие порождения этой политики, как Атлантический пакт и другие агрессивные блоки, сколоченные дипломатией доллара. Что же говорить о тех ревизионистах, которые, именуя себя коммунистами, занимаются, как руководители Союза коммунистов Югославии, неблаговидным делом обеления империалистической политики силы и очернения миролюбивой политики государств социалистического лагеря!

Точно так же бьют по прислужникам империализма марксистские выводы Гильфердинга о связи финансового капитала с национализмом господствующих наций, с расизмом во всех его проявлениях. Стремление к экспансии, указывает Гильфердинг, изменяет все мирозерцание буржуазии. Она отбрасывает прежние фритредерские идеалы мира и гуманности, заменяя их идеалом величия и силы государства.

Современные буржуазные государства возникли как осуществление стремлений наций к единству, но при господстве финансового капитала национальная идея превратилась в превознесение собственной нации над всеми остальными. Теперь идеал заключается в том, чтобы обеспечить собственной нации господство над миром. Это стремление идеологически оправдывается при помощи утверждения, что собственная нация является избранной среди остальных.

Подчинение чужих наций осуществляется путем насилия, и это порождает представление, будто державная нация обязана господством своим особым естественным свойствам, т. е. своим расовым особенностям. В идеологии расизма стремление финансового капитала к власти получает внешнюю оболочку естественнонаучной обоснованности, а его действия приобретают вид естественнонаучной обусловленности и необходимости.

Правильность этих положений подтверждается всем ходом исторического развития в течение нынешнего века. Господство монополистического капитала породило человеконенавистническую идеологию расизма. Гитлеровцы не изобрели расизма, они получили его в наследство от реакционеров всех стран и довели до самых чудовищных форм каннибализма.

Идеология национальной и расовой исключительности неотделима от империализма. Измышление о превосходстве одних рас и наций и неполноценности других занимает одно из первых мест в его арсенале. Расизм служит в руках господствующих классов средством духовного растрепывания и отравления сознания отсталых слоев, в том числе и части трудящихся, которых империализм таким образом приковывает к своей кровавой колеснице.

Отсюда ясно, какую неблагоприятную роль берут на себя современные ревизионисты, пытаясь смазать коренную противоположность двух классовых идеологий: буржуазного национализма и пролетарского интернационализма. Сползание на рельсы буржуазного национализма и шовинизма всегда приводило и в наше время приводит реформистов и антимарксистов в лагерь прислужников империализма.

Гильфердинг отмечает связь внешней политики финансового капитала с его внутренней политикой. Место идеала демократического равенства, указывает он, занял идеал олигархического господства. Во внутренней политике он выражается в усиленном подчеркивании хозяйской точки зрения по отношению к рабочему классу. Вместе с тем рост рабочего движения укрепляет стремление буржуазии еще более усилить государственную власть как опору против требований пролетариата.

Полвека тому назад, когда появился «Финансовый капитал», среди людей, называвших себя социалистами, не было принято считать господство финансового капитала воплощением демократии и прогресса, как это утверждают нынешние правосоциалистические лидеры. Это удивительное открытие пошло в ход уже после краха II Интернационала и измены подавляющего большинства его лидеров делу пролетарской революции. В «Финансовом капитале» Гильфердинг лишь выразил общее мнение всех социалистов того времени, всех деятелей рабочего движения, когда он писал, что финансовый капитал хочет господства, а не свободы.

Гильфердинг был далек от того, чтобы сделать все выводы из этого важнейшего положения, свидетельствующего о коренном изменении условий борьбы пролетариата за социализм. С начала первой мировой войны он вместе с Каутским отбросил это положение и перешел на путь прислужничества буржуазии. Но от этого справедливость утверждения о стремлении финансового капитала к господству, а не к свободе несколько не уменьшается.

Ленин в своих работах об империализме несколько раз ссылается на это утверждение «Финансового капитала», обосновывая свое важнейшее положение о том, что в политической области монополистический капитализм означает поворот от демократии к реакции. Капитализм вообще и империализм в особенности, указывал Ленин, превращает демократию в иллюзию, и вместе с тем он порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, в результате чего обостряется неизбежно антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами. Ленин сделал все выводы из констатации этого антагонизма — выводы о необходимости организации сил рабочего класса на борьбу за свержение капита-

лизма, за установление пролетарской диктатуры, выводы о необходимости для рабочего класса партии нового типа, способной руководить его борьбой за социализм.

Разоблачая софизмы Каугского, пытавшегося навязать рабочему классу реакционную, буржуазно-реформистскую утопию относительно возможности возвращения от монополистического капитализма назад, к капитализму эпохи свободной конкуренции, Ленин ссылается на мнение Гильфердинга о том, что не дело пролетариата противопоставлять более прогрессивной капиталистической политике политику эры свободной торговли, оставшуюся позади. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, писал Гильфердинг, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции — он превратился теперь в реакционный идеал — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма¹.

Когда Гильфердинг писал «Финансовый капитал», он еще защищал марксистские взгляды в вопросе о классовой природе буржуазного государства. Он указывал, что выдумка об исчезновении классовых противоречий и классовой борьбы при капитализме занимает в идеологии господствующих классов тем более видное место, чем дальше подвигается процесс разложения буржуазного общества. Вполне реальные потребности финансового капитала в области внешней и внутренней политики побуждают его распространять иллюзию о государстве как об органе, служащем исключительно общему благу.

Эти положения «Финансового капитала» помогают раскрыть лживость современных теорий ревизионизма и реформизма, отрицающих обострение и даже наличие классовых противоречий в капиталистическом обществе и расхваливающих буржуазную демократию как якобы «чистую» демократию, как надклассовое и внеклассовое государство.

В эпоху финансового капитала, по свидетельству Гильфердинга, классовая природа буржуазного государства выступает особенно отчетливо. Если при господстве свободной конкуренции, указывал он, характер государства как организации классового господства оставался замаскированным, то теперь это изменилось. Класс капиталистов непосредственно, незамаскированно, осязательно овладевает государственной организацией и превращает ее в орудие своих эксплуататорских интересов. Очевидный захват государства классом капиталистов непосредственно заставляет пролетариат стремиться к завоеванию политической власти как единственному сред-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 275—276.

ству положить конец эксплуатации. В соответствии с этим заключительный абзац «Финансового капитала» звучит весьма недвусмысленно:

«Финансовый капитал в его завершении, это — высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала. Но он же делает диктатуру господ национального капитала одной страны все более несовместимой с капиталистическими интересами другой страны, и господство капитала в любой стране все более несовместимым с интересами народных масс, эксплуатируемых финансовым капиталом, но им же и пробуждаемых к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата» (стр. 478).

Когда разразилось это предвиденное Гильфердингом мощное столкновение враждебных интересов, он не выдержал испытания. Отрекшись от марксизма и перейдя на позиции буржуазного социал-реформизма, он полностью обанкротился и как политик, и как теоретик. Когда же в России впервые в истории произошла предсказанная Гильфердингом великая смена диктатуры магнатов капитала диктатурой пролетариата, он оказался в стане ее злейших врагов. Измена Гильфердинга была вместе с тем изменой всему положительному, что он дал в «Финансовом капитале». Но марксистские идеи этой работы остались жить в виде убедительного обвинительного акта против ренегатства ее автора, против его тогдашних и теперешних единомышленников.

III

«Финансовый капитал» является работой, в которой содержится много полезного для понимания природы монополистического капитализма. Вместе с тем следует иметь в виду ограниченность положительного содержания «Финансового капитала». Гильфердинг никогда, даже в лучшую пору своей деятельности, не был до конца последовательным марксистом. Он никогда не отстаивал последовательно до конца позиции революционного, творческого марксизма. Отсюда ряд серьезных ошибок, недостатков и изъянов «Финансового капитала».

Гильфердинг, как и многие другие теоретики западноевропейских партий II Интернационала, был склонен мировоззрение марксизма — диалектический материализм — эклектически примирять с модными течениями буржуазной философии. Он не только проявлял беззаботность в отношении философии марксизма, но и был готов заменить ее идеалистическими взглядами. Он разделял идеалистические воззрения

в области гносеологии. Показательно, что Ленин, конспектируя «Финансовый капитал», отметил несколько идеалистических высказываний его автора. Так, в одном месте Гильфердинг писал:

«По Эрнсту Маху, «я» есть только тот фокус, в котором теснее сходятся бесконечные нити ощущений... Точно так же деньги являются узлом в сети общественных связей» (стр. 55).

Выписав эти фразы, Ленин на полях замечает: «Каша... неверно».

В другом месте Ленин обращает внимание на следующее явно идеалистическое утверждение Гильфердинга:

«Только наше созерцание дает вещам форму пространства».

По этому поводу Ленин замечает: «кантианец» и на полях пишет: «неверно»¹.

Замена Маркса и Энгельса Кантом и Махом привела автора «Финансового капитала» к существенным отступлениям от марксистской методологии в области политической экономии. Эти отступления составляют методологическую основу ошибочных положений «Финансового капитала».

Начать с того, что Гильфердинг придерживался так называемого «ограничительного» понимания предмета политической экономии. По его мнению, эта наука должна изучать лишь одну общественно-экономическую формацию, а именно капитализм с присущей ему системой обмена. Такая точка зрения разделялась и некоторыми другими теоретиками социалистических партий II Интернационала.

Ограничение задачи политической экономии изучением одного лишь капитализма вполне естественно и закономерно для буржуазной науки, поскольку она представляет капиталистический способ производства вечным и естественным строем всякого общества. Но такое ограничение абсолютно неприемлемо с точки зрения марксизма, раскрывшего исторически преходящий характер капиталистического строя.

Марксистская политическая экономия является исторической наукой. Она изучает различные способы производства, сменяющиеся на протяжении истории человечества. Не приходится доказывать, как велико в нашу эпоху теоретическое и практическое значение такого ее важнейшего раздела, как политическая экономия социализма.

Сторонники «ограничительного» понимания предмета политической экономии пытались обосновать свою позицию при помощи аргументов, взятых из арсенала неокантианства. Они исходили из неокантианского, идеалистического деления наук на теоретические (монотетические) и описательные (идеографические). Теоретическая наука возможна лишь там, по

¹ См. В. И. Ленин, Тетради по империализму, стр. 283, 284.

их утверждению, где имеет место так называемая гетерогения целей. А эта последняя связана с наличием системы рыночной стихии, с анархией производства.

Все подобные методологические хитросплетения в корне враждебны марксистскому пониманию процесса познания действительности. Этот процесс развивается в неразрывной связи с человеческой практикой. Он идет от непосредственного наблюдения явлений к раскрытию их внутренней сущности, к выявлению закономерностей объективно существующего мира.

Отход от материалистической философии и принятие буржуазного ограничительного толкования предмета политической экономии связаны у Гильфердинга с нарушением такого важнейшего принципа марксистской экономической теории, как положение о преобладающей роли производства среди взаимосвязанных и взаимодействующих сторон экономической жизни общества. Этот принцип является одним из основополагающих в марксистской политической экономии.

Подытоживая анализ взаимозависимости производства, распределения, обмена (обращения) и потребления, Маркс в известном фрагменте «Введения к критике политической экономии» писал, что эти различные моменты экономической жизни образуют части целого, различия внутри единства. В этом целом производство господствует как над самим собой, так и над всеми другими моментами.

В то же время, как отмечал Маркс, и производство в его односторонней форме со своей стороны определяется другими моментами: распределением, обменом и потреблением. Однако это сложное взаимодействие различных моментов, которое бывает, по словам Маркса, во всяком органическом целом, ни в какой мере не отменяет того положения, что определенное производство обуславливает определенное потребление, распределение, обмен и определенные отношения этих различных моментов друг к другу¹.

Таким образом, признание определяющей роли производства по отношению к остальным сторонам экономической жизни отнюдь не означает забвения того взаимодействия, которое оказывают друг на друга производство, распределение, обмен и потребление. Наоборот, понимание определяющей роли производства служит ключом к выяснению действительного характера этого взаимодействия. Забвение же решающей роли производства и выдвигание на первый план какой-либо другой стороны экономической жизни — распределения, обмена, потребления — закрывают путь к правильному пониманию процессов экономического развития общества.

¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии, М. 1952, стр. 213.

Об этом убедительно свидетельствует бесплодный и антинаучный характер многочисленных теорий вульгарной политической экономии, которые ставят во главу угла то потребление, то обмен, то распределение. Таким путем буржуазные экономисты стремятся уйти от рассмотрения производственных отношений капитализма, лежащих в основе классовых антагонизмов и классовой борьбы. Все подобные концепции — меновые, распределительные, потребительские — служат целям приукрашивания капитализма, замазывания его глубоких и неразрешимых противоречий.

В применении к исследованию монополистической стадии капитализма важнейшее методологическое требование марксизма относительно первенствующей роли производства означает, что в основу такого исследования необходимо положить прежде всего анализ изменений, происшедших в сфере производства. Так поступил Ленин, создавший марксистскую теорию империализма.

В качестве исходного пункта своего исследования Ленин берет процессы, происшедшие в сфере производства, а именно концентрацию производства и возникновение монополий в промышленности. Лишь после рассмотрения вопроса о концентрации производства и монополиях Ленин переходит к анализу новой роли банков. Тут он показывает изменение взаимоотношений банков с промышленностью, возникновение и распространение монополий в банковом деле и, наконец, процесс слияния, или сращивания, банков с промышленностью — образование финансового капитала.

Иначе построен «Финансовый капитал». Его автор начинает исследование со сферы обращения, с анализа денег и кредита, переходя далее к роли банков, акционерных обществ, биржи. Лишь после этого он обращается к картелям и трестам, т. е. к капиталистическим монополиям в области производства.

Такое построение исследования новейшей фазы капитализма не могло, конечно, не сказаться на его результатах. В «Финансовом капитале» бросается в глаза большая неполнота анализа процесса концентрации производства и образования монополий, лежащего в основе перехода от домонополистического капитализма к монополистическому. С другой стороны, роль банков в экономической жизни развитых капиталистических стран, несомненно важная, значительно преувеличена. Это нашло свое отражение в односторонности данного Гильфердингом определения финансового капитала.

Выпячивание обмена на первый план и связанное с этим ограничительное толкование задач политической экономии как науки обнаруживаются буквально с первых же страниц «Финансового капитала». Специфическую особенность капиталистического общества Гильфердинг видит в том, что оно

распадается на независимых друг от друга индивидов, производство которых является уже не общественным, а их частным делом. Они частные собственники, вынужденные развитием разделения труда вступать во взаимные отношения; акт, в котором они это делают, есть обмен их продуктов. В обществе, разбитом на атомы частной собственностью и обменом, только этим актом и устанавливается связь.

Такое толкование характера труда и роли обмена в капиталистическом обществе по меньшей мере нечетко и неточно. Труд, воплощенный в товарах, является у Гильфердинга исключительно частным, а не общественным трудом. У Маркса же этот труд является непосредственно частным и вместе с тем в конечном счете общественным трудом. В этом заключается важнейшее противоречие воплощенного в товарах труда при господстве частной собственности. В этом состоит, по выражению Маркса, своеобразный общественный характер труда, производящего товары¹.

Продукты труда становятся товарами лишь потому, указывает Маркс, что они продукты независимых друг от друга частных работ, но вместе с тем комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена.

Существенное различие в постановке вопроса у Гильфердинга и у Маркса очевидно. Затем Гильфердинг уходит еще дальше от точки зрения Маркса. Если у Маркса в обмене лишь *проявляется* специфически общественный характер частных работ товаропроизводителей, то Гильфердинг утверждает, что только обменом *осуществляется* общественная связь товаропроизводителей. Задача же теоретической экономики, по его словам, заключается в том, чтобы найти закон обмена.

Этот закон, пишет Гильфердинг, регулирует производство в обществе товаропроизводителей точно так же, как ненарушаемый ход социалистического хозяйства обеспечивается законами, распоряжениями и предписаниями социалистического управления. Разница лишь в том, что закон этот не прямо сознательно предписывает людям их поведение в производстве, а действует со слепой стихийной необходимостью, подобно законам природы. Познание как раз такого рода законов, замечает Гильфердинг, и составляет задачу теоретико-экономического анализа.

Гильфердинг объявляет закон стоимости законом обмена. Основоположники марксизма считали закон стоимости зако-

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. 1, М. 1955, стр. 79.

ном товарного производства, который определяет меновые пропорции товаров. Так, Энгельс в «Анти-Дюринге» называет закон стоимости основным законом товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства.

Различие в словах — закон обмена или закон производства — выражает в данном случае глубокое различие в понимании существа вопроса. Гильфердинг считает задачей политической экономии как теоретической науки познание лишь законов обмена. Между тем Маркс в предисловии к первому тому «Капитала» говорит о естественных законах капиталистического производства и вытекающих из них общественных антагонизмах.

Нарушение марксистского принципа первенствующего значения производства и фактическая замена его принципом первенствующего значения обращения привели Гильфердинга к неправильным выводам относительно пути социалистического преобразования общества. В заключительной главе «Финансового капитала» Гильфердинг выдвинул положение о том, что овладение шестью крупными берлинскими банками было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в переходный период.

В этом утверждении по сути дела уже содержалась в зародышевой форме пресловутая теория «социализации через обращение», которая была выдвинута правыми социал-демократами в Германии и Австрии в бурный революционный период после первой мировой войны. Как известно, эта анти-марксистская теория имела целью отвлечь рабочий класс от борьбы за политическую власть и за экспроприацию экспроприаторов. А без завоевания пролетариатом политической власти и обобществления средств производства всякий разговор о социалистическом преобразовании общества остается пустой болтовней и обманом.

Тот же коренной методологический порок — забвение марксистского принципа определяющей роли производства и сползание на рельсы буржуазной меновой концепции, трактовка закона стоимости как закона обмена — лежит в основе ошибки Гильфердинга в области теории стоимости и денег. Показательно, что это единственная ошибка «Финансового капитала», которая вскоре после его выхода подверглась критике на страницах германской социал-демократической печати. Не приходится удивляться, что критика эта была весьма поверхностной: она и не пыталась вскрыть корни ошибочной позиции Гильфердинга.

Маркс последовательно, до конца обосновал и разработал трудовую теорию стоимости. Он показал, что стоимость товара создается трудом, и только трудом, затраченным на его

производство. Он решительно отбросил представления предшествовавших экономистов, допускавших, что стоимость может возникнуть и помимо производства, например в обмене.

Трудовая теория стоимости в ее до конца последовательном виде лежит в основе теории денег Маркса. Стоимость денежного товара, золота, естественно, определяется количеством труда, воплощенного в нем, т. е. необходимым для его производства. Только товар, имеющий собственную стоимость, может служить мерой стоимости. Что же касается бумажных денег, то они, не имея собственной стоимости, не могут служить мерой стоимости.

Бумажные деньги являются знаками золота, или знаками денег. Они знаки стоимости лишь в той мере, в какой они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости.

Раскрывая закон бумажно-денежного обращения, Маркс писал, что бумажные деньги являются знаками стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют золото лишь постольку, поскольку золото в виде монеты могло бы само войти в процесс обращения. Эта величина в свою очередь определяется собственной стоимостью золота, если величина стоимостей товаров и быстрота их метаморфоз являются величинами данными.

Гильфердинг выражает несогласие с таким решением вопроса о законах бумажно-денежного обращения. Он объявляет излишним тот якобы «обходный путь», который избрал Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества золота и лишь через нее — стоимость, представляемую бумажными деньгами. По утверждению Гильфердинга, следует «стоимость бумажных денег» выводить непосредственно из «общественной стоимости обращения», или, как он говорит в другом месте, из «общественно-необходимой стоимости обращения». Эта последняя выражается формулой: сумма товарных стоимостей, деленная на скорость оборотов денег, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно погашающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как средство обращения, то как средство платежа.

Трудность при рассмотрении бумажных денег заключается, как говорится в «Финансовом капитале», в том, что они по видимости сохраняют свойство быть мерой стоимости. Как и раньше, все товары «измеряются» в деньгах. Таким образом, деньги по-прежнему представляются мерой стоимости. Но величина стоимости самой этой «меры стоимости» определяется уже не стоимостью того товара, из которого она

образована, а совокупной стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения (при условии неизменной скорости оборотов). Действительная мера стоимости не деньги: «курс» самих бумажных денег определяется, как утверждает Гильфердинг, тем, что он называет общественно-необходимой стоимостью обращения.

Негрудно заметить, что все это рассуждение представляет собой не что иное, как довольно примитивный порочный круг. В самом деле, «стоимость» бумажных денег, или их «курс», Гильфердинг определяет при помощи суммы товарных стоимостей. Но, чтобы получилась такая сумма, величины стоимости всех товаров предварительно должны быть измерены: ведь сумма всегда является суммой определенных величин. Определение величины стоимости товаров возможно лишь при помощи меры стоимости, т. е. денег. Иными словами, сумма товарных стоимостей уже предполагает наличие определенной меры стоимости. Но сама эта мера стоимости определяется в «Финансовом капитале» через посредство суммы товарных стоимостей.

Ошибка Гильфердинга заключается в том, что он пускает в обращение товары без цены, т. е. без денежного выражения их стоимостей. В свое время Маркс раскритиковал аналогичную ошибку Юма, который пускал в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро — без стоимости. Ошибка Юма лежала в основе представлений ранних глашатаев количественной теории денег. Они придерживались, по словам Маркса, той нелепой гипотезы, что товары вступают в обращение без цены, а деньги без стоимости, а затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответствующую часть металлической груды¹.

У Гильфердинга же речь идет не о металлической груды, а о пачках бумажных денег. В этом вся разница. И Гильфердинг проявляет большую непоследовательность, когда он, подвергая теорию денег Маркса критике с исходных позиций количественной теории, в то же время признает бесспорную несостоятельность количественной теории денег.

Гильфердинг обвиняет Маркса в том, что он якобы не смог справиться с определенными взглядами, навеянными эмпирическим материалом его времени. Это объяснение является попыткой свалить вину с больной головы на здоровую. На самом деле как раз автор «Финансового капитала» обнаружил неспособность справиться с определенным эмпирическим материалом своего времени, а именно с опытом так называемых австрийской и индийской денежных систем.

Эти системы представляли собой системы бумажно-денежного обращения, при котором курс денег и их покупа-

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 130.

тельная сила поддерживались соответствующими мерами девизной политики государства. Когда появился «Финансовый капитал», эти системы еще принадлежали к числу новинок. Буржуазная наука поднимала немалый шум по поводу индийского и австрийского «опыта», используя его для очередных критических нападков на экономическую теорию марксизма и для распространения различных апологетических теорий денег (номинализма в различных его видах, в частности «государственной теории денег»). Перед этим натиском буржуазных идеологов не устоял и Гильфердинг, поспешивший выбросить за борт теорию денег Маркса и тем самым пробить основательную брешь в трудовой теории стоимости.

После первой мировой войны эмпирический опыт бумажно-денежных систем Индии и Австрии потерял всякую прелесть новизны. Золотое обращение кануло в вечность почти во всем капиталистическом мире. То, что раньше было исключением, стало правилом. При этом опыт жизни вновь подтвердил несостоятельность всех буржуазных теорий денег. Вновь оказалось, что единственной надежной ариадниной нитью в лабиринте денежного обращения капиталистических стран остается теория денег Маркса.

Ленин вскрыл наиболее глубокую политическую основу недостатков и ошибок «Финансового капитала», отметив склонность его автора к примирению марксизма с оппортунизмом. Этот коренной порок особенно наглядно проявляется в трех чрезвычайно важных в теоретическом и политическом отношении недостатках работы Гильфердинга, вскрытых Лениным.

К числу этих недостатков относится прежде всего то, что в «Финансовом капитале» почти игнорируется раздел мира. В этой работе много говорится о колониальной политике империализма, характеризуется ее насильственный характер. Гильфердинг пишет также об империалистическом соперничестве, порождаемом борьбой за колонии. Но он упускает из виду важнейший факт, без учета которого нельзя понять все своеобразие международной обстановки, складывающейся в период империализма.

В «Финансовом капитале» обходится молчанием то решающее обстоятельство, что на рубеже XIX и XX вв. оказался завершённым территориальный раздел мира. А между тем именно завершение раздела мира внесло качественно новый момент в соперничество великих держав. В условиях, когда раздел мира был завершён, борьба между империалистическими государствами приняла характер ожесточеннейшей драки за передел добычи. Борьба за передел уже разделенного мира обусловила неизбежность империалистических войн всемирного масштаба.

В «Финансовом капитале» говорится, естественно, об угрозе войны, вызываемой захватнической колониальной политикой великих держав. Эта угроза горячо обсуждалась в социалистической литературе периода, предшествовавшего первой мировой войне. О ней много толковалось на съездах социалистических партий и на конгрессах II Интернационала.

Однако в «Финансовом капитале» вследствие забвения раздела мира не была вскрыта неизбежность империалистических войн, на которые господство монополистического капитала обрекает человечество до тех пор, пока владычество империализма распространяется на весь мир. Как известно, только в современную эпоху, когда империализм уже утратил свое господство над большинством человечества, появилась реальная возможность предотвращения новой войны. Эта возможность создана тем, что в наше время существует могущественный лагерь социалистических государств, возглавляемый Советским Союзом и являющийся несокрушимым оплотом мира; тем, что на нашей планете образовалась обширная и могучая зона мира, объединяющая страны социалистического лагеря с целым рядом несоциалистических государств, заинтересованных в сохранении мира; тем, что в борьбе против угрозы войны объединяют свои действия сотни миллионов людей во всем мире и прежде всего рабочий класс всех стран мира.

Неизбежность войн при империализме была научно обоснована Лениным на основе марксистского анализа характера международных отношений после завершения территориального раздела мира между великими державами. Исходя из этого анализа, Ленин дал четкую марксистскую характеристику первой мировой войны. Он показал, что эта война была со стороны обеих столкнувшихся коалиций держав войной империалистической, захватнической, разбойничьей, войной за передел уже поделенного мира.

Ленин отмечал неточность употребляемого Гильфердингом термина «борьба за хозяйственную территорию». Это название не выражает главного отличия современного империализма от прежних форм борьбы за хозяйственную территорию. За такую территорию боролся и античный Рим, и европейские государства, завоевывавшие колонии еще на заре капитализма. Отличительный признак монополистического капитализма заключается в том, что весь мир уже поделен территориально между богатейшими странами, в том, что раздел мира между государствами уже закончен. Именно из этого, подчеркивал Ленин, вытекает особая острота борьбы за передел мира, особая острота столкновений, приводящая к войнам¹.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 139.

Игнорируя завершение раздела мира, Гильфердинг дал немарксистскую оценку первой мировой войны. Как и Каутский, он не считал эту войну неизбежным порождением монополистического капитализма, а следствием более или менее случайных обстоятельств, которые могли бы быть предотвращены при сохранении господства капитала. Отсюда вытекала предательская центристская политическая позиция Гильфердинга во время войны 1914—1918 гг. и после ее окончания.

К числу вскрытых Лениным крупнейших недостатков «Финансового капитала» относится далее игнорирование неразрывной связи финансового капитала с паразитизмом. Гильфердинг упускал из виду такую основную черту империализма, как его характер загнивающего, или паразитического, капитализма. Между тем без раскрытия этой стороны дела невозможно вооружить рабочий класс подлинно научным оружием для борьбы за свержение господства финансового капитала, которое является величайшей преградой на пути дальнейшего прогрессивного развития человечества.

Говоря о паразитизме, свойственном империализму, Ленин отмечает, что одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что в отношении этой очень важной стороны империализма он сделал шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Ленин приводит ряд высказываний Гобсона, раскрывающих рост паразитизма, в особенности в связи с вывозом капитала. Гобсон, хорошо знакомый с положением в Англии, наиболее богатой колониями и империалистическим опытом, писал об «экономическом паразитизме», ослабляющем силу старых империй. Он видел «гигантскую опасность западного паразитизма» в связи с притоком огромной и все возрастающей дани из стран закабаленного Востока.

В «Финансовом капитале» обойдены даже эти черты монополистического капитализма, описанные буржуазным либералом и социал-реформистом Гобсоном. Показательно, что, разбирая вопрос о монопольной цене, Гильфердинг оставляет в стороне такой источник непомерного роста сверхприбылей монополий, как неэквивалентный обмен с колониями и вообще ограбление зависимых стран финансовым капиталом метрополий.

В «Финансовом капитале» обойдены и те противоречия, которыми характеризуется развитие техники при империализме. Господство монополий неизбежно порождает тенденцию к застою и загниванию. У монополий появляется экономическая возможность задерживать технический прогресс, класть под сукно технические изобретения и усовершенствования. Наряду с этим продолжает действовать и стремление к повышению прибыли путем снижения издержек производства в результате прогресса техники.

Развитие производительных сил империализма проходит под знаком борьбы этих обеих тенденций, причем в отдельных странах, в отдельных отраслях промышленности, в известные периоды то одна из них, то другая берет верх. Борьба между тенденцией к техническому прогрессу и тенденцией к застою гигантски усиливает неравномерность и противоречивость развития капитализма. Но весь этот круг проблем оставляется Гильфердингом вне поля зрения.

Марксистский анализ процессов паразитизма и загнивания капитализма на его монополистической стадии был дан Лениным. Отрыв класса капиталистов от производства превращает буржуазию в паразитический класс рантье, живущих стрижкой купонов. Рост вывоза капитала ведет к появлению «государств-рантье», получающих огромный приток дани из колоний. Вывоз капитала Ленин поэтому называл паразитизмом в квадрате.

Данная Лениным характеристика империализма как загнивающего, или паразитического, капитализма раскрывает во всей конкретности конфликт между производительными силами общества и буржуазными производственными отношениями на монополистической стадии капитализма. Обострение этого конфликта до крайней степени, до последнего предела ведет капитализм к неизбежной гибели.

Наконец, к числу вскрытых Лениным крупнейших недостатков «Финансового капитала» относится игнорирование неразрывной связи империализма с оппортунизмом. В этом особенно отчетливо проявилась склонность Гильфердинга к примирению марксизма с оппортунизмом.

Игнорирование связи финансового капитала с оппортунизмом естественно вытекало из забвения связи финансового капитала с паразитизмом. Гильфердинг ни слова не упоминает о тех способах, при помощи которых монополистическая буржуазия подкупает и развращает верхушечный слой рабочего класса. В этом, пожалуй, как ни в чем другом, сказалась ущербность его позиции. Для Гильфердинга этой проблемы вообще не существовало, хотя ко времени написания «Финансового капитала» рост оппортунизма в рабочем движении Западной Европы стал явлением, широко обсуждавшимся не только в социалистической, но и в буржуазной печати.

Хорошо известно, с каким вниманием в свое время Маркс и Энгельс изучали причины распространения оппортунизма в рабочем движении Англии в середине прошлого века. Корни этого явления они вскрыли в тогдашнем монопольном положении Англии на мировом рынке.

Ленин продолжил дело Маркса и Энгельса, раскрыв подлинные социальные корни оппортунизма в условиях монополистического капитализма. Говоря о международном расколе всего рабочего движения в период первой мировой войны и

после ее окончания, Ленин писал, что экономическая основа этого явления заключается в паразитизме и загнивании капитализма на его монополистической стадии. Именно подкуп буржуазией горстки богатейших стран верхушечного слоя рабочих за счет гигантских сверхприбылей, получаемых от ограбления колоний, и порождает язву реформизма.

Оппортунизм выполняет пагубную роль агентуры буржуазии в рабочем классе, он является ее главной социальной опорой. Отсюда следует вывод, что без борьбы с оппортунизмом нет и не может быть подлинной борьбы с империализмом. Вывод этот сохраняет все свое значение и для наших дней.

Забвение таких важнейших черт монополистического капитализма, как раздел мира, паразитизм, связь финансового капитала с оппортунизмом, лишило Гильфердинга возможности раскрыть историческое место империализма по отношению к капитализму вообще. В «Финансовом капитале» даже не поставлен вопрос о законе неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в период империализма. Между тем этот закон дает ключ к пониманию всего характера монополистической стадии капитализма. Он проливает яркий свет на важнейшие процессы, протекающие в мировой системе империализма, и в особенности на глубокие экономические основы империалистического соперничества и борьбы.

Особенно важно значение закона неравномерности развития капиталистических стран в период империализма для правильной марксистской оценки изменившейся обстановки борьбы рабочего класса за социализм. Этот закон, раскрытый Лениным, послужил основой для гениального ленинского вывода о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой капиталистической стране.

«Финансовый капитал» является незаурядным произведением западноевропейской социалистической литературы периода II Интернационала. Сразу же после своего выхода в свет эта книга, естественно, привлекла внимание революционных марксистов всех стран. Уже в 1912 г. появился русский перевод этой книги, сделанный одним из крупнейших экономистов и публицистов нашей партии — И. И. Скворцовым-Степановым. Этот перевод затем неоднократно переиздавался уже при Советской власти с 1922 по 1931 г.

Работа Гильфердинга в свое время сыграла определенную положительную роль в пропаганде марксистской оценки ряда новых явлений в экономике капитализма начала XX в. Однако

автору «Финансового капитала» оказалась не по плечу задача творческого развития марксизма на основе обобщения исторического опыта за полвека, прошедших со времени появления «Капитала» Маркса.

Эта гигантская задача была успешно разрешена только Лениным — создателем и вождем Коммунистической партии нашей страны. Впервые в истории марксистской мысли Ленин дал глубокое и всестороннее исследование империализма. Ленин раскрыл историческое место империализма как умирающего капитализма, как кануна социальной революции пролетариата. Тем самым Ленин вооружил рабочий класс всего мира непобедимым оружием для борьбы против империализма.

После появления работы Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» недостатки и ошибки «Финансового капитала» выступили особенно отчетливо. В то же время положительное содержание книги Гильфердинга продолжает служить полезным добавочным материалом для освещения ряда важных явлений, раскрытых ленинской теорией империализма.

Весь ход исторического развития в XX в. показывает огромное революционное значение ленинской теории империализма. Будучи образцом творческого применения марксизма к познанию меняющейся действительности, она гигантски обогатила марксизм в целом и его экономическое учение в особенности. Ленинская теория империализма знаменовала качественный скачок в развитии марксистской теории вообще, марксистской политической экономии в частности.

На основе своего анализа империализма Ленин создал новую теорию социалистической революции. Эта теория явилась руководством к действию в величайших социальных битвах в истории человечества — в Великой Октябрьской революции в России и в социалистических революциях, победивших после второй мировой войны в ряде других стран, в том числе в великом Китае.

Современная эпоха, основное содержание которой составляет революционный переход от капитализма к социализму, вновь и вновь подтверждает силу и жизненность бессмертного марксистско-ленинского учения, важнейшей составной частью которого является ленинская теория империализма. Руководствуясь ленинской теорией империализма, читатель найдет в работе Гильфердинга много полезного для более детального изучения некоторых важных сторон монополистической стадии капитализма.

Л. Леонтьев

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этой работе дана попытка научного объяснения экономических явлений развития новейшего капитализма. Но научно познать их — значит включить в теоретическую систему классической политической экономии, которая начинается с В. Петти и находит свое высшее выражение в Марксе. Характерной особенностью «современного» капитализма являются те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в «уничтожении свободной конкуренции» посредством образования картелей и трестов, а с другой — во все более тесной связи между банковым и промышленным капиталом. Благодаря этой связи капитал, как обстоятельнее будет показано ниже, принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала.

Мистическая оболочка, вообще окружающая капиталистические отношения, становится здесь наиболее непроницаемой. Своеобразное движение финансового капитала, которое кажется самостоятельным, хотя, в действительности, оно является отраженным, многообразие форм, в которых оно совершается, отделение и обособление этого движения от движений промышленного и торгового капитала — все это явления, требующие анализа. Такой анализ тем более необходим, что при быстром росте и все усиливающемся влиянии, которое оказывает финансовый капитал на нынешней фазе капитализма, без познания законов и функций финансового капитала невозможно понимание тенденций в развитии современной экономики, а вместе с тем невозможна и научная экономия и политика вообще.

Таким образом, теоретический анализ этих явлений должен был привести к вопросу об их взаимной связи и, следовательно, к анализу банкового капитала и его отношения к другим формам капитала. Оказалось необходимым исследовать, имеют ли специфическое экономическое значение,

и какое именно, те юридические формы, в которых основывается промышленное предприятие. Ответ же на этот вопрос могла дать экономическая теория акционерного общества. Но отношения между банковым и промышленным капиталом представляются лишь завершением тех отношений, которые можно было раскрыть в более элементарных формах денежного капитала и производительного капитала. Таким образом, возник вопрос о роли и сущности кредита. Ответ же на него можно было получить лишь по выяснении роли денег. Это было тем более важно, что, с тех пор как Маркс сформулировал свою теорию денег, опыт денежных систем в Голландии, Австрии и Индии выдвинул ряд важных проблем, на которые, казалось, существовавшая теория денег не находила никакого ответа — обстоятельство, которое соблазнило Кнаппа, проницательно раскрывшего загадочность явлений в области современного денежного обращения, на попытку устранить всякое экономическое объяснение, заменив его юридической терминологией. Правда, последняя не дает объяснения, следовательно, не дает никакого научного познания, но зато открывает, по-видимому, возможность описания, чуждого предвзятости и предубежденности. Но обстоятельный анализ проблемы денег становится тем более необходимым также и потому, что только он может дать эмпирическое доказательство правильности теории стоимости, которая должна служить основой всякой экономической системы, и, кроме того, лишь после правильного анализа денег можно понять роль кредита, а вместе с тем и элементарные формы отношений между банковым и промышленным капиталом.

Таким образом, план этой работы определяется сам собою. За анализом денег идет исследование кредита. К нему примыкают теория акционерного общества и анализ того положения, какое занимает здесь банковый капитал по отношению к промышленному. Это приводит к исследованию фондовой биржи как «рынка капитала», тогда как товарную биржу пришлось рассмотреть особо потому, что в ней воплощаются отношения денежного и торгового капитала. С ростом концентрации промышленности отношения между банковым и промышленным капиталом все более переплетаются, и поэтому становится необходимым изучение явлений и тенденций развития этой концентрации, увенчиваемой картелями и трестами. Надежды, связывавшиеся с образованием монополистических союзов, от которых ожидали «регулирования производства», а вместе с тем упрочения капиталистической системы, и которым приписывалась особенно крупная роль в периодических торговых кризисах, потребовали анализа кризисов и их причин, чем и заканчивается теоретическая часть. Но так как то развитие, которое мы стремимся здесь теоре-

тически познать, оказывает серьезное воздействие и на классовое деление общества, то было целесообразно исследовать в последнем отделе основные черты того влияния, которое оно оказывает на политику крупных классов буржуазного общества.

Марксизм часто упрекали за то, что он пренебрегал дальнейшим развитием экономической теории, и упрек этот, несомненно, до известной степени не лишен объективных оснований. Но точно так же следует признать, что это упущение легко объяснимо. Вследствие бесконечной сложности исследуемых явлений экономическая теория принадлежит, несомненно, к труднейшим отделам науки. Марксист же находится в особом положении; исключаемый из университетов, которые дают необходимое время для научных исследований, он вынужден откладывать научную работу на часы досуга, который оставляют ему часы политической борьбы. Но требовать от борцов, чтобы их работа над зданием науки шла столь же быстро, как у мирных каменщиков, было бы несправедливо, если бы это не свидетельствовало об особом уважении к их способностям.

После многочисленных споров недавнего времени по вопросам методологии рассмотрение экономической политики требует, может быть, если не оправдания, то краткого пояснения. Утверждают, что политика есть учение о нормах, которые в конечном счете определяются оценками; но так как подобные оценки — не дело науки, то рассмотрение политики выходит за рамки научного исследования. Конечно, здесь невозможно обращаться к гносеологическому анализу соотношения нормативных дисциплин и науки о законах, телеологии и причинности, — и я могу пренебречь этим, тем более, что в первом томе «Marx-Studien» Макс Адлер дал обстоятельное исследование проблемы причинности в социальной науке. Здесь достаточно будет лишь отметить, что для марксизма целью анализа политических отношений является раскрытие причинных связей. Познание законов общества, построенного на товарном производстве, раскрывает одновременно те детерминирующие факторы, которые определяют волю классов этого общества. Раскрытие того, как детерминируется классовая воля, составляет согласно марксистскому пониманию задачу научной, т. е. описывающей причинные связи, политики. Как теория, так и политика марксизма в равной мере остаются свободными от оценок.

Поэтому нельзя не признать ложным тот взгляд, широко распространенный *intra et extra* [внутри и во вне], который безоговорочно отождествляет марксизм с социализмом. В самом деле, рассматриваемый с чисто логической стороны лишь как научная система, т. е. независимо от его исторического

влияния, марксизм представляет собой просто теорию законов движения общества. Марксистское понимание истории дает этой теории общую формулировку, а политическая экономия марксизма применяет ее к эпохе товарного производства. Социалистический вывод есть результат тенденций, которые прокладывают себе путь в обществе, основанном на товарном производстве. Но понять правильность марксизма, что равносильно пониманию и необходимости социализма,— это нечто совершенно иное, чем составление оценок и выработка указаний для практического поведения. Ведь одно дело — познать необходимость, а другое — отдать себя делу этой необходимости. Вполне возможно, что кто-нибудь убежден в конечной победе социализма,— и все же отдается делу борьбы с ним. Но то понимание законов движения общества, которое дает марксизм, всегда обеспечивает известное превосходство тому, кто усваивает его, и из всех врагов социализма опаснейшие, несомненно, те, кто наиболее вкусили от плодов этого познания.

С другой стороны, отождествление марксизма и социализма вполне понятно. Сохранение классового господства связано с тем условием, чтобы поработанные верили в его необходимость. Напротив, познание того, что оно имеет переходящий характер, становится причиной его преодоления. Отсюда неискоренимое нежелание господствующего класса признать результаты марксизма. При этом при своей сложности система требует для своего изучения такого труда, на который не пойдет тот, кто с самого начала убежден в бесплодности и вредности результатов. Таким образом, марксизм — логически научная, объективная, свободная от оценок наука — по своему историческому положению необходимо остается достоянием представителей того класса, победу которого он возвещает в результате своих исследований. Только в этом смысле марксизм — наука пролетариата и противостоит буржуазной экономии, неуклонно сохраняя притязания всякой науки на объективную общезначимость своих выводов.

Предлагаемая работа в основных чертах была закончена, в сущности, уже четыре года тому назад. Внешние обстоятельства вновь и вновь препятствовали ее завершению. Я позволил бы себе, однако, отметить, что главы, трактующие проблему денег, были готовы еще до появления работы Кнаппа и что в них внесены лишь несущественные изменения и критические дополнения. Эти же главы скорее всего представят некоторые трудности: ведь в денежных делах обыкновенно слишком легко заканчивается не только благодушие, но и теоретическое понимание. Это видел, впрочем, уже Фуллартон, который меланхолически заявляет: «Поистине, широкая публика никогда не примет сколько-нибудь действи-

тельного и непосредственного участия в этом предмете. Это — предмет, относительно которого прогресс общественного мнения всегда был и — увы! — всегда будет чрезвычайно медленным». С того времени положение, несомненно, не улучшилось. Поэтому мы спешим заверить, что, преодолев первые главы, нетерпеливый читатель, надо надеяться, не будет особенно жаловаться на трудность понимания дальнейших исследований.

Рудольф Гильфердинг

Берлин—Фриденау,
святки, 1909 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДЕНЬГИ И КРЕДИТ

Глава первая

НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕНЕГ

Производственное сообщество людей [*menschliche Produktionsgemeinschaft*] в принципе может быть построено двояким образом. Прежде всего здесь возможно сознательное регулирование. Общество — является ли оно самодовлеющей [*selbstwirtschaftende*] патриархальной семьей, коммунистическим племенем или социалистическим обществом — создает для себя органы, которые как представители общественного сознания определяют размеры и характер производства и распределяют добытый общественный продукт между членами. Как, где, сколько, какими орудиями производятся новые продукты при наличных естественных и искусственных условиях производства — все это решает *Pater familias* [отец семейства] или коммунальные, местные или национальные комиссары социалистического общества. Зная на основании личного опыта потребности и ресурсы семьи, или учитывая общественные потребности с помощью всех средств организованной статистики производства и потребления, они с сознательным предвидением организуют всю экономическую жизнь в соответствии с потребностями тех сообществ, которые они сознательно представляют и которыми они сознательно руководят. В процессе производства сознательно устанавливаются взаимные отношения между членами организованного таким образом общества, как между элементами единого производственного сообщества. Организация труда и распределения продуктов подлежат центральному контролю. Производственные отношения являются непосредственно общественными отношениями; отношения индивидуума, поскольку они касаются экономической жизни, являются изъятными из-под его индивидуальной воли общественными отношениями, определяемыми общественным строем. Сами производственные отношения непосредственно воспринимаются,

как сознательно и преднамеренно установленные сообществом.

Иначе обстоит дело с обществом, не имеющим такой сознательной организации. Оно распадается на независимых друг от друга индивидуумов, чье производство является уже не общественным, а их частным делом. Таким образом они — частные собственники, вынуждаемые развитием разделения труда вступать во взаимные отношения; акт, которым они это совершают, есть обмен их продуктов. Только этим актом и устанавливается здесь связь, в этом обществе, расчлененном на атомы частной собственностью и обменом. Только как посредствующее звено общественных связей обмен и является предметом теоретико-экономического анализа. В самом деле, обмен может происходить и в социалистическом обществе. Но это — обмен на основе известных распределительных норм, наперед установленных волей и сознанием общества. Этот обмен является как бы частной поправкой к общественному распределению, частным актом, вытекающим из субъективных вкусов и соображений; это — не объект экономического анализа. Для теоретической экономии он играет такую же роль, как, например, обмен игрушками в детской между Лоттой и Фрицем, мена, в корне отличающаяся от того акта купли, который совершил их отец у торговца игрушками. Только этот последний обмен и является слагаемым в той сумме всех меновых актов, посредством которых реализуется общество как производственное сообщество, каким оно в действительности является. В каждом таком меновом акте необходимо находит свое выражение производственное *сообщество*, только такими актами и осуществляется связь общества, расчлененного разделением труда и частной собственностью, в единое целое.

Поэтому, если Маркс говорит в одном месте, что значение сюртука в меновом акте больше, чем вне такового, то он мог бы также сказать, что в сфере одних определенных общественных связей значение менового отношения больше, чем в рамках других общественных связей¹. Только там, где лишь через обмен осуществляется общественная связь, следовательно, в обществе, в котором индивидуумы, с одной стороны, обособлены частной собственностью и разделением труда, а с другой стороны, не могут обойтись одни без других, — только там обмен и становится социальным актом, только там он и должен выполнить свою необходимую функцию: сделать возможным жизненный процесс общества. В совершении всех меновых актов, возможных в этом обществе,

¹ При такой в корне различной природе менового акта является абсурдом стремление раскрыть одинаковые законы для меновых актов при совершенно различных общественных формациях.

должно найти себе выражение то, что в коммунистическом сознательно регулируемом обществе сознательно определяется центральным органом общества: что и в каком количестве следует производить, где и кто должен производить. Словом, обмен должен довести до сведения товаропроизводителей то же самое, что членам социалистического общества сообщают его органы, которые сознательно регулируют производство, определяют распорядок работ и т. д. Задача теоретической экономии заключается в том, чтобы найти закон обмена, определяемого указанным способом. Из этого закона должно вытекать регулирование производства в обществе товаропроизводителей точно так же, как из законов, распоряжений и предписаний социалистического управления вытекает ненарушаемый ход социалистического хозяйства. Разница лишь в том, что закон этот не непосредственно и сознательно предписывает людям их поведение в производстве, а действует с «социальной естественной необходимостью», подобно законам природы¹.

Но обмен также должен отвечать и на вопрос, должен ли производиться продукт самостоятельным ремесленником или капиталистическим предпринимателем; это — ответ на вопрос о том изменении меновых отношений, которое в *пределах* товарного производства ведет от простого товарного к капиталистическому производству. Однако обмен *качественно* различен только при различных формах общества, например, в социалистическом обществе он по существу иной, чем в обществе товаропроизводителей. Напротив, в обществе товаропроизводителей он качественно одинаков — в рамках последнего меняется только количественное отношение обмениваемых товаров. При товарном производстве в основе обмена лежит объективно общественный момент, определяющий меновые пропорции: общественно необходимое время, воплощенное в обмениваемых предметах. В коммунистических обществах в основе обмена лежит только субъективное приравнивание, определяемое одинаково направленной волей. Обмен здесь случаен, он не может быть объектом теоретико-экономического анализа. Его невозможно теоретически анализировать, его можно понять лишь психологически. Но так как обмен всегда является количественным отношением двух вещей, то племя никогда не замечает этого отличия².

¹ См. J. Karner (Dr. Karl Renner), Die soziale Funktion der Rechtsinstitute, Marx-Studien, Bd. I, Heft II, S. 108. Итак, это — законы совершенно особого рода, которые вытекают лишь из определенных общественных связей и с ними и исчезают, но в их рамках обнаруживают свое причинное действие. Познавание именно этих законов и составляет задачу *теоретико-экономического* анализа.

² «Их (товаропроизводителей) *общественные* отношения представляются сведенными к *частным* отношениям обмена. Но обмен как таковой есть прежде всего частное отношение. Для того чтобы два человека могли вступить в ме-

Обслуживая общественный обмен веществ, меновой акт определяется в свою очередь необходимостью общественного обмена веществ. Каким бы случайным ни представлялся единичный или обособленно взятый меновой акт, он может совершаться в течение продолжительного времени и многократно лишь при условии, если он делает возможным общественный обмен веществ, если он обеспечивает производство и воспроизводство общества. Следовательно, общественное производство становится условием меновых актов отдельных индивидуумов, которые только меновыми актами и связываются в общество и получают свою долю в продукте всего общественного производства, подлежащем распределению между ними. Только отношение к совокупному производству общества и возвышает единичный меновой акт над областью случайного, произвольного и субъективного и превращает его в нечто регулярное, необходимое и объективное, в условии общественного обмена веществ, а следовательно, в жизненную необходимость для индивидуума. В самом деле, общество, построенное на частной собственности и разделении труда, возможно только при взаимных меновых отношениях между индивидуумами, оно становится обществом только посредством процесса обмена — единственного общественного процесса, известного этому обществу в качестве *экономического* процесса. Только в рамках этого общества акт обмена становится объектом особого анализа, который задается вопросом: каковы свойства менового акта, обслуживающего обмен веществ в обществе?

В этом меновом акте потребительная стоимость сделалась товаром, вещью, предназначенной уже не для удовлетворения потребности данного индивидуума, создаваемой и уничтожаемой не этой потребностью, а вещью, предназначенной для общества, все судьбы которой, иногда более превратные, чем Одиссея, — ибо что значит в настоящее время одноглазый Полифем по сравнению с аргусовыми глазами таможенных чиновников Нью-Порта или что такое прекрасная Цирцея по сравнению с германской ветеринарной полицией? — зависят от необходимости общественного обмена веществ. Потребитель-

новое отношение, требуется только одно: чтобы у них был известный предмет и чтобы было желание отдать его за другой. Но как таковой обмен представляет собой явление, известное всем формациям общества, потому что все общественные формации знают собственность.

В самом деле, обмен ручками и марками на школьной скамье, обмен верховой лошастью и автомобилем между двумя членами социалистического общества — все это частное дело, совершенно безразличное для теоретической экономики. Основная иллюзия теории предельной полезности лежит в том, что посредством анализа обмена, как чисто частного акта, она хочет напасть на след законов капиталистического общества». (*Hilferding, Zur Problemstellung der theoretische Ökonomie bei Karl Marx, «Neue Zeit», 1904—1905, Bd. I, S. 106.*)

тельная стоимость сделалась товаром, потому что производители ее находятся в определенном общественном отношении, при котором они должны противостоять друг другу как независимые товаропроизводители. И лишь в этой форме потребительная стоимость — вообще естественная, лишенная всякой проблематичности вещь — становится выражением общественного отношения, следовательно, приобретает общественную сторону в своем бытии. Что потребительная стоимость — продукт труда, это уже перестает быть просто ее естественным свойством, но становится в то же время и общественным фактом. Теперь предстоит раскрыть закон этого общества как производственного, как *трудового* сообщества. Всякая отдельная работа предстает теперь под новым углом зрения, как часть того совокупного труда, которым располагает данное производственное сообщество. Только с этой точки зрения труд и является трудом, создающим *стоимость*.

Меновой акт становится доступным анализу, потому что он является теперь не только индивидуальной потребностью, но и общественной необходимостью, которая превращает индивидуальную потребность в свое простое орудие и тем самым вводит в определенные рамки. Индивидуальная потребность может получить удовлетворение лишь в той мере, в какой это допускает общественная необходимость. Само собою разумеется, что без удовлетворения индивидуальных потребностей человеческое общество вообще немыслимо. Но обмен перестает быть функцией индивидуальной потребности, как было в коллективистском обществе; напротив, индивидуальная потребность удовлетворяется лишь постольку, поскольку обмен доставляет ей известную долю из общественного производства. Именно этим последним определяется обмен. Но обмен представляется просто количественным отношением между двумя вещами¹. Он имеет место, если количество определено. Но количество, перемещающееся в акте обмена, приобретает в нем значение только как часть всей массы общественного производства. Последнее же в свою очередь определяется с количественной стороны тем рабочим временем, которое должно быть затрачено обществом на производство всего продукта. Общество берется здесь как единое целое, производящее продукты всей своей рабочей силой; индивидуум с его трудом является лишь органом общества; как такой орган, он соучаствует в продукте лишь в той мере, в какой его рабо-

¹ Эти вещи в обществе товаропроизводителей вообще *должны* вступать в отношение друг к другу, и они *могут* вступать в отношение только как выражение общественно необходимого рабочего времени. Только как такие выражения они соизмеримы. В теории стоимости существенно то, что они — продукт общественного рабочего времени, общественный продукт, а не то, что это рабочее время во всех случаях одинаково на обеих сторонах менового отношения. Это — вторичный момент, он определяет меновое отношение лишь в условиях *простого* товарного производства.

чая сила соответствует общественно средней силе, предполагая, что последняя дана как со стороны интенсивности, так и производительности. Если индивидуум работал слишком медленно или производил бесполезный предмет — а таковым будет и полезный вообще предмет, если только его слишком много в общественном обмене веществ, — то труд данного индивидуума будет сведен к среднему труду, к общественно необходимому рабочему времени. Если сумма рабочего времени для всего продукта, таким образом, дана, то обмен должен выразить этот факт. Наиболее простое выражение последний получает при том условии, если количественное отношение товаров в обмене равно количественному отношению общественно необходимого рабочего времени, затраченного на их производство. Тогда товары обмениваются по своей стоимости.

А эти отношения осуществляются, если условия товарного производства и товарного обмена социально равны для всех членов общества, если все они суть самостоятельные владельцы средств своего производства, производящие с их помощью продукт и обменивающие его на рынке. Эти отношения — элементарнейшие, и потому они служат исходным пунктом для теоретического анализа. Только исходя из них можно понять различные модификации. Но последние всегда должны удовлетворять следующему основному условию: как бы ни складывались единичные меновые акты, в сумме меновых актов должен осуществляться обмен всего общественного продукта. В свою очередь сами модификации могут быть вызваны лишь различным положением членов общества в производстве, и они должны вызываться именно этим, так как только в меновом акте осуществляется общественная связь не только производства, но и производителей. Экспроприация одной части общества и монопольная собственность на средства производства другой части, разумеется, модифицирует обмен, потому что только в нем и может проявиться это неравенство членов общества. Но так как меновой акт есть отношение равенства, то неравенство является и теперь равенством, но уже не стоимостей, а цен производства; следовательно, неравенство трудовых затрат (а в то же время и безразличие капиталистов к трудовым затратам как к затратам чужого труда) выступает в равенстве норм прибыли. Это равенство не выражает ничего иного, кроме того, что в капиталистическом обществе решающее значение принадлежит капиталу; поэтому отдельный меновой акт больше уже не подчиняется условию: равный труд за равный труд, но условию: на равный капитал одинаковая прибыль. Равенство труда заменилось равенством прибыли, и продукты продаются не по их стоимостям, а по ценам производства.

Если обмен, таким образом, определяется обществом, то, с другой стороны, общество и отдельный индивидуум узнают

тельная стоимость сделалась товаром, потому что производители ее находятся в определенном общественном отношении, при котором они должны противостоять друг другу как независимые товаропроизводители. И лишь в этой форме потребительная стоимость — вообще естественная, лишенная всякой проблематичности вещь — становится выражением общественного отношения, следовательно, приобретает общественную сторону в своем бытии. Что потребительная стоимость — продукт труда, это уже перестает быть просто ее естественным свойством, но становится в то же время и общественным фактом. Теперь предстоит раскрыть закон этого общества как производственного, как *трудового* сообщества. Всякая отдельная работа предстает теперь под новым углом зрения, как часть того совокупного труда, которым располагает данное производственное сообщество. Только с этой точки зрения труд и является трудом, создающим *стоимость*.

Меновой акт становится доступным анализу, потому что он является теперь не только индивидуальной потребностью, но и общественной необходимостью, которая превращает индивидуальную потребность в свое простое орудие и тем самым вводит в определенные рамки. Индивидуальная потребность может получить удовлетворение лишь в той мере, в какой это допускает общественная необходимость. Само собою разумеется, что без удовлетворения индивидуальных потребностей человеческое общество вообще немыслимо. Но обмен перестает быть функцией индивидуальной потребности, как было в коллективистском обществе; напротив, индивидуальная потребность удовлетворяется лишь постольку, поскольку обмен доставляет ей известную долю из общественного производства. Именно этим последним определяется обмен. Но обмен представляется просто количественным отношением между двумя вещами¹. Он имеет место, если количество определено. Но количество, перемещающееся в акте обмена, приобретает в нем значение только как часть всей массы общественного производства. Последнее же в свою очередь определяется с количественной стороны тем рабочим временем, которое должно быть затрачено обществом на производство всего продукта. Общество берется здесь как единое целое, производящее продукты всей своей рабочей силой; индивидуум с его трудом является лишь органом общества; как такой орган, он соучаствует в продукте лишь в той мере, в какой его рабо-

¹ Эти вещи в обществе товаропроизводителей вообще *должны* вступать в отношение друг к другу, и они *могут* вступать в отношение только как выражение общественно необходимого рабочего времени. Только как такие выражения они соизмеримы. В теории стоимости существенно то, что они — продукт общественного рабочего времени, общественный продукт, а не то, что это рабочее время во всех случаях одинаково на обеих сторонах менового отношения. Это — вторичный момент, он определяет меновое отношение лишь в условиях *простого* товарного производства.

чая сила соответствует общественно средней силе, предполагая, что последняя дана как со стороны интенсивности, так и производительности. Если индивидуум работал слишком медленно или производил бесполезный предмет — а таковым будет и полезный вообще предмет, если только его слишком много в общественном обмене веществ, — то труд данного индивидуума будет сведен к среднему труду, к общественно необходимому рабочему времени. Если сумма рабочего времени для всего продукта, таким образом, дана, то обмен должен выразить этот факт. Наиболее простое выражение последний получает при том условии, если количественное отношение товаров в обмене равно количественному отношению общественно необходимого рабочего времени, затраченного на их производство. Тогда товары обмениваются по своей стоимости.

А эти отношения осуществляются, если условия товарного производства и товарного обмена социально равны для всех членов общества, если все они суть самостоятельные владельцы средств своего производства, производящие с их помощью продукт и обменивающие его на рынке. Эти отношения — элементарнейшие, и потому они служат исходным пунктом для теоретического анализа. Только исходя из них можно понять различные модификации. Но последние всегда должны удовлетворять следующему основному условию: как бы ни складывались единичные меновые акты, в сумме меновых актов должен осуществляться обмен всего общественного продукта. В свою очередь сами модификации могут быть вызваны лишь различным положением членов общества в производстве, и они должны вызываться именно этим, так как только в меновом акте осуществляется общественная связь не только производства, но и производителей. Экспроприация одной части общества и монопольная собственность на средства производства другой части, разумеется, модифицирует обмен, потому что только в нем и может проявиться это неравенство членов общества. Но так как меновой акт есть отношение равенства, то неравенство является и теперь равенством, но уже не стоимостей, а цен производства; следовательно, неравенство трудовых затрат (а в то же время и безразличие капиталистов к трудовым затратам как к затратам чужого труда) выступает в равенстве норм прибыли. Это равенство не выражает ничего иного, кроме того, что в капиталистическом обществе решающее значение принадлежит капиталу; поэтому отдельный меновой акт больше уже не подчиняется условию: равный труд за равный труд, но условию: на равный капитал одинаковая прибыль. Равенство труда заменилось равенством прибыли, и продукты продаются не по их стоимостям, а по ценам производства.

Если обмен, таким образом, определяется обществом, то, с другой стороны, общество и отдельный индивидуум узнают

о законе этого общества только тогда, когда обмен совершился. В самом деле, труд отдельного индивидуума есть прежде всего только его индивидуальная работа, вытекающая из его индивидуальной воли,— частный труд, не общественный труд. Согласуется ли она с теми условиями общественного обмена веществ, для совокупности которых его труд будет только одним частичным условием, это скажется лишь тогда, когда все эти частичные условия подвергнутся взаимному сопоставлению и сравнению и в своей совокупности осуществят общее условие общественного обмена веществ.

Товары суть воплощения общественно необходимого рабочего времени. Но это рабочее время, как таковое, не получает непосредственного выражения, такого, например, как в обществе Родбертуса, где центральная власть непосредственно устанавливает для каждого продукта общественно значимое рабочее время. Оно проявляется лишь в приравнивании одной вещи к другой в акте обмена. Следовательно, стоимость одной вещи, время, общественно необходимое для ее производства, находит себе выражение не как таковое, не как восьми-, десяти- или двенадцатичасовой труд, а как определенное количество другой вещи. Эта вещь в том виде, как она непосредственно существует, со всеми ее естественными свойствами, служит, следовательно, выражением стоимости другой вещи, эквивалентом последней. Например, в уравнении: 1 сюртук = 20 м холста — эти 20 м холста служат эквивалентом сюртука. Они равны ему, потому что и они суть воплощение общественно необходимого рабочего времени, и как таковые все товары равны между собою.

Выражение стоимости, этого общественного отношения, в другой *вещи*, следовательно, в потребительной стоимости, отличной от потребительной стоимости того товара, стоимость которого должна быть выражена, непосредственно вытекает из природы товарного производства и неотделимо от нее. Ведь только вследствие того, что потребительная стоимость одного становится товаром и вместе с тем потребительной стоимостью другого,— только так и возникают присущие товарному производству общественные отношения между его членами, взаимные связи между ними, как обменивающимися своими вещами. И лишь после того, как обмен совершился, производитель узнает, действительно ли его товар удовлетворяет общественную потребность и правильно ли использовал он свое рабочее время. Он получает подтверждение, что он полноценный член общества товаропроизводителей. Но это подтверждение дает не какое-либо лицо, которое может говорить от имени этого общества, критиковать его работу (как, например, раздатчик критикует труд своего ткача), одобрять или отвергать ее: его общественная значимость подтверждается посредством той вещи, которую он получает

в обмен на свою. Ибо общество строит свое дело на вещи (и как раз на этом вопреки Штирнеру базируется его анархия), а не на лицах с их коллективным сознанием. Вещь, которая может дать производителю упомянутое признание, должна, следовательно, иметь необходимое удостоверение, иначе она не могла бы выступать от имени общества. Она получает это удостоверение точно так же, как получают свои удостоверения другие органы, т. е. посредством общих действий тех, кто дает удостоверения. Как люди соединяются и уполномачивают одного из своей среды на определенные действия от их имени, так и товары должны соединиться, чтобы в свою очередь уполномочить особый товар, который от их имени должен в этом товарном мире наделять правами гражданства, полными или урезанными правами гражданства. Но единственная форма, в которой товары могут соединяться,— это товарообмен. Действительно, в капиталистическом обществе общественные акты товаров на рынке играют такую же роль, как в социалистическом обществе общественное сознание. Сознание буржуазного мира сводится к рыночному бюллетеню. Только совершая акты обмена, индивидуум узнает закон общности. И только в том случае, если для индивидуума акт обмена увенчался успехом, он получает доказательство, что он произвел нечто общественно необходимое; только тогда он и может вновь возобновить производство. Вещь, которая посредством совместных действий товаров получила полномочие на то, чтобы выражать стоимость всех остальных товаров,— это *деньги*. С развитием товарообмена одновременно развивается и признание этого особенного товара.

А и В как товаровладельцы вступают в общественное отношение лишь при том условии, если они взаимно обмениваются своими продуктами. Отношение осуществляется в том случае, если сюртук обменивается на 20 м холста. Если товарное производство приобретает характер всеобщности, портному приходится удовлетворять все свои потребности посредством обмена. Вместо прежнего единичного отношения к ткачу полотна он теперь вступает и в многочисленные другие. 1 сюртук = 20 м холста, но в то же время он равен и 5 фунтам сахара, и 10 фунтам хлеба, и т. д. Но так как все товаропроизводители вступают в столь же многочисленные отношения, то мы получаем в конце концов бесконечное множество меновых уравнений, в которых товары приравниваются друг к другу, взаимно измеряют свою стоимость. Но, взаимно соизмеряясь, они в то же время все чаще измеряют свою стоимость в одном определенном товаре, который таким образом становится всеобщей мерой стоимости.

Уже простое выражение стоимости, например, 1 сюртук = 20 м холста, выражает общественное отношение, но оно

может быть только случайным и единичным. Для того чтобы развернуться в действительное выражение общественных отношений, уравнение стоимости не должно быть единичным. Когда товарное производство становится всеобщей формой общественного производства, тогда общественный обмен веществ, а следовательно, и общественная связь работников осуществляется в бесчисленных меновых актах, а потому и в бесчисленных уравнениях стоимости. И только совокупными функциями товаров в процессе обмена частное, индивидуальное и конкретное рабочее время отдельного члена общества превращается в то всеобщее, общественно необходимое и абстрактное рабочее время, которое создает стоимость. Взаимно и во всевозможных комбинациях соизмеряясь друг с другом в меновых актах, товары в то же время все чаще измеряются каким-либо одним отдельным товаром. Тогда остается только, чтобы обычай фиксировал его в качестве мерила стоимости, и он становится деньгами.

Итак, для того чтобы общественное производство и воспроизводство вообще стали возможны, необходим обмен *стоимостей*. Только в нем частные работы становятся общественно признанными, удостоверенными, и взаимные отношения вещей превращаются в общественные отношения соответствующих производителей. Как бы ни совершался обмен, будь то непосредственный обмен товаров или же обмен через посредство денег,— он necessarily является обменом эквивалентных стоимостей. Следовательно, деньги в качестве стоимости суть товар, подобный всякому другому, и необходимость того, что деньги имеют стоимость, вытекает непосредственно из самого характера общества товаропроизводителей¹.

Деньги являются таким же товаром, как и все прочие, и тем самым олицетворяют стоимость. Но от всех остальных товаров деньги отличаются прежде всего тем, что они являются для всех других товаров эквивалентом, т. е. товаром, в котором все другие товары выражают свою стоимость. Что они сделались таковым,— это результат совокупности меновых процессов². Тем самым они уполномочены функционировать в качестве меры стоимости. Денежный товар, т. е. определенное тело со всеми его естественными свойствами, является теперь непосредственным выражением стоимости, этого свойства, которое ведет свое происхождение из общественных

¹ В дальнейшем мы узнаем, насколько это положение модифицируется современными формами бумажно-денежного обращения.

² Стоимостью всякий товар обладает как воплощение общественно необходимого рабочего времени, следовательно, как результат процесса товарного *производства*. Поэтому в процесс обмена он вступает уже как носитель стоимости. В этом смысле Маркс говорит: «Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости», а именно форму всеобщего эквивалента. (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 97.)

отношений товарного производства и из их вещного выражения. Из этого же видно, каким образом из самого процесса обмена, из необходимости постоянного приравнивания товаров друг к другу возникает необходимость общей меры стоимости, в которой стоимость всякого другого товара выражается непосредственно и на которую последний может быть во всякое время непосредственно обменян. Следовательно, деньги, с одной стороны,— товар. Но, с другой стороны, этот товар постоянно отодвигается на особое место эквивалента. Это произошло в результате действий всех остальных товаров, которые уполномочили денежный товар в качестве своего единственного и всеобщего эквивалента.

Итак, меновая стоимость всех товаров получает общественно значимое выражение в денежном товаре, в определенном количестве его потребительной стоимости. Таким образом, благодаря взаимным действиям всех остальных товаров, измеряющих в нем свою стоимость, денежный товар является непосредственным воплощением общественно необходимого рабочего времени. Следовательно, деньги есть «меновая стоимость товаров как особенный выделенный товар...»¹ Так все товары, превращаясь меновым актом в деньги, приобретают свое общественное подтверждение.

По Эрнсту Маху, «я» есть только тот фокус, в котором теснее сходятся бесконечные нити ощущений, составляющие своей сетью картину мира. Точно так же деньги являются узлом в сети общественных связей общества товаропроизводителей — в той сети, которая сплетается из бесчисленных нитей единичных меновых актов. В то же время в деньгах общественное отношение людей сделалось вещью, таинственно блистающим предметом, который своим обманчивым блеском все еще ослепляет глаза столь многих экономистов, если только они не предпочитают с самого начала смотреть закрытыми глазами.

* *
*

Вступая в процессе обмена во взаимные отношения, товары сводятся к продуктам общественно необходимого рабочего времени и как таковые уравниваются. В процессе обмена порывается та связь, которая соединяет товар как потребительную стоимость с особой потребностью определенного индивидуума. В обмене товар функционирует только как меновая стоимость. И только посредством обмена, т. е. после того, как последний завершен, товар вновь становится потребительной стоимостью, возникает новая связь с другой индивидуальной потребностью. Следовательно, в деньгах,

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 36.

потребительная стоимость которых есть не что иное, как воплощение общественно необходимого рабочего времени, меновая стоимость товара выражается непосредственно как меновая стоимость. Таким образом, в деньгах меновая стоимость товара получает самостоятельное значение по отношению к его собственной потребительной стоимости. Только превращением денег в товар последний реализуется как потребительная стоимость, между тем как его меновая стоимость уже заключается в деньгах. После этого товар как потребительная стоимость покидает сферу обращения и переходит в сферу потребления.

Деньги только потому могут сделаться всеобщим эквивалентом, что они товар, следовательно, меновая стоимость. Но в качестве меновой стоимости каждый товар есть мера стоимости всех других товаров. Поскольку все товары в процессе своих взаимных действий вступают в отношение к одному определенному товару, этот особенный товар становится адекватным бытием меновой стоимости, ее бытием в качестве всеобщего эквивалента. В обществе, которое разделением труда и частной собственностью расчленено на отдельные атомы и все же, несмотря на отсутствие общего сознания, является производственным сообществом, производители только через посредство своих материальных продуктов вступают в отношения между собой. Это означает, что все товары суть меновые стоимости, и с развитием денег это проявляется в том, что все продукты труда как меновые стоимости представляют лишь различные количества одного и того же предмета — денег. Всеобщее рабочее время является в свою очередь экономическим выражением производственного *сообщества*, а следовательно, и само это сообщество представляется теперь особенной вещью, товаром, существующим наряду со всеми остальными и кроме всех остальных товаров.

В процессе обмена товар засвидетельствовал, что он потребительная стоимость, и доказал, что он удовлетворяет известной потребности и притом в общественно необходимых размерах. Раз так, он тем самым стал меновой стоимостью для всех других товаров, удовлетворяющих тому же самому условию. В этом выражается превращение его в деньги, в представителя меновой стоимости вообще. Став деньгами, он стал меновой стоимостью для всех остальных товаров. Товар должен стать деньгами, потому что только тогда и будет общественно выражено, что он потребительная стоимость и меновая стоимость, действительное единство обоих. Но именно потому, что все товары превращаются в деньги путем отчуждения их в качестве потребительных стоимостей, деньги становятся превращенной формой бытия всех остальных товаров. И только как результат этого превращения всех остальных товаров в деньги деньги становятся непосредственным ове-

ществом всеобщего рабочего времени, т. е. продуктом всеобщего отчуждения и утраты индивидуальными работами их индивидуального характера.

Итак, необходимость денег вытекает из самого существа товаропроизводящего общества, которое узнает присущие ему законы только из обмена товаров как продуктов общественно необходимого рабочего времени, из того, что общественная связь производителей выражается в цене их продуктов, определяющей их долю в производстве продуктов и в их распределении. Своеобразный способ регулирования этого общества посредством закона цен требует особого товара в качестве орудия обмена товаров, так как только этот товар и воплощает рабочее время в качестве общественно необходимого рабочего времени. То, что орудие обмена должно обладать стоимостью, непосредственно вытекает из характера того общества, в котором потребительные стоимости сделались товарами и как таковые должны пройти через процесс обмена. «Тот самый процесс, который из продукта делает товар, превращает товар в деньги».

Общественные связи осуществляются без участия сознания; они складываются посредством обмена товаров. Лишь в процессе обмена, следовательно, после того как уже миновал и не может быть изменен процесс производства, которым собственно уже фиксирована определенная общественная связь, получается подтверждение, что единичный производитель правильно с точки зрения всего общества оценил эту связь. Все это и есть анархия капиталистического способа производства. Это — анархия, потому что здесь нет сознания, которое с самого начала организовало бы производство в соответствии со своими целями. До отдельных же членов с их индивидуальным, а не общественным сознанием, связь общественных отношений доходит наподобие закона природы, который действует независимо от воли подвергающихся его воздействию, хотя он и существует только благодаря их собственным общественным действиям, не осознанным ими именно потому, что они общественные. Эти действия никогда не предпринимаются сознательно и с намерением установить общественную связь, они всегда служат лишь удовлетворению индивидуальных потребностей. В этом смысле можно было бы сказать также, что необходимость обслуживать обмен деньгами, т. е. материалом, который и сам обладает стоимостью, вытекает из *анархии* товаропроизводящего общества.

Итак, если, с одной стороны, деньги являются необходимым продуктом товарообмена, то, с другой стороны, они сами являются условием того, чтобы обмен продуктов, превращающихся в товары, приобрел характер всеобщности. Они делают товары непосредственно сравнимыми, становясь мерой их стоимости. Это происходит потому, что в качестве стоимости

деньги суть то же самое, что и товары, а в формуле стоимости нечто противоположное товарам — эквивалент, т. е. потребительная стоимость, в которой нашла себе выражение стоимость.

Следовательно, деньги естественным путем возникают из меновых отношений, которые являются их единственной предпосылкой. Меновые отношения делают деньгами тот товар, который наиболее пригоден для этой роли в силу своих естественных свойств. Потребительная стоимость этого товара, например золота, делает его денежным *материалом*. Золото не является деньгами по своей природе (а лишь вследствие определенной структуры общества), но деньги по своей природе — золото. Следовательно, государство или закон не могут произвольно устанавливать ни характер денег, ни даже денежный материал. Государство и закон делают деньги прежде всего только монетой. Государство здесь ничего не изменяет, кроме количественных подразделений золота. Если оно раньше делилось и измерялось по весу, то теперь — на основе какого-либо иного масштаба, произвольного, а потому неизбежно построенного на сознательном соглашении. Так как общество товаропроизводителей находит свою высшую сознательную организацию в государстве, то государство и должно санкционировать это соглашение, чтобы оно приобрело значение для всего общества. Дело здесь обстоит так же, как при установлении других мер, например мер длины. Различие лишь в том, что здесь речь идет о масштабе стоимости, а стоимость всегда заключается в какой-нибудь вещи и в каждой вещи различна в зависимости от времени, затраченного на ее производство. Следовательно, государство должно установить и ту вещь, которая является денежным материалом. Этот масштаб играет свою роль только в сфере соглашения, например внутри государства. За чертой государства он недействителен. На мировом рынке золото и серебро как деньги принимаются только по весу¹. Соглашение относительно определенных денег при отсутствии государственного вмешательства может быть осуществлено и частными лицами, например купцами определенного города, но и тогда оно, разумеется, распространяется лишь на данный круг лиц².

Итак, государство тем или иным способом подразделяет золото, и каждая часть отмечается посредством государст-

¹ По крайней мере до тех пор, пока тенденция к единой державиию золота еще не вполне реализовалась.

² Примером может служить гамбургская банковая система с 1770 г. Обороты балансировались посредством переводов на гамбургский расчетный банк. Операции производились лишь по уплате полноценным серебром. Денежным материалом было серебро, единицей измерения — кельнская марка чистого серебра, за которую записывалось $27\frac{3}{4}$ банковых марок. Следовательно, те расчетные деньги, которыми гамбургская торговля пользовалась до 1872 г., имели в основе нечеканенное серебро. При этом несущественно, что действи-

венной чеканки. Теперь все цены выражаются в этом масштабе. Таким образом, государство установило масштаб цен. В качестве меры стоимостей золото функционирует потому, что оно товар, следовательно, стоимость — воплощение общественно необходимого рабочего времени. В этом качестве стоимость золота изменяется с изменением времени, необходимого на его производство. Как масштаб цен золото подразделяется на части равного веса, и это подразделение неизменно по своему значению. Чеканка есть не что иное, как удостоверение, что отчеканенный экземпляр денег содержит определенное весовое количество денежного материала, например золота. В то же время это дает значительное техническое упрощение. Теперь уже не надо взвешивать деньги — их приходится просто считать. Вместе с тем теперь можно удобно представить всякое количество стоимости, какое потребуется в обмене.

Глава вторая

ДЕНЬГИ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЩЕНИЯ

Процесс обращения имеет форму: товар — деньги — товар ($T - D - T$). В этом процессе осуществляется общественный обмен веществ. А продает свой товар, не представляющий для него потребительной стоимости, и покупает другой, который является для него потребительной стоимостью. В этом процессе деньги играют лишь роль доказательства, что индивидуальные условия, при которых произведен товар, соответствуют общественным условиям производства. Значение же процесса заключается в удовлетворении потребности отдельного индивидуума, что становится возможным лишь путем всестороннего перемещения товаров. Стоимость товара возмещается стоимостью другого товара. Товар потребляется и выпадает из сферы обращения.

тельное серебро сохранялось в кладовых банка, а в обращении были только квитанции (это нечто совершенно иное, чем банковые билеты). «Бумажные деньги» с полным металлическим покрытием, представляющие просто расписку в получении от владельца последней действительного металла, действительно сохраняемого в банке, — это чисто *техническое* приспособление и простая мера предосторожности против снашивания металла. Эти деньги точно так же не затрагивают ни одного из законов денежного обращения, как если бы в обращении находились действительные слитки серебра, обернутые кожей или бумагой.

Государство первоначально может играть только такую роль, как показано в тексте. Этим упраздняется иллюзия Кнаппа, будто деньги *возникают* только в результате решения государства. В то же время мы видим, что исторически деньги первоначально развились из обращения. Следовательно, это прежде всего — орудие обращения. Только тогда, когда они стали всеобщей мерой стоимостей и всеобщим эквивалентом, они стали и всеобщим платежным средством. Это против Кнаппа. (*Knapp, Staatliche Theorie des Geldes, S. 3.*)

Но если товар, таким образом, постоянно выпадает из сферы обращения, то деньги постоянно остаются в этой сфере. Место, освобожденное товаром, занимает равное по стоимости количество денег. Следовательно, процесс кругооборота товаров является процессом оборота денег. Теперь возникает вопрос: какое же количество денег необходимо для обращения? При этом речь идет о действительном противопоставлении денег и товаров друг другу. Следовательно, количество средств обращения в первую очередь определяется суммой цен товаров. Если предположить, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями товарных цен, причем безразлично, соответствует ли изменение цен действительному изменению стоимости или же это простые колебания рыночных цен¹. Это относится к случаям, когда акты купли и продажи сосуществуют в пространстве. Напротив, если эти акты представляют собой просто звенья одного ряда, следующие друг за другом во времени, то действует уравнение: сумма товарных цен, деленная на число оборотов одноименных монет, дает то количество денег, которое функционирует в качестве средства обращения. При этом закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег, может быть выражен еще следующим образом: при данной сумме стоимостей товаров и данной средней скорости их метаморфоз количество обращающихся денег или денежного материала зависит от собственной стоимости последнего².

Мы видели, что такое деньги — общественное отношение, выраженное в вещи. Эта вещь служит непосредственным выражением стоимости. Но в отношении $T — D — T$ стоимость товаров постоянно замещается стоимостью другого товара. Следовательно, денежная форма здесь лишь мимолетна. Она выступает здесь просто как техническое вспомогательное средство, применение которого вызывает издержки, от чего необходимо по возможности избавиться. Одновременно с деньгами развивается, таким образом, стремление обходиться без денег³. В сфере товарного обращения деньги сначала выступают как твердый кристалл стоимости, в который превращается

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 125.

² См. там же, стр. 129 — 130.

³ Только с точки зрения буржуазного общества можно рассуждать так, как Вильсон, который полагает, что потерю для общества представляют только празднично лежащие деньги. Напротив, весь механизм обращения, поскольку он требует затраты стоимостей, является *faux frais* [непроизводительными издержками], и даже с более развитой буржуазной точки зрения золото, поскольку оно служит орудием обращения, представляет непроизводительный (т. е. не приносящий прибыли) расход, которого следует по возможности избежать: идея, которая была бы пугалом для системы меркантилизма (см. *James Wilson, Capital, Currency and Banking, London 1847, p. 10*).

товар, а затем расплываются в мимолетную эквивалентную форму товара¹.

Как кристалл стоимости деньги представляются необходимыми, как эквивалентная форма — излишними. Но необходимыми они представляются лишь потому, что только таким образом стоимость товара может получить общественно значимое выражение и что только так товар может превратиться из денег снова в какой угодно другой товар. Но так как денежная форма мимолетна, она важна не сама по себе (как бывает в тех случаях, когда процесс $T — D — T$ прерывается и деньги должны быть сохранены в течение более или менее продолжительного времени, чтобы когда-нибудь впоследствии сделать возможным процесс $D — T$), учитывается исключительно общественная сторона денег, то их свойство, что как стоимость они равны товару. Эта общественная сторона вещественно выражена в денежном *материале*, например в золотых деньгах. Но она непосредственно может быть выражена путем сознательного общественного регулирования, а так как сознательный орган общества, построенного на товарном производстве, есть государство, то, следовательно, путем государственного регулирования. Государство может установить, что определенные знаки, например определенно обозначенные бумажные знаки, являются заместителями денег, знаками денег.

Ясно, что эти знаки могут функционировать исключительно как посредники в обращении между двумя товарами. Для иных целей, для иных функций денег они непригодны. Следовательно, они должны были бы целиком войти в обращение, потому что только в обращении бытие стоимости в денежной форме носит неизменно мимолетный характер, так как эта форма постоянно замещается товарной формой стоимости. Но размеры этого обращения чрезвычайно изменчивы, потому что они, как нам известно, при неизменной скорости оборота денег зависят от суммы цен. Последняя же постоянно колеблется, причем особенно видную роль играют периодические колебания в течение года, например, когда продукты земледелия вступают в сферу обращения и своей массой увеличивают сумму цен, а также колебания цен в пределах цикла подъема и депрессии. Следовательно, количество бумажных денег всегда должно оставаться ниже минимального количества денег, необходимого для обращения. Но этот минимум может быть замещен бумажными деньгами², и так как он всегда

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 118.

² Здесь действует тот закон, что «выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро)». (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 134.)

требуется для обращения, то его вообще не приходится заменять золотом; следовательно, государство может наделить эти бумажные деньги принудительным курсом. Значит, в *пределах минимума обращения* вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно регулируемым общественным отношением. Это возможно потому, что ведь и металлические деньги представляют общественное отношение, хотя и скрытое под вещною оболочкой. Это необходимо понять, чтобы уяснить природу бумажных денег¹. Мы уже видели, что общество, построенное на товарном производстве, анархично и что из этой анархии вытекает необходимость денег. Для минимума обращения эта анархия как бы устраняется: ведь минимум товаров известной стоимости во всяком случае должен быть продан. Устранение действия анархии производства обнаруживается в возможности замещения золота простыми знаками стоимости.

Но это сознательное регулирование имеет свои пределы в минимуме обращения. Только в этих пределах денежный знак функционирует как полноправный заместитель денсг. Только в них бумага — символ золота. А так как размеры обращения подвержены постоянным колебаниям, то необходимо, чтобы наряду с бумажными деньгами золотые деньги постоянно могли притекать в обращение и уходить из него. Если этой возможности нет, то наступают отклонения номинальной стоимости бумаги от ее действительной значимости: перед нами будет обесценение бумажных денег.

Чтобы понять этот процесс, представим себе прежде всего *чистое бумажное обращение* (при этом всегда подразумевается государственный принудительный курс). Предположим, что в определенный момент обращение требует 5 млн. марок, для чего необходимо приблизительно 36,56 фунта золота. Тогда все обращение приняло бы у нас такой вид: (5 млн. марок) Т — (5 млн. марок) Д — (5 млн. марок) Т. Если золото заменили бумажными знаками, то, что бы ни было оттиснуто на этих знаках, сумма их во всяком случае должна представлять сумму товарных стоимостей, следовательно, в нашем примере — 5 млн. марок. Если отпечатано 5000 знаков равного

¹ Кнапп с самого начала впадает в иллюзию, будто деньги «первоначально» есть ни что иное, как металл определенного веса, а потом приходит в изумление по тому поводу, что оказалось возможным заменить их просто общественно значимым знаком. Если бы он понял (и как раз недостаток этого понимания до сих пор мешает экономистам дать исчерпывающую теорию денег), что деньги дают только вещное выражение общественному отношению, он не нашел бы ничего загадочного в том, что в определенно ограниченной сфере это вещное отношение выражается при посредстве общественно значимого, сознательно регулируемого соглашения, представленного государственной бумагой с принудительным курсом. Справедливо, что здесь заключается существенная проблема, именно проблема границ этого государственного, следовательно, сознательного общественного регулирования. Но как раз эту *экономическую* проблему Кнапп исключает из сферы исследования.

достоинства, каждый будет равен 1000 марок; если напечатано 100 000 знаков, каждый будет представлять 50 марок. Если при прежней скорости оборота сумма товарных цен удвоится, а количество знаков не изменится, то они будут равнозначны 10 млн. марок; если сумма цен упадет вдвое, то всего — 2,5 млн. марок. Иными словами: при чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом, при неизменности времени оборота стоимость бумажных денег определяется суммой цен тех товаров, которые должны пройти через сферу обращения. Бумажные деньги здесь приобретают полную независимость от стоимости золота и непосредственно отражают стоимость товаров согласно закону, что их общее количество представляет стоимость, определяемую формулой:

Сумма цен товаров

Число оборотов одноименных единиц денег

Отсюда сразу же видно, что возможно не только обесценение, но и повышение цены бумажных денег по сравнению с их первоначальной ценой.

Конечно, в качестве денежного знака может функционировать не только бумага, но и материал, который сам по себе обладает стоимостью. Пусть, например, обращение обслуживается серебром. Если наступает обесценение серебра, вследствие того что издержки его производства понизились, то серебряные цены товаров повысятся, между тем как золотые цены при прочих равных условиях останутся неизменными. Обесценение самого серебра выразится в изменении его отношения к золоту. Вексельный курс страны с серебряным обращением по сравнению с вексельным курсом страны с золотым обращением выразит это обесценение. Обесценение серебряной монеты, представляющей собой узаконенное средство платежа, при свободной чеканке произойдет в тех же точно размерах, как и обесценение металла в слитках. Иначе будет в том случае, если свободная чеканка прекращена¹. Если сумма цен обращающихся товаров повысится в нашем примере с 5 млн. до 6 млн. марок, а стоимость серебра в монете, следовательно, приспособленного к потребностям обращения, составит в соответствии с его металлической стоимостью всего 5,5 млн. марок, то в таком случае значение каждой серебряной монеты в обращении настолько возрастет, что сумма их даст как раз 6 млн. марок. Следовательно, ценность монет как таковых превышает их металлическую стоимость. Это явление наблюдалось,

¹ Как известно, под свободной чеканкой имеют в виду право частных лиц доставить на государственный монетный двор любое количество денежного материала, для того чтобы он был перечеканен в соответствии с установленными нормами монетного дела в монету данной страны. Чеканка блокирована, если государство отказывается производить эту перечеканку.

между прочим, в повышенной оценке голландского и австрийского серебряного гульдена и позже — индийской рупии, выше их металлической стоимости, что казалось необъяснимым для таких теоретиков денег, как Лексис или Лотц, но после всего вышесказанного не представляет ничего загадочного¹.

Итак, стоимость бумажных денег определяется суммой стоимостей товаров, находящихся в обращении. Здесь чисто общественный характер стоимости обнаруживается в том, что такая не имеющая стоимости вещь, как бумага, выполняя чисто общественную функцию, обслуживая обращение, приобретает вследствие этого стоимость и что величина последней определяется не собственной стоимостью бумаги, совершенно ничтожною, а стоимостью массы товаров, отражающейся, как в зеркале, на бумажных знаках. Как луна, которая уже давным-давно охладилась, может светить только потому, что она получает свет от раскаленного солнца, так и бумажные деньги только потому имеют стоимость, что общественный характер труда придает стоимость товарам. Отраженная трудовая стоимость делает бумагу деньгами точно так же, как отраженный солнечный свет заставляет светиться луну. В бумаге — отблеск стоимости, именно товарной стоимости, так же как свет луны — отблеск солнечного света.

В Австрии с 1859 г. имели хождение неразменные бумажные деньги. На серебряные гульден по сравнению с бумажными был лаж. Бумажных денег было выпущено больше, чем требовало обращение. Вследствие этого сложилось ранее описанное положение: какое количество товаров мог купить гульден, зависело уже не от стоимости серебра, а от стоимости всей массы товаров, находящейся в обращении и определяющей значение всей суммы бумажных денег. Если стоимость всех товаров, находящихся в обращении, составляла 500 млн. гульденов, а бумажных гульденов было напечатано на 600 млн., то бумажный гульден мог купить лишь такое количество товаров, какое раньше покупалось пятью шестыми серебряного гульдена. Таким образом, сам серебряный гульден превратился в товар, потому что теперь платежи производились по большей части бумажными гульденами, а серебря-

¹ Для авторов, которые писали под впечатлением английских ограничений эмиссионной деятельности банка, возможность повышенной оценки денег не представляла никакой проблемы, потому что они с безграничной наивностью переносили законы бумажно-денежного обращения на металлическое обращение. Сравни следующую цитату: «Ясно, что если чрезмерный выпуск бумажных денег повышает номинальные цены товаров, то по точно таким же причинам сокращение выпусков, понижение их ниже того минимума, который требуется для обращения, в соответственной мере понизит номинальные цены... *Золото в форме слитков* будет иметь тогда на рынке *меньшую стоимость*, чем *золото в форме монеты*, и купец отправит его на монетный двор, чтобы извлечь прибыль, превратив его из слитков в монету». (William Blake, Observations on the principles which regulate the course of exchange and on the present depreciated state of the currency, London 1810, p. 40.)

ные гульденy продавали, например, за границу. За серебряный гульден получали шесть пятых бумажного, которым можно было сплатить свои прежние долги, заключенные в серебряных гульденах. Серебро исчезло из обращения. Изменение в отношении между серебряным и бумажным гульденом может возникнуть двояким образом. Прежде всего при неизменной стоимости серебряного гульдена товарооборот может возрасти вследствие развития товарного обращения. Если не производится новых выпусков бумажных денег, то бумажный гульден может опять повыситься до исходного уровня, как только масса товаров, находящихся в обращении, потребует для своего оборота 600 млн. гульденов. Если товарная сумма продолжает расти, то может случиться, что бумажный гульден поднимется выше своего исходного уровня. Если сумма товарных цен требует 700 млн. гульденов, а в обращении находится всего 600 млн. бумажных гульденов, то бумажный гульден будет равнозначен семи шестым серебряного гульдена. Если существует свободная чеканка серебра, то частные лица до тех пор будут доставлять серебро для чеканки, пока в обращение не поступит такое количество серебряных гульденов, что бумажных гульденов вместе с серебряными окажется достаточно для обращения товарной массы в 700 млн. гульденов. Тогда бумажный и серебряный гульден сравняются, и при продолжении свободной чеканки бумажный гульден будет определяться уже не стоимостью товарной массы, а стоимостью серебра, следовательно, опять сделается символом серебра.

Но те же явления могут наступить и иным путем. Пусть размеры товарного обращения остаются сначала прежними; бумажный гульден равнозначен в таком случае всего пяти шестым серебряного гульдена. Но пусть теперь стоимость серебра понизится, упадет на одну шестую; тогда на серебряный гульден можно будет купить столько же товаров, сколько на бумажный; лаж на серебро исчез, и серебро остается в обращении. Если стоимость серебра упадет еще больше, скажем, на две шестых, тогда будет прибыльно скупать серебро и отправлять его в Австрию для чеканки. Такая чеканка продолжалась бы до тех пор, пока сумма бумажных и серебряных гульденов не возросла бы настолько, что, хотя покупательная сила последних уменьшилась на две шестых, она будет достаточна для обращения. Мы предположили, что товаров в обращении находится на 500 млн. гульденов (первоначального значения). У нас было 600 млн. бумажных гульденов. Следовательно, гульден соответствовал тогда пяти шестым первоначального гульдена. Теперь к этому добавляются серебряные гульденy, стоимость которых упала до четырех шестых. Чтобы сделать возможным обращение товаров, нам теперь требуется 500 млн. $\times \frac{6}{4}$, или 750 млн. гульденов. Эта сумма составляется из 600 млн. бумажных и 150 млн. вновь отчека-

ненных серебряных гульденов. Но государство желает воспрепятствовать обесценению своей валюты, для этого ему стоит только прекратить свободную чеканку серебра. Тогда его гульден станет независимым от цены серебра; его значимость, как и прежде, составит пять шестых первоначального гульдена; понижение стоимости серебра не найдет себе выражения в *серебряных деньгах*.

Это противоречит традиционной теории, согласно которой серебряный гульден при любых обстоятельствах является простым куском серебра в $\frac{1}{45}$ фунта и потому должен иметь такую же стоимость. Но это легко объяснимо, если мы знаем, что при блокированной чеканке значимость денег является лишь отражением стоимости той суммы товаров, которая входит в обращение. Так как согласно нашему предположению стоимость серебра упала на две шестых, австрийский же гульден стоит только на одну шестую ниже, чем предположено в начале нашего анализа, то австрийский серебряный гульден, еще находящийся в обращении, будет на одну шестую выше, чем цена равного количества серебра. Следовательно, этот гульден поднялся выше своей стоимости. И, действительно, это явление наступило в Австрии с середины 1878 г. Оно было вызвано, с одной стороны, тем, что стоимость бумажного гульдена должна была повыситься вследствие развития обращения, так как сумма бумажных денег не увеличивалась или увеличивалась медленнее, а с другой стороны, тем, что стоимость серебра понизилась,— это нашло свое выражение в падении лондонской цены серебра.

Действительность вполне соответствует схематическому описанию. В мае 1873 г. в Нидерландах была приостановлена свободная чеканка серебра. В то время как стоимость серебра в слитках понизилась по отношению к золоту, серебряные деньги в голландской монете обнаружили значительное повышение стоимости. «В то время как к началу 1875 г. цена серебра в Лондоне упала приблизительно до $57\frac{1}{2}$ пенса, стоимость голландских денег по сравнению с английскими повысилась настолько, что за 1 ф. ст. отмечалось всего 11,6 гульдена вместо прежних 12. В этом проявился тот факт, что стоимость голландского гульдена поднялась приблизительно на 10% выше его металлического содержания». Только в 1875 г. была введена золотая монета в 10 гульденов в качестве узаконенного платежного средства¹. «Уже в 1879 г. металлическое содержание серебряного гульдена стоило всего 96,85 крейцера, и, понижаясь дальше, оно составило 91,95 крейцера в 1886 г. и 84,69 крейцера в 1891 г.»².

Развитие австрийской денежной системы в кратком описании таково: «В силу указов от 19 сентября 1857 г. и 27 апреля

¹ Helff-*rich*, Das Geld, S. 77.

² Ibid., S. 80.

1858 г. валютой монархии с 1 ноября 1858 г. юридически, а ранее и фактически, была серебряная валюта, построенная по масштабу 45 гульденов на метрический фунт чистого серебра (90 гульденов, или флоринов, на килограмм). Размен на серебро (эмиссионным банком) продержался, однако, лишь самое короткое время (до конца 1858 г.). Кроме того, вследствие затяжных критических политических и финансовых обстоятельств (именно ими вызывались усиленные выпуски банкнот.— *Р. Г.*) до 1878 г. на серебро по сравнению с бумажными деньгами был лаж, который все больше вытеснял серебряные монеты из обращения. Еще в 1871 г. лаж на серебро составлял свыше 20%, но вследствие чрезвычайного падения цены серебра на мировом рынке он в течение 70-х годов постепенно понижался. С 1875 г. цена серебра была так низка, что она неоднократно приближалась к его цене в монете (45 флоринов австрийской валюты за таможенный фунт) и в течение 1878 г. сравнивалась с нею. В связи с движением на венской бирже курса переводов на Лондон стало прибыльным доставлять серебро на венский и кремницкий монетные дворы для перечеканки его в австрийскую серебряную монету. Действительно, ввоз серебра в австро-венгерскую таможенную область в 1878 г. чрезвычайно увеличился, и чеканка австрийской серебряной монеты в этом году и в следующем (на основании заявлений, которые были уже сделаны ранее) достигла небывалого до того времени уровня»¹.

Чтобы предотвратить девальвацию валюты, в начале 1879 г. свободная чеканка серебра была приостановлена. Прекращение чеканки серебра «повело к тому, что покупательная сила австрийского гульдена высвободилась как бы из-под механического влияния цены серебра и, напротив, стала развиваться почти с полной независимостью от стоимости того количества серебра, которое содержится в австрийском серебряном гульдене. Чистое серебро, равное по весу 100 серебряным гульденам, если взять в основу лондонские цены серебра и курс переводов на Лондон, имело в Вене такую среднюю стоимость:

В 1883 г.	97 флор. 64 крейц.
» 1887 »	91 » 00 »
» 1888 »	86 » 08 »
» 1889 »	82 » 12 »
» 1891 »	84 » 70 »

Стоимость 100 флоринов австрийской валютной системы при тех же данных должна была бы составлять в гульденах золотом²:

¹ *Spitzmüller*, Die österreichisch-ungarische Währungsreform; «Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung», Bd. XI, 1902, S. 339.

² Золотой гульден — это восьмая часть монеты в 8 гульденов, которая чеканилась как торговая монета, следовательно, не предназначалась для внутреннего обращения и по своему золотому содержанию была равна 20-франковой монете.

В 1883 г.	82 флор.	38 крейц.
» 1887 »	72 »	42 »
» 1888 »	69 »	34 »
» 1889 »	69 »	38 »
» 1891 »	73 »	15 »

Напротив, действительная курсовая стоимость 100 флоринов австрийской системы в соответствующие годы составляла в среднем: 84,08; 79,85; 81,39; 84,33 и 86,33 гульдена золотом¹. Иными словами, в эти годы австрийские серебряные гульдены поднялись выше своей стоимости, т. е. их покупательная сила была выше, чем покупательная сила заключавшегося в них серебра. Разница для 100 серебряных гульденов составляла в годы:

1883	1 флор.	70 крейц.	в золот.	гульден.
1887	7 »	43 »	»	»
1888	12 »	05 »	»	»
1889	14 »	95 »	»	»
1891	13 »	18 »	»	»

Из этой таблицы видно, что курс серебряного гульдена изменяется не почти, как полагает Шпицмюллер, а полностью независимо от цены серебра.

Шпицмюллер называет эту валюту «кредитной валютой», но он не может указать, чем же определяется курс. Он говорит:

«Итак, покупательная и меновая сила австрийского серебряного и соответственно бумажного гульдена в период 1879—1891 гг. определялась в первую очередь не стоимостью денежного металла; более того, как превосходно показал Карл Менгер («Neue Freie Presse», 12.XII. 1889), «обнаружилась меновая стоимость, которая не находится ни в какой связи с внутренней стоимостью наличной действительной монеты».

Австрийская валюта фактически уже не была, следовательно, серебряной валютой; и даже хромающей серебряной валютой ее можно было бы назвать лишь в переносном смысле. Это была скорее кредитная валюта, оценка которой в международных отношениях обуславливалась в первую очередь платежным балансом австро-венгерской таможенной области, а во внутренних отношениях, кроме того, и остальными факторами влияющими на ценообразование (sic!) в пределах таможенной области» (S. 341).

Его неуверенность ясно сказывается в следующей цитате:

«Во всяком случае было бы ошибочно предполагать, что «кредит» оказываемый австрийской валюте, всецело (!) независим от того, как складываются цены на рынке серебра. Наоборот, в высокой оценке нашего гульдена в переходный период 1879—1891 гг., несомненно, известную (!) роль играло то обстоятельство, что прекращение чеканки серебра для частных лиц основывалось на административном распоряжении, следовательно, на таком, которое могло быть отменено во всякое время, и что, кроме того, чеканка за государственный счет продолжалась. Упомянутые выше моменты делали будущее нашей валюты совершенно неопределенным. И, в частности, не случайным было то обстоятельство, что

¹ Spitzmüller, op. cit., S. 311.

новое понижение цены серебра в 1885—1888 гг. шло параллельно с сильным повышением наших переводных курсов» (S. 311).

Было бы любопытно, если бы было показано, каким образом полная неопределенность относительно будущего валюты в любой момент может претворяться в математически определенные повышения или понижения курса. В действительности эти субъективные влияния не играли никакой роли: решающее значение имело только объективное состояние общественных потребностей обращения.

Значительно ближе подходит к правильному объяснению Гельферих. Он говорит:

«Дополнительная стоимость [Mehrwert] чеканных денег (имеются в виду валюты с блокированной чеканкой.— Р. Г.) основывается на том, что только металл в монете, а не металл в слитках, может выполнять функции денег и что государство отказывается удовлетворять требования о перечеканке металла в монету.

Стоимость неразменных бумажных денег основывается исключительно на том, что государство объявило их узаконенным средством платежа, что они могут быть употреблены на выполнение существующих долговых обязательств и что они получили от государства привилегию на выполнение экономически совершенно несбходимых денежных функций.

Стоимость обоих видов денег основывается не на стоимости материала, из которого они сделаны, и не на том, что они дают право на определенное требование, как подлежащие размену банкноты, а исключительно на том, что им придан характер узаконенного средства платежа» («Das Geld», S. 81).

Для серебряной валюты приостановка свободной чеканки является условием и одновременно объяснением того, что серебряная монета, как правильно указывает Гельферих, эмансипируется от стоимости своего материала. Но этим еще ничего не сказано о величине той стоимости, которую теперь получает монета, а это как раз самое важное. Эта величина определяется общественно необходимым количеством средств обращения, которое в свою очередь определяется в последнем счете стоимостью суммы товаров. Понять это Гельфериху мешает его субъективистская теория стоимости.

Но возражения Гельфериха против кредитной гипотезы, выдвинутой Шпицмюллером, совершенно правильны:

«При свободных валютах во всех сортах денег стоимость материала, из которого сделаны монеты, ниже их денежной стоимости. Уже совсем невозможно сводить повышенную денежную стоимость монет к влиянию кредита потому, что тут не существует таких полноценных денег, на которые могли бы быть разменены деньги неполноценные и от которых последние в порядке кредита могли бы получить свою стоимость. Вообще никаких полноценных денег не было в нидерландской денежной системе с 1873 по 1875 г., в австрийской — с 1879 по 1892 г., в индийской — с 1893 по 1899 г. Превышение стоимости денег над стоимостью материала, наблюдавшееся в голландском и австрийском серебряном гульдене и в индийской рупии, являлось вполне самостоятельной стоимостью, которая не могла быть выведена из стоимости какого-либо иного предмета. Она основывалась не на расценке в полновесных деньгах, не говоря уже о праве требовать полноценные деньги, а единственно и исключительно на том, что этим монетам был придан характер узаконенного средства платежа, и на ограничении чеканки. Та неясность, которая отчасти еще и

теперь обнаруживается по отношению к австрийской валюте с 1879 г., показывает до какой степени теория до сих пор еще не освободилась от представления, будто неполноценные деньги непременно должны быть кредитными деньгами и по меньшей мере получать свою стоимость от полноценных денег. То явление, что стоимость заблокированного австрийского серебряного гульдена по прекращении свободной чеканки серебра поднялась выше стоимости содержащегося в этом гульдене серебра, озадачило в первую очередь потому, что не видели, от какого же это более высокого по своей стоимости сорта денег получил серебряный гульден свою денежную стоимость, превышающую стоимость его серебряного содержания. Тогда напали на странное объяснение, что стоимость серебряного гульдена только вследствие его связи с бумажным гульденом удерживается выше его серебряной стоимости («Das Geld», S. 382)

Такие же явления, как и в австрийской денежной системе, мы видим в Индии. В 1893 г. была прекращена свободная чеканка серебра. Целью этого было повысить курс рупии до 16 пенсов. При свободной чеканке этот курс соответствовал бы цене серебра примерно в 43,05 пенса. Другими словами, при такой цене серебро заключающееся в рупии, превращенное в слиток и проданное на лондонском (мировом) рынке, составило бы 16 пенсов. Действие прекращения свободной чеканки было таково: курс рупии повысился до 16 пенсов, между тем как раньше он составлял $14\frac{7}{8}$ пенса. Напротив, в течение нескольких дней цена серебра упала с 38 пенсов перед закрытием монетных дворов до 30 пенсов на 1 июля. С этого времени курс рупии пошел вниз, а цена серебра повысилась до $34\frac{3}{4}$ пенса и колебалась около этого уровня, пока с 1 ноября 1893 г. Америка не прекратила закупок серебра (ежемесячно 4,5 млн. фунтов). Тогда цена серебра пошла вниз и 26 августа 1897 г. достигла низшего уровня в $23\frac{3}{4}$ пенса. Напротив, стоимость индийской валюты в начале сентября 1897 г. достигла желанного уровня в 16 пенсов, между тем как заключающаяся в рупии металлическая стоимость составляла приблизительно 8,87 пенса.

«С самого начала можно было отметить тот удовлетворительный результат, что уже до закрытия индийских монетных дворов для частной чеканки курс рупии был постоянно выше стоимости металла в слитках и притом на значительно большую величину, чем составляют издержки чеканки. С середины 1896 г. оказалась порванной и последняя связь между ценой серебра и курсом рупии и окончательно был устранен тот параллелизм, который, хотя напоследок и в значительно ослабленной форме, все же существовал между их движениями»¹.

¹ Dr. Anton Arnold, Das indische Geldwesen unter besonderer Berücksichtigung seiner Reformen seit 1893, S. 227. Один приятель, возвратившийся из путешествия по Индии, как-то рассказывал мне следующее. Он видел несколько европейцев, которые на одном индийском базаре покупали серебряные украшения. Индийский торговец, чтобы побороть их недоверие, не обманывает ли он их, предложил им взвесить украшения. Покупная цена должна, по его предложению, заключаться в серебряных рупиях равного веса. Европейцы с величайшим удовольствием приняли эти условия и заключили сделку, ра-

Что тревожит теоретиков денег, так это вопрос, что же является при блокированной валюте мерилom стоимости¹. Очевидно, им не может быть серебро (совершенно такое же явление может наступить и при блокированной золотой валюте)². Движение курса денег и цены металла совершенно различно. Количественная теория со времен Тука совершенно справедливо считается несостоятельной. Кроме того, вообще невозможно сопоставлять количество металла на одной стороне и количество товаров — на другой. Какое отношение может существовать между x килограммов золота или серебра, или даже бумажных денег, и a миллионами сапсг, b миллионами коробок сапожной ваксы, c центнерами пшеницы, d гектолитрами пива и т. д.? Сопоставление массы денег, с одной стороны, и товарной массы, с другой, уже само по себе предполагает нечто общее между ними, — именно то самое отношение стоимости, которое требуется объяснить.

Если привлечь к объяснению государственную власть, то это также не поможет делу. Прежде всего полной мистикой остается, как государство оказывается способным придать клочку бумаги или одному грамму серебра покупательную силу, хотя бы всего на одну сотую гроша большую по отношению к винам, сапогам, сапожной ваксе и т. п. Притом государство при таких опытах неизменно терпело фиаско. Желание поднять курс рупии до 16 пенсов сначала несколько не помогло правительству Индии. Рупии не было никакого дела до этого, и ближайший успех государства заключался всего лишь в том, что оно сделало курс рупии вообще совершенно неподдающимся предвидению, потому что теперь

дуясь, что они возместили торговцу только стоимость металла, а стоимость обработки получили бесплатно. Они, разумеется, не знали, что благодаря законодательству о денежном обращении торговец получил цену, почти на 100% превышающую стоимость металла. Можно признать, что это заслуженный штраф за экономическое невежество, и пожалеть только, что его нельзя превратить во всеобщую меру.

¹ «Действительно, можно усомниться, осталось ли у нас золото фактически мерилom стоимости (measure of prices) с того времени, как введенa новая банковая система (имеется в виду прекращение платежей звонкой монетой и введение принудительного курса для билетов Английского банка в 1797 г.) и имеется ли у нас какой-либо иной масштаб цен (standard of prices), кроме того, средства обращения (circulating medium) Английского банка и провинциальных банков, которое может изменяться в своей относительной стоимости столь же неопредетенно, сколь неумовимы возможные эксцессы этого средства обращения» («Report from the select Committee appointed to inquire into the cause of the high Price of Gold Bullion, London 1810, p. 16). Отчет так и оставляет нерешенным поставленный им вопрос.

² Линдсей совершенно правильно заявил комитету по вопросам денежного обращения, заседавшему в 1898 г. под председательством лорда Трелера: «При современной денежной системе рупии суть не что иное, как особая род неразменных билетов с принудительным курсом, поэтому на них распространяются все законы, относящиеся к неизменным бумажным деньгам». Это, по Линдсею, законы, установленные Рикардо. (Цит. по Botha, Die indische Währungsreform seit 1893, Gotta 1904.)

он перестал считаться и с ценой серебра. А для австрийского государства повышение курса серебряного гульдена выше его металлической стоимости наступило и совсем неожиданно, без всякого преднамеренного вмешательства с его стороны, яко тать в нощи его неведения. Что вводит в заблуждение теоретиков¹, так это то обстоятельство, что деньги кажущимся образом сохраняют свое свойство быть мерилom стоимости. Разумеется, как и раньше, все товары выражаются в деньгах, «измеряются» ими. Как и раньше, деньги являются мерилom стоимости. Но величина стоимости самого этого «мерила стоимости» определяется уже не стоимостью того товара, из которого оно изготовлено, не стоимостью золота или серебра, или бумаги. Наоборот, эта «стоимость» в действительности определяется совокупной стоимостью обращающихся товаров (при неизменной скорости оборотов). Действительным мерилom стоимости являются не деньги, курс самих этих денег определяется тем, что я назвал бы *общественно необходимой стоимостью обращения*. Если мы примем во внимание функцию денег как средства платежа, чем мы до сих пор для упрощения пренебрегали и о чем мы позднее будем подробно говорить, то общественно необходимая стоимость обращения выразится в формуле:

Сумма товарных стоимостей

Скорость оборота денег

¹ В особенности характерна следующая игра вопросов у Боте («Die indische Währungsreform seit 1893», S. 48 и след.): «Что было после 26 июня 1893 г. мерилom стоимости в Индии?» Ясно, что раз золотая стоимость рупии поднялась выше золотой стоимости заключающегося в ней чистого серебра, серебро уже не было мерилom стоимости. Или, быть может, «рупия» сделалась мерилom стоимости в Индии в том смысле, как показывает профессор Лексис в своей статье «Papiergeld» («Handwörterbuch der Staatswissenschaften»)? Именно в том смысле, что неразменные билеты с принудительным курсом могут превращаться в самостоятельные деньги, а значит и в мерилom стоимости, потому что, являясь узаконенным средством платежа, они приобретают «высший отпечаток платежного кредита», обнаруживают свою стоимость по отношению к товарам. Или же по закрытии монетных дворов золото было мерилom стоимости в Индии? Если «рупия» наделяют свойством мерила стоимости, то это равносильно утверждению, что абстракция могла бы быть мерилom стоимости. Ведь после 26 июня 1893 г. стоимость рупии обуславливалась не потребительной стоимостью (!) материала, из которого она отчеканена, — этот последний представлял отныне всего лишь низший предел, подвергавшийся постоянным колебаниям, — а такими суждениями о свойствах и полезности «рупии», которые не стоят ни в какой связи с ее материалом.

Совершенно так же и мнение Джона Леббока, будто «по закрытии монетных дворов «exchange»¹ размен сделался мерилom стоимости, является просто иной формой сочинительного (!) утверждения, что абстракция может быть мерилom стоимости». *Voilà tout* [вот и все]. Ясно, что только очень конкретное почтение к авторитету профессора Лексиса препятствует тому, чтобы автор раскритиковал тот недостаток теоретической «абстракции», который приводит Лексиса к его пресловутой абстракции. Но там, где нет понятия «стоимость», в надлежащее время является слово «доверие». Сравни, однако, удачную полемику против Лексиса у Арнольда (op. cit., S. 241 и след.).

плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как средство обращения, то как средство платежа. Это — масштаб, величину которого, разумеется, невозможно вычислить заранее. Единственный математик, который в состоянии решить эту задачу, — общество. Величина масштаба изменяется, а с нею и курс денег. Это очень наглядно показывает изменчивый курс индийской рупии в 1893—1897 гг., равно как и колебания австрийской валюты. Эти колебания устраняются, когда в качестве мерила стоимости, в качестве денег, опять начинает функционировать какой-либо полноценный товар (серебро, золото). Как мы видели, для этого нет никакой необходимости в том, чтобы бумажные деньги или неполноценные деньги исчезли из обращения. Требуется только, чтобы количество денег в обращении было сведено к минимуму обращения, а колебания за пределы этого минимума устранялись бы вступлением в сферу обращения полноценных денег.

Итак, примечательная история валют с прекращением свободной чеканки или «серебряных валют с позолоченными краями, валют предельного золота», как иногда называют индийскую и аналогичные валюты, утрачивает свой мистический характер лишь при том условии, если мы будем рассматривать их в свете марксистской теории денег, хотя, с другой стороны, они остаются необъяснимыми в свете «металлической» теории. Напротив, Кнапп, который с величайшим остроумием раскрыл многие недостатки «металлической» теории — теории Маркса он не касается и, очевидно, соединяет ее с «металлической», — сам Кнапп не дает *экономического* объяснения явлений, а дает всего лишь искусную систему классификации видов денег, не касаясь их возникновения и развития. Это — специфически юридическое исследование, для которого характерно большое место, занимаемое терминологией. Основная экономическая проблема стоимости денег и покупательной силы денег остается совершенно вне сферы исследования. Кнапп — как бы Линней теории денег, между тем, как и здесь, Маркс оказывается Дарвином. Но этот Линней приходит значительно позже Дарвина!

Кнапп — последовательнейший эпигон той теории, которая, будучи неспособна объяснить явления бумажно-денежного обращения, на металлическое, а вместе с тем и на все вообще обращение (металл плюс банкноты, которые сваливаются в одно с государственными бумажными деньгами), просто переносит явление, бросающееся в глаза при бумажных деньгах с принудительным курсом, именно: влияние количества выпущенных бумажных знаков. Она рассматривает

только количественное отношение и игнорирует то, что имеет определяющее значение для стоимости, как для товарной, так и для денежной. Ее ошибка возникает из опыта бумажно-денежного хозяйства, в особенности в Англии, со времени прекращения платежей звонкой монетой в 1797 г. «Историческим фоном для этих дебатов служили: история бумажных денег в XVIII столетии, крах банка Ло, идущее параллельно с возрастанием количества знаков стоимости обесценение провинциальных банкнот в английских колониях Северной Америки с начала до середины XVIII столетия; потом, позднее,— бумажные деньги (continental bills), навязанные посредством закона американским центральным правительством во время войны за независимость, и, наконец, проведенный в еще большем масштабе опыт французских ассигнатов»¹.

Такого ошибочного вывода не избежал даже острый ум Рикардо, и это — психологически любопытный пример того мощного влияния, какое эмпирические впечатления оказывают на абстрактное мышление. В самом деле, во всех иных случаях именно Рикардо от количественных отношений, влияющих на цены (от спроса и предложения, как ценообразующих факторов), обращается к тому, что лежит в основе количественных отношений и господствует над ними, к стоимости. Только в вопросе о деньгах он отстраняет уже найденное понятие стоимости. Он говорит: «Если бы в какой-нибудь из этих стран был открыт золотой рудник, то средства обращения ее понизились бы в своей стоимости, поскольку в обращение поступило бы возросшее количество драгоценных металлов, не могущих поэтому иметь такую же стоимость, как средства обращения в других странах»². Здесь стоимость золота понижается исключительно за счет его количества, и золото совершенно односторонне рассматривается только как средство обращения. Из этого, естественно, вытекает потом, что все золото немедленно и целиком поступает в сферу обращения. А так как все решается количеством, то золото без долгих размышлений приравнивается к банкнотам. Правда, сначала Рикардо прямо говорит, что он имеет в виду разменную банкноту, но дальше, соответственно тогдашнему состоянию английской денежной системы, она представляется ему подобной государственным бумажным деньгам с принудительным курсом. Потому-то он и мог сказать:

«Если бы вместо открытия в стране рудника в ней был учрежден банк наподобие Английского банка с правом выпускать свои банкноты в качестве средств обращения, то

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 171.

² Давид Рикардо, Сочинения, т. II, М. 1955, стр. 49.

выпуск... большего количества банкнот, а следовательно, значительное увеличение суммы средств обращения привело бы к такому же результату, как и открытие рудника»¹.

Следовательно, влияние Английского банка здесь приравнивается влиянию открытия золотого рудника, ибо и в том и в другом случае увеличивается количество средств обращения.

В результате этого приравнивания оказалось потом невозможным ни правильное понимание законов металлического обращения, ни обращения банкнот. Что касается Кнаппа, на него совершенно определенно повлияли описанные новые явления устойчивых «бумажных валют» и отделение стоимости серебряных денег от их металлической стоимости. Последнее общее серебряным деньгам (следовательно, металлическим деньгам) и бумажным. Но относительно бумажных денег кажется, будто они определяются в своей стоимости государством, которое их выпускает. А так как серебро при блокированной чеканке именно в этом отношении сходится с бумажными деньгами, то возникает иллюзия, что бумажные деньги — как и металлические деньги, следовательно, деньги вообще — определяются государством, и государственная теория денег, которая сознательно не хочет быть экономической, готова. Лежащая в ее основе иллюзия вызывает следующую критику:

«Вмешательство государства, выпускающего бумажные деньги с принудительным курсом... как бы уничтожает экономический закон. Государство, которое в монетной цене только давало определенному весовому количеству золота определенное имя, а при чеканке только накладывало на золото свой штемпель, теперь как будто магической силой своего штемполя превращает бумажки в золото. Так как бумажные билеты имеют принудительный курс, то никто не может воспрепятствовать государству втиснуть в обращение произвольно большое число этих билетов и напечатать на них любые монетные названия: 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Билеты, раз попавшие в обращение, не могут быть оттуда выброшены, так как пограничные столбы данного государства задерживают их движение, а *вне* обращения они теряют всякую стоимость как потребительную, так и меновую. Оторванные от своего функционального бытия, они превращаются в никчемные клочки бумаги. *Однако эта власть государства — только иллюзия.* Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но с этим механическим актом его контролю приходит конец». (N. В. А вместе с тем теория Кнаппа останавливается как

¹ Давид Рикардо, Сочинения, т. II, стр. 50.

раз там, где начинается экономическая проблема.) «Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги, подпадают под власть его имманентных законов»¹.

Трудности объяснения вытекают из того, что сваливаются в одну кучу различные функции денег и различные виды денег — государственные бумажные деньги и кредитные деньги (об этом см. ниже). Если ошибкой количественной теории — ее не избежал и Рикардо — было то, что она смешала законы государственных бумажных денег с законами денежного обращения вообще и с законами обращения банкнот (кредитных денег) в частности, то в настоящее время происходит обратное. Так как количественная теория по праву считается опровергнутой, то боятся признать влияние количества на курс денег даже в тех случаях, когда оно является определяющим, а именно в случаях бумажно-денежного обращения и валют с «неполноценными» деньгами. При этом хватаются за всевозможные объяснения и, не видя определяющего общественного момента, прибегают к помощи субъективистских объяснений и пытаются вывести стоимость государственных денег из тех или иных связанных с кредитом оценок. Но так как, с другой стороны, в случае с металлической стоимостью приходится придерживаться собственной стоимости денег, а в противоположность Кнаппу не хотят вообще отказаться от объяснений экономического свойства, то факт повышенной стоимости денег как раз и остается необъясненным. У Рикардо всякое изменение стоимости денег объясняется количественными изменениями. А так как, по его теории, изменение стоимости представляет собой очень частое явление и в зависимости от того, увеличивает или уменьшается количество денег, стоимость их понижается или повышается, — следовательно, при всякой валюте постоянно происходит повышение выше стоимости или понижение ниже ее уровня, — то повышенная стоимость денег не представляет для него никакой дальнейшей проблемы. Он говорит:

«Хотя бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, все же при ограничении их количества меновая стоимость их так же велика, как и стоимость монет того же наименования или металла, содержащегося в этих монетах. В силу того же самого принципа, а именно благодаря ограничению количества, стертая монета могла бы обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по стоимости количества металла, который она действительно содержит. Вот почему, как это показывает история британского монетного дела, сред-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 115. (Курсив Гильфердинга. — *Ред*)

ства обращения никогда не обесценивались прямо пропорционально уменьшению их веса. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось прямо пропорционально уменьшению их внутренней стоимости»¹. Ошибка Рикардо состоит в том, что законы, относящиеся к блокированной валюте, он безоговорочно переносит и на свободную валюту. Большинство немецких теоретиков денег тоже объединяют обе валютные системы, но только наоборот. Именно поэтому их совесть не чиста перед количественной теорией, и, встречаясь с проблемами обращения банкнот, они вновь и вновь поддаются старым воззрениям количественной теории, а встречаясь с проблемами блокированных валют, опять уклоняются от объяснений количеством.

Напротив, у Фуллартона встречается интересная и в основном правильная постановка проблемы блокированных валют. Он предполагает нацию, не имеющую торговых сношений и учреждений, которые постоянно возобновляли бы монету. Ее внутренний оборот обслуживается при помощи старых неполноценных (debased) металлических орудий обращения, которые сохраняют свою высокую покупательную способность только потому, что количество их ограничено (which preserves a high rate of exchangeable value merely by the limitation of it's amount). При этом нация в широких размерах потребляет благородные металлы на предметы роскоши и украшения и ежегодно вывозит на полмиллиона промышленных продуктов в обладающую рудниками страну, чтобы покрыть свою годовую потребность в благородных металлах. Пусть теперь усовершенствование методов добычи или открытие новых, более обильных рудников понизит наполовину издержки производства золота и серебра в той стране, где находятся рудники; вследствие этого производство в дальнейшем удвоится, цена металла на месте соответственно понизится. У купцов упомянутой нации будет возможность за прежнее количество вывозимых товаров ввозить к себе на 1 млн. благородных металлов вместо прежнего полмиллиона. Какой же эффект получился бы в этом случае? Очевидно, он по существу нисколько не отличался бы от влияния чрезмерного предложения всякого другого столь же долговечного товара. Так как прежняя годовая потребность страны в золоте и серебре как предметов роскоши вполне удовлетворялась путем ввоза стоимостью в полмиллиона, то покупатели на возросшее количество найдутся не раньше, чем понижение цены создаст новый спрос. В соответствии с этим цены вновь ввезенного количества металла, расцениваемого в обесцененной валюте, должны упасть более или менее быстро, смотря по тому, насколько быстро

¹ Давид Рикардо, Сочинения, т. I, М. 1955, стр. 239.

купцы реализуют свои товары. Но в течение всего этого времени (пока конкуренция не сведет цены металлов к издержкам их производства) цена всех других товаров, кроме золота и серебра, измеряемая в валюте данной страны, оставалась бы неизменной. И до тех пор пока некоторая часть избыточной металлической стоимости не будет использоваться на акты обмена с какой-либо третьей страной, которая получает золото и серебро при менее благоприятных условиях, страна, ввозящая металлы, не будет иметь от этих периодических приобретений металлического богатства никакой выгоды, кроме той, которая вытекает из более широкого применения золота и серебра в домашнем хозяйстве.

Итак, здесь теоретически сконструирован случай повышенной оценки австрийского серебряного гульдена. Но только Фуллартон не раскрывает, что количественная сторона определяется общественным минимумом обращения.

Затем Фуллартон исследует совершенно иные отношения — при свободной чеканке, как мы сказали бы в настоящее время. Он спрашивает, какое действие оказали бы такие же обстоятельства, но в стране с более широкими торговыми отношениями, в стране, денежная система которой находилась бы в лучшем состоянии, которая имела бы, следовательно, в обращении полноценные деньги, неограниченную торговлю металлами и монетный двор, обязанный перечеканивать доставляемый металл в установленную монету. Тогда влияние удвоенного предложения металла с рудников было бы совершенно иным. Рыночная цена слитков никак не могла бы повыситься, потому что цена золота, измеряемая в монетах из того же самого металла, вообще не может изменяться. Цена слитков и монет может одновременно понижаться или повышаться, но расходиться эти цены не могут. Поэтому увеличение ввоза не вызвало бы необычно повышенного предложения золотых слитков на рынке — и не вызвало бы, по крайней мере в первое время, побуждений к увеличенному потреблению. Все слитки отправлялись бы на монетный двор для чеканки и доставили бы импортерам огромное увеличение богатства. В соответствии с их возросшими средствами они тотчас выступили бы на рынке конкурентами на всякого рода производительные вложения этих средств, равно как и на все предметы, которые повышают наслаждение жизнью. А так как предложение подобных предметов роскоши всегда ограничено и никак не может увеличиться от этого огромного переполнения обращения монетой, то неизбежным последствием было бы: сначала понижение нормы процента, затем повышение цены земли и всех ценных бумаг, приносящих проценты, и, наконец, прогрессивное общее повышение цен всех товаров, пока они не достигнут уровня, соответствующего уменьшившимся издер-

жкам производства монеты. После этого прекратится влияние на уровень процента, новый запас монет будет поглощен наличным, и призраки внезапного расцвета и богатства исчезнут, не оставив никакого иного следа, кроме того, что теперь при купле-продаже каждый раз придется уплачивать монеты в большем количестве и в большем весе¹.

Здесь же следует упомянуть еще об одном характерном случае повышенной оценки денег, характерном потому, что она возникает совершенно автоматически, без всякого вмешательства государства. Во время последнего кредитного кризиса осенью 1907 г. в Соединенных Штатах внезапно образовался лаж на деньги — не только на золотые деньги, а на все сорта узаконенных средств платежа, на золотую и серебряную монету, на государственные бумажные деньги [Greenbacks] и на банкноты. Лаж сначала составлял больше 50%. Обстоятельства этого освещает следующая нью-йоркская корреспонденция «Франкфуртер цейтунг» от 21 ноября 1907 г.: «В большей части американских торговых центров платежи наличными совершенно прекратились. В иных местах появились частные денежные знаки, в других платежи производились отчасти такими знаками и отчасти наличными. Во многих местах звонкая монета курсирует лишь как собственно разменная монета. В 77 американских городах выпущены деньги чрезвычайного характера, т. е. сертификаты расчетных палат или специально выпущенные на этот предмет банковые чеки, но большей частью первые. До кризиса расчетные палаты существовали, быть может, только в какой-нибудь дюжине американских городов, а теперь эти учреждения были основаны, пожалуй, в сотне мест. Когда в Нью-Йорке разразился кризис, кредитные учреждения этого центра соединились, чтобы общими усилиями отразить угрожающую опасность. В противоположность практике Нью-Йорка, где сертификаты расчетной палаты выпускались только на крупные суммы, расчетные учреждения других мест создали чрезвычайные деньги, предназначенные для обращения вообще, и притом такого достоинства, что они должны были удовлетворять потребности мелкого оборота: в 1, 2, 5 и 10 долл. Эти денежные знаки совершенно беспрепятственно обращались в местах выпуска и ближайших окрестностях, рабочие брали их вместо заработной платы, купцы — за товары и т. д. Они переходили из рук в руки, и на них было обычно лишь небольшое дизажио по сравнению с наличными деньгами, если только оно вообще складывалось. Насколько велик был недостаток наличных денег и в Нью-Йорке, показывает, например, тот факт, что даже мощная «Стандард ойл компани» должна была расплачиваться со своими рабочими особыми чеками. Чрезвычайными деньгами

¹ John Fullarton, On the regulation of currencies, 1845, г. 53 и след.

нельзя было воспользоваться только в оборотах с правительственными учреждениями. Общественные кассы требовали узаконенных средств платежа [Legal Tender], и постольку приходилось добывать наличные деньги. Это — самая главная причина лажа на наличные средства. В последние дни, когда «Америкен шуге рифайинг компани» не успела добыть достаточной суммы наличными, чтобы выкупить из таможни груз сахара, ей пришлось на один или два дня остановить некоторые из своих отделений».

Своеобразие явления заключается в том, что наличного количества средств обращения оказалось слишком мало для потребностей оборота. Кредитный кризис вызвал усиленную потребность в платежах наличными, так как нарушено было балансирование платежей кредитными деньгами (векселями, расчетными операциями и т. п.). Возник сильный голод на наличные деньги. Но, в то время, как все больше наличных денег требовалось для обращения, наличные деньги исчезали из обращения и приберегались в качестве резерва¹. Взамен исчезнувших денег пытались создать новые расчетные свидетельства, в действительности билеты, выпущенные под совместной гарантией банков, связанных расчетными операциями. Таким образом, законодательное ограничение выпуска банкнот было просто взорвано *contra* [против] или по меньшей мере *praeter legem* [вопреки закону], как в Англии при сходных обстоятельствах приостанавливался акт Пилля. Но эти кредитные деньги не имели узаконенной платежной силы, а наличных денег было недостаточно. Поэтому их оценка была завышена и оставалась завышенной (это обусловило лаж на них) до тех пор, пока приток золота из Европы, восстановление нормальных кредитных отношений и колоссальное сокращение обращения непосредственно после кризиса не устранили «денежного голода» и не превратили его в великое изобилие денег. Уровень лажа был изменчив и обуславливался «общественной стоимостью обращения». Характерно, что лаж был совершенно одинаков на бумажные и металлические деньги — наилучшее доказательство, что он не имел ничего общего с каким бы то ни было повышением стоимости золота.

Как известно, выпуск бумажных денег с принудительным курсом часто являлся для государства способом сначала производить платежи, для которых у него не было средств. Бумажные деньги сначала вытесняли из обращения

¹ В отчете, представленном в середине января 1908 г. конгрессу, секретарь американского казначейства Кортисон определяет приблизительно в 296 млн. долл. ту общую сумму наличных денег, которая была извлечена публикой, начиная от приостановки платежей «Кникербокер траст компани» и до восстановления доверия. Эта сумма представляет собой до одной десятой всех денег, находящихся в сфере обращения в Соединенных Штатах.

полноценные металлические деньги, которые утекали за границу, например на оплату военных расходов¹.

При дальнейших выпусках происходило обесценение бумажных денег. Итак, для систем с блокированной чеканкой сохраняет свое значение количественная теория, которая ведь и сформулирована как обобщение наблюдений, сделанных на рубеже XVIII в., над расстройством американской, французской и английской валют. В таких случаях можно было бы говорить также об инфляции, о переполнении обращения и (в особых случаях) о недостатке средств обращения. Напротив, при свободной чеканке, даже если минимум обращения заполнен бумажными деньгами с принудительным курсом, инфляция невозможна. Оказавшиеся избыточными, конвертабельные кредитные деньги тотчас же возвращаются к месту выпуска, золотые деньги — тоже, поступая в кладовые банка в качестве золотого запаса. В то же время как всеобщий эквивалент золото является общественно значимой и постоянно предпочитаемой формой накопления стоимости и богатства. Было бы бессмысленно хранить запасы в бумажных деньгах с принудительным курсом, потому что только в обращении данной страны они оказываются стоимостью: золото же — мировые деньги и представляет собой резерв для всяческих расходов. Поэтому накопление его всегда представляется рациональным. Золото и вне обращения — самостоятельное воплощение стоимости, между тем как бумажные деньги получают «курс» лишь в обращении.

То, что бумажные деньги выпущены в избыточном количестве, проявляется лишь в понижении их стоимости по сравнению с тем металлом, который, как предполагается, они представляют. Но в любой данный момент бумажных денег не меньше и не больше, чем требуется обращением. Допу-

¹ В согласии со старым законом, что худшими деньгами из обращения вытесняются лучшие, мы читаем у Маколея: «Аристофан был первым писателем, обратившим внимание на тот факт, что если в обращение одновременно введены хорошие и плохие деньги, то хорошие вытесняются плохими. По-видимому, он думает, что предпочтение, оказываемое его согражданами более легким деньгам, вытекает из того же дурного вкуса, который позволил им доверить заведование важными делами таким людям, как Клеон и Гипербол. Но если его политическая экономия и не выдерживает критики, то все же его стихи превосходны (*Аристофан*, Лягушки. Книга комедий, М.—Л. 1930, стр. 256—257):

Часто кажется, что город граждан и сынов своих,
И достойных, и негодных, ценит совершенно так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан,
Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
Лучшими из самых лучших, значимыми везде
Среди эллинов и даже в дальней варварской стране,
С крепким правильным чеканом, с пробой верной, золотой
Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые, наспех, дрянь и порча, без цены.
Так и граждан благородных, славных домом и умом,
Выросших в хорах, в палестрах, знающих кифарный строй,
Их мы гоним, любим медных, чужеземцев и рабов,
Подлых и отродье подлых, ловких новичков из тех,
Кто на виселицу прежде пригодился бы едва.»

стим, что обращение требует 1 млн. гульденов, а государство своими платежами навязало обращению 2 млн.; цены увеличились номинально в 2 раза и требуют теперь 2 млн. бумажных гульденов. Последние обесценены, потому что они выпущены в избыточном количестве. Но раз они уже выпущены, то и обращение теперь требует их. Следовательно, они не могут автоматически выйти из обращения; их сумма при прежней сумме товаров может быть уменьшена только в том случае, если государство частично их уничтожит, и благодаря этому оставшаяся в обращении сумма денег соответственно повысится в своем курсе. Конечно, для государства это означало бы такую же потерю, как в свое время выпуск бумажных денег — барыш. Существенно здесь то, что при блокированной чеканке и при неполноценных или не представляющих никакой стоимости средствах обращения вся сумма денег должна оставаться в обращении и не может выйти из него, потому что, в каком бы количестве не были выпущены деньги, их курс определяется стоимостью товаров, находящихся в обращении. Иначе при свободной чеканке. Здесь, в зависимости от изменяющихся потребностей, золото вступает в обращение или выходит из него, а излишек постоянно сохраняется в банках в качестве воплощения стоимости. Следовательно, здесь с самого начала исключены такие изменения стоимости, которые, как предполагала количественная теория, вытекали бы из того, что в обращении находится или слишком много, или слишком мало денег (полноценных металлических денег).

Итак, в случае чисто бумажно-денежной валюты при неизменном времени оборота сумма цен, представляемая бумажными деньгами, изменяется прямо пропорционально сумме товарных цен и обратно пропорционально количеству выпущенных бумажно-денежных единиц. Тот же закон сохраняет свою силу, если при блокированной чеканке обращение обслуживается неполноценным металлом, с той только разницей, что цена металла на мировом рынке определяет здесь низшую границу обесценения. Даже при увеличенном выпуске монета не может упасть ниже этой границы. Впрочем, и при золотом обращении, если бы была прекращена свободная чеканка, т. е. право частных лиц в любое время получать свое золото в виде отчеканенной монеты, могла бы наступить повышенная оценка монеты по сравнению с металлом в слитках¹. Во всех этих случаях средствами об-

¹ С величайшим нетерпением пришлось бы тогда ожидать попыток объяснения от современных экономистов. В середине 90-х годов, когда добыча золота возрастала быстро и в то же время наступило изобилие денег, а процент был низок (биржевой дисконт в Лондоне ниже 1%), в Англии дискутировалась мысль о приостановке свободной чеканки золота.

Впрочем, уже *Тук* исследовал эту проблему. Повод дали разногласия о полезности и вероятном действии введения пошлины за чеканку (*seigniorage*,

ращения становится не символ денег, следовательно, не символ золота, а символ стоимости. Но этот последний получает свою стоимость *не* от стоимости какого-либо отдельного товара, как при смешанной валюте, когда бумага, являясь просто представителем золота, получает свою стоимость от золота. Напротив, здесь при неизменной скорости оборота вся масса бумажных денег имеет такую же стоимость, как вся сумма товаров, находящихся в обращении. Следовательно, стоимость бумажных денег — только отражение всего общественного процесса обращения. В последнем в каждый данный момент все обмениваемые товары функционируют как единая сумма стоимости, как целостность, которой общественным процессом обмена противопоставляется вся сумма бумажных денег как равная целостность.

Но уже из всего до сих пор сказанного вытекает, что такая чисто бумажно-денежная валюта не может длительное время отвечать тем требованиям, которые предъявляются к средству обращения. Так как стоимость бумажных денег определяется суммой стоимости товаров, находящихся в сфере обращения в данный момент, а эта сумма подвержена постоянным колебаниям, то и стоимость денег должна претерпевать постоянные колебания. Деньги уже не были бы мерой товарных стоимостей, а, наоборот, их собственная стоимость измерялась бы наличной потребностью обраще-

Prägegebühre), за введение которой в размере 5% высказывался Рикардо. «Неполноценная монета (debased coinage) или такая, которая подлежит пошлине за чеканку, если только одновременно не будет ограничено общее количество денег, находящихся в обращении, конечно, не будет иметь той меновой стоимости (not be of the same value in exchange), как в том случае, если бы монета была полноценная или если бы строго был проведен принцип ограничения». В качестве иллюстрации Тук приводит следующий случай: «Пусть обращение страны обслуживается только золотом и составляет 20 млн. sovereignов такого же веса и такой же пробы, как современные. Если бы каждая монета внезапно была уменьшена на $\frac{1}{20}$, или на 5%, а количество монет осталось бы неизменно. 20 млн., тогда при прочих равных условиях при неизменности отношения товаров и т. д. к числу монет, в ценах не наступило бы, очевидно, никакого изменения. И если золото в слитках раньше стоило на рынке 3 ф. ст. 17 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенс. за унцию, то цена при прочих равных условиях осталась бы та же самая, или, иными словами, 46 ф. ст. 14 шилл. 6 пенс. золота в монете, весящей $\frac{19}{20}$ фунта, могли бы купить на рынке целый фунт золота в слитках такой же пробы. Но если бы то количество золота, которое получилось от уменьшения размера всех прежних монет, было перечеканено в дополнительное количество золотых монет и брошено в обращение, то 21 млн. обладал бы теперь не большей покупательной силой, чем прежние 20 млн.

Все товары повысились бы в цене на 5%, в том числе и золото в слитках, которое стоило бы теперь 4 ф. ст. 1 шилл. $9\frac{1}{4}$ пенс. за унцию, или, иными словами, на 46 ф. ст. 14 шилл. 6 пенс. в монете теперь можно было бы купить только $\frac{19}{20}$ фунта золота в слитках.

Это — центральный пункт всех рассуждений о средствах обращения (сигнату). Достаточно ясно, как применить это, когда речь идет о власти государства, пользуясь своей эмиссионной монополией, повысить номинальную стоимость монеты выше ее внутренней стоимости (intrinsic value) при исключительно металлическом обращении». (См. «History of Prices», Vol. I, p. 120 и след.)

ния, следовательно, при равной неизменной скорости обращения — стоимостью товаров. Значит, чисто бумажные деньги на продолжительное время невозможны, так как при них обращение подвергалось бы постоянным пертурбациям.

Рассуждая абстрактно, состояние чистой бумажно-денежной валюты можно было бы представить следующим образом. Предположим замкнутое торговое государство, которое в количестве, достаточном для средних потребностей обращения, выпускает государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Сумма выпущенных бумажных денег не увеличивается. Кроме этих бумажных денег, потребности обращения обслуживают также банкноты и т. п. совершенно так же, как при металлической валюте. По аналогии с обычным для настоящего времени законодательством об эмиссионных банках бумажные деньги служат покрытием банкнот, которые вообще покрываются обычными банковыми способами. Раз количество бумажных денег не подлежит увеличению, это гарантирует их от обесценения. В этом случае, подобно золоту в настоящее время, бумажные деньги в зависимости от состояния обращения притекали бы в банк или накапливались бы частными лицами, если бы размеры обращения сокращались, и вновь вливались бы в обращение, если бы размеры его расширялись. В обращении в каждый данный момент оставался бы как раз необходимый минимум средств обращения, колебаниям же последнего удовлетворяло бы увеличение или уменьшение количества банкнот. Следовательно, стоимость таких государственных бумажных денег представляла бы величину постоянную. Только если бы рухнул кредит и наступил денежный кризис, количество наличных бумажных денег возможно могло бы оказаться недостаточным и они получили бы лаж, как это было с золотом и гринбеками при последнем денежном кризисе в Соединенных Штатах. Но в действительности такая бумажно-денежная валюта невозможна. Прежде всего эти бумажные деньги были бы действительны только в пределах одного государства. Для балансирования международных платежей требуется металл, деньги, обладающие собственной стоимостью. А раз так, то и стоимость денег, обращающихся внутри страны, должна поддерживаться на равном уровне с международными средствами платежа, чтобы избежать расстройств, иначе были бы неминуемы потрясения торговых сношений. Этому требованию удовлетворяет, например, система и политика австрийского денежного обращения, причем, как оказывается, нет никакой необходимости, чтобы металл вступал во внутреннее обращение. И, как будто в предвидении этих новых данных в сфере денежных систем, Маркс писал: «Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри страны было органи-

зовано, то металл требовался бы только для того чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению»¹.

Чисто бумажно-денежная валюта разбивается на практике также и о то обстоятельство, что здесь невозможна была бы никакая гарантия, что государство не будет увеличивать количество бумажных денег. Далее, золото — деньги, обладающие собственной стоимостью, — всегда необходимо как средство сбережения богатства в такой форме, в которой его в любой момент можно использовать².

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 531. Впрочем, читая некоторые замечания Маркса о проблеме денег, получаешь такое впечатление, как будто известные выводы, вытекающие из его теории денег, ведут в его сознании борьбу против взглядов, которые навеяны эмпирическим материалом его времени и не могли быть окончательно устранены исключительно логическим способом. Новейшие данные как раз подтверждают и последние выводы, которые могут быть сделаны из марксовой теории стоимости и денег.

Если Маркс подчеркивает, что в обращении может быть лишь столько бумажных денег, сколько оно требует золота, то для понимания современных явлений в рассматриваемой области необходимо напомнить, что и само это количество золота, раз стоимость его есть величина данная, в каждый момент определяется общественной стоимостью обращения: если она понижается, то золото отливает из обращения; если повышается, то — наоборот. При бумажно-денежном обращении и блокированной валюте вообще не могло бы происходить этих приливов и отливов к сфере обращения и из нее, потому что не обращающийся бумажный знак был бы ведь малоценным. Следовательно, здесь необходимо вернуться, как к определяющему моменту, к стоимости обращения. Здесь невозможно довольствоваться рассмотрением денежного знака как простого символа золота, что замечается у Маркса в работе «К критике политической экономии».

Мне кажется, что правильнее всего формулирует Маркс законы бумажного (или с блокированной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: «Знаки, не имеющие стоимости, суть знаки стоимости, лишь поскольку они замещают внутри процесса обращения золото, а они замещают золото лишь постольку, поскольку оно само входило бы в процесс обращения в виде монет, — это количество определяется его собственной стоимостью, если даны меновые стоимости товаров и скорость их метаморфоз». (К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 113—114.) Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее — стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает намного яснее, если стоимость бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные валюты исторически возникли из металлических, это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам.

² Неправильно поэтому, когда Гельферих говорит: «Рассуждая теоретически, было бы возможно приспособить чистые бумажные деньги к колебаниям потребности народного хозяйства в деньгах и таким образом избежать многих нарушений, которые при металлических валютах могут возникать из нарушения равновесия между потребностью в деньгах, с одной стороны, и снабжением деньгами, с другой». (Helfferich, op. cit., S. 470.)

Поэтому деньги и денежный материал, обладающий стоимостью, например золото, никогда не могут быть полностью заменены в обращении простыми знаками, иначе ход его будет нарушаться. Поэтому при чисто бумажно-денежных валютах в обращении всегда фактически находятся и полноценные деньги, например для зарубежных платежей. Бумагой всегда может быть замещен только тот минимум, ниже которого, как показывает опыт, не опускается обращение. Но этим доказывается в то же время, что стоимость денег, как и товара, отнюдь не мнимая, что она должна быть величиной объективной. Невозможность абсолютной бумажно-денежной валюты — убедительное экспериментальное доказательство объективной теории стоимости. И точно так же лишь на основе этой теории стоимости могут получить объяснение те своеобразные явления, которые обнаруживаются в чисто бумажных валютах и вообще в системах с блокированной чеканкой.

Напротив, вполне рационально заменять полноценные деньги, золото, относительно бесценными знаками в тех размерах, в каких это допускает минимум обращения. В самом деле, в процессе $T — Д — T$ деньги излишни для *содержания* процесса, для общественного обмена веществ — они только доставляют расходы, от которых можно избавиться¹. И лишь при том условии, если бумажных денег находится в обращении именно такое количество, они являются представителями стоимости не товаров, а золота, не товарным, а золотым символом. В этих границах сохраняют свою силу и замечания Маркса: «В процессе $T — Д — T$, поскольку он представляется лишь как протекающее в виде процесса единство или как непосредственное превращение друг в друга обоих метаморфоз,— а именно таковым он представляется в сфере обращения, в которой функционирует знак стоимости,— меновая стоимость товаров получает в цене только идеальное, а в деньгах только представляемое, символическое существование. Меновая стоимость *только* проявляется, таким образом, как воображаемая или представляемая в виде вещи, но она не обладает никакой *реальностью*, кроме как в товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому *кажется*, будто знак

¹ Бумажные деньги — не «дефектные» или «плохие, малоценные» деньги. Находясь в обращении в надлежащей пропорции, они нисколько не противостоят экономическим законам. Только неясное понимание последних заставляет большинство «металлистов» относить к самому существу всякой бумажно-денежной валюты те злоупотребления, которые совершались или прямо преднамеренно или из незнания теории, и приходить в подлинно суеверный ужас не только перед всяким неразменным государственным билетом, но и перед самыми невинными мелкими разменными банкнотами. Голиафы — но не в области теории — они страшатся Давида, и чем меньше банковый билет, тем больше их ужас.

стоимости *непосредственно* представляет стоимость товаров благодаря тому, что он представляется не как знак золота, а как знак в цене лишь выраженной, но существующей в самом товаре, меновой стоимости. Эта иллюзия, однако, ошибочна. Знак стоимости непосредственно есть только *знак цены*, следовательно *знак золота*, и лишь окольным путем он — знак стоимости товара. Золото не продало своей тени, подобно Петру Шлемилю; оно, наоборот, покупает своей тенью. Поэтому знак стоимости действует лишь постольку, поскольку он внутри процесса обращения представляет цену одного товара по отношению к другому товару или поскольку он по отношению к каждому товаровладельцу *представляет золото*. Определенная, относительно лишенная стоимости вещь, например кусочек кожи, бумажный знак и т. д., первоначально становится в силу обычая знаком денежного материала, но она утверждается в этой роли только благодаря тому, что существование ее как символа гарантируется всеобщей волей товаровладельцев, т. е. она получает обусловленное законом существование и, поэтому, принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом, это — законченная форма *знака стоимости* и единственная форма бумажных денег, которая вырастает непосредственно из металлического обращения или из простого товарного обращения»¹.

Предположив чисто бумажные деньги, существующие без дополнения их золотыми, мы, следовательно, опять показали невозможность того, чтобы товары непосредственно служили друг другу выражением их собственной меновой стоимости; и здесь обнаруживается необходимость перехода ко всеобщему эквиваленту, каковым может быть только товар, а вместе с тем и стоимость.

Ясно, что если для гарантии правильности монеты требуются совместные действия производителей, то еще более это необходимо для бумажных денег. Естественным органом является при этом государство — единственная сознательная организация, которую знает капиталистическое общество и которая обладает в то же время принудительной силой. Общественный характер денег обнаруживается здесь непосредственно как таковой в общественном регулировании государством. В то же время государственными границами определяются те границы, в которых монета и бумага способны функционировать в обращении. В качестве мировых денег золото и серебро принимаются по своему весу.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 110—111.

ДЕНЬГИ КАК СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА. КРЕДИТНЫЕ ДЕНЬГИ

До сих пор мы рассматривали деньги как средство обращения, показали необходимость их объективной стоимости и наметили границу этой необходимости — заместимость денег денежными знаками. В процессе обращения $T — Д — T$ одна и та же величина стоимости постоянно оказывается в двояком виде: во-первых, как товар, во-вторых, как деньги. Но товар может быть продан, а платеж поступит лишь впоследствии. Тогда можно сказать, что перемещение товара состоялось раньше, чем его стоимость заместились деньгами. Продавец становится кредитором, покупатель — должником. Вследствие разделения продажи и платежа деньги получают новую функцию, они становятся *средством платежа*. Одновременное появление эквивалентов товара и денег на двух полюсах процесса продажи теперь прекратилось! Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар из него уже вышел. Деньги уже не являются в процессе посредствующим звеном, а завершают его самостоятельно. Если у должника-покупателя нет денег, то ему, чтобы произвести платеж, придется продать товар. Если он не уплатит, будет произведена принудительная продажа его имущества. В силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, деньги из формы стоимости товара превращаются тогда в самоцель акта продажи. В качестве средства обращения деньги обслуживают общественную связь между покупателем и продавцом, следовательно, сама эта связь возникает только через средство денег. Напротив, как средство платежа деньги выражают общественную связь, которая уже сложилась, прежде чем начали функционировать деньги. Товар давным-давно отдан, быть может, даже потреблен, прежде чем его стоимость возмещается деньгами. Срок платежа совершенно отличен от срока, когда возникло платежное обязательство. Деньги, отдаваемые в качестве платежа, уже не просто посредствующая, а потому мимолетная и, следовательно, непосредственно заместимая экономическая форма в процессе товарообмена. Напротив, только платежом процесс завершается и по содержанию. В самом деле, если $Д$ было кредитовано в процессе $T — Д — T$, то и первый товаровладелец, продавший товар, может совершить вторую метаморфозу, именно $Д — T$, лишь после того, как $Д$ будет ему заплачено.

Прежний простой процесс распался на две части, разошедшиеся во времени.

Возможен и другой случай. Упомянутый товаровладелец в свою очередь совершает акт купли Д — Т, причем Д он остается должен в расчете, что к нему возвратятся деньги за проданный им товар. Тогда его платеж ставится в зависимость от платежа, ожидаемого от покупателя его товара. Если платеж не следует, он становится банкротом и вовлекает в банкротство своих кредиторов. Поэтому как средство платежа деньги должны притекать обратно, иначе весь уже совершившийся процесс обмена окажется утратившим все свое значение. Если деньги не будут уплачены, то хотя товар отдан и общественная связь, созданная этой передачей, уже не может быть отменена, для отдельного товаровладельца она будет тогда аннулирована. Та стоимость, которую он отдал, не возвращается к нему обратно, и он в свою очередь не может получить никаких стоимостей или оплатить полученные.

Итак, функция денег как средства платежа предполагает обоюдное согласие покупателя и продавца на отсрочку платежа. Следовательно, экономическое отношение возникает здесь из частного акта. Наряду с куплей и продажей возникает вторичное отношение кредитора и должника, обязательство между двумя частными лицами.

С другой стороны, деньги как средство платежа представляют уже совершенные купли и продажи. Деньги функционировали пока только идеально, как мера стоимости. Уплачены они будут лишь в позднейшее время. Если купли и продажи совершались между одними и теми же лицами, то их можно взаимно компенсировать, и деньгами придется оплатить только разницу. Постольку и здесь деньги просто представитель стоимостей и могут быть заменены. Но в качестве средства обращения деньги обслуживали *обмен* товаров, стоимость одного товара замещалась стоимостью другого. Этим процесс совершенно заканчивался. Это был процесс общественный, акт, посредством которого осуществляется общественный обмен веществ, а потому в определенных размерах безусловно необходимый. Так как золотые деньги играли здесь чисто посредническую роль, то они могли быть замещены знаками, наделенными общественной санкцией (санкцией государства). Напротив, когда деньги функционируют в качестве средства платежа, то *непосредственное* возмещение одной стоимостью другой не имеет места. Продавец отдал товар и при этом не получил общественно значимого эквивалента, денег, не получил и другого товара равной стоимости, который сделал бы деньги излишними в этом меновом акте. Он получил от покупателя только обещание уплатить, за которым стоит не общественная

гарантия¹, а всего лишь частная гарантия покупателя. То, что он отдал товар под обещание — это его частное дело. Чего стоило обещание, обнаружится лишь в день платежа, когда оно действительно подлежит *превращению* в деньги. Следовательно, продавец отдал товар за обязательство уплатить, за «вексель». Другие тоже могут считать вексель надежным, и они в свою очередь продадут товары нашему векселедержателю. Вексель функционирует здесь как средство обращения или как средство платежа — короче, как деньги, как *кредитные деньги*, — среди лиц, которые связываются в круг уверенностью в том, что обещание платежа вполне обосновано, связываются, следовательно, исключительно своим частным мнением, хотя оно обычно опирается на серьезные данные. Для данного круга все упомянутые меновые акты окончательно завершаются лишь тогда, когда кредитные деньги будут превращены в деньги.

Итак, в противоположность государственным бумажным деньгам с принудительным курсом, которые как общественный продукт возникают из обращения, кредитные деньги имеют за собой не общественную, а частную гарантию, и потому всегда должна быть возможность обратить их в деньги, конвертабельность. Если эта конвертабельность сомнительна, то в качестве замены средств платежа они утрачивают всякую ценность. Следовательно, в качестве средства платежа деньги могут быть замещены только платежными свидетельствами. Последние же должны быть замещены деньгами, поскольку они, переплетаясь, взаимно не компенсируются.

Этим определяется различие между обращением векселей и обращением государственных бумажных денег с принудительным курсом. Деньги эти основываются на общественном *минимуме* товарного обращения. Обращение векселей заполняет место *сверх* этого минимума. Оно основывается на действительно совершенной продаже товара — совершенной притом по определенной денежной цене; вексель — частный долговой знак, который или компенсируется другим, или же оплачивается деньгами, и только тогда из частного долгового титула превращается в признаваемый общественно значимый эквивалент. Он возник из функции денег как средства платежа. Посредством кредита он заменяет деньги частным отношением между контрагентами, за которыми стоит доверие к их платежеспособности, к их общественной квалификации. Государственные бумажные деньги не предполагают,

¹ Имеется в виду экономическая по содержанию гарантия. Формальная, юридическая гарантия, что договоры должны быть исполнены, всегда предполагается сама собою.

что меновой процесс между отдельными лицами уже совершился. Напротив, здесь самый обмен совершается лишь посредством государственных бумаг, которые функционируют исключительно как средство обращения и, следовательно, завершают обмен, придаюг ему общественную значимость. Для того чтобы он приобрел последнюю, здесь вовсе не требуется в качестве предварительного условия платеж наличными деньгами, как в случае с обращением векселей, если только они взаимно не компенсируются.

Напротив, государственные бумажные деньги основываются не на кредитных отношениях, и совершенно ошибочно называть их государственным долгом или кредитными деньгами.

На том факте, что вексель обязывает только частных лиц, а государственные бумажные деньги обязывают общество, основываются различия в условиях обесценения государственной бумаги и векселя. Совокупность государственных бумаг всегда представляет нечто единое, в котором каждый отдельный элемент несет как бы солидарную ответственность за все остальные. Эта совокупность может обесцениться или получить повышенную оценку только как целое. Подобное обесценение одинаково затрагивает всех членов общества. Общественная гарантия равномерно распространяется на всю сумму, а следовательно, и на каждую из ее составных частей. Замещение денег как средства обращения выполняется обществом через его сознательный орган, государство. Кредитные деньги — творение частных лиц. Они основываются на частных меновых актах, сохраняют значение, функционируют как деньги только потому и до тех пор, пока их можно во всякое время обращать в деньги. Следовательно, каждый отдельный вексель, взятый сам по себе, может обесцениваться (но никакой вексель не может получить повышенной оценки), если упомянутые частные сделки совершены так, что они не сделались общественно значимыми, т. е. если в назначенный срок не может последовать платеж наличными. Вексель может утратить всякую стоимость, но утратить ее может только вексель отдельного лица, и каждый раз обесценение затрагивает другое отдельное же лицо, обязательство которого, впрочем, от этого нисколько не изменяется.

Количество неразменных бумажных денег должно ограничиваться минимумом процесса обращения. Количество кредитных денег зависит единственно от суммы цен товаров, за которые должны функционировать деньги в качестве средства платежа. При данном уровне цен это количество зависит исключительно от широты кредитных отношений, которая в свою очередь в высшей степени изменчива. Но так как они должны быть постоянно конвертабельны, то они никогда не

могут понизиться в своей стоимости по отношению и благодаря отношению к товарам. Разменные кредитные деньги могут претерпеть обесценение не вследствие своего количества (как неразменные государственные бумажные деньги), а лишь вследствие отказа в размене. При малейшем сомнении в размениваемости они немедленно подвергаются испытанию. Товаровладельцы, которые среди тонких и милых «бумажек» совершенно забыли о золоте, все вдруг набрасываются на золото. *On revient toujours à ses premiers amours.* [Первая любовь не ржавеет.]

В каждый определенный отрезок времени всегда обращается определенное количество долговых обязательств; они представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала их существование. Количество денег, необходимое для оплаты этой суммы цен, определяется прежде всего скоростью оборота средств платежа. Последняя же определяется обстоятельствами двоякого рода: переплетением отношений кредиторов и должников, благодаря которому А, получив деньги от своего должника В, ими уплачивает своему кредитору С и т. д., и продолжительностью времени между сроками различных платежей.

Чем больше сближаются между собою сроки платежей, тем чаще одна и та же монета может быть последовательно употреблена на платежи.

Если в процессе Д — Т — Д продажи совершаются одновременно, одна возле другой, то это ограничивает скорость оборота средств обращения, а следовательно, ограничивает и возмещение массы скоростью оборота. Напротив, если платежи совершаются одновременно и в одном месте, то они могут взаимно погашаться, и получится экономия в деньгах как средства платежа. С концентрацией платежей в одном месте, естественно, развиваются особые учреждения и методы для их балансирования. Таковы, например, *Virements* в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить долговые требования, и они будут до известной степени взаимно уничтожены как положительные и отрицательные величины. Наличными останется оплатить только долговую разницу. Чем больше концентрация платежей, тем относительно меньше разница, а следовательно, и количество обращающихся средств платежа.

Мы нашли, что количество денег, находящихся в обращении, т. е. в Т — Д — Т (причем золото в размерах, равных минимуму обращения, может быть заменено знаками золота), равно сумме товарных цен, деленной на число оборотов одноименных монет. Точно так же количество средств платежа равно сумме обязательств (а она опять-таки равна сумме цен тех товаров, от продажи которых возникли кредитные документы), деленной на число оборотов одноименных средств

платежа, уменьшенной на сумму взаимно уравнивающих платежей. Если взять скорость оборотов как величину данную для каждого данного момента и приравнять ее к 1, то окажется, что количество вообще функционирующих денег равно сумме цен товаров, находящихся в обращении, плюс сумма платежей, которым наступили сроки, минус взаимно уравнивающиеся платежи, наконец, минус те монеты, которые сначала функционировали как средство платежа, а потом как средство обращения. Если товарная сумма, сбываемая со всех сторон, составляет 1 млрд. марок, срочные платежи столько же, а 200 млн. служат сначала для платежей, потом для обращения и в то же время дальнейшие 500 млн. платежей взаимно уравниваются, то в целом требуется 1300 млн. марок, которые и представляют необходимую в данный момент сумму денег. Эту-то сумму я и называю общественно необходимой стоимостью обращения.

Большая часть всех оборотов совершается посредством этих частных кредитных денег, посредством долговых свидетельств и приказов на уплату, которые взаимно компенсируются¹. Причина перевеса средств платежа над средствами обращения заключается в том, что с развитием капиталистического производства осложняются отношения обращения, моменты, наиболее удобные для закупок и продаж, расходятся во времени, вообще должны отпасть всякие ограничения, вытекавшие из того, что покупать можно было только тогда, когда удавалось продать.

Итак, кредитные деньги возникают на основе актов купли и продажи между капиталистами, они возникают в обращении и на его основе. Функция их заключается в том, что они делают обращение независимым от границы, которая ставилась количеством наличного золота. Поскольку функционируют кредитные деньги, золото уже не функционирует как средство обращения, оно уже не должно, следовательно, в плоти своей противостоять товару, оно служит только уравниванию окончательного баланса. Последний колоссален по сравнению с количеством золота, и целям взаимного покрытия платежей служат особые учреждения. Но, как мы видели, обращение является в равной мере и условием и результатом капиталистического производства. Производство может начаться лишь после того, как капиталист в акте обращения овладеет необходимыми элементами производства. По мере того как это обращение становится независимым от бытия действительных денег, производство тоже приобретает независимость от количества денег. Так как эти деньги в конце концов стоят труда и

¹ В расчетных операциях Германского имперского банка 1 пфенниг наличных денег оказался в 1894 г. достаточным для годового оборота в 4,35 марки, в 1900 г. — для годового оборота в 8,3 марки.

представляют значительную статью *faux frais* [непроизводительные затраты], то замена денег непосредственно составляет экономию на бесполезных издержках процесса обращения.

По условиям возникновения количество кредитных денег ограничено размерами производства и обращения. Они обслуживают оборот товара и в последнем счете покрываются стоимостью товара, обороту которого они способствовали. Но в отличие от государственных бумаг здесь нет такого минимума, дальше которого нельзя было бы пойти. Напротив, с массой товаров и уровнем товарных цен возрастает количество кредитных денег. Однако кредитные деньги — всего лишь платежное обязательство. Если бы товар сбыли за чистое золото, следовательно, если бы стоимость была обменена на стоимость, то процесс был бы окончательно завершен, какие-либо нарушения в дальнейшем сделались бы невозможными. Но процесс завершен лишь обязательством платежа. Будет ли оно выполнено, зависит от того, удастся ли должнику перепродать купленный товар или вместо него другой товар равной стоимости. Если меновой акт не соответствовал общественным условиям или если они в промежутке времени изменились, то покупатель не сумеет выполнить свое платежное обязательство, оно утратит всякую ценность; место обязательства платежа должны занять действительные деньги.

Уже из этого вытекает, что с падением товарных цен во время кризиса количество кредитных денег сильно сокращается. Но сокращение означает обесценение тех кредитных денег, которые являются представителями прежних, более высоких цен. К понижению цен присоединяются затруднения сбыта, товары оказываются нераспроданными, между тем как срок векселя истекает. Оплата векселя становится сомнительной. Таким образом, понижение цен и затруднение сбыта уменьшает стоимость кредитных денег, выпущенных под товары. Это обесценение составляет существенный момент кредитного кризиса, сопровождающего всякий торговый кризис.

«Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом. Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная

система уравнивания их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счетных денег в звонкую монету»¹.

Но как раз тогда, когда обесценение кредитных денег сильнее всего, государственные бумажные деньги с принудительным курсом переживают свой величайший триумф. Это — узаконенное средство платежа, подобно золотым деньгам. Потрясение, испытываемое кредитными деньгами, создает пробел в обращении, и *horror vacui* [боязнь пустоты] повелительно требует его заполнения. В такие периоды становится рационально расширять обращение государственных бумажных денег (или билетов центрального банка, кредит которого не испытывает потрясений. Эти банкноты, как мы увидим, представляют благодаря регулированию законом промежуточную ступень между государственными бумажными деньгами и кредитными деньгами). Если этого не будет сделано, то деньги (металлические и государственные бумажные) получают лаж, как, например, золото и гринбеки во время недавнего американского кризиса.

Для функционирования кредитных денег требуются особые учреждения, в которых требования платежей сравниваются и взаимно компенсируются; с развитием этих учреждений возрастает экономия на наличных деньгах. При развитой банковской системе эта задача становится одной из важных функций *банков*².

В ходе капиталистического развития, во-первых, быстро возрастает общая сумма товаров, поступающих в обращение, а тем самым и общественно необходимая стоимость обращения. Вместе с тем увеличивается пространство, которое могут занять государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Во-вторых, с увеличением масштаба производства, с превращением всех обязательств в денежные обязательства и в особенности с ростом фиктивного капитала увеличивается количество тех сделок, которые совершаются при помощи кредитных денег. То и другое приводит к тому, что количество металлических денег резко сокращается по сравнению с совершаемыми актами обращения и платежами.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 144—145.

² Для обслуживания общественных потребностей обращения в Германии требуется наличных денег раз в 9—15 больше, чем в Англии. Чековые обороты дают экономию примерно в 140 млн. ф. ст. на банковых билетах, для покрытия которых теперешний денежный резерв приблизительно в 35 млн. ф. ст. пришлось бы учетверить, если бы остались в силе теперешние законодательные постановления. (См. *Jaffè, Das englische Bankwesen, Leipzig 1905.*)

ДЕНЬГИ В ОБРАЩЕНИИ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА

Теперь мы переходим к той роли, которую деньги играют в обращении промышленного капитала. Итак, наш путь ведет не на капиталистическую фабрику с ее чудесами техники; наше внимание должно обратиться к однообразию вечно сходных рыночных актов, где одинаковым по форме способом деньги постоянно превращаются в товар и товар в деньги. Только надежда, что нам удастся напасть на след загадки, как из самих актов обращения возникает та сила, которая в виде капиталистического кредита в конце концов получает господство над общественными отношениями, только эта надежда и может побудить читателя с некоторым терпением пройти тяжелые этапы следующей ниже главы.

Деньги были бы излишни в сфере обращения, если бы общая сумма цен всегда оставалась постоянной величиной, т. е. если бы количество и цена товаров были неизменны и каждый товар обменивался бы на другой по своей стоимости, — условие, неосуществимое в рамках неурегулированного, анархического способа производства. С другой стороны, сознательное регулирование общественного производства сделало бы невозможным проявление стоимости как меновой стоимости, т. е. как общественного отношения двух вещей, а вместе с тем сделало бы невозможными и деньги. Квитанции на долю общественного продукта, выданные обществом, столь же не деньги, как театральные талоны, как билет на определенное место. Только характер товарного производства делает деньги необходимыми в качестве меры стоимости, а вместе с тем и средства обращения¹.

¹ В одном письме к Рудольфу Мейеру Родбертус говорит: *«Металлические деньги не просто мерило стоимости и средство ликвидации: постольку они соответствуют просто идее денег, в которой вовсе не содержится, чтобы эта квитанция — свидетельство на товарную стоимость — была написана на столь дорогом материале, как благородный металл. В настоящее время металлические деньги служат также и регулятором производства, и эту службу они выполняют только благодаря своему драгоценному материалу. Если бы вы захотели ввести товарные билеты, вы должны были бы заручиться тогда и возможностью предписывать всякому предпринимателю, сколько он должен произвести. Идея товарных билетов нападает на интереснейший пункт всей национальной экономики. Но, как постоянное средство обращения (а не как просто преходящее свидетельство кредитной кассы), товарный билет возможен лишь при том условии, если стоимость товаров конституирована в соответствии с трудом и если на товарном билете означена товарная стоимость, измеряемая по труду. Я не сомневаюсь в возможности таких денег, но превращение таких денег в единственное средство обращения предполагает уничтожение собственности на землю и капитал»*. («Briefe und Sozialpolitische Aufsätze von Dr. Rodbertus-Jagetzow». Herausgegeben von Dr. Rudolf Mayer,

Если деньги функционируют как средство платежа, то полное уравнивание всех платежей, совершаемых в определенный момент, представляется чистой случайностью, которая в действительности никогда не наступит. Деньги здесь самостоятельно завершают процесс перемещения товара. И столь же случаен такой момент, когда полученные в качестве платежа деньги в свою очередь превращаются в товар, следовательно, когда стоимость первого товара окончательно замещается стоимостью другого товара. Связь, которая существует в процессе $D - T - D$, здесь прерывается. Тут необходимо должны появиться на сцене деньги, чтобы удовлетворить продавца товара, который, в свою очередь, не обязан выступить в качестве покупателя другого товара.

Этот разрыв процесса обращения, который в сфере простого товарного обращения представляется нам еще случайным и произвольным, становится необходимым в сфере капиталистического обращения товаров. В этом мы убедимся, рассмотрев обращение капитала.

Стоимость превращается в капитал, превращаясь в стоимость, которая приносит прибавочную стоимость. Последнее происходит в капиталистическом процессе производства, предпосылкой которого является монополия капиталистов на средства производства и существование класса свободных наемных рабочих. Наемные рабочие продают капиталисту свою рабочую силу, стоимость которой равна стоимости жизненных средств, необходимых для существования и воспроизводства рабочего класса. Их труд создает новую стоимость; одна часть последней возмещает ту часть капитала, которую капиталист авансировал на покупку рабочей силы, — Маркс называет ее переменной частью капитала, — другая же часть достается капиталисту как прибавочная стоимость. Так как стоимость средств производства — постоянный капитал — в процессе труда была перенесена на продукт, то стоимость, авансированная капиталистом на производство, увеличилась, сделалась стоимостью, приносящей стоимость, функционировала как капитал.

Всякий промышленный капитал проделывает процесс кругооборота, в котором нас в данной связи интересует только изменение формы. Содержанием процесса является возникновение прибавочной стоимости, следовательно, возрастание стоимости капитала, а оно совершается в процессе производства, который в капиталистическом обществе является функцией двоякого рода. Это, во-первых, как и при всякой форме общества, процесс труда, создающий потребительные

Berlin 1881, Bd. II, S. 441). Кстати это, как и другие места, доказывает, что Энгельс несправедливо бросил Родбертуса в одну кучу с Греем, Бреем и т. п. мелкобуржуазными утопистами рабочих денег, считавшими рабочие деньги возможными без общественного контроля над производством.

стоимости; и это, во-вторых,— что характерно для капиталистического общества,— процесс возрастания стоимости, в котором средства производства функционируют как капитал и в котором создается прибавочная стоимость. Исчерпывающий анализ этого процесса дал Маркс в первом томе «Капитала». Связь нашего исследования требует только рассмотрения того, как изменяется форма стоимости, а не как она возникает. Но изменение формы не касается величины стоимости — изменение последней составляет содержание процесса возрастания стоимости. И если это изменение относится к процессу производства, то изменение форм — к процессу обращения. Но существуют только две формы, которые может принимать стоимость в обществе, построенном на товарном производстве: форма товара и форма денег.

Если мы рассмотрим процесс кругооборота капитала, то всякий капитал появляется сначала, при своем первом выступлении, как денежный капитал. Как деньги, которые должны функционировать в качестве капитала, он превращается в товары (Т) определенного рода, в средства производства (Сп) и рабочую силу (Р). Далее следует процесс производства (П...). В последнем стоимость не претерпевает никакого изменения формы. Стоимость остается *товаром*. Но в том же процессе производства, во-первых, изменяется потребительная стоимость товара,— что вообще не касается его стоимости,— и, во-вторых, рабочая сила, функционируя, увеличивает стоимость; стоимость возрастает. Как товар (Т¹), стоимость которого увеличена прибавочной стоимостью, товар покидает место производства, чтобы потом испытать второе и последнее изменение формы, превращение в деньги (Д¹).

Итак, процесс кругооборота капитала распадается на две стадии, относящиеся к обращению: Т — Д и Т¹ — Д¹, и одну стадию, протекающую в сфере производства. В обращении капитал является денежным капиталом и товарным капиталом, в производстве — производительным капиталом. Капитал, протекающий через все эти формы, есть *промышленный капитал*. Денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал здесь, следовательно, означают не самостоятельные виды капитала, а лишь особые функциональные формы промышленного капитала.

Итак, у нас получилась следующая схема: Д — Т — П... Т¹ — Д¹.

Всякий вновь выступающий капитал появляется сначала как денежный капитал. На самих деньгах не написано, что они — капитал¹. Они становятся таковым потому, что они должны быть превращены в элементы производительного ка-

¹ Трудность установить понятие капитал, как и вообще экономические понятия, вытекает из видимости, будто они присущи самим вещам, между тем как в действительности они просто отражают определенные общественные отно-

питала. Сначала это просто деньги; следовательно, они могут выполнять только функции денег, служить исключительно средством обращения и средством платежа.

Мы уже знаем, что функция денег как средства платежа предполагает кредитные отношения. Д — Т, первая стадия в процессе обращения капитала, распадается на две части: Д — Сп и Д — Р. Так как наемный рабочий живет только продажей рабочей силы, а ее существование требует ежедневного потребления, то он должен постоянно через короткие сроки получать платежи, чтобы постоянно можно было повторять необходимые для его самосохранения закупки. Поэтому капиталист должен постоянно противостоять ему как денежный капиталист, а его капитал — как деньги¹. Следовательно, здесь кредит не играет никакой роли.

Иначе в процессе Д — Сп. Здесь кредит может играть более крупную роль. Цель купленных средств производства — возрасти в своей стоимости. Деньги, которые заплачены за них, капиталистом просто авансированы. По истечении периода обращения они должны возвратиться, и они возвращаются к нему в возросшем количестве, если мы предполагаем нормальный ход вещей. Так как капиталист просто *авансирует* свои деньги, так как они к нему возвращаются, то из этого вытекает, что они могут быть и ему *авансированы*, заняты им. А это ведь общая предпосылка *производственного* кредита: деньги могут быть ссужены только тому, кто расходует их таким способом, что они, предполагая всегда нормальный ход событий, должны опять возвратиться к нему. Притом кредит обеспечивается здесь теми товарами, на покупку которых деньги авансируются.

Здесь мы имеем дело только с тем кредитом, который возникает из самого товарного обращения, из изменения функции денег, из того, что из средства обращения они превратились в средство платежа. Напротив, мы пока не касаемся того кредита, который возникает из разделения функций капиталиста между чисто денежным капиталистом, с одной

шения, в которых одни и те же вещи играют чрезвычайно изменчивую роль. Так, с одной стороны, золото как деньги отражает только отношения одной определенной эпохи в развитии товарного обмена, оно является средством обращения. А при других отношениях оно становится капиталом. Является ли золото или деньги капиталом — вопрос, поставленный неправильно. При некоторых отношениях это просто деньги, при других — кроме того, и капитал. Так же и капитал: это означает, что в качестве капитала деньги всегда могут выполнять только функции денег, являются просто денежной формой капитала в отличие от товарной формы капитала.

Приписывать определенным вещам свойство капитала столь же ошибочно, как если бы мы пространству приписывали нечто присущее вещам. Только наше видение дает вещам форму пространства, так же как только определенные стадии общественного развития дают вещам форму денег или капитала.

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 31.

стороны, и предпринимателем — с другой. Если деньги ссужаются предпринимателю денежным капиталистом, то совершается просто перенесение денег. Величина авансируемых денег этим нисколько не изменяется. Но это возможно в том случае, который мы рассматриваем в настоящее время. Продавец средств производства кредитует товар предпринимателю и получает за это обещание платежа, например, вексель. По истечении срока предприниматель сумеет, быть может, уплатить уже обратными поступлениями авансированного капитала, возвращающегося к нему из процесса обращения. Поскольку это возможно, предприниматель может располагать меньшим денежным капиталом, чем потребовалось бы при отсутствии кредита, кредит расширил возможности его капитала.

Но факт кредита нисколько не меняет того положения, что капитал должен быть в наличии в денежной форме, иначе товар не может быть куплен. Кредит, поскольку платежи компенсируются, только уменьшает ту сумму металлических денег, которая вообще требовалась бы для обмена. Но эта сумма отнюдь не определяется тем обстоятельством, что деньги, употребляемые в сделках данного рода, обладают свойством капитала, она подчиняется только тем законам, которые вытекают из природы товарного обращения вообще. При прочих равных условиях количество денег, которые приходится авансировать, зависит исключительно от суммы цен тех товаров, которые необходимо купить. Следовательно, если денежного капитала авансируется больше, то это просто означает, что покупается больше товаров ($Sp + P$), являющихся элементами производительного капитала, следовательно, означает увеличение количества средств обращения и средств платежа.

При этом увеличении действуют две взаимно противоположные тенденции. При ускоренном накоплении в периоды высокой конъюнктуры растет спрос на определенные товары, и вследствие этого увеличиваются их цены. Возросшая сумма цен делает необходимым увеличение количества денег. С другой стороны, одновременно растет кредит, потому что это — период хорошей конъюнктуры, когда деньги регулярно поступают обратно, процесс возрастания капитала представляется обеспеченным, и потому растет готовность и возможность предоставления кредита. Расширение кредита делает здесь возможным быстрое расширение обращения за пределы того базиса, который составляют металлические деньги.

Это относится, разумеется к процессу $D - Sp$, а не к процессу $D - P$. Здесь, напротив, с увеличением переменного капитала в той же мере увеличивается и количество дополнительных денег, которое служит для купли и входит в обращение. Очевидно, что с развитием капиталистического производ-

ства сфера применения кредита постоянно расширяется абсолютно и еще более относительно, так как с переходом к более высокому органическому составу капитала оборот $D - Sp$ постоянно возрастает за счет оборота $D - P$, а потому и сфера кредита расширяется по сравнению со сферой наличных денег.

Рассматривая процесс кругооборота капитала, мы пока не получили никакого нового определения роли кредита. Иначе будет в том случае, если мы рассмотрим влияние времени оборота на величину денежного капитала. Тогда мы откроем, что в процессе кругооборота периодически высвобождаются известные суммы денег. А так как праздное лежащие деньги не могут приносить прибыли, то возникает стремление по возможности воспрепятствовать этому праздному состоянию денег, задача, которая может быть разрешена только кредитом, выполняющим здесь новую функцию. Исследование должно теперь обратиться к этой новой причине возникновения кредитных отношений.

Периодическое высвобождение и бездеятельное состояние [Brachlegung] денежного капитала

«Движение капитала через сферу производства и две фазы сферы обращения совершается... последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения — время его циркуляции, или обращения. Все время, в течение которого капитал совершает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения»¹.

«Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его производства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала»².

Итак, в нашей схеме время, необходимое каждый раз для того, чтобы совершить процесс $D - D^1$, составляет время оборота. Время обращения равно времени, которого требует

сделка $D < \underset{Sp}{P}$ и $T^1 - D^1$, а время производства равно вре-

мени, в течение которого капитал как производительный капитал (П) подлежит процессу увеличения стоимости.

Пусть время оборота какого-нибудь капитала составляет девять недель, в том числе время производства шесть и время обращения три недели. Для производства пусть будет необ-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 118.

² Там же, стр. 152.

ходимо по 1000 марок капитала в неделю. Для того, чтобы в конце шестой недели времени производства не пришлось прервать производство на три недели, капиталист, для его непрерывного продолжения, должен авансировать новый капитал в 3000 марок (капитал II) на три недели, пока совершается обращение. За эти три недели, пока первый капитал пребывает в сфере обращения, он по отношению к процессу производства находится в таком состоянии, будто его вовсе не существует¹. Следовательно, время обращения вызывает необходимость в дополнительном капитале, и этот дополнительный капитал относится ко всему капиталу, как время обращения ко времени оборота, следовательно, для нашего примера как 3 : 9, или добавочный капитал составляет одну треть всего капитала.

Итак, чтобы производство не останавливалось на три недели, у капиталиста должно быть не 6000, а 9000 марок. Но эти добавочные 3000 марок начинают функционировать только с начала времени обращения, т. е. с седьмой недели, а первые шесть недель лежат без дела. Такое высвобождение и бездеятельность 3000 марок повторяются постоянно. Те 6000 марок, которые в первый рабочий период были превращены в товарный капитал, в конце девятой недели оказываются проданными. Теперь на руках капиталиста оказывается 6000 марок. Но второй рабочий период начался с седьмой недели — теперь истекла только половина его. В течение этого времени функционировал дополнительный капитал в 3000 марок; следовательно, до окончания рабочего периода требуется еще 3000 марок; из первоначальных 6000 марок опять высвобождаются 3000 марок и этот процесс постоянно повторяется вновь.

Итак, для поддержания непрерывности производственного процесса, для того чтобы он не прерывался обращением капитала, становится необходим дополнительный капитал, притом денежный капитал, так как он должен функционировать в качестве покупательного средства по отношению к средствам производства и рабочей силе. Сам этот дополнительный капитал не создает непрерывно прибавочную стоимость и постольку не функционирует как капитал. Самим механизмом кругооборота он постоянно, вновь и вновь высвобождается на некоторое время для того, чтобы функционировать в течение другого времени.

«При рассмотрении всего общественного капитала оказывается, что более или менее значительная часть этого добавочного капитала всегда находится в состоянии денежного капитала в течение сравнительно продолжительного времени... II притом этот освобождающийся капитал равен той части

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 256.

капитала, которая заполняет время, представляющее излишек периода обращения по сравнению с рабочим периодом или с кратным рабочего периода»¹.

«Следовательно, это присоединение добавочного капитала (в 3000 мар.), необходимого для превращения времени обращения капитала I (в 6000 марок) во время производства, увеличивает не только размер авансированного капитала и продолжительность времени, на которое необходимым образом авансируется весь капитал, но оно также увеличивает в особенности ту часть авансированного капитала, которая существует в виде денежного запаса, следовательно находится в состоянии денежного капитала и обладает формой потенциального денежного капитала»².

Однако возможно, что и эти 3000 марок могут представлять еще далеко не всю сумму того денежного капитала, который в данный момент бездействен. Предположим такой случай³, что эти 6000 марок, необходимые для производства с самого начала, наш капиталист употребляет так, что одна половина расходуется на покупку средств производства, а другая половина — на заработную плату. Но он платит рабочим еженедельно. В таком случае из 3000 марок, необходимых для этого до истечения шестой недели, часть, еженедельно уменьшающаяся на 500 марок, все время будет бездействительна. Возможно также, что известная часть средств производства, например, уголь, также не будет закуплена разом на весь производственный период в его начале, а необходимые закупки будут совершаться частями на протяжении всего этого периода. (Но возможно и обратное: рыночные отношения или обычные условия поставок, быть может, заставят разом произвести закупку на несколько производственных периодов. Из этого вытекала бы необходимость большую сумму денежного капитала превратить в товарный капитал.)

Р

Итак, вследствие того, что в процессе $D < \frac{D}{C_p}$ деньги не

сразу превращаются в рабочую силу и средства производства, тоже возникает бездейственный денежный капитал, не говоря уже о дополнительном капитале II. Часть денег совершает акт $D - T$, а другая часть сохраняется в это время в денежной форме, чтобы потом, во время, определяемое условиями самого производственного процесса, обслужить одновременные

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 261, 274.

² Там же, стр. 261. У Маркса числовой пример иной, чем в нашем тексте. В цитату Маркса для упрощения мы вставили наши числа.

³ Здесь мы можем отметить только важнейшие моменты. Во II томе «Капитала» Маркс исследовал проблему до деталей, которые педант, впрочем, сумел бы еще увеличить. Однако то фундаментальное значение, которое имеет это исследование для понимания кредитных отношений, оставалось до сих пор незамеченным.

или последовательные акты Д — Т. Они только временно извлечены из обращения, чтобы в определенный момент начать действовать, функционировать. Но тогда это сохранение денег оказывается состоянием, в котором деньги тоже выполняют одну из своих функций в качестве денежного капитала. В качестве денежного капитала, ибо в этом случае и временно бездействующие деньги сами являются частью денежного капитала Д, стоимость которой равна стоимости производительного капитала, открывающего кругооборот. С другой стороны, все деньги, извлеченные из обращения, находятся в форме сокровища. «Следовательно, форма сокровища, в которой находятся деньги, становится здесь функцией денежного капитала, подобно тому как в Д — Т функция денег, являющихся покупательным средством или средством платежа, становится функцией денежного капитала. Причина заключается в том, что капитальная стоимость существует здесь в денежной форме, денежная форма является здесь состоянием промышленного капитала, определяемым общей связью его кругооборота на одной из стадий последнего. Но здесь в то же время снова оказывается правильным, что денежный капитал в кругообороте промышленного капитала не выполняет никаких иных функций, кроме функций денег, и что эти функции денег лишь благодаря своей связи с другими стадиями этого кругооборота имеют вместе с тем значение функций капитала»¹. Третья и очень важная причина праздного состояния денежного капитала возникает из способа, каким возвращается капитал из процесса возрастания стоимости; и здесь следует отметить опять-таки две главных причины образования бездейственного денежного капитала.

Промышленный капитал, рассматриваемый с точки зрения его оборота, распадается, как известно, на две части. Одна часть капитала целиком потребляется за каждый отдельный период оборота, и стоимость ее целиком переходит на продукт. Например, в прядильне, в которой ежемесячно производится и в конце каждого месяца продается 10 000 фунтов пряжи, на протяжении этого месяца потребляется соответствующая стоимость в виде хлопка, смазочного масла, светильного газа, угля и рабочей силы, и эта стоимость возмещается для капиталиста при продаже продукта. Эта часть капитала, возмещаемая в течение одного периода оборота, является оборотным капиталом. С другой стороны, для производства были необходимы здания, машины и т. д., которые продолжают функционировать в производственном процессе и по окончании данного периода оборота. Следовательно, из их стоимости на продукт переносится лишь некоторая часть, равная среднему снашиванию в течение одного периода оборота.

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 73.

Если их стоимость составляет, скажем, 100 000 марок, средняя продолжительность функционирования 100 месяцев, то от продажи пряжи на возмещение зданий и машин должно быть выручено 1000 марок. Та часть капитала, которая функционирует в течение целого ряда периодов оборота, образует основной капитал.

Итак, к владельцу прядильни постоянно притекают из обращения деньги в возмещение его основного капитала, и ему приходится удерживать их в денежной форме, пока, наконец, через 100 месяцев сумма их не достигнет 100 000 марок, которые потребуются ему тогда на покупку новых машин и т. д. Следовательно, и здесь происходит образование сокровища, которое само «является элементом капиталистического процесса воспроизводства, воспроизводством и сосредоточением — в денежной форме — стоимости основного капитала или его отдельных элементов до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век и, следовательно, не передаст всей своей стоимости произведенным товарам, так что его необходимо будет возобновить *in natura*»¹.

Мы видим отсюда, что часть капиталистов постоянно извлекает деньги из обращения на возмещение стоимости изношенной части основного капитала. Денежная форма здесь существенна; стоимость основного капитала может быть возмещена только деньгами, потому что основной капитал, как таковой, продолжает функционировать в процессе производства и, следовательно, еще не нуждается в возмещении *in natura*. Следовательно, деньги становятся здесь необходимыми вследствие определенного способа воспроизводства основного капитала². Только деньги вообще и делают здесь возможным отдельное и обособленное обращение стоимости основного капитала, в то время как его техническое функционирование непрерывно продолжается в процессе производства.

Итак, способ возвращения основного капитала ведет к образованию сокровища, но вместе с тем и к периодической бездеятельности денежного капитала.

В качестве последней причины высвобождения денежного капитала мы должны рассмотреть еще особый характер капиталистического накопления. Если прибавочной стоимости предстоит функционировать в качестве капитала, — будет ли она употреблена на расширение старого или на основание нового предприятия, — она должна прежде всего достигнуть известной величины, размеры которой зависят от данных тех-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 452.

² «Как простое товарное обращение не тождественно с простым обменом продуктов, так и превращение годового товарного продукта нельзя свести к простому, непосредственному взаимному обмену его различных составных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит себе выражение и в способе воспроизводства основной капитальной стоимости» (К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 452).

нических и экономических условий предприятия. Но с завершением всякого кругооборота реализуется известное количество прибавочной стоимости, и притом сначала в денежной форме. Как правило, должен совершиться целый ряд таких кругооборотов, пока реализованные суммы прибавочной стоимости не будут достаточно велики для того, чтобы превратиться в производительный капитал. Таким образом, отдельные капиталисты постоянно накапливают денежные суммы, представляющие для них реализованную прибавочную стоимость, пока, наконец, эти суммы не окажутся достаточными для производительного применения. Мы встречаемся здесь с бездейственным денежным капиталом, который возникает из процесса увеличения стоимости и некоторое время, пока не найдет себе производительного применения, должен сохраняться в денежной форме.

Образование сокровищ может происходить уже при простом товарном обращении. Для этого необходимо только, чтобы в процессе $T - D - T$ не совершилась вторая часть, именно $D - T$, т. е. необходимо, чтобы продавец товара не выступал в качестве покупателя, а приберег бы деньги. Но при простом товарном обращении такое поведение является совершенно случайным и исключительным. Напротив, в обращении капитала образование сокровища становится необходимостью, вытекающей из самой природы процесса. Другое отличие от простого товарного обращения заключается в том, что здесь высвобождается и застывает в виде сокровища не просто средство обращения, а денежный капитал, деньги, которые только что прошли через стадию увеличения стоимости и которые теперь неизбежно стремятся вновь войти в процесс возрастания стоимости, снова сделаться денежным капиталом. Следовательно, они оказывают давление на денежный рынок.

Так из самого механизма обращения капитала возникает необходимость того, чтобы денежный капитал в большем или меньшем объеме оказывался бездейственным на более или менее продолжительное время. А это означает, что в течение этого времени он не может приносить прибыли — смертный грех с точки зрения капиталиста. Но размеры, в которых капитал совершает грехопадение, зависят, как и большинство грехов, от объективных условий, к рассмотрению которых нам теперь и следует обратиться.

Изменения величины бездействующего капитала и их причины

Мы уже знаем, что в течение времени обращения капитала для продолжения производственного процесса требуется добавочный денежный капитал и что он периодически оказывается бездействующим. Если в нашем первом примере

время обращения сократится с трех до двух недель, то 1000 марок станут излишними и выделятся в форме денежного капитала. Как таковой, он поступит на денежный рынок и составит добавочную часть функционирующих здесь капиталов. Эти избыточные 1000 марок раньше только частично существовали в денежной форме; именно в той своей части, которая служила для оплаты рабочей силы. Напротив, 500 марок были употреблены на покупку средств производства, следовательно, существовали в форме товара. Теперь они целиком, и притом в денежной форме, выделились из процесса кругооборота данного капитала.

«Выделившиеся благодаря этому в денежной форме» 1000 марок «образуют теперь новый ищущий помещения денежный капитал, новую составную часть денежного рынка. Хотя они и ранее периодически принимали форму высвободившегося денежного капитала и добавочного производительного капитала, но такое скрытое состояние само было условием ведения процесса производства, так как оно было условием его непрерывности». Теперь 1000 марок «уже не требуются для этого и потому образуют новый денежный капитал, одну из составных частей денежного рынка, хотя они отнюдь не образуют ни добавочного элемента к уже наличному общественному денежному запасу (потому что они существовали при начале предприятия и были брошены им в обращение), ни вновь накопленного сокровища»¹. Следовательно, здесь мы видим, как при неизменном денежном запасе увеличенное предложение денежного капитала возникает исключительно благодаря сокращению времени оборота капитала; деньгам, раньше функционировавшим в качестве капитала, предопределено опять сделаться капиталом.

Если, наоборот, время обращения увеличивается, скажем, еще на две недели, то потребуются дополнительный капитал в 2000 марок, которые должны быть взяты на денежном рынке и вступить в кругооборот производительного капитала (в этот кругооборот по-прежнему входит и время обращения). 1000 марок будет постепенно превращена из денежной формы в рабочую силу, другая же 1000 марок,— быть может, немедленно,— в средства производства. Следовательно, увеличение времени оборота ведет к повышению спроса на денежном рынке.

Важнейшие моменты, оказывающие влияние на период оборота, следующие: «Поскольку бóльшая или меньшая продолжительность периода оборота зависит от рабочего периода в собственном смысле, т. е. от периода, который требуется, чтобы изготовить продукт для рынка, она основывается на материальных условиях производства, вполне определенных

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 285.

для различных вложений капитала. Эти условия в земледелии имеют более характер естественных условий производства, а в мануфактуре и в большей части добывающей промышленности изменяются параллельно с общественным развитием самого процесса производства»¹.

Здесь действуют тенденции двоякого рода. Развитие техники сокращает рабочий период; отдельный экземпляр товара изготавливается быстрее, следовательно, скорее покидает фабрику и поступает на рынок. Кроме того, если речь идет о делимых товарах, об их производстве в более или менее обширном обществе, то производится больше чем прежде, следовательно, больший капитал оборачивается быстрее. Технический прогресс сокращает рабочий период и таким образом ускоряет оборот оборотного капитала и прибавочной стоимости. Но тот же самый прогресс означает возрастание основного капитала с его сравнительно продолжительным периодом оборота, охватывающим целый ряд оборотов оборотного капитала. Рост основного капитала прогрессирует быстрее, чем оборотного. Таким образом, оборот постоянно растущей части совокупного капитала все замедляется. Если оставить в стороне кредит, то замедление оборота было бы другой причиной — первая заключается в увеличении масштаба производства вообще — увеличенного авансирования денежного капитала, причем все возрастающая доля последнего оказывалась бы высвобожденной.

«Поскольку продолжительность рабочего периода определяется размером доставляемых товарных масс (количественным размером, в котором продукт обыкновенно выбрасывается на рынок в виде товара), она имеет условный характер. Но материальным базисом самой этой условности служит масштаб производства, а потому она случайна, лишь рассматриваемая в отдельности»². И здесь количество в общем возрастает, а вместе с ним возрастает и авансируемый капитал. Необходимо, однако, принять во внимание, что вследствие технического прогресса большее количество может иметь меньшую цену, а потому и потребовать относительно меньшего авансирования.

«Наконец, поскольку продолжительность периода оборота зависит от продолжительности периода обращения, она отчасти обуславливается постоянным изменением рыночных конъюнктур, большей или меньшей легкостью продажи и вытекающей из этого необходимостью частично выбрасывать продукт на более близкий или на более отдаленный рынок. Если отвлечься от размеров спроса вообще, то движение цен играет здесь главную роль: при понижении цен продажа

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 314.

² Там же.

намеренно ограничивается, между тем как производство идет по-прежнему; напротив, при повышении цен производство и продажа не отстают друг от друга или товар может быть продан даже вперед. Однако собственно материальным базисом следует считать действительное расстояние места производства от рынка сбыта»¹.

Так как прибыль возникает в производстве, а обращением она лишь реализуется, то отсюда вытекает постоянное стремление по возможности превратить весь капитал в производственный капитал. Отсюда тенденция, во-первых, свести издержки обращения к минимуму, заменив металлические деньги кредитными деньгами, и, во-вторых, сократить само время обращения путем развития техники торговли, путем возможно более быстрой продажи продуктов. Противоположная тенденция вызывается постоянным расширением рынка и развитием международного разделения труда. Эта противоположная тенденция смягчается в своем действии развитием транспортных связей.

В заключение мы должны еще отметить, что продолжительность времени оборота капитала имеет решающее значение для быстроты, с какой прибавочная стоимость может быть превращена обратно в капитал, накоплена. Чем короче время оборота, тем быстрее реализуется прибавочная стоимость в денежной форме, тем скорее она может быть превращена в капитал.

Все указанные моменты: органический состав капитала, в особенности отношение основной составной части капитала к оборотной, развитие торговой техники, сокращающее время обращения, действующее в том же направлении развитие средств транспорта, из которого, однако, возникают в качестве противоположной тенденции поиски все более отдаленных рынков, различия в темпе возвращения капитала вследствие периодических колебаний конъюнктуры, наконец, ускоренное или замедленное производительное накопление,— все эти обстоятельства оказывают влияние на то, какова масса бездеятельного капитала и какова продолжительность его бездеятельности.

К этому присоединяется еще такой важный момент, как изменение цены товаров. Если цена сырых материалов падает, то для продолжения производства в прежнем масштабе капиталисту в нашем примере придется еженедельно авансировать уже не по 1000 марок, а, скажем, всего по 900 марок; следовательно, на весь период оборота его капитала уже не 9000 марок, а всего 8100 марок, между тем как 900 марок высвобождаются. «Этот выделившийся и теперь незанятый денежный капитал, ищущий поэтому применения на денежном

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 314.

рынке, представляет собой не что иное, как часть капитала» в 9000 марок, «первоначально авансированного в виде денежного капитала, часть, которая сделалась излишней вследствие понижения цены тех элементов производства, в которые она периодически превращается,— сделалась излишней, раз предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (напр., особенно богатым урожаем, чрезмерным подвозом и пр.), а увеличением производительной силы в той отрасли, которая доставляет сырье, то этот денежный капитал представлял бы собою абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала, потому что этот капитал уже не являлся бы необходимой составной частью того капитала, который уже нашел себе применение»¹.

Повышение цен на сырой материал требует, наоборот, дополнительного денежного капитала и, следовательно, вызывает повышение спроса на денежном рынке.

Само собой очевидно, что рассмотренные сейчас моменты имеют существенное значение для развития денежного рынка во время периодических колебаний, обусловливаемых конъюнктурой. В начале подъема цены низки, возврат капитала происходит еще быстро, период обращения короткий. Во время высокой конъюнктуры цены растут, и время обращения увеличивается. Шире прибегают к кредиту для потребностей обращения, в то же время вследствие расширения производства увеличивается спрос и на кредит для капиталовложений [Kapitalkredit]. Удлинение времени обращения, равно как и рост цен требуют добавочного капитала, который изымается с денежного рынка и неизбежно сокращает количество наличного ссудного капитала.

С переходом к более высокому органическому составу возрастает в общем и время оборота капитала. Возрастает не только величина применяемого капитала, но и время, в течение которого он функционирует в процессе производства. Удлиняется время, которое протекает до того момента, пока авансированный капитал не возвратится к своему исходному пункту. Например, капиталисту приходится авансировать 10 000 марок, если время оборота его капитала составляет 10 недель. Если он применяет новый способ производства, который делает необходимым авансирование 60 000 марок, а время оборота будет составлять теперь 30 недель, то с денежного рынка необходимо будет взять 60 000 марок. Этот уше-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 289.

стеренный капитал придется авансировать на утроенную продолжительность времени.

Чем продолжительнее время оборота капитала, тем дольше приходится ждать пока эквивалент товаров (средств производства и средств существования рабочих), взятых с рынка, возвратится в товарной форме на рынок. Значит, с рынка взяты товары, а взамен отданы только деньги. Деньги в этом случае — не мимолетная форма, а прочная форма стоимости в возмещение за взятые с рынка товары. Стоимость денег приобретает здесь независимое от товаров существование. Следовательно, тут абсолютно необходимо возмещение товарной стоимости деньгами, потому что возмещение другим товаром последует лишь в совершенно иной момент.

«Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно отпадают и все те маскировки сделок, которые благодаря ему возникают. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, напр., постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только *post festum*, могут и должны постоянно происходить крупные нарушения. С одной стороны, происходит давление на денежный рынок; между тем, как, наоборот, хорошее состояние денежного рынка вызывает в свою очередь массу таких предприятий, следовательно создает именно такие условия, которые впоследствии приводят к давлению на денежный рынок... С другой стороны, испытывает напряжение производительный капитал, находящийся в распоряжении общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент, то возрастает платежеспособный спрос, который, однако, не содержит в себе никаких элементов предложения. Отсюда возрастание цен как на жизненные средства, так и на производственные материалы. К тому же обычно в такое время развивается ажиотаж, и происходит значительное перемещение капитала»¹.

Здесь различия оборота становятся моментом, обуславливающим нарушения пропорциональности производства, и тем

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 312—313.

рынке, представляет собой не что иное, как часть капитала» в 9000 марок, «первоначально авансированного в виде денежного капитала, часть, которая сделалась излишней вследствие понижения цены тех элементов производства, в которые она периодически превращается,— сделалась излишней, раз предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (напр., особенно богатым урожаем, чрезмерным подвозом и пр.), а увеличением производительной силы в той отрасли, которая доставляет сырье, то этот денежный капитал представлял бы собою абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала, потому что этот капитал уже не являлся бы необходимой составной частью того капитала, который уже нашел себе применение»¹.

Повышение цен на сырой материал требует, наоборот, дополнительного денежного капитала и, следовательно, вызывает повышение спроса на денежном рынке.

Само собой очевидно, что рассмотренные сейчас моменты имеют существенное значение для развития денежного рынка во время периодических колебаний, обусловливаемых конъюнктурой. В начале подъема цены низки, возврат капитала происходит еще быстро, период обращения короткий. Во время высокой конъюнктуры цены растут, и время обращения увеличивается. Шире прибегают к кредиту для потребностей обращения, в то же время вследствие расширения производства увеличивается спрос и на кредит для капиталовложений [Kapitalkredit]. Удлинение времени обращения, равно как и рост цен требуют добавочного капитала, который изымается с денежного рынка и неизбежно сокращает количество наличного ссудного капитала.

С переходом к более высокому органическому составу возрастает в общем и время оборота капитала. Возрастает не только величина применяемого капитала, но и время, в течение которого он функционирует в процессе производства. Удлиняется время, которое протекает до того момента, пока авансированный капитал не возвратится к своему исходному пункту. Например, капиталисту приходится авансировать 10 000 марок, если время оборота его капитала составляет 10 недель. Если он применяет новый способ производства, который делает необходимым авансирование 60 000 марок, а время оборота будет составлять теперь 30 недель, то с денежного рынка необходимо будет взять 60 000 марок. Этот уше-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 289.

стеренный капитал придется авансировать на утроенную продолжительность времени.

Чем продолжительнее время оборота капитала, тем дольше приходится ждать пока эквивалент товаров (средств производства и средств существования рабочих), взятых с рынка, возвратится в товарной форме на рынок. Значит, с рынка взяты товары, а взамен отданы только деньги. Деньги в этом случае — не мимолетная форма, а прочная форма стоимости в возмещение за взятые с рынка товары. Стоимость денег приобретает здесь независимое от товаров существование. Следовательно, тут абсолютно необходимо возмещение товарной стоимости деньгами, потому что возмещение другим товаром последует лишь в совершенно иной момент.

«Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно отпадают и все те маскировки сделок, которые благодаря ему возникают. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, напр., постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только *post festum*, могут и должны постоянно происходить крупные нарушения. С одной стороны, происходит давление на денежный рынок; между тем, как, наоборот, хорошее состояние денежного рынка вызывает в свою очередь массу таких предприятий, следовательно создает именно такие условия, которые впоследствии приводят к давлению на денежный рынок... С другой стороны, испытывает напряжение производительный капитал, находящийся в распоряжении общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент, то возрастает платежеспособный спрос, который, однако, не содержит в себе никаких элементов предложения. Отсюда возрастание цен как на жизненные средства, так и на производственные материалы. К тому же обычно в такое время развивается ажиотаж, и происходит значительное перемещение капитала»¹.

Здесь различия оборота становятся моментом, обуславливающим нарушения пропорциональности производства, и тем

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 312—313.

самым, что будет показано впоследствии, моментом, обуславливающим кризисы.

Итак, в результате предыдущего исследования мы находим: во-первых, часть совокупного общественного капитала, функционирующего в производстве, постоянно бездействует в форме денежного капитала; во-вторых, величина этого бездейственного денежного капитала подлежит большим изменениям, и все эти изменения должны оказывать непосредственное влияние на денежный рынок, на предложение и спрос денежного капитала.

Но бездейственное состояние капитала противоречит функции капитала производить прибыль. Так возникает стремление свести эту бездейственность к крайнему минимуму. Решение этой задачи составляет новую функцию кредита.

Превращение бездейственного в функционирующий денежный капитал посредством кредита

Способ, каким кредит может выполнять эту функцию, понятен и без дальнейших объяснений. Мы уже знаем, что из процесса кругооборота капитала периодически высвобождается денежный капитал. Но этот денежный капитал, выделенный из кругооборота одного индивидуального капитала, может функционировать как денежный капитал в кругообороте другого индивидуального капитала, если в виде кредита он будет предоставлен в распоряжение второго капиталиста. Следовательно, периодическое высвобождение капитала образует важную основу развития кредитных отношений.

Значит, все причины, которые приводят к бездейственному состоянию капитала, превращаются теперь в причины возникновения кредитных отношений и все моменты, влияющие на массу бездейственного капитала, определяют теперь расширение и сокращение этого кредита.

Если, например, в процессе кругооборота известного капитала наступает перерыв и если он прерывается таким образом, что капитал остается фиксированным в форме денежного капитала, то здесь образуется *latentes* [скрытый] денежный капитал, который кредитом предоставляется в распоряжение других капиталистов. Это имеет место в таких производственных процессах, в которых нет непрерывности, в таких, которые зависят от времени, года, вследствие ли естественных условий (земледелие, лов сельдей, производство сахара и т. п.) или же вследствие обстоятельств условного характера, как например, так называемые сезонные работы. Но всякое высвобождение денежного капитала означает, что этот денежный капитал при посредстве кредита может быть употреблен на иные про-

изводительные цели, вне оборота того индивидуального капитала, из которого он высвободился¹.

Если, напротив, кругооборот прерывается на другой стадии, на которой никакой денежный капитал не высвобождается, тогда для непрерывности процесса становится необходимым резервный фонд, который тоже должен сохраняться в денежной форме, или же, при развитой системе кредита, приходится обращаться к кредиту.

Итак, сама природа процесса кругооборота делает возможным предоставление кредита для капиталовложений. А так как деньги всегда представляют собой издержки обращения, и потому капиталистическому производству присуща тенденция все более напрягать свои силы, не увеличивая в соответствующей степени денежного капитала, то этот кредит становится необходимостью.

С другой стороны, всякое нарушение процесса обращения, всякое удлинение процессов $T - D$ или $D - T$ делает необходимым дополнительный, резервный капитал, без которого не могла бы поддерживаться непрерывность производственного процесса. Мы уже видели, что количество денег *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] зависит от суммы цен товаров, находящихся в обращении.

Поэтому, если во время процесса кругооборота происходят изменения стоимости, то это оказывает влияние на массу денежного капитала. Если цены повышаются, связывается дополнительный денежный капитал, если они падают, высвобождается денежный капитал; «чем больше возрастают нарушения, тем большим денежным капиталом должен обладать промышленный капиталист, чтобы иметь возможность выждать их ослабления; и так как по мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуаль-

¹ На этом основывается уравнивающая деятельность тех банков, которые доставляют промышленным округам денежный капитал, высвобождающийся в сельскохозяйственных округах с их до крайности изменчивой потребностью в деньгах. А какое влияние могут оказывать условности, показывает следующий пример, относящийся к современному производству обуви. Здесь оборотный капитал делает не более двух оборотов в год, хотя процесс производства пары обуви продолжается в среднем всего лишь 3—4 недели. Это объясняется тем, что главные заказы в течение года подлежат выполнению перед святками и Троицыным днем. В промежуточный период товар производится, но лежит на складах, потому что до срока поставки его не возьмут, и во всяком случае торговец обувью обязуется начать платежи только с обусловленного срока поставки (*Karl Rehe, Die Deutsche Schuhgroßindustrie, Jena 1903, S. 55*).

В то же время эти обстоятельства оказывают определяющее влияние на пользование кредитом. «Особый характер сезонного дела заставляет и предпринимателей обувной промышленности прибегать к банковым операциям. Крупные суммы, поступающие после главного сезона, отправляются в банки, а те в свою очередь в остальное время года предоставляют в распоряжение фабрик необходимые суммы на выдачу заработной платы и прочие текущие расходы, а также берут на себя оплату сырья путем переводов или чековых операций» (*Ibid.*, S. 57).

ного процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных»¹.

Но кредит, построенный на высвобождении денежного капитала, существенно отличается от платежного кредита, который возникает на основе простого товарного обращения из простого изменения функции денег. Но это еще требует более подробного рассмотрения.

Глава пятая

БАНКИ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРЕДИТ

Кредит является сначала простым результатом изменения функции денег как средства платежа. Если платеж совершается спустя некоторое время, после того как фактически произошла продажа, то деньги кредитуются на это время. Следовательно, эта форма кредита предполагает существование товаровладельцев, а в развитом капиталистическом обществе — производителей капиталистов. Если мы представим процесс как обособленный и единичный акт, то он будет лишь означать, что капиталист А имеет достаточно резервного капитала для того, чтобы ожидать обратного поступления от В, который в момент купли не располагает необходимой суммой средств платежа. При таком одностороннем кредитовании А должен иметь именно такую дополнительную сумму денег, которая потребуется В к сроку платежа. Здесь была бы не экономия, а просто перенесение денег. Иное дело в том случае, если требование платежа само функционирует как средство платежа, если А не просто дает кредит В, но и сам пользуется кредитом у С, если он уплачивает С векселем В. Если же и С в свое время должен произвести платеж В и если он уплатит В собственным векселем последнего, то здесь между А и В, А и С, С и В совершились бы акты купли и продажи без всякого вмешательства денег. Значит деньги здесь сохранились бы, а так как эти деньги должны бы быть дополнительным денежным капиталом (для процесса обращения товарного капитала) в руках производителей капиталистов, то для последних тем самым сберегается денежный капитал. Вексель, выполняя функции денег, функционируя как

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 104. Итак, господство банков над промышленностью, важнейшее явление новейшего времени, предсказано здесь в эпоху, когда едва намечались лишь зародыши этого процесса.

кредитные деньги, заменил деньги. Значительная часть актов обращения, притом наиболее крупные и концентрированные, разыгрываются между самими производительными капиталистами. Все эти сделки в принципе могут быть осуществлены при помощи векселей. Большая часть этих векселей взаимно компенсируется, и некоторая сумма наличных денег требуется только для того, чтобы покрыть разницу. Следовательно, кредит здесь взаимно оказывается друг другу производительными капиталистами. Капиталисты взаимно кредитуют здесь друг другу товары, представляющие для них товарный капитал. Но эти товары — просто носители определенной суммы стоимости, которая актом продажи предполагается уже реализованной в деньгах, этой общественно значимой форме стоимости, следовательно, товары — носители определенной денежной суммы, представляемой векселем. Значит, обращение векселей основывается на обращении товаров, но таких товаров, которые актом продажи уже превращены в деньги, хотя это превращение еще не приняло общественно значимой формы, а существует лишь как частный акт в обязательстве платежа со стороны покупателя¹.

Этот рассматриваемый здесь кредит, оказываемый друг другу самими производительными капиталистами, мы называем оборотным кредитом. Мы видели, что он заменяет деньги, т. е. экономит дорогостоящий металл, потому что благодаря кредиту передача товаров осуществляется без вмешательства денег. Расширение этого кредита основывается на расширении подобных передач товара, а так как речь идет здесь о товарном капитале — о сделках между производительными капиталистами, — то оно основывается на расширении процесса воспроизводства. Процесс воспроизводства расширяется, повышается спрос на капитал в форме производительного капитала (на машины, сырой материал, рабочую силу и т. д.).

Рост производства означает в то же время и рост обращения. Умножившиеся акты обращения завершаются посредством умножившегося количества кредитных денег. Обращение векселей увеличивается и оно может увеличиться, потому что возрастет товарная масса, входящая в обращение. Следовательно, это расширение обращения может происходить, не вызывая роста спроса на золотые деньги. Отношение спроса и предложения денежного капитала тоже может остаться

¹ Если видеть только, что вексель опирается на совершившийся товарообмен, и не замечать, что этот обмен становится общественно значимым только тогда, когда векселя взаимно компенсируются, разница уравнивается наличными и неоплаченные векселя заменяются деньгами, то можно прийти к утопии товарных билетов, рабочих денег и т. п. кредитных знаков, которые должны непосредственно, — самостоятельно, независимо от металла, — представлять стоимость товаров.

неизменным. Одновременно и в равной степени с ростом потребности в средствах обращения может возрастать и предложение их, так как на основе увеличившейся массы товаров кредитные деньги могут выпускаться в увеличенном объеме.

Итак, здесь обращение векселей увеличилось¹. Нет никакой необходимости в том, чтобы этот возросший кредит изменил соотношение спроса и предложения на действительные элементы производительного капитала. Напротив, спрос и предложение увеличиваются равномерно. Процесс производства расширился и, следовательно, товары производятся в количестве, необходимом для расширенного масштаба производства. Значит, перед нами увеличение кредита и увеличение производительного капитала. То и другое выражается в увеличенном обращении векселей. Но с этим не связано какое бы то ни было изменение в соотношении спроса и предложения на капитал в денежной форме. А только в таком случае спрос и мог бы оказать влияние на уровень процента. Следовательно, возросший кредит — если это именно оборотный кредит — может совмещаться с неизменным *уровнем процента*.

Обращение векселей ограничено только суммой действительно совершаемых сделок. В то время как государственные бумажные деньги могут быть выпущены в избыточном количестве, вследствие чего понижается стоимость каждого отдельного экземпляра денег, но никогда не меняется стоимость всей суммы, вексель, напротив, может быть выдан по существу лишь на совершенные сделки, поэтому векселя не могут быть выпущены в избыточном количестве. Если дело фиктивное, дутое, то вексель, конечно, не будет иметь никакой ценности. Но это отсутствие ценности в одном векселе несколько не затрагивает массу остальных векселей.

Если векселя не могут быть выпущены в избыточном количестве, то это не означает, что денежная сумма, проставленная в них, не может оказаться слишком высокой. Если наступает кризис, при котором товары обесцениваются, то платежные обязательства не могут быть выполнены целиком. Заминки в сбыте делают невозможным превращение товара в деньги. Фабрикант машин, рассчитывавший продать свою машину, чтобы оплатить вексель, выданный при покупке железа и угля, не может оплатить его или каким бы то ни было способом компенсировать посредством векселя, который он получил бы от покупателя своих машин. Если у него вообще

¹ Сумма векселей, выпущенных в обращение в течение года, составляла в миллионах марок: в 1885 г. — 12 060, в 1895 г. — 15 241, в 1905 г. — 25 506. Из них было акцептовано банками соответственно: 1965 = 16%, 3530 = 23% и 8000 = 31%. В эту сумму, разумеется, не вошли векселя, которые не попали в обращение (залоговые, складочные векселя и т. д.) W. Prion, Das deutsche Wechseldiskontgeschäft, Leipzig 1907, S. 51.

нет средств, то его вексель обесценивается, хотя в момент выдачи он представлял товарный капитал (железо и уголь, превращенные теперь в машину) ¹.

Вексельный кредит есть кредит для завершения процесса обращения и заменяет *добавочный* капитал, которым необходимо располагать на время обращения. Этот оборотный кредит производительные капиталисты сами оказывают друг другу. Только в том случае, если не последует возврат капитала из сферы обращения, деньги должны быть предоставлены в распоряжение третьей стороной — банками. Точно так же банки выступают и в случае, если происходит какая-либо заминка в продаже товара, следовательно, в условии вексельного обращения, потому ли, что в данный момент товары невозможно продать, потому ли, что они удерживаются в спекулятивных целях, и т. д. В этом случае банки лишь дополняют и довершают вексельный кредит.

Следовательно, оборотный кредит расширяет базис производства за пределы, поставленные денежным капиталом, имеющимся у капиталистов. Этот капитал все в большей степени образует для них основу кредитной надстройки, фонд для уравнивания баланса векселей и резервный фонд на случай потерь при их обесценении.

Экономия на наличных деньгах будет тем больше, чем более векселя взаимно компенсируются. Для этого необходимы особые учреждения, векселя необходимо собрать и сопоставить друг с другом. Эти функции выполняются банками. Далее, экономия денег все более возрастает по мере того, как один и тот же вексель все большее число раз функционирует в качестве средства платежа. Но обращение векселя расширяется тем больше, чем более гарантирована его платежеспособность. Необходимо, чтобы была известна кредитоспособность того векселя, которому предстоит функционировать в качестве средства обращения и платежа. Эта функция также выпадает на долю банков. Обе функции они выполняют, покупая векселя. Покупая вексель, банкир становится лицом, оказывающим кредит. Он заменяет торговый кредит своим собственным кредитом — банковым, вместо векселей он выпускает банковые билеты, вместо промышленных и торговых векселей — свои собственные. В самом деле, банкнота есть не что иное, как вексель на банкира; ее берут охотнее, чем вексель промышленника или купца. Следовательно, банковый билет основывается на обращении векселей. Если государст-

¹ Но если нормальное обращение товаров прерывается какими-либо чрезвычайными внеэкономическими, следовательно, случайными событиями, например революцией, войной и т. д., то будет рационально как бы вычестить время таких перерывов из нормального течения времени и выждать, пока эти события не пройдут. Это и делается посредством устанавливаемого законом моратория для векселей.

венная банкнота обеспечена общественно необходимым минимумом товарного обращения, а вексель — товарной сделкой, совершенной в виде частного акта капиталиста, то банкнота гарантирована векселем, обязательством платежа, за которое ответственно все имущество всех лиц, совершивших обмен. В то же время выпуск банкнот ограничен количеством дисконтированных векселей, которое в свою очередь ограничивается количеством совершенных меновых актов.

Первоначально банкнота есть не что иное, как банковый вексель, которым заменяется вексель производительных капиталистов¹.

До возникновения банкноты векселя иногда циркулировали в обращении вплоть до истечения их срока, снабженные сотней подписей. Наоборот, на банкнотах первоначально представлялись по образцу векселей разнообразнейшие суммы, а не какая-либо круглая сумма. Они не всегда носили даже характер векселя на предъявителя. «В прежние времена не было обыкновения, чтобы банки выпускали билеты, которые оплачивались бы по предъявлении или в определенный день после предъявления, смотря по тому, как обязалось выпустившее билет лицо; однако в последнем случае билеты приносили проценты по день платежа»².

Однако изменение, не нарушающее экономических законов, приносит только вмешательство государства. Задача законодательства заключается в том, чтобы гарантировать размен билетов; выпуск банкнот прямо или косвенно ограничивается и превращается в монополию определенного банка, поставленного под государственный контроль. В странах, где нет государственных бумажных денег или количество их ограничено суммой, которая значительно ниже общественно необходимого минимума, банковый билет занимает место, которое вообще принадлежит государственным бумажным деньгам. Если в известные кризисные периоды банковым билетам дается принудительный курс, они становятся тем самым государственными бумажными деньгами³. Искусствен-

¹ Под производительными капиталистами мы разумеем капиталистов, которые реализуют среднюю прибыль, следовательно, промышленников и купцов, в противоположность ссудным капиталистам, которые получают процент, и землевладельцам, получающим земельную ренту.

² *James Wilson*, *op. cit.*, p. 44.

³ Разумеется, если банк продолжает производить дисконт этими билетами, и поскольку они выпускаются под векселя и другие обеспечения, постольку они, как и раньше, выполняют функции кредитных денег. Это отнюдь не противоречит тому, что они — государственные бумажные деньги. Это немедленно обнаружится, если произойдет их обесценение по той причине, что бумаг выпущено больше, чем требуется общественным минимумом обращения. Если этого нет, то, разумеется, не произойдет никакого обесценения. Так как даже в тот период, когда в Англии приостанавливался размен, ссуды государству, в результате которых количество находящихся в обращении бумаг увеличивалось, независимо от потребностей торговли и промышленности оставались незначи-

ное регулирование выпуска банкнот немедленно оказывается несостоятельным всякий раз, когда обстоятельства потребуют усиленного выпуска банковых билетов. Например, в тех случаях, когда во время кризиса кредит рушится, кредитные деньги многих индивидуальных капиталистов (следовательно, многие векселя) становятся ненадежными, и потому место, которое они занимали в обращении, требует заполнения добавочными средствами обращения. Закон оказывается несостоятельным, его нарушают, как недавно в Соединенных Штатах, или приостанавливают его действие, как было с актом Пиля в Англии. Что банковые билеты берут, между тем как многие другие векселя отвергаются, основывается исклю-

тельными, то и обесценение банковых билетов было незначительно. Однако Диль ошибочно утверждает: «Но даже и неразменные банкноты, фактически являющиеся узаконенным средством платежа, никак нельзя назвать «бумажными деньгами». В самом деле, какие сомнения ни вызывает недостаточная обязательность размена» (сомнения, которые притом еще преувеличиваются Дилем, совершенно не считающимся с опытом австрийской денежной системы), «однако и при этой системе банкноты выпускаются не для того, чтобы ввести в обращение деньги. Они выпускаются в форме ссуд государству или купцам, следовательно, в виде прав на известные притязания, которые переходят к банку. В таком случае все зависит от характера ведения банковых дел, а не от количества билетов. От этого зависит, действительно ли и насколько выпуск билетов и при этих условиях обслуживает лишь нормальные кредитные потребности государства и торговли, или же, выходя из этих рамок, ведет к такому бумажно-денежному хозяйству, которое угрожает всей системе кредита» (*Karl Diehl, Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardos Grundgesetzen der Volkswirtschaft, Leipzig 1905, Teil II, S. 235*). Диль не видит существенной разницы между выпуском банковых билетов, основанным на учете векселей, следовательно, на товарном обороте, который требует денег и в распоряжение которого как раз и даются кредитные деньги, и выпуском билетов для ссуд государству. Банкнота заменяет вексель, следовательно, одну форму кредитных денег другой, а вексель представляет действительную товарную стоимость. Напротив, выпуск банкнот под обязательство платежа со стороны государства лишь и дает последнему возможность купить товары, для чего у него нет денег. Если государство производит на денежном рынке заем, то оно получает деньги, находящиеся в обращении, которые благодаря выпуску снова возвращаются на денежный рынок. Здесь нет необходимости в том, чтобы изменилось количество денег, находящееся в обращении. Но к банку государство обращается именно потому, что оно не располагает никаким иным кредитом, а банкнотам дает принудительный курс потому, что иначе банк обанкротился бы. Билеты, выпущенные для этой ссуды, представляют собой добавок к обращению и могут подвергнуться обесценению. Здесь получается то же самое, как если бы государство, не прибегая к окольным путям и к помощи банка, само выпустило бумажные деньги, которые необходимы ему для платежей. Окольный путь выгоден для банка только тем, что он теперь получает проценты за «ссуду», которая стоила ему только издержек печатания. Именно это обстоятельство и восстановило так Рикардо против Английского банка и привело его к требованию, чтобы государство взяло исключительно на себя выпуск бумажных денег, причем он несомненно объединял государственные бумажные деньги и банковые билеты. Небезынтересно, кстати сказать, что знаменитые проекты Рикардо в его «Proposals for an economical and secure Currency» в некоторых частях осуществлены «чистой бумажно-денежной валютой» Австрии, хотя именно это осуществление нагляднее всего показывает ошибочность теоретического обоснования у Рикардо.

чительно на том, что кредит банка остается устойчивым. Если бы он тоже испытал потрясение, то пришлось бы дать билетам принудительный курс или прямо выпустить государственные бумажные деньги. Если бы и это не было сделано, то были бы созданы частные средства обращения, как при последнем кризисе в Америке. Но это уже значительно менее действенное средство для противодействия денежному кризису, обостренному порочным законодательством о банкнотах¹.

Точно так же как векселя, разменные банкноты (неразменные же билеты в действительности суть не что иное, как государственные бумажные деньги с принудительным курсом)

¹ В законодательстве о денежном обращении капиталистическое общество стоит перед чисто общественной проблемой. Но это общество не осознает само себя. Законы его собственного движения остаются сокрытыми от него; только теории с большим трудом приходится открывать их. Но интересы руководящих слоев противятся признанию результатов, добытых теорией. Мы уже не говорим об узких эгоистических интересах денежных капиталистов, которые считаются самыми компетентными людьми в вопросах банковского законодательства. Непреодолимым препятствием для правильного понимания законов денежного обращения и обращения банкнот становится также отвращение к теории трудовой стоимости. В английском банковском законодательстве оно ведет к победе принципов школы Currency, хотя ее теория исторически и теоретически уже была приведена *ad absurdum* [до абсурда] работами Тука, Фуллартона и Вильсона. И замечательная ирония истории заключается в том, что эта теория — до известной степени по праву, — могла бы ссылаться на того самого Рикардо, который вообще старался последовательно провести теорию трудовой стоимости, но в данном случае под впечатлением практики бумажно-денежного хозяйства отбросил свою собственную теорию.

Именно анархический характер капиталистического общества сильно затрудняет для него рациональное и сознательное регулирование данного общественного вопроса. С большим трудом и очень медленно, на суровом и дорогом опыте разнообразнейших стран и эпох оно познает более правильные принципы, но не находит в себе силы для того, чтобы дать этим принципам всеобщее приложение: обстоятельство, которое иллюстрируется тем, что до сих пор удерживается американское и английское и в меньшей степени германское законодательство и политика относительно банковых билетов. Еще менее современное капиталистическое общество в состоянии охватить единой стройной теорией новые явления. Но оно же приходит в изумление перед смелостью какого-нибудь Кнаппа, который не опровергает новых фактов, не устраняет их своей интерпретацией, но создает из них всего лишь систематическую терминологию.

Так как управление денежным и кредитным обращением представляет собой чисто общественную задачу, то возникает требование передать эту задачу государству. Но так как капиталистическое государство раздирается классовыми интересами, то против этого требования немедленно поднимаются сомнения у тех, кто опасается возрастания силы слоев, непосредственно господствующих в государстве. Борьба обычно кончается компромиссом: широким государственным контролем над привилегированным частным обществом. Подвергается устранению или ограничению личная заинтересованность капиталистов, которая в иных случаях выдается за общественно необходимую. Частные интересы руководителей национальных банков не находятся ни в какой необходимой связи с мощью этих банков. Здесь свободное проявление заинтересованности в получении прибыли, пользуясь национальным кредитом для собственных выгод, действительно могло бы причинить величайший вред. Общественный характер задачи делает неизбежным устранение или хотя бы серьезное ограничение заинтересованности в прибыли.

тоже не могут быть выпущены в избыточном количестве¹. Обращение, не нуждаясь более в банкноте, освобождается от нее, возвращая ее в банк. Так как она заменяет вексель, то выпуск банкнот подчинен тем же законам, что и обращение векселей, и расширяется вместе с последним, пока кредит не испытал потрясений. Но так как кредит банкноты — этого средства платежа, остается прочным в период кризиса, то, когда кредитный кризис приводит к чрезвычайному сокращению обращения векселей, банкноты выступают вместо них наряду с наличными деньгами.

С развитием банков, к которым стекаются все незанятые деньги, коммерческий кредит все более заменяется банковым в том смысле, что векселя все менее служат средством платежа в своей первоначальной форме, в которой они обращаются между производительными капиталистами. Они все больше служат средством платежа в своей превращенной форме в виде банковых билетов. Компенсация и погашение разницы совершаются теперь между банками — техническое облегчение, расширяющее круг возможных компенсаций и еще больше уменьшающее количество наличных денег, необходимых на уплату разницы.

Раньше самим производительным капиталистам приходилось держать у себя деньги, необходимые на погашение разницы в счет выданных ими векселей. Теперь это становится излишним. Деньги в качестве вкладов притекают к банкам, которые теперь могут уравнивать ими балансы. Следовательно, сокращается та доля капитала, которую производительные капиталисты должны были бы держать у себя в форме денежного капитала.

Так как банкир заменяет вексель своим собственным кредитом, то он сам нуждается в кредите. Однако ему требуется незначительный собственный капитал в денежной форме в качестве фонда, гарантирующего его собственную платежеспособность. Банки, заменяя неизвестный кредит своим собственным, более известным, повышают способность кредитных денег функционировать в сфере обращения. Тем самым они делают возможным взаимное погашение требований платежа: пространственно — в более обширной области, и во времени — на более значительном его протяжении, умножая тем самым возможности компенсации. Следова-

¹ «Я, ни минуты не колеблясь, заявляю о своем полном согласии со столь опорощенной доктриной старых директоров банка 1810 г., согласно которой, пока банк выпускает свои билеты исключительно для дисконта хороших векселей, сроком не более 60 дней, он не может действовать ошибочно, если он выпускает столько билетов, сколько желает получить публика. Как ни прост этот принцип, в нем, по моему мнению, больше истины и глубокого понимания начал, господствующих в денежном обращении, чем в каком бы то ни было изданном с того времени предписании по этому предмету» (*Fullarton*, *op. cit.*, p. 227).

но, они расширяют кредитную надстройку в несравненно большей степени, чем это удалось бы при ограниченном вексельном обращении производительных капиталистов. Но тот капитал, который банки дисконтом векселей передают в распоряжение производительных капиталистов, нельзя считать удвоенным. Большая часть банковых вкладов принадлежит классу производительных капиталистов, которые с развитием банкового дела весь свой свободный денежный капитал держат в банках. Этот денежный капитал, как мы видели, образует базис вексельного обращения. Но это — собственный капитал класса производительных капиталистов. Дисконтом векселей этому классу, как таковому, не доставляется нового капитала. Просто капитал в одной денежной форме (в форме частного обязательства платежа) замещается капиталом в *другой* денежной форме (обязательством платежа со стороны банка или при случае платежом наличными деньгами). О денежном капитале дело идет здесь лишь постольку, поскольку он замещает реализованный товарный капитал, следовательно, поскольку денежная сумма рассматривается генетически. Функционально мы все время имели перед собою деньги (платежное или покупательное средство).

Конечно, замена кредита производительных капиталистов банковым кредитом может происходить и в иных формах, кроме выпуска банкнот. Так, в странах с монополией на выпуск банковых билетов частные банки предоставляют свой банковый кредит производительным капиталистам путем «акцепта» векселей производительных капиталистов, т. е. снабжают их своей подписью и тем самым берут на себя поручительство за их платежеспособность. Благодаря этому на вексель распространяется кредит банка, что также повышает его способность к обращению, как если бы он был заменен билетами этого банка. Как известно, большая часть, в особенности международных, торговых сделок осуществляется при помощи таких векселей. Между такими акцептованными векселями и билетами частных банков нет никакого принципиального различия¹.

¹ «Вексель есть важнейшее средство производства платежей в международных сношениях. В прежнее время расчеты между государствами производились видимо посредством торгового векселя. Напротив, в последнее столетие банковый вексель все более выдвигается на первый план, так что перед ним ступенькается торговый вексель, равно как и вексель, происходящий из требований иного рода, например из операций с биржевыми ценностями. В торговом векселе ступенькался специальный характер предшествующего акта купли товара. В банковом векселе, соответственно основным чертам эпохи, абстракция еще больше. Теперь уже невозможно сказать, что в основе его лежит товарообмен. Скорее здесь можно сказать, что необходимость удовлетворить денежное требование вытекает из какого-либо экономического акта. К этому способу платежей теперь может приурочиться международный кредит». (A. Sartorius, Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Ausland, Berlin 1907, S. 258 и след.).

Итак, оборотный кредит в том смысле, как мы употребляем этот термин, состоит в создании кредитных денег. Тем самым он делает производство независимым от той границы, которая ставится ему имеющимися наличными деньгами. Под наличными деньгами мы понимаем полноценные металлические деньги, денежную валюту, серебряные или золотые деньги, плюс государственные бумажные деньги с принудительным курсом и разменную монету, поскольку все эти деньги существуют в количестве, определяемом общественно необходимым минимумом обращения.

Но при помощи оборотного кредита, как такового, не осуществляется ни перенесение денежного капитала от одного производительного капиталиста к другому, ни приток денег от других (непроизводительных) классов к классу капиталистов, которые превратили бы эти деньги в капитал. Итак, если оборотный кредит заменяет наличные деньги, то такой кредит, функция которого превращать деньги, какова бы ни была их форма, будь то наличные или кредитные деньги, из бездеятельных денег в функционирующий денежный капитал, мы называем *кредитом для капиталовложений*. Кредитом для капиталовложений потому, что он переносит деньги к таким лицам, которые, покупая на эти деньги элементы производительного капитала, применяют их как денежный капитал.

В предыдущей главе мы видели, как в ходе капиталистического процесса производства возникают праздно лежащие, принимающие форму сокровища деньги, которые должны будут послужить в качестве денежного капитала. Это — суммы, которые временно связываются процессом обращения, временно бездеятельны, суммы, в которых возмещение основного капитала и прибавочная стоимость сберегаются до тех пор, пока они не достигнут достаточных размеров для накопления. Здесь выступают тройкого рода задачи: во-первых, необходимо сосредоточить отдельные суммы, пока вследствие централизации они не вырастут до размеров, необходимых для производительного применения; во-вторых, необходимо предоставить их в распоряжение надлежащих лиц и, в-третьих, предоставить в распоряжение на надлежащее время.

Раньше мы видели, как из обращения возникали кредитные деньги. Теперь мы имеем дело с деньгами, которые не функционируют; но деньги могут совершать функции только денег, и совершать их могут только в обращении. Поэтому кредит в этой функции не может сделать ничего иного, как только необращающиеся деньги бросить в обращение.

Однако, как капиталистический кредит, он бросает их в обращение только затем, чтобы извлечь большее количество денег, он бросает их в обращение как денежный капитал для превращения в производительный капитал. Таким обра-

зом, он расширяет размеры производства, причем этому расширению необходимо предшествует расширение размеров обращения. Последнее же достигается без вмешательства новых денег, одним лишь использованием для целей обращения прежних, но бездействовавших денег.

Здесь мы опять встречаемся с потребностью в экономической функции, которая состоит в том, чтобы сосредоточивать бездеятельный денежный капитал, а сосредоточив, распределять.

Но кредит носит тут иной характер, нежели оборотный кредит. Последний приводит к тому, что деньги функционируют как средство платежа. Платеж за проданный товар кредитуются. Деньги, которые иначе должны были бы вступить в процесс обращения, сберегаются, потому что они заменяются кредитными деньгами. Действительные деньги становятся излишними на всю соответствующую сумму, которая иначе должна была бы иметься в наличии. С другой стороны, здесь в распоряжение капиталиста не дается никакого нового капитала. Оборотный кредит просто придает товарному капиталу капиталиста форму денежного капитала.

Иное дело с кредитом для капиталовложений. Он представляет собой лишь перемещение денежной суммы, которую владелец не может применить в качестве капитала, к такому лицу, которое должно применить ее как капитал. Таково назначение этой суммы. В самом деле, если бы она не была применена как капитал, ее стоимость не могла бы сохраниться и возвратиться. Но с точки зрения общества необходимо, чтобы деньги всегда возвращались к должнику: иначе ссуда не будет обеспечена. Следовательно, здесь совершается передача денег, которые уже имелись, а не экономия денег вообще. Значит, кредит для капиталовложений заключается в передаче денег, которые тем самым должны превратиться из бездеятельного в функционирующий денежный капитал¹.

Кредит для капиталовложений не ведет, как платежный кредит, к экономии на издержках обращения, а при неизменном денежном базисе расширяет функции производительного капитала.

Возможность кредита для капиталовложений возникает здесь из условий обращения самого денежного капитала, воз-

¹ Деньги всегда ссужаются под процент, следовательно, для займодавца всегда принимают характер капитала. Поэтому, наоборот, всякие ссужаемые деньги, каковы бы ни были потом их действительные функции, будут ли эти деньги исходным пунктом нового производительного капитала, или же они обслуживают лишь процессы обращения уже существующего капитала, — во всех этих случаях ссужаемые деньги рассматриваются как капитал, и спрос на деньги как средство платежа смешивается со спросом на них как на денежный капитал.

никает из того, что в кругообороте индивидуального капитала деньги периодически оказываются бездейственными. Одни капиталисты постоянно вносят их в банки, которые предоставляют их в распоряжение других капиталистов.

Если рассматривать класс капиталистов как целое, то деньги уже не лежат праздно. Если в одном месте деньги застывают в качестве сокровища, то кредит немедленно превращает их в активный денежный капитал в другом процессе обращения. Следовательно, для всего класса сокращаются размеры авансируемого денежного капитала. Это сокращение происходит потому, что перерывы в обращении делают возможным передвижение денег, и таким образом устраняется бездействие денег в форме сокровища. Таким образом, чтобы предотвратить нерегулярность и нарушения процесса обращения, всему классу капиталистов будет достаточно, если сравнительно небольшая часть денег будет функционировать в форме сокровища.

Раньше перед нами были производительные капиталисты (промышленные и торговые), которые совершали свои обороты, например, закупали средства производства при помощи кредитных денег. Теперь производительный капиталист превращается в денежного или ссудного капиталиста. Но такой характер он принимает лишь мимолетно, именно тогда, когда его денежный капитал, ожидающий превращения в производительный капитал, бездействен. И, ссужая в один момент, в другой момент он занимает у другого производительного капиталиста. Сначала функция ссудного капиталиста носит мимолетный характер, и лишь впоследствии с развитием банковского дела она становится особой функцией банков.

Наличный денежный капитал при посредстве кредита функционирует в более крупном объеме, чем функционировал бы без этого посредства. Кредит сводит бездейственный капитал к минимуму, который требуется для того, чтобы предотвратить нарушения или непредвидимые изменения в процессе кругооборота капитала. Таким образом, бездействие денежного капитала, наступающую на некоторое время для *индивидуального* капитала в процессе его кругооборота, кредит стремится устранить для *общественного* капитала.

Ясно в то же время, что внесение, равно как и изъятие вкладов производительными капиталистами, следует определенным законам, которые выводятся из природы обращения производительного капитала, из продолжительности времени его обращения. Опыт позволяет банкам познать эту закономерность, установить тот минимум вкладов, ниже которого в нормальное время их сумма не опускается. Таким образом, они могут во всякое время предоставить соответствующую сумму в распоряжение производительных капиталистов.

Чек имеет непосредственное отношение к вкладам, между тем как отношение векселя к ним только потенциальное. Чек связан с индивидуальным вкладом, вексель основывается на вкладах класса. В самом деле, классу капиталистов при учете векселей предоставляются в распоряжение, прежде всего, его собственные вклады, и по мере того, как поступают платежи за истекшие векселя, следовательно, по мере того, как фактически следуют обратные поступления за проданные товары, они снова возвращаются в виде вкладов. Если обратные поступления сокращаются и уменьшаются поступления по векселям, то капиталистам становится необходим дополнительный капитал. Тогда они сокращают вклады, а вместе с тем и тот фонд, из которого учитываются их векселя. В этом случае на сцену должен выступить банк; он должен дисконтировать посредством своего собственного кредита. А так как вклады, базис вексельного обращения, уменьшились, их ликвидность сократилась, то банк не может без опасений расширять свой кредит. Замедление обратных поступлений вызывает в этом случае усиленный спрос на банкирский кредит, а раз последний не может расширяться, то на банкирский капитал — на ссудный капитал. Это выражается в *повышении уровня процента*. Функционирование векселя в качестве кредитных денег сократилось. На место векселя должны выступить деньги, которые берутся из банков, и потому делают здесь ощутимым повышенный спрос на денежный капитал. Следовательно, мы имеем тут уменьшение вкладов при неизменном или все еще растущем обращении векселей и при повышающемся проценте.

Уже из предыдущего ясно, что сумма вкладов во много раз превышает действительно имеющуюся сумму наличных денег. Звонкая монета проделывает целый ряд актов обращения и является базисом обращения кредитных денег. Каждый такой акт обращения наличных или кредитных денег может отложиться у банкира как вклад. Следовательно, сумма вкладов может быть во много раз больше, чем сумма наличных денег, чем число оборотов денег, включая сюда и кредитные деньги.

А кладет 1000 марок в банк. Банк ссужает эти 1000 марок В. Последний уплачивает ими свой долг С; С вновь кладет эти 1000 марок в банк, банк снова ссужает их, и снова же получает в качестве вклада и т. д. «Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они... даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списы-

ваются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу»¹.

До сих пор банк действовал у нас, во-первых, как посредник в платежных операциях, которые он расширял путем концентрации платежей и уравнивания местных различий; во-вторых, банк осуществлял превращение бездеятельного в функционирующий денежный капитал, который он собирал, концентрировал, распределял и таким образом сводил к минимуму, необходимому во всякое время для кругооборота общественного капитала.

Третью функцию банк выполняет, когда он собирает в денежной форме доходы всех других классов и предоставляет их в качестве денежного капитала в распоряжение класса капиталистов. Таким образом, кроме собственного денежного капитала капиталистов, находящегося в управлении банков, к капиталистам притекают для производительного применения свободные деньги всех других классов.

Чтобы выполнять эту функцию, банки должны привлекать, концентрировать и затем ссужать производительным капиталистам по возможности все деньги, которые праздно лежат в руках владельцев. Главным средством для этого является выплата процентов по вкладам и устройство отделений (филиалов) для приема вкладов. Следовательно, эта так называемая децентрализация — «так называемая» потому, что она чисто пространственная, а не экономическая, — определяется самим существом рассматриваемой функции банков: передавать праздно лежащие деньги производительным капиталистам.

Денежный капитал, передаваемый банками в распоряжение промышленных капиталистов, последние могут двояким образом использовать на расширение производства: денежный капитал может потребоваться или для того, чтобы превратить его в оборотный капитал, или для того, чтобы превратить его в основной капитал. Различие важно ввиду различного характера возврата капитала. Денежный капитал, авансированный на куплю оборотного капитала, соответствующим способом и возвращается, т. е. его стоимость по истечении периода оборота полностью воспроизводится и реализуется в денежной форме. Иначе при авансировании денег для превращения в основной капитал. Здесь деньги возвращаются лишь постепенно, в течение более или менее длинного ряда периодов оборота, и закреплены на все это время. Различный способ возвращения обуславливает различия в

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 484.

том, насколько закрепляются деньги банка. Банк вложил свой капитал в капиталистическое предприятие и поэтому участвует в судьбе этого предприятия. Это участие тем прочнее, чем в большей степени банковый капитал функционирует в предприятии как основной капитал. По отношению к купцу банк сохраняет намного большую свободу действий, чем по отношению к промышленному предприятию. Вообще для торгового капитала преобладающую роль играет платежный кредит. Этим объясняется, почему отношения между банковым и торговым капиталом складываются, как мы еще увидим, совершенно иначе, чем между банковым и промышленным капиталом.

Формы, в которых производительные капиталисты получают в свое распоряжение банковый капитал, включая сюда и чужие деньги из упомянутых выше источников, разнообразны: извлечение собственных вкладов, открытие самостоятельного кредита по книгам, контокоррентные операции. Их различие не имеет принципиального значения: важны только те цели, на которые действительно применяются деньги: на элементы ли основного, или же оборотного капитала¹.

Но с другой стороны, это закрепление капитала требует от банков сравнительно крупного собственного капитала, который служит резервным и гарантийным фондом на случай истребования вкладов. Следовательно, в противоположность чисто депозитным банкам, банки, функцией которых является предоставление кредита в собственном смысле, должны всегда располагать значительным капиталом. Так, в Англии отношение акционерного капитала к обязательствам чрезвычайно низко. «В превосходно руководимом банке London and Countybank отношение в 1900 г. выражалось цифрами 4,38 : 100»². Этим низким отношением объясняется высокий уровень дивидендов, выдаваемых английскими депозитными банками.

В начале развития вексель является главным средством предоставления кредита. Это — платежный кредит, взаимно оказываемый друг другу производительными, промышленными и торговыми капиталистами; его продукт — кредитные деньги. Когда же кредит концентрируется в банках, то наряду с платежным кредитом на передний план все сильнее выступает кредит для капиталовложений. В то же время и

¹ Анализируя товар, экономисты игнорируют специфические формальные определения и рассматривают только содержание менового акта; наоборот, останавливаясь на развитых формах кредитных и биржевых операций, они никак не могут дойти до конца в своих хитросплетениях относительно форм. На мой взгляд даже превосходная в общем работа Ейдельса («Das Verhältnis der deutschen Großbanken zur Industrie», Leipzig 1905) придает форме кредитных операций чрезмерное значение.

² Jaffè, op. cit., S. 230.

кредит, оказываемый друг другу промышленниками, может измениться по форме. Промышленники весь капитал, имеющийся у них в денежной форме, держат в банке. Теперь нет никакого различия, дают ли они друг другу кредит посредством векселя или же пользуются кредитом, который открывает для них банк. Таким образом, банковый кредит может занять место вексельного кредита, и тогда обращение векселей сократится. Место промышленного и торгового векселя занял банковый вексель, в основе которого лежат, однако, обязательства промышленников по отношению к банку¹.

Что развитие идет в направлении от платежного кредита к кредиту для капиталовложений обнаруживается и в международном масштабе. Англия сначала предоставляла коммерческий кредит (аналогичное отношение голландского капитализма к английскому в раннюю эпоху капитализма мы оставляем в стороне) другим странам, покупающим английские продукты, сама же сравнительно крупную долю своих покупок оплачивала наличными. В настоящее время положение изменилось: кредит дается не исключительно и даже не главным образом для торговых отношений, не как коммерческий кредит, а для капиталовложений. Обнаруживается стремление посредством кредита для капиталовложений подчинить себе иностранное производство. Международными банкирами оказываются не столько промышленные страны (Соединенные Штаты, Германия), сколько, в первую очередь, Франция, затем Бельгия и Голландия (которая уже в XVII и XVIII вв. финансировала английский капитализм).

¹ «Вместо расчетов при помощи векселей почти во всех деловых отраслях сначала можно было наблюдать укоренение платежей наличными (но под ними Прион понимает и банковые платежи), уже проведенное в торговле сырьем и полуфабрикатами. Пользуясь банковым кредитом, в частности в форме акцептованного кредита, купец расплачивается наличными посредством расчетных операций или выдачей чека, так что чисто товарный вексель все более вытесняется. Сильнее всего это должно коснуться крупных и солидных товарных векселей, потому что на вершинах торгового оборота капиталистическое богатство благодаря процессу поглощения и без того уже сильно выросло. Даже в крупной заокеанской торговле, этой сфере, где возникла утонченнейшая из существовавших доселе форм векселя, например, в хлебной торговле, вошло в обыкновение производить уплату не двух- или трехмесячным векселем, а траттой на предъявителя, если только не применяется банковый акцепт. Основывается этот поворот на том факте, что при уплате наличными покупатель всегда может получить более выгодные условия, которые, в конце концов, и остаются таковыми, если даже с этой целью ему придется в усиленной степени прибегнуть к банковому кредиту. Далее, из-за тех товарных векселей, которые еще фактически поступают в обращение, разворачивается сильная конкуренция как между Имперским банком и кредитными банками, так и между отдельными группами последних. Мощные капиталы, накопленные в крупных банках, ищут соответствующего помещения в векселях и в этой конкуренции понижают цену хороших товарных векселей намного ниже уровня дисконта в Имперском банке, до уровня частного дисконта» (*Prion*, op. cit., S. 120).

Эти-то страны и предоставляют кредит для капиталовложений. Англия занимает промежуточное положение. Отсюда различия в движении золота в центральных банках этих стран. Движение золота в Английском банке — прежде всего показатель международных кредитных отношений, так как Лондон — искони единственный свободный рынок золота и потому там концентрировалась торговля золотом. Во Франции совершенно свободному движению золота мешает политика золотых премий; в Германии — некоторые действия правления Имперского банка. Так как кредит, который дает Англия, все еще по существу торговый кредит, то движение английского золотого запаса зависит в первую очередь от состояния промышленности и торговли и от баланса последней. Французский банк, с его колоссальным запасом золота и сравнительно небольшими коммерческими обязательствами, может распоряжаться намного свободнее. При потрясениях коммерческого кредита он приходит на помощь Английскому банку.

Эта относительная зависимость банковского кредита от коммерческого важна потому, что она означает известное превосходство банкира. У каждого купца и промышленника имеются кредитные обязательства, которые в определенный момент необходимо выполнить. Но в их выполнении он теперь зависит от распоряжений своего банкира, который, ограничив кредит, при случае в состоянии сделать это выполнение невозможным. Этого не было, пока главная масса кредита представляла собой коммерческий кредит, и банкир был в основном просто торговец векселями. Напротив, здесь сам банкир находился в зависимости от окончательного исхода операции, от оплаты векселя. Ему приходилось с величайшей осторожностью, только при крайней необходимости, ограничивать требование кредита, потому что иначе мог бы пошатнуться вексельный кредит в целом. Отсюда — постоянно высокое напряжение его собственного кредита до перенапряжения и краха включительно. В настоящее время, когда коммерческий кредит уже не играет такой роли, а главным делом становится кредит для капиталовложений, банк намного лучше может осуществлять контроль и господство над отношениями.

Когда кредит достигает определенной степени развития, пользование кредитом для капиталистического предприятия становится необходимостью, которая навязывается ему конкурентной борьбой. В самом деле, пользование кредитом равносильно для отдельного капиталиста повышению его индивидуальной нормы прибыли. Пусть средняя норма прибыли составляет 30 %, уровень процента — 5; в таком случае капитал в 1 млн. марок доставит прибыль в 300 тыс. марок (из этой прибыли в книгах капиталиста 250 тыс. марок будут от-

несены на счет предпринимательской прибыли, а 50 тыс. марок — на счет процента на его капитал). Если капиталисту удастся занять второй миллион, то его прибыль составит теперь 600 тыс. марок минус 50 тыс. марок, которые ему придется уплатить в качестве процента за второй миллион, следовательно, 550 тыс. марок. Его предпринимательская прибыль составит теперь 500 тыс. марок и, при отнесении по-прежнему к его собственному капиталу в 1 млн., даст норму предпринимательской прибыли в 50% вместо прежних 25%. Если возросший капитал позволит ему, расширив производство, и производить дешевле, то его прибыль еще больше повысится. Если для других капиталистов пользование кредитом доступно не в такой мере или на более тяжелых условиях, то капиталист, находящийся в благоприятном положении, может получить сверхприбыль.

Если положение рынка неблагоприятно, то выгоды использования кредита обнаружатся иначе. Капиталист, пользующийся чужим капиталом, может в соответствии с тем, насколько он пользуется чужим капиталом, понизить свои цены ниже цены производства (издержки производства плюс средняя прибыль) до уровня $k + z$ (издержки производства плюс процент). Таким образом, он может продать всю сумму своих товаров ниже цены производства, и все же прибыль на его собственный капитал не уменьшится. Он поступает только предпринимательской прибылью на чужой, а не на собственный капитал. Следовательно, при неблагоприятной конъюнктуре пользование кредитом дает преимущество в борьбе цен, растущее в той мере, в какой увеличивается пользование кредитом. Так, собственный капитал, которым пользуются производительные капиталисты, становится для них просто основой предприятия, которое они при помощи чужого капитала расширяют далеко за пределы, определяемые размером собственного капитала¹. Повышение предпринимательской прибыли путем использования кредита является таковым для индивидуальных капиталистов и для их собственного капитала. Оно сначала не затрагивает средней общественной нормы прибыли. Но в то же время, естественно, повышается масса прибыли, а вместе с тем и темп накопления. Позволяя расширить масштаб производства, повышая производительную силу труда, кредит сначала доста-

¹ Насколько высок кредит, в некоторых случаях показывает, например, одна заметка в «*Aktionär*» за 1902 г., согласно которой весьма обычным стало, что промышленникам приходится уплачивать по банковым долгам от 20 до 40% прибыли. На генеральном собрании предприятия «*Нейссер эйзенверк*», бывшего «*Рудольф Делен*», один акционер высчитал, что долги этого предприятия с 1900 по 1903 г. составляли 26, 85, 105, 115% оборотных средств; из 718 тыс. марок долгов в 1903 г. 500 тыс. марок составляли банковые долги, при 1 млн. марок акционерного капитала (*Jeidels*, op. cit., S. 42).

вляет сверхприбыль тем капиталистам, которые сумели его использовать первыми или в большем объеме. Но в дальнейшем ходе развития, в результате персхода к более высокому составу капитала, что обычно связано с расширением производства, использование кредита приводит к понижению нормы прибыли. Повышение предпринимательской прибыли отдельного капиталиста побуждает последнего все больше пользоваться кредитом. В то же время, вследствие концентрации всего денежного капитала в банках, возможность пользоваться им все возрастает. Эта возникающая в промышленности тенденция, в свою очередь, должна оказывать обратное действие на способ кредитования банками.

Растущее стремление к кредиту ведет к тому, что к нему прибегают в первую очередь для оборотного капитала. Все большая часть собственного капитала превращается в основной капитал, тогда как значительная часть оборотного капитала замещается чужим капиталом. Но чем крупнее становится масштаб производства, чем больше основная часть капитала, тем чувствительнее делается ограничение кредита оборотным капиталом. Но если и для основного капитала прибегают к кредиту, то условия кредитования коренным образом изменяются. Оборотный капитал по истечении каждого периода оборота превращается опять в денежный капитал; основной же капитал превращается в деньги лишь постепенно, по мере своего постепенного снашивания в течение продолжительного периода. Следовательно, денежный капитал, которому предстоит превращение в основной капитал, связывается на продолжительное время, должен остаться авансированным на длительное время. Но те ссудные капиталы, которыми располагает банк, должны в большей своей части находиться в таком состоянии, чтобы их можно было выплатить во всякое время. Из них можно отдать в ссуду для превращения в основной капитал только такую часть, которая достаточно долго задерживается в распоряжении банка. Этого не происходит с каким-либо индивидуальным капиталом. Но из всего ссудного капитала в банке постоянно остается значительная часть, состав которой постоянно изменяется, но которая всегда удерживается на известном минимуме. Эту-то постоянно остающуюся в распоряжении банка часть он и может выдать в ссуду в качестве основного капитала. Индивидуальный капитал нельзя в форме просто ссудного капитала превратить в основной капитал: тогда он перестанет быть ссудным капиталом и сделается частью промышленного капитала, а капиталист из ссудного капиталиста превратится в промышленника. Напротив, тот минимум, который всегда остается в распоряжении банка, пригоден для превращения в основной капитал. Эта часть будет, во-первых, тем больше и, во-вторых, тем постояннее,

чем больше совокупный капитал, находящийся в распоряжении банка. Поэтому банк, предоставляющий в распоряжение основной капитал, во всяком случае должен иметь уже достаточно крупные размеры, которые должны возрастать с расширением промышленных предприятий, и возрастать притом быстрее, чем последние. В то же время банк не может принимать участие только в *одном* предприятии: неизбежно обнаруживается тенденция разделить риск участием в нескольких предприятиях. Это происходит еще и потому, что таким путем обеспечивается большая регулярность возврата авансирований.

Но с появлением кредитования этого рода изменяется позиция банков по отношению к промышленности. Пока банки являются просто посредниками в платежных операциях, их интересует собственно только положение предприятия в данный момент, его платежеспособность в данное время. Они учитывают векселя, которые хороши по их сведениям, дают ссуды под товары, принимают в залог акции, которые при данном состоянии рынка можно продать по нормальным ценам. Поэтому непосредственным поприщем их деятельности является в большей степени торговый, чем промышленный капитал, и, кроме того, удовлетворение потребностей биржи. И в своих отношениях с промышленностью они менее связаны с процессом производства, чем с актами продаж между промышленником и оптовым торговцем. Иное дело, когда банк переходит к снабжению промышленника производственным капиталом. Тогда его заинтересованность не исчерпывается текущим состоянием предприятия и текущим положением рынка. Дело идет теперь скорее о дальнейших судьбах предприятия, о будущем состоянии рынка. Мимолетная заинтересованность становится прочной, и, чем шире кредит, чем относительно крупнее, прежде всего, та доля ссудного капитала, которая превращается в основной капитал, тем больше и тем прочнее эта заинтересованность.

Но в то же время растет и влияние банка на предприятие.

Пока кредит носил преходящий характер, следовательно, пока предприятие получало от банка в кредит только свой оборотный капитал, до тех пор освободиться от таких связей было сравнительно легко. По истечении периода оборота предприятие могло произвести уплату кредита и подыскать другого кредитора. Этому наступает конец, когда начинает кредитоваться и часть основного капитала. Тогда от обязательства можно освободиться лишь по истечении довольно продолжительного времени. Предприятие остается связанным с банком. Но при таких отношениях банк обычно оказывается более сильной стороной. Банк располагает капиталом в его подвижной, всегда готовой к функционирова-

нию форме,— денежным капиталом. А предприятие связано с обратным превращением товара в деньги. Если в процессе обращения происходит заминка или продажные цены падают, то становится необходимым дополнительный капитал, который можно получить только посредством кредита. Так как с развитием кредитного дела размеры капитала в каждом предприятии ограничиваются минимумом, то каждый раз, когда внезапно потребуется увеличение текущих средств, становится необходимой кредитная операция, провал которой для предприятия может оказаться равносильным банкротству. Именно то, что банки располагают денежным капиталом, дает им превосходство над предприятием, капитал которого закреплен как производственный и товарный капитал. К этому присоединяется еще и то преимущество на стороне банковского капитала, что он относительно независим от единичной сделки, между тем как для предприятия, быть может, все зависит от этой же самой сделки. Наоборот, в некоторых случаях банк может настолько тесно связать себя с известным предприятием, что его судьба неразрывно переплетается с судьбой предприятия, и он должен подчиняться всем требованиям последнего. Вообще, какая сторона в конкретных кредитных отношениях попадает в экономическую зависимость от другой, обуславливается каждый раз тем, на какой стороне большее количество денежного капитала, которым можно располагать по усмотрению.

Изменение отношений с промышленностью усиливает все те тенденции к концентрации, которые обуславливаются уже самой техникой банковского дела. Анализ этих тенденций должен и здесь различать те три основные функции банков, которые находят себе выражение в платежном кредите (следовательно, в обращении векселей), в кредите для капиталовложений и в эмиссионных операциях,— здесь нам приходится упомянуть о них, забегаая вперед.

Решающее значение для вексельного обращения имеет прежде всего широта международных отношений. Оно требует широко разветвленной сети заграничных связей. Далее, сравнительно продолжительный период обращения иностранного векселя вызывает необходимость в том, чтобы в деле при случае могли быть закреплены более или менее крупные средства. В-третьих, погашение платежей компенсациями векселей здесь не столь равномерно. Следовательно, торговля девизами требует крупной и стройной организации. «Важно, что уже из самой техники той или иной определенной банковской операции, значение которой для развивающейся промышленности все более возрастает, возникает тенденция к концентрации банковского дела. Вексель, как заграничный, так и отечественный, ведущий свое происхождение из промышленного производства и обслуживающий главным образом

оплату сырого материала и фабрикатов, требует такой организации банковского дела, которая достаточно разветвлена для того, чтобы регулировать обращение векселей в крупном масштабе,— в особенности заграничных векселей,— и которая в то же время способна исследовать надежность отдельного векселя, т. е. требует крупных банков с обширными иностранными связями и многочисленными отечественными отделениями. Конечно, вексель служит промышленности в основном для платежей и для создания платежного кредита. Учреждение, предоставляющее этот кредит, еще не имеет никакой возможности сознательно и планомерно вмешаться в кредитующие промышленные предприятия. Отношения между банком и промышленностью не идут при этом дальше необходимого исследования надежности кредитующего и дальше получения прибыли от дисконта»¹.

Для того чтобы операции с иностранными векселями были прибыльны, с ними должен быть тесно связан вексельный арбитраж. Для этого необходимы, с одной стороны, широкие связи, а с другой, крупные — свободные средства. Для того чтобы арбитражные операции приносили прибыль, они должны выполняться очень быстро и в крупном масштабе. Вексельно-арбитражные операции «основываются на том, что, например, в те дни, когда (в Лондоне.— *Р. Г.*) спрос на векселя на Париж больше предложения, и вексельные курсы соответственно повышаются, фирмы, которые располагают во Франции имуществом или кредитом, пользуются этой конъюнктурой и выставляют векселя на Париж. Та парижская фирма, на которую выставлены векселя, ждет, в свою очередь, такого же благоприятного случая на английском рынке, чтобы препроводить соответствующие суммы обратно в Англию»².

Обслуживание кредита для капиталовложений выражается в растущем значении контокоррентных операций³. «Их значение для отношений банков с промышленностью вытекает

¹ *Jeidels*, op. cit., S. 32.

² *Jaffé*, op. cit., S. 60.

³ Сущность контокоррентного кредита состоит в том, «что он позволяет должнику располагать кредитом в условленной сумме целиком или частями и соответственно во всякое время производить обратные платежи. Эта особенность контокоррентного кредита выгодна для должника потому, что использование предоставляемых ему в ссуду капиталов он может вполне приспособить к потребностям своего дела и экономно сократить издержки этого использования. Напротив, отдача денег в порядке контокоррентного кредита означает для банков довольно прочное помещение, продолжительность которого, правда, не ограничена, но которое постоянно допускает обратные платежи со стороны должника» (*Prion*, op. cit., S. 102). О размерах этих операций в Германии там же говорится: «Обычно контокоррентный процент приспособляется к уровню процента по заложенным в Имперском банке, однако, при понижении банковской нормы он падает ниже определенной минимальной величины, которая в большинстве случаев составляет 5%. Кроме того, хотя проценты

из троякого рода причин: 1) Имея решающее значение для нормального расширения предприятия, этот кредит создает зависимость от кредитора. 2) Характер операций промышленного банковского кредита еще более, чем ранее упомянутые кредитные операции, оказывает влияние на организацию банковского дела, он действует в направлении концентрации банков... Своеобразные отношения к промышленности... требуют новых принципов, требуют от руководителей банка иного знания промышленности. 3) В конце концов, промышленные контокоррентные операции составляют ось всех операций банка с промышленностью. Учредительская и эмиссионная деятельность, прямое участие в промышленных предприятиях, соучастие в руководстве промышленными предприятиями в качестве членов наблюдательного совета,— все это во многих случаях находится в тесных отношениях причины и следствия с банковым кредитом». В то же время контокоррентный счет является для банка «хорошим средством судить о промышленном предприятии и контролировать его; регулярные обороты означают хороший ход дела»¹. Кроме того, благодаря этим регулярным отношениям, банк получает точное представление о данном предприятии, что может оказаться для него выгодным и в другом отношении, например, при биржевых операциях. С другой стороны, опасность превысить в кредитовании должную меру требует тщательного контроля над промышленным предприятием, основное предварительное условие которого заключается в том, чтобы предприятие работало только с одним единственным банком.

Но если функция банка, как посредника в кредитных операциях, требует по мере расширения промышленности растущей концентрации банковского капитала, то функция банка как эмиссионного учреждения, в свою очередь, требует максимальной концентрации. Именно здесь, при самых прибыльных операциях, сильнее всего обнаруживается непосредственное превосходство крупного банка; он проведет большее количество операций, причем операций более крупных и выгодных. Чем крупнее банк, тем с большей гарантией проводит он эмиссионные операции. Он может значительную часть эмиссии разместить между своими собственными клиентами. Но в таком случае банк должен иметь возможность с полной уверен-

вообще исчисляются равномерно, для особых видов кредита, в зависимости от характера и качества обеспечения, на практике банками насчитываются еще комиссионные, с учетом качественного состояния деловых связей. Они высчитываются большей частью из тех сумм, на которые открыт или действительно использован кредит, и зависят от того, насколько оживлен оборот. Как бы то ни было, эти комиссионные настолько изменяют уровень собственно процента к невыгоде кредитуемого, что по отдельным сделкам на практике приходится платить на 2—3% больше, чем пришлось бы в соответствии с номинально существующим процентом».

¹ *Jeidels*, *op. cit.*, S. 32 и след.

ностью располагать теми все более крупными суммами, о которых идет речь. Для этого ему необходим крупный собственный капитал и большое влияние на рынок.

Крупный банк может избрать подходящий момент для выпуска, он может, опираясь на свой крупный капитал, подготовить биржу, он в состоянии затем воздействовать на движение курса акций и таким образом поддержать кредит предприятия. Требования, предъявляемые к эмиссионной мощи банков, с развитием промышленности все возрастают. С мобилизацией капитала расширение производства зависит уже только от одного условия: от технической целесообразности. В то же время устраняется зависимость расширения предприятий от избытков их собственного производства и становится возможным быстрое, а при благоприятной конъюнктуре прямо-таки скачкообразное расширение с внезапно возрастающим спросом на капитал. Промышленность может достать этот капитал только там, где он имеется в крупных концентрированных массах, в банках, и им же она должна предоставить заботу добыть этот капитал без потрясения денежного рынка. Этого банк может достигнуть лишь при том условии, если выданный им капитал быстро возвратится к нему обратно или если операции можно провести просто по книгам; а это становится возможным тем более, чем больше держателями акций являются собственные клиенты банка, которые уплачивают за них в банк деньги; они берут деньги с банковских депозитов и таким образом уменьшают пассив.

Следовательно, из техники самого банковского дела вытекают тенденции, которые также ведут к банковской концентрации, как ведет к ней промышленная концентрация; однако последняя все же остается первопричиной банковской концентрации.

Глава шестая

УРОВЕНЬ ПРОЦЕНТА

На базе капиталистического производства всякая денежная сумма приобретает способность функционировать в качестве капитала, т. е. приносить прибыль. Условием этого является предоставление прибыли в распоряжение производителей капитала. «Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. ст., применяемая в качестве капитала при средних условиях знания дела и целесообразности, дала бы прибыль в 20 ф. ст. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., держит в своих руках власть превратить 100 ф. ст. в 120, или произвести прибыль в 20 ф. ст. Он дер-

жит в своих руках потенциальный капитал в 100 ф. ст. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, он дает ему власть произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т. е. часть произведенной прибыли, то оно оплачивает таким образом потребительную стоимость этих 100 ф. ст., потребительную стоимость их функции как капитала, функции производить 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить владельцу капитала вместо того чтобы положить ее в собственный карман.

Ясно, что обладание этими 100 ф. ст. дает их владельцу силу привлечь к себе процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст. какому-нибудь другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыль, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 ф. ст.»¹

Благодаря тому, что владелец денег отдает их в ссуду, они функционируют для него как капитал, как ссудный капитал, потому что через некоторое время они возвратятся к нему в виде возросшей суммы денег. Но капитал увеличивается в своей стоимости только в процессе производства в результате эксплуатации рабочей силы, присвоения неоплаченного труда. Следовательно, для того чтобы денежный капитал ссудного капиталиста мог функционировать в процессе производства, произвести прибыль, он должен сделаться денежным капиталом производительного капиталиста. Прибыль же эта теперь подвергается дележу: одна часть в качестве процента возвращается к ссудному капиталисту, другая остается у производительного капиталиста. Так как при нормальных обстоятельствах процент — часть прибыли, то прибыль — максимальная граница процента. И только этим определяется соотношение между прибылью и процентом. Напротив, процент не представляет какой-либо определенной, фиксированной доли прибыли. Уровень процента зависит от соотношения спроса и предложения ссудного капитала. Можно представить себе такое капиталистическое общество и вывести его законы, предполагая, что владельцы денег идентичны производительным капиталистам или, иными словами, что все производительные капиталисты сами располагают необходимым денежным капиталом. В этом случае процент не мог бы возникнуть. Напротив, без произ-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 351.

водства прибыли капиталистическое производство немислимо; то и другое означает в сущности одно и то же. Производство прибыли есть условие и цель капиталистического производства. Производство прибыли, производство прибавочной стоимости, воплощающейся в прибавочном продукте, определяется объективными условиями. Прибыль непосредственно возникает из экономического отношения, из капиталистического отношения, из отделения средств производства от труда, из противоположности капитала и наемного труда. Ее величина зависит от той новой стоимости, которую рабочий класс производит при помощи наличных средств производства, и от того, как распределяется эта новая стоимость между классом капиталистов и рабочим классом, что объективно в свою очередь определяется стоимостью рабочей силы. Мы имеем дело тут исключительно с объективно определенными факторами

Иное дело процент. Он возникает из факта второстепенного для сущности капитализма, для отделения средств производства от труда; из того факта, что, во-первых, не одни только производительные капиталисты располагают деньгами, и, во-вторых, денежный капитал не во всякое время входит целиком в кругооборот индивидуального капитала, а по временам оказывается бездеятельным. От меняющегося соотношения спроса на этот денежный капитал со стороны производительных капиталистов зависит, какую часть прибыли могут присвоить себе ссудные капиталисты¹.

Но если уровень процента зависит от спроса и предложения, то мы должны поставить вопрос, чем же определяются сами спрос и предложение? На одной стороне оказываются бездеятельные в данное время, но ищущие применения деньги, на другой — спрос функционирующих капиталистов на деньги, которые они намерены превратить как денежный капитал в

¹ Для того, чтобы соотношение предложения и спроса сколько-нибудь могло содействовать объяснению цены, предложение и спрос должны были бы представлять собой величины данные и устойчивые. Отсюда стремление теории предельной полезности предполагать предложение постоянным, т. е. запас неличинной данной. Поэтому Шумпетер (*Schumpeter* *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*, Leipzig 1908) поступает вполне последовательно, когда он в своем стремлении отстоять теорию предельной полезности, в конце концов, сводит политическую экономию к статике, между тем как она должна быть динамикой, учением о законах движения капиталистического общества. Тем самым благополучно и наиболее остро формулируется противоположность марксизму, а вместе с тем и полная бесплодность теории предельной полезности, the final futility of final utility [предельная бесполезность предельной полезности], по шутливому выражению Гайндмана. Экономически затруднительно выяснить размеры предложения, ибо это значило бы выяснить масштаб производства и его экономической закономерности. Что касается спроса, он определяется производством и распределением последнего, а также законами, по которым совершается распределение общественного продукта. При выяснении причин, определяющих уровень процента, затруднение тоже заключается только в изложении моментов, определяющих величину предложения.

функционирующий капитал. Это распределение обслуживается кредитом для капиталовложений, от состояния которого зависит, следовательно, уровень процента. В каждый данный момент в распоряжении капиталистического общества имеется количественно определенная сумма денег, которая представляет предложение, и в тот же самый момент на другой стороне имеется потребность функционирующих капиталистов в денежном капитале, определяемая размерами производства и обращения. Следовательно, в каждый момент имеются две определенные величины, которые встречаются на денежном рынке друг с другом как спрос и предложение и определяют «заемную цену денег», уровень процента. Само по себе это определение не представляет никаких дальнейших затруднений; они начинаются лишь при анализе изменений уровня процента.

Прежде всего ясно, что расширение производства, а вместе с тем и обращения, означает рост спроса на денежный капитал. Если бы предложение осталось прежним, увеличившийся спрос в свою очередь должен был бы привести к повышению уровня процента. Но затруднение возникает здесь потому, что вместе с изменением спроса изменяется и предложение, и изменяется как раз вследствие изменения спроса. Если мы рассмотрим ту денежную сумму, которая образует предложение, то увидим, что она состоит из двух частей: во-первых, из имеющихся в обществе наличных денег и, во-вторых, из кредитных денег. Но при анализе оборотного кредита мы уже видели, что кредитные деньги представляют собой переменный фактор и что с расширением производства количество их увеличивается. Расширение же производства означает рост спроса на денежный капитал: этот растущий спрос находит, однако, и возросшее предложение, которое определяется увеличением количества кредитных денег вследствие расширения производства. Следовательно, изменение уровня процента наступит лишь в том случае, если спрос на денежный капитал изменяется сильнее, чем его предложение; следовательно, уровень процента повысится в том случае, если спрос на денежный капитал растет быстрее, чем увеличивается количество кредитных денег. Но при каких обстоятельствах это может иметь место? Прежде всего, увеличение количества кредитных денег потребует увеличения той суммы наличных денег, которая необходима в качестве резерва для постоянного размена кредитных денег. Далее, с ростом обращения кредитных денег увеличивается та часть общей суммы наличных денег, которую приходится держать для покрытия разницы в тех случаях, когда кредитные деньги взаимно не компенсируются. Кроме того, одновременно с расширением обращения разрастается количество тех сделок, в которых кредитные деньги играют лишь незначительную роль: суммы, необходимые для оплаты рабочих и для обслуживания растущего оборота розничной тор-

говли, состоят главным образом из наличных денег. Таким образом, те суммы, которыми можно располагать для ссудных операций, сокращаются потому, что часть наличных денег требуется для указанных функций иного рода. Наконец, увеличение количества кредитных денег начнет отставать от требований растущего производства и обращения, как только эпоха процветания начнет подходить к концу и в сбыте товаров наступит заминка или замедление.

В самом деле, это означает, что векселя, выданные за товары, уже взаимно не компенсируются и что по меньшей мере удлиняется срок векселей. Но если векселя, срок которых истекает, не компенсируются, то они должны быть заменены наличными деньгами. Следовательно, кредитные деньги (т. е. векселя или же заменяющие их банковые билеты) уже не могут в прежних размерах выполнять функции денег, обслуживать товарное обращение. Возникает возрастающий спрос на наличные деньги для размена кредитных денег. Значит, количество действительно функционирующих кредитных денег сокращается, между тем как в то же время повышается спрос на наличные деньги, необходимые для замещения кредитных денег. Именно этот спрос приводит к повышению уровня процента.

Итак, если абсолютная величина процента зависит от состояния кредита для капиталовложений, то ее изменения зависят прежде всего от состояния оборотного кредита. Ближайший анализ этих изменений относится к отделу о колебаниях промышленной конъюнктуры и потому будет дан в связи с ними.

«Колебания уровня процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия уровня процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, напр., прочность кредита и т. п.), т. е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, ссужается при помощи коммерческого кредита самими агентами производства»¹.

Мы не совсем согласны с этим воззрением. У Маркса изменения уровня процента зависят от предложения капитала, ссужаемого в форме денег — металлических денег и банкнот. Но тогда остается открытым вопрос, насколько же велико может быть количество банкнот. Для Англии, отношения которой, очевидно подразумевал здесь Маркс, ответ дан законодатель-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 513.

ным предписанием акта Пиля. Сумма металлических денег и банкнот складывается здесь из суммы металлических денег, находящихся в обращении, золотого запаса банка и 14 млн. ф. ст. в банкнотах, представляющих ту сумму, на которую можно выпустить в обращение непокрытые банкноты. В действительности эти банкноты выполняют функции государственных бумажных денег лишь постольку, поскольку они представляют — или, по меньшей мере, представляли во времена Пилля — тот минимум средств обращения, который может быть замещен символом денег. Следовательно, сумма банкнот раз навсегда установлена законом на определенном уровне. Если же поставить вопрос в общей форме, то изменения уровня процента зависят от предложения, от количества ссужаемых денег. Но в ссуду могут быть отданы все деньги, которые не находятся в обращении. Но в обращении находятся, во-первых, количество денежных знаков, соответствующее минимальной потребности обращения, и, во-вторых, определенная сумма золота. Остальное золото хранится в подвалах банка или банков. Часть этого золота служит резервом (сокровищем) для потребностей внутреннего обращения, часть — резервом для международного обращения, потому что золото должно выполнять функцию мирных денег. Опыт показывает, какую минимальную сумму должен составить резерв для той и другой цели. Остаток может быть выдан в ссуду и в последнем счете составляет то самое предложение, спрос на которое определяет величину процента. Самый же этот спрос зависит от состояния оборотного кредита, следовательно, от «коммерческого кредита», который оказывают друг другу агенты процесса воспроизводства. До тех пор, пока этот кредит может расширяться в той мере, в какой этого требует растущий спрос, в уровне процента не произойдет никаких изменений. Однако не следует забывать, что наибольшая часть спроса удовлетворяется предложением, которое растет одновременно со спросом. Наибольшая часть кредита является «коммерческим кредитом» или, как мы предпочитаем называть его, оборотным кредитом. Здесь спрос и предложение, или, если угодно, средства для удовлетворения спроса, возрастают одновременно, параллельно друг другу и расширению производства. Этот кредит способен расширяться, не оказывая никакого влияния на величину процента. В начале подъема такое расширение и происходит, не производя особого воздействия на уровень процента. Уровень процента повышается лишь в том случае, если золотая наличность банков сокращается, резервы приближаются к своему минимуму и банки вынуждены повысить дисконт. Но так оно и бывает и в период высокой конъюнктуры, потому что обращение требует тогда больше золота (увеличение переменного капитала, оборотов вообще, а следовательно, и той суммы, которая служит для уплаты разницы). Но на-

и больши́м спрос на ссудный капитал становится как раз тогда, когда золотой запас делается наименьшим вследствие того, что золото поглощается потребностями обращения. Истощение золотого запаса, который мог бы быть ссужен, дает непосредственный толчок к повышению банковского дисконта, который в такие периоды становится регулятором величины процента. И целью повышения дисконта является как раз стимулирование *обратного притока золота*. Те ограничения, которые создаются ошибочным банковым законодательством, приводят лишь к тому, что этот момент наступает раньше, чем это требовалось бы чисто экономическими условиями. Ошибка всех ограничений так или иначе заключается в том, что в основу их кладется — косвенно в Германии, прямо в Англии — преуменьшенная оценка того минимума, который требуется для обращения, а это ограничивает предложение ссудного капитала.

Следовательно, тенденция к понижению уровня процента связана с предположением, что отношение наличного золотого запаса к спросу на ссудный капитал становится все более благоприятным, или иначе, что золотой запас возрастает быстрее, чем спрос на ссудный капитал. В действительности, если сравнить между собой развитые капиталистические отношения, то невозможно будет констатировать такую тенденцию к постоянному понижению уровня процента¹. Эту тенденцию невозможно постулировать и теоретически; ведь одновременно с увеличением золотого запаса и минимума обращения растет и та сумма золота, которая во времена высокой конъюнктуры дополнительно поглощается обращением.

¹ Поскольку имеется эмпирический материал, допускающий сравнения, он совершенно не подтверждает догмы о понижении уровня процента. Смит рассказывает, что в Голландии в его время процент для правительства составлял 2% и для частных людей с репутацией солидной кредитоспособности — 3%. В Англии некоторое время после последней войны (1763 г.) не только частные лица с солидной кредитоспособностью, но и некоторые из крупнейших торговых фирм Лондона обычно уплачивали по займам 5%, между тем как раньше им обычно приходилось платить самое большее 4—4½%. Тук, цитируя последние данные, замечает: «В 1764 г. курс четырехпроцентных свидетельств казначейства упал ниже паритета, папу bills продавались с дисконтом в 9½%, а трехпроцентные консоли, которые в марте 1763 г. стояли на 96, в октябре упали до 80. Но в 1765 г. трехпроцентные свидетельства казначейства после новой эмиссии, в общем, повышались иногда выше паритета, а трехпроцентные консоли поднялись до 92». Впрочем, Шмоллер (*Schmoller*, Grundriß der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre, II, S. 207) сообщает, что уже в 1737 г. трехпроцентные консоли стояли на 107. Конечно, курс государственных бумаг, определяемый целым рядом обстоятельств, не может считаться надежным показателем уровня процента, но, во всяком случае, и на этот курс следует обратить внимание.

Однако, рассматривая учетный процент эмиссионных банков, также нельзя заметить тенденции к неизменному понижению. Из интересной статьи д-ра Альфреда Швонера «Уровень процента и кризисы в свете статистики», напечатанной в «Берлинер тагеблатт» 26 и 27 ноября 1907 г., мы заимствуем следующую таблицу (буква «К» сбоку отмечает годы кризисов, однако в 1895 и 1882 гг. — крах Бонту — это были кризисы, вызванные спекуляцией).

Но понижение нормы прибыли только в том случае означало бы понижение уровня процента, если бы процент составлял какую-либо устойчивую долю прибыли, чего нет в дей-

Средний учетный процент в четырех главных европейских банках
за последние 55 лет

Годы	Англий- ский	Французский	Германский имперский (1847—1875 гг.— Прусский банк)	Австро-Ренгер ский (раньше Национальный банк)
1907 (первые десять месяцев)	4,54	3,30	5,72	4,72
1906	4,27	3,00	5,12	4,40
1905	3,08	3,00	3,82	3,68
1904	3,30	3,00	4,20	3,50
1903	3,76	3,00	3,77	3,50
1902	3,33	3,00	3,32	3,55
К 1901	3,90	3,00	4,10	4,08
К 1900	3,94	3,20	5,33	4,58
1899	3,75	3,06	5,04	5,04
1898	3,19	2,20	4,27	4,16
1897	2,64	2,00	3,81	4,00
1896	2,48	2,00	3,66	4,09
К 1895	2,00	2,10	3,14	4,30
1894	2,11	2,50	3,12	4,08
1893	3,06	2,50	4,07	4,24
К 1892	2,52	2,70	3,20	4,02
К 1891	3,35	3,00	3,78	4,40
1890	4,69	3,00	4,52	4,48
1889	3,55	3,16	3,68	4,19
1888	3,30	3,10	3,32	4,17
1887	3,34	3,00	3,41	4,12
1886	3,05	3,00	3,28	4,00
1885	2,92	3,00	4,12	4,00
1884	2,96	3,00	4,00	4,00
1883	3,58	3,08	4,40	4,11
К 1882	4,14	3,80	4,54	4,02
1881	3,48	3,84	4,42	4,00
1880	2,76	2,81	4,24	4,00
1879	2,38	2,58	3,07	4,33
1878	3,75	2,20	4,34	5,00
1877	2,85	2,26	4,42	5,00
1876	2,62	3,40	4,16	5,00
1875	3,25	4,00	4,71	4,60
1874	3,75	4,30	4,38	4,87
К 1873	4,75	5,15	4,95	5,22
1872	4,12	5,15	4,29	5,55
1871	2,85	5,35	4,16	5,50
1870	3,12	3,90	4,40	5,44
1869	3,25	2,50	4,24	4,34
1868	2,25	2,50	4,00	4,00
1867	2,50	2,70	4,00	4,00
К 1866	7,00	3,67	6,21	4,94
1865	4,75	3,66	4,96	5,00
1864	7,50	6,51	5,31	5,00
1863	4,50	4,63	5,08	5,00
1862	2,50	3,73	4,20	5,06
1861	5,25	5,86	4,20	5,50
1860	4,25	3,56	4,20	5,12
1859	2,75	3,47	4,20	5,00
1858	3,00	3,68	4,20	5,00
К 1857	6,70	6,00	5,76	5,00
1856	5,80	5,50	4,94	4,27
1855	4,80	5,00	4,08	4,00
1854	5,10	4,37	4,36	4,00
1853	3,40	3,23	4,25	4,00
1852	2,50	3,18	4,00	4,00

ствительности. Понижение нормы прибыли имеет, самое большее, то значение, что понижается теоретически возможный максимальный предел процента, именно вся прибыль. Но так как эта максимальная граница вообще не может быть достиг-

Швонер замечает по поводу этой таблицы:

«Если извлечь какие-либо общие выводы относительно движения уровня процента из статистики банковского учета в XIX в., то оказывается, что не обнаруживается никакой определенной тенденции вверх или вниз. Правда, ниже 4% официальный дисконт появился только с течением времени, и притом появился раньше или позже в зависимости от экономического развития страны. В этом отношении Англия далеко опередила другие страны. Там уже в 1845 г. впервые встречается банковый дисконт в размере 2%. Во Французском банке в 1852 г. впервые появляется уровень в 3%, в 1867 г. — в 2,5%, в 1877 г. — в 2%. В Берлинском банке уже в 20-х годах прошлого века минимальный учет составлял 3%, но в эпоху Прусского банка и Германского имперского банка уровень процента впервые в 1880 г. упал ниже 4. В Австро-Венгерском банке уровень процента в 3¹/₂, впервые встретился в 1903 г. в период первой депрессии, которую монархия пережила после регулирования денежной системы. Прогресс замечается постольку, поскольку с техническим усовершенствованием банковской организации и денежной системы граница уровня процента оттесняется вниз».

Швонер приводит еще такие данные:

Средний уровень учета за последние пять десятилетий

Годы	Англий- ский банк	Француз- ский банк	Германский имперский банк	Австро- Венгер- ский банк	Средняя величина для всех этих банков
1897—1906	3,52	2,85	4,28	4,05	3,67
1887—1896	3,04	2,71	3,59	4,21	3,38
1877—1886	3,19	2,96	4,11	4,26	3,63
1867—1876	3,25	3,89	4,34	4,85	4,09
1857—1866	4,82	4,48	4,83	5,06	4,79

«Наибольшая общая средняя величина достигается в десятилетие 1857—1866 гг., когда она составляет 4,79%; в десятилетие 1867—1876 гг. она опускается до 4,09% и, следовательно, все еще достаточно высока; в 1877—1886 гг. понижается до 3,63% и в десятилетие 1887—1896 гг. достигает минимального уровня в 3,38%; для последнего десятилетия средняя составляет 3,67%, следовательно, выше, чем в предыдущие два десятилетия, и, напротив, намного ниже, чем в первые двадцать лет промышленного и финансового подъема (1857—1876)».

Из всего этого следует, что уровень процента не определяется каким-либо образом нормой прибыли, а зависит от большего или меньшего спроса на денежный капитал, обусловливаемого ускоренным или замедленным развитием, темпом, интенсивностью и продолжительностью периодов подъема.

При изучении случаев ненормально высокого уровня процента всегда оказывается, что причина его лежит в организации денежной системы. Так, в 1799 г. в Гамбурге дисконт повысился до 15%, и даже на таком уровне удавалось учитывать лишь солиднейшие векселя и лишь в ограниченном количестве (Took, op. cit., Vol. I, p. 241). Причина точно так же заключается в отсутствии сколько-нибудь эластичной денежной системы, как в настоящее время это наблюдается в Соединенных Штатах с их ненормальным уровнем процента и его огромными колебаниями; напротив, все это не имеет никакого касательства к каким-либо изменениям нормы прибыли.

нута на продолжительное время, то эта «констатация» не имеет никакого значения¹.

Важен, напротив, другой момент. Так как при развитых капиталистических отношениях уровень процента изменяется мало, а норма прибыли, наоборот, падает, то доля процента в совокупной прибыли до известной степени возрастает по сравнению с предпринимательской прибылью, следовательно, доля праздных капиталистов возрастает за счет доли функционирующих. Это обстоятельство, правда, находится в противоречии с догмой о понижающемся уровне процента, но зато согласуется с фактами и является одной из причин растущего влияния и значения капитала, приносящего процент, следовательно, банков, и служит важным рычагом в превращении капитала в финансовый капитал.

 ¹ Положение Адама Смита, «что там, где с помощью денег может быть достигнута большая прибыль, за пользование ими обыкновенно и уплачивается много; а там, где можно получить мало, там за них мало и дается» («Wealth Nation», Vol. I, Ch. IX), хотя и кажется убедительным, но не доказано и неправильно.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

МОБИЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА. ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ

Глава седьмая

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

1. Дивиденд и учредительская прибыль

Политическая экономия до сих пор искала различия между индивидуальным предприятием и акционерным обществом преимущественно в различии организационных форм и непосредственно вытекающих отсюда последствиях. Она указывала на «хорошую» и «дурную» стороны обеих форм предприятия и при этом в качестве отличительных признаков выдвигала частью субъективные моменты (большая или меньшая непосредственная заинтересованность и ответственность руководителей, увеличивающаяся или уменьшающаяся возможность подчинить предприятие контролю), частью объективные моменты (легкость привлечения капиталов, большая или меньшая способность к накоплению). Однако она пренебрегла тем, чтобы вникнуть в коренные экономические различия обеих форм предприятия, хотя они имеют решающее значение для понимания современного капиталистического развития, которое невозможно понять, не уяснив, как и почему акционерное общество одерживает победу¹.

Промышленное акционерное общество, которое мы рассмотрим, сначала означает в первую очередь изменение функции промышленного капиталиста. В самом деле, оно приносит с собой в качестве своего принципа то, что для индивидуального предприятия является только случайностью: освобождение промышленного капиталиста от функции промышленного предпринимателя. Капитал, вложенный в акционерное общество, благодаря этому изменению функции приобретает для

¹ Очевидно, чутье руководило Эрвином Штейницером, когда он своей работе об акционерном обществе дал название «Экономическая теория акционерного общества» (*Erwin Steinitzer, Ökonomische Theorie der Aktiengesellschaft, Leipzig, Duncker und Humboldt, 1908*). Однако и здесь не выяснены основные экономические особенности акционерного общества. Но в работе имеется множество удачных и тонких замечаний.

капиталиста характер чисто денежного капитала. Денежный капиталист, как кредитор, не имеет никакого касательства к применению своего капитала в процессе производства, хотя в действительности это применение и является необходимым условием кредитного отношения. Поскольку он просто отдает свой денежный капитал и затем по истечении определенного времени получает его обратно с процентами, его функция исчерпывается юридической сделкой. Точно так же и акционер функционирует исключительно как денежный капиталист. Он отдает деньги, чтобы получить на них доход,— употребим для начала это совершенно общее выражение. Он может при этом по желанию определить величину денежной суммы и отвечает только этой суммой, точно так же, как и денежный капиталист ставит на карту только определенную сумму, уровень которой им же и определяется. Однако уже и здесь имеется различие. Уровень процента на денежный капитал, предоставляемый в акционерной форме, не определяется как таковой заранее, а существует лишь как притязание на доход (прибыль) определенного предприятия. Второе отличие от ссудного капитала заключается в том, что возврат капитала к денежному капиталисту не определяется непосредственно, не оговаривается при самом вступлении в данное отношение, не вытекает из самой природы последнего, как при собственно кредитовании.

Сначала мы рассмотрим первый момент. Прежде всего следует указать, что доход на денежный капитал, предоставляемый в акционерной форме, не является совершенно неопределенным. Капиталистическое предприятие основывается для того, чтобы приносить прибыль. Извлечение прибыли, и притом, при нормальных условиях, обычной средней прибыли—необходимая предпосылка при учреждении предприятия. Во всяком случае, акционер здесь находится в таком же положении, как денежный капиталист, который тоже рассчитывает на производительное использование своего капитала, если только должник не станет неплатежеспособным. В целом, несколько большая неуверенность по сравнению с денежным капиталистом поведет, быть может, к тому, что акционер получит известную премию за риск. Не следует только представлять себе дело так, что эта премия как-либо фиксирована и проявляется в виде сознательного и прежде всего количественно определенного притязания акционера. Напротив, премия возникает благодаря тому, что, при прочих равных условиях, предложение денежных капиталов — а как раз к свободным денежным капиталам и обращаются учредители — для вложений в акции будет меньше, чем для вложений, приносящих твердый процент и по возможности особенно надежных. Вообще эти различия в размерах предложения и объясняют различия в уровне процента или, соответственно, различия в

курсе процентных бумаг. Большая надежность или ненадежность действует как мотив большего или меньшего предложения. Но различия дохода от процента вытекают только из различий в этом соотношении спроса и предложения. Следовательно, вероятный размер дохода от акции определяется промышленной прибылью, а последняя, при прочих равных условиях, средней нормой прибыли.

Акционер не является промышленным предпринимателем-капиталистом. Он в первую очередь денежный капиталист. Но к существенным признакам отличия ссудного капиталиста от промышленного капиталиста принадлежит то обстоятельство, что первый с совершенно иной свободой может располагать своим капиталом — денежным капиталом. Промышленный капиталист, как таковой, весь свой капитал вкладывает в определенное предприятие. Конечно, при этом предполагается, что его капитал достаточен для того, чтобы самостоятельно функционировать в данной отрасли промышленности. Напротив, акционеру достаточно располагать лишь небольшим капиталом. Промышленный предприниматель закрепил свой капитал в своем предприятии, капитал производительно функционирует только в этом предприятии и прочно с ним сросся. Предприниматель не может извлечь свой капитал, разве что путем продажи всего предприятия, что означает лишь смену личности капиталиста, один промышленный капиталист заместился другим. Он — не денежный, а промышленный (производительный, функционирующий) капиталист. Ему достается доход от предприятия — промышленная прибыль. Но если мы рассматриваем акционера как обычного денежного капиталиста, то ему достаточно было бы получать процент на свой капитал, чтобы он предоставил распоряжаться своим денежным капиталом.

Однако чтобы акционер оставался денежным капиталистом, необходимо, чтобы у него во всякое время имелась возможность получить обратно свой капитал как денежный капитал. Между тем его капитал, как и капитал индивидуального капиталиста, кажется закрепленным в предприятии. И так это в действительности и есть. Деньги отданы и служат для покупки машин, сырого материала, для оплаты рабочих и т. д., короче, из денежного капитала превратились в производительный ка-

питал $D < \frac{P}{C_p}$, чтобы вступить в кругооборот промышленного

капитала. Этот уже отданный капитал акционер не может получить обратно. Он не имеет на него никаких притязаний — он имеет притязание на соответствующую долю дохода. Но в капиталистическом обществе всякая денежная сумма приобретает способность приносить процент, и, наоборот, всякий регулярно повторяющийся доход, который можно передавать (а доход вообще можно передавать, если он не связан с чисто субъективными, а потому преходящими, неопределимыми усло-

виями, как связана заработная плата и т. п.), рассматривается как процент на капитал и приобретает цену, равную доходу, капитализированному из обычного уровня процента¹. Это легко объясняется тем, что всегда имеются крупные денежные суммы, свободные для использования, и что они находят использование в расчете на соответствующий доход. Следовательно, акционер во всякое время может извлечь обратно свой капитал, продав свои акции, свои притязания на прибыль, и постольку он находится в таком же положении, как денежный капиталист. Эта возможность продажи акций создается особым рынком, *фондовой биржей*. Только развитие этого рынка и придает характер чисто денежного капитала акционерному капиталу, который теперь можно «реализовать» во всякое время. Наоборот, денежный капиталист остается теперь таковым и после того, как он вложил свой капитал в акционерную форму. Следовательно, свободный денежный капитал, как таковой, т. е. как капитал, приносящий проценты, конкурирует из-за вложения в акции совершенно так же, как, функционируя в качестве собственно ссудного капитала, конкурирует из-за вложения в займы с твердым процентом. Конкуренция из-за этих различных способов вложения приближает цену акции к цене вложений, приносящих твердый процент, и доход от промышленной прибыли сводит для акционера к проценту.

Следовательно, сведение промышленной прибыли к проценту — исторический процесс, развивающийся с развитием акционерного дела и фондовой биржи. Пока акционерное общество не является господствующей формой и торговля акциями не развита, в дивиденде будет заключаться не только процент, но и предпринимательская прибыль.

Следовательно, поскольку распространяется акционерное предприятие, промышленность ведется теперь денежным капиталом, который, превращаясь в промышленный капитал, должен приносить капиталистам не среднюю прибыль, а средний процент.

Но здесь на первый взгляд возникает явное противоречие. Ведь тот денежный капитал, который предоставляется в распоряжение в качестве акционерного капитала, превращается в промышленный капитал. То обстоятельство, что для своего владельца — следовательно, субъективно — он функционирует совершенно так же, как ссудный капитал, очевидно, не может оказать никакого влияния на прибыль промышленного предприятия. Последнее при нормальных условиях будет, как и раньше, приносить среднюю прибыль. Но невозможно предположить, что акционерное общество продает свой товар за прибыль ниже средней, добровольно отказывается от части

¹ Стоимость денег или товаров как капитала определяется «не их стоимостью как денег или товаров, а количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца» (К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 368).

прибыли только для того, чтобы распределить между акционерами такой доход, который дает акционерам лишь обычный процент. Ведь всякое капиталистическое предприятие стремится получать максимально возможную прибыль, и именно это стремление приводит к продаже по ценам производства, т. е. по ценам, равным издержкам производства плюс средняя прибыль. Кажется поэтому, будто бы указанные моменты, придающие денежному капиталу, вложенному в акционерную форму, субъективный характер ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты, недостаточны для того, чтобы объяснить сведение дохода от акции к проценту. Ведь так осталось бы необъясненным, куда же девается остальная часть прибыли, именно средняя прибыль минус процент, т. е. та часть, которая как раз и составляет собственно предпринимательскую прибыль. Рассмотрим это подробнее.

Вследствие превращения частного предприятия в акционерное общество происходит как бы удвоение капитала. Однако первоначальный выданный акционерами капитал окончательно превращается в промышленный капитал, продолжает существовать в действительности только как таковой. Деньги выполнили свою функцию покупательного средства по отношению к средствам производства, затрачены на последние и таким образом окончательно исчезли из кругооборота капитала, первоначально выданного акционерами. Только превращение средств производства в товары, осуществляемое производством, и продажа этих товаров приведет к тому, что деньги — но уже совершенно другие деньги — возвратятся из обращения. Следовательно, деньги, которые уплачиваются при последующих оборотах акций, это отнюдь не те деньги, которые первоначально были выданы акционерами и уже нашли применение; это отнюдь не какая-либо составная часть капитала акционерного общества, капитала предприятия. Это — дополнительные деньги, необходимые для обращения акций, свидетельств на капитализированный доход. Точно так же и цена акций ни в каком случае не определяется тем, что это — известная часть капитала предприятия; напротив, цена — это капитализированная часть дохода. Как таковая, она не определяется как соответствующая часть всего капитала, закрепленного в предприятии, и следовательно, как относительно устойчивая величина; это — только доход, капитализированный из обычного уровня процента. Поэтому цена акции зависит не от стоимости (соответственно цены) действительно функционирующего промышленного капитала. Ибо акция — не свидетельство на часть капитала, фактически функционирующего в предприятии, а свидетельство на часть дохода и потому цена ее зависит, во-первых, от величины прибыли (следовательно, величины, несравненно более изменчивой, чем была бы цена производственных элемен-

тов самого промышленного капитала), и, во-вторых, от обычного уровня процента¹.

Итак, акция — это титул на доход, долговое притязание на будущее производство, свидетельство на выручку. Так как этот доход капитализируется и этим определяется цена акции, то кажется, как-будто в форме цены акций существует второй капитал. Но последний — чисто фиктивный. Действительно, существует только промышленный капитал и приносимая им прибыль. Однако это не препятствует тому, что такой фиктивный «капитал» существует как объект подсчетов и указывается как «акционерный капитал». В действительности это — не капитал, а просто цена дохода; цена, самая возможность которой обуславливается тем, что в капиталистическом обществе всякая денежная сумма приносит доход, и потому, наоборот, всякий доход представляется плодом денежной суммы. Если в промышленной акции подобной иллюзии способствует то, что здесь существует действительно функционирующий в промышленном предприятии капитал, то в иного рода свидетельствах на доход фиктивный, чисто счетный характер такого бумажного капитала становится несомненным с первого взгляда. Так, свидетельства государственных займов могут не представлять никакого действительного капитала. Возможно, что деньги, в свое время ссуженные государственными кредиторами, давным-давно превратились в пороховой дым. Это свидетельство суть не что иное, как цена известного пая из государственных налогов, являющихся продуктом совершенно иного капитала, чем тот, который в свое время был израсходован тем или иным непроизводительным способом.

Оборот акций — это не оборот капитала, а купля-продажа титулов на ренту. Колебание их цен несколько не затрагивает непосредственно того действительно функционирующего промышленного капитала, доход от которого, но отнюдь не его стоимость, они представляют. Цена их, кроме размеров дохода, зависит от уровня процента, из которого они капитализируются. Но движения последнего совершенно независимы от судеб индивидуального промышленного капитала. Уже из этого следует, что неправильно видеть в цене акции соответствующую часть промышленного капитала.

Поэтому сумма «акционерного капитала», следовательно, сумма цен капитализированных титулов на доход может не совпадать с первоначальным денежным капиталом, превращенным в промышленный капитал. Теперь спрашивается, как же возникает эта разница и насколько она велика. Представим себе промышленное предприятие с капиталом в 1 млн.

¹ Связь курса акций со стоимостью производительного капитала выражается разве лишь в том, что курс не может упасть ниже, чем составляет та часть стоимости, которая при банкротстве предприятия достается, по удовлетворении всех прочих требований, на долю каждой акции.

марок. Пусть средняя прибыль будет 15%, обычный уровень процента — 5. Предприятие доставляет прибыль в 150 тыс. марок. Но сумма в 150 тыс. марок, капитализированная как ежегодный доход из 5%, будет иметь цену в 3 млн. марок. Конечно, из 5% денежный капитал, вероятно, взял бы только надежные бумаги с твердым процентом. Но предположим высокую премию за риск, скажем, 2%, далее примем во внимание издержки управления, тантьемы и т. д., которые должны покрываться из прибыли предприятия и от которых, в противоположность акционерному обществу, свободно частное предприятие, и определим вызванное всем этим уменьшение наличной прибыли в 20 тыс. марок. Тогда между акционерами может быть распределено 130 тыс. марок, что должно составить 7% дохода. В таком случае цена акций будет равна 1 857 143 или, скажем для округления, 1900 тыс. марок. Но для того, чтобы произвести прибыль в 150 тыс. марок, необходим капитал всего в 1 млн. марок, 900 тыс. марок оказываются свободными. Эти 900 тыс. марок возникают из того, что капитал, приносящий прибыль, превратился в капитал, приносящий процент (дивиденд). Если мы оставим в стороне более высокие издержки управления, вытекающие из формы акционерного общества и уменьшающие прибыль, то эти 900 тыс. марок представляют собой разницу между доходом, капитализированным из 15%, и тем же доходом, капитализированным из 7%, т. е. между капиталом, который дает среднюю норму прибыли, и капиталом, который приносит средний процент. Именно *эта разница и выступает в виде «учредительской прибыли»*, источником которой является превращение капитала, приносящего прибыль, в форму капитала, приносящего проценты.

Господствующее воззрение, которое так рьяно подчеркивает дороговизну управления в акционерном обществе по сравнению с частным предприятием, не заметило и не объяснило любопытной проблемы, откуда же берется учредительская прибыль, проявляющаяся при превращении предприятия из формы, производящей дешево, в форму, производящую дорого; оно довольствуется пустыми фразами об издержках и риске. В действительности учредительская прибыль — не результат обмана, не вознаграждение или заработная плата, а экономическая категория *sui generis* [в своем роде].

Экономисты, поскольку они вообще разграничивают процент и предпринимательскую прибыль, рассматривают дивиденд просто как процент плюс предпринимательская прибыль, т. е. вообще не отличают его от прибыли индивидуального предпринимателя. Ясно, что при этом остается непонятой специфическая особенность акционерного общества. Так, например, Родбертус говорит: «Чтобы договориться о терминологии, я замечу здесь еще только одно: в дивиденде на акцию заклю-

чается не только процент, но и предпринимательская прибыль, между тем как в проценте заемного свидетельства ее *нет*»¹. Поэтому объяснение учредительской прибыли невозможно. «В производственной форме [Betriebsform]² акционерного предприятия... владельцу капитала (который, ссудив свой капитал индивидуальному предпринимателю, получал бы только текущий процент) все еще достается и предпринимательская прибыль, и притом с неменьшим удобством, чем процент, почему акционерное предприятие и представляется нашим капиталистам столь заманчивым, и можно предполагать, что акционерная форма будет все больше завоевывать область промышленности. Шарлатанство с так называемым учредительством есть просто пена или пенные брызги от настоящего дела»³. Моральным осуждением упразднено всякое объяснение учредительской прибыли, которая сама по себе вовсе не шарлатанство, но на которой шарлатанство только и может базироваться. Родбертус, понимая дело односторонне, а потому неправильно, говорит: «Следовательно, прежний ссудный капитал в акционерной форме перестает быть ссудным капиталом и становится в руках его владельцев самопроизводящим стоимостью, и притом в такой форме, что они, сохраняя образ и подобие ссудных капиталистов, получают к тому же еще и почти *всю* ренту на капитал»⁴ (под ней Родбертус понимает предпринимательскую прибыль плюс процент). Родбертус видит только содержание процесса, превращение денежного капитала в промышленный, но он не замечает, что здесь существенна *форма* превращения, так как денежный капитал становится в то же время фиктивным капиталом и, таким образом, сохраняет для владельцев форму денежного капитала⁵.

¹ Dr. Rodbertus-Jagetzow, op. cit., 1880, Bd. I, S. 259.

² Кстати сказать, это неверно: акционерное общество не форма производства, а форма предприятия [Unternehmungsform].

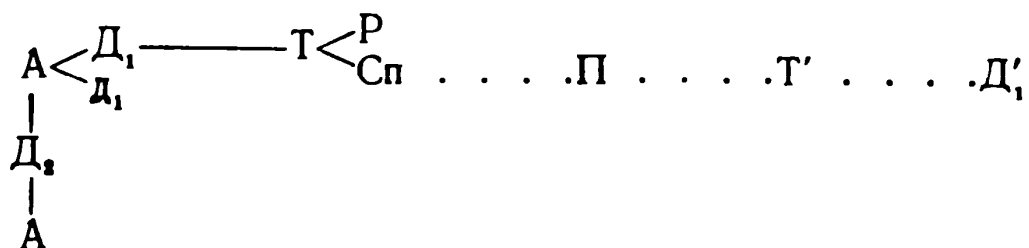
³ Dr. Rodbertus-Jagetzow, op. cit., S. 262.

⁴ Ibid., S. 285.

⁵ Но консервативный социалист правильно чувствовал революционизирующее значение акционерного общества: «Этой производственной форме (т. е. акционерному предприятию.— Р. Г.), которая умеет слить тысячи мелких ручейков капитала в один поток, предстоит выполнить миссию. Она должна восполнить сотворенное богом, прорезать перешейки и страны, где всемогущий забыл это сделать или считал несвоевременным, связать разделенные морями страны под морским дном или над морской поверхностью, пробуровать Альпы и т. д. Пирамидам и финикийским сооружениям далеко до того, что еще сумеет совершить акционерный капитал». Здесь Родбертус предается не менее романтическим мечтам, чем Саккар в «Деньгах» Золя. Но затем он продолжает: «Однако я, для себя лично, имею насчет них и еще одно «мечтание» совершенно особого свойства. В чем оно? Они очистят дорогу для меня. И как еще очистят! Обычная свободная торговля без акционерной формы—просто жалкая ручная метла; свободная торговля при акционерной форме—паровая метла, которая за 10 лет выметет так чисто, как та обычная субботняя метла сумела бы разве лет за 100. Рука акционерных предприятий! Для разрешения социального вопроса требуется такой метельщик, потому что и без цеховой формы для него требуется такая чистота, как у целой сотни голубей» (Ibid., S. 291).

Если мы рассмотрим своеобразную форму обращения фиктивного капитала, то найдем следующее. Выпускаются акции (А), следовательно, продаются за деньги (Д). Эти деньги распадаются на две части. Одна часть (д₁) образует учредительскую прибыль, принадлежит учредителям, например, эмиссионному банку, и выпадает из рассматриваемого кругооборота. Другая часть (Д₁) превращается в производительный капитал и описывает уже знакомый нам кругооборот промышленного капитала. Акции проданы; если сами они должны опять попасть в обращение, то для этого потребуются в качестве средства обращения добавочные деньги (Д₂). Это обращение А—Д₂—А совершается на особом рынке, на бирже.

Следовательно, получается такая схема обращения:

Будучи создана, акция уже не имеет ничего общего с действительным кругооборотом того промышленного капитала, представительницей которого она является. События и несчастья, которые ожидают ее в ее обращении, непосредственно не затрагивают кругооборота промышленного капитала.

Торговля акциями и вообще свидетельствами на фиктивный капитал требует новых денег — наличных и кредитных денег, например, векселей. Но в то время как раньше вексель покрывался стоимостью товара, теперь он покрывается «стоимостью акции как капитала» [«Kapitalwert der Aktie»], зависящей в свою очередь от доходности. Последняя же находится в зависимости от реализации стоимости продуктов, производимых акционерным обществом, т. е. от продажи товаров по их стоимости, или соответственно по ценам производства. Следовательно, эти кредитные деньги *косвенно* покрыты товарной стоимостью. Далее: размеры платежных операций в торговле определяются стоимостью товаров, а здесь — величиной капитализированного чистого дохода. С другой стороны, действи-

Очень тонко также следующее замечание: «Как индивидуальный предприниматель, так и чистый ссудный капиталист будет все больше исчезать при акционерной форме» (*Dr. Rodbertus Jagelzow*, op. cit., S. 286).

Непозволительно наивно изложение ван Боргта в «Настольном словаре политических наук» в главе «Акционерное общество»: «Задачей и целью общественных предприятий может быть как дополнение и увеличение личной рабочей силы, знаний и опыта предпринимателя, так и увеличение сил капитала». Это столь же мило, как если бы кто-нибудь возвестил в научной поварской книге: задачей и целью головки лука может быть как возбуждение и наслаждение желудка, так и доставление заработка кухарке.

тельно необходимое количество денег сильно ограничивается здесь заместимостью этих бумаг.

Рассмотрим теперь формулу учредительской прибыли (Дд). Если средняя прибыль $= p$, дивиденд $= d$ и доход предприятия $= E$ и если мы вспомним, что капитал равен фактически получаемому проценту, умноженному на 100 и деленному на обычный уровень процента, то у нас получится следующее:

$$Дд = \frac{100E}{d} - \frac{100E}{p}.$$

Если доход акционерного общества уменьшается вследствие дороговизны управления, то вместо первого E придется поставить $E - n$. Мы видим, что распадение функции предпринимателя, которое политическая экономия до сих пор просто описывала и констатировала, является в то же время превращением промышленного капиталиста в акционера, в особый вид денежного капиталиста, причем наблюдается такая тенденция, в результате которой акционер все более становится чисто денежным капиталистом. Эта тенденция осуществляется благодаря тому, что акции постоянно могут продаваться на бирже.

В нашем понимании экономики акционерного общества мы идем дальше Маркса. В своем гениальном наброске — к сожалению, ему не пришлось его разработать — о роли кредита в капиталистическом производстве Маркс изображает возникновение акционерных обществ как следствие кредитного дела и так резюмирует их влияние:

«1) Колоссальное расширение размеров производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в границах самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть только заработной платой за известного рода искусный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), тем не менее вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающая свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превра-

щения средств производства в капитал, т. е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разьединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент; это — одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не должны необходимо участвовать в уравнении общей нормы прибыли»¹.

Маркс рассматривает здесь прежде всего экономическое влияние акционерных обществ. В дивиденде он еще не видит особой экономической категории, а потому не дает анализа и учредительской прибыли. Что касается последнего замечания о влиянии акционерных обществ на образование средней нормы прибыли и на ее понижение, то ясно, что с распространением акционерной формы прибыль акционерного общества должна входить в уравнение общей нормы прибыли совершенно так же, как прибыль частных предприятий. Впрочем, выше мы уже видели, что при нормальных условиях продукт акционерного общества подлежит совершенно таким же законам цен, как продукт частных предприятий. Маркс имел в виду железнодорожные акционерные общества своего времени и по отношению к ним его замечание, возможно, отчасти правильно; только отчасти, потому что и там учредительская прибыль уже предвосхитила известную часть прибыли, которая должна была найти выражение в ценах железных дорог.

2. Финансирование акционерных обществ.

Акционерные общества и банки

Итак, при основании акционерного общества величина акционерного капитала определяется таким образом, чтобы прибыль предприятия была достаточна для распределения на этот капитал дивиденда, при котором каждый акционер получает обычный процент на свой затраченный капитал².

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 449—450.

² Вот иллюстрация данного в тексте схематического изложения. «Берлинер тагеблатт» в вечернем издании от 16 мая 1908 г. сообщает: «В эти дни были введены на биржу акции «Кёпеникер нитритфабрик» с лажем 80%.

Если наступает высокая конъюнктура или благоприятные обстоятельства иного рода позволяют впоследствии распределить повышенные дивиденды, то курс акций поднимается. Если акции известного предприятия при дивиденде в 6% стоят, предположим, на уровне 100, то при дивиденде в 9% они повысятся до 150. В различиях дивиденда отражаются различия тех судеб, которые испытывают отдельные предприятия на их дальнейшем пути. С другой стороны, для новых покупателей акций эти различия исчезают в повышении или понижении курса ¹.

В ходе жизни акционерного общества разница между действительно функционирующим капиталом и акционерным фиктивным капиталом может возрасти еще больше. Если предприятие дает намного больше среднего процента и если становится необходимым или просто возможным увеличить капитал, то в основу новой капитализации кладется уже эта повышенная доходность, и номинальный акционерный капитал увеличивают далеко за пределы функционирующего капитала. Наоборот, возможно также увеличить функционирующий капитал, не увеличивая номинального акционерного капитала. Это достигается, например, тем, что чистая прибыль не выдается акционерам в качестве дивиденда, а целиком или в известной части идет на расширение предприятия. Так как такое применение обещает в будущем повысить доходность, то одно-

С 1901 по 1906 г. это предприятие существовало как общество с ограниченной ответственностью при скромном капитале в 300 тыс. марок. После ряда убыточных лет общество с ограниченной ответственностью однажды получило валовую прибыль в 100 тыс. марок, затем, во второй раз — 300 тыс. марок и выдало в качестве дивидендов 15 тыс. и 75 тыс. марок. Грюндеры решили, что ему предопределено сделаться акционерным обществом с 1 млн. марок основного капитала, в котором доля общества с ограниченной ответственностью, составлявшая 300 тыс. марок, вошла уже по цене 900 тыс. марок. Для того, чтобы сбалансировать актив и пассив нового акционерного общества, участок земли, оцененный по книгам общества с ограниченной ответственностью в 60 тыс. марок, акционерному обществу пришлось принять с оценкой в 210 тыс. марок, стоимость строений с 45 тыс. марок повышена до 140 тыс. марок, машин, аппаратов и прочего инвентаря с 246 тыс. до 400 тыс. марок. Теперь новое акционерное общество имеет за собой два операционных года, за которые оно распределило 15 и 16% в качестве дивиденда, хотя счет стоимости земли, оставляя в стороне новые приобретения, все еще составляет обременительную цифру в 200 тыс. марок, а счет строений — 150 тыс. марок. Только счет машин и инвентаря, повышение стоимости которых было наиболее сомнительным, снижен до 250 тыс. марок. Продукция акционерного общества базируется на двух патентах, из которых один истекает уже через год, а другой продан изобретателем акционерному обществу за 50 тыс. марок. И этого базиса оказалось достаточно, чтобы эмиссионные учреждения выговорили себе цену в 180%, т. е. за 300 тыс. марок прежних паев, которые вместе с 100 тыс. марок наличными явились фундаментом акционерного общества, они заставили уплатить себе 1800 тыс. марок!» Учредительская прибыль увеличивается здесь еще вследствие того, что предприятие, пользуясь патентами, получает сверхприбыль, которая, разумеется, тоже капитализируется.

¹ Следующая таблица, заимствованная нами из «Берлинер тагеблатт» от 1 июня 1907 г., показывает что капитал, затрачиваемый на акции при

временно наступает повышение курсовой стоимости акционерного капитала.

Оставляя в стороне как это, так и те изменения курсовой стоимости, которые зависят от изменений доходности, а также от увеличения или уменьшения действительно функционирующего капитала, изменения курсовой стоимости могут возникать еще вследствие изменений общей нормы процента. Продолжающаяся в течение длительного времени низкая норма процента *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] приводит к повышению курсовой стоимости акционерного капитала, высокая — понижает ее.

Уже из характера образования дивиденда следует, что не существует среднего дивиденда ни по образцу нормы процента, ни по образцу нормы прибыли. Первоначально дивиденд равен проценту плюс премия за риск, но в ходе развития он может понизиться или повыситься и надолго остаться на таком изменившемся уровне; ведь конкуренция производит здесь уравнивание не в размерах дохода, как в случаях с нормами процента и прибыли, а только в курсе акций.

Итак, курсовая стоимость акционерного капитала всегда выше, чем стоимость капитала, функционирующего при нормальных условиях, т. е. приносящего среднюю прибыль. С другой стороны, если доходность предприятия и уровень процента — величины данные, то курсовая стоимость акционерного

первом или последующем вложениях, дает покупателю дивиденды, которые лишь немногим выше среднего уровня процента. Дисконт Имперского банка составлял тогда $5\frac{1}{2}\%$.

	Курс на 30 мая	Дивиденды	Рентабель- ность
	(в %)		
Берлинер хандельсгезельшафт	150,75	9	5,97
Дармштадтский банк	129,30	8	6,18
Немецкий банк	223,60	12	5,36
Дисконтгезельшафт	169,00	9	5,32
Дрезденский банк	141,00	$8\frac{1}{2}$	6,02
Национальный банк	121,50	$7\frac{1}{2}$	6,17
Бохумер гусшталь	224,25	15	6,68
Лаухкюtte	225,30	12	5,32
Гарпенер бергбау	207,60	11	5,29
Гельзенкирхенер бергверке	195,50	11	5,62
Феникс бергбау	205,30	15	7,30
Ромбахер хюггенверке	204,50	14	6,84
Доннерсмаркхюtte	264,50	14	5,29
Эйзенверк крафт	166,00	11	6,62
Эйзенхюtte Тале, форцугсакциен	123,00	9	7,31
Всеобщая компания электри- чества	198,50	11	5,54
Ламейер электрицитет	122,00	8	6,55
Гофман ваггонфабрик	335,00	22	6,56
Гаггенауэр эйзенверк	105,00	8	7,61
Шеринг хемнше фабрикен	263,00	17	6,46
Хемнше фабрик Ораниенбург	184,50	10	5,42
Шультейс брауэрей	288,50	18	6,23
Ферейнсбрауэрей, акциен	210,50	12	5,70

капитала зависит от количества выпущенных акций. Весь акционерный капитал предприятия, в котором производительный капитал составляет 1 млн. марок и приносит 200 тыс. марок прибыли, будет иметь курсовую стоимость в 4 млн. марок, если уровень процента равен 5%. Курс же одной акции номинальной стоимостью в 1 тыс. марок будет равен 4 тыс. марок, если акций выпущено на 1 млн. марок; 2 тыс. марок, если их выпущено на 2 млн. марок; 1 тыс., если выпущено акций на 4 млн. и 500 марок, если их выпущено на 8 млн. марок.

Если номинальный акционерный капитал настолько велик, что при выпуске его курс падает ниже номинальной стоимости, ниже par [номинал], то говорят о разводнении акционерного капитала. Очевидно, это разводнение имеет прежде всего чисто счетный характер. Доходность — величина данная, и она-то определяет курс всего акционерного капитала. Чем больше количество частей, составляющих последний, тем, разумеется, меньшая соответствующая доля достанется на каждую часть. Разводнение не имеет ничего общего с учредительской прибылью, которая при учреждении всякого акционерного общества возникает из превращения производительного капитала, приносящего прибыль, в фиктивный капитал, приносящий проценты. В действительности разводнение не представляет ничего существенного; законодательство может поставить — и обычно ставит — препятствия перед ним в противоположность учредительской прибыли. Требование же германского акционерного законодательства, чтобы лаж на акции зачислялся в резервы, привело только к тому, что акции передаются по номинальной стоимости или с незначительным лажем консорциуму банков, который при продаже публике выручает прибыль (учредительскую прибыль).

Но разводнение во всяком случае оказывается удобным финансово-техническим средством для того, чтобы повысить долю учредителей за пределы учредительской прибыли. В Соединенных Штатах, например, при учреждении крупных акционерных обществ обыкновенно выпускают акции двоякого рода: *preferred shares* [привилегированные акции] и *common shares* [обыкновенные акции]. Процент по привилегированным акциям ограничен, большей частью он составляет от 5 до 7%. Кроме того, они нередко кумулятивны, т. е. если в известном году на них не уплачивается весь дивиденд, на который они имеют право, то им предоставляется дополучить его из доходов последующих лет. Только по удовлетворении привилегированных акций могут быть распределены дивиденды между обыкновенными акциями. Количество привилегированных акций устанавливается при учреждении акционерного общества в таком размере, что оно превышает тот капитал, который действительно будет функционировать. В привилегированной акции уже заключается большая часть

учредительской прибыли. К этому присоединяются еще обыкновенные акции большей частью почти в таком же количестве. Обычно их курсовая стоимость сначала очень низка. Привилегированные и обыкновенные вместе по большей части стоят лишь несколько выше par [номинал]. Но, во-первых, большая часть этих обыкновенных акций остается в руках учредителей и помогает им обеспечивать для себя большинство¹. Во-вторых, при учреждении солидных обществ привилегированные получают изрядный процент; напротив, доля обычных совершенно неопределенна, здесь прежде всего находит себе

¹ То же самое и в английских акционерных обществах. Описывая соглашение между одним смешанным чугунолитейным и одним стальным заводом Макрости говорит: «Было замечено, что средства публики привлекаются лишь для расширения предприятия... (путем выпуска облигаций привилегированных акций.— Р. Г.), а контроль остается исключительно в руках учредителей (фирма «Билл браз энд Дармен Лонг энд К°») до тех пор, пока продолжается выплата процентов по задолженности и дивидендов по привилегированным акциям. Это обычная особенность текущей задолженности в Англии, и при таком положении осторожному инвестору необходимо тщательно взвешивать условия покупки... Во многих случаях большая часть обычных акций или все они целиком оставляются за учредителями с целью обеспечения контроля. В этом случае дивиденды по обычным акциям представляют незначительный интерес для публики». (*Henry W. Macrosty, The Trust Movement in British Industry, London 1907, p. 27, 54.*)

Такую же функцию, как обыкновенные акции,— монополизация учредителями благоприятных результатов развития акционерного общества,— выполняли так называемые учредительские права в прежнем германском (и австрийском) акционерном праве. Учредители выговаривали себе известные преимущества,— например, на случай новых эмиссий акций, которые должны были предоставляться им всегда по номинальной стоимости. Но такие обязательства противоречили функции мобилизации капитала и поэтому были устранены. «Берлинер тагеблатт» от 24 сентября 1907 г. пишет по этому поводу: «Как памятник давно ушедшего в прошлое периода, выступает в наше время, признание учредительских прав, которое еще сохраняется в целом ряде акционерных обществ. Учредительские права ведут свое происхождение из эпохи, когда акционерное право еще не достигло той ступени развития, как в настоящее время. Раньше считалось возможным обеспечить за учредителями предприятия длительные исключительные выгоды — положение, которое при подвижности, присущей акции, должно было оказаться тягостным и ничем не оправданным. Уже поправка об акциях 1884 г. пробила брешь в системе учредительских прав. Совершенно устранены они для вновь возникающих обществ торговым уложением, вступившим в силу с 1 января 1900 г. Конечно, новое торговое право не имеет обратной силы. Поэтому учредительские права неизменно сохраняются от старого времени и при случае, если не удалось освободиться от них на основе добровольных соглашений, неприятно напоминают о себе акционерам обществ, «облагодетельствованных» учредительскими правами... Среди берлинских электротехнических предприятий — приведем этот школьный пример действия учредительских прав — привилегии Всеобщей компании электричества заключаются в том, что при всяком новом выпуске акций она может взять себе половину их по курсу par [номинал]. Прибыль, которую благодаря этой привилегии Всеобщая компания электричества получила только при выпусках акций берлинских электротехнических предприятий в 1889, 1890, 1899 и 1904 гг. определяется приблизительно в 15 млн. марок. Не приходится быть в претензии на то, что учредители или их наследники осуществляют свои благоприобретенные права. Но все же несомненно, что современное понимание акционерного дела по праву требует устранения вечных учредительских преимуществ».

выражение общее состояние конъюнктуры; доход их подвержен чрезвычайным колебаниям; поэтому они являются бумагой, особенно излюбленной спекуляцией; но крупные акционеры, которым они ничего не стоили, будучи посвящены в дело, могут использовать эти колебания курса для прибыльной спекуляции. В-третьих, учредителям, владельцам обыкновенных акций этот метод финансирования обеспечивает сверхприбыль, ожидаемую от учреждения общества, обеспечивает все выгоды и от будущих доходов и от благоприятной конъюнктуры, между тем как прибыль публики, у которой имеются привилегированные акции, фиксирована на устойчивой границе, не намного превышающей процент. Наконец, благодаря этому до известного момента затуманивается действительное положение предприятия, и этот туман легко использовать для мошеннических операций¹. Однако перекапитализация отнюдь не оказывает какого-либо влияния на цены. Это странное представление, будто раз фиктивный капи-

¹ Наиболее яркий и крупный пример представляет собой история американского Стального треста (см. «Report of the Industrial Commission 1901», Vol. XIII, p. XIV, XV). Он объединил уже перекапитализированные общества. Отчет исчисляет «действительную стоимость», приводя сумму только привилегированных акций в объединившихся обществах, что в действительности дает лишь акционерный капитал, курс которого мог бы стоять на уровне номинала, и приходит к выводу, что еще 398 918 111 долл. добавлено просто «good will» [«по доброй воле»]. Следующее сообщение «Франкфуртер цейтунг» от 29 марта 1909 г. дает еще лучшее представление о «перекапитализации», точнее о различии между действительно функционирующим и акционерным капиталом. «Заводы в Гери обойдутся приблизительно в 100 млн. долл. и будут давать свыше 2 млн. *m* стали. Капитализированная стоимость других заводов треста оценена в 1500 млн. долл., а их производственная мощность в 10 млн. *m*. Несоответствие бросается в глаза». Если даже принять во внимание, что в эту капитализированную сумму вошли, между прочим, ценные рудники и т. д., то и тогда несоответствие останется колоссальным.

Но это не помешало тому, что Стальной трест постоянно мог уплачивать 7% дивиденда на привилегированные акции и что даже обыкновенные акции приносили растущие дивиденды. Трест был основан весной 1901 г. В 1901—1903 гг. была благоприятная конъюнктура, и на обыкновенные акции было выдано 4% дивиденда. В 1903 г. дивиденд упал до 3%, в 1904 и 1905 гг. дивидендов совсем не было. Однако уже в 1905 г. конъюнктура начала улучшаться, и на дивиденды у Стального треста оказалось до 43 млн. долл., что позволило бы выдать в качестве дивиденда до 8½%. Но трест использовал эту сумму на амортизацию, новые капиталовложения и создание резервов. В 1906 г. опять было выдано 2%.

Но этот дивиденд не давал никакого представления о действительных прибылях Стального треста: 1906 г. был из очень тучных, и в распоряжении Стального треста на выплату дивиденда имелось почти 100 млн. долл. Из этого на выплату дивиденда по привилегированным акциям потребовалось до 25 млн. долл. То, что осталось, составило бы 14,4% на обыкновенные акции. Акционерам было выдано всего 10 166 тыс. долл.; на новое строительство было затрачено 50 млн. долл. (здесь фигурировало, между прочим, второе ассигнование в 21,5 млн. долл. на сталелитейный завод в Гери). Кроме того, в дополнительный фонд отчислено 13 млн. долл. Аналогичной политики придерживались директора и в 1907 г. В этом году выручка оказалась еще больше, чем в 1906 г. Для владельцев обыкновенных акций имелась в распоряжении сумма, которая

тал номинально раздут, то законы цен должны претерпеть какое-либо изменение. Само собой разумеется, что крупный акционерный капитал порождает желание, чтобы высокий уровень цен дал возможность получить обычный процент. Но капитал может быть списан до нуля и однако никакой капиталист не станет продавать дешевле, чем приходится, будет ли он распорядителем частного предприятия, простого акционерного общества или же треста.

Акционерное общество есть общество капиталистов. Оно учреждается путем вноса капитала. Степень участия каждого капиталиста в учреждении определяется величиной внесенного им капитала. Поэтому право голоса и вообще размеры влияния, естественно, определяются размером вноса. Капиталист ведь остается капиталистом только пока у него есть капитал, и отличается чисто количественно от всякого другого капиталиста. Следовательно, власть распоряжаться всем предприятием отдается в руки владельцев большей части акционерного капитала. Значит, чтобы распоряжаться акционерным обществом, требуется только половина капитала, не требуется владеть всем капиталом как для распоряжения частным предприятием. Это удваивает власть крупных капиталистов. Капиталисту, который превращает свое частное предприятие (кредит мы оставляем в стороне) в акционерное общество, необходима только половина его капитала для того, чтобы получить власть полностью им распоряжаться. Другая половина остается свободной и может быть извлечена из данного предприятия. Конечно, тогда уходит и половина дивидендов. Однако власть распоряжаться

составила бы дивиденд в 15,6%. Но акционеры снова получили только 2% за год, т. е. полпроцента за квартал. 54 млн. долл. было затрачено на новое строительство, в том числе 18,5 млн. долл. на завод в Гери. В дополнительный фонд отнесено 25 млн. долл. 1907 г. закончился значительно хуже, чем предшествующие. Конечно, на обыкновенные акции Стального треста дивиденд все еще должен был бы составить свыше 4%, но владельцы получили фактически только 2%. На новое строительство ничего не было ассигновано, напротив, в дополнительный фонд отнесено более 10 млн. долл., так что к концу 1908 г. он разросся почти до 133,5 млн. долл. Первый квартал 1909 г. опять обнаружил улучшение по сравнению с первым кварталом предыдущего года, но по сравнению с последними двумя кварталами 1908 г., напротив, — ухудшение вследствие того, что в середине февраля рухнули цены на американском стальном рынке. По обыкновенным акциям как всегда с 1906 г. было уплачено дивиденда по 0,5% за квартал, и свыше 3 млн. долл. отнесено в дополнительный фонд (см. «Berliner Tageblatt», 28.VII. 1909). За второй квартал 1909 г. Стальной трест объявил дивиденд в $\frac{3}{4}\%$, что соответствует 3% в год, и за третий квартал — 1%, что составляет 4% годовых на обыкновенные акции. Большая часть обыкновенных акций остается в руках учредителей или же, поскольку они перешли в руки спекулянтов, для которых являются излюбленными бумагами, во время и после паники 1907 г. скуплены финансовыми группами по самым низким ценам. При таких обстоятельствах дивидендная политика, которая за счет акционеров годами скрывает прибыль, чтобы потом разом распределить ее в подходящий момент, является источником колоссального обогащения финансовых групп, господствующих в Стальном тресте.

чужим капиталом чрезвычайно важна, и господство над предприятием приобретает, не говоря обо всем остальном, огромное значение для того, чтобы влиять на движение собственности на акции на бирже.

Однако та сумма капитала, которая достаточна для господства над акционерным обществом, на практике оказывается обычно еще меньше, составляя всего от одной трети до одной четверти капитала и даже ниже. Но, господствуя над акционерным обществом, капиталист располагает другим, чужим капиталом, как своим собственным. Такой способ распоряжения, это — не то, что вообще распоряжение чужим капиталом. В развитом капиталистическом обществе всякий собственный капитал, благодаря развитию кредита, становится в то же время представителем взятого в ссуду чужого капитала, и от величины собственного капитала при прочих равных условиях зависят размеры кредита, возрастающего впрочем еще быстрее, чем собственный капитал. Раз так, то собственный капитал крупного акционера является вдвойне представителем чужого капитала. Его капитал может распоряжаться капиталом других акционеров, и вся мощь капитала предприятия, в свою очередь, вновь притягивает чужой капитал — ссудный капитал, необходимый предприятию.

Но еще больший вес приобретает крупный капитал, господствующий в акционерном обществе, если дело идет уже не об одном отдельном акционерном обществе, а о системе зависимых друг от друга обществ. Предположим, что капиталист N, располагая 5 млн. в акциях, подчиняет себе акционерное общество A, акционерный капитал которого составляет 9 млн. Это общество основывает дочернее общество B с 30 млн. акционерного капитала, из которых первое общество 16 млн. сохраняет у себя в портфеле. Чтобы внести деньги за эти 16 млн., общество A выпускает на 16 млн. облигаций с твердым процентом, но без права голоса. Теперь N при помощи своих 5 млн. подчиняет себе оба общества, следовательно, капитал в 39 млн. Общества A и B на тех же началах могли бы теперь учредить новые общества, так что N с своим сравнительно небольшим капиталом получил бы власть над чрезвычайно большими суммами чужого капитала. С развитием акционерного дела развивается особая финансовая техника, которая ставит своей задачей обеспечить по возможности незначительному собственному капиталу господство над возможно более крупным чужим капиталом. Своего завершения эта техника достигла при финансировании американской железнодорожной системы¹.

¹ Детальное описание техники финансирования выходит за рамки настоящей работы. Однако следующий типичный пример, описывающий финансирование железнодорожной системы «Рок Айленд», может иллюстрировать ска-

С развитием акционерных обществ, с одной стороны, с ростом концентрации собственности, с другой, увеличивается количество тех крупных капиталистов, которые вложили свой капитал в различные акционерные общества. Но обладание большим количеством акций дает власть получить представительство в управлении обществом. Как член наблюдательного совета, крупный акционер получает, во-первых, в форме тантьем известную долю прибыли¹, во-вторых, возможность

занное (см. «Frankfurter Zeitung», 6.X.1909). Во главе системы стоит контрольное общество (Holding Company, т. е. собственно общество, владеющее акциями, других обществ) «Рок Айленд К^с», которое, не имея прочной задолженности, располагает капиталом, состоящим из 54 млн. долл. в привилегированных и 96 млн. долл. в обыкновенных акциях, причем акций выпущено соответственно на 49 129 тыс. и 89 733 тыс. долл. Право голоса имеют только привилегированные акции. Этому обществу принадлежит весь акционерный капитал компаний «Чикаго рок Айленд» и «Пасифик рейлрод компани», размером в 145 млн. долл. Последняя располагает, кроме того, 70 199 тыс. долл. в 4-процентных бонах и 17 361 тыс. долл. в 5-процентных бонах треста «Колэтирел траст», в которых выражается постоянная задолженность этого треста. Эти боны — долговые свидетельства, в обеспечение которых у доверителей положены в качестве залога и другие бумаги (о бонах «Колэтирел траст» см. *Thomas L. Greene, Corporation Finance, New York 1906*). Сама эта «Рейлрод компани» владеет двумя железнодорожными обществами: 1) «Чикаго рок Айленд» и «Пасифик рейлвей компани». Их консолидированный долг составляет 197 850 тыс. долл., акционерный капитал — 74 859 тыс. долл., из которых 70 199 тыс. долл. оставлены у доверителей в качестве обеспечения за упомянутую эмиссию 4-процентных бондов «Колэтирел траст» и «Рейлрод компани». 2) «Сан-Луи и Сан-Франциско рейлрод компани» с консолидированным долгом круглым счетом в 227 млн. долл. Акционерный капитал состоит из 5 млн. долл. привилегированных акций I, 16 млн. долл. привилегированных акций II и 29 млн. долл. обыкновенных акций, из которых 28 940 тыс. долл. приобрела «Рок Айленд компани». Последняя за каждые 100 долл. в акциях дала 60 долл. в собственных акциях и 60 долл. в 5-процентных бонах «Колэтирел траст», принадлежащих «Чикаго рок Айленд» и «Пасифик рейлрод компани».

Таким образом, у обоих крупных железнодорожных обществ теперь оказались свои собственные подчиненные общества.

Цель этого искусственного финансирования ясна. Контроль над всей мощной системой железных дорог принадлежит держателям привилегированных акций «Рок Айленд компани», только и имеющих право голоса. В эпоху основания компании курсовая стоимость составляла от 40 до 70%. Для получения 27 млн. долл. в привилегированных акциях, обеспечивающих подчинение, учредителям было необходимо самое большее 15 млн. долл. Этих денег было достаточно для того, чтобы они сделались господами всей железнодорожной сети.

¹Е. Лоеб (*E. Loeb, Das Institut des Aufsichtsrates usw., «Jahrbuch für National ökonomie und Statistik», 3. Folge, Bd. XXIII, 1902*) доходы от мест в наблюдательных советах определяет для Германии 1900 г. в 60 млн. марок. Для 1905 г. Франц Эйленбург в очень обстоятельной работе о наблюдательных советах в германских акционерных обществах, напечатанной в том же издании (3. Folge, Bd. XXXII, 1906, S. 92 и след.), определяет эту сумму приблизительно в 70 млн. марок. Каждое акционерное общество распределяет в качестве тантьем в среднем $\frac{1}{10}\%$ своего номинального капитала, следовательно, каждый член наблюдательного совета получает в среднем по $\frac{1}{10}\%$. В крупных обществах абсолютная величина тантьем, разумеется, больше — до 6—8 тыс. марок и выше. Так, в качестве тантьем Дрезденский банк распределил 21 тыс., «Фельтен унд Гильом» — 34 тыс., «Дюркопп» — 10 тыс., Немецкий банк —

оказывать влияние на управление предприятием или же использовать свое знакомство с положением дел в предприятии для спекулятивных или иных коммерческих операций. Возникает круг лиц, которые, опираясь на силу своего собственного капитала или являясь представителями концентрированной мощи чужого капитала (директора банков), занимают места членов наблюдательных советов в большом количестве акционерных обществ. Возникает своего рода персональная уния¹, сначала между различными акционерными обществами, а потом между ними и банками,— обстоятельство, которое должно оказывать величайшее влияние на политику этих обществ, потому что между различными обществами возникает совместная заинтересованность в собственности.

Чтобы осуществить концентрацию капиталов в одном предприятии, акционерное общество собирает свой капитал по частям, которые, будучи взяты каждая в отдельности, быть может, слишком мелки для того, чтобы функционировать в качестве промышленного капитала, либо вообще, либо в тех отраслях промышленности, которые являются вотчиной акционерного общества. Следует заметить, что в начале возникновения акционерных обществ это сосредоточение совершалось посредством прямого обращения к отдельным капиталистам. Но в ходе развития отдельные капиталы уже прошли процесс сосредоточения и сконцентрированы в банках. Поэтому обращение к денежному рынку осуществляется теперь при посредстве банков.

Никакой банк не может и думать о том, чтобы доставить капитал частному предпринимателю. Последнему он может, как правило, оказывать в основном лишь «платежный кредит». Иное дело с акционерными обществами. В этом случае доставить капитал означает для банка не что иное, как авансировать его, разделить на пай и путем продажи этих паев получить капитал обратно, т. е. по форме выполнить чисто денежную операцию Д — Д¹. Возможность передавать и про-

32 тыс., «Гердер бергверке» — 15 тыс., «Гельзенкирхен» — 8700, «Байрише Гипотекенбанк» — 13 тыс. марок.

¹ Персональная уния — начало или конец близких связей, которым по причинам внешнего свойства приходится оставаться организационно и формально отдельными, но которые могут вполне развернуть свою деятельность только в сочетании своих сил под единым высшим руководством. Персональная уния между Австрией и Венгрией — рудимент, сохранившийся от эпохи бывшего соединения обеих стран; он, быть может, имеет значение постольку, поскольку может оказаться исходным пунктом соединения иного характера. Объединение экономических и политических организаций рабочего класса, осуществляемое персональной унией в высшем руководстве, только и дает возможность тем и другим полностью развернуть свою мощь. То же явление — соединение экономической и политической организации — мы наблюдаем у германского землевладения в союзе сельских хозяев и в особенно законченной форме у организации прусских поляков.

давать эти свидетельства на капитал, характерная для существования акционерного общества, позволяет банку «учреждать», а, в конце концов, и подчинять акционерные общества. Точно так же для акционерного общества возможная задолженность банку намного больше, чем для частного предприятия. Последнее, вообще говоря, должно покрывать подобную задолженность из доходов, что ставит ей узкие рамки. Но именно поэтому, именно вследствие относительно небольших размеров этой задолженности, она оставляет частного предпринимателя почти полностью независимым. Напротив, перед акционерным обществом имеется возможность покрывать банковую задолженность не только из текущих доходов, но также и путем увеличения капитала, путем эмиссии акций или облигаций, выпуск которых оставляет банку еще и учредительскую прибыль. Поэтому банк может предоставить акционерному обществу сравнительно крупный кредит с большей гарантией, чем частному предприятию, но главное может предоставить иного рода кредит, кредит не только для обслуживания платежных операций, т. е. оборотный кредит, но и кредит для восполнения недостающего производственного капитала [Betriebskapital], следовательно, кредит для капиталовложений. Здесь банк может, если считает необходимым, ограничить кредитование тем, что он предоставляет предприятию новый капитал посредством выпусков акций и облигаций¹.

Но банк не только может кредитовать акционерное общество в большей степени, чем частное предприятие, он может также часть своего денежного капитала вложить в акции на более или менее продолжительное время. Как бы то ни было, во всех этих случаях возникает продолжительная заинтересованность банка в акционерном обществе. С одной стороны, банк должен контролировать акционерное общество, чтобы получить гарантию правильного использования кредита, с другой стороны, банк по возможности должен подчинить акционерное общество, чтобы обеспечить для себя все прибыльные финансовые операции.

Из этой заинтересованности банков возникает стремление подчинить соответствующие акционерные общества своему постоянному контролю, что лучше всего достигается путем представительства в наблюдательных советах. Одновременно это представительство дает гарантию, что все остальные финансовые сделки, связанные с эмиссионными операциями, останутся за банком. С другой стороны, чтобы разделить риск и расширить круг своих операций, банк стремится работать с возможно большим количеством обществ и в то же

¹ Поэтому крупные банковские долги частного предприятия часто являются предвестниками его превращения в акционерное общество.

время получить представительство в их наблюдательных советах. Владение акциями дает ему возможность провести своих представителей и в такие общества, которые первоначально оказывали сопротивление. Так возникает тенденция к совместительству должностей в наблюдательных советах¹.

Другую роль играют в наблюдательных советах представители промышленности. Здесь речь идет об установлении деловых связей между двумя обществами. Например, если представитель металлургического завода заседает в наблюдательном совете угольной шахты, он воздействует в том направлении, чтобы металлургический завод приобретал уголь у этой шахты.

Эта персональная уния, которая в то же время означает сосредоточение постов в наблюдательных советах в руках не-

¹ Крупные банки стремятся «завязывать по возможности многосторонние связи с промышленными предприятиями,— многосторонние в отношении места и отраслей производства,— и по мере сил устранять объясняемую историей отдельных учреждений территориальную и отраслевую неравномерность в распределении этих связей. Рука об руку с этим идет стремление упрочить отношения с промышленностью, превратить их в регулярные, постоянные, деловые связи, выразить их и дать им возможность дальнейшего расширения и углубления посредством системы совмещения должностей в наблюдательных советах» (*Jeidels*, op. cit., S. 180).

Ейдельс дает следующую таблицу (для 1903 г.). В акционерных обществах были представлены (количество лиц):

	Немецк. банк	«Дисконт-гезельшафт»	Дармштадт-ский банк	Дрезденский банк	«Шааф гаузен-шер банк-ферейн»	«Берлинер хандельс-гезельшафт»	Всего
Директора	101	31	51	53	68	40	344
Члены советов	120	61	50	80	62	34	407
	221	92	101	133	130	74	751

Следовательно, только шесть крупных берлинских банков располагали в общем 751 местом в наблюдательных советах.

Согласно новейшей адресной книге (1909 г.) директоров и членов наблюдательных советов таких мест имеется в Германии 12 тыс. Но 2918 мест в наблюдательных советах занимают 197 человек. Рекорд побил г-н Карл Фюрстенберг из «Берлинер хандельсгезельшафт», располагающий 44 мандатами. Г-н Евгений Гутман из Дрезденского банка занимает 35 мест. Вообще из различных профессий, представленных в составе наблюдательных советов, наиболее сильно представлена банковая профессия, и поэтому на ее долю приходится наибольшее совместительство. Подробные данные об этом см. *Eulenburg*, op. cit.

Конечно, такое же явление и в Соединенных Штатах. В 1906 г. фирма «J. P. Morgan and Cie» была представлена в Board [правление] пяти банков, 50 железных дорог, 3 судоходных компаний, 8 трестов, 8 страховых обществ и 40 промышленных предприятий (*Steinizter*, op. cit., S. 158).

большого числа крупных капиталистов, важна в том отношении, что она предвещает и ускоряет более тесное организационное объединение между обществами, до того времени независимыми друг от друга¹.

3. Акционерное общество и индивидуальное предприятие

Итак, при своем учреждении акционерное общество обращается не к сравнительно узкому слою функционирующих и способных функционировать капиталистов, которые должны соединять функции собственности с функциями предпринимателя. Оно с самого начала не зависит от этих личных качеств и остается независимым от них на все время своего существования. Смерть, раздел наследства между владельцами и т. п. не оказывают на него никакого влияния. Но здесь еще нет решающего отличия от индивидуального предприятия, которое на известной ступени развития может заменять личные качества, утрачиваемые собственниками, личными качествами наемных служащих. Практически не имеет значения и другое различие, которое литература проводит между акционерным обществом и частным предприятием: что, во-первых, якобы устраняется *субъективно* полностью ответственный, совершенно независимый и целиком заинтересованный предприниматель и что, во-вторых, будто бы начинает распоряжаться масса мало подготовленных, не имеющих влияния предпринимателей (акционеров), которые заинтересованы лишь отчасти и ничего не понимают в ведении дела. В действительности акционерные общества, и как раз наиболее важные, доходные и инициативные, подчиняются олигархии или даже какому-нибудь *одному* крупному капиталисту (или банку), который во всяком случае тоже вполне заинтересован и независим от массы мелких акционеров. К этому добавляется еще и то, что руководители, находящиеся на

¹ Напротив, самое наблюдение, в смысле юридической функции, не играет никакой роли. Так, председатель генерального собрания «Электрише лихт-унд крафтанлаген — акциенгезельшафт ин Берлин» откровенно заявил следующее: «Идея, будто какой-либо наблюдательный совет или член наблюдательного совета мог бы делать то, что предписывается им законом, ошибочна. Законодатели не знали, что они делали, когда издавали этот закон. Представьте, что какой-нибудь член наблюдательного совета или наблюдательный совет в целом в один прекрасный день вздумал бы проследить все отрасли какого-либо из наших крупных предприятий. В то время как он контролирует в одном месте, в десяти других могут быть совершены крупнейшие ошибки. Наблюдательный совет должен лишь намечать крупные основные линии управления обществом. Он может наблюдать за дирекцией, чтобы она ничего не делала вопреки закону и уставам. Детали же ревизии — дело ревизионных комиссий» («Berliner Tageblatt», 28.XI.1908).

вершине промышленной бюрократии, заинтересованы в предприятии тантьемами и прежде всего тем, что им, как правило, принадлежит большое число акций.

Значительно важнее такое материальное различие: обращение к денежному рынку есть общее обращение ко всем, у кого есть деньги, причем под деньгами подразумевается здесь и распоряжение кредитом. Акционерное общество независимо от величины отдельного капитала, который требуется сконцентрировать в одних руках, прежде чем он будет способен функционировать в качестве промышленного капитала частного предприятия. Это не только расширяет круг лиц — денежным капиталистом может быть всякий, у кого имеются деньги, — но и приводит к тому, что всякая денежная сумма, превышающая известный минимум (который, как известно, может составлять всего несколько шиллингов), приобретает способность соединиться в акционерном обществе с другими денежными суммами и найти применение в качестве промышленного капитала. Таким образом, с самого начала намного облегчается учреждение акционерного общества по сравнению с частным предприятием, а для уже существующих обществ намного облегчается возможность расширения.

Способствуя сосредоточению капитала, акционерные общества в этом отношении выполняют одинаковую функцию с банками. Различие таково: капитал, собираемый в банках, сохраняет свою первоначальную форму денежного капитала и лишь *после* того, как он сосредоточен, предоставляется посредством кредита в распоряжение производства. В акционерных обществах рассеянный денежный капитал соединяется в форме фиктивного капитала. Не следует впрочем думать, будто сосредоточение мелких капиталов, которым предстоит стать лишь элементами крупных капиталов, равносильно участию мелких капиталистов. Мелкие капиталы могут принадлежать в действительности и весьма крупным капиталистам. Мелкие же капиталы мелких капиталистов соединяются в большей степени банками, чем акционерными обществами.

К относительной легкости привлечения капитала присоединяется легкость накопления. В частном предприятии накопление должно происходить из прибыли. Часть прибыли не потребляется, что уже само по себе предполагает известную величину предприятия, а собирается как потенциальный денежный капитал, пока его величина не окажется достаточной для нового производства или для расширения существующего. В акционерном обществе дивиденды, конечно, тоже выдаются сначала акционерам. Но даже здесь имеется возможность накапливать некоторую долю прибыли, в особенности при высоких дивидендах, значительно превышающих средний уровень процента. Однако, что в особенности важно, рас-

ширение тут независимо от собственного накопления из собственных доходов предприятия и может происходить путем прямого увеличения капитала. Предел роста частного предприятия — величина прибыли, произведенная в нем самом, — отпадает. Вследствие этого энергия роста у акционерного общества значительно выше, чем у частного предприятия. В распоряжении акционерного общества находится весь свободный денежный капитал, идет ли дело о расширении или об учреждении этого общества. Оно увеличивается не только за счет накопления собственной прибыли. Весь накопленный и ищущий применения денежный капитал — это вода, которую он может направить на свою мельницу. Уничтожаются те ограничения, которые вытекают из раздробленности капитала между индивидуальными, безразличными к делу и случайными собственниками. Акционерное общество обращается непосредственно к общему капиталу класса капиталистов.

Независимое от индивидуального капитала предприятие становится независимым в своих размерах от величины накопленного в отдельных руках богатства и может расширяться независимо от той ступени, которой уже достигла концентрация собственности. Так, акционерное общество впервые делает возможными или по меньшей мере возможными в необходимом количестве такие предприятия, которые, требуя огромных капиталов, были недоступны для частных предпринимателей, а потому и не возникали или же учреждались государством, следовательно, находились вне сферы непосредственного влияния капитала. Наиболее значительный пример этого рода представляют собой, как известно, железные дороги, которые дали сильнейший толчок распространению акционерных обществ. Эта способность акционерного общества разрывать те границы, которые накладываются личностью собственника, подчинять свои размеры величине не личного, а общественного капитала, имела огромное значение, в особенности при первом появлении акционерных обществ¹.

Расширение капиталистического предприятия, превратившегося в акционерное общество, может теперь освободиться от уз индивидуальной собственности и совершаться в зависимости от чисто технических требований. Введение новых машин, присоединение родственных отраслей производства, использование патентов осуществляется теперь только под углом зрения технической и экономической целесообразности. Отступает на задний план сама забота о том, как достать необходимый капитал, которая для частного предприя-

¹ Говоря здесь об общественном капитале, мы подразумеваем следующее. Частный предприниматель ограничен величиной индивидуального капитала; акционерное общество — величиной всего денежного капитала, имеющегося в капиталистическом обществе и свободного для нового применения.

тия играет главную роль, ограничивает его способность к расширению, уменьшает его эластичность и постоянную боевую готовность. Конъюнктура может быть использована лучше, основательнее и быстрее — важное обстоятельство, в особенности тогда, когда продолжительность благоприятной конъюнктуры сокращается¹.

Указанные моменты имеют свое значение в конкурентной борьбе. Мы видели, что акционерное общество привлекает капиталы с несравненно большей легкостью, чем частное предприятие. Таким образом, акционерное общество может при организации своего производства считаться исключительно с техническими соображениями, между тем как индивидуальный предприниматель постоянно наталкивается при этом на те пределы, которые ставятся величиной его капитала. Это относится и к случаям, когда приходится пользоваться кредитом, потому что величина последнего зависит от величины собственного капитала. Напротив, акционерное общество как при учреждении, так в особенности и при расширении или новых вложениях не связано этой границей личной собственности. Поэтому оно может усваивать лучшие и новейшие достижения и намного более независимо в выборе момента для новых вложений, чем частный предприниматель, которому приходится выжидать, когда его прибыль достигнет минимальной величины, при которой она становится пригодной для накопления. Следовательно, акционерное общество может быть организовано в технически наиболее совершенных формах, что настолько же важно, как и

¹ «Акционерное общество — наиболее острое, надежное, а потому и наиболее предпочтительное оружие, какое только имеется в распоряжении капиталистического экономического строя для победы характеризующих его тенденций к концентрации. Ведь уже само по себе акционерное общество представляет законченную концентрацию: объединение мелких, раздробленных, в отдельности не способных к производительному применению частей имущества в общую массу капитала, которая как таковая предназначена и способна преследовать под единым руководством экономические, т. е. производительные цели. Вследствие же легкой отчуждаемости и наследования паев, далее, вследствие почти полного отделения от личности предпринимателя, что в несравненно большей степени, чем для других форм предприятия, дает ему вероятность продолжительной жизни, наконец, вследствие (теоретической) безграничности дивидендов, ожидаемых на объединенный капитал, акционерное общество необыкновенно сильно *притягивает свободные капиталы*. Следовательно, оно в большей мере, чем всякая другая форма предприятия, обладает возможностью удовлетворять свои потребности в кредите или в расширении посредством увеличения капитала. Но относительная *легкость* привлечения капитала, естественно, вызывает *тенденцию к увеличению капитала*; и это тем более, что в области и промышленности, и торговли, и банкового дела, по-видимому, экономический закон таков: *удвоение капитала делает возможным более чем удвоение производства или более чем удвоение сбыта* (примечание: но не всегда и удвоение доходности). Уже по одной этой причине *тенденция к увеличению капитала* усиливается с увеличением этого капитала, а вместе с тем у сравнительно крупных капиталов она относительно намного сильнее, чем у мелких капиталов» (Rießer, Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Großbanken, S. 152).

постоянное сохранение этого технического превосходства. Но это значит в то же время, что оно в состоянии применять технические достижения, различные методы сбережения труда раньше, чем они нашли всеобщее применение. Таким образом, акционерное общество по сравнению с частным предприятием может, во-первых, работать в более крупном масштабе, во-вторых, применять усовершенствованную и более новую технику и потому может получить сверхприбыль.

К этому присоединяется крупное преимущество акционерного общества перед частным предпринимателем в использовании кредита, на которое должно быть коротко указано в данной связи.

Частный предприниматель обычно может кредитоваться только на максимальную сумму своего оборотного капитала. Всякое дальнейшее кредитование превратило бы кредитованный капитал в основной промышленный капитал, и, следовательно, для ссудного капиталиста он фактически утратил бы характер ссудного капитала. Ссудный капиталист просто превратился бы в промышленного капиталиста. Поэтому кредит частным предпринимателям могут оказывать только лица, знакомые со всеми условиями и методами ведения дела у промышленников. Кредит частным предпринимателям предполагает существование мелких местных банков, частных банкиров, близко знакомых с деловыми отношениями своих клиентов.

Акционерному обществу получить кредит легче, потому что характер его организации чрезвычайно облегчает контроль посредством простого делегирования банком доверенного лица. Частный банкир заменяется здесь банковым служащим. Далее, акционерное общество можно кредитовать в несравненно более крупных размерах, так как оно легче может достать для себя капитал. Здесь нечего опасаться, что полученный обществом кредит будет иммобилизован. Если бы даже акционерное общество действительно воспользовалось им для приобретения основного капитала, то при благоприятных обстоятельствах общество может, не ожидая действительного возвращения основного капитала, мобилизовать капитал посредством выпуска акций и использовать его для выплаты задолженности банку. На практике так постоянно и делается. Оба обстоятельства: легкость организации контроля и то, что здесь отпадает ограничение кредита оборотным капиталом, дают акционерному обществу возможность активнее использовать кредит, а вместе с тем дают новое преимущество в конкурентной борьбе.

Экономическое преимущество более легкого привлечения капитала при основании, а также более легкой осуществимости расширения предприятия приносит с собой, как мы видели, и техническое превосходство.

Но акционерное общество в силу своего строя обладает преимуществами и в борьбе цен.

Мы видели, что акционеру присущ характер денежного капиталиста, он ожидает от затраченного им капитала только процента. Несмотря на учредительскую прибыль, несмотря на сокращение прибыли более высокими издержками управления, тантьемами и т. п., доход при благоприятном развитии может далеко превысить размеры процента.

Как мы видели, эта более высокая доходность далеко не всегда идет на пользу акционерам. Часть ее может пойти на укрепление предприятия, на создание резервного капитала, который во времена кризисов в свою очередь дает акционерному обществу более прочную опору по сравнению с частным предприятием. В то же время большие резервы делают возможной более устойчивую дивидендную политику и тем повышают курс акций. Или же часть этих доходов может быть накоплена, и тогда без увеличения номинального капитала увеличивается действительно функционирующий капитал, производящий прибыль. И это повышает, и даже в еще большей мере, чем образование резервов, действительную стоимость акций. Такое повышение, которое возможно обнаружится лишь впоследствии, идет на пользу крупным и постоянным акционерам, между тем как мелкие, часто сменяющиеся владельцы акций расплачиваются утратой некоторой доли своей прибыли.

Но если наступает неблагоприятная конъюнктура или обостряется конкурентная борьба, то акционерное общество, у которого такая дивидендная политика сильно сократила или совсем уничтожила первоначальную разницу между акционерным капиталом и действительно функционирующим капиталом, может снизить свои цены ниже цены производства $k + p$ до уровня $k + z$ (издержки производства плюс процент), и все же еще и тогда будет выплачивать дивиденды, равные среднему проценту или немногим меньше.

Вследствие этого способность акционерного общества к сопротивлению сильно увеличивается. Индивидуальный предприниматель необходимо стремится к тому, чтобы реализовать среднюю прибыль. Если он производит меньше, он станет подумывать о том, чтобы извлечь свой капитал. У акционерного общества это стремление слабее, по крайней мере у его руководителей да, впрочем, и у акционеров. Частный предприниматель должен покрывать издержки на свое собственное существование из доходов. Если его прибыль падает ниже известной границы, то средства производства будут у него приходить в упадок, потому что издержки своего существования он будет покрывать частью своего капитала. Он обанкротится. Иначе с акционерным обществом. Оно стремится получить процент на акционерный

капитал. Но вообще-то акционерное общество может существовать до тех пор, пока его деятельность не приносит убытка. Необходимости работать с чистым доходом для него вообще не существует¹, той необходимости, которая непосредственно ведет к катастрофе, разражающейся над индивидуальным капиталистом всякий раз, когда его потребление приводит к сокращению капитала и делает его недостаточным. Возможно, такая необходимость существует для акционера и побуждает его продать акцию. Но эта продажа несколько не затрагивает функционирующего капитала. Если чистая прибыль не исчезла, а просто сократилась, акционерное общество может продолжать существовать долгое время. Если чистая прибыль упала ниже среднего уровня дивидендов, то цена акции упадет. Новые покупатели, как и старые владельцы, будут теперь высчитывать доходность на пониженный капитал. Курсовая стоимость акции упала, но предприятие, ставшее с точки зрения промышленного капиталиста нерентабельным, так как оно уже не приносит средней прибыли, для новых покупателей вполне доходно, а старые владельцы от его полной остановки потеряли бы еще больше. Но даже и такое акционерное общество, которое работает в убыток, отличается большей способностью к сопротивлению, чем частное предприятие. Если частный предприниматель в таком случае обычно погибает и банкротство для него неизбежно, то акционерное общество, напротив, сравнительно легко может провести «реорганизацию». В самом деле, так как ему легче добыть капитал, то оно скорее может достать суммы, необходимые для продолжения и оздоровления дела. Акционерам обычно приходится давать свое согласие. Ведь такое положение предприятия выражается в цене акций. Акционерам приходится согласиться просто на то, чтобы фактический убыток нашел себе номинальное выражение. Акционерный капитал понижается, т. е. доход распределяется на меньший капитал и в дальнейшем исчисляется уже на него. Или, если доходность понизилась до нуля, привлекается новый капитал, который, соединившись с менее доходным старым, теперь будет приносить уже достаточный доход. Кстати сказать, все эти оздоровления и реорганизации имеют двойное значение для банков: во-первых, как прибыльная операция и, во-вторых, как удобный случай для того, чтобы

¹ «В особенности много жалоб комиссия 1886 г. выслушала на конкуренцию акционерных компаний; многие свидетели утверждали, что главная причина низких товарных цен заключается в чрезмерном распространении во многих отраслях промышленности акционерных предприятий, которые продолжают работать, даже не получая никакой прибыли, так как интерес лиц, заведующих делом (директоров, членов правления и пр.), заключается в продолжении производства совершенно независимо от его прибыльности» (М. Туган-Барановский, Промышленные кризисы, Спб. 1900, стр. 145—146).

поставить такие нуждающиеся общества в зависимость от себя.

Отделение собственности на капитал от его функции оказывает свое влияние и на ведение производства. Заинтересованность собственника в извлечении прибыли в возможно большем объеме и в кратчайшие сроки, тенденция к хищническому хозяйствованию, дремлющая во всякой капиталистической душе,— все это для руководителей акционерного общества до известной степени может отступить на задний план перед чисто техническими требованиями, выдвигаемыми производством. Они более энергичны, чем частный предприниматель, и, несмотря на те жертвы, которых стоит удовлетворение их требований акционерам, будут настаивать на усовершенствовании производства, на модернизации устаревшего оборудования и энергичнее поведут конкурентную борьбу для завоевания новых областей. В управлении чужим капиталом проявится большая энергия, смелость и рациональность, большая свобода от чисто личных соображений, тем более, что подобная политика обычно встретит одобрение со стороны крупных, влиятельнейших акционеров, которые легко могут согласиться на преходящее сокращение своей прибыли; ведь в повышенном курсе и повышенной прибыли они, в конце концов, получают плоды за свои жертвы, которые приходится нести и мелким акционерам, получают в то время, как мелкие акционеры уже давным-давно продали свои акции.

Акционерное общество превосходит индивидуальное предприятие в том отношении, что в первом чисто экономические условия и потребности могут проложить себе дорогу даже вопреки условиям индивидуальной собственности, которые при известных обстоятельствах вступают в конфликт с технико-экономическими потребностями.

Движение капитала к концентрации постоянно сопровождается отделением от капитала частей, которые начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. «Крупную роль играет при этом между прочим раздел состояний в семействах капиталистов... Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому, если, с одной стороны, накопление выступает как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как *взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов*»¹.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 631. (Курсив Гильфердинга.— Ред.)

Следовательно, с расширением акционерного дела экономическое развитие освобождается от индивидуальных случайностей в движении собственности, которые отражаются теперь на судьбе акций, а не самого акционерного общества. Поэтому концентрация предприятий может идти быстрее, чем централизация собственности. В обоих движениях имеются свои особые законы. Однако тенденция к концентрации наблюдается и в том и в другом случае. Но только в движении собственности она представляется более случайной, менее принудительной, да и на практике часто пересекается различными случайностями. Эта-то внешняя видимость и дает кое-кому повод говорить о демократизации собственности посредством акций. Отделение движения промышленности к концентрации от движения собственности важно потому, что первое в большей степени следует технико-экономическим законам, независимо от границ индивидуальной собственности. Эту концентрацию, не являющуюся одновременно концентрацией собственности, следует отличать от концентрации и централизации, которые осуществляются посредством движения собственности и идут параллельно ему¹.

В результате превращения собственности в акционерную собственность собственник становится собственником с ограниченным правом. Как владелец акций, он попадает в зависимость от решений всех других владельцев акций; он только член (хотя и не всегда несущий какие-либо функции) целого. Следовательно, с расширением акционерного дела капиталистическая собственность все более превращается в такую ограниченную собственность, которая дает капиталисту лишь право на прибавочную стоимость, но не допускает с его стороны решающего вмешательства в ход производства. Но именно это ограничение дает владельцам большей доли акций неограниченное господство над меньшинством, и таким образом собственность большинства мелких капиталистов все более ограничивается, неограниченное распоряжение производством устраняется, круг тех, кто господствует над производством, все более сужается; капиталисты образуют общество, на руководство которым большинству из них не удастся оказывать никакого влияния. Фактическое руководство производственным капиталом принадлежит людям, которые в действительности внесли в него лишь некоторую часть. Индивидуальных владельцев средств производства уже не существует; они образуют общество, и у индивидуума остается только требование на соответствующую долю дохода.

¹ О различии понятий «концентрация» и «централизация» см. *К. Маркс, Капитал*, т. I, стр. 631 и след.

4. Эмиссионная деятельность

Обслуживая вексельное обращение, банки заменяют коммерческий кредит банковым. Обслуживая превращение праздно лежащих денег в денежный капитал, банки доставляют производительным капиталистам новый капитал. В своей третьей функции банки тоже доставляют производительным капиталистам капитал, но не ссужая его, а превращая денежный капитал в промышленный и фиктивный капитал и сами выполняя это превращение. С одной стороны, развитие все более приводит к тому, что все деньги стекаются к банкам и поэтому только при посредстве последних могут быть превращены в денежный капитал. С другой стороны, вследствие превращения банкового капитала в промышленный, капитал перестает быть собственно составной частью банкового капитала. Это противоречие разрешается мобилизацией капитала, его превращением в фиктивный капитал, в капитализированные свидетельства на доход. Так как одновременно с этим превращением развивается рынок этих свидетельств и потому их во всякое время можно превратить в деньги, то они могут сделаться составной частью самого банкового капитала. Банк не вступает здесь в какие-либо кредитные отношения и не реализует какого-либо процента на капитал. Банк просто предоставляет в форме фиктивного капитала в распоряжение рынка тот денежный капитал, который предназначен для превращения в промышленный капитал. На рынке фиктивный капитал продается, и банк реализует учредительскую прибыль, возникающую из превращения промышленного в фиктивный капитал. Следовательно, выражение «эмиссионный кредит» не характеризует какого-либо кредитного отношения, оно лишь означает более или менее обоснованное доверие публики, что банк не обманет ее.

Эта функция банка — осуществлять мобилизацию капитала — возникает из того, что в его распоряжении находятся все деньги общества. В то же время эта функция требует от банка, чтобы у него был крупный собственный капитал. Фиктивный капитал, долговое притязание, это — товар *suī generis* [в своем роде], только посредством продажи он превращается обратно в деньги. Но для этого превращения требуется известное время обращения, в течение которого капитал банка закреплен в этом товаре. Притом продажа осуществима не во всякий момент, тогда как банк должен в любое время выполнять свои обязательства в денежной форме. Поэтому для таких операций в распоряжении банка всегда должен иметься капитал, на котором не тяготеет никаких обязательств, следовательно, собственный капитал. В то же время, с развитием промышленного предприятия увеличиваются размеры опера-

ций, а потому и необходимая величина собственного банковского капитала¹.

Чем выше мощь банка, тем полнее удастся сведение дивидендов к уровню процента, тем полнее учредительская прибыль достается банку. Наоборот, сильным и упрочившимся предприятиям при увеличении своего капитала удается оставить за собой часть учредительской прибыли. Из-за распределения учредительской прибыли возникает своеобразная борьба между акционерным обществом и банком, что дает банку лишнее основание стремиться к подчинению себе предприятия.

Само собой понятно, что учредительская прибыль достигается не только при учредительстве в собственном смысле слова, будь то основание совершенно новых предприятий или превращение существующих частных предприятий в акционерные общества. Учредительская прибыль в экономическом смысле слова может быть получена и при всяком увеличении капитала в существующих акционерных обществах, если только доходность их превышает обычный уровень процента.

То, что представляется понижением уровня процента, отчасти является просто следствием прогрессирующего сведения дивиденда к уровню процента, между тем как в учредительской прибыли все больше капитализируется вся предпринимательская прибыль, процесс, предпосылкой которого служит сравнительно высокое развитие банков и их связей с промышленностью, равно как и соответствующее развитие биржи, этого рынка фиктивного капитала. Если в Соединенных Штатах процент на железнодорожные облигации составлял в 70-х годах 7%, а теперь только 3½%², то причина заключается в том, что часть, представлявшая в 7% предпринимательскую прибыль, в настоящее время капитализируется учредителями. Это важно и потому, что обнаруживает тенденцию учредительской прибыли к повышению, вытекающую из того, что доход на акции и облигации все более сводится к размерам просто процента. Этой тенденции учредительской прибыли к повышению противодействует понижение нормы прибыли.

¹ Эта тенденция к увеличению банковского капитала может быть усилена еще законодательным вмешательством. Таково постановление германского закона об акциях, о том, что при превращении частных предприятий в акционерные общества акции могут быть допущены на биржу только через год по учреждении. Следствием его было то, что банковый капитал стало невозможно мобилизовать в течение года, так как в течение этого года банковый капитал остается превращенным в промышленный капитал и не может принять денежную форму. Таким образом, учредительская деятельность, особенно, если речь идет о крупных предприятиях, сделалась монополией исключительно крупных банков с крупным собственным капиталом. В то же время это поощряло тенденцию к концентрации банковского дела. Этим крупным банкам достается впоследствии и учредительская прибыль.

² См. *Edward Sherwood Meade, Trust Finance, New York 1907, p. 243.*

Однако следует считать, что это столь часто прерываемое понижение, которому противостоят многочисленные противодействующие факторы, повышающие прибыль, не могло окончательно уничтожить тенденцию учредительской прибыли к повышению. В новейшее время последняя все повышалась, и притом сильнее всего в странах, где наиболее быстро шло развитие банков и биржи, где наибольшей завершенности достигало влияние банков на промышленность.

Если денежный капиталист, ссужая капитал, получает процент, то банк, выпускающий акции, ничего не ссужает и потому не получает процента. Процент здесь получают владельцы акций в форме дивиденда. Банку достается предпринимательская прибыль, но не как ежегодный, а как капитализированный доход, как учредительская прибыль. Предпринимательская прибыль — непрерывный текущий доход, но банку в виде учредительской прибыли она уплачивается раз навсегда. Банк принимает капиталистическое распределение собственности как вечное и непреложное и учитывает эту вечность в учредительской прибыли. Таким образом, с ним разделяются раз и навсегда, он уже не может претендовать на вознаграждение за уничтожение этого распределения собственности. Он уже получил свою мзду.

Глава восьмая

ФОНДОВАЯ БИРЖА

1. Биржевые бумаги. Спекуляция

Биржа есть фондовый рынок. Под фондами мы разумеем здесь прежде всего «ценные бумаги» в самом общем смысле, всякие бумаги, являющиеся представителями денежных сумм. Они распадаются на две главные группы: во-первых, свидетельства на деньги, представляющие собой не что иное, как долговые обязательства, т. е. кредитные бумаги, на которых обозначена та денежная сумма, вместо которой они выданы; вексель — главный представитель этой категории. Вторая группа — это бумаги, которые представляют не самую денежную сумму, а доход на нее; они, в свою очередь, распадаются на два подразделения: на бумаги с фиксированным процентом — свидетельства государственного долга и облигации, и на бумаги, приносящие дивиденд — акции. Но, как мы уже видели, в капиталистическом обществе всякий регулярно (ежегодно) повторяющийся доход принимает вид дохода на капитал, величина которого равна фактически получаемому доходу, капитализированному из обычного уровня процента. Таким образом, эти ценные бумаги тоже являются представителями

денежных сумм. Однако их отличие от первой группы заключается в следующем: в кредитных бумагах денежная сумма — первичный фактор; деньги или стоимость равной величины здесь действительно были ссужены и теперь приносят проценты. Эти бумаги находятся в обращении лишь в течение определенного времени: когда капитал будет выплачен обратно, им наступает конец. Тогда истекает срок векселя. И, хотя в обращении постоянно находятся векселя, это не препятствует тому, что постоянно истекает срок то одного, то другого отдельного векселя, и ссуженный капитал притекает обратно к ссудившему. У последнего на руках опять оказывается известная сумма денег, и он снова может отдать ее в ссуду. Истечение срока векселя, следовательно, постоянный обратный приток капитала к его собственнику является здесь условием постоянного возобновления процесса.

Иначе со второй группой ценных бумаг. Здесь деньги отданы окончательно. Если дело идет о государственных бумагах, то деньги, надо полагать, давным-давно потреблены непроизводительно, т. е. совершенно исчезли, если о промышленных бумагах, то деньги, затраченные на покупку постоянного и переменного капитала, послужили в качестве покупательного средства, стоимость денег существует теперь в виде элементов производительного капитала, а сама денежная сумма находится в руках продавцов и уже не возвратится к своему исходному пункту. Акции уже потому не могут быть представителями этих денег, что последние перешли в руки продавцов товаров (продающих элементы производительного капитала), следовательно, сделались их собственностью. Но они отнюдь не представляют и самого производительного капитала. В самом деле, владельцы акций, во-первых, не могут предъявить притязаний на какую бы то ни было часть производительного капитала, — они имеют право только на доход, и, во-вторых, акция не является представителем какой-либо конкретной потребительной стоимости, подобно варрантам или накладным, как это было бы, если бы акция действительно представляла известную долю производительно функционирующего капитала. Акция фактически дает притязание только на известную денежную сумму. Этим ее значением определяется возможность «мобилизации» промышленного капитала. Но эта известная сумма денег есть не что иное, как доход, капитализированный из существующего уровня процента. Следовательно, доход, ежегодные поступления, является здесь исходным пунктом при оценке бумаг, и денежная сумма исчисляется лишь в соответствии с доходом.

Бумаги с фиксированным процентом приближаются к первой группе постольку, поскольку в любой момент всякому фиксированному доходу соответствует определенная сумма денег. Но они относятся ко второй группе, потому что те деньги,

представителем которых они были первоначально, отданы окончательно, и нет необходимости в том, чтобы они возвратились к исходному пункту; следовательно, капитал, который они представляют,— фиктивный, его величина исчисляется лишь по доходу. Отличие бумаг с твердым процентом от других бумаг, приносящих доход, сказывается в том, что если оставить в стороне случайные обстоятельства, цены первых зависят от уровня процента, цены вторых — от уровня процента и от того или иного размера дохода. Следовательно, цена первых подвергается относительно небольшим колебаниям, притом колебаниям, которые наступают постепенно, в соответствии с легко предвидимыми общими колебаниями уровня процента. Напротив, во второй группе величина дохода неопределенна и подлежит разнообразным изменениям, которые не всегда поддаются заблаговременному учету и вызывают сильные колебания цены этих бумаг. Поэтому они составляют главный объект *спекуляции*.

Уже из предыдущего следует, что общераспространенное наименование биржи «рынком капиталов» не касается ее существа.

Бумаги первой группы суть долговые обязательства. Подавляющее большинство их возникло из актов обращения, из перемещения товаров, совершившегося без вмешательства денег, которые функционировали здесь только как средство платежа. В качестве кредитных денег они заменили наличные деньги. Торговля этими бумагами на бирже означает просто перенесение кредита с одного лица на другое. Но, как мы уже знаем, предпосылкой и дополнением обращения кредитных денег является обращение действительных денег. Так как находящиеся в обращении кредитные деньги обслуживают не только внутренние, но и международные платежные операции, то в распоряжении биржи должны иметься не только национальные кредитные деньги, но также и иностранные кредитные деньги и звонкая монета. Поэтому на бирже, в качестве дополнения к кредитным операциям, находится центр торговли иностранной валютой и торговли деньгами. Сюда стекается свободный в данный момент денежный капитал, чтобы найти применение, и находит его в кредитных бумагах. В этом отношении биржа конкурирует с собственно кредитными учреждениями, с банками. Но имеется и различие как количественное, так и качественное. Количественное различие состоит в том, что в противоположность банкам, сосредоточение из разнообразнейших мелких источников не играет здесь роли — здесь с самого начала ищут применения крупные сконцентрированные капиталы. Концентрация денег, составляющая столь важную функцию банков, здесь уже совершилась. Качественное отличие заключается в том, что тут нет столь различных способов кредитования. Здесь просто предоставляются в распо-

ряжение деньги, необходимые для того, чтобы поддержать обращение кредитных денег. Деньги помещаются крупными суммами в первоклассные векселя. Как спрос, так и предложение имеют дело с крупными суммами, спрос и предложение концентрированно противостоят друг другу. Именно здесь и складывается рыночная цена ссудного капитала, уровень процента. Это — чистый процент, свободный от всякой премии за риск: речь ведь идет здесь о наилучших бумагах, какие только можно достать в этом дурном капиталистическом мире; сомнение в их достоинстве несравненно менее возможно, чем сомнение в благости Божьей. Процент на эти утонченнейшие векселя — тонкие, разумеется, не по тонкости потребительной стоимости материала, ибо и первейшие векселя пишутся не на японской бумаге — кажется вытекающим непосредственно из самой собственности на денежный капитал. Деньги представляются вовсе не окончательно отданными; ведь их во всякий момент можно реализовать, так как всегда возможна дальнейшая продажа векселя. Во всяком случае это помещение их носит преходящий характер до той поры, пока они не понадобятся на что-либо иное. Надежность и краткосрочность обуславливают низкий уровень процента на такие вложения, для которых пригодны только чрезвычайно крупные капиталы, притом свободные часто лишь на короткое время. Этот процент является исходным пунктом при исчислении процента в других областях вложения денежного капитала. Его уровнем определяются также перемещения свободных, текущих, подвижных денежных капиталов из одних биржевых пунктов в другие. Эти деньги в постоянно изменяющемся количестве вступают в сферу обращения мировых денег и выходят из нее.

Биржа является здесь рынком, на котором совершаются денежные операции крупных банков и крупных капиталистов. Векселя, попадающие сюда, снабжены подписью одного из первоклассных банкирских домов. Банки национальные и иностранные или вообще крупные капиталисты вкладывают в эти векселя свободные в данное время деньги и таким образом дают им абсолютно надежное применение, приносящее процент. Наоборот, крупные кредитные учреждения выносят эти векселя на биржу, когда требуется достать средства, необходимые для удовлетворения предъявленных к ним требований, превышающих их свободные капиталы¹.

Денежные суммы, которые требуются для этих операций, расширяются и сокращаются, но всегда должны иметься в известных минимальных размерах. На них покупаются векселя, и они возвращаются, когда истекает срок векселя. Этим постоянным возвращением денег к исходному пункту, этим функционированием их в качестве простого посредствующего

¹ Ср. поучительную работу *W. Prion*, *op. cit.*

звена в кредитных операциях обращение денег, вложенных в первую группу биржевых бумаг, явственно отличается от помещения денег во вторую группу, например, в акции. Здесь деньги отдаются окончательно, превращаются в производительный капитал и переходят в руки продавца товара. В противоположность первому случаю, они не возвращаются на биржу. Вместо денег теперь имеется титул на капитализированный процент. Следовательно, деньги здесь действительно извлечены с денежного рынка.

На вексельном рынке биржа конкурирует с банками. Развитие последних отнимает у биржи часть векселей. Банки захватывают также большую часть тех связей между промышленными капиталистами и биржей как посредницей в сфере платежного кредита, которые в эпоху возникновения бирж были их важнейшей функцией. За биржей остается лишь посредничество между самими банками и торговлей девидами, которая обслуживает международные платежи и регулирует вексельный курс. Но и здесь большая часть операций выполняется непосредственно банками, которые с этой целью открывают свои заграничные филиалы. Развитие банков в двояком смысле ограничивает эту часть биржевых операций. Прежде всего непосредственно тем, что банки все возрастающие суммы своих денег все в большей мере сами, без содействия биржи, помещают в векселя. Во-вторых, тем, что развитие банков отчасти заменяет вексельный кредит другими формами кредита.

Вексель это — кредит, который один производительный капиталист (под таковым подразумевается всякий капиталист, извлекающий прибыль, следовательно, между прочим, и купец) оказывает другому вместо платежа. Капиталист, получивший вексель, дисконтирует его в банке, и, следовательно, теперь кредит предоставляется уже банком. Если у обоих капиталистов в банке есть вклады или им открыт банковый кредит, то свои платежи они могут регулировать не векселем, а чеком на банк или посредством записей в книгах банка. Вексель сделался излишним. Его место заняли операции, проводимые по книгам банка; в противоположность векселю, который можно передать дальше, эти операции внешне никак не проявляются. Так как банки все в возрастающей степени регулируют платежи своих клиентов, то вексельное обращение сокращается, что отзывается и на биржевом рынке векселей. В странах, где определенному банку принадлежит монополия на выпуск банкнот, к указанному обстоятельству присоединяется господствующее положение этого эмиссионного банка на рынке девидами. Если это положение и испытывает потрясения, то они пойдут на пользу не бирже, а крупным банкам. В сфере оборотов с такими кредитными деньгами нет места

для специфической биржевой деятельности, исключая спекуляцию на валюте. Вообще же биржа представляет здесь концентрированный рынок для тех денежных сумм, которыми может располагать обращение кредитных денег.

Область собственно биржевой деятельности — это рынок титулов на процент или фиктивного капитала. Здесь прежде всего находят для себя применение деньги, являющиеся денежным капиталом, ищущим превращения в производительный капитал. Деньги окончательно отдаются на покупку процентных титулов и обратно уже не поступают. На биржу ежегодно возвращается только вырученный процент. Следовательно, здесь складывается иное положение, чем при помещении денег в кредитные бумаги, при котором назад возвращается и капитал. Напротив, для купли и продажи процентных титулов необходимы дополнительные деньги, которые обслуживают обращение на самой бирже. Эти суммы ничтожны по сравнению с обслуживаемыми оборотами. Так как процентные титулы представляют денежные свидетельства, то они непосредственно могут взаимно компенсироваться, и уравнивать наличными всегда приходится лишь небольшую разницу. Особые учреждения, функцией которых являются расчеты этих разниц, стремятся к тому, чтобы наличными деньгами действительно приходилось покрывать только разницу. Абсолютная же величина средств обращения, необходимых для биржевых целей, в особенности велика в периоды сильной спекуляции, потому что как раз в периоды оживленной спекуляции последняя обычно направляется односторонне, и потому баланс, который необходимо уравнивать, сильно возрастает.

Теперь возникает вопрос о характере биржевой деятельности и ее функциях. Мы видели, что биржевая деятельность на вексельном рынке совпадает с деятельностью банков. Точно так же купля ценных бумаг с целью помещения капитала является специфической функцией биржи. Ценные бумаги можно купить с такими же удобствами в банке, как и на бирже, и большая часть их обычно покупается в банках. Напротив, специфически биржевая деятельность — *спекуляция*.

Спекуляция является прежде всего куплей и продажей. Но это купля не товаров, а процентных титулов. Для того, чтобы реализовать свою прибыль, производительный капиталист должен превратить свой товарный капитал в деньги, т. е. продать товар. Если функцию продажи берет на себя другой капиталист, то промышленник должен уступить ему часть своей прибыли. Вся прибыль, заключающаяся в товаре, окончательно реализуется лишь при продаже потребителю. Товар передвигается при этом от производителя к потребителю; но, разумеется, бессмысленно было бы подразумевать при этом пространственное перемещение (напомним хотя бы только про-

дажу домов) и смешивать торговлю с транспортом. При купле и продаже дело идет не о пространственных отношениях и их изменении, а об экономических процессах, о перемещениях права собственности. Во всех процессах этого рода, характеризующихся малой интенсивностью, совершаются и пространственные изменения. Но кто же находит суть удовольствия в театре в поисках места?

В конце концов товар попадает в сферу потребления, следовательно, исчезает с рынка. Напротив, процентный титул по своей природе вечен. Он никогда не выпадает из сферы обращения в том смысле, как товар. Если даже денежный капитал, ищущий применения, временами извлекает процентный титул с рынка, то все же последний в любое время может снова возвратиться на рынок, и действительно, в большем или меньшем количестве, через продолжительное или короткое время процентные титулы возвращаются на рынок. Но для собственно спекуляции удаление процентного титула с рынка, а следовательно, и из обращения не является ни целью, ни следствием. Собственно спекулятивная бумага постоянно находится на бирже, в сфере обращения. Она движется туда и сюда, описывает круги, но не совершает поступательного движения.

Купля и продажа товаров есть общественно необходимый процесс. Благодаря ему в капиталистическом хозяйстве осуществляются условия жизни общества, он — *conditio sine qua non* [непременное условие] этого общества. Про спекуляцию этого нельзя сказать в такой же мере. Она не касается капиталистического предприятия, ни производства, ни продукта этого производства. Перемена владельцев, постоянное обращение не оказывают никакого влияния на уже основанное предприятие. Производство и доход от него не затрагиваются тем, что свидетельства на доход перейдут из рук в руки; точно так же и стоимость дохода не изменится от изменения цены акций. Наоборот, эти изменения цен акций, *caeteris paribus* [при прочих равных условиях], определяются стоимостью дохода. Следовательно, купля и продажа свидетельств на получение процента — явление чисто экономическое, простая передвижка в распределении частной собственности, не оказывающая никакого влияния ни на производство, ни на *реализацию* прибыли (как при продаже товаров). Значит, прибыли и убытки спекуляции обязаны своим возникновением исключительно различиям в оценках процентных титулов. Эти прибыли и убытки — не прибыль, не доля прибавочной стоимости; они возникают только из колебаний в оценке той доли прибавочной стоимости, которая достанется от предприятия владельцу акции. Да и сами эти колебания, как мы еще увидим, не находятся в необходимой связи с изменениями действительно реализуемой прибыли. Перед нами — чисто *диф-*

*ференциальная прибыль*¹ [*Differenzgewinn*]. В то время, как класс капиталистов, как таковой, присваивает себе без эквивалента часть труда пролетариата и таким образом получает свою прибыль, спекулянты выигрывают только друг у друга. Проигрыш одного есть выигрыш для другого. *Les affaires, c'est l'argent des autres* [Дело одного — это деньги другого].

Спекуляция сводится к использованию изменения цены. Но не к использованию цены товаров. Для спекулянта, в противоположность производительному капиталисту, безразлично, упадут или повысятся цены. Товарные цены его не касаются. Не они ему важны, а только цены процентных титулов. Последние же зависят от величины прибыли — величины, которая может повыситься или упасть при неизменных, понижающихся или повышающихся ценах. В самом деле, решающее значение для прибыли имеет не абсолютный уровень цены производимых товаров, а лишь отношение издержек производства к продажной цене. Но и для спекулянта не существенно также и то, повышается или понижается прибыль; ему важен сам факт изменений, и важно предугадать их направление. Его интересы лежат в совершенно иной плоскости, чем интересы производительного капиталиста или денежного капиталиста, который желает, чтобы доход был по возможности устойчивым, а если возможно — постоянно растущим. Повышение товарных цен только в том случае оказывает влияние на спекуляцию, если оно является показателем повышения прибыли. Спекуляция оперирует с такими изменениями прибыли, которые должны произойти или которые ожидаются. Но прибыль, произведенная в предприятии, распределяется совершенно независимо от спекуляции. Ведь прибыль распределяется между собственниками производительного капитала или собственниками титулов на прибыль. Спекулянт же, как таковой, извлекает свой барыш отнюдь не от повышения прибыли; он может выиграть и от понижения прибыли. Вообще он рассчитывает не на повышение прибыли, а на изменение цены титулов на прибыль, безразлично, наступает ли это изменение вследствие повышения или понижения прибыли. Он удерживает у себя бумаги, удостоверяющие право на прибыль, не потому, что рассчитывает получить повышенную прибыль — таковая достанется капиталисту, вложившему деньги в предприятие,—

¹ Необходимо подчеркнуть, что мы говорим не о так называемых сделках на разнице, при которых ценные бумаги фактически не передаются и спекуляция завершается уплатой курсовой разницы. Мы хотим здесь сказать, что всякая спекулятивная прибыль есть дифференциальная прибыль в экономическом смысле. Техника биржевых сделок, лежащих в основе этих операций, в данной связи столь же безразлична, как и то обстоятельство, что капиталисты — отчасти и экономисты — во всякой капиталистической прибыли видят разницу [*Differenz*], все равно, будет ли перед ними промышленная или торговая прибыль, земельная рента, процент или спекулятивная прибыль [*Spekulationsgewinn*].

он старается выиграть на купле и продаже своих титулов на прибыль. Его барыш проистекает не из какой-либо доли предпринимательской прибыли,— при случае он выигрывает и от понижения прибыли,— а из изменений цены, из того, что в данный момент он может купить дешевле, чем раньше продал, или продать дороже, чем раньше купил. Если бы все участники спекуляции действовали в одном направлении, т. е. если бы все одновременно одинаково оценивали ожидаемое изменение прибыли — ее повышение или понижение¹, то вообще никак не могли бы возникнуть спекулятивные прибыли. Они возникают лишь потому, что складываются противоположные оценки, из которых правильной может оказаться только одна. Разница между теми оценками, которые покупатели и продавцы дают в определенный момент титулам на прибыль, составляет спекулятивный выигрыш для одних, спекулятивный проигрыш для других. Здесь, в полную противоположность прибыли производительного капиталиста, выигрыш одного есть проигрыш для другого, прибыль же класса капиталистов, как такового, не есть убыток рабочего класса, ибо при нормальных капиталистических отношениях последний не может получить более, чем стоимость своей рабочей силы.

Теперь мы должны изучить моменты, с которыми в своих операциях считается спекуляция. Главный объект спекуляции — бумаги, не приносящие твердого процента. Изменения их цены зависят в основном от двух факторов: от размеров прибыли и от уровня процента. Конечно, теоретически прибыль в общем задана средней нормой прибыли. Но эта норма является лишь выражением бесконечного множества конкретных прибылей, уровень которых может чрезвычайно далеко уклоняться от средней величины. Для постороннего же размеры индивидуальной прибыли совершенно неопределимы. Кроме общих причин, определяющих норму прибыли,— величины прибавочной стоимости и величины авансированного капитала,— здесь решающую роль играют все случайности, влияющие на изменение рыночных цен, в том числе индивидуальная ловкость предпринимателя в использовании конъюнктуры. Во вне проявляется только рыночная цена товара; решающий момент, отношение рыночной цены к издержкам производства извне невозможно установить, и часто сам предприниматель узнает его лишь в конце периода оборота, после точных вычислений. Оставляя в стороне действительную вели-

¹ И не только в одном направлении, но и одинаково оценивали бы время и размер ожидаемых изменений прибыли. В самом деле, спекулятивная прибыль возникает и в том случае, когда кто-нибудь купит бумагу в позднейший момент по цене, более высокой по сравнению с той, по которой другой теперь продает эту бумагу, или если кто-нибудь дает более высокую цену, чем та, по которой другой уже продал бумагу.

чину прибыли, известную роль играет ряд более или менее произвольных моментов, которые влияют на доход, фактически поступающий в распределение в качестве процента: размеры амортизации, тантьем, отчислений в резервный капитал и т. д. Что касается последних моментов, то они дают руководителям предприятия возможность в известных границах произвольно определять величину дохода и таким образом оказывать влияние на курс бумаг. Однако, во всяком случае один из факторов, определяющих цены, притом на практике решающий для массы спекулянтов, совершенно не поддается учету. При тех ничтожных различиях в цене, о которых нередко идет речь, и при той крупной надбавке к курсу, которая является следствием изменения прибыли в результате ее капитализации, общее, более или менее поверхностное знание предприятия помогло бы еще очень мало. Наоборот, доскональное знакомство с предприятием дает посвященному бóльшую уверенность и способность использовать свое знание для получения спекулятивной прибыли почти без всякого риска.

Иначе обстоит дело со вторым моментом, определяющим курсовые цены,— с уровнем процента. Мы видели, что для развития спекуляции необходимо расхождение мнений о вероятном движении курса — такое, как, например, возникающее из неопределенности ожидаемой прибыли. Но уровень процента, подобно рыночной цене товара, в каждый данный момент представляет величину данную, следовательно, одинаково известен всем спекулянтам. Да и его изменение, по крайней мере направление этого изменения, можно определить наперед хотя бы с приблизительной вероятностью; разумеется, мы оставляем в стороне такие внезапные, более или менее сильные пертурбации, оказывающие непосредственное воздействие на потребность в деньгах и вызываемые необычными событиями, взрывом войны или революции, космическими катастрофами. Притом влияние изменений процента на курс стоит по своей интенсивности на втором плане; низкий уровень процента обычно господствует в периоды депрессии, когда спекуляция идет вяло, доверие упало, и курсовой уровень промышленных бумаг низок, несмотря на низкий уровень процента. Наоборот, в период высокой конъюнктуры и необузданной спекуляции влияние высокого уровня процента парализуется ожиданием повышенных курсовых барышей. Итак, хотя уровень процента и его движение и является более достоверным моментом, чем предполагаемая прибыль, однако именно учет последней определяет направление спекуляции и ее интенсивность. Спекулянты должны учитывать как раз такой момент, который наименее поддается предвидению и учету. Другими словами, достоверное предвидение для спекуляции невозможно, в своих операциях она действует ощупью, в темноте. Биржевая спекуляция носит характер азартной игры и битья об

заклад. Но этот азарт становится азартом а *coup sûr* [азарт наверняка] для посвященных.

Как для цен вообще, так и для курсов, наряду с собственно определяющими цены моментами, следует различать те случайные моменты, которые выражаются в изменяющемся соотношении спроса и предложения. Для спекуляции, которой важны изменения цен, а не их причины, последние, разумеется, безразличны. С другой стороны, существо спекуляции таково, что своими вечно сменяющимися настроениями и ожиданиями — переменами, необходимо вытекающими из неуверенности, она сама создает постоянно сменяющееся соотношение спроса и предложения, оказывающее воздействие на изменение цен. Но в этой области всякое изменение цен в свою очередь служит толчком для новых спекулятивных операций, для новых сделок и изменений позиций, следовательно, для новой смены в соотношении спроса и предложения. Таким образом, спекуляция, овладев известными бумагами, создает для них постоянно готовый — принять их рынок, дает другим капиталистическим кругам постоянную возможность превратить свой фиктивный капитал в действительный капитал, следовательно, создает рынок для оборота фиктивного капитала, а вместе с тем возможность постоянной смены способов помещения капитала, который то превращается в фиктивный капитал, то совершает обратное превращение в денежный капитал.

Но неуверенность спекулянтов создает и еще одно явление: именно возможность оказать влияние на направление спекуляции, возможность для крупных спекулянтов «увлечь» за собой мелких. Так как спекулянт ничего не знает (часто знает кое-что в общих чертах, но во всяком случае ничего не знает в частности) ¹, то он руководствуется внешними симптомами, настроением, общим движением рынка. Но это настроение можно создать, и его действительно создают крупные

¹ Приведем только одну яркую иллюстрацию: «На этих днях проскочило сообщение, что «Феникс» получил очень крупный заказ на стальные трубы за американский счет; называли сумму в несколько миллионов марок. С легким сердцем биржа поверила сообщению и подняла курсы наших отечественных горнопромышленных бумаг и акций «Феникса». Она ведь знала, что в Соединенных Штатах положение теперь лучше, чем было несколько месяцев тому назад... Но там, за биржей, в стране, в промышленных областях, — там, и особенно в правлении «Феникса», втихомолку, верно, подсмеивались над диковинным известием, вызвавшим такое хорошее настроение на берлинской бирже. Ведь выходило, что заказ, миллионный заказ, да еще за американский счет, получило предприятие, которое вообще не производит ни тонны стальных труб и даже не имеет никакой доли участия в производстве труб германским объединением сталелитейных заводов. Следовательно, сплошное шарлатанство» («Berliner Tageblatt», 15.VII.1909).

Следовательно, если г-н Арнольд (*Deutsche Börsen-enquete*, Teil I, S. 444) говорит о спекулятивной деятельности мышления, то это скорее спекуляция на бездеятельности мышления у слушателей. А впрочем и сам он признает случайность и нерегулярность спекуляции, поскольку дело идет о мелких спекулянтах и попутчиках из публики.

спекулянты, которые к тому же с большим или меньшим основанием считаются людьми сведущими. Мелкие спекулянты подражают их спекуляции. Своими обширными закупками крупные спекулянты укрепляют рынок и повышают курсовой уровень, так как их растущий спрос взвинчивает цены. Когда движение в полном разгаре, тогда спрос увеличивается закупками всех тех, кто полагает, будто он идет в свите крупных спекулянтов, и цены продолжают повышаться, хотя участие крупных уже кончилось. Последние могут теперь в зависимости от своих целей или постепенно реализовать свою прибыль, или поддерживать повышенный курс в течение более или менее продолжительного времени. Здесь обладание большим капиталом непосредственно порождает превосходство на рынке, так как само направление рынка определяется способом применения этого капитала. В то время, как в сфере производства выгоды более крупного капитала заключаются в удешевлении производства, следовательно, в понижении цен, здесь изменение цен вызывается непосредственно воздействием капитала. Крупные торговцы ценными бумагами, банки, могут использовать это обстоятельство для того, чтобы придать спекуляции определенное направление. Своим многочисленным клиентам они подают знак покупать или продавать определенные ценные бумаги, и таким образом обычно достигают такого сдвига в соотношении спроса и предложения, какой они предвидели заранее, а это выгодно для них, как всякое предвидение направления спекуляции. Но здесь же обнаруживается важность попутчиков, аутсайдеров или публики. Пусть выигрыши и проигрыши для профессиональной спекуляции взаимно уравниваются. Иначе дело обстоит с большой публикой. Она следует направлению, указанному крупными спекулянтами, и упорствует в этом после того, как последние уже реализовали прибыль и ретировались. Публика же, эти наивные люди, воображает, что именно теперь для нее и наступает момент вкушать от плодов высокой конъюнктуры. На деле же именно им и приходится всегда нести убытки, и при каждом повороте конъюнктуры, даже при каждом повороте в биржевом настроении уплачивать разницу, получение которой и составляет «производительную функцию» спекуляции.

Но хотя спекуляция непродуцительна, хотя она носит характер азартной игры, хотя народное мнение в этом смысле дает ей правильную оценку, все это еще ничего не говорит против *необходимости спекуляции* на базисе капиталистического общества или по меньшей мере в известную эпоху капиталистического развития. Но было бы апологетической уловкой все, что необходимо в капиталистическом обществе, выдавать за производительное. Напротив, капиталистическое производство вследствие своей анархии, вследствие антагонизма между собственниками средств производства и теми, кто их применяет,

вследствие характера распределения делает необходимой огромную сумму издержек и затрат, которые нисколько не увеличивают богатства, отпадут в организованном обществе и в этом смысле непроизводительны¹. Их необходимость в капиталистическом обществе свидетельствует не об их производительности, а только против организации этого общества.

Но спекуляция необходима для того, чтобы биржа могла выполнять свои функции, к ближайшему рассмотрению которых мы теперь и переходим.

2. Функции биржи

В ходе экономического развития функции биржи изменяются. Вначале биржа обслуживает оборот различных сортов денег и векселей. Для этого было необходимо сосредоточение свободных денежных капиталов, которые вкладываются в эти векселя. Позднее биржа превращается в рынок фиктивного капитала. Первоначально он развивается вместе с развитием государственного кредита. Биржа становится рынком для государственных займов. Но переворот производит только превращение промышленного капитала в фиктивный капитал, следовательно, все усиливающееся проникновение акционерного общества в промышленность. С одной стороны, материал, имеющийся в распоряжении биржи, увеличивается быстро и безгранично; с другой стороны, наличие биржи как рынка, во всякое время обладающего способностью к поглощению, является предпосылкой для превращения промышленного капитала в фиктивный и для сведения дивиденда к уровню процента.

С возникновением этого рынка фиктивного капитала появляется возможность спекуляции. В то же время спекуляция необходима для того, чтобы этот рынок всегда был готов к поглощению денежного и фиктивного капитала, создавая тем самым для денежного капитала, как такового, постоянную возможность превращаться в фиктивный капитал и из фиктивного капитала обратно в денежный капитал. В самом деле, так как посредством актов купли и продажи может быть получена дифференциальная прибыль, то это служит постоянной приманкой для возобновления актов купли и продажи и, следовательно, обеспечивает постоянное существование рынка, готового принять капиталы. Важная функция биржи и заключается в создании этого рынка для помещения денежного капитала. Только ею и создается возможность для широкого применения капитала в качестве денежного капитала. Действительно, для того, чтобы капитал мог функционировать как денежный ка-

¹ Относительно понятия производительный труд в узком смысле см. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, М. 1957, стр. 373 и след.

питал, необходимо, во-первых, чтобы он приносил постоянный доход — процент, и во-вторых, чтобы сама основная сумма могла возвратиться обратно, или, если она фактически не возвращается, ее можно было бы во всякое время выручить продажей процентных требований. Только биржа сделала возможной мобилизацию капитала. Юридически эта мобилизация есть не что иное, как превращение и в то же время удвоение права собственности¹. Собственность на действительные средства производства от отдельных лиц переходит к юридическому лицу, которое, правда, представляет совокупность этих отдельных лиц, но отдельные лица как таковые уже не имеют права собственности на имущество юридического лица. Отдельное лицо имеет право только на доход. Собственность, которая некогда знаменовала фактическое, неограниченное распоряжение средствами производства, а, следовательно, и такое же руководство производством, теперь превратилась в простой титул на доход; у отдельного лица отнято право распоряжаться производством. С экономической же точки зрения мобилизация состоит в том, что капиталист получает возможность во всякое время извлечь в денежной форме свой вложенный капитал и перенести его в другие сферы. Чем выше становится органический состав капитала, тем сложнее можно было бы осуществить это перенесение фактическим изменением в материальных элементах вложенного производительного капитала. Тенденция к уравниванию нормы прибыли встречает постоянно растущее сопротивление в возрастающей невозможности извлечь из данной отрасли производства производительный капитал, главный элемент которого составляет основной капитал. Действительное движение к уравниванию совершается лишь постепенно и приблизительно, главным образом путем вложения вновь накапливаемой прибавочной стоимости в отраслях с повышенной нормой прибыли и отказа от новых вложений в отраслях с пониженной нормой. Наоборот, в противоположность норме прибыли норма процента в каждый данный момент одинакова и носит характер всеобщности. Равенство всех капиталов, — а для индивидуальных капиталистов оно заключается не в равенстве сумм стоимости, а в равенстве дохода на равновеликие стоимости — находит себе адекватное выражение лишь во всеобщности и равенстве нормы процента. Безразличие капиталиста к потребительной стоимости, ко всякой конкретной сфере помещения капитала, тот факт, что капитал есть не что иное, как стоимость, высиживающая прибавочную стоимость, что он важен именно только в этом количественном соотношении и является просто титулом прибыли, — это при различиях фактического дохода (прибыли) приводит к различной расценке

¹ По терминологии Карнера (К. Реннера. — Прим. перевод.), здесь совершается функциональное изменение юридического института без одновременного изменения норм. (См. «Marx-Studien», I, S. 81.)

равновеликих стоимостей капитала. Из двух капиталов стоимостью в 100, из которых один приносит прибыль 10, а другой 5, первый оценивается вдвое выше второго. Различие в прибыли, доставляемой индивидуальными капиталами, приводит вследствие стремления индивидуального капиталиста к возможно более высокой прибыли на *свой* капитал, с одной стороны, к конкуренции капиталов из-за сфер применения, создавая тем самым тенденцию к выравниванию норм прибыли (и прежде всего норм прибавочной стоимости), и к образованию общей средней нормы прибыли. С другой стороны, так как это неравенство постоянно воспроизводится и постоянно вызывает движение капиталов, то для индивидуального капиталиста оно постоянно уничтожается оценкой его капитала в соответствии с доходом, капитализированным на основе данного уровня процента. Но, чтобы эта оценка приобрела практическое значение, чтобы капиталисты действительно стали равными как капиталисты, чтобы, наконец, полное равенство всего, что приносит прибыль, осуществилось, этот капитал должен в любое время иметь возможность реализации в соответствии с указанным масштабом оценки, и притом реализации в общественно значимой форме — в деньгах. Только тогда осуществится равенство нормы прибыли для каждого индивидуального капиталиста. Это осуществление есть в то же время выворачивание наизнанку фактических отношений. Капитал уже не представляется определенной величиной, которой определяется величина прибыли. Напротив, прибыль выступает фиксированной в качестве определенной величины, и по ней определяется величина капитала, способ определения, получающий при учреждении акционерного общества практическую реализацию, делающий возможным получение учредительской прибыли и определяющий ее уровень. Действительные отношения представляются поставленными наголову. Что же удивительного в том, что тем экономистам, которые взирают на экономические отношения глазами биржевиков, описание действительных отношений представляется, наоборот, извращением!

Итак, равенство всех капиталов реализуется в оценке их по их доходности. Но оцениваемые таким образом капиталы реализуются и, следовательно, превращаются в действительность только на бирже, на этом рынке титулов капитализированного процента, на рынке фиктивного капитала. Внутренняя закономерность капитализма, его потребность все стоимости, имеющиеся в обществе, поставить в качестве капитала на службу класса капиталистов и доставить каждой части капитала равный доход, приводит к мобилизации капитала, а вместе с тем к оценке его просто как капитала, приносящего проценты. Так биржа выполняет функцию сделать возможной эту мобилизацию, создавая место для перенесения капитала и механизм этого перенесения.

Мобилизация капитала в растущей степени превращает капиталистическую собственность в свидетельство на доход и таким образом делает капиталистический процесс производства все более независимым от движения капиталистической собственности. В самом деле, происходящая на бирже торговля этими титулами дохода означает перенесение собственности. Но это перенесение собственности может осуществляться теперь независимо от движения производства, не оказывая на него никакого влияния. Движение собственности приобретает теперь самостоятельный характер и уже не определяется производственными процессами. Раньше движение собственности означало в то же время и перенесение функции капиталистического предпринимателя, а, с другой стороны, передача предпринимательской функции обуславливала передачу собственности; теперь этого нет. Раньше главной причиной изменений в распределении собственности были изменения в результатах производства, распределение собственности было продуктом промышленной конкуренции. Теперь к этим причинам, продолжающим свое действие, присоединяются новые, которые обуславливаются механизмом обращения процентных титулов и могут вызывать движения собственности, никак не влияющие на производство, подобно тому как они сами возникли независимо от изменения в производственных отношениях.

При обращении товаров передача потребительных стоимостей и передача собственности идут рука об руку. При простом товарном производстве передача потребительных стоимостей представляется самым существенным, она дает стимул процессу передачи собственности. Последний представляется только средством для того, чтобы осуществить передачу потребительных стоимостей; мотивом, определяющим производство, все еще остается потребительная стоимость, удовлетворение потребностей. При капиталистическом товарном обращении обращение потребительных стоимостей означает в то же время реализацию прибыли, которая возникает в производстве и является стимулом экономической деятельности. Притом в капиталистическом обществе передача капиталисту товара рабочая сила означает увеличение капиталистической собственности посредством создания прибавочной стоимости. При обращении ценных бумаг дело идет о передаче собственности, обращении простых титулов собственности, не сопровождающемся одновременной передачей потребительных стоимостей. Здесь капиталистическая собственность утратила всякую непосредственную связь с потребительной стоимостью. Рынком для этого *обращения собственности как таковой* является биржа.

Сама мобилизация, уже само по себе создание фиктивного капитала является важной причиной возникновения капиталистической собственности вне производственного процесса. Если раньше капиталистическая собственность возникала в основ-

ном посредством накопления прибыли, то теперь создание фиктивного капитала открывает возможность учредительской прибыли. Тем самым крупная часть [предпринимательской] прибыли переходит в руки концентрированных денежных сил, которые только и могут придать промышленному капиталу форму фиктивного капитала. Но прибыль эта притекает к ним не так, как дивиденды к акционерам, не как ежегодные, раздробленные доходы. Она притекает капитализированная в виде учредительской прибыли в относительно и абсолютно крупной сумме, которая может тотчас же функционировать в денежной форме как новый капитал. Так всякое новое предприятие с самого начала платит дань своим учредителям, которые ничего не сделали для него и которым, может случиться, никогда не будет до него никакого касательства. Это — процесс, который вновь концентрирует крупные денежные суммы в руках крупных денежных сил.

На бирже тоже идет процесс концентрации собственности, который протекает независимо от процесса концентрации в промышленности. Крупные капиталисты знакомы с ходом дела в акционерных обществах, имеют общее представление о том, к каким результатам придет предприятие, и потому могут предусмотреть направление в движении курсов. Опираясь на силу своего крупного капитала, они могут также соответствующими покупками и продажами сами повлиять на движение курса и извлечь из этого соответствующую прибыль. Далее, опираясь на мощь своего капитала, они могут также позволить себе интервенцию, за которую им же потом расточаются такие хвалы; могут покупать бумаги в период кризиса или паники, чтобы потом, когда опять восстановятся нормальные условия, продавать с прибылью¹. Словом, именно они знают толк в

¹ Может быть, наиболее значительным примером для новейшего времени является поглощение «Тенесси стил энд коэл компани» во время осенней паники 1907 г. Стальным трестом, для которого эта компания была серьезнейшим конкурентом. Одно возмущенно негодующее перо пишет об этом в «Берлинер тагблатт» от 17 ноября 1907 г.: «С хорошо осведомленной стороны теперь подтверждается, что посланные несколько дней тому назад в Вашингтон два представителя Дж. Пирпонта Моргана — Е. Х. Джери (Стальной трест) и Х. С. Фрик — поставили президенту Рузвельту следующий ультиматум: или он должен спокойно предоставить тресту Моргана поглотить «Тенесси стил энд коэл компани» и дать обещание, что правительство не примет никаких предупредительных мер, предусматриваемых существующим законодательством против трестов, или же придется пережить ужаснейшую панику из всех, какие только разыгрывались в стране, и все банки, вероятно, прекратят платежи.

Это огнестрельное оружие, дерзко направленное против президента в наиболее острый и грозный момент экономической катастрофы, разумется, не приминуло оказать свое действие. Президент, подчиняясь необходимости, вынужден был склониться перед биржей. Он был грубо принужден отречься от своих священных обязанностей первого государственного чиновника и пренебречь существующими законами. Высшая исполнительная власть была обезврежена — бравый Морган за «спасение» треста «Компания Америка» и треста «Компания Линкольна» (так иронически автор статьи называет США и их пра-

деле, а «все колебания в хозяйственной жизни выгодны тем, кто знает в этом толк», как уверял комитет верхней палаты еще лукавый банкир Сэмюель Гарней¹.

Для функции биржи — посредством превращения в фиктивный капитал придавать промышленному капиталу такой характер, что для индивидуального капиталиста он становится денежным капиталом, — существенное значение имеет величина рынка, потому что ведь денежный характер капитала зависит от того, насколько возможно в любое время действительно и без крупных потерь на курсе продать акции и облигации. Отсюда тенденции к максимально возможной концентрации всех операций на одном единственном рынке. Так банковые и биржевые операции все более концентрируются в главном центре экономической жизни, в главном городе страны, значение же провинциальных бирж все более падает. В Германии берлинская биржа далеко превосходит все остальные. Кроме Берлина имеют еще значение биржи в Гамбурге и Франкфурте, но и их значение падает.

В то время как для мелкобуржуазной теории акции значе- нуют «демократизацию капитала», мелкобуржуазная прак- тика — и это все же разумнее — обладание акциями старается предоставить исключительно капиталистам. Представители крупнокапиталистической практики любезно присоединяются к мелкобуржуазным предостережениям в приятном сознании, что они не слишком-то помогут. «Кому нужен постоянный про- цент для существования, — полагает эксперт Арнольд, — тот не должен покупать акции»².

Колеблющаяся доходность акции, говорится дальше, для того, кто нуждается в своих процентах для существования, по- служит лишь источником потерь капитала, ибо высокие диви- денды обычно приводят его к расширению своего бюджета; вы- соким курсом он не пользуется для продажи, а продает, как правило, лишь тогда, когда встревожен низкими дивидендами и низким курсом (а он неизбежно тревожится, потому что он незнаком с действительным положением предприятия, и по- тому вынужден верить курсу, т. е. «приговору» биржи), или когда будет вынужден продавать по каким-либо иным при- чинам.

вительство. — *Ред.*) мог теперь получить для своего Стального треста монопо- лию в Соединенных Штатах на железо и сталь. Через несколько дней ему в его спасательной деятельности удался новый фокус: он взял «Морсис кост- вайс стимшип комбинейшен».

Это характеризует современное положение республики Соединенные Штаты Америки, основанной такими бескорыстными патриотами, как Георг Вашингтон, Бенджамен Франклин, Джефферсон и другие выдающиеся люди».

¹ См. *К. Маркс, Капитал*, т. III, стр. 433.

² *Stenographischer Bericht der deutschen Börsenenquête*, 1893, I, S. 190.

3. Биржевые операции

Биржевые операции суть операции купли и продажи, существенно отличающиеся от других сделок только товаром, которым здесь торгуют, а не способом, каким производится торговля. Не техника операций, а их содержание имеет решающее экономическое значение, и описание этих технических частностей должно войти скорее в руководство для купцов-практиков, чем в теоретическую работу. Способ совершения сделок лишь постольку имеет общее значение и представляет интерес, поскольку он облегчает достижение известных результатов, вытекающих из содержания этих сделок.

Своеобразные постановления относительно совершения биржевых сделок — биржевые узанции [обычаи] — преследуют прежде всего следующие цели: они должны сделать возможным широчайшее использование кредита, ограничить размеры риска и максимально ускорить обороты.

Использование кредита в самых широких масштабах становится возможным уже благодаря природе тех «товаров», которыми производится торговля. Это, прежде всего, свидетельства на деньги, либо непосредственные, как векселя и т. п., либо косвенные, как, например, свидетельство на прибыль. В качестве таких свидетельств на деньги все биржевые ценности равны между собой, однородны, и отличаются друг от друга только количественно. Так называемые качественные отличия биржевых бумаг, например, бумаг с фиксированным процентом от акций, или различия в солидности бумаг биржевая торговля также постоянно превращает в количественные различия и не дает им какого-либо иного выражения, кроме различий в оценке. Но различия в ценах объясняются здесь иначе, чем различия в качестве одного и того же товара; они объясняются не различиями в издержках производства, а вытекают исключительно из различий в соотношении спроса и предложения. Если, например, сахарная акция и железнодорожная акция приносят одинаковый доход, то курс железнодорожной акции может оказаться выше потому только, что на железнодорожные акции покупателей больше, так как они, по мнению покупателей, обещают более устойчивый доход. Качественное различие, надежность дохода нашло количественное выражение в различиях курса. Эта взаимозаменяемость биржевых ценностей приводит к тому, что большая часть операций купли и продажи завершается взаимными компенсациями, и уплатой разницы остается покрыть лишь небольшую часть. Таким образом, с заключением сделки связывается одновременно кредитование, деньги функционируют исключительно как счетные деньги, и для уплаты наличными требуется лишь небольшая сумма. Для того же, чтобы свести платежи наличными к возможному минимуму, существуют особые

учреждения для компенсации требований, возникающих из операций купли и продажи¹. Но для этого необходимо, чтобы цены, по которым заключены биржевые сделки, были известны; поэтому курс устанавливается публично. И только это публичное установление курса позволяет бирже выполнять ее функцию быть рынком, на котором в любое время можно произвести торговые сделки с биржевыми ценностями по определенной цене. Так как здесь, следовательно, устанавливается цена, которую можно реализовать в тот или иной момент, то и другая форма кредитования, собственно ссуды, в противоположность прежней форме платежных компенсаций, существенно облегчается, потому что кредитующий точно знает цену того объекта, под который дана ссуда. Спекулянт закладывает у денежного капиталиста бумаги, которые он оплатил занятыми деньгами. Так возникает одновременно новый и надежный способ применения денежного капитала, приносящего проценты: прием в залог биржевых бумаг.

Кредит позволяет спекулянту использовать даже незначительные колебания цен. Он может расширить свои операции далеко за пределы своего собственного имущества, и, благодаря размерам операций, даже незначительные колебания цены приносят крупные барыши.

Наоборот, по той причине, что кредит позволяет спекуляции расширить свои сделки и в любое время использовать состояние рынка, она приводит к уменьшению колебания цен, спекулятивные операции постоянно сопровождаются контр-операциями. Следует также отметить, что пользование кредитом усиливает превосходство крупного спекулянта; мощь его состояния во много раз увеличивается использованием кредита, который возрастает значительно быстрее, чем собственное имущество.

Следующей особенностью биржевых сделок является быстрота, с которой они заключаются, и которая обуславливает некоторую их бесформенность. По существу, быстрота эта возникает из стремления спекуляции использовать небольшие, непродолжительные колебания цен. При быстрых изменениях в соотношении спроса и предложения и при быстрых изменениях курса максимально возможное ускорение заключения сделок имеет большое значение. Ведь всякий поворот на бирже означает для спекулянта возможность новых операций, новых прибылей от изменения курса; поэтому изгоняется всякая расто-

¹ Так, в Лондоне «с 1874 г. существует разменная контора, которая по мере возможности компенсирует все обороты важнейших ценных бумаг, так что чек приходится выдавать лишь на какой-нибудь остаток. Результат оборотов на фондовой бирже таков, что чеками оплачивается до 10% их общей суммы, а 90% взаимных обязательств погашаются простым сопоставлением» (*Jaffé*, *op. cit.*, S. 95). Подобные учреждения существуют также и в других биржевых пунктах.

чающая время формалистика; здесь для многих «время — деньги» в буквальном значении этих слов. Отсюда антипатия ко всяким законодательным установлениям сроков, ко всякому законодательному вмешательству вообще, потому что оно всегда приводит к расточению времени.

Выгода кредита активнее всего утилизируется торговлей на срок [*Terminhandel*]. Операциями на срок выполнение всех сделок отодвигается на один и тот же момент. Так как эти сделки заключаются прежде всего спекулянтами, то здесь противостоят акты купли и продажи, наибольшая часть которых взаимно компенсируется. Деньги необходимы только на покрытие разницы (да и эти платежи совершаются в значительной части посредством кредитных денег или записей по банковым книгам) или на покрытие односторонних покупок или продаж. Но такие односторонние сделки незначительны по объему в сравнении с огромной массой взаимно компенсирующихся операций. Кредит и здесь оказывает свое действие, расширяя рынок. Торговля на срок допускает огромное расширение операций. Бумаги, продаваемые на срок, в любое время находят для себя рынок, поэтому становится в любое время возможным куплей или продажей положить конец своей спекуляции, реализовать свою прибыль или поставить предел убыткам, исключая периоды катастрофических потрясений рынка. Далее, так как при спекуляции на срок важно получить не ценные бумаги, а извлечь дифференциальную прибыль, и так как бумаги можно в любое время продать, то размеры сделок определяются не ценой бумаг, а исключительно величиной той разницы, которая может получиться в результате спекуляции. В то же время действительно существующие, обретающиеся на рынке бумаги необходимы лишь постольку, поскольку спекулятивные сделки — купля и продажа — взаимно не компенсируются. Следовательно, величина заключаемых сделок независима и от цены тех бумаг, которые действительно имеются на рынке и может во много раз превышать эту сумму. В то же время типичные особенности операций наиболее совершенным образом обеспечивают быстроту их выполнения.

Весьма значительное упрощение рынка на срок, более широкая возможность взаимных компенсаций уменьшают тот капитал, который необходим для участия в спекуляции. Тем самым расширяется круг лиц, которые могут участвовать в спекуляции, и увеличивается размер отдельных сделок. Рынок на срок становится шире кассового рынка. При этом для поддержания и продолжения спекуляции он поглощает меньше средств, и потому с меньшей интенсивностью воздействует на процент на капитал, предоставленный в распоряжение спекуляции. Но так как спекуляция всегда в значительной степени ведется при помощи заемного капитала, и так как процент, уплачиваемый на этот капитал, оказывает определяющее влия-

ние на дальнейшее ведение спекуляции, то рынок на срок в общем обнаруживает тенденцию к продолжению спекуляции. Это большее постоянство ведет в свою очередь к тому, что изменения в соотношении спроса и предложения незначительны и тем самым незначительны колебания курса. И в то же время, при крупном размере сделок, достаточно даже самых ничтожных колебаний для того, чтобы у спекулянтов появилось стремление действовать. В этом направлении влияет и то обстоятельство, что торговля на срок открывает также возможность продажи ценных бумаг со спекулятивными целями, что лучше противодействует одностороннему увеличению предложения, чем условия на кассовом рынке¹.

Торговля на срок дает возможность уже теперь, по заранее установленным курсам вложить капиталы, срок получения которых наступает лишь позднее, или же заранее на благоприятных условиях достать капиталы, которые потребуются лишь в позднейшее время. К этому еще присоединяется упомянутое выше расширение рынка, вызываемое торговлей на срок благодаря легкости получения кредита и заключения сделок. Емкость рынка на срок шире, чем кассового рынка. Таким образом, торговля на срок облегчает и эмиссионную деятельность; эмиссионные учреждения могут постепенно, не вызывая понижения курса, распродавать свои запасы². Торговля на срок является также готовой формой и для функционирования арбитража, для уравнивания курсовых разниц в различных биржевых пунктах.

Для спекуляции требуется известный запас бумаг, которыми она располагает для своих целей. Если большая часть известных бумаг попала в «крепкие» руки, т. е. надолго извлечена с рынка, послужила для длительного помещения денежного капитала, то она непригодна для спекуляции. Точно так же и бумаги, общая сумма которых невелика, неподходящий объект для спекуляции. Мелкие акты купли и продажи могут оказать очень сильное влияние на курсовой уровень, давая

¹ «Формы биржевых операций важны, однако, не только для выяснения цен. Условия заключения и завершения биржевых операций — нечто большее, чем просто технико-юридические вспомогательные средства биржевых оборотов. Это — также факторы самого ценообразования, которые не приходится игнорировать, хотя бы решающее значение имели в последнем счете потребность и запас, предложение и спрос. Продается ли наличная ценная бумага или товар, или же сделка заключается на срок, на более или менее продолжительный срок, в каких окончательных единицах, в каком типе товара, в какой биржевой группе: в кулисе или собственно на бирже, — все эти и другие формальные обстоятельства являются очень важными моментами не только для правильного выяснения цен, но и для образования их. И всякое изменение в этих условиях оказывает влияние на кривую, по которой на организованном рынке цены движутся во времени» («Zeitschrift für Volkswohlfahrt, Sozialpolitik und Verwaltung» Bd. XI, 1902, S. 36).

² Deutsche Börsen-enquete, I, Bericht der Kommission, S. 75 и след.

чающая время формалистика; здесь для многих «время — деньги» в буквальном значении этих слов. Отсюда антипатия ко всяким законодательным установлениям сроков, ко всякому законодательному вмешательству вообще, потому что оно всегда приводит к расточению времени.

Выгода кредита активнее всего утилизируется торговлей на срок [*Terminhandel*]. Операциями на срок выполнение всех сделок отодвигается на один и тот же момент. Так как эти сделки заключаются прежде всего спекулянтами, то здесь противостоят акты купли и продажи, наибольшая часть которых взаимно компенсируется. Деньги необходимы только на покрытие разницы (да и эти платежи совершаются в значительной части посредством кредитных денег или записей по банковым книгам) или на покрытие односторонних покупок или продаж. Но такие односторонние сделки незначительны по объему в сравнении с огромной массой взаимно компенсирующихся операций. Кредит и здесь оказывает свое действие, расширяя рынок. Торговля на срок допускает огромное расширение операций. Бумаги, продаваемые на срок, в любое время находят для себя рынок, поэтому становится в любое время возможным куплей или продажей положить конец своей спекуляции, реализовать свою прибыль или поставить предел убыткам, исключая периоды катастрофических потрясений рынка. Далее, так как при спекуляции на срок важно получить не ценные бумаги, а извлечь дифференциальную прибыль, и так как бумаги можно в любое время продать, то размеры сделок определяются не ценой бумаг, а исключительно величиной той разницы, которая может получиться в результате спекуляции. В то же время действительно существующие, обретающиеся на рынке бумаги необходимы лишь постольку, поскольку спекулятивные сделки — купля и продажа — взаимно не компенсируются. Следовательно, величина заключаемых сделок независима и от цены тех бумаг, которые действительно имеются на рынке и может во много раз превышать эту сумму. В то же время типичные особенности операций наиболее совершенным образом обеспечивают быстроту их выполнения.

Весьма значительное упрощение рынка на срок, более широкая возможность взаимных компенсаций уменьшают тот капитал, который необходим для участия в спекуляции. Тем самым расширяется круг лиц, которые могут участвовать в спекуляции, и увеличивается размер отдельных сделок. Рынок на срок становится шире кассового рынка. При этом для поддержания и продолжения спекуляции он поглощает меньше средств, и потому с меньшей интенсивностью воздействует на процент на капитал, предоставленный в распоряжение спекуляции. Но так как спекуляция всегда в значительной степени ведется при помощи заемного капитала, и так как процент, уплачиваемый на этот капитал, оказывает определяющее влия-

ние на дальнейшее ведение спекуляции, то рынок на срок в общем обнаруживает тенденцию к продолжению спекуляции. Это большее постоянство ведет в свою очередь к тому, что изменения в соотношении спроса и предложения незначительны и тем самым незначительны колебания курса. И в то же время, при крупном размере сделок, достаточно даже самых ничтожных колебаний для того, чтобы у спекулянтов появилось стремление действовать. В этом направлении влияет и то обстоятельство, что торговля на срок открывает также возможность продажи ценных бумаг со спекулятивными целями, что лучше противодействует одностороннему увеличению предложения, чем условия на кассовом рынке¹.

Торговля на срок дает возможность уже теперь, по заранее установленным курсам вложить капиталы, срок получения которых наступает лишь позднее, или же заранее на благоприятных условиях достать капиталы, которые потребуются лишь в позднейшее время. К этому еще присоединяется упомянутое выше расширение рынка, вызываемое торговлей на срок благодаря легкости получения кредита и заключения сделок. Емкость рынка на срок шире, чем кассового рынка. Таким образом, торговля на срок облегчает и эмиссионную деятельность; эмиссионные учреждения могут постепенно, не вызывая понижения курса, распродавать свои запасы². Торговля на срок является также готовой формой и для функционирования арбитража, для уравнивания курсовых разниц в различных биржевых пунктах.

Для спекуляции требуется известный запас бумаг, которыми она располагает для своих целей. Если большая часть известных бумаг попала в «крепкие» руки, т. е. надолго извлечена с рынка, послужила для длительного помещения денежного капитала, то она непригодна для спекуляции. Точно так же и бумаги, общая сумма которых невелика, неподходящий объект для спекуляции. Мелкие акты купли и продажи могут оказать очень сильное влияние на курсовой уровень, давая

¹ «Формы биржевых операций важны, однако, не только для выяснения цен. Условия заключения и завершения биржевых операций — нечто большее, чем просто технико-юридические вспомогательные средства биржевых оборотов. Это — также факторы самого ценообразования, которые не приходится игнорировать, хотя бы решающее значение имели в последнем счете потребность и запас, предложение и спрос. Продается ли наличная ценная бумага или товар, или же сделка заключается на срок, на более или менее продолжительный срок, в каких окончательных единицах, в каком типе товара, в какой биржевой группе — в кулисе или собственно на бирже, — все эти и другие формальные обстоятельства являются очень важными моментами не только для правильного выяснения цен, но и для образования их. И всякое изменение в этих условиях оказывает влияние на кривую, по которой на организованном рынке цены движутся во времени» («Zeitschrift für Volkswohlfahrt, Sozialpolitik und Verwaltung» Bd. XI, 1902, S. 36).

² Deutsche Börsenenquête, I, Bericht der Kommission, S. 75 и след.

немногим отдельным капиталистам возможность скупить весь «материал» и диктовать контрспекулянтам монопольные цены. Спекуляция предполагает как раз обширный рынок, не слишком легко поддающийся подчинению; монополия означает смерть спекуляции.

Со спекулятивными сделками, как мы видели, всегда связаны кредитные сделки. При спекуляции ставится на карту не вся сумма курсовой стоимости закупленных бумаг, а только сумма возможных курсовых изменений. При кредите под залог бумаг можно идти до такой суммы, чтобы были покрыты курсовые изменения. Если, например, курс бумаги, подверженной относительно небольшим колебаниям, составляет 110, то спекулянт в любое время может получить под залог этой бумаги примерно 90, и ему самому остается авансировать всего 20.

Эта форма кредитования — обычный способ, которым биржевые комиссионные предприятия, банкиры и банки пользуются для того, чтобы предоставить своим клиентам возможность участия в биржевых операциях. Отказ в этом кредите или его ограничение служат излюбленным средством для того, чтобы этих клиентов «выбросить из участия в заключении сделок», сделать для них невозможным продолжение спекуляции, принудить их к распродаже бумаг по какой бы то ни было цене и этим внезапным предложением свалить курс. И в этом же кредиторы находят средство для того, чтобы купить эти бумаги по дешевым ценам. Следовательно, кредитование и здесь является средством экспроприации мелких должников.

Иначе регулируется кредитование собственно крупной спекуляции. Здесь спекулянты добывают необходимые для себя деньги посредством репорта. С формальной стороны репортная сделка сводится к операциям купли и продажи. Если спекулянт на повышение хочет удержать у себя бумаги далее ультимо до известного срока, так как надеется на дальнейшее повышение курса, то он продает эти бумаги денежному капиталисту и в ближайший срок выкупает их обратно. В разнице между продажной и покупной ценой заключается процент на деньги, ссуженные денежным капиталистом. Однако это только номинально, фактически же денежный капиталист просто взял бумаги на это определенное время и заместил спекулянта. Но от последнего он отличается тем, что не берет на себя никакого риска, не претендует и на спекулятивную прибыль, а просто вкладывает свои деньги на это время и реализует на них процент. Здесь важна сама форма, в которой производится это авансирование. Благодаря тому, что кредитная сделка приобретает здесь форму купли, собственность на бумаги в промежуточное время переходит к кредитору. Последний поэтому может располагать бумагами в промежуточное время по своему усмотрению. Это становится важным, когда

дело идет о промышленных акциях. Банк может быть заинтересован в том, чтобы ко времени общего собрания, опираясь на владение большим количеством акций, обеспечить себе решающее влияние на постановления этого собрания. Репорт дает ему возможность приобретать акции на короткое время и таким образом подчинять себе акционерное общество. Облегчая репорт понижением репортных ставок, банк без труда может получить бумаги от спекулянтов. Обыкновенно банки взаимно поддерживают друг друга и на известное время устраняют конкуренцию из-за репорта той или иной определенной бумаги¹. Вследствие этого акции начинают выполнять как бы двоякого рода функции. С одной стороны, они служат объектом спекуляции и основой ее дифференциальной прибыли. Но, с другой стороны, они дают банкам возможность добиться господствующего положения в акционерных обществах и провести свою волю на общих собраниях, причем им не приходится надолго закреплять свои деньги в соответствующих акциях².

При прочих равных условиях размеры биржевой спекуляции существенно зависят от количества денег, имеющихсЯ в распоряжении спекулянтов. В самом деле, сколько оборотов сделают бумаги, не зависит от количества имеющихсЯ бумаг, а каждый из этих оборотов приносит дифференциальную прибыль. Отсюда — влияние на биржевую спекуляцию банков, которые, открывая или закрывая кредит, серьезно воздействуют на размеры спекуляции. Наибольшие требования к кредиту предъявляются репортными операциями. В них обыкновенно вкладываются значительные текущие капиталы³, и этот спо-

¹ Здесь могут преследоваться и другие цели. «Банки на континенте нередко ведут особую репортную политику. Случается, например, что банки, подготавливая крупную эмиссионную операцию, понижают репорт, чтобы вызвать настроение на повышение; ведь убытки, которые они могут понести от этого, компенсируются курсовым выигрышем от эмиссии» (*Philippovich, Grundriß der politischen Ökonomie, Bd. II, Teil 2, S. 181*).

² Сравни *Deutsche Börsenenquête, III, S. 1930*, показание эксперта Кёнига. Он считает торговлю на срок нежелательной для промышленности и так обосновывает свои воззрения: «Все эти бумаги, которыми оперирует торговля на срок, потоком протекают по бирже и большей частью находятся в руках тех, у кого нет прочного интереса к самому делу, а имеется интерес только к акциям, но не к предприятиям как к предприятиям, и кто заинтересован исключительно в том, чтобы то снизить курс акций, то поднимать его. При разных способах, которые имеются к услугам торговли на срок, чрезвычайно легко для кое-кого оказывать воздействие на предприятия. Посредством репорта он обеспечивает себе большое количество акций к ультимо того месяца, когда должно состояться общее собрание. Он выступает как собственник нескольких миллионов акций, которые принадлежат вовсе не ему, внезапно выступает перед солидными акционерами, которые ни о чем не догадываются. Они сразу подвергаются неожиданному нападению, им преподносятся такие милые вещи, которых они и не предчувствовали».

³ См. показание Мейера (*Börsenenquête, Bd. II, S. 1608*), который объясняет сильное развитие в Англии сделок на срок тем, что там к услугам репортных операций в любое время имеются значительные текущие капиталы.

соб помещения оказывает влияние на уровень процента за кредит на сутки и — в периоды малой подвижности денег — на дисконтные ставки, а вместе с тем и на движение золота. Следовательно, ограничивая кредит, банки могут непосредственно воздействовать на уровень процента. И это тем более, что размеры кредита в большой степени зависят от усмотрения банка. Здесь речь идет о чисто финансовых операциях, которые, состоятся они или нет, не оказывают решающего влияния на ход народного хозяйства. Иначе обстоит дело с кредитом торговым и промышленным капиталистам: там внезапное и преувеличенное ограничение кредита или отказ в нем неизбежно ведет к краху и острейшему кризису.

С развитием банков изменяется структура торговли ценными бумагами. Сначала банкир — просто комиссионер, выполняющий операции за своего клиента. Но чем больше растет у банка мощь капитала и заинтересованность в курсе акций, тем более переходит он к торговле за собственный счет. Значительная часть оборотов совершается уже теперь не на бирже. Банк уравнивает взаимные требования, с которыми к нему обращаются его клиенты, и только на ту сумму, которая не компенсируется, приобретает на бирже или покрывает ее из собственных запасов. Следовательно, до известной степени от усмотрения банка зависит, на какие суммы совершит он покупки и продажи на бирже. Это дает банку возможность воздействовать на движение курса. Так, банк перестает быть простым посредником в торговле фондами и ведет собственную торговлю. «Фактически банковое дело в настоящее время уже не комиссионное дело, а торговля за собственный счет»¹.

В то же время крупный банк отнимает у биржи часть ее функций и сам становится рынком ценных бумаг; бирже передается только остаток, который не компенсируется в банках². «Крупный банк в самом себе представляет такое количество

¹ Börsenenquete, Bd. I, S. 347. Показание Арнольда.

² Сравним, например, следующие заявления «выдающегося члена берлинского банкирского мира», которые воспроизводит «Берлинер тагеблатт» от 25 февраля 1908 г.: «Не забывайте, что в официальных бюллетенях отмечается лишь относительно ничтожная часть общих оборотов. Концентрация в германском банковом деле привела к тому, что крупная часть ордеров на куплю и продажу компенсируется в бюро крупных банков. На берлинской бирже остается регулировать только «вершки»»

Аналогичное явление в Австрии. На общем собрании венского «Жиро-унд кассенферейна» один акционер жаловался: «Вследствие того, что коммерческая жизнь монархии все более концентрируется в банках, так что все относительно слабые частные фирмы вынуждены были исчезнуть, биржевой оборот в очень многих случаях совсем не нуждается в посредничестве расчетных бюро. Всякий банк — расчетное и кассовое учреждение без накладных расходов и чиновников. Расчет операций с фондами в банках связан с сокращением посреднической деятельности «Жиро-унд кассенферейна» («Neue Freie Presse», 1. II. 1905).

спроса и предложения, какое раньше можно было встретить только на значительной бирже»¹.

По мере того, как концентрация банковского дела прогрессирует, власть крупных банков над биржей чрезвычайно усиливается, в особенности в периоды, когда участие широкой публики в биржевых спекуляциях сравнительно слабое. «Судя по тому, как развиваются отношения на бирже, в настоящее время следует говорить не о тенденции биржи, а несравненно больше о тенденции в развитии крупных банков, потому что они все более превращают биржу в зависимый от них инструмент и по своему усмотрению направляют ее движение. Прошлой весной много говорили о том, как неблагоприятный прогноз относительно ожидаемой конъюнктуры, исходивший от одного крупного банка, дал внешний толчок тогдашнему внезапному падению курсов, внутренние причины которого, конечно, лежали намного глубже; точно так же на этой неделе, наоборот, поощрения и попытки успокоения, исходившие от *Haute-banque*, привели к тому, что настроение на бирже изменилось и, если раньше биржа реагировала только на неблагоприятные моменты, теперь она стала чувствительной и к благоприятным моментам»².

Это сильное влияние на движение курсов увеличивается еще тем, что банки в результате своих крепнущих связей с промышленностью близко знакомы с положением отдельных предприятий, предвидят их доходность и при известных обстоятельствах могут влиять на нее по своему желанию. Все эти моменты позволяют банкам оперировать в своих спекуляциях с большей уверенностью.

С таким развитием банков, естественно, связан упадок значения бирж³.

¹ «*Berliner Jahrbuch für Handel und Industrie*», 1905.

² «*Frankfurter Zeitung*», 21.VI.1907.

³ Так, «*Франкфуртер цейтунг*» писала 28 января 1907 г.:

«О действительной ликвидации ультимо в настоящее время едва ли может быть речь. Правда, все еще сообщают о ставках за пролонгацию, но большинство отсрочек регулируется в крупных банках, которые могут назначить и свои собственные ставки. Об уровне текущих сделок на срок вообще нельзя составить представления, потому что, как сказано в биржевой ликвидации регистрируется лишь наименьшая часть всех сделок на срок».

Несколько иначе обстоит дело с иностранными биржами. Например, нью-йоркская биржа, как средство перемещения собственности, т. е. экспроприации, имеет более крупное значение, чем европейские биржи. Здесь в связи с биржевой техникой оказывает влияние и своеобразный строй денежной системы. Нью-йоркская биржа знает только кассовые операции такого рода, при которых приходится регулировать ежедневно. Благодаря этому при сильных изменениях курса, в особенности, если они совершаются в одном и том же направлении, возникает сильный спрос на деньги. Если денежный рынок в напряженном состоянии, то американское законодательство о банкнотах при его недостаточной эластичности является превосходнейшим средством для того, чтобы создавать выходящий за нормальные рамки уровень процента, непосиль-

На бирже капиталистическая собственность выступает в своей чистой форме как титул дохода, в который непостижимо превратилось отношение эксплуатации, присвоение прибавочного труда. Собственность перестает выражать определенное производственное отношение и становится свидетельством на доход, которое кажется совершенно не связанным с какой бы то ни было деятельностью. Собственность отрешается от всякого отношения к производству, к потребительной стоимости. Представляется, что стоимость всякой собственности определяется стоимостью дохода, отношение чисто количественное. Число — все, вещь — ничто. Только число есть действительность, а так как действительность — отнюдь не число, то взаимная связь становится столь же мистической, как вера пифагорейцев. Всякая собственность есть капитал, и несобственность, долги, как показывает всякий государственный заем, тоже суть капитал, и всякие капиталы равны и воплощаются в клочках печатной бумаги, которые повышаются и понижаются на бирже. Действительное образование стоимости является процессом, который остается совершенно отрешенным от сферы собственников и совершенно загадочным образом определяет их собственность.

Кажется, что величина собственности не имеет никакой связи с трудом. Если уже в норме прибыли непосредственная связь между трудом и доходностью капитала замаскирована, то вполне замаскированной становится она, когда речь идет об уровне процента. Кажущееся превращение всего капитала в капитал, приносящий проценты, вместе с которым появляются формы фиктивного капитала, совершенно уничтожает последние остатки ясности во взаимосвязи явлений. Представляется абсурдным отыскивать связь между трудом и процентом, который постоянно изменяется и, действительно, может изменяться независимо от непосредственных явлений в сфере производства. Процент представляется результатом собственности на капитал, — собственности как таковой, — представляется *тождеством*, плодом капитала, одаренного производительностью. Процент изменчив, неопределен, — но вместе с ним изменяется «стоимость собственности», эта извращенная категория. Эта стоимость является столь же загадочной, непреодолимой, как будущее. Кажется, как будто простое течение времени приносит процент, — и Бем-Баверк из этой призрачности создает свою теорию процента на капитал.

ный для мелких спекулянтов. Для крупных кредиторов, денежных капиталистов наступает момент, когда они могут «вышвырнуть из спекуляции» мелких спекулянтов и, пользуясь принудительной ликвидацией, дешево приобрести бумаги.

ТОВАРНАЯ БИРЖА

Биржа — родина торговли фондами. Вместе с ней развиваются фондовые банки, которые, с одной стороны, являются конкурентами биржи, а с другой — пользуются биржей как органом, играющим роль посредствующего звена. Для торговли фондами сделки на срок несущественны, они облегчают, ее, но не оказывают решающего влияния на уровень цены. Иначе обстоит дело с биржевой торговлей товарами¹.

На фондовой бирже совершаются обороты с ценными бумагами; эти обороты выполняют функцию мобилизации капитала. При продаже акций для индивидуального капиталиста совершается обратное превращение фиктивного капитала (который в свое время был превращен в промышленный капитал) в денежный капитал. Это — обороты особого свойства, не имеющие с торговлей товарами ничего общего, кроме формы купли-продажи, этой всеобщей экономической формы перемещения стоимостей и собственности. Совершенно иной характер носит торговля товарами. Здесь совершается *реализация* той промышленной и торговой прибыли, которая создана в производстве; в то же время посредством обращения товаров осуществляется обмен веществ в обществе. Следовательно, товарная биржа и фондовая биржа уже с самого начала отличаются друг от друга, как товар и ценная бумага. Их смешение в качестве «биржи» неизбежно приводит к путанице, если игнорируется это коренное различие и к тому же еще отождествляются спекуляция и торговля. Поэтому понятие биржевой торговли товарами, следовательно, специфические особенности товарной биржи, в отличие от всякой другой «торговли» требуют ближайшего рассмотрения.

Обычно называют биржевой всякую торговлю, которая ведется на бирже, месте, посещаемом многочисленными купцами. Ясно, однако, совершают ли свои сделки купцы в собственных конторах или в каком-нибудь другом месте, именно на бирже, — этим определяются торгово-технические, но отнюдь не экономические различия. Конечно, быстрота совершения операций, ясность представлений о состоянии рынка могут благодаря этому сильно выиграть; но это будет лишь торгово-техническое, а не экономическое различие.

Различие останется чисто торгово-техническим даже в том случае, если одна, вообще говоря важная, функция купца

¹ Г-н Руссель из «Дисконтгезельшафт» дает такое определение: «Сущность коммерческой спекуляции заключается в том, чтобы предусмотреть соответствующее изменение конъюнктуры и при случае уже заранее обеспечить ее для себя посредством торговли на срок». (Börsenenquête, I, S. 417.)

становится излишней, если необходимость контроля и определения потребительной стоимости отпадает для отдельной операции, так как товары доставляются только строго определенного качества. Выполнены ли эти условия поставки или нет,— это решают потом в спорных случаях особые компетентные биржевые органы. Конечно, отпадение этой функции является необходимым предварительным условием биржевой торговли товарами, но торговля становится биржевой лишь тогда, когда к этому присоединяются иные, экономические условия.

Итак, товар входит в сферу биржевой торговли как товар определенного качества. Он пригоден для биржевой торговли как строго определенная потребительная стоимость, как стандартный товар. Поэтому всякое количество заменимо другим равновеликим; представляя количества одинаковой потребительной стоимости, товар обезличен. В биржевой торговле товарные массы различаются только количественно. В зависимости от природы товара и от биржевых постановлений единицей при заключении сделок является определенное количество: столько-то килограммов, столько-то кип. Следовательно, для биржевой торговли пригодны только товары, которые заменимы либо по своей природе, либо могут быть сведены к однородным единицам посредством простых, недорогостоящих мер.

Но заменимость товаров, это — естественное свойство потребительной стоимости, которым один вид товаров обладает, другой — нет. Однако для биржевой торговли требуется и еще нечто. При обычной торговле товар по цене производства переходит от фабриканта к купцу, который продает этот увеличенный торговой прибылью товар потребителю. Биржевой торговля становится лишь при том условии, если кроме торговой прибыли остается еще место для дифференциальной прибыли, для прибыли от спекуляции. Предпосылка же спекуляции — частые изменения, колебания цен. Значит, для биржевой торговли пригодны такие товары, которые в сравнительно короткие периоды времени подвергаются относительно крупным изменениям цены. Это — прежде всего земледельческие продукты — зерно, хлопок, далее полуфабрикаты и иногда фабрикаты, сырой материал для которых подвергается сильным колебаниям в цене и оказывает решающее влияние на цену продукта; таков, например, сахар.

По данным Робинова¹, торговля на срок развилась раньше всего в Англии, в торговле металлами, тальком и др. Только с появлением телеграфа и пароходных линий торговля на срок распространилась на заморские продукты, на такие, добыча которых продолжается не целый год, а всего несколько меся-

¹ Börsenenquete, II, S. 2072.

цев, и которые одновременно выбрасываются на рынок, хотя потребление их распределяется на целый год. Следовательно, причина торговли на срок — кратковременность периода производства по сравнению с продолжительностью периода обращения, обусловленной непрерывностью потребления. К введению торговли на срок в операции ценными бумагами приводит заменимость объектов оборота, которые заменимы, потому что все они представляют свидетельства капитализированного дохода, являются представителями денег. Введение сделок на срок в торговлю товарами вызывается специфическими условиями оборота, например, различием между периодом обращения и периодом производства. Только потребности торговли на срок и приводят к созданию полностью взаимозаменяемых товаров, т. е. товаров, равные количества которых имеют совершенно одинаковую потребительную стоимость; такого результата часто удается достигнуть лишь при помощи искусственных средств¹.

Если колебания цен прекращаются, например, вследствие картелирования, как в случае с нефтью, то биржевая торговля этими продуктами прекращается или становится чисто номинальной.

Третий важный момент, непосредственно связанный с предыдущими, таков: отсутствие возможности в каждый данный момент выравнять колебания цен приспособлением предложения к спросу. И здесь приспособление наиболее трудно в случае с земледельческими продуктами. Раз урожай собран, предложение уже определилось, и лишь через продолжительное время оно может приспособиться к спросу. Остается упомянуть еще об одном, последнем обстоятельстве: количества товара, поступающего в биржевую торговлю, должны быть настолько велики, чтобы опасность образования ринга, корнера, как правило, исключалась; ведь образование монопольной цены прекращает изменение цен, а вместе с тем замирает и спекуляция.

Особенность биржевой торговли, следовательно, заключается в том, что раз потребительная стоимость товара строго установлена, этот товар для всех превращается в чистое воплощение меновой стоимости, в простого носителя цены. Всякий денежный капитал может непосредственно превратиться в этот товар. Поэтому к купле и продаже этих товаров теперь могут обратиться новые круги, кроме прежних профессиональных, компетентных коммерсантов. Эти товары непосредственно равны деньгам; покупатель освобожден от необходимости контролировать их потребительную стоимость; они подвергаются по-

¹ Эта искусственность — источник многих злоупотреблений и трений, которые отпадают лишь там, где замещимость действительная и легко устанавливаемая, как в случае со спиртом (количество алкоголя) и отчасти с сахаром (степень поляризации).

стоянным, но более или менее незначительным колебаниям в цене¹. Так как это — товары мирового рынка, то возможность сбыта, а потому и обратного превращения в деньги, во всякое время обеспечена. Вопрос каждый раз заключается только в том, будет ли получена прибыль или убыток от изменения цен. Поэтому эти товары сделались столь же удобными объектами для спекуляции, как какие-нибудь денежные свидетельства, например, ценные бумаги. Таким образом, при торговле на срок товар является только меновой стоимостью. Он становится просто представителем денег, тогда как деньги — представитель товарной стоимости. Смысл, заключающийся в торговле, обращении товаров, утрачен, а вместе с тем утрачены и характерные особенности, и противоположность товара и денег. Эта противоположность вновь выступает на сцену, когда спекуляция закончена, потому, например, что ей воспрепятствовал корнер, и простой товар, который невозможно достать, приходится заменять деньгами. Товар играет в товарной спекуляции такую же мимолетную роль, как деньги в товарном обращении. И как в обращении несравненно большее количество денег, чем их имеется в наличности, играет роль счетных денег, так и спекуляция оперирует несравненно большими количествами товаров, чем существует в действительности².

Торговля товарами на срок, в конце концов, будет сопровождаться действительным передвижением товара от производителя к потребителю, следовательно, будут совершаться действительно торговые, а не только спекулятивные операции, а торговля всегда остается необходимой предпосылкой спекуляции лишь при том неперменном условии, если в начале цепи сделок на срок стоит производитель (или купец в качестве представителя производителя), а в конце — потребитель (например, мельник). Дело можно рассматривать таким образом, как будто в распоряжении спекуляции всегда остается известная доля товара. Это — просто известный запас, состав кото-

¹ «Следовательно, эта особая форма сделок на срок создана не только для облегчения действительной торговли; она, кроме того, в последнем счете служит тому, чтобы капиталистам и спекулянтам, т. е. владельцам нигде не закрепленного в данное время капитала, открыть возможность на короткое (или продолжительное) время вкладывать его в соответствующую товарную отрасль, хотя бы у капиталиста отсутствовало знание товара и внешней техники в этой торговой отрасли. Следовательно, этот капиталист... принципиально отличается от торговца зерном мотивом своей деятельности». Последний стремится сбыть зерно, первый — выиграть на изменениях цены. В то же время капиталист при этом сам несет риск (*Fuchs, Der Warenterminhandel, in Schmollers 'Jahrbuch für Gesetzgebung usw.*, 1891, Heft I, S. 71). К этому следует, однако, заметить, что стремление к прибыли, разумеется, — общий мотив всякой капиталистической деятельности. Различен только способ достижения этой цели.

² Так, Офферман сообщает, что на шерстяной бирже в Гавре в 1892 г. в действительности было аспрошено 2 тыс. кип, а на рынке на срок — 16 300 кип. Точно так же и торговля на срок хлопком раз в 10 превышает действительную торговлю. При сборе в 8—9 млн. кип обороты биржевой торговли хлопком достигают до 100 млн. кип (*Börsen-enquete*, S. 3368).

рого, разумеется, постоянно меняется. Безразлично, где он находится; возможно также, что он имеется в распоряжении не спекулянтов, а других капиталистических агентов, например, производителей или купцов, может быть, даже потребителей. Этот запас всегда должен иметься в известных минимальных размерах, чтобы избежать опасности образования корнера, ринга.

Когда спекуляция овладевает этими товарами, возникает множество новых сделок по купле-продаже. Эта цепь операций купли и продажи носит чисто спекулятивный характер; цель их — получение дифференциальной прибыли. Это — не торговые операции, а спекулятивные обороты. Функцией актов купли-продажи не является здесь обращение товаров, их задача не в том, чтобы товар передвинулся из сферы производства в сферу потребления: они приобрели как бы мнимый характер. Цель заключается в получении дифференциальной прибыли. На биржу товар попадает уже с надбавкой в виде нормальной торговой прибыли, ведь на биржу его продает торговец. А если продает фабрикант, он сам функционирует как купец и сам выручает торговую прибыль. Биржа производит чисто спекулятивные купли и продажи, спекулянты выручают не прибыль, а дифференциальную прибыль. Выигрыш одного есть проигрыш другого. Но как раз эта бесконечная цепь сделок обеспечивает постоянную обратимость биржевого товара в деньги, а потому до известной степени позволяет вкладывать деньги в этот товар и в любое время реализовать их продажей товара. Следовательно, биржевой товар становится удобным объектом залоговых операций для денег, которые временно оказываются праздно лежащими. *Банки* тоже могут в размере известной части цены давать ссуды под эти товары или производить с ними операции репорта. Так возникает новый способ применения банкового капитала. Банковский капитал принимает участие в торговле, но участвует в ней только в присущей ему адекватной форме капитала, приносящего процент. Товары, в которые превращается банковый денежный капитал, должны быть в любое время обратимы в деньги. И правильно руководимый банк никогда не вложит в эти товары денег больше, чем возможно будет реализовать в любое время, даже при самых неблагоприятных условиях. Наличие биржи с ее бесконечной цепью актов купли и продажи, составляющих содержание спекуляции, обеспечивает банку возможность в любое время реализовать его деньги. Деньги не закрепляются, остаются для банка денежным капиталом, по-банковски вложенным капиталом, и потому приносят только проценты. Но вмешательство банкового капитала опять-таки дает как спекуляции, так и торговле возможность расширить свои операции. Чтобы купить товар, теперь уже не надо иметь денег на полную сумму цен. Достаточно лишь столько денег, сколько необходимо на покры-

тие возможной разницы, остальная сумма предоставляется банком. Для спекуляции это означает лишь расширение ее операций. А так как при постоянном увеличении масс, которые служат объектом торговли, достаточно уже незначительной разницы, чтобы побудить спекулянта к актам купли-продажи, то, с одной стороны, увеличивается число оборотов, а с другой — уменьшается для каждого раза величина разницы.

Иначе и интереснее обстоит дело с влиянием банковского капитала на торговлю. Торговля тоже может теперь получать ссуды под товары. За соответствующий капитал ей приходится уплачивать только проценты. Но в самой торговле не возникает никакой прибыли. Торговля реализует лишь такую среднюю прибыль, какая соответствует величине примененного капитала. Теперь, когда в ее распоряжение в больших размерах предоставляется кредит, ей требуется относительно небольшой собственный капитал для того, чтобы сбывать прежние массы товара. Следовательно, торговая прибыль на этот капитал распределяется теперь на большую массу товара. Значит, надбавка к цене товара, обусловленная торговлей, уменьшится. А так как торговая прибыль есть просто вычет из промышленной прибыли, то последняя на равную величину возрастет. Цена товара для потребителей останется прежней. Таким образом, последствием вмешательства банковского капитала является, во-первых, повышение промышленной прибыли, во-вторых, понижение торговой прибыли, взятой как в целом, так и в расчете на единицу товара, и, в-третьих, превращение части торговой прибыли в процент. Последнее — необходимое следствие того, что часть торгового капитала замещена банковым капиталом. Но возможным это замещение сделала биржевая торговля товарами.

Процент — здесь необходимо напомнить об этом — всегда, исключая случаи потребительского кредита, является частью прибыли или земельной ренты. Однако важно отметить еще следующее. Ссудный капитал, функционируя в производстве, действует как промышленный капитал, следовательно, *производит* прибыль. Он получает только процент и потому увеличивает прибыль промышленного капиталиста на разницу между средней прибылью и процентом, уплачиваемым на капитал, взятый в ссуду. Иначе действует банковый капитал в торговле, где прибыль не производится, где средняя норма прибыли на торговый капитал должна получаться из общей массы прибыли. Банковский капитал получает свой процент, но он не производит никакой прибыли для торговца. Последний, напротив, получает теперь среднюю прибыль на свой капитал, уменьшенный на всю сумму банковского капитала, и кроме того получает процент, который он затем уплачивает на банковый капитал. Для обслуживания торговли теперь требуется меньше *торгового* капитала, а потому и меньше прибыль на этот капитал. Эта

сбереженная прибыль достается тому, кто ее произвел, промышленному капиталу. Банковский капитал действует здесь подобно какому-нибудь усовершенствованию, сокращающему торговые издержки. Разница в результате вытекает просто из того, что промышленный капитал создает прибавочную стоимость, торговый — нет.

В том же направлении действует еще одно обстоятельство. Биржевая торговля на срок создает рынок, постоянно готовый принять захваченные ею товары. Поэтому производитель или импортер в любое время может продать товар. Но это равносильно сокращению периода обращения его капитала. А мы уже знаем, что всякое сокращение периода обращения сопровождается высвобождением капитала. Так торговля на срок и этим способом сокращает капитал, необходимый для обращения товара, следовательно, для торговых операций, капитал, который служил не производству, а лишь реализации прибыли.

Торговля на срок — адекватная форма всякой спекуляции. Так как всякая спекуляция есть использование различий в ценах, а они развертываются лишь во времени, так как, с другой стороны, время, в течение которого не совершается актов купли и продажи, представляет для всякой спекуляции полную потерю, то у нее должна иметься возможность немедленно использовать всякое различие в ценах, даже будущее. В каждый данный момент у нее должна иметься возможность совершать куплю и продажу для какого угодно будущего момента. Именно это-то и составляет существо торговых сделок на срок. Опираясь так, спекуляция создает цены на любой момент в году. Этим она дает фабрикантам и торговцам возможность устранить для себя случайные последствия движения цен, застраховать себя от их колебаний, переложить на спекуляцию риск изменения цен. Если сахарозаводчик сегодня сумеет продать сахарный песок за 130 тыс. марок, с обязательством сдать его в определенный будущий момент, то он уже знает, что сегодня можно заплатить 100 тыс. марок за покупаемую свеклу. Если уже сегодня он продает сахарный песок по такой цене, то он тем самым устраняет для себя зависимость от всех колебаний цены, которые могут произойти до момента поставки, его прибыль обеспечена. Таким образом, торговля на срок позволяет промышленникам и купцам ограничиться исключительно своей функцией в ее чистом виде. Благодаря этому освобождается некоторая часть резервного капитала, которая была необходима в качестве гарантии на случай колебаний и закреплялась в промышленной или торговой сфере. Некоторая доля ее теперь служит для биржевой спекуляции. Но здесь она сконцентрирована и потому может быть меньше, чем был тот капитал, который был раздроблен между отдельными промышленниками и купцами.

Капиталистическая прибыль возникает в производстве; реализуется она посредством обращения. Как производители, так и торговцы вполне естественно стремятся к тому, чтобы гарантировать эту прибыль от всяких случайностей, которые вытекают из колебания цен в процессе обращения, когда производство давным-давно закончено и прибыль представляет уже величину данную для производителя или для торговца, который купил произведенный товар. На определенной ступени развития этому стремлению служит торговля на срок по отношению к тем товарам, для которых вследствие естественных причин (например, вследствие того, что исход производства зависит от метеорологических условий) эти колебания в особенности велики и непредусмотримы. Торговые сделки на срок по возможности выравнивают колебания, возникающие из спекуляции, но выравнивать их могут, лишь создавая более мелкие и частые колебания, вызываемые опять-таки спекуляцией. Эта спекуляция — совершенно бессмысленная с общественной точки зрения — является необходимой потому, что она обеспечивает в необходимых размерах участие продавцов и покупателей, в результате чего в торговле постоянно оказываются необходимые количества товаров. Это страхование от колебаний цены постоянно все более приближает рыночную цену к цене производства. Складывается особый класс капиталистов — спекулянты, которые берут на себя эти колебания цен. Спрашивается, как же возрастает их капитал?

Рассматривая спекуляцию с ценными бумагами, мы видели, что этот капитал получает дифференциальную прибыль. Выигрыш одного есть проигрыш другого. Прибыль получают обыкновенно за счет мелких и аутсайдеров те крупные, которые могут ждать и сами оказывают воздействие на курсы, и те посвященные, которые понимают толк в деле¹. Проблема состоит в том, получает ли спекуляция, кроме того, премию за риск.

На *премию за риск* ссылаются очень часто, но тем менее исследовали ее. Прежде всего, следует установить, что премия за риск — не источник прибыли, а потому и не может объяснить возникновения последней. Прибыль создается в производстве и равна прибавочной стоимости, заключающейся в том прибавочном продукте рабочих, который ничего не стоил классу капиталистов. Различные степени риска, т. е. различия в

¹ Однако о посвященных, когда дело идет о торговле товарами на срок, не следует создавать преувеличенных представлений. «Если бы по бюллетеням можно было усмотреть, как сложится рынок дальше и какая цена надлежащая, то это было бы превосходно. На основании прежнего опыта я могу сказать: чувство — все. Быть осведомленным — это превосходно, это лозунг, но из этого ничего не выходит, и купцы заблуждаются очень часто... Купец столь же ненежествен, как сельский хозяин, и если он изучит все бюллетени, то дойдет до полного умопомрачения, но обычно все это делается иначе», — сознается искренний торговец Дамме (Deutsche Börsenquete, II, S. 2858).

гарантии того, что прибыль, созданная в производстве, будет реализована обращением, могут повести к различиям только в распределении прибыли. Отрасли с повышенным риском, который должен выражаться на практике в повышенных потерях, должны характеризоваться относительно высокими ценами, так что норма прибыли на их капитал в конце концов окажется равной средней норме прибыли. Ясно, что в такой отрасли производства, где приходится считаться с особыми обстоятельствами, снижающими доход, эти обстоятельства будут настолько компенсированы уровнем цен, что осуществится равенство нормы прибыли. В цену оптических стекол входят издержки и на то количество стекол, которые в среднем портятся при отливке. Они тоже входят в состав издержек производства. Точно так же учитываются в цене товара и те повреждения или порча, которым в среднем подвергаются товары при доставке на рынок. Иначе обстоит дело с тем риском, который вытекает из обстоятельств, только случайно обнаруживающихся во время обращения, но в действительности связанных с издержками самого производства. Если, например, продукт, произведенный старыми машинами, все еще находится на рынке, между тем как новые машины позволяют производить его вдвое быстрее, то подобный «риск» ничем не компенсируется. Продавцам этого продукта приходится самим нести такие потери.

Аналогичны условия и для тех продуктов, которые составляют главный объект биржевого рынка на срок. Неуверенность вытекает из того, что определяющее влияние на цену, например, германского зерна оказывает не только размер урожая в Германии, т. е. не только германские издержки производства, которые находят непосредственное выражение в цене, но точно так же и американские, индийские, русские и т. п. издержки производства. При таком способе образования цен цена не дает никакой компенсации для условий производства зерновых в Германии¹.

Но поскольку в обращении происходят крупные, непредусмотримые колебания, капиталисты соответствующей отрасли производства должны обладать резервным фондом для того, чтобы уравнивать потери, вытекающие из колебания цен, и непрерывно продолжать производство. Этот резервный фонд есть часть необходимого для обращения капитала, и на него исчисляется средняя прибыль. Эту прибыль, выпадающую на его долю, можно назвать премией за риск. Даже торговля на срок не устраняет для производительных капиталистов необходимости этого резервного фонда. Ведь эти сделки отнюдь не уничто-

¹ Охранительные пошлины не уравнивают этой цены, а лишь повышают на всю сумму германского зерна над ценой на мировом рынке, благодаря чему производитель этого зерна и при низкой цене на мировом рынке получает прибыль.

жают колебания цен, вытекающего из изменений в условиях производства. Производитель должен нести на себе результаты воздействия мирового рынка на цены внутри страны.

Страхование биржи распространяется лишь на колебания, наступающие в ходе обращения. Мельник страхует для себя ту цену, по которой сегодня он продал муку, тем, что сегодня же он покупает зерно. Хлеботорговец обеспечивает себе прибыль тем, что купленное сегодня зерно он сегодня же продает на бирже на определенный срок. Страхование заключается в том, что определенную существующую теперь цену он гарантирует себе на более поздний срок, когда ему придется выполнить свое обязательство. Другими словами, купля и продажа совершаются для торговца или производителя непрерывной чередой, а не путем только односторонней купли или односторонней продажи. Но это предполагает, во-первых, наличие такого широкого, постоянно открытого рынка, обладающего большой поглотительной способностью, какой создается торговлей на срок. Во-вторых, необходимы агенты, которые не производят этого страхования для себя, а выжидают, как же сложатся обстоятельства в известный более поздний срок: необходимы спекулянты, которые снимают риск с торговца, производящего для себя описанное страхование. Их прибыль — не премия за риск, а дифференциальная прибыль, которой неизбежно противостоит соответствующая потеря. Именно вследствие такого характера спекулятивной прибыли и выходит, что профессиональная спекуляция процветает лишь при том условии, если в операциях принимают участие многочисленные аутсайдеры, которые несут убытки. Без участия «публики» для спекуляции нет процветания¹.

Прогрессирующая концентрация постепенно делает это страхование ненужным. Раз торговое предприятие достигло известных размеров, благоприятные и неблагоприятные шансы взаимно уравниваются. Крупная торговая фирма производит «страхование у себя» и отказывается от рынка на срок. К этому присоединяется и то обстоятельство, что мелким спекулянтам мало-помалу приходится ретироваться, потому что им все чаще приходится расплачиваться за других². Развитие акционерных обществ и спекуляция с цен-

¹ Г-н Кемпф, председатель берлинской торговой палаты, так высказывается об участии в торговле на срок вообще: «Если волны вздымаются высоко, участвует целый мир. Если они не поднимаются кверху, тогда операции производят сравнительно богатые люди» (Börsenenquete, II, S. 813).

² Забывен разговор между г-ном фон Гампом и г-ном Горвицем о тех муках, которые нравственно обязан испытывать купец при мысли о потерях мелкоты: это не соответствует природе купца. Или сорсем уничтожьте купца, или же оставьте его при свойственной ему природе (Börsenenquete, III, S. 2459). Для этического направления политической экономии биржа вообще выполняет только функции морального отхожего места. Ее остальные функции сокрыты от этого направления.

ными бумагами отвлекает их от товарной биржи. В конце концов синдикаты и тресты решительно кладут конец спекуляции теми товарами, которыми они овладевают.

Если поставить вопрос, для каких же слоев необходима торговля на срок, то придется ответить, что наиболее настоятельна ее необходимость, конечно, для средних торговцев. Для производителя эта необходимость выступает постольку, поскольку производитель вообще вынужден сам выполнять важные торговые функции. А так бывает в том случае, если переработка носит уже крупнокапиталистический характер, между тем как производство сырого материала еще сильно раздроблено. Здесь биржа совершает необходимую концентрацию продуктов. Для настоящего времени иллюстрацией может служить развитие новейшего торгового мукомольного дела. Товарная биржа осуществляет эту концентрацию быстрее и радикальнее, чем могла бы осуществить оптовая торговля. Для торговли рынок на срок в особенности желателен, когда дело идет о таких продуктах, для которых период обращения продолжителен, производство рассеяно на большом пространстве, в ряде пунктов, и не поддается учету; его результаты трудно предусмотреть и они не постоянны, а потому в процессе обращения цены подвергаются значительным колебаниям и нерегулярны.

Раз торговля на срок возникла, участие в ней все более становится необходимым как для торговцев, так и для производителей, потому что рынок на срок оказывает решающее влияние на движение цен. Напротив, после того, как участие в торговле на срок начинает ограничиваться профессиональными торговцами, она утрачивает одну из своих важнейших функций: возможность страховки перекладыванием на спекуляцию тех убытков, которые возникают из колебания цен.

Так как спекулянты не желают удерживать у себя сколько-нибудь продолжительное время объект спекуляции, то уже отсюда следует, что всякий спекулянт постоянно является как покупателем, так и продавцом. Чтобы гарантировать себя, спекулянт на понижение, продавец товара, становится покупателем этого же товара. Но покупателем и продавцом он является в различные моменты и пользуется колебаниями цен в период между этими моментами: напротив, страхование действительных торговых операций сводится к тому, чтобы выровнять эти колебания. В основу актов купли оно кладет оценку того же момента, выражающуюся в одновременных актах продажи, и, наоборот, в основу продаж — одновременные акты купли.

Спекулянт прежде всего старается использовать те колебания цен, которые создаются не им, а действительным торговым оборотом. Эти колебания цен могут возникать как из случайного соотношения спроса и предложения, так и из

более глубоких изменений, лежащих в сфере издержек производства товара. Спекулятивный спрос и предложение в свою очередь изменяют этот уровень цен и вызывают колебания, которые, в конце концов, всегда неизбежно компенсируются именно потому, что всякий спекулянт является и покупателем и продавцом. Это, конечно, несколько не препятствует тому, что на некоторое время перевес берет одно какое-нибудь направление спекуляции, например, купля, следовательно, спекуляция на повышение. Пока продолжается подобная односторонность, цена стоит выше уровня, который получился бы исключительно из действительных торговых операций. Таким образом, спекуляция вызывает более частые, а потому нередко и менее значительные колебания цен, которые, если взять продолжительный промежуток времени, взаимно компенсируются.

Торговля на срок концентрирует все операции в одном пункте и дает тамошним оптовым торговцам перевес над провинциальными торговцами; последние понемногу исчезают¹. Но в самом биржевом пункте она дает возможность проникнуть таким элементам, которые раньше стояли в стороне, а теперь начинают конкурировать со старыми фирмами. Поэтому введение торговли на срок часто наталкивается на сопротивление старых торговцев-профессионалов. Торговля на срок до известной степени носит менее квалифицированный характер, чем старая профессиональная торговля, и участвовать в ней, опираясь на содействие банковского капитала, могут элементы с относительно незначительными капиталами. Но и здесь, на новом базисе происходит концентрация. В общем получается такое впечатление, что участие спекуляции в чистом виде и посторонних элементов на рынках сделок на срок, пожалуй, падает².

Наоборот, уничтожение торговли на срок равносильно укреплению позиции крупных торговцев, которые могут обходиться без страхования.

Одна из опасностей торговли на срок заключается в том, что могут образоваться «шванцы»³. Покупатель имеет право,

¹ См. Börsenenquete, Bericht der Kommission, S. 90.

² «Из кофейной торговли мелкие и случайные элементы исчезли; она находится под руководством крупных консорциумов» (Börsenenquete, S. 2065). Это объясняется явлением, которое эксперт ван Гюльпен резюмировал в словах: «Силой крупного капитала можно сделать чрезвычайно много, если направить ее на разъединенные объекты».

Крупные хлеботорговые лондонские фирмы — противники введения торговых операций на срок, потому что они демократизировали бы торговлю и уничтожили бы их господствующее положение (Jb'ib. S. 3542).

³ По необходимости приходится переносить это немецкое слово подобно тому, как просто переносятся многие английские и французские слова. пул, ринг, корнер, картель и т. д. Экономическое различие понятий, выражаемых этими словами, иногда небольшие; часто соответствующие соглашения капиталистов, стремящихся объединить свои действия в сфере обращения, различаются

если продавец в договоренный срок не сдаст ему товара, сам купить этот товар на бирже за счет неаккуратного продавца. Если товар не имеется в количестве, достаточном для удовлетворения спроса,— не имеется, быть может, потому, что покупатель уже раньше распорядился скупить наличные запасы,— то складываются чрезвычайно высокие фиктивные цены, определяемые волей покупателя; тогда продавцы оказываются с головой выданы покупателям. «Шванцы» осуществляются с тем большей легкостью, чем меньше запас товара. Это может быть достигнуто и искусственными мерами,— если, например, условия поставки при сделках на срок предъявляют высокие требования к качеству товара. Наоборот, понижение качества поставляемых товаров является средством затруднить образование «шванца». «Шванцы», обычно, удается осуществить лишь при особых обстоятельствах и на короткое время,— когда, например, запасы зерна невелики, потому что новый урожай еще не созрел, а большая часть старых запасов уже распродана. Но чрезвычайные цены обыкновенно приводят к тому, что на рынке появляются такие запасы, про которые думали, что они уже потреблены. Если дополнительное предложение превышает покупательную способность покупателей, то «шванц» распадается. В общем же удавшиеся «шванцы» означают лишь экспроприацию групп спекулянтов, стоящих вне их, на действительную же торговлю и на действительные цены оказывают незначительное влияние.

Германский биржевой закон от 22 июня 1896 г., как известно, отчасти уничтожил, отчасти затруднил торговлю на срок. Сильное ограничение претерпела хлебная торговля, в особенности с того времени, когда приговоры судов начали угрожать и торгово-правовым договорам о поставках на срок. Таким образом, «круг лиц, принимающих участие в торговле на срок, становится все меньше и стал настолько узким, что он уже едва ли удовлетворяет ее целям». Это значительно затруднило и операции страхования. Но какие же получились результаты? «Уже существует несколько очень крупных фирм, которые вследствие затруднений, связанных со страхованием цен на бирже сделок на срок, полагают, что они могут обойтись и совсем без него. Поддержанные в течение нескольких лет устойчивыми и даже растущими ценами, они получили таким образом немалые барыши. В общем же солидные фирмы считают такой метод действий очень опасной спекуляцией и предпочитают небольшую, но верную прибыль... При теперешнем положении вещей несомненно, что упомянутые две-три крупные фирмы захватывают возрастающую часть всех операций. Законодательство покровительствовало здесь концен-

только по сферам торговли, на которые распространяется действие соглашений (корнер — соглашение хлеботорговцев), но нередко отличаются именно только по названию. «Шванц» — спекулятивная скупка товаров, (Прим. перев.)

трации теми же способами, какими оно покровительствовало ей в банковом деле. Весьма сомнительно, что такое направление развития будет долго радовать тех, кто превозносил закон как крупное достижение. Конечно, многосторонняя конкуренция, во всяком случае, лучше гарантировала бы сельским хозяевам по возможности благоприятные цены, чем нынешнее положение, когда, в конце концов, несколько исполнских фирм могут диктовать цены»¹.

«Провинциальные торговцы тем более заинтересованы в поставках на срок, что продажа на срок дает им возможность заложить товар на благоприятных условиях, так как он уже продан по твердым ценам и потому не может потерять свою стоимость вследствие внезапного крушения цен. Таким образом, торговец вновь получает капитал и может по хорошим ценам купить у производителей новые партии зерна»².

Тот факт, что спекуляция сокращает период обращения для производительных капиталистов и снимает с них риск, может привести к обратному воздействию на производство. До возникновения торговли на срок риск нес преимущественно частичный производитель. Если риск отпадает, если отпадает одновременно необходимость держать запас товара на складах, которые теперь тоже концентрируются в биржевых пунктах, то чисто производственная функция оказывается уже недостаточной. Частичный предприниматель, комбинируя свое производство с другим, превращается в полного предпринимателя. Он может осуществить это тем легче, что теперь ведь высвобождается часть его оборотного и резервного капитала. Так стали излишними шерсточесы, потому что риск, раньше падавший на них, теперь переложен на торговлю на срок. Они становятся теперь прядильщиками, или же прядильщики организуют у себя чесание шерсти³.

Торговля на срок экономит для производителей оборотный капитал тем, что она, во-первых, сокращает для них время обращения и, во-вторых, сокращает самострахование (резервный фонд) от колебания цен. Это увеличивает мощь капитала крупных предприятий, которые больше всего пользуются выгодами торговли на срок. Высвобождающийся таким образом капитал становится производственным капиталом.

¹ H. Ruesch, Der Berliner Getreidehandel unter dem deutschen Börsengesetz. «Conrads Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», III Folge Bd. XXXIII, 1907, Heft I, S. 53.

² Ibid., S. 87. Сравни также у Ландесбергера, который предсказал это развитие. «Наиболее крупные хлеботорговые дома не принимают участия в торговле на срок, они производят страхование у себя. Следовательно, уничтожение торговли на срок с такой же необходимостью повелет к концентрации торговли зерном в руках фирм, обладающих крупными капиталами, как запрещение торговли на срок известными видами ценных бумаг отдало эту отрасль фондовой торговли во власть крупных германских банков» (H. Ruesch, *op. cit.*, S. 45).

³ Показание Оффермана. Börsen-enquete, III, S. 3373 и след.

Разделение труда между предприятиями определяется не только техническими факторами, но и коммерческими соображениями. Некоторые частичные процессы — к ним относятся прежде всего переработка сырья в полуфабрикаты — только потому остаются обособленными, что частичные производители выполняют одновременно важные коммерческие функции. Они берут сырой материал от производителей или импортеров и разделяют с ними риск, вытекающий из колебания цен. Самостоятельность становится излишней, когда фабрикант при помощи рынка сделок на срок может обеспечить себя от риска, не прибегая к посредничеству упомянутых частичных производителей. К своему прежнему производству он присоединяет обработку сырья. В этом случае отпадение коммерческой функции делает излишней техническую самостоятельность частичного производителя. Здесь обнаруживается также тенденция к устранению посреднической торговли. Правда, сначала кажется, что товарные биржи увеличивают количество торговых операций, но мы уже знаем, что акты купли и продажи представляют здесь обороты не торговли, а спекуляции.

Мы видели, что торговля на срок дает *банковому капиталу* возможность принять участие в торговле товарами в первую очередь посредством кредитования, в форме ли залога, или репорта. Но мощь своего крупного капитала и свое знание рынка банк может использовать и для того, чтобы с достаточной уверенностью принять участие в собственной спекуляции. Широкие связи, распространяющиеся на целый ряд рынков торговли на срок, не только дают ему лучшее знание рынка, но и открывают возможность надежных арбитражных операций, которые, когда они ведутся в крупном объеме, доставляют значительную прибыль. Такие спекулятивные операции банк может вести с тем большей уверенностью, чем большим количеством товаров он располагает, чем больше, следовательно, его влияние на размеры предложения. Отсюда возникает стремление расширить свою власть над товарами, которыми оперирует рынок на срок. Банк старается получить товар непосредственно от производителя, минуя других торговцев. Он добивается, что ему поручают комиссионную продажу (здесь он, конкурируя с торговцем, может удовлетворяться несравненно меньшей прибылью, потому что он может получить еще спекулятивную прибыль и потому что он в несравненно большей мере может работать в кредит) или же покупает товар за свой собственный счет. При этом банк использует влияние, которое он имеет благодаря другим своим деловым связям с промышленностью, для того чтобы поставить на место купца-промышленника. Раз банк овладел сбытом, взаимные отношения банка и промышленности становятся более тесными. Банк заинтересован теперь в движении цен соответствующего товара уже не только как спекулянт; высокая цена желательна для него и в интересах

предприятия, с которым он связан разнообразными кредитными отношениями. В то же время, заинтересованный в том, чтобы максимально расширить свою власть над товаром, банк стремится завязать связи с возможно большим количеством предприятий, и, таким образом, целая отрасль промышленности становится объектом его заинтересованности. Заинтересованность же выражается в том, что он стремится по возможности оградить эту отрасль промышленности от депрессий. Он использует свое влияние для того, чтобы ускорить картелирование, которое на внутреннем рынке (не на мировом рынке) делает излишними спекулятивные операции банка, но более чем вознаграждает его за это различными формами участия в картельной прибыли. Подобным путем развитие идет в особенности в тех случаях, когда в силу исторических причин не сложилось сильной и энергичной оптовой торговли вообще ли, или же в соответствующей отрасли производства. Так, в Австрии банки посредством торговли проникли в сахарную промышленность, с меньшим успехом — в нефтяную и стали носителями тенденций к картелированию этих отраслей промышленности, попавших от них в большую зависимость. Таким образом, торговля на срок благоприятствует здесь такому развитию, которое является общей тенденцией и приводит к тому, что сама торговля на срок, наконец, прекращается.

Монополистические союзы совершенно устраняют товарные биржи. Это само собой разумеется, что они устанавливают цены на длительное время и, следовательно, делают невозможным использование колебания цен. Разумеется, «распределение во времени» происходит и теперь, что может изумить разве только г-на профессора Эренберга. Германский угольный синдикат и Объединение сталелитейных предприятий превратили котировку эссенской и дюссельдорфской бирж в чисто номинальную. «Так, эссенская угольная биржа сводится исключительно к папке с котировками цен на уголь, которая ежедневно приносится из здания угольного синдиката в биржевой зал, а вся так называемая дюссельдорфская товарная биржа — к письму, которое один промышленник регулярно присылает правлению дюссельдорфской биржи»¹.

То же относится и к операции на срок со спиртом. «Здесь совершенно правильно заметили, что благодаря Центральному объединению (по реализации спирта) торговля отчасти утратила свое значение и что, с другой стороны, в синдикате посредническая торговля уже не имеет больше места. Это — именно та часть торговли, которая занимается главным образом биржевыми операциями. В результате синдиката, несомненно сделались излишними, а потому устранены комиссионные операции, маклеры, все те торговцы, которые не имеют

¹ «Berliner Tageblatt», 19.X.1907.

непосредственных связей с производителями»¹. Спиртовой синдикат превратил действительных торговцев в своих агентов, которым платят фиксированные комиссионные (30—40 пфеннигов), и, как кажется, удерживает их число приблизительно на одном уровне: в 1906 г. их было 202, и они сбывали до 40% всего производства.

Поскольку барыши товарной биржи происходят из торговой прибыли, постольку по устранении биржи они достаются производителям. Это относится и к тем прибылям, которые возникают вследствие различия между временем производства («продолжительность кампании») и временем потребления. Так, например, для спирта летние цены выше зимних. В конце кампании продукт переходит в распоряжение торговли. Летние цены выше уже потому, что приходится учитывать издержки хранения, потерю процентов и т. д. Но винокуры по окончании кампании торопятся с продажей. Предложение становится здесь навязчивым. Наоборот, летом спирт совсем не производится. Предложение не может увеличиться, а торговцы обладают достаточным капиталом для того, чтобы не продавать товар в неблагоприятное время. В установлении цен известную роль играет здесь различие между размерами капитала, с одной стороны, у торговцев, которые располагают к тому же и банковым капиталом для залога и репорта, а с другой стороны — у производителей спирта, зачастую мелких, но, разумеется, в установлении не тех цен, по которым приходится покупать потребителю, а тех, которые торговец платит производителю. Картель производителей изменяет также и эти отношения к невыгоде торговцев и к выгоде производителей. Весьма образно охарактеризовал это г-н Штерн, управляющий Центральным объединением по реализации спирта: «После окончания винокурной кампании синдикат допускает повышение цен в пользу винокуров, допускает свободный рынок для спекуляции».

В особенности выгодно картелирование в области сельскохозяйственного производства, — а сельскохозяйственные производственные «товарищества» часто суть не что иное, как зародыши картелей или картели в мелком масштабе. Ведь как раз для сельскохозяйственного производства капиталистическое регулирование посредством цены оказывается наиболее тягостным; анархия капиталистического общества наименее совместима с естественно-техническими условиями сельскохозяйственного производства, как и вообще капитализм не в состоянии осуществить в противоположность промышленности идеал рационального земледелия. Существование рынка на срок, который ведет к непрерывному изменению цен, доводит до край-

¹ Показание Буржацкого, управляющего Центральным объединением по реализации спирта. «Kontradiktorische Verhandlungen der deutschen Kartellenquete über die Verbände in der deutschen Spiritusindustrie».

ности это противоречие между капиталистическим ценообразованием и естественнотехническими условиями сельскохозяйственного производства. Тогда то, что составляет вину капиталистического способа производства вообще, ставится в счет торговли на срок с ее часто драматическими изменениями в движении цен, вызываемыми или хотя бы обостряемыми спекуляцией. Поэтому демагогия без труда могла вызвать среди сельскохозяйственных производителей сильное движение против торговли на срок¹.

Поскольку картель в состоянии ограничить анархию, он особенно благоприятно воздействует на сельское хозяйство. Изменчивость количества продукта по отдельным годам в зависимости от природных условий заложена в самом характере сельского хозяйства. Количество продукта оказывает непосредственное влияние на цену. Избыточное количество производит сильное давление на нее и увеличивает потребление текущего года. Вследствие понижения цен производство следующего года ограничивается. Если к этому присоединяется плохой

¹ Очень верно говорит Ландесбергер: «Борьба сельского хозяйства против торговли на срок находит себе объяснение, между прочим, в важных хозяйственных фактах. Сельское хозяйство более всякой другой отрасли производства находится во власти производственных условий времени и места. Следовательно, фактор издержек производства для него менее изменчив, чем для других отраслей экономики. Это связано с закреплением капитала в сельском хозяйстве, с земельной задолженностью, с естественной трудностью применять хотя бы приблизительно в таком масштабе и с таким успехом, важнейшие оборонительные меры, которые применяют другие отрасли производства против неблагоприятной конъюнктуры: специализацию производства, его временное расширение или сокращение. Безличный фактор всей хозяйственной жизни, конъюнктура, ни в какой иной отрасли производства не обладает таким перевесом над личным фактором, над издержками производства. А конъюнктура для средневропейского сельского хозяйства уже несколько десятилетий преимущественно неблагоприятная. Но конъюнктура опосредствуется через торговлю на срок. Торговля, которая не в состоянии избежать конъюнктуры, торговля, которая захватывается конъюнктурой из обоих полюсов своего экономического процесса, при купле и продаже, вынуждена реагировать на нее специфической функцией. Орган этой функции — торговые сделки на срок, их задача — сделать мировую конъюнктуру экономически ощутимой, дать ей максимально ясное выражение. Торговля на срок в своей совершеннейшей форме, освобожденная от всех ошибок и злоупотреблений, верно отражала бы конъюнктуру. Но это зеркало показывало бы сельскому хозяйству преимущественно неблагоприятную для него конъюнктуру. Отсюда естественное стремление разбить это зеркало» (Landesberger, op. cit., S. 44 и след.).

Как известно, запрещение торговли на срок в одном государстве капиталистически сильные торговцы и спекулянты обходят путем использования ее в другом государстве. Так, например, д-р Куфлер, хлопчатобумажный промышленник, говорит: «В Бремене, где производятся почти все импортные операции с хлопком для Центральной Европы, нет торговли на срок, и, однако, каждая единичная операция основывается на сделках на срок, именно на тех, которые совершаются в Ливерпуле или в Нью-Йорке» (см. «Bericht über die Verhandlungen der Gesellschaft österreichische Volkswirte». Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung, Bd. XI, S. 83). Точно так же воспрещение торговли на срок зерном в Австрии вызвало перенесение спекуляции в Будапешт.

урожай, то наступает нехватка, цены устремляются кверху, потребление сильно ограничивается. Раздробленное производство почти бессильно перед такими явлениями. Несравненно большее влияние на ценообразование оказывает картель, так как у него есть возможность вовремя создать запасы путем контингентирования производства и предотвратить слишком сильные колебания. Конечно, капиталистический картель пользуется своей мощью для того, чтобы длительное время поддерживать максимальные цены посредством соответственно ограничения производства. Как бы то ни было, для сельскохозяйственного производства он создает более устойчивые отношения.

Уже упоминавшийся управляющий — Штерн говорит: «Синдикат может держать излишки на складах в очень значительном, хотя и небезграничном объеме. На свободном рынке, как только излишки станут слишком велики, немедленно наступает крушение цен, которое прекращается только тогда, когда они упадут значительно ниже издержек производства. Синдикат может отделить заграничную цену от внутренней. Если имеющиеся излишки предназначены для вывоза, то на свободном рынке положение цен для всего продукта зависит от выручки, получаемой при экспорте. Вот иллюстрация: в 1893—1894 гг. имелся излишек в 20 млн. л, излишек далеко не угрожающий, однако среднюю цену для года он понизил до 31 марки. Если бы синдикат в этом году экспортировал на 10 млн. больше и если бы на этих 10 млн. он потерял на цене по 5—8 марок, итого 500—800 тыс. марок, то он предотвратил бы этим большое падение цен для винокуренного производства. В самом деле, если принять, что цены на всю продукцию были бы выше на 5 марок, то ценой убытка в 500—800 тыс. марок вся продукция приблизительно в 300 млн. л поднялась бы в стоимости на 15 млн. марок.

Биржа не дает образовываться значительным запасам и очень быстро всякий излишек продукции уравнивается ее недостатком. Запасы спирта, имевшиеся в конце кампании (на 30 сентября каждого года), составляли обычно в период существования свободного рынка около 30 млн. Несколько раз запас сокращался максимально, как было однажды, на 9 млн. Но один единственный раз эта цифра значительно возросла, а именно — на 15 млн. в 1893—1894 гг. Эти цифры, эти 10 млн. в ту или другую сторону составляют лишь 3—5% всей продукции, и этих 3—5% достаточно для того, чтобы чрезвычайно сильно сбить цену. Даже небольшие запасы приводят спекулянта в нервное состояние; он торопится разделаться с ними, если думает, что предстоит хороший урожай. Кажущаяся уравновешенность биржи в действительности была сплошной озабоченностью и нервозностью». Далее автор указывает причину, почему его не удовлетворяет выравнивание посред-

ством биржи: «Биржа достигает выравнивания посредством *дешевых цен*». Но его доверителям, картелированным винокурам и спиртозаводчикам, требуется лишь выравнивание *по высоким ценам*¹.

Некоторые поборники торговли на срок уверяют также, что она будто бы является гарантией более точного определения цен. Рынок сделок на срок объединяет якобы относительно большое число заинтересованных компетентных лиц. Равнодействующая столь многочисленных компетентных мнений в целом должна была бы быть более точной, чем равнодействующая меньшего количества лиц. Но звание хлеботорговца еще не наделяет человека мистической способностью предвидеть величину будущих урожаев, и этой способностью не обладает ни он, ни бесконечное множество хлеботорговцев, взятых вместе. Пусть слова: «разум всегда был лишь у немногих», неверны для посетителей биржи. Тем не менее, какими бы ветхозаветными добродетелями они вообще ни обладали, одного дара у них нет, несомненно: именно дара пророчества. В действительности цены при сделках на срок носят чисто спекулятивный характер. Даже такой синдикат, как спиртовый, который ведь имеет непосредственное влияние на образование внутренних цен, и потому, казалось бы, легко мог бы давать предложения на срок, дает их весьма неохотно. Так, Унтухт, управляющий спиртовым синдикатом, говорит: «С предложениями на срок всегда были сопряжены известные трудности. Если бы это зависело от нас, мы охотнее воздерживались бы от них... Если кто-нибудь предлагает продукт, то раньше, чем определить цену, ему необходимо знать, какими количествами он будет располагать. Но мы, разумеется, можем определить это лишь после того, как прошло уже несколько месяцев кампании. Да и тогда мы не целиком застрахованы от ошибок, потому что только продукция весенних месяцев дает возможность заключить, велика или нет продукция за всю кампанию. Это в особенности относится к тем случаям, когда положение не совсем ясно». Но следует все же признать, что у синдиката, который имеет общее представление о всем производстве и которому подчинено до 80 % производства, осведомленность совершенно иная, чем у посетителей биржи.

Причина, по которой возникает потребность в знании срочных цен, заключается в том, что перерабатывающая промышленность в момент, когда она делает предложения заключить сделку, должна быть осведомлена о ценах на сырой материал. Если момент окончания кампании для сырого материала не совпадает со сроками, когда перерабатывающая промышленность получает заказы, то раз дело идет о товарах, подверженных сравнительно сильным колебаниям цен, возникает по-

¹ С другой стороны, это указывает также на то, насколько несовершенно выполняет биржа свою мнимую функцию — осуществлять выравнивание во времени.

требность в срочных ценах. Фабрикант, занятый переработкой, перекладывает таким образом риск на своего поставщика сырого материала. Синдикаты и тут пользуются своей силой для того, чтобы сложить с себя риск, либо удерживая стабильные цены, либо назначая настолько высокие цены на срок, что риск для них отпадает. Г-н Унтухт прямо говорит об этом: «Так как мы не знаем предстоящих условий, то мы соблюдаем осторожность (*sic!*) и назначаем цены скорее несколько завышенные, чем заниженные». И в докладной записке синдиката отмечается: «Если в первые четыре года существования синдиката такие цены на срок определялись в начале каждого нового операционного года, то с 1904—1905 гг. принято за правило отмечать общие цены поставок лишь после того, как имеется известная основа для суждений о ходе производства».

Когда проводилась германская биржевая анкета, лица, стоящие вне коммерческого мира (например, тайный советник Винер и свободно-консервативный депутат фон Гамп), считали действительные сделки законными, а биржевые сделки на разницу — незаконными: различие, которое неизменно отвергается деловыми людьми. Первые никак не могут понять, что при *всех* капиталистических операциях потребительная стоимость не имеет решительно никакого значения и является самое большое печальной необходимостью (*conditio sine qua non*). Чистая сделка на разницу является в действительности совершеннейшим выражением того факта, что для капиталиста существенно только меновая стоимость. Именно сделка на разницу есть законнейшее дитя капиталистического характера, — это операция в себе, абстрагированная от грубой формы проявления стоимости, от потребительной стоимости. Совершенно естественно, что эта экономическая вещь в себе представляется некапиталистическим гносеологам просто трансцендентной, и в своей досаде они объявляют ее шарлатанством¹. Они не видят, что за эмпирической реальностью всякой капиталистической сделки

¹ Поэтому эксперт Симон совершенно правильно считает (*Börsenenquete*, II, S. 1584), что «стремление к разнице составляет действительную основу всякого промышленного предприятия». Когда же Кох, президент Имперского банка, возражает, что в основе торговых сделок в отличие от сделок на разницу лежит намерение переместить товар из одних рук в другие, то возражение это бьет совсем мимо цели, и Симон совершенно не может уловить его. В действительности различие между сделками того и другого рода заключается только в том, что в одном случае разница относится к категории средней прибыли, в другом — к категории дифференциальной прибыли.

Буржуазная экономия постоянно смешивает общественные функции экономических действий с мотивами тех, кто действует и приписывает последним исполнение этих функций в качестве их мотива, о чем они, конечно, и не догадываются. Поэтому она не замечает специфической проблемы политической экономии: в той функциональной связи хозяйственных действий, посредством которой осуществляется процесс общественной жизни, раскрыть результат мотивов совершенно иного порядка и вывести из самых необходимых функций мотивировку агентов капиталистического производства.

стоит трансцендентальный факт таковой сделки в себе и что только он и дает объяснение эмпирической реальности. Примечательно при этом, что, как только защитникам потребительной стоимости приходится самим иметь дело с биржей, они утрачивают понятие о потребительной стоимости. Действительной они считают тогда всякую операцию, идет ли дело о продаже титулов на доход или о продаже товаров, если только бумаги или товары действительно передаются из рук в руки. Они совершенно игнорируют тот факт, что обращение ценных бумаг совершенно безразлично для обмена веществ в обществе, между тем как обращение товаров — условие его жизни.

Вот пример того, до какого безумия может доводить безразличие к потребительной стоимости. Для того чтобы товар был замесим, он должен удовлетворять определенным установленным условиям, т. е. при определенном количестве иметь такой-то вес, окраску, запах и т. д. Только тогда он соответствует «типу», в котором должна быть выполнена поставка. В Гамбурге при сделках на срок с кофе тип был установлен довольно низкий. Лучшие сорта ухудшались прибавкой черных бобов, камешков и т. д. В Берлине тип был выше. Примеси, добавленные в Гамбурге, в Берлине приходилось удалять с большим трудом, и только тогда кофе становился пригодным для поставки. Это само по себе — примечательнейший пример капиталистических непроизводительных расходов¹. Но иногда бывает и того лучше. В Гамбурге образовался корнер. Товара не хватало для поставок. Но сдавать можно было только кофе с примесью камешков и т. п. При сдаче лучших сортов приходилось производить доплату, так как они не удовлетворяли условиям поставки. Иными словами, за поставку товара лучшего качества приходилось уплачивать штраф. Но это вполне соответствует последовательному применению капиталистической логики: ведь для покупателя, члена корнера, речь идет не о потребительной стоимости, а лишь о меновой стоимости. Последняя определяет всю экономическую деятельность, задача которой — не производство или посредничество, а только получение прибыли².

Апологеты капиталистического способа производства стараются доказать необходимость его отдельных явлений тем, что специфически экономическую, а следовательно, историческую форму, вытекающую из капиталистического производства, они отождествляют с техническим содержанием, которое в противоположность преходящей форме является постоянным, и от этого неверного отождествления умозаключают потом к необходимости формы. Так, они высокопарно подчеркивают необходимость верховного руководства и контроля для всякого общественного

¹ Börsenenquete, II, S. 2079.

² Börsenenquete, S. 2135. Там же смотри примеры для зерна и спирта, который нельзя представить в виде ректификата вместо сырца.

процесса труда и отсюда тотчас же выводят необходимость капиталистического руководства, вытекающего из частной собственности на средства производства, и утверждают, будто таким образом доказана необходимость этой частной собственности вообще. Точно так же в торговле они видят не специфический акт обращения, а распределение продуктов между потребителями. Эренберг, например, объявляет, что торговля есть распределение в пространстве, спекуляция — распределение во времени¹. А так как на известной ступени технического развития распределение, разумеется, всегда будет необходимо, то торговля и спекуляция всегда необходимы, устранение их — невозможность, утопия. А если к тому же отождествить «необходимый» с «производительным», то можно вместе с Эренбергом прийти к тому уродливому выводу, что спекуляция, подобно сельскому хозяйству, есть отрасль производства. Да почему бы и не так, раз земля и акция одинаково приносят деньги! При этом торговля запросто смешивается с транспортом и трудом по упаковке, развесу и т. д., спекуляция — с устройством складов, с операциями, несомненно, необходимыми при всяком технически развитом способе производства. Но даже и такой проницательный человек, как проф. Лексис, к которому в противоположность Эренбургу приходится относиться серьезно, путается, высказываясь о торговле на срок². Он тоже не замечает той специфически экономической определенности формы, которая характеризует биржевую товарную торговлю на срок в отличие от действительной товарной торговли. Он не видит той специфической роли, какую играет спекуляция, и пытается доказать необходимость торговли на срок, характеризуя ее такими же чертами, что и действительную торговлю.

Для его противника Гампа оказалось затем детской игрой показать, что торговля на срок создает бесконечное множество таких товарных оборотов, которые ничего не приносят в движение распределения от производителя к потребителю. Лексис

¹ «Торговля и спекуляция суть особые виды производства, подобно добывающей промышленности и обрабатывающей промышленности: торговля — это тот вид производства, который ставит своей задачей преодолеть *местную* скудость природы экономическими благами. Напротив, спекуляция ставит перед собой такую же задачу преодолеть скудость благами *во времени*. С частнохозяйственной точки зрения торговля стремится использовать различия цен в пространстве, спекуляция — различия цен во времени».

«Биржевое мнение оказывает влияние на цены, основываясь на известиях всякого рода, стекающихся на биржу, на правильных и ложных известиях, на известиях об уже совершившихся и лишь об ожидаемых фактах. Значение последних уже заранее расценивается (*eskomptiert*) биржевым мнением. Если оно таким путем пользуется низкими ценами для того, чтобы создать запасы на будущее, высокими ценами для того, чтобы распорядиться будущими запасами, как если бы они имелись уже в настоящем, то оно действует *производительно*, в противном случае — нет» (*Richard Ehrenterg, Börsenwesen, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 2. Auflage.*)

² См. *Börsenenquete*, II, S. 3523 и след.

ссылался на то, что при торговле на срок легче найти покупателя. Это верно, однако «покупатель» здесь обычно — не потребитель, а в свою очередь — опять-таки «продавец», тоже спекулянт. Совершенно ошибочно выводить торговлю и тем более торговлю «на срок», спекуляцию на срок, из абсолютной потребности распределения. Торговля удовлетворяет потребности распределения только в капиталистическом обществе, и даже в капиталистическом обществе необходимость ее носит лишь переходящий характер, что доказывается устранением торговли синдикатами и трестами. Кто видит в торговле «производительную» деятельность, т. е. не просто реализующую прибыль, но и создающую ее, тот совершенно запутывается: в качестве преимуществ картелирования он восхваляет экономию на торговых издержках, хотя преимуществом это может быть, очевидно, лишь при том условии, если торговые операции доставляют непроизводительные расходы, следовательно, сами непроизводительны.

В действительности необходимость торговли на срок обусловливается, во-первых, тем, что производительным капиталистам-промышленникам и торговцам она позволяет уменьшить период обращения до нуля и застраховать себя от колебаний цены во время обращения, перекладывая эти колебания на спекуляцию; этим и выполняет последняя свою специфическую функцию. Во-вторых, торговля на срок позволяет выполнить часть торговых функций денежному (банковому) капиталу вместо торгового капитала, на эту часть операций достается не средняя прибыль, а процент; промышленная (предпринимательская) прибыль повышается на разницу между средней прибылью и процентом. В-третьих, — что совпадает со вторым пунктом, — торговля на срок дает возможность денежному капиталу превратиться в торговый капитал, не утрачивая своего характера денежного капитала. Таким образом, перед банковым капиталом открывается возможность расширять сферу своего господства над торговлей и промышленностью и придавать растущей части производительного капитала характер денежного капитала, находящегося в распоряжении банка.

Глава десятая

БАНКОВЫЙ КАПИТАЛ И БАНКОВАЯ ПРИБЫЛЬ

Мобилизация капитала открывает перед банками новую сферу деятельности: эмиссию и спекуляцию. Теоретически при этом не имеет значения, присоединяет ли один и тот же банк эту деятельность к своим платежным и кредитным операциям, или же различные функции выполняются различными банко-

выми учреждениями. Важно только различие отдельных функций по их экономическому значению. Впрочем, современное развитие повсюду все больше приводит к соединению этих функций, либо в одном предприятии, либо путем подчинения нескольких учреждений, взаимно дополняющих друг друга по своим функциям, одному и тому же капиталисту или группе капиталистов. К объединению приводит в последнем счете то обстоятельство, что во всех этих функциях капитал выступает как денежный капитал, в специфическом значении слова, как ссудный капитал, который вновь и вновь возвращается в виде денег из той сферы, в которой он каждый раз применяется. Но и в тех случаях, когда не произошло такого объединения в одном предприятии, оказывается, что все различные функции выполняются отчасти одним и тем же денежным капиталом, который одним из этих учреждений предоставляется в распоряжение другого.

Только после того, как мы проанализировали эти разнообразные функции, мы можем исследовать, из каких источников истекает прибыль на банковый капитал, и как должно сложиться в сфере банкового капитала соотношение между прибылью и капиталом как собственным капиталом банка, так и тем чужим капиталом, который имеется в его распоряжении.

Мы знаем, что прибыль возникает в производстве и реализуется в обращении. Точно так же мы знаем, что для осуществления операций обращения, для купли и продажи товаров, требуется дополнительный капитал. Торговцы взяли у промышленников часть этих операций, которые превращаются таким образом в самостоятельную функцию особого подразделения общественного капитала, товарно-торгового капитала. Капитал, применяемый торговцами, приносит среднюю прибыль, которая есть не что иное, как часть прибыли, созданной промышленниками в производстве, и, следовательно *pro tanto* [соответственно], представляет собой вычет из той прибыли, которая иначе досталась бы промышленникам¹. Обращение требует также целого ряда операций с деньгами, образования денежного резерва, выдачи и пересылки денег, принятия и оплаты счетов и т. д. Эти операции, следовательно ведение кассы, могут быть сконцентрированы, и эта концентрация сберегает труд, представляющий собой издержки обращения. Вследствие концентрации для выполнения этой работы становится достаточно относительно небольшой капитал. «Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения промышленного капитала в обращении

¹ Подробнее об этом см. К. Маркс, Капитал, т. III, отдел четвертый: «Превращение товарного капитала и денежного капитала в товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал (купеческий капитал)».

и совершает его как свое собственное, присущее ему движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в *денежно-торговый капитал*. Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый именно этими техническими функциями. От всего капитала отделяется и обособляется в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы исполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь от промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется известная часть и исполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения этого денежного капитала опять-таки суть лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства»¹. «Итак, торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег... Очевидно, что та масса денежного капитала, которою оперируют торговцы деньгами, — это находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников и что операции, совершаемые ими, суть лишь операции тех, кого они обслуживают.

Ясно и то, что их прибыль есть лишь вычет из прибавочной стоимости, так как они имеют дело только с уже реализованными стоимостями (даже если они реализованы лишь в форме долговых требований)»². В ходе развития ведение кассы выпадает на долю банков. Величина необходимого для этого капитала определяется технической природой операций и их масштабом. Банки реализуют на этот капитал среднюю прибыль, как торговцы на товарно-торговый капитал и промышленники на производственный капитал³. Но это — единственная часть банковского капитала, прибыль на которую относится к кате-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 327. (Курсив Гильфердинга. — Ред.)

² Там же, стр. 334.

³ Для наглядности приведем следующий схематический числовой пример: Предположим, что производственный капитал равен 1000. Пусть создаваемая им прибыль будет 200. Пусть товарно-торговый капитал — возьмем преувеличенные пропорции — составляет 400 и денежно-торговый капитал — 100. Прибыль распределяется на весь капитал, равный 1500; в таком случае норма средней прибыли составляет 15%. Из 200, общей прибыли, промышленникам достается 150, купцам — 40 и торговцам деньгами — 10.

гории средней прибыли. Прибыль на остальной банковый капитал по существу отлична от нее.

Обслуживая кредит, банк оперирует всем имеющимся в его распоряжении капиталом, собственным и чужим. Его валовая прибыль состоит из процента на капитал, отданный в ссуду, чистая прибыль — по вычете издержек — из разницы между процентами, которые уплачиваются ему, и процентами, которые он в свою очередь уплачивает по вкладам. Следовательно, эта прибыль не относится к категории средней прибыли, и не средняя норма прибыли определяет ее уровень. Как и для всякого другого денежного капиталиста, она проистекает из процента. Но только другие денежные капиталисты получают прибыль лишь на свой собственный капитал; банк же, играя роль посредника в кредитных отношениях, может получать его и на капитал своих кредиторов, которым он уплачивает более низкий процент, чем сам взимает со своих должников. Этот процент представляет собой просто часть или вычет из той средней общественной прибыли, уровень которой есть величина уже данная. Но сама эта прибыль, как прибыль торгового и денежно-торгового капитала, не оказывает определяющего влияния на среднюю норму прибыли.

Уровень процента зависит от соотношения спроса и предложения ссудного капитала; банковый капитал является лишь частью последнего. Этим уровнем процента определяется *валовая прибыль*. Чтобы привлечь в свое распоряжение возможно более крупный денежный капитал, банки в свою очередь платят проценты по вкладам. *Ceteris paribus* [при прочих равных условиях] величина того денежного капитала, который поступает в распоряжение банка, зависит от уровня процента, уплачиваемого по вкладам. Таким образом, конкурируя из-за вкладов, банки вынуждены платить по возможности высокий процент. Разница между процентом, который банк получает в качестве кредитора, и процентом, который он уплачивает в качестве должника, и составляет *чистую прибыль* банка.

Итак, взаимная связь явлений такова: первоначально соотношением спроса и предложения ссудного капитала устанавливается уровень процента вообще, и он определяет ту валовую прибыль, которую получают банки, ссужая собственные или чужие деньги, имеющиеся в их распоряжении. При этом как для образования уровня процента, так и для величины валовой прибыли совершенно безразлично, в каком количественном соотношении находятся друг к другу собственные и чужие средства, имеющиеся в распоряжении банка. Различие лишь в том, что из чужих денег банк действительно может располагать только некоторой частью, между тем как остальную приходится держать в качестве резерва. Но этот резерв, не приносящий процентов, представляет собой ничтожную величину по сравнению со всей суммой. Взаимная конкуренция банков опреде-

ляет уровень того процента, который они должны уплачивать по вкладам, и при данной величине валовой прибыли и данной сумме издержек от этого уровня зависит размер чистой прибыли. Мы видим, что величиной данной здесь является не собственный капитал банков. В самом деле, не от собственного капитала, а от того ссудного капитала, которым вообще располагает банк, зависят размеры его прибыли. Значит, последняя есть величина данная, и в соответствии с нею должен изменяться размер собственного банковского капитала. Из всего ссудного капитала банки могут превратить в свой собственный капитал столько, сколько допускает их прибыль. Но для капитала банковское дело с точки зрения помещения капитала ничем не отличается от любого другого дела. Он будет приливать к этой сфере лишь при том условии, если найдет в ней такую же возможность самовозрастания, как в промышленной или торговой сфере. Иначе капитал отливал бы отсюда. С другой стороны, прибыль банка есть величина данная. Следовательно, собственный капитал должен иметь такую величину, чтобы прибыль на него равнялась средней прибыли на этот капитал. Предположим, что банк располагает ссудным капиталом в 100 млн. марок. Оперировав им, он получает валовую прибыль в 6 млн. и чистую прибыль — в 2 млн. При норме прибыли в 20% собственный капитал может составлять в таком случае 10 млн., а остальные 90 млн. будут теми вкладами, которыми может располагать банк.

Этим объясняется, почему при основании акционерных банков или при увеличении их капитала остается место для учредительской прибыли, хотя банковый капитал не создает предпринимательской (промышленной) прибыли, а только реализует процент. Так как банковая прибыль равна средней норме прибыли, а акционерам достаточно получать просто процент, то отсюда вытекает возможность учредительской прибыли. Если банк занимает господствующее положение на денежном рынке, то он может оставить у себя учредительскую прибыль целиком или в некоторой части. Тогда он усиливает свои резервы. Резервы, разумеется, тоже собственный капитал банка, но бухгалтерски прибыль исчисляется на сравнительно меньший номинальный капитал. Резервы в свою очередь дают банку возможность увеличить ту часть своего капитала, которая закрепляется в промышленности.

Итак, разделение на собственный и чужой капитал не имеет значения для величины прибыли, да и вообще нет какого-либо устойчивого соотношения между размерами собственного капитала и чужого, притягиваемого собственным. При таких обстоятельствах величина собственного капитала представляется на первый взгляд делом произвола, и потому имеется возможность определить его в таком размере, чтобы прибыль, хотя сама она и не является средней прибылью, однако, была бы

равна средней прибыли. Если банковое дело уже сильно развито и свободный ссудный капитал уже находится в распоряжении банков, то этим значительно затрудняется основание новых банков, потому что они не смогли бы получить в свое распоряжение достаточных чужих капиталов, или сумели бы привлечь их лишь после ожесточенной конкурентной борьбы с совокупностью других банков, после борьбы, исход которой был бы очень сомнительным.

Положение банкового капитала совершенно иное, чем положение промышленного капитала; оно отлично также от положения торгового и денежно-торгового капитала. В этих сферах величина капитала определена техническими условиями, объективными условиями процесса производства и обращения. Величина промышленного капитала зависит от развития процесса производства вообще, от размера наличных средств производства, к числу которых в данной связи относятся также силы природы и техническая возможность их использования, зависит, наконец, от размеров наличного рабочего населения. Способ применения и степень эксплуатации рабочей силы определяют величину прибыли, которая одинаково распределяется между промышленным, торговым и денежно-торговым капиталом; при этом в двух последних сферах величина капитала тоже определяется техническими условиями операций, которые капитал должен выполнять в сфере обращения. Так как обращение не производит прибыли, следовательно, представляет собой непроизводительные издержки, то здесь существует тенденция сократить применяемый капитал до возможного минимума. Напротив, банковый капитал, собственный и заемный, есть не что иное, как ссудный капитал, а этот ссудный капитал в действительности есть не что иное, как денежная форма производительного капитала, причем большая часть его — только форма, т. е. существует исключительно в расчетных операциях.

Такое же соотношение между банковской прибылью и величиной собственного капитала мы найдем, если рассмотрим ту прибыль, которая вытекает из эмиссионной и спекулятивной деятельности.

Учредительская или эмиссионная прибыль — это не прибыль и не процент, а капитализированная предпринимательская прибыль. Предпосылка ее — превращение промышленного в фиктивный капитал. Величина эмиссионной прибыли определяется, во-первых, средней нормой прибыли и, во-вторых, уровнем процента. Средняя норма прибыли минус процент определяет величину предпринимательской прибыли, которая, будучи капитализирована из обычного уровня процента, образует учредительскую прибыль. Учредительская прибыль никоим образом не зависит от величины собственного капитала банка. Возможность превратить промышленный капитал в фиктивный капитал зависит единственно от количества того капитала, который

вообще может быть ссужен и готов превратиться в производительный капитал, сохраняя в то же время форму капитала, приносящего проценты. Необходимо, чтобы имелось достаточно денег для вложения в акции. При этом следует иметь в виду такое различие. Превращение уже существующего промышленного капитала в акционерный капитал связывает лишь такое количество денег, какое необходимо для обращения акций на фондовом рынке, а оно в свою очередь зависит от того, остаются ли эти акции в «крепких руках» в качестве бумаг для длительного помещения капитала, или же они в качестве спекулятивных бумаг обращаются быстро. Но может случиться, что эмиссия акционерного капитала означает учреждение нового или расширение уже существующего предприятия. Тогда денежного капитала потребуется столько, чтобы, во-первых, можно было совершить оборот $D < \frac{P}{C_p} P \dots T^1 - D^1$ и чтобы, во-вторых, обслужить оборот самих акций. Количество наличного ссудного капитала определяет в то же время уровень процента, который имеет решающее значение для капитализации, а следовательно, и величину эмиссионной прибыли. Значит, последняя не зависит от величины собственного капитала банка. Но сумма эмиссионной прибыли, взятая за продолжительное время, должна дать среднюю норму прибыли на собственный капитал банка. С другой стороны, банку вообще свойственна тенденция увеличивать собственный капитал, потому что вследствие этого расширяется, во-первых, его кредит и, во-вторых, возрастает надежность.

Аналогично обстоит дело со спекулятивной прибылью. Участие в спекуляции тоже не зависит от того, как разделяется имеющийся в распоряжении банка капитал на собственный и заемный, оно зависит от общей величины капитала.

Но мы уже знаем, что как деятельность по обслуживанию кредита, так и финансирование и спекуляция порождают тенденцию к концентрации, а вместе с тем стремление располагать возможно большей долей капитала как собственным капиталом. Ведь собственный капитал в противоположность заемному не может быть в любое время истребован обратно. Следовательно, его можно с несравненно большей уверенностью закрепить в промышленных предприятиях. Учредительская деятельность в особенности предполагает, что денежный капитал закрепляется в промышленности на более или менее продолжительное время, пока вследствие продажи акций он не возвратится обратно к банку. Следовательно, увеличение собственного капитала означает возможность более продолжительного участия и, в конце концов, подчинения промышленных предприятий и усиливающегося влияния на спекуляцию товарами и ценными бумагами. Поэтому банку свойственна тенденция постоянно увеличивать свой капитал, насколько это допускает прибыль от процента и эмиссионная прибыль.

Но банк, не говоря уже о необходимости соответственно использовать возросший капитал, не может просто по своему произволу превратить заемный капитал в собственный. Банк стремится увеличить свой собственный капитал для того, чтобы имелась возможность закреплять его в промышленности, получать эмиссионную прибыль и подчинять себе промышленность. Если бы дело шло только об обслуживании платежного кредита, то увеличение собственного капитала дальше известной границы было бы бесполезно, так как здесь решающее значение имеет возможность распоряжаться заемными деньгами; капитал, которым обслуживаются платежи, может постоянно сохраняться в готовой к функционированию форме, из него нельзя извлечь какой-либо иной доход, кроме процента. Однако не следует представлять себе дело так, что раз большая часть ссужаемых денег рассматривается теперь как собственный капитал банка, то он уже по одной этой причине может закрепить большую долю своего капитала в качестве промышленного. Действительная связь обратная. Так как лишь некоторая часть имеющегося у банка ссудного капитала необходима для обслуживания платежей (оборотный кредит), то другой частью можно располагать для вложения в промышленность (кредит для капиталовложений). Это разделение имеющегося вообще ссудного капитала между оборотным кредитом и кредитом для капиталовложений в каждый данный момент определяется объективными условиями, связанными с данным состоянием процесса производства и обращения. Хотя границы и эластичны, однако банк не может их игнорировать, иначе окажется невозможным в любое время получить банковый капитал в денежной форме, и платежеспособность банка будет поставлена под угрозу. Напротив, это разделение имеющегося ссудного капитала не зависит от того, какая часть капитала, находящегося в распоряжении банка, является его собственным капиталом и какая — чужим. Но банк стремится к увеличению собственного капитала, чтобы иметь возможность часть его закрепить в промышленности. Граница этого превращения заемного в собственный капитал ставится той частью капитала, имеющегося в распоряжении банка вообще, которой он может располагать в качестве кредита для капиталовложений. В этих пределах тенденция развития банков ведет к тому, что постоянно растущая часть ссудного капитала превращается в собственный капитал банка. Следовательно, величина собственного капитала отнюдь не зависит от одной только воли банка и не зависит от одной только возможности использовать возросший капитал.

Увеличение банкового капитала является в первую очередь чисто юридическим актом и не сопровождается изменением экономических функций. Свой капитал, который у банка необходимо должен иметь форму денежного капитала, банк может

увеличить только путем превращения заемного денежного капитала в свой собственный. Так как при развитой денежной системе все свободные деньги сосредоточиваются в банках, то увеличение банкового капитала означает сначала, что часть вкладов, имеющихся в распоряжении банка, теперь превращается в банковый капитал, например, посредством выпуска акций.

Это превращение заемного капитала в собственный денежный капитал банка, разумеется, не вносит решительно никаких изменений в спрос и предложение денежного капитала, а потому не оказывает никакого влияния на уровень процента¹.

Увеличение промышленного капитала при прочих равных условиях имеет своим следствием увеличение массы прибыли, потому что промышленный капитал в процессе производства высиживает прибавочную стоимость. Конечно, увеличение банкового капитала нисколько не меняет ту общую массу процента, которую получает банк, ибо при неизменном спросе масса процента зависит от предложения ссудного капитала, которое никоим образом не меняется от того, что распределение ссудного капитала между банками и частными лицами изменилось, т. е. от простого изменения в распределении собственности. Изменяется здесь только способ исчисления чистой прибыли банка, которая в процентном отношении кажется теперь меньше, потому что собственный капитал банка увеличился.

Промышленный, торговый и денежно-торговый капитал — это определенные части общественного капитала, которые в каждый данный момент должны находиться в определенной пропорции друг к другу. Говоря абстрактно, весь общественный капитал мог бы в то же время быть банковым капиталом. В самом деле, банковый капитал означает лишь капитал, предоставленный в распоряжение банков, и ничто не препятствовало бы тому, чтобы весь капитал проходил через банки. Конечно, большая часть этого банкового капитала фиктивна, представляет собой лишь денежное выражение того действительного капитала, который функционирует в производстве, или просто титул капитализированной прибавочной стоимости.

Следовательно, в противоположность промышленности увеличение банкового капитала не приводит к увеличению прибыли. Напротив, прибыль для банка есть величина данная. Если прибыль растет, то банк увеличивает собственный капитал, потому что увеличенный капитал позволяет ему, не угрожая его надежности, в большей мере принять участие в превращении своего банкового капитала в промышленный

¹ Поэтому на совершенно младенческих представлениях основываются ожидания, что увеличение собственного капитала в эмиссионном банке, например в Германском имперском банке, должно привести к понижению уровня процента.

капитал. Увеличивать собственный капитал банк побуждает главным образом кредитование промышленности, участие в промышленных предприятиях путем владения акциями и эмиссионной деятельности. Это доказывается хотя бы тем фактом, что чисто депозитные банки Англии, несмотря на колоссально растущие обороты, не увеличивают своего капитала и потому распределяют очень высокие дивиденды.

Таким образом, не следует полагать, будто прилив или отлив банкового капитала так воздействует на прибыль банков, что уровень процента изменяется. В действительности изменяется только распределение прибыли, которая исчисляется то на больший, то на меньший собственный капитал.

При этом до известной степени важно, что увеличение банкового капитала совершается в форме акционерного, следовательно, фиктивного капитала.

Мы видели, что превращением денег в фиктивный капитал характер индивидуального капиталиста как денежного или ссудного капиталиста не изменяется. Деньги, превращенные в фиктивный капитал, останутся банковым капиталом, следовательно, останутся в экономическом смысле денежным капиталом. Часть этого банкового капитала превращается в промышленный капитал, причем это превращение может осуществиться двояким способом. Или банк открывает промышленному предприятию кредит, т. е. просто ссужает ему свой капитал. Или банк берет акции промышленного предприятия, которые, — так как теперь это допускают размеры собственного капитала, — надолго удерживаются в его владении. В этом случае последствие увеличения банкового капитала таково, что денежный капитал сначала превращается в банковый и уже этот последний — в производительный капитал. Частные денежные капиталисты вместо того, чтобы непосредственно помещать свои деньги в промышленные акции, вкладывают их в банковые акции, и только банк, покупая промышленные акции, превращает деньги в промышленный капитал. Различие заключается в том, что банк — не просто посредник в этих операциях, как собственник банкового капитала, он стал совладельцем промышленного предприятия. И это банковое право собственности воздействует на промышленное предприятие совершенно иначе, чем право собственности отдельных акционеров. Так складывается вполне определенная тенденция: денежный капитал, имеющийся в распоряжении частных лиц, в возрастающем объеме сначала превращается в банковый капитал, и только уже последний — в промышленный капитал. При этом происходит удвоение фиктивного капитала. Денежный капитал фиктивно превращается в капитал банковых акций и тем самым в действительности переходит в собственность банка. Затем этот банковый капитал фиктивно превращается в промышлен-

ные акции, а в действительности — в элементы производительного капитала, в средства производства и рабочую силу.

Дивидендная политика банков, которые оперируют крупным чужим капиталом (вкладами), должна быть более устойчивой, чем политика промышленных предприятий, в особенности в том случае, если вклады поступают от кругов, которые только по таким внешним признакам, как устойчивость дивидендов, составляют себе суждение о том, хорошо или плохо управляется банк, и при шаткой дивидендной политике извлекают свои вклады. Следовательно, здесь перед нами вклады некапиталистических кругов. Промышленное предприятие в своей дивидендной политике пользуется большей независимостью. Во-первых, потому, что его кредиторы обычно с большей точностью осведомлены о его платежеспособности. Во-вторых, потому, что кредит, которым ему постоянно приходится пользоваться, платежный кредит, покрывается товарами, которые оно производит. Другими формами кредита приходится пользоваться не постоянно, как банкам, а лишь через более или менее продолжительные промежутки времени. Такая большая независимость дивидендной политики промышленного предприятия позволяет прежде всего оказывать влияние на курс акций, а тем самым — для посвященных — получать спекулятивную прибыль на бирже. Она же дает возможность легче приспособляться к колебаниям конъюнктуры и потребностям накопления, а ведь эти колебания и умение приспособливаться имеют для промышленного предприятия более весомое значение, чем для банков.

С другой стороны, банки легче, чем промышленные предприятия, могут внести относительную устойчивость в свою дивидендную политику, потому что колебания конъюнктуры не так сильно и не так односторонне воздействуют на банковую прибыль, как на предпринимательскую. Во-первых, значительная часть банковской прибыли не очень сильно зависит от абсолютного уровня процента; она зависит от разницы между процентом по ссужаемому и по заемному капиталу. Но эта разница, особенно если концентрация банков зашла сколько-нибудь далеко, намного более устойчива, чем подверженная постоянным колебаниям абсолютная величина процента. Далее, в движении конъюнктуры возникают благоприятные и неблагоприятные моменты, которые отчасти взаимно компенсируются. Наиболее благоприятен период прогрессирующего подъема с постепенно растущим уровнем процента, большей потребностью промышленности в капитале, а потому — с оживленной эмиссионной деятельностью и высокой учредительской прибылью. В то же время повышаются прибыли от ведения кассы и обслуживания платежного кредита, равно как и от биржевой спекуляции. При высокой конъюнктуре повышается как уровень процента, так и разница между получаемым и уплачиваемым процентом.

Напротив, эмиссионная деятельность и учредительская прибыль сокращаются. Потребность промышленности в капитале в большей степени удовлетворяется банковым кредитом, чем выпуском акций и облигаций, притом и спекуляция с ценными бумагами обыкновенно уже за некоторое время до кризиса ограничивается высоким уровнем процента. Начальная стадия депрессии, когда уровень процента наиболее низок, особенно благоприятна для выпуска бумаг с фиксированным процентом. Сильно увеличивается прибыль банков от эмиссии государственных и муниципальных займов и т. д., равно как и прибыль от продажи по повышенным курсам бумаг с фиксированным процентом из собственных запасов банков. Часть банковских долгов, раньше сделанных промышленностью, превращается в акционерный капитал и облигации, так как денежный рынок полон и вновь приносит эмиссионную прибыль. Все это моменты, которыми более или менее компенсируется сокращение доходов, получаемых от процентов за обслуживание кредита.

Банки ведут *конкуренцию* не только своим собственным капиталом, но и всем капиталом, каким они располагают. Однако конкуренция на денежном рынке существенно отличается от конкуренции на товарном рынке. Важнейшее различие состоит прежде всего в том, что на денежном рынке капитал имеет форму денег, а на товарном рынке его еще приходится превращать из товарного капитала в денежный. Но при этом возможно, что превращение в той или иной мере окажется неудачным, следовательно, товарный капитал обесценится, и вместо прибыли будет убыток. При конкуренции товаров дело идет только о реализации капитала, а не о возрастании его стоимости. Когда конкурируют между собой денежные капиталы, капитал как таковой гарантирован, и дело заключается только в том, в какой степени он возрастает, какова будет величина процента. Но процент определяется так, что для отдельного конкурента остается мало простора. Прежде всего решающее значение имеет дисконтная политика центральных денежных учреждений, которая всем остальным дает простор только в сравнительно узких границах. Это важно в первую очередь для чисто кредитных банковских операций, как активных, так и пассивных. Здесь конкуренция относительно слабая. Но, чем меньше простор, тем большую роль играет количественный момент: размер операционной сферы. Только в том случае, если она очень широка, можно понизить комиссионные, повысить процент по вкладам. Но условия для *равновеликих* предприятий будут приблизительно равные. Далее, в области обслуживания кредита сверхприбыль отпадает, за одним единственным исключением: за исключением той сверхприбыли, которая для очень крупных предприятий по сравнению с мелкими обуславливается экономией на издержках и большей воз-

возможностью избежать потерь и разделить риск. Напротив, здесь никакой роли не играет такая сверхприбыль, которая для промышленности вытекает из запатентованных технических новшеств и столь важна в конкурентной борьбе.

Большую роль, чем при обслуживании кредита, имеет конкуренция при финансировании, следовательно, в эмиссионной деятельности. Здесь величина учредительской прибыли оставляет широкий простор для борьбы посредством снижения требований. Но и тут границы не слишком широки. Решают здесь не столько те условия, какие сложились в самих банках, сколько степень зависимости промышленности от банков в результате прежних банковских кредитов.

Когда речь идет о конкуренции в промышленности, то следует разграничивать техническую и экономическую сторону вопроса. В банках технические различия играют совсем ничтожную роль, техника в однородных банках одинаковая (разнородные банки непосредственно вообще не конкурируют между собой). Между ними с самого начала имеется только экономическое различие, которое носит чисто количественный характер и определяется величиной конкурирующего капитала.

Именно этот совершенно своеобразный характер конкуренции и позволяет банкам со столь большим разнообразием и изменчивостью то конкурировать, то кооперироваться друг с другом. Нечто подобное мы наблюдаем иногда на столь же крупных промышленных предприятиях, которые при случае заключают соглашения относительно той или иной операции, например при подрядах. Но в промышленности подобные соглашения большей частью — предшественники картелей, следовательно, длительной кооперации, исключаящей конкуренцию.

Если общий уровень процента является границей конкуренции при обслуживании кредита, то в сфере платежного оборота граница конкуренции определяется средней нормой прибыли. Но именно здесь для размеров комиссионных решающее значение имеет величина оборота, что обуславливает серьезное превосходство крупных банков.

Принцип банковской техники, состоящий в максимальной надежности операций, с самого начала мало располагает банки к конкуренции. Поэтому им особенно близко исключение конкуренции в промышленности посредством картелирования и получение «постоянной прибыли».

Банковая прибыль не предпринимательская прибыль. Но в своей сумме эта прибыль, отнесенная к собственному капиталу банка, должна дать среднюю норму прибыли. Если она падает ниже, то капиталы извлекаются из банковского дела, если она выше, возникают новые банки. А так как банковый капитал постоянно сохраняет денежную форму, или значительную часть его во всякое время легко превратить в денежную форму, то

здесь уравнивание может осуществляться с максимальной быстротой.

Поэтому никогда и не бывает «перепроизводства» банковского капитала. Чрезмерное увеличение собственного банковского капитала приводит просто к тому, что он опять отливает и находит применение в иной сфере, но не приводит к всеобщему краху с сопровождающим его обесценением и т. д., что мы наблюдаем в промышленных сферах. Банковский крах есть просто следствие промышленного перепроизводства или чрезмерной спекуляции и выступает как нехватка банковского капитала в денежной форме. Он проявляется в том, что банковый капитал прочно закреплен в такой форме, при которой его невозможно немедленно реализовать в деньгах.

С развитием банковского дела, с углублением связей между банками и промышленностью усиливается тенденция, с одной стороны, к устранению конкуренции между банками, а с другой — к концентрации всего капитала в форме денежного капитала и к тому, чтобы производительные капиталисты получали его в свое распоряжение лишь при посредстве банков. В своем последовательном развитии эта тенденция привела бы к тому, что один банк или одна группа банков получили бы в свое распоряжение весь совокупный денежный капитал. Такой «центральный банк» осуществлял бы контроль над всем общественным производством¹.

В кредите наряду с вещным выступает личное отношение. Он выступает непосредственно, как лично-общественное отношение в противоположность вещно-общественным отношениям других экономических категорий, прежде всего деньгам: в просторечии говорят о «доверии». Точно так же в своих завершенных формах он противостоит капитализму, представ-

¹ «В банковской системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма... Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала...

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако, лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал..., кредит как таковой не имеет уже никакого смысла... С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм и капитал, приносящий проценты, образуя в действительности базис его кредитной системы» (К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 620—621).

ляет собой организацию и контроль в противоположность анархии. Можно сказать поэтому, что он возникает из социализма, приспособленного к капиталистическому обществу,— это шарлатанский, адаптированный капитализмом социализм. Деньги многих он социализирует для употребления некоторых. Вначале он внезапно раскрывает перед рыцарем кредита захватывающие перспективы: кажется, будто рухнула граница капиталистического производства — частная собственность, кажется, будто вся производительная сила общества поступает в распоряжение отдельного индивидуума. У него кружится голова, и он кружит и морочит головы.

Первыми пионерами кредита были романтики капитализма, как Лоу и Перейра; должно пройти некоторое время, пока не приобретет перевес рассудительный капиталист и пока Гундерман не победит Саккара.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Глава одиннадцатая

ПРЕПЯТСТВИЯ К УРАВНИВАНИЮ НОРМЫ ПРИБЫЛИ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Цель капиталистического производства — прибыль. Извлечение возможно большей прибыли — мотив всякого индивидуального капиталиста — превращается в основной принцип его экономических действий, необходимо возникающий из условий капиталистической конкурентной борьбы. В самом деле, индивидуальный капиталист может удержаться лишь при том условии, если он постоянно стремится к тому, чтобы не просто сохранить равенство с конкурентом, но и получить превосходство над ним. А этого он может достигнуть только в том случае, если ему удастся повысить свою прибыль над средним уровнем, следовательно, извлекать сверхприбыль¹.

¹ Гоббс так обобщает это стремление: «всеобщее стремление человечества — «постоянная и неустанная жажда умножать власть властью; ее прекращает только смерть». «И причина этого не всегда в том, что человек надеется на более интенсивное наслаждение, чем то, которого он уже достиг, или что он недоволен своей сравнительно скромной властью; причина этого в том, что власть и средства благосостояния, которыми он уже располагает, он не может сохранить, не увеличивая их еще больше» (Leviathan, ch. XI).

Золя, великий персонификатор социальных категорий, олицетворил мотив капиталистической деятельности, прибыль ради прибыли, в Гундермане, все потребительские потребности которого удовлетворяются молоком и который, несмотря на это, вечно предприимчив. Отсюда и его победа, победа капиталистического принципа, над Саккаром, у которого жажда прибыли замутнена чуждыми капиталу примесями: стремлением к власти, культурными идеями и личными потребностями в роскоши. В Гундермане лучше всего схвачен тип капиталиста в его наиболее иррациональной форме, биржевого спекулянта, единственным предметом стремлений которого являются деньги сами по себе, схвачен намного лучше, чем у Ибсена в «Габриэле Боркмане» (где капитализм насилует общественные потребности). Боркман исходит из общественных потребностей, а не из заинтересованности в прибыли, следовательно, из мотива, чуждого капиталисту. В драмах капиталистов это противоречие между интересами общества и интересами прибыли постоянно выдвигается в качестве трагического мотива, и потому так часто они производят нереалистическое впечатление. Настоящий капиталист в противоположность скупцу, личная нищета которого при известных обстоятельствах может производить трагическое впечатление, не годится в герои драмы: он может быть лишь эпизодическим лицом в романе.

Субъективное стремление к возможно более высокой прибыли, воодушевляющее всех индивидуальных капиталистов, имеет объективным результатом тенденцию к установлению равной средней нормы прибыли на все капиталы¹.

Этот результат достигается конкуренцией капиталов из-за сфер применения, постоянным приливом капитала в такие сферы, где норма прибыли выше средней, и постоянным отливом из таких сфер, где она ниже средней величины. Но эти постоянные приливы и отливы наталкиваются на препятствия, увеличивающиеся с уровнем капиталистического развития.

Развитие производительной силы труда, технический прогресс выражаются в том, что одна и та же масса живого труда приводит в движение все возрастающую массу средств производства. Этот процесс находит свое экономическое отражение в постоянном росте органического состава капитала, в постоянном увеличении той доли, которую во всем капитале составляет постоянный капитал по сравнению с переменным². В этом изменении пропорции $c : v$ выражается изменение той картины, которую представляет мануфактура и раннекапиталистическая фабрика с их небольшими цехами, мастерскими и толпами рабочих, теснящимися около малочисленных и мелких машин в сравнении с современной фабрикой, где за исполинскими телами автоматов, кажется, все более исчезают крошечные люди, которые едва видны тут и там.

Но техническое развитие приносит с собой одновременно и изменение в соотношении составных частей самого постоянного капитала. Та часть, которая представляет собой основной капитал, возрастает быстрее, чем оборотная часть постоянного капитала. Вот иллюстрация:

¹ Из мотивов действующих объектов хозяйства, мотивов, в свою очередь определяемых природой отношений, никогда нельзя вывести чего-либо большего, кроме тенденции к установлению равенства экономических отношений: равная цена за одинаковые товары, равная прибыль на равные капиталы, равная заработная плата и равная норма эксплуатации при равенстве труда. Но, исходя из субъективных мотивов, я никогда не дойду таким способом до самих количественных отношений. Напротив, чтобы найти количественные отношения отдельных частей, я должен наперед знать величину всего общественного продукта, при распределении которого действуют упомянутые тенденции к равенству. Из психологических факторов никогда нельзя вывести количественно определенные результаты.

² Вот иллюстрация того, насколько на современных прокатных предприятиях упала доля живого труда: «Благодаря только подъемным столам обслуживающий их при прокатке рельсов персонал понизился с 15—17 до 4—5 человек. В Америке на 1 т готовой продукции приходилось заработной платы (в центах):

	1880 г.	1901 г.
прокатка рельсов	15	менее 1
прокатка проволоки	212	12
разогревание болванок для производства проволоки	80	5

(Hans Gideon Heymann, Die gemischten Werke in deutschen Großeisengewerbe, Stuttgart 1904, S. 23).

«Успехи технического прогресса в доменном производстве принуждали к созданию все более крупных предприятий, к растущей концентрации капитала. По Люрману (*Lürmann, Die Fortschritte in Hochofenbetrieb seit 50 Jahren, Düsseldorf 1902*) с 1852 г. кубический объем доменных печей увеличился в отношении 1 : 4,8; производительность на доменную печь в отношении 1 : 33,3; а на тонну емкости доменной печи в отношении 1 : 7. В 1750 г. 14 силезских доменных печей все вместе выплавляли на древесном угле 25 тыс. ц чугуна, в 1799 г. в Кенигсхютте были запроектированы две коксовые домы общей производительностью 40 тыс. ц в год. Эхельгейзер в 1852 г. похвалялся суточной производительностью в 50—60 тыс. прусских фунтов. Последние раскопы на печь в сутки таковы: «Геверкшафт дейчер Кайзер» (Тиссен) — 518 т; «Огайо стил К^о», № 3 — 806 т. Значит, американская печь приблизительно за 30 часов производит столько, сколько раньше силезская печь производила за год, и за 36 часов столько, сколько 150 лет назад выплавляли 14 силезских печей за целый год.

Соответственно этому чрезвычайно повысились издержки на строительство печи. Упомянутые печи в Кенигсхютте были запроектированы общей стоимостью в 40 тыс. талеров. Это составляет приблизительно 20 тыс. марок капиталовложений на 1 т суточного производства. В 1887 г., согласно Веддингу, при капиталовложениях почти в 1 млн. на печь они понизились до 5,4—6 тыс. марок, в расчете на 1 т суточного производства. Недавно в результате введения новой аппаратуры и почти полного вытеснения ручного труда затраты вновь порысались круглым счетом до 10 тыс. марок на 1 т суточного производства. Следовательно, обычная 250-тонная печь в Рурском бассейне стоит теперь 2,5 млн., а каждая исполнская печь в Америке поглотила до 6 млн. марок.

Исключая Зигерланд и Верхнюю Селезию, в настоящее время в Германии едва ли найдется печь с суточной производительностью ниже 100 т. Следовательно, минимальное годовое производство печи новой конструкции должно быть определено в 30—40 тыс. т, а так как соединение нескольких печей в одном предприятии приносит крупные выгоды, то отсюда стремление к постоянному увеличению числа печей, принадлежащих одному предприятию. Как общие издержки (управление, лаборатория, инженеры), так и издержки на необходимые запасные машины (воздуходувки, подогреватели воздуха) распределяются тогда на несравненно большую продукцию. Только располагая несколькими печами, можно в одной из печей из года в год произвести один и тот же сорт чугуна. Благодаря этому отпадает, во-первых, обременительный перевод печей с одного сорта чугуна на другой и, во-вторых, становится возможным специализировать конструкцию домны в соответствии с тем сортом чугуна, который будет в ней выплавляться. Наконец, использование современных изобретений (рациональная подача сырья, литейные машины, смесители, машины на ксолошниковом газе) становится экономически рациональным только при высоких показателях производства и при большом количестве печей» (*Неутманн, op. cit., S. 13 и след.*).

С этой сферой, характеризующейся высоким органическим составом капитала, в особенности интересно сравнить другую промышленную сферу, в которой машины тоже применяются в широкой степени, но вследствие совершенно иных технических условий органический состав капитала намного ниже. «Величину капитала, необходимого при производстве обуви, мы иллюстрируем на примере одной фабрики, которая ежедневно производит 600—800 пар обуви, из коих половина рантовые, другая — на гвоздях.

	в тыс. марок
Здания	100
Земля	50
Паровая машина (50 л. с.)	21
Электрооборудование	20

Станки и другое оборудование	80
Колодки	25

Основной капитал 296

Если мы примем, что оборотный (производственный) капитал оборачивается, скажем, 2 раза в год, то мы получим:

	в тыс. марок
Сырье на полгода	350
Заработная плата на полгода . . .	100
Другие издержки на полгода . . .	90

Оборотный капитал 540

Значит, мы можем утверждать, что, кроме основного капитала круглым счетом в 300 тыс. марок, требуется оборотный капитал в 500 тыс. марок. Следовательно, для этой фабрики, на которой занято 180—200 рабочих, необходим был бы капитал в общем около 800 тыс. марок» (*Karl Rehe, Die Deutsche Schuhgroßindustrie, Jena 1907, S. 54*).

Напротив: «Для крупного комбинированного предприятия мощностью 300—400 тыс. т продукции томасового чугуна и построенного где-нибудь в Западной Германии, причем ему придется покупать как рудные месторождения, так и землю, получилась бы такая минимальная стоимость:

	в млн. марок
1 тыс. га железорудных месторождений . . .	10
6 каменноугольных месторождений в Рурском бассейне	3
Шахта с добычей в 1 млн. т, включая коксовальни	12
Строительство доменной печи	10
Сталелитейные и прокатные заводы	15
Земля, присоединение к железным дорогам, квартиры для рабочих и т. д. при металлургическом заводе	5

Итого 55

Кроме того, потребуется до 10 тыс. рабочих. Соответственно этому в Америке для сталелитейного завода с удвоенной мощностью (2,5 тыс. т в сутки) считаются необходимыми 20—30 млн. долл.» Напротив, во всю металлургическую промышленность Нассау в 1852 г. был вложен капитал всего в 1235 тыс. флоринов (*Heumann, op. cit., S. 26*).

Но это колоссальное увеличение основного капитала означает, что возможность перенесения уже сделанных капиталовложений из одной сферы в другую становится все более затруднительной. Оборотный капитал по истечении каждого периода оборота возвращается в денежной форме, и тогда его можно вложить в какую угодно другую отрасль производства. Наоборот, основной капитал закреплен в процессе производства на сравнительно большее число периодов оборота. Его стоимость постепенно переносится на продукт и столь же постепенно притекает обратно в денежной форме. Оборот всего

капитала замедляется. Чем относительно больше основной капитал, чем огромнее его размеры, тем более весомо его относительное значение при вложениях капитала, тем большую долю всего капитала он составляет и тем труднее становится, не неся огромных потерь, реализовать связанную в нем стоимость и затем перенести капитал в более благоприятную сферу. Вследствие этого конкуренция капитала из-за сфер приложения претерпевает модификацию. На место старых, правовых ограничений средневековой опеки возникли новые, экономические границы, которые ограничивают свободу передвижения капитала. Конечно, это ограничение касается лишь капиталов, уже превратившихся в производственный капитал, а не тех, которым еще предстоит быть вложенными. Второе ограничение заключается в том, что техническое развитие расширяет одновременно и масштаб производства. При увеличении размеров постоянного капитала, и в особенности основной его части, для того чтобы соответственно расширить производство или основать новое предприятие, требуется абсолютно все более увеличивающаяся сумма капитала. Постепенно накапливаемые из прибавочной стоимости суммы в течение длительного времени остаются недостаточными, для того чтобы превратиться в самостоятельные капиталы. Таким образом, можно себе представить, что и приток нового капитала оказывается недостаточным или запаздывает. Но свобода передвижения капитала — необходимое условие установления равной нормы прибыли. Если прилив и отлив капитала не может протекать беспрепятственно, это равенство нарушается. Так как тенденция к равенству прибыли — это прежде всего индивидуальное стремление капиталиста к возможно более высокой прибыли, то и устранение ограничения должно носить сначала индивидуальный характер. Это осуществляется мобилизацией капитала.

Создание ассоциации капиталов достаточно, для того чтобы централизовать капитал. Но мобилизация является одновременно и расширением сферы того капитала, который может быть ассоциирован. Вследствие мобилизации постоянное обратное превращение промышленного капитала, в том числе и основной его части, в денежный капитал становится в широких пределах независимым от того действительного возврата капитала, который совершается по истечении целого ряда периодов оборота, охватывающих функционирование одного и того же основного капитала. Конечно, в общественном масштабе это обратное превращение невозможно, оно осуществляется лишь для некоторого числа постоянно меняющихся капиталистов. Благодаря этой способности в любое время совершить обратное превращение в деньги капитал по способу своего обратного притока приближается к ссудному капиталу — денежному капиталу, который, будучи авансирован на известное время, возвращается в виде денежной сум-

мы, увеличенной процентами. Таким образом, становятся пригодными для применения в сфере промышленности такие денежные суммы, которые иначе не могли бы функционировать в качестве промышленного капитала.

Это — те денежные суммы, которые для их владельцев оставались бы бездейственными на более или менее продолжительное время или находили бы лишь краткосрочное применение в качестве чисто ссудного капитала. Состав этих сумм постоянно изменяется, они то сокращаются, то расширяются. Но в каждый данный момент имеется известная сумма таких празднующих денег. Ее-то и можно превратить в промышленный капитал и закрепить в нем. Постоянные изменения в составе этой денежной суммы выражаются в постоянной смене владельцев акций. Разумеется, превращение в промышленный капитал совершается только однажды — раз и навсегда. Бездейственные деньги окончательно превращены в денежный капитал, а этот последний — в производственный капитал. Новые денежные суммы, притскающие теперь из этого фонда бездейственных денег, функционируют уже как покупательные средства по отношению к акциям, служат просто средством обращения последних, обслуживают их оборот. Но для владельца тех денег, которые первоначально были превращены в промышленный капитал, они осуществляют обратный приток его денег. Теперь, после того как они и в промежуточный период функционировали для владельца как капитал, он опять располагает ими для любых целей. Попутно заметим, что с повышением курса акций *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] должно увеличиваться и то количество денег, которое необходимо для обращения этих акций. Следовательно, возможно, что в сферу обращения войдет больше денег, чем было первоначально превращено в промышленный капитал. При этом следует обратить внимание на то, что, как правило, курс акций выше стоимости того промышленного капитала, в который были превращены деньги.

Конечно, мобилизация капитала нисколько не затрагивает процесса производства. Она касается только отношений собственности, лишь создает форму для перенесения функционирующей капиталистической собственности, для перемещения капитала как капитала, как денежной суммы, высиживающей прибыль. Так как она не затрагивает производство, то и представляет собой в действительности лишь перемещение титула собственности на прибыль. Но для капиталиста все дело сводится только к прибыли. В какой именно сфере производится прибыль, для него безразлично. Капиталист делает не товар, в товаре он делает прибыль.

Значит, одна акция столь же хороша, как и другая, если при прочих равных условиях они приносят равную прибыль.

Тем самым всякая акция расценивается по той прибыли, которую она приносит. Капиталист, покупающий акции, покупает такую же долю прибыли, какую купил бы любой другой на равную сумму денег. Следовательно, мобилизацией капитала для всякого отдельного капиталиста индивидуально осуществляется равенство норм прибыли. Но именно только индивидуально, потому что покупкой акций действительно существующие неравенства погашаются только для него. В действительности и эти неравенства и тенденции к их уравниванию продолжают существовать.

В самом деле, мобилизация капитала оставляет неприкосновенным действительное движение капитала к уравниванию нормы прибыли; ведь у капиталиста по-прежнему остается стремление к возможно более высокой прибыли. Последняя выступает теперь в виде увеличенных дивидендов и более высокой курсовой стоимости акций. Этим ясно указывается путь для капиталов, ищущих применения. Размер полученной прибыли, который прежде был коммерческой тайной отдельного предпринимателя, находит теперь более или менее адекватное выражение в уровне дивиденда. Таким образом, для капитала, который ищет применения, становится легко решить, к какой отрасли производства ему следует обратиться. Пусть, например, в металлургической промышленности капитал в 1 млрд. марок приносит 200 млн. прибыли, а в другой отрасли промышленности такой же капитал приносит прибыль в 100 млн. марок. Тогда, если мы предположим капитализацию из 5%, курсовая стоимость металлургических акций составит 4 млрд., а вторых акций — 2 млрд., и тем самым различие для индивидуальных владельцев будет погашено. Но это нисколько не помешает новому капиталу искать приложения именно в металлургической промышленности, где производится прибыль выше среднего уровня. Как раз акционерная форма и облегчит приток капитала в соответствующие сферы. И не только потому, что, как уже отмечено выше, она легко преодолевает препятствия, обусловливаемые величиной необходимого капитала, но и потому, что капитализация сверхприбыли этих сфер обещает особенно высокую учредительскую прибыль и побуждает банки к участию в данной отрасли промышленности. Различие норм прибыли проявляется здесь в различной величине учредительской прибыли. Они уравниваются, потому что вновь накапливаемые массы прибавочной стоимости устремляются к сфере с наиболее высокой учредительской прибылью.

Мобилизация капитала не затрагивает и те препятствия, которые противостоят уравниванию норм прибыли. Напротив, ассоциация капитала, развивающаяся параллельно его мобилизации, устраняет те барьеры, которые ставятся необходимой величиной вновь применяемых капиталов. С растущим

богатством капиталистического общества и в результате соединения денежных сумм размеры предприятия уже не служат препятствием для его основания. Таким образом, уравнивание нормы прибыли все в большей степени может осуществляться только приливом нового капитала в такие сферы, где норма прибыли выше средней. Отлив же капитала из сфер производства с большим основным капиталом становится все более затруднительным. Здесь уменьшение капитала происходит лишь в результате постепенного отмирания старого оборудования или же уничтожения капитала в случае банкротства.

В то же время с расширением масштаба производства возникают новые трудности. Вновь создаваемое предприятие в развитой капиталистической отрасли с самого начала должно иметь крупные размеры. Его сооружение сразу в огромной степени увеличивает производство данной отрасли. Заповеди техники не допускают той постепенности в увеличении производства, которой, быть может, требовала бы поглотительная способность рынка. Резкое увеличение производства более чем уравнивает влияние нормы прибыли; если раньше она стояла выше среднего уровня, то теперь падает ниже его.

Таким образом, тенденция к уравниванию прибыли наталкивается на препятствия, которые с развитием капитализма все более возрастают. В различных сферах эти препятствия действуют с различной силой в зависимости от состава капитала, в особенности от той относительной величины, какую основной капитал составляет по сравнению со всем капиталом. С наибольшей силой обнаруживается это действие в наиболее развитых сферах капиталистического производства, в тяжелой промышленности. Здесь основной капитал играет решительно подавляющую роль, здесь труднее всего отлив однажды вложенного капитала.

Какое действие оказывает все это на норму прибыли в данных сферах? Возможны были бы следующие рассуждения: в этих отраслях необходим очень крупный первоначальный капитал, владеет такими капиталами очень ограниченное число лиц, а потому конкуренция в этих сферах меньше, а прибыль выше. Но ясно, что такие рассуждения были бы правильны только для эпохи, когда капитал еще функционировал как индивидуальный капитал. Возможность ассоциации капитала позволяет играючи преодолеть этот барьер. Величина капитала вовсе не препятствие к тому, чтобы достать необходимую сумму. Напротив, уравнивание посредством отлива капитала здесь почти исключено, точно так же и уничтожение капитала очень затруднено.

Вместе с тем эти развитые отрасли характеризуются как раз тем, что конкуренция здесь быстрее всего уничтожает

мелкие производства, если только они вообще когда-нибудь существовали (напомним некоторые отрасли электрической промышленности). Мало того, что здесь господствуют крупные предприятия. Эти крупные предприятия с мощным капиталом становятся все более равноценными между собой, и все более сглаживаются те технические и экономические различия, которые отдельным из них обеспечивают превосходство в конкурентной борьбе. Здесь перед нами не борьба сильных со слабыми, в которой слабые уничтожаются, и тем устраняется избыток капитала в данной сфере; это борьба между равными, исход которой может долго оставаться нерешенным и которая от всех борющихся требует одинаковых жертв. Все эти предприятия вынуждены вести борьбу, так как иначе будет обесценен весь тот огромный капитал, который вложен в каждое из них. Таким образом, разгрузка этой сферы посредством уничтожения капитала чрезвычайно затрудняется. В то же время всякое новое предприятие, с самого начала отличаясь высокой производительностью, с большой силой воздействует на размер предложения. Именно в этих сферах очень легко может сложиться такое положение, при котором норма прибыли длительное время будет находиться ниже среднего уровня. Это положение тем опаснее, чем ниже средняя норма прибыли. Падение нормы прибыли, сопровождающее развитие капиталистического производства, постоянно сужает те границы, в которых производство все еще остается прибыльным. Если норма прибыли составляет всего 20% вместо прежних 40%, то достаточно уже сравнительно очень небольшого давления цен для того, чтобы прибыль совершенно исчезла и цель капиталистического производства оказалась бы недостижимой. Следовательно, именно эти отрасли с крупными массами основного капитала становятся все более чувствительными к конкуренции и сопровождающему ее падению нормы прибыли. В то же время именно для них становится все более затруднительным изменить раз сложившееся распределение капитала. Значит, именно в них, предполагая свободную конкуренцию, легко могут возникнуть нормы прибыли ниже средней. Тогда уравнивание их происходит лишь постепенно, путем замедленного прилива нового капитала и вследствие того, что с ростом населения потребление мало-помалу увеличивается. Эта тенденция может усиливаться еще и тем, что новые капиталы (акционерный капитал) могут с самого начала считаться с прибылью, находящейся на уровне ниже среднего.

С другой стороны, прибыль ниже средней должна господствовать в тех сферах, в которых еще преобладает индивидуальный капитал и минимальная величина капитала сравнительно невелика. Сюда устремляются капиталы, которые уже не способны конкурировать в более развитых отраслях; так

как они незначительны, то владельцы не могут использовать их и в качестве капиталов, приносящих процент или дивиденд. Это — сферы розничной торговли и мелкокапиталистического производства с их ожесточенной конкурентной борьбой, с постоянным уничтожением старого капитала, немедленно вновь и вновь заменяемого новым, сферы, заполненные теми элементами, которые всегда одной стороной соприкасаются с пролетариатом и для которых банкротство — постоянное явление, между тем как немногие из них постепенно развиваются в сравнительно крупных капиталистов. Именно эти отрасли производства все в большей степени в самых различных формах попадают в косвенную зависимость от крупного капитала.

К переполнению этих сфер производства присоединяется еще одно обстоятельство, которое тоже понижает здесь норму прибыли. Тут свирепствует конкуренция из-за сбыта, и, чтобы вести эту конкуренцию, затрачиваются огромные суммы для ускорения оборота и увеличения сбыта. Организуется широкая реклама, рассылаются полчища коммивояжеров. Из-за каждого клиента борется десяток коммивояжеров. Все это требует денег, которые увеличивают капитал этих сфер. Но так как они применяются непроизводительно, то прибыль не увеличивается, и норма прибыли, исчисляемая теперь на этот возросший капитал, понижается.

Мы, таким образом, видим, как на двух противоположных полюсах капиталистического развития по совершенно различным причинам возникает тенденция к понижению нормы прибыли ниже ее среднего уровня. Там, где капитал достаточно силен, эта тенденция, в свою очередь, порождает противоположную тенденцию, направленную на преодоление первой. Она приводит, в конце концов, к уничтожению свободной конкуренции. Тем самым неравенство норм прибыли само приобретает характер устойчивой тенденции, пока, наконец, оно не устраняется устранением разделения сфер производства¹.

Тенденция, возникающая, таким образом, в наиболее развитых сферах промышленного капитала, стимулируется заинтересованностью *банкового капитала*.

Мы видели, что концентрация промышленности ведет в то же время к концентрации банков и что она еще больше

¹ Тенденция к уравниванию нормы прибыли важна в том отношении, что она объясняет движение капиталистического производства, равно как и то, каким образом закон стоимости действует как закон этого движения. Ведь закон стоимости господствует не непосредственно над отдельными меновыми актами, а только над их совокупностью, в которой отдельный меновой акт является просто частью, обусловленной целым. С другой стороны, неравенство индивидуальных прибылей важно для распределения всей прибыли, для накопления и концентрации, наконец, — для комбинации, фузии, картелей и трестов.

усиливается условиями развития самого банкового дела. Мы видели дальше, как банковый капитал, опираясь на акционерную форму, может расширять промышленный кредит в надежде на учредительскую прибыль, все более заинтересовывается финансированием. Но учредительская прибыль при прочих равных условиях зависит от уровня предпринимательской прибыли. Следовательно, банковый капитал непосредственно заинтересован в уровне последней. Но одновременно с концентрацией банков расширяется и круг тех промышленных предприятий, в которых банк принимает участие в качестве кредитора и финансового учреждения.

Перед промышленным предприятием, которому принадлежит превосходство в техническом и экономическом отношениях, открывается перспектива укрепиться на рынке победоносной конкурентной борьбой, увеличить собственный сбыт и, вытеснив противников, на более или менее продолжительное время обеспечить за собой сверхприбыль, которая более чем компенсирует убытки от конкурентной борьбы. Напротив, банк руководствуется соображениями иного рода. Победа данного предприятия есть поражение других, в которых банк заинтересован равным образом. Другие предприятия использовали крупный кредит, и ссуженному капиталу теперь угрожает опасность. Да и сама конкурентная борьба в течение некоторого времени приносит убыток всем предприятиям. Банк должен ограничивать размеры их кредита, отказываться от прибыльных операций, связанных с финансированием. Победа одного предприятия за все это его никоим образом не вознаграждает. Столь сильное предприятие — контрагент, на котором банку не удастся заработать сколько-нибудь много. Значит, поскольку конкурирующие предприятия являются клиентами банка, то от их конкуренции он может ожидать только невыгод. Поэтому стремление банка к устранению конкуренции между теми предприятиями, в которых он принимает участие, является абсолютным. Кроме того, всякий банк заинтересован в возможно более высокой прибыли. А она при прочих равных условиях будет максимальной при полном устранении конкуренции в данной отрасли промышленности. Отсюда стремление банков к установлению *монополии*. Следовательно, тенденции банкового капитала к устранению конкуренции совпадают с аналогичными тенденциями промышленного капитала. Но одновременно все более растет власть банкового капитала, что позволяет ему осуществить эту цель даже вопреки воле отдельных предприятий, которые, опираясь на свои особо благоприятные технические условия, быть может, все еще предпочли бы конкурентную борьбу. Следовательно, поддержке банкового капитала промышленный капитал обязан тем, что устранение конкуренции наступает уже на той ступени экономического

развития, на которой без содействия банковского капитала все еще продолжалась бы свободная конкуренция¹.

Наряду с этой всеобщей тенденцией к ограничению конкуренции подобные же тенденции возникают в зависимости от определенных фаз промышленной конъюнктуры. Прежде всего следует отметить, что стремление к увеличению прибыли с особенной силой обнаруживается в период депрессии. Во время подъема спрос выше предложения. Это видно уже из того, что в этот период продукция продается задолго до того, как она будет произведена².

Здесь же следует кстати отметить, что спрос в этот период нередко принимает спекулятивный характер. Покупают в расчете на то, что цены и дальше будут подниматься. Повышение цен, ограничивающее потребительский спрос, напротив, стимулирует спрос спекулятивный. Но если спрос выше предложения, то рыночную цену определяют предприятия, производящие при наихудших условиях. А те, которые производят при относительно лучших условиях, реализуют сверхприбыль. Предприниматели и без заключения каких бы то ни было договоров представляют тогда единое сплоченное целое. Обратное явление наблюдается в период депрессии, когда каждый стоит сам за себя и старается спасти то, что еще возможно спасти, и каждый беспощадно действует против других.

«Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую прямо против них и как раз таким путем

¹ Не подлежит никакому сомнению, что иной характер развития банковской системы в Англии, представляя банкам несравненно менее значительное влияние на промышленность, является одной из причин того, что картелирование в Англии затруднено и что, если картели и создаются, они обычно остаются лишь слабыми соглашениями о ценах. При хорошей конъюнктуре они добиваются чрезвычайно высоких цен, а во время депрессии рассыпаются. (См. многочисленные примеры таких крушений у *Henry W. Macrosty*, *The Trust Movement in British Industry*, London 1907, p. 63 и след.) Организационный прогресс в английской промышленности, в особенности успехи комбинирования за последние годы, следует приписать американской и германской конкуренции. Монополия на мировом рынке привела к отсталости английской промышленности. Это — наилучшее доказательство необходимости конкуренции при капиталистической системе.

Кроме того, в развитии английских банков обнаруживается и еще одно явление. В Германии и Соединенных Штатах общность интересов промышленности находит себе выражение в персональной унии, осуществляемой главным образом директорами банков. В Англии это играет меньшую роль, там персональная уния осуществляется директорами промышленных акционерных обществ.

² Так, в середине июня 1907 г. продукция германских и английских прядильных фабрик во многих случаях была продана уже за первый квартал 1908 г. Германские потребители угля в январе 1908 г. заключали с угольным синдикатом твердые сделки по март 1908 г., т. е. на 15 месяцев («*Frankfurter Zeitung*», 16 VII. 1907).

делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то — в известных границах — один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает уступать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно сильнее понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Сотоварищи интересуют каждого лишь постольку, поскольку, идя вместе с ними, он выигрывает больше, чем идя против них. Единство действий прекращается, как только данная сторона как таковая оказывается слабее другой, и тогда каждое отдельное лицо старается возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если один из конкурентов производит дешевле других, может сбывать больше товара и отвоевать для себя больше места на рынке., то он так и поступает и начинает действовать таким образом, что мало-помалу принуждает других ввести более дешевый метод производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если преимущество на известной стороне, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли общую монополию. Если известная сторона оказывается слабее другой, то каждый может попытаться своими единичными усилиями стать сильнее противника (напр. тот, кто работает с меньшими издержками производства) или по крайней мере отделаться возможно меньшими потерями, и в этом случае ему уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сотоварищей»¹.

Так возникает следующее противоречие: ограничение конкуренции наиболее легко возможно тогда, когда оно наименее необходимо, ибо именно во время процветания договор

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 201—202. Счень характерно следующее место, цитируемое Марксом: «Если каждый член группы никак не может получить больше данной доли или соответственной части общих выгод или владений группы, то он охотно будет соединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды» (это он и делает,— замечает здесь Маркс,— когда отношение между спросом и предложением позволяет ему это), «это — монополия. Но если каждый думает, что он может каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы и путем уменьшения общей суммы, он часто так будет поступать; это — конкуренция» («An Inquiry into those Principles Respecting the Nature of Demand etc.», London 1821, p. 105).

Во время подъема доля [given share] дана, она равна всему тому продукту, который может произвести отдельный предприниматель. Напротив, при депрессии ему приходится бороться за сбыт.

здесь просто санкционирует существующее положение. Наоборот, во время депрессии, когда ограничение конкуренции наиболее необходимо, заключение договора оказывается особенно трудным. Это обстоятельство объясняет, почему картели с несравненно большей легкостью организуются в эпоху подъема или по меньшей мере по окончании депрессии и почему, наоборот, в эпоху депрессии они так часто рушатся, в особенности если они не были строго организованы¹.

Ясно также, что объединения монополистического характера в периоды хорошей конъюнктуры с несравненно большим успехом подчиняют себе рынок, чем в периоды депрессии².

Наряду с теми тенденциями, которые вызывают длительное понижение нормы прибыли ниже среднего уровня и которые могут быть устранены только устранением их причины, конкуренции, существует и иное понижение нормы прибыли: для одной отрасли промышленности она понижается потому, что в другой отрасли промышленности прибыль повысилась. Если понижение в первом случае возникает в результате длительно действующих причин, то во втором — из условий промышленного цикла. Если первое в конце концов наступает во всех развитых отраслях капиталистического производства, то второе распространяется только на определенные его отрасли. Наконец, если первое возникает из конкуренции в одной и той же отрасли промышленности, то второе — из взаимного соотношения между такими отраслями промышленности, из которых одна доставляет сырой материал для другой.

Во время подъема происходит расширение производства. Это расширение быстрее всего осуществляется там, где капи-

¹ «Правда, опыт показал, что картели можно назвать «детьми нужды» и что стремление к объединению сотоварищей по профессии развивается преимущественно в эпохи понижающейся экономической конъюнктуры или кризисов. Однако наиболее легко картель создается при сравнительно благоприятном положении дел и при высокой конъюнктуре, так как расчет на сохранение благоприятных цен, связанный с сильным спросом, служит дальнейшим побуждением к объединению общих интересов. Напротив, общность действия затрудняется стремлением получить заказы по какой бы то ни было, хотя бы самой низкой цене и перехватить их у конкурентов» (см. *Dr. Völker, Referat über den Verband deutscher Druckpapierfabriken. Kontradiktorische Verhandlungen*; К истории картелей см. также: *Heinrich Cunow, Die Kartelle in Theorie und Praxis. «Neue Zeit», XXIII, 2, S. 210.*

² Так, Леви, отметив, что в Соединенных Штатах цена стальных рельсов, несмотря на все колебания как в цене на мировом рынке, так и в цене сырого материала, с мая 1901 до лета 1905 г. неизменно удерживалась на уровне в 28 долл., говорит: «По-видимому, эта организация, пул, всегда утрачивала силу в плохие времена, и опять приобретала ее в хорошие времена».

«Так, в 1892 г. в момент, когда цены падают, «Рейл пул» рассыпается вследствие конфликтов между «Карнеги» и «Иллинойс стил компани» — главными участниками пула. Так, далее, в 1897 г., рушится второй пул после того, как миновал короткий подъем 1896 г. Происходит всеобщая деморализация рынка, которая в конце 1898 г. опять побуждает производителей обратиться к общей мере — к основанию нового рельсового картеля» (*Hermann Levy, Die Stahlindustrie in den Vereinigten Staaten, Berlin 1905, S. 201*).

талы сравнительно невелики, где производство может расширяться в короткое время и во многих пунктах. Это быстрое расширение производства до известной степени противодействует повышению цен. Таково положение в значительной части промышленности, производящей готовые изделия. Напротив, в добывающей промышленности производство не может расширяться с такой быстротой. Закладка новой шахты, строительство новой домны требуют сравнительно продолжительного времени¹. В первый период подъема возрастающий спрос удовлетворяется более интенсивным использованием наличных производственных возможностей. Но в период высокой конъюнктуры спрос отраслей, производящих готовые продукты, возрастает быстрее, чем производство добывающих отраслей промышленности. Поэтому цены на сырой материал растут быстрее, чем цены на готовые изделия. Таким образом, в добывающей промышленности норма прибыли повышается за счет обрабатывающей промышленности, которой к тому же недостаток сырья может послужить помехой в использовании конъюнктуры.

Во время депрессии положение обратное. В отраслях, поставляющих сырой материал, отлив капитала и ограничение производства более затруднены и сопряжены с большими потерями, чем в сфере производства готовых продуктов. Поэтому в первых норма прибыли дольше остается на уровне ниже среднего. Это в свою очередь содействует тому, чтобы в обрабатывающей промышленности свести норму прибыли к нормальному уровню, между тем как в производстве сырых материалов депрессия носит более затяжной и тяжелый характер.

¹ В Рурском бассейне на закладку шахты требуется от пяти до семи лет. В Соединенных Штатах полное оборудование сталелитейного и прокатного завода требует два года, а с доменной печью — и того больше (*Heumann*, *op. cit.*, S. 221).

Описываемые здесь процессы — явления, относящиеся исключительно к сфере конкуренции. Поэтому анализ их не входит в область исследования «Капитала». Однако Маркс в иной связи при случае указывал на совершенно аналогичное явление: «...количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, напр., количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при неизменности природных условий в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Вполне возможно таким образом, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается». (*К. Маркс*, *Капитал*, т. III, стр. 124.) Описанное здесь расхождение есть результат продолжительности периода оборота. Если для органического сырья оно вытекает из природных условий, то для неорганического — из величины капитала, в особенности его основной части.

Насколько тяжелый и длительный характер может принимать такое состояние депрессии при свободной конкуренции, показывает кризис металлургической промышленности Соединенных Штатов в 1874—1878 гг. После 1873 г. цена чугуна в Филадельфии упала с 42,75 долл. в конце концов до 17,53 долл. в 1878 г.

Колоссальные колебания цен в ходе промышленного цикла иллюстрируют также следующие цифры, причем следует отметить, что издержки производства чугуна за рассматриваемый период в общем понизились:

Руда гематит Base № 1 для бессемеровских печей, понижаясь из года в год, с 6 долл. в 1890 г. дошла до 2,9 долл. в 1895 г. Руда «Месаби» для бессемеровских печей в 1894 г. продается по 2,25 долл., небессемер вкая — по 1,85 долл. Затем наступает короткий период подъема в стальной промышленности... Названные руды немедленно повышаются в цене соответственно до 4, 3,25 и 2,4 долл.

Бессемеровский чугун в Питтсбурге стоил (в долларах): в 1887 г. — 21,37; в 1897 г. — 10,13; в 1902 г. — 20,67; в 1904 г. — 13,76. Лучший английский чугун стоил: в 1888 г. — 10,86; в 1895 г. — 11,30; в 1900 г. — 20,13, в 1903 г. — 13,02¹.

Соотношение цен сырого материала с ценами чугуна при понижающейся конъюнктуре дает следующая поучительная таблица, взятая у Леви².

Годы	Цена 2240 фунтов бессемеров- ского чугуна	Цена 2240 фунтов руды «Лейк супер-айор» (в долл.)	Цена 2000 англ. фунтов кокса	Цена 4122 фунтов руды + 2423 фунтов кокса	Разница меж- ду ценой чугу- на и издерж- ками на руде + кокс
1890	18,8725	6,00	2,0833	13,56	5,31
1891	15,9500	4,75	1,8750	11,01	4,94
1892	14,3667	4,50	1,8083	10,47	3,90
1893	12,8692	4,00	1,4792	9,15	3,72
1894	11,3775	2,75	1,0583	6,34	5,04
1895	12,7167	2,90	1,3250	6,94	5,78
1896	12,1400	4,00	1,8750	9,63	2,51
1897	10,1258	2,65	1,6167	6,84	3,29

«Из этих цифр мы видим, в какое положение после 1890 г. попали те производства, которые должны были покупать весь необходимый для них уголь и руду. Хотя цена сырых материалов после 1890 г. значительно упала, но разница между их стоимостью и ценой готового продукта понизилась еще больше, так что положение потребителей существенно ухудшилось. Это была все та же старая тенденция: цены чугуна падали быстрее и сильнее, чем цены сырых материалов. Это именно та тенденция, которая, как мы показали, приводила к комбинированию производств».

Это различие в норме прибыли должно быть устранено, и оно может быть устранено только посредством объединения добывающей промышленности с обрабатывающей, посредством *комбинирования*. Толчок к комбинированию может быть различным в зависимости от той фазы, в которой находится конъюнктура. В периоды подъема инициативу проявляют предприятия обрабатывающей промышленности, кото-

¹ Levy, op. cit., S. 31, 98, 121.

² Ibid., S. 136.

рые таким образом справляются с высокими ценами на сырье или даже с его недостатком. В периоды депрессии производители сырого материала стараются присоединить к себе обрабатывающие этот материал предприятия, чтобы избавиться от необходимости продавать свой материал ниже цены производства. Они начинают перерабатывать его сами и реализуют в готовом продукте более высокую прибыль. Вообще говоря, обнаруживается такая тенденция: менее доходная в данный момент отрасль производства присоединяет к себе более доходную¹.

По способу возникновения комбинации можно различать: комбинация восходящая, например, прокатный завод, присоединяющий к себе доменные печи и каменноугольные шахты; комбинация нисходящая — каменноугольное предприятие покупает доменную печь и прокатный завод; смешанная комбинация: сталелитейный завод присоединяет к себе, с одной стороны, угольные шахты, а с другой — прокатные заводы.

Итак, к комбинированию ведут различия в норме прибыли. Для комбинированного предприятия колебания нормы прибыли устраняются, между тем как в однородном предприятии прибыль уменьшается в пользу какого-либо другого предприятия.

Другая выгода комбинирования заключается в сбережении торговой прибыли. Как таковая она может быть устранена комбинацией, и тогда на соответствующую сумму возрастет промышленная прибыль.

Устранение торговой прибыли становится возможным вследствие прогрессирующей концентрации. Утрачивается необходимость в основной задаче торговли: концентрировать функцию, раздробленную между отдельными капиталистическими производствами, и таким образом содействовать тому, чтобы в необходимом количестве удовлетворялись потребности других промышленных капиталистов. Так, ткач предпочитает покупать у торговца пряжей различные сорта пряжи в различных количествах и разнообразного качества, вместо того чтобы заключать сделки с целым рядом прядильщиков. Точно так же и прядильщик охотнее продает весь свой продукт сразу одному торговцу, вместо того чтобы продавать его целому ряду ткачей. Этим сокращаются период обращения и издержки обращения и уменьшается резервный капитал.

Иначе обстоит дело там, где крупные концентрированные предприятия производят однородные товары (массовые продукты) и где производство одного покрывает потребность

¹ *Heumann, op. cit., S. 223.*

В Америке потребность железных дорог, зависящая в свою очередь от результатов урожая, решала состояние конъюнктуры в металлургической промышленности на ранней стадии ее развития. Поэтому в Соединенных Штатах в период конъюнктуры имели место быстрое изменение уровня цен и раннее стремление к комбинированию (см. *Levy, op. cit., S. 77.*

другого. Здесь торговля излишня. Здесь торговец и его прибыль могут быть устранены, и они устраняются комбинированием этих предприятий. Такое устранение торговой прибыли характерно для комбинации в противоположность соединению однородных предприятий, между которыми, разумеется, не существовало никаких торговых отношений. Но торговая прибыль есть часть общей прибыли. Ее отпадение *pro tanto* [соответственно] увеличивает промышленную прибыль. Когда комбинированные предприятия конкурируют с однородными, повышенная прибыль дает им преимущество в конкурентной борьбе.

Если бы нормы прибыли в предприятиях того и другого типа были одинаковы и притом равны средней норме прибыли, то сначала комбинирование не давало бы никакого превосходства, потому что всегда можно было бы реализовать лишь среднюю норму прибыли. Но комбинация уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большое постоянство нормы прибыли. Во-вторых, комбинация приводит к устранению торговли. В-третьих, она делает возможным технические усовершенствования, а следовательно, и получение сверхприбыли по сравнению с «чистыми» (т. е. не комбинированными) предприятиями. В-четвертых, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с «чистым», усиливает его в конкурентной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстаёт от понижения цены фабрикатов.

Комбинация, означающая ограничение общественного разделения труда, в то же время даёт новый толчок разделению труда в пределах новой производственной единицы, причем здесь разделение труда всё более захватывает и труд руководства. Собственно говоря, капиталистический способ производства с самого начала сопровождается комбинацией. «Наконец, мануфактура, возникая в некоторых случаях сама из комбинации различных ремесел, может, в свою очередь, развиться в комбинацию различных мануфактур. Так, напр., в Англии крупные стеклоделательные предприятия сами готовят для себя огнеупорные плавильные горшки, так как от достоинства последних существенно зависит, насколько удачным или неудачным будет продукт. Мануфактура известного средства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура известного продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур. Так, напр., мануфактура флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой,— последняя служит для изготовления металличе-

ских оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае соединенные друг с другом различные мануфактуры образуют более или менее обособленные в пространстве отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время не зависящие друг от друга процессы производства — каждый со своим собственным разделением труда. Несмотря на некоторые преимущества, представляемые комбинированной мануфактурой, последняя на собственной основе не достигает действительного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство»¹.

Чрезвычайное ускорение темпа возникновения комбинаций в новейшей фазе капиталистического развития обязано тем сильным стимулам, которые обусловлены экономическими причинами, особенно картелированию. Но, само собой разумеется, комбинация, возникающая по экономическим причинам, очень скоро дает возможность ввести технические усовершенствования в процесс производства: напомним, например, соединение доменных печей с дальнейшей переработкой, которое только и позволило рационально использовать доменные газы в качестве двигательной силы. Эти технические выгоды, раз они однажды возникли, в свою очередь являются побудительным мотивом к осуществлению комбинирования там, где только экономические причины сами по себе еще не привели бы к нему.

Итак, под комбинацией мы понимаем объединение таких капиталистических предприятий, из которых одно доставляет сырой материал для другого. Это объединение, обусловливаемое различиями норм прибыли в различных сферах промышленности, мы отличаем от объединения предприятий одной и той же отрасли. Последнее возникает с той целью, чтобы, уничтожив конкуренцию, поднять норму прибыли в этой сфере выше сложившегося в ней уровня, который стоит ниже среднего. В первом случае не происходит изменения в нормах прибыли тех отраслей промышленности, к которым принадлежали предприятия до своего объединения. Различие норм прибыли продолжает существовать, и устраняется оно только для комбинированного предприятия. Во втором случае ожидается повышение прибыли для соответствующей отрасли промышленности вследствие уменьшения конкуренции. Теоретически это наступает уже при объединении всего двух предприятий: потому ли, что прекращение конкуренции оказывает свое действие хотя бы на данные два предприятия, потому ли, что объединившиеся предприятия настолько крупны, что они занимают на рынке доминирующее положение и пользуются им для повышения цен, а это уменьшает действие конкурен-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 355.

ции и для остальных предприятий. Правда, может случиться и так, что объединившиеся предприятия используют укрепление своих позиций прежде всего для того, чтобы побить своих противников в конкурентной борьбе, и повышение нормы прибыли наступит лишь после того, как эта цель будет достигнута.

Объединение предприятий может произойти в двоякой форме. Или предприятия формально сохраняют свою самостоятельность, и общность их действий закрепляется только договором. Тогда мы имеем перед собой *соглашение об общности интересов* [Interessengemeinschaft]. Если же предприятия входят в новое предприятие, растворяются в нем, то такое объединение мы называем *фузией* [слиянием].

И соглашение и фузия могут быть либо частичными,— тогда свободная конкуренция по-прежнему существует в соответствующей отрасли промышленности,— либо монополистическими¹.

Соглашение по возможности всех предприятий с целью максимально возможного исключения конкуренции цен и тем самым повышения прибыли—это *картель*. Следовательно, картель—*монополистическое соглашение*.

Фузия с теми же целями, которые достигаются такими же средствами—это *трест*. Следовательно, трест—*монополистическая фузия*².

Далее, и соглашение и фузия могут быть либо гомогенными, т. е. охватывать предприятия одной и той же отрасли производства, либо комбинированными, т. е. охватывать предприятия последовательных отраслей производства. Поэтому мы говорим о частичных гомогенных или комбинированных фузиях и соглашениях, с одной стороны, и о гомогенных или комбинированных картелях и трестах—с другой. При этом следует иметь в виду, что соглашения нередко возникают теперь не посредством формальных договоров, а посредством персональной унии, которая обыкновенно является выражением отношений капиталистической зависимости. Фузии и соглашения возможны не только в сфере промышленности, но равным образом и в торговле, и в банковом деле. Все эти объединения совершаются в одной и той же сфере, и потому

¹ При этом следует иметь в виду, что монополистическим объединение будет уже в том случае, если оно оказывает решающее влияние на ценообразование на рынке. Если же наряду с этим сохраняются еще некоторые самостоятельные предприятия, которые, устанавливая цены, всегда соотносятся с ценами, устанавливаемыми объединением, это ничего не меняет в том факте, что в данной отрасли производства уже нет свободной конкуренции в теоретико-экономическом смысле. Но, чтобы не навлечь на себя упреков со стороны педантов, я называю такие объединения не тотальными соглашениями или фузиями, а монополистическими. (См. также *Liefmann, Kartelle und Trusts*, 1905, S. 12.)

² Ibid., S. 13.

мы называем их *гомосферическими* объединениями. Но могут складываться объединения и иного рода, например, торгового предприятия с банком. Так бывает в тех случаях, когда банк открывает товарное отделение, или универсальный магазин открывает депозитный банк. Точно так же торговое предприятие может быть учреждено промышленным предприятием. Например, обувные фабрики нередко сами устраивают в крупных городах магазины обуви для непосредственного сбыта конечному потребителю. Тогда мы говорим о *гетеросферических* объединениях.

Необходимо при этом отметить, что как виды в природе, так и различные отрасли в промышленности не представляют чего-то устойчивого, застывшего. Если мы представим себе всеобщую комбинацию, то она в *одной* обширной отрасли промышленности объединит все те отрасли, которые раньше были раздельными. Очень легко было бы представить себе, что вся металлургическая промышленность образует одну единственную отрасль промышленности, в которую добыча угля и руды входит совершенно так же, как производство рельсов и проволочных гвоздей, так как каждое отдельное металлургическое предприятие охватывает все эти виды производства, и что однородные заводы исчезли. В пределах такой широкой отрасли производства будут возможны тогда все виды смягчения конкуренции — от соглашения до треста.

Частичная комбинация, имеет ли она форму соглашения или фузии, не ограничивает конкуренции. Она лишь усиливает комбинированное предприятие в конкурентной борьбе против однородных предприятий. Наоборот, следствием гомогенного объединения всегда является смягчение конкуренции, если дело идет о частичном соглашении, и прекращение, если соглашение является полным. Наряду с экономическими выгодами комбинация, фузия и трест приносят и технические выгоды, присущие более крупному производству по сравнению с мелким. Эти выгоды различны в зависимости от характера предприятий и от особенностей данной отрасли промышленности.

Технические выгоды уже сами по себе могут быть достаточны для того, чтобы приводить к фузиям и комбинациям. Напротив, соглашения и картели возникают исключительно по соображениям чисто экономических выгод.

Все эти объединения промышленных предприятий обычно подготавливаются той совместной заинтересованностью, которой банк связан с промышленными предприятиями. Банк, который серьезно заинтересован, например, в угольной шахте, использует свое влияние на металлургический завод, для того чтобы сделать его покупателем угля на данной шахте. Это — зародыш комбинации. Или будучи заинтересован в двух однородных предприятиях, которые ожесточенно конку-

рируют друг с другом на различных рынках, банк предпринимает попытки привести их к согласию, и тогда открывается путь к гомогенному соглашению или к фузии.

Это вмешательство банков ускоряет и облегчает процесс, который обуславливается тем, что развитие вообще идет к промышленной концентрации. Но вмешательство банков приводит к этому средствами иного рода: результат конкурентной борьбы предвосхищается. Благодаря этому, с одной стороны, удастся избежать бесполезного уничтожения и расточения производительных сил. Но, с другой стороны, на первых порах не происходит такой концентрации собственности, которая была результатом конкурентной борьбы. Собственник другой фабрики не экспроприируется. Следовательно, перед нами концентрация производства соответственно предприятий без концентрации собственности. Как на бирже происходит чистая концентрация собственности без концентрации производства, так теперь в промышленности происходит концентрация производства без концентрации собственности — осязательное выражение того факта, что функция собственности все более отделяется от функции производства.

Напротив, для банка обслуживание этих процессов, с одной стороны, означает более надежную гарантию кредитованного капитала, а с другой стороны, является поводом для прибыльных операций: обмена акций, выпуска новых акций и т. д. В самом деле, объединение предприятий приводит к повышению их прибыли. Часть этой возросшей прибыли капитализируется и присваивается банком. Следовательно, не только как кредитное, но в первую очередь как финансирующее учреждение банк заинтересован в таком объединении.

Растущая концентрация становится на известной ступени препятствием на пути ее дальнейшего развития. Чем более крупными, мощными, однородными становятся предприятия, тем меньше надежды на то, что одно из них сумеет расширить свое собственное производство, одержав в конкурентной борьбе победу над другим. В то же время низкий уровень нормы прибыли и опасение, что расширение производства еще более понизит и без того низкие цены, заставляют воздерживаться от расширения, хотя по техническим соображениям оно и было бы желательным. Но при угнетенном состоянии рынка никак нельзя отказаться от тех выгод, которые приносит увеличение производства. Выход представляется здесь в создании более крупного производства посредством объединения разделенных до того времени предприятий: посредством фузии.

Насколько крупной должна быть доля монополистического объединения во всем производстве, для того чтобы оно могло оказывать решающее влияние на рыночные цены? Вопрос не допускает возможности общего ответа для всех отрас-

лей производства. Однако мы получим некоторый исходный момент для ответа, если напомним, что было сказано выше о различиях в поведении конкурентов в периоды хорошей и плохой конъюнктуры. При хорошей конъюнктуре, когда спрос превышает предложение, цена продукта все равно будет максимально возможной. В такие периоды аутсайдеры продают по ценам, которые скорее выше, чем ниже картельных цен. Иначе — во времена плохой конъюнктуры, когда предложение выше спроса. Это — момент, когда должно обнаружиться, господствует ли объединение над рынком. Но ему будет принадлежать господство лишь при том условии, если его производство безусловно необходимо для снабжения рынка. Тогда оно продаст лишь в том случае, если согласится на его цену, а на его цену придется согласиться, если рынок совершенно не может обойтись без предложения со стороны картеля. Картель по этой цене продаст то количество, которого недостает рынку. Но в таком случае ему придется настолько ограничить производство, чтобы оно не переобременяло рынок, между тем как у аутсайдеров сохраняется возможность сбывать все, что они могут произвести. Более всего возможна подобная политика цен, во-первых, в тех отраслях производства, где ограничение не сопряжено со слишком крупными жертвами, т. е. в особенности там, где живой труд играет главную роль, а порча постоянного капитала не имеет сколько-нибудь существенного значения. И то и другое характерно для добывающей промышленности. Руда и уголь не подвергаются снашиванию, а живой труд играет здесь большую роль. Во-вторых, — там, где сокращение потребления в периоды плохой конъюнктуры незначительно.

Но если не осуществимо ни то, ни другое условие, то картелю, чтобы обеспечить свой сбыт, приходится понижать цены по сравнению с аутсайдерами. Наступает момент, когда картель, не подчинивший себе всего производства, утрачивает господство над рынком, и вновь возникает свободная конкуренция.

Итак, необходимость заставляет ограничивать производство, вследствие чего издержки производства, распределяясь на уменьшившееся количество продукта, относительно повышаются и уменьшают норму прибыли. Это противодействует стремлению удерживать цены на прежнем уровне в неблагоприятные времена, стремлению, в котором должно было бы найти свое выражение господство над рынком. Но картель может избежать ограничения производства, если он берет на себя удовлетворение только среднего спроса, а удовлетворение спроса, колеблющегося вместе с конъюнктурой, предоставляет аутсайдерам. Но это осуществимо лишь в том случае, если, во-первых, аутсайдеры не могут производить больше, чем требуется для удовлетворения дополнительного спроса в

период хорошей конъюнктуры (иначе угрожала бы та опасность, что картель будет стеснен в своем сбыте), и, во-вторых, если для этих аутсайдеров издержки производства выше, чем для картеля. В самом деле, лишь тогда такой уровень цен, который для картеля будет все еще прибыльным, выбросит конкурентов с рынка, и сбыт будет обеспечен за картелем. Другими словами, тогда все тяготы конъюнктурных колебаний в основном будут переложены на аутсайдеров. Тогда при высокой конъюнктуре картель реализует высокую сверхприбыль, а во время депрессии устраняет конкурентов и реализует нормальную прибыль. При таких обстоятельствах вовсе не в интересах монополистического объединения сделать совершенно невозможным существование аутсайдеров, хотя при крупном превосходстве объединения у него зачастую хватило бы для этого сил.

Но когда же наступают такие условия, при которых производство аутсайдеров оказывается в сравнительно неблагоприятном положении? Это может иметь место уже в том случае, когда величина и техническое оборудование монополистического объединения обеспечивают ему известное превосходство. Однако такое превосходство нередко оказывается лишь преходящим или недостаточно крупным. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда дело идет о картелях, располагающих наиболее благоприятными естественными условиями производства, следовательно, о картелях, у которых к экономической монополии присоединяется монополия на природные ресурсы. Это, например, такие картели, которые обеспечили за собой особенно благоприятные угольные шахты или рудники, или водопады, между тем как для аутсайдеров условия менее благоприятны. Тогда, во-первых, аутсайдеры вообще не могут расширить свое производство в такой мере, чтобы для картеля сбыт его продуктов стал невозможен. Во-вторых, они вообще могут производить лишь в такое время, когда высокие цены высокой конъюнктуры позволяют им производить, несмотря на высокую себестоимость.

Ярким примером может служить политика Стального треста. Корпорация легко могла бы увеличить свое производство. Но она не делает этого, чтобы ей во время депрессии не пришлось нести на себе тяготы перепроизводства. «Комбинированным крупным предприятиям в чугунолитейной промышленности представляется желательным захватить те основные виды продукции, которые всегда найдут сбыт. Для того чтобы добиться этого, они в периоды оживленного спроса спокойно допускают рост количества некомбинированных аутсайдеров, производящих с относительно высокими издержками, и даже помогают им, производя у них закупки. При растущих ценах отсталые предприятия вновь становятся рентабельными. Спекулятивная горячка ведет к возникновению новых некомбини-

рованных предприятий. Короче, продукция предприятий с высокими издержками производства растет быстрее, чем продукция тех, для кого издержки производства минимальные. Это продолжается до тех пор, пока повышенный спрос не будет насыщен и пока цены снова не упадут. Тогда исчезают доменные печи, пущенные во время высокой конъюнктуры, работающие с высокими издержками производства. Они исчезают с рынка в качестве продавцов, потому что скоро им уже больше не приходится регистрировать прибыли. Остаются только работающие наиболее дешево, потому что они все еще могут производить с некоторой прибылью. Остается прежде всего трест, крупные комбинированные предприятия и лишь немногие «чистые» доменные печи, находящиеся в особенно благоприятных условиях.

Таким образом, крупные предприятия, прежде всего корпорации, образуют основное ядро того производства, которое в своей главной массе может работать с прибылью и находит сбыт как в хорошие, так и в плохие времена. Усиление конкуренции аутсайдеров в хорошие времена не наносит ущерба корпорации. Ибо если бы она захотела сама покрыть растущие потребности, то при уничтожении аутсайдеров корпорация сильнее почувствовала бы на своей собственной шкуре тяжесть перепроизводства, между тем как теперь эта тяжесть обрушивается главным образом на аутсайдеров»¹.

¹ *Levy*, *op. cit.*, S. 156 и след.

Далее Леви иллюстрирует сказанное следующими цифрами производства чугуна. В них, правда, входит также производство литейного и пудлингового чугуна, в котором на корпорацию приходится лишь ничтожная доля. Но они вполне пригодны в качестве иллюстрации к выше сказанному. Выплавка чугуна составляла:

Годы	Корпорация	Аутсайдеры	Доля корпорации во всем производстве (в %)
	в больших тоннах		
1902	7 802 812	9 805 514	44,3
1903	7 123 053	10 693 538	39,9
1904	7 210 248	9 286 785	43,9

В 1903 г. производство корпорации даже уменьшается по сравнению с 1902 г., производство аутсайдеров, напротив, сильно увеличивается, так что доля корпорации в общем производстве падает с 44,3 до 39,9%.

Но во время депрессии 1904 г. производство корпорации несколько увеличилось, между тем как производство аутсайдеров упало в огромных размерах, на 1400 тыс. т, т. е. намного ниже уровня 1902 г.

Заметим кстати, насколько поверхностны воззрения тех, кто трактует всякого аутсайдера по отношению к картелю как моральное пугало и преступника в экономическом смысле. Эти воззрения несостоятельны даже с точки зрения интересов картельной прибыли, не говоря уже об общественной точке зрения. Ведь именно конкуренция аутсайдеров может стать весьма важной для технического и организационного развития монополистических объединений. О потребительских же интересах нечего и говорить.

Несколько иначе сложились отношения, например, в Рейнско-Вестфальском угольном синдикате. Здесь аутсайдеры не играют сколько-нибудь видной роли. В 1900 г. по Дортмундскому горному административному округу доля во всем производстве составляла для шахт синдиката 87 %, для несиндицированных шахт — 13 %. Таким образом, синдикат господствует над рынком и ценами. Поэтому он предпочел удержать во время кризиса 1901 г. цены, установившиеся в 1900 г. при высокой конъюнктуре, и сократил производство. Вследствие этого в 1901 и 1902 гг. аутсайдеры могли несколько увеличить свою добычу, между тем как доля синдиката, которому важнее было сохранить высокие цены, понизилась¹.

Иначе должна сложиться политика монополистических объединений в тех случаях, когда увеличение производства не ограничивается монополией на природные ресурсы, следовательно, когда производство может быть увеличено далеко за пределы дополнительного конъюнктурного спроса, и это увеличение осуществимо при тех же или даже при пониженных издержках производства. Тогда господство над рынком серьезно зависит от того, принадлежит ли объединению наибольшая часть производства. Иначе плохая конъюнктура делает картель бесполезным для участников и может даже взорвать его.

Таким образом, наличие или отсутствие монополии на природные ресурсы оказывает решающее влияние на образование цен и на издержки производства, а следовательно, и на существование и прочность монополистических объединений, на степень их возможной власти над рынком. Этим же определяется величина той доли производства, которую картель должен держать в своих руках для того, чтобы осуществить господство над рынком.

Прочность господства над рынком может быть различной степени. Выше всего она в тех случаях, когда удастся экономическую монополию обеспечить монополией на природные ресурсы. При этом уже раз сложившееся монополистическое объединение обладает крупным преимуществом перед вновь возникающими. Опираясь на силу своего крупного капитала, оно может значительные средства закреплять на продолжительное время. Прочность синдикатов, производящих сырье, в значительной степени обеспечивается тем, что они монополизировали природные условия производства, задача, которая чрезвычайно облегчена для них горным законодательством.

Экономическая монополия может найти опору и в юридической монополии в тех случаях, когда монополистическим

¹ Показание Кирдорфа. «Kontradiktorische Verhandlungen über deutsche Kartelle», Heft I, Berlin 1903, S. 80.

объединениям принадлежат патенты на известные изобретения. Обладая крупными капиталами, картели и здесь скорее, чем их конкуренты, могут приобрести новые патенты и таким образом укрепить свое монопольное положение¹.

Промежуточное положение между монополией на природные ресурсы и юридической монополией, с одной стороны, и только экономической монополией, с другой, занимает монополия на средства транспорта. Отсюда стремление трестов к господству над сухопутными и водными путями сообщения. Национализация средств сообщения уменьшает прочность монополии и таким образом до известной степени замедляет концентрацию предприятий и собственности.

Чисто экономическая монополия будет тем прочнее, чем крупнее капитал, необходимый для того, чтобы вызвать к жизни новое предприятие, и чем теснее связь банков с монополистическим объединением. Ведь без помощи банка, а в особенности вопреки воле банков, в настоящее время едва ли оказалось бы жизнеспособным какое-либо крупное промышленное предприятие.

Глава двенадцатая

КАРТЕЛИ И ТРЕСТЫ

Классифицировать способы объединения капиталистических предприятий можно с трех сторон.

Различие между гомогенными и комбинированными объединениями касается их технических особенностей. Мы видели, что возникновение этих объединений обуславливается различными причинами, техническими и экономическими.

¹ С другой стороны, обладание патентами при известных обстоятельствах затрудняет объединение: именно, если получаемая благодаря патенту дополнительная прибыль настолько высока, что продолжение конкуренции представляется выгодным. «Во всякой отрасли промышленности текстильного машиностроения лишь небольшое количество имен. Восемь крупных фирм в Ланкашире производят машины для обработки хлопка и не только монополизируют внутренний рынок, но и экспортируют ежегодно свыше чем на 4,5 млн. ф. ст. Много раз предлагалось соглашение, но каждый раз инициатива терпела фиаско. Механическая промышленность сама собой приводит к изобретениям; раз на них получен патент, они обеспечивают монополию на целый ряд лет, и пока патент остается действительным, он служит доводом против объединения. Действительным отпугивающим моментом является также нежелание принести в жертву безличному анонимному объединению всемирно известное имя, в особенности если оно создано индивидуальной предприимчивостью и изобретательностью» (*Macrosty*, op. cit., p. 48).

Здесь малая монополия — враг большой. Но, с другой стороны, желание обменяться патентами может послужить поводом к соглашению. Сюда относятся соглашения в германской химической промышленности и соглашение германской Всеобщей компании электричества с американской компанией «Вестингауз».

Различие между частичными и монополистическими объединениями основывается на различном положении их на рынке, на том, господствуют ли они над ценами или, наоборот, цены — над ними. При этом для господства над ценами нет необходимости в том, чтобы объединены были *все* однородные предприятия. Для этого достаточно господство над той частью продукции, которая при всех фазах конъюнктуры необходима для снабжения рынка, причем издержки производства этой продукции должны быть меньше, чем издержки производства аутсайдеров. Только тогда сокращение продукции, необходимое во время кризиса, падет своей тяжестью на аутсайдеров, и не будет необходимости снижать цены до уровня цены производства картеля.

Наконец, различия между соглашением и фузией основываются на различиях в формальной организации. Соглашение основывается на договоре двух или нескольких предприятий, ранее остававшихся независимыми. При фузии два или несколько предприятий входят в состав нового предприятия. Но это — противоположность исключительно организационных форм. Она ничего не говорит о различиях содержания, последнее определяется содержанием договора, лежащего в основе соглашения. Во всяком случае договор в том или ином пункте ограничивает самостоятельность предприятия; фузия ликвидирует самостоятельность. Но между ограничением и ликвидацией различие только в степени. Чем больше договор ограничивает самостоятельность предприятий, вступивших в соглашение, тем более последнее по своим экономическим действиям приближается к фузии. Далее, ограничение самостоятельности предприятия тоже может осуществляться различным образом. Сначала договор может определять общий характер организации предприятия: например, управление предприятиями ставится под контроль общего органа, который ограничивает известные формы конкуренции в сфере обращения, устанавливая общие сроки и условия платежей, т. е. вносит единство в так называемые «кондиции». Затем ограничения могут распространяться на экономическую и производственную деятельность предприятий.

Содержание же договора, лежащего в основе монополистического соглашения об общности интересов, определяется целью последнего. Цель эта — повышение прибыли посредством повышения цен. В элементарнейшей форме это достигается договором о ценах. Но цены не есть нечто произвольное. Они зависят прежде всего от спроса и предложения. Простое соглашение относительно цен можно провести только в период подъема, когда цены имеют тенденцию повышаться, да и то лишь в ограниченных пределах. Однако и тогда соглашение только о ценах недостаточно. Растущие цены побуждают расширять производство. Предложение увеличи-

вается, и в конце концов оказывается невозможным соблюдать соглашение. Позднее при наступлении депрессии такой картель обыкновенно взрывается¹.

Итак, чтобы картель был прочным, договор должен пойти дальше. Он должен привести к такому соотношению спроса и предложения, чтобы твердо установленную цену удалось удержать и на рынке. Следовательно, он должен регулировать предложение, контингентировать производство. Конечно, соблюдение соответствующих постановлений в интересах картеля в целом, но не всегда в интересах его отдельных участников, которые, расширяя свое производство, могут понизить свои издержки производства и потому нередко стремятся обойти картельные постановления. Надежнейшее средство против этих обходов создается в том случае, если продажа продуктов производится уже не самими участниками, а центральным бюро сбыта картеля.

Более строгий контроль — не единственное следствие этой меры. Непосредственные связи отдельного предприятия с его клиентами теперь ликвидированы на весь период картелирования, следовательно, коммерческая самостоятельность индивидуального предприятия устранена. Картель связывает теперь членов уже не просто договором, постановления которого в любое время легко было бы нарушить или обойти, но и общим экономическим учреждением. Выход из такого картеля делает необходимым установление новых связей с клиентами, восстановление старых способов сбыта, попытки, которые могут и не удасться и во всяком случае должны быть оплачены материальными жертвами. Тем самым обеспечивается большая устойчивость, продолжительность существования картеля. Картель, который из чисто договорного образования превратился путем ликвидации коммерческой само-

¹ Именно эту форму картелей имел в виду Энгельс, когда он писал: «Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которого должно совершаться их движение,— факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится охранить как раз те продукты, которые способны к вывозу (факт указан очень правильно, но объяснение он получит лишь в том случае, если современный протекционизм рассматривать в связи с картелями.— *Р. Г.*). Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем до сих пор» (*К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 126, прим. 16*).

стоятельности предприятий в единое коммерческое целое, называют *синдикатом*. Но синдикат возможен лишь при том условии, если клиентам безразлично, у какого из картелированных заводов они будут покупать. Это в свою очередь предполагает известную однородность производства. Следовательно,— это предпосылка возникновения более тесных, длительных и строгих организаций, каковыми являются синдикаты. Однако следует отметить, что картелирование предприятий, производящих те или иные специальные товары, вообще оказывается более затруднительным, так как производители получают сверхприбыль от применения специальных марок, пользования патентами и т. д., и устранение конкуренции для них с самого начала не так важно. Положение меняется, когда картелирование отраслей, поставляющих им сырой материал, и их принуждает к картелированию или комбинированию. С другой стороны, само картелирование вносит большее упрощение в производство¹.

Итак, в несколько упрощенном и схематичном виде получилась бы такая последовательность в развитии договоров, лежащих в основе монополистических соглашений, причем, разумеется, возможно, что та или иная ступень развития выпадает. Прежде всего самая слабая форма, своего рода предварительная ступень,— «картель, построенный на кондициях» (по Грунцелю). Далее следует совместное регулирование цен; но, чтобы удержать цены, необходимо соответственно фиксировать предложение. Следовательно, для того чтобы регулирование цен не оказалось мимолетным и неустойчивым, требуется определение размеров производства. Всякие обходы договора надежнее всего предотвращаются в том случае, если сбыт не остается за отдельным предприятием, а возлагается на общий орган — бюро по сбыту. Тогда предприятие утрачивает свою коммерческую самостоятельность, теряет непосредственные связи с клиентами. Соблюдение договора обеспечи-

¹ «Картель стремится производить массовый товар, в качестве которого, форме, материале и т. д. уже незаметно значительных различий. Конечно, здесь возможны известные искусственные меры, как на товарных биржах, которые тоже предполагают известную заместимость товаров, и потому специальными правилами устанавливают, какими качествами должен обладать товар, поставляемый по биржевой сделке. Аналогичной цели картели достигают тем, что они или производят только определенные стандартные товары, от которых преимущественно зависит ход дел в данной отрасли, или сами создают определенные типы, по которым все фабриканты должны производить свои продукты, так что качественные различия тогда отпадают. Например, международный картель по производству зеркал распространил соглашение только на зеркальное стекло толщиной в 10—15 мм.

Точно так же австро-венгерский картель по производству шпагата положил в основу вырабатываемых сортов определенные образцы и обязал всех участников производить товары только по этим образцам. Подобным же образом и австро-венгерский джутовый картель установил для вырабатываемых джутовых мешков определенные стандарты» (*Grunzel, Über Kartelle, Leipzig 1902, S 32 и след.*)

вается также тем, что прибыли не достаются тому предприятию, в котором они произведены, а распределяются между всеми членами по заранее установленным квотам. Точно так же совместно может производиться закупка сырого материала. Наконец, может произойти также вмешательство в техническую самостоятельность отдельного предприятия. Плохо оборудованные предприятия могут быть остановлены, известные предприятия могут быть специализированы на производстве определенных продуктов, если для этого имеются особенно благоприятные условия, в техническом ли отношении, потому ли, что они находятся в выгодном положении по отношению к районам сбыта¹. Все это может быть урегулировано договорами, т. е. может осуществляться даже в соглашениях об общности интересов. Но подобное соглашение отличается от фузии только известной неповоротливостью своей организации. Следовательно, постановка вопроса, является ли картель или трест взаимно исключаящими друг друга противоположностями, ошибочна. И в форме картеля самостоятельность предприятия может быть ограничена до такой степени, что отличие от треста исчезает. Вопрос не в противоположности этих форм, а в том, какие выгоды дает ограничение самостоятельности предприятий. Поскольку ограничение самостоятельности дает известные выгоды, трест обладает ими с самого начала, между тем как для картеля это определяется характером и последствиями договора, положенного в основу картеля².

Монополистическое объединение есть организация экономического господства, и потому напрашивается аналогия с государственными организациями господства. Тогда соотно-

¹ Что и картели оказывают известное влияние на производство и технику предприятий, доказывает, например, следующее заявление Шальтенбранда, председателя правления «Дейчер штальверкфербанд»: «Далее нам приходится исследовать, каким образом при длительном существовании союза мы можем руководить сбытом, чтобы осуществлять его с наивозможной выгодой, какое *разделение труда* можем мы ввести для того, чтобы *производить дешевле*, чтобы каждому заводу не приходилось производить всевозможные изделия?» («Kontradiktorische Verhandlungen», Heft 10, S. 236). Широкое разделение труда между отдельными предприятиями провел и австрийский машиностроительный картель. Прибыли поступают в общую кассу и соответственно распределяются между участниками.

² Следовательно, если Грунцель (op. cit., S. 14) полагает, что «картель и трест глубоко отличны не по степени, а по существу; еще неизвестно ни одного случая, чтобы за три десятилетия столь оживленного картельного движения в Европе одна форма перешла в другую», то он как раз юридическую форму принимает за существо. Если переход картеля в трест совершается не часто, то это доказывает лишь, что содержание обеих форм одно и то же. При этом не следует упускать из вида, что прогрессирующее ограничение самостоятельности картелированных предприятий постоянно приближает их к трестам. Различия же в форме зависят от других обстоятельств, прежде всего от развития банков и их связей с промышленностью, отчасти также от законодательного вмешательства. Известно, как в Америке законодательство, направленное против картелей, благоприятствовало форме треста.

шение картеля, синдиката и треста подобно соотношению союза государств, союзного государства и унитарного государства. Утверждение, будто картель «демократичен» в противоположность тресту, показалось бы просто смехотворным, если бы вздумали применить его к блаженной памяти Германскому Союзу.

. При установлении цен трест обладает преимуществом перед картелем. Картель, устанавливая цены, вынужден исходить из цены производства наиболее дорогого производящего предприятия. Напротив, для треста существует лишь единая цена производства, в которой уравниваются издержки производства лучше и хуже оборудованных предприятий. Трест может установить цену таким образом, чтобы как можно больше увеличить количество производимого продукта; тогда величина оборота уравнивает незначительность прибыли на единицу товара. Далее, тресту несравненно легче, чем картелю, прекратить производство на менее рентабельных предприятиях. Сокращение производства он может распространить лишь на те предприятия, которые работают наиболее дорого, и таким образом понизить издержки производства. Наоборот, при расширении он может повысить производство на тех предприятиях, которые технически наиболее совершенны. Картель же, как правило, должен равномерно распределять растущее производство между всеми своими предприятиями. Таким образом, в результате установления картельных цен предприятия, которые технически оборудованы лучше, получают сверхприбыль. Конкуренция не может уравнивать ее, потому что ведь картель исключает конкуренцию, и поэтому кажется, что эта сверхприбыль принимает характер дифференциальной ренты. Но отличие от земельной ренты заключается в том, что наихудший завод в противоположность наихудшей земле ни в коем случае не является необходимым для удовлетворения рынка. Его можно просто закрыть, если его производство будет передано лучше оборудованным предприятиям. Но так как первое время картельная цена удерживается, то расширение производства приносит сверхприбыль заводам, которые производят дешевле. Таким образом, становится прибыльным сбывать продукцию предприятий, производящих более дорого. Но тогда исчезает «дифференциальная рента», и в дальнейшем существует только высокая картельная прибыль.

Наиболее значительны различия издержек производства в картелях, производящих сырье, так как определяющее влияние на цену производства здесь оказывает, между прочим, уровень земельной (горной) ренты. Поэтому здесь, с одной стороны, сильнее всего обнаруживается тенденция к приостановке менее рентабельных предприятий (в специфическом значении слова дающих относительно меньшую земельную

ренту), а с другой стороны — стремление удерживать цены на высоком уровне, что в свою очередь предполагает относительно большее ограничение производства. Монополия на природные ресурсы дает возможность осуществить эти стремления. Высокие цены на сырой материал в свою очередь воздействуют на цены, а потому и на количество производства в обрабатывающей промышленности.

Глава тринадцатая

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ МОНОПОЛИИ И ТОРГОВЛЯ

Капиталистические объединения в промышленности оказывают обратное воздействие на обращение и на обслуживание его торговлей. Мы говорим здесь о торговле как специфически экономической категории, следовательно, рассматриваем ее обособленно от функций развешивания и упаковки, равно как и от функции транспортировки. Товарное производство делает необходимым всестороннее перемещение товаров, и оно осуществляется актами купли и продажи. Если последние становятся самостоятельными функциями капитала, то это — капитал торговый, или коммерческий. Ясно, что обособление этих операций, которые иначе должны были бы выполнять сами производители, не превращает торговых операций в операции, создающие стоимость, а торговца не превращает в производителя. Но обособление торговли приводит к концентрации купли и продажи, к сбережению издержек хранения, складирования и т. д. Тем самым торговля означает сокращение издержек обращения, а следовательно, сокращение непроизводительных расходов производства. Для того чтобы вести торговлю, необходима денежная сумма, которой предстоит превратиться в товары. В капиталистическом обществе всякая сумма денег принимает характер капитала. Торговые функции могут обособиться лишь при том условии, если деньги, вложенные в торговлю, сделаются капиталом, т. е. будут приносить прибыль. Но ясно, что эта прибыль создается не торговлей, не в результате простого процесса купли с целью перепродажи, торговля лишь присваивает ее. Величина прибыли определяется величиной капитала, так как в развитом капиталистическом обществе равновеликие капиталы приносят равную прибыль. Но сама эта прибыль представляет собой вычет из прибыли, созданной в производстве. Из той прибыли, которая в первую очередь попадет в руки промышленников, последние должны уступить торговцам известную долю, достаточную для того, чтобы торговля действительно могла привлечь необходимый для нее капитал.

Торговля существовала ранее обобщенных форм товарного производства, т. е. раньше, чем началось капиталистическое развитие. Следовательно, подобно ростовщическому и денежно-торговому капиталу, она старше промышленного капитала, она исходный пункт капиталистического развития. В ней сосредоточивалась наибольшая часть денежного богатства общества. При помощи кредита, который всегда был важным средством в установлении отношений капиталистической зависимости и нередко сохранял еще форму товарного кредита, она ставит в зависимость от себя старинное ремесленное производство, создает первые зачатки капиталистической домашней промышленности, с одной стороны, и зачатки мануфактуры — с другой. Развитие промышленного капитала освобождает производство от этой зависимости от торговли, делает производство и торговлю самостоятельными, изолируя торговлю, отрезывая ее от производства.

Два момента оказывают определяющее влияние на развитие самой торговли. С одной стороны, торгово-технические условия сами по себе. Торговля сначала собирает и концентрирует продукты различных мест производства и в конце концов продает их окончательным потребителям. Чем более разбросанно они живут, тем больше раздробленности в окончательных актах продажи, раздробленности не только в количественном отношении, но также по времени и по месту. Характер последних продаж зависит от условий дохода окончательных покупателей и от их концентрации в пространстве. Оба эти момента зависят от уровня социального развития и от структуры страны. Именно в торгово-техническом отношении становится в особенности очевидным превосходство крупного дела над мелким. Издержки купли и продажи, в том числе и издержки ведения книг, возрастают далеко не пропорционально величине оборачивающихся сумм стоимости. Отсюда тенденция к концентрации. Но, с другой стороны, в самой природе торговли заложено, что чем ближе она к потребителю, тем больше раздробляются акты продажи в пространстве и времени. Следовательно, в зависимости от стадии этого приближения к потребителям величине торгового предприятия ставятся известные границы. Эти границы чрезвычайно эластичны, расширяются параллельно развитию страны, но они во всяком случае обуславливают различия в величине предприятий. На каждой из этих стадий обнаруживается тенденция к более крупному предприятию, но обнаруживается с различной силой и быстротой. Необходимость децентрализации в пространстве преодолевается устройством филиалов одного и того же крупного предприятия. С другой стороны, концентрация населения в городах позволяет и розничную торговлю концентрировать в крупных универсальных магазинах. Однако это — только первая ступень концентрации. Торгово-технические потребности

приводят к объединению самих универсальных магазинов в крупные закупочные организации, которые охватывают целые группы универсальных магазинов и в большей или меньшей степени подчиняют их себе в финансовом отношении. С другой стороны, колоссальные финансовые потребности крупных универсальных магазинов в свою очередь приводят их к тесным отношениям с банками¹.

Параллельно концентрации развивается тенденция к уничтожению самостоятельности розничной торговли: в отраслях промышленности, производящих предметы потребления, производители сами организуют сбыт своих продуктов. Этот процесс дальше всего зашел там, где трест полностью устранил самостоятельную торговлю, как например американский табачный трест².

¹ В начале июля 1908 г. в различных газетах появилась следующая заметка: «Недавно стало известно, что швейцарская группа универсальных магазинов Брауна в Цюрихе при участии одного германского консорциума преобразована в коммандитное общество. Что универсальные магазины «учреждаются», уже не представляет редкого явления: всеобщего внимания швейцарское учреждение заслуживает по иного рода причинам. Во главе германского консорциума стоит фирма «Хехт, Пфейфер унд комп.» в Берлине, которая принадлежит к числу крупнейших германских экспортных фирм. Эта фирма развилась в закупочный концерн, обслуживающий многие универсальные магазины различных стран. Соглашение с швейцарским универсальным магазином Брауна сводится к тому, что фирма «Хехт, Пфейфер унд комп.» в будущем станет производить для него все закупки и будет непосредственно расплачиваться также за покупки Брауна. У фирмы имеется широко разветвленная закупочная организация, а с начала прошлого года она вступила в соглашение с гамбургской фирмой «М. И. Эмденс зёне» настолько тесное, что фирма «Хехт, Пфейфер унд комп.» и на внутреннем рынке производит теперь закупки для 200 магазинов, примкнувших к фирме «Эмден». Кроме того, этот союз поддерживает сношения с одним нью-йоркским универсальным магазином, для которого, по данным «Конфекционер», он закупает в Германии ежегодно примерно на 60 млн. марок. Экономическое превосходство крупных универсальных магазинов, заключающееся не в последнюю очередь в тех выгодах, которые вытекают из массовых закупок, привело к созданию центральных закупочных организаций, которые сумели поставить в финансовую зависимость от себя большую часть обслуживаемых ими фирм».

² См. интересную сводку в статье Альгернона Лее (*Algernon Lee, Die Vertrustung des Kleinhandels in den Vereinigten Staaten, «Neue Zeit», 27 Jahrgang, Bd. 2, S. 654 и след.*). Торговцы сигарами, чтобы отстоять свою независимость, организовались в союз под названием «Индепендент сигер сторис компани». Напротив, табачный трест организовал «Юнайтед сигер сторис компани» с капиталом в 2 млн. долл. «Это общество скупил многие из существующих розничных фирм и основало много новых с лучшими товарами, более богатым выбором и внешним оформлением, чем какой бы то ни было из конкурирующих магазинов. Цены были понижены, и в конце концов введена система премий, обеспечившая обществу постоянных клиентов. Борьба продолжалась недолго. В течение одного года «Индепендент сигер сторис компани» была вынуждена распродать все на условиях, которые продиктовала «Юнайтед сигер сторис компани». Своей оппозицией мелкие торговцы только ускорили решение своей судьбы... Нет ни малейшего сомнения, что трест пойдет по избранному пути дальше, вероятно, даже ускоренным темпом, пока он не победит всего, что стоит побеждать в розничной торговле этой отрасли промышленности».

Но это движение к концентрации встречает и препятствия, которые его замедляют. Открыть мелкое торговое дело легко, — чем оно мельче, тем легче; тем более, что кредитование здесь сравнительно широкое, так как кредит является кредитом под товарный капитал, и особенно широко оно, когда кредитует производитель, открывающий здесь дополнительное средство в конкурентной борьбе за рынок сбыта. В этих мелких предприятиях норма прибыли столь низкая, что торговец фактически становится агентом того капиталиста, продукты которого он сбывает. Вытеснение такого торговца не диктуется какой-либо серьезной экономической заинтересованностью.

Рассмотренные до сих пор торгово-технические моменты играют роль в тех случаях, когда дело касается продуктов, которые приходится сбывать непосредственно окончательным потребителям, следовательно, в сфере розничной торговли. Наряду с ними воздействие отношений, сложившихся в сфере

Лее сообщает далее о концентрации розничной торговли кофе, чаем, молоком, льдом, горючими материалами, пряностями и т. д. и в заключение удачно резюмирует тенденции к концентрации следующим образом: «Концентрация идет и класс независимых мелких торговцев утрачивает под ногами твердую почву, причем это совершается по следующим пяти различным направлениям, которые, однако, все ведут к одной и той же цели:

1. Некоторые из промышленных трестов, достигнув господства в производстве, распространяют свои операции на область розничной торговли, совершенно вытесняют мелкого купца и сами сбывают свои продукты потребителям.

2. Правда, некоторые из крупных обществ, организованных в сфере производства, все еще пользуются содействием розничного торговца, для того чтобы доставить свои товары потребителям, но относятся к нему скорее как к агенту, чем как к независимому торговцу.

3. В крупных городах универсальные магазины уже отняли у мелких торговцев значительную часть розничной торговли, и этот процесс прогрессирует все больше. Некоторые из этих магазинов представляют капитал в сотни тысяч или даже в миллионы долларов. Иногда одному обществу принадлежит несколько таких магазинов, и уже положено начало тому, чтобы в еще более широком масштабе выразить принцип концентрации в области универсальных магазинов. Это приводит их в более близкое соприкосновение с отдельными группами финансовой аристократии, оптовой торговли и промышленных трестов.

4. Крупные торговые фирмы, получающие заказы исключительно или почти исключительно по почте, в провинции столь же сужают сферу розничного торговца, как филиалы сужают ее в городах. Колоссальное развитие телефона и городских путей сообщения, равно как расширение простой пересылки по почте, открыли для этой формы торговли широкую арену в провинции, и во многих случаях фирмы, рассылающие товары по почте, принадлежат той же компании, у которой в городе имеется одно или несколько отделений.

5. Среди самих розничных торговцев конкуренция действует в том направлении, чтобы принцип концентрации одержал решительную победу — совершенно так же, как на заре капитализма такую роль сыграла конкуренция в сфере промышленности. Торговцы, которые добиваются какого-нибудь преимущества перед конкурентами, получают благодаря этому возможность расширить свое предприятие, что доставляет им новые выгоды, и область деятельности их конкурентов таким образом сокращается.

См. также *Вернер Зомбарт*, Современный капитализм, т. II, гл. 22.

промышленности, играет главенствующую роль в тех случаях, когда дело идет о товарообороте между самими промышленными капиталистами или между ними и оптовыми торговцами. И здесь концентрация промышленности воздействует обратно на развитие торговли, заставляет ее приспособливаться к себе. Чем выше концентрация промышленных предприятий, тем больше масса производимых в них продуктов, тем крупнее должен быть капитал у торговцев, которые обслуживают процесс обращения этих продуктов. Далее: чем меньше с развитием концентрации становится число промышленных предприятий, тем более излишними становятся вообще торговцы, тем проще осуществить такую организацию, при которой крупные концентрированные промышленные предприятия вступают в непосредственные отношения друг с другом, не нуждаясь во вмешательстве самостоятельного торговца. Следовательно, концентрация промышленности приводит не только к концентрации торговли, но и к тому, что последняя вообще становится излишней. Акт купли-продажи совершается меньше, так как каждый единичный акт стал крупнее, и при этих актах все чаще устраняется вмешательство самостоятельного капиталиста. Но вследствие этого часть капитала, который находится в сфере торговли, становится излишней и может уйти из сферы обращения вообще.

Капитал, находящийся в сфере торговли, равен стоимости годового общественного продукта, деленной на число оборотов торгового капитала и умноженной на число тех промежуточных стадий, через которые он проходит, пока не дойдет до окончательного потребителя. Но эта величина капитала — исключительно счетная. Наибольшая часть этого капитала состоит из кредита. Ведь торговый капитал служит исключительно обращению товаров, но мы уже знаем, что наибольшая часть относящихся сюда операций может выполняться без помощи действительных денег. Производительные капиталисты взаимно дают друг другу кредит и взаимно его компенсируют. Действительный торговый капитал намного меньше, и только на него торговец получает прибыль. Прибыль промышленника зависит от общих размеров капитала, безразлично, принадлежит ли он самому промышленнику или кредитован ему; прибыль зависит здесь от общих размеров капитала потому, что это — производственный капитал. Прибыль торговца зависит только от действительно примененного капитала, потому что это — не производственный капитал, а капитал, лишь выполняющий функции денежного капитала и товарного капитала. Кредит означает здесь не просто разделение собственности, а тем самым прибыли. Он означает абсолютное уменьшение капитала, а вместе с тем и прибыли, достаемой на долю торгового класса и уплачиваемой ему промышленными капиталистами. Кредит здесь непосредственно уменьшает издержки

обращения, подобно тому как их уменьшают, например, бумажные деньги.

Но торговая прибыль есть часть той совокупной прибавочной стоимости, которая создана в производстве. Чем больше та доля, которая достается торговому капиталу, тем, при прочих равных условиях, меньше доля промышленников. Следовательно, между интересами промышленного и торгового капитала существует антагонизм.

Из этого антагонизма интересов возникает борьба, которая заканчивается, наконец, победой одной части путем установления отношений капиталистической зависимости. Исход борьбы капиталистических интересов решает большая или меньшая мощь капитала. Но это не следует понимать в чисто количественном смысле. Все предыдущее изложение показывает нам, что имеет значение и форма капитала. При прочих равных условиях власть над денежным капиталом обеспечивает огромный перевес сил, потому что с развитием кредита и промышленникам, и торговцам все больше приходится обращаться к денежному капиталу. Таким образом, зависимость промышленности и торговли развивается в различных формах.

Пока господствовала свободная конкуренция, торговля могла использовать к своей выгоде конкурентную борьбу между промышленниками. Это в особенности относится к тем отраслям промышленности, где производство еще сравнительно сильно раздроблено, а концентрация торговли ушла далеко вперед. В том же направлении действовали кредитные отношения. Пока кредит оставался еще преимущественно платежным кредитом и банки в первую очередь предоставляли кредит в распоряжение торгового капитала, финансовое превосходство чаще оказывалось на стороне купцов. Они пользовались этим превосходством, чтобы при закупках оказывать давление на цены производителей и диктовать им такие условия поставок и платежей, которые позволяли им самим снимать сливки от выгод высокой конъюнктуры, а убытки депрессии частично перекладывать на производителей. Это — эпоха, когда вновь и вновь раздаются жалобы промышленников на диктатуру купцов. Действия торговцев послужили впоследствии промышленникам одним из доводов, оправдывающих организацию картелей. Все это коренным образом изменяется, по мере того как меняется отношение банков к промышленности и в последней возникают капиталистические объединения.

Частичные промышленные объединения прежде всего сокращают торговлю. Комбинированные объединения сокращают ее непосредственно, делая торговые операции вообще излишними. Гомогенные объединения действуют так, как концентрация в промышленности вообще. Монополистическим же объединениям свойственна тенденция совершенно уничтожать самостоятельность торговли. Мы видели, что действительный контроль над

рынком осуществляется лишь при том условии, если товары продаются одним центральным учреждением. Но, для того чтобы регулировать производство в соответствующей отрасли промышленности, это учреждение должно представлять себе вероятную величину сбыта. Притом размеры потребления всегда зависят от уровня цен. Следовательно, цены вплоть до последней стадии должны определяться монополистическим объединением, установление их нельзя предоставить факторам, независимым от него. Но такими факторами являются прежде всего торговцы. Если бы за ними были оставлены специфические торговые операции, к числу которых относится и установление цен, то им же в значительной степени досталось бы и использование рыночных условий — главная выигрышная статья для картеля. Они могли бы со спекулятивными целями накапливать запасы продуктов и в особенности при благоприятной конъюнктуре продавать их по повышенным ценам. Следствием этого было бы, с одной стороны, ограничение производства, за которое картель не получал бы возмещения в виде повышенной прибыли. С другой стороны, если бы руководству картеля пришлось при установлении масштаба производства исходить только из этого спекулятивного и, быть может, ошибочного спроса торговцев, то у него составилось бы ложное представление о состоянии рынка. Следовательно, монополистическое объединение должно стремиться к тому, чтобы уничтожить самостоятельность торговли. Только при этом условии картель сумеет в полной мере использовать свое влияние на ценообразование.

Но мы видели, что уже картелирование представляет собой глубокую связь промышленности и банкового капитала; как правило, перевес сил оказывается на стороне картеля. В таком случае он может диктовать торговле свои законы. Содержание же этих законов сводится к тому, чтобы отнять у торговли ее самостоятельность, лишить ее влияния на ценообразование. Следовательно, картелирование уничтожает торговлю в качестве сферы приложения капитала. Оно ограничивает торговые операции, часть их устраняет, а остальную выполняет с помощью собственных наемных работников — агентов картеля по продаже. При этом вполне возможно, что часть прежних торговцев сделается такими агентами по продаже. Картель в точности предписывает им закупочные и сбытовые цены, разница которых составляет комиссионные этих «торговцев». Размеры этих комиссионных уже не определяются уровнем средней прибыли, это — заработная плата, устанавливаемая картелем. Но если соотношение капиталистических сил складывается иначе, то и отношения торговли и картеля могут сложиться иначе. Возможно, например, что в торговле условия более благоприятны для концентрации, чем в промышленности. Тогда немногим торговцам противостоит множество сравнительно

слабых капиталом предприятий, которые в сбыте своих продуктов зависят от этих торговцев. Торговцы могут использовать силу своего капитала для того, чтобы, принимая финансовое участие в этих предприятиях, применить часть своего капитала как промышленный капитал. Зависимость промышленности они могут использовать, чтобы принудить данные предприятия продавать им дешевле. Таким образом, они повышают свою торговую прибыль за счет промышленной прибыли. В новейшее время такие отношения зависимости довольно быстро развиваются в некоторых отраслях промышленности предметов потребления, продающих их в крупные капиталистические универсальные магазины.

Эти отношения зависимости на высшей ступени капиталистического развития воспроизводят тот процесс, который привел к возникновению капиталистической домашней промышленности, причем купец сделался раздатчиком по отношению к ремесленнику. Однако подобные же отношения иногда могут встречаться и в отраслях промышленности, способных к картелированию. Торговый капитал, который, быть может, принимает участие в целом ряде таких предприятий, может тогда сыграть роль, аналогичную роли банковского капитала.

В подобных случаях торговцы принимают непосредственное участие в картеле. Но они это делают потому, что в действительности уже раньше принимали участие в производстве в форме финансирования¹. По существу этим ничего не изменяется. И в этом случае торговля утрачивает влияние на ценообразование, перестает быть рынком для промышленников, которые вступают теперь в непосредственные связи с потребителями.

¹ Для организации торговли богемским бурым углем характерно, что комиссионер по продаже в то же время является владельцем шахты и пайщиком представляемой им компании. Две комиссионные фирмы по продаже угля — «И. Петчек» и «Эд. И. Вейнман» — создали в Ауссиге организации, «которые обслуживают сбыт бурого угля для крупных богемских компаний... Обе угольные фирмы в Ауссиге первоначально были лишь посредническими. В начале 30-х годов эти отношения стали изменяться, и начало этим изменениям положило мощное развитие горнопромышленного общества в Брюксе. Сбытом этого общества искони занималась фирма «Вейнман». Брюкское общество по очень низким ценам приобрело шахты в Ауссиге и таким образом сделалось первенствующим предприятием в богемской буроугольной промышленности. Между тем брюкские акции перешли к новым собственникам. Большая часть перешла к синдикату, во главе которого стояла фирма «Петчек», и изменение в соотношении сил выразилось в том, что сбыт угля перешел к этой же фирме. Таким образом, сложились новые отношения. Комиссионер по продаже угля был одновременно и крупным акционером предприятия, договоры о продаже он заключал как бы с самим собой и оказывал решающее влияние на управление и производство. Такой же путь пришлось избрать и конкурирующей фирме. Путем приобретения акций она тоже сумела завоевать решающее влияние на представляемые ею предприятия, с которыми ее связывают теперь прочные интересы» («Neue Freie Presse», 25. II. 1906).

Таким образом, монополистическое объединение приводит к устранению самостоятельной торговли. Часть торговых операций оно делает совершенно излишней, а для остальной части уменьшает издержки.

В аналогичном направлении действует сокращение тех издержек обращения, которые предназначены для того, чтобы привлечь потребителей к товарам одного определенного предприятия за счет сбыта других предприятий. Этой цели служат прежде всего расходы на коммивояжеров, поскольку многочисленность последних обусловлена раздробленностью производства между отдельными предприятиями, а также расходы на рекламу. Эти расходы являются непроизводительными издержками обращения. Отдельному предпринимателю они приносят прибыль, поскольку ему удастся повысить свой оборот больше, чем было бы возможно без таких мер. Но эта прибыль — потеря для других предпринимателей, для тех, за счет которых первый увеличил свой оборот. Для сферы производства издержки эти представляют вычет из той прибыли, которая иначе досталась бы на ее долю. Картелирование чрезвычайно сокращает эти расходы. Рекламу оно сводит к простому извещению, количество коммивояжеров уменьшает до такого числа, которое необходимо для выполнения и без того сократившихся, упростившихся и ускорившихся торговых операций.

Своеобразный характер носит развитие в Австрии. В силу исторических причин собственно капиталистическая оптовая торговля развилась здесь недостаточно. В сферах, где производятся массовые товары и особенно в тех, где известную роль играет спекуляция, как, например, в торговле сахаром, функции оптовой торговли взял на себя банк. Банковский капитал мог это сделать с тем большей легкостью, что для таких функций приходилось закреплять лишь небольшую часть капитала. В этом случае банковый капитал и как торговец, и как кредитор заинтересован в картелировании. Поэтому в Австрии легче всего проследить прямое и сознательное влияние банкового капитала на процесс картелирования. Банк и в дальнейшем оставляет за собой функции сбыта для картеля и получает за это точно определенные комиссионные. В новейшее время аналогичные тенденции обнаруживаются и в Германии. Так, банк «Шафгаузенше банкфереин» учредил собственное товарное отделение для продажи продуктов картелированных предприятий¹.

¹ Так, «Нейе фрейе прессе» отмечает 18 июня 1905 г., что переход одной крупной пражской сахарной фирмы к кредитному учреждению имеет симптоматическое значение, и продолжает: «Торговля сахаром почти целиком пала жертвой этих стремлений. Еще в начале 90-х годов сбыт продукта большей части сахарных фабрик Богемии находился в руках богатых пражских сахароторговцев, которые извлекали из посредничества значительные выгоды, сбывая сахар за счет производителей. Нередко они совершали операции за свой

Результатом всего процесса является уменьшение торгового капитала. Но раз уменьшился капитал, то должна уменьшиться и приходящаяся на его долю прибыль, которая, как мы знаем,

собственный счет, и по своим крупным сделкам, по своим связям с иностранными рынками представляли характерное явление для Праги. Банковые операции с сахаром исчерпывались комиссионной продажей, выполнявшейся для собственных фабрик, и кредитованием, не выходящим из рамок нормальной банковской деятельности. В течение последнего десятилетия некоторые из этих частных сахарных фирм совершенно отодвинуты на задний план или перешли к банкам, другие были вынуждены сильно сократить свое дело. Из прежних магнатов сахарной торговли в Праге осталась теперь одна-единственная крупная торговая фирма, которая является представителем еще 13 сахарных фабрик и ежегодно сбывает многие сотни тысяч метрических центнеров сахара-рафинада. Крупнейшие частные фабрики, которые ведут производство в обеих половинах империи, при сбыте не прибегают к помощи посредников, а сами организуют оптовую продажу. Средние и мелкие предприятия вступили в более или менее тесную связь с банками, которые открывают им необходимый кредит, продают их товары для экспорта, а также розничным торговцам внутри страны, но нередко берут на себя и весь риск за сбыт сахара. Таким образом, некогда столь крупная и богатая посредническая торговля сахаром совершенно вытеснена со своих позиций, и две трети сбыта богемских сахарных фабрик прокладывают себе путь через сахарные отделения пражских банков (которые в свою очередь являются в большинстве случаев лишь филиалами венских банков).

Исходным пунктом в этом преобразовании сахарной торговли послужило предоставление кредита и строительство новых сахарных фабрик. В 80-х и 90-х годах в Богемии и Моравии возникли многочисленные новые фабрики, в том числе на Эльбе крупные заводы по производству рафинада для экспорта. Они в большинстве случаев были построены на чужой капитал, и банки, доставившие необходимые средства, выговорили, что им будет предоставлена комиссионная продажа продукции новых заводов. Мелкие и средние фабрики сахарного песка, которые со времени возникновения картеля вырастали, как грибы из земли, особенно часто основывались с недостаточным капиталом и потому находились в полной зависимости от кредиторов. Но и существующим заведениям для модернизации и расширения требовались крупные средства, а потому и они вступали в более близкие отношения с источниками денег, что сводилось в конце концов обычно к передаче всей организации сбыта. Таким образом, пражские филиалы венских банков, отчасти также и отдельные местные учреждения завоевали прочную базу в операциях с сахаром и перенесли туда главный центр своей деятельности. «Лендербанк» является представителем 15 фабрик... «Англобанк» ведет комиссионную продажу для фабрик сахарного песка. У «Кредитанштальта» сконцентрированы операции 5 крупных предприятий. «Живностенска банка» является сбытовым центром для многочисленных провинциальных сахарных фабрик. Банки скупают продукцию фабрик сахарного песка и передают его рафинадным заводам, затем от последних они берут сахар-рафинад и размещают его на внутренних и зарубежных рынках сбыта. По мере того как в течение ряда лет экспорт приобретал все большее значение для австрийских фабрик, деятельность банков тоже принимала новый характер. Вывоз требует постоянных операций на различных внешних рынках, скромные комиссионные за посреднические операции все более отступали на задний план перед крупными прибылями от арбитража и спекулятивных сделок... Но с операциями на иностранных рынках тесно связана торговля за собственный счет, потому что лишь очень немногие отечественные фабриканты были в состоянии взять на себя такие операции, которые часто по необходимости затягиваются на продолжительное время. Таким образом, в качестве последнего звена в сахарной торговле выступила приемка сахара банками за твердый счет. Фабрики продавали продукцию своему банку, который в свою очередь старался извлечь возможно более крупную выгоду, используя положение на внут-

представляет собой вычет из промышленной прибыли. Это уменьшение торгового капитала есть сокращение непроемких затрат. Как влияет это на цены? Цена продукта определяется издержками производства плюс общая прибыль. Разделение этой прибыли на предпринимательскую прибыль, процент, торговую прибыль и ренту не оказывает никакого влияния на цену. То, что картель занял теперь место торговца, что часть торговых операций отпала, означает лишь, что промышленнику уже не придется уступать торговцу часть своей прибыли. Цена всего продукта для потребителя останется прежней¹. Издержки обращения означали известный вычет из при-

решением и внешнем рынках. Конечно, торговля за собственный счет — еще не общее правило, и отдельные осторожные учреждения принципиально сторонятся ее. Однако наряду с комиссионной продажей она уже занимает видное место, и нельзя отрицать, что дело развивается в этом направлении.

Сравнительно крупные товарные отделения имеются также у тех банков, которые находятся в тесных связях с картелями и руководят сбытом соответствующих отраслей промышленности. Так, «Лендербанк» производит продажу для картеля спичечных фабрик, фабрик по производству сиропа, эмалированной посуды, цветной бумаги, крахмала и некоторых отраслей химической промышленности. «Банкфрейн» находится в таких же отношениях к фабрикам картона, а «Кредитанштальт» держит в своих руках продажу продукции объединенных латунных заводов. Все это сплошь комиссионные отношения, за которыми нет торговли в узком смысле этого слова: ведь посредническая торговля вытеснена со своих позиций картелированием и концентрацией сбыта в центральных сбытовых бюро. Прибыль от посреднических операций с товарами понизилась вследствие конкуренции банков и составляет лишь скромную долю прежних значительных комиссионных. Сокращение прибылей от обычных банковских операций породило в некоторых учреждениях товарные отделения, мысль сильнее развить торговлю товарами за собственный счет. Многие признаки указывают на то, что в этом направлении будет проведено новое расширение операций».

¹ В отдельных случаях могут произойти сдвиги в ценах вследствие различий в соотношении промышленного и торгового капитала в отдельных сферах. Допустим, что в одной сфере, например в машиностроении, производственный капитал равен 1000, торговый капитал равен 200. При средней норме прибыли в 20% торговая прибыль составит 40. Цена для потребителя равна 1000 плюс 200 (цена, за которую промышленники сбывают свой продукт купцу) плюс 240 (возмещающие купцу его капитал плюс прибыль), следовательно, в общей сложности равна 1440. Но пусть в текстильной промышленности на производственный капитал в 1000 приходится торговый капитал в 400. Цена продукта равнялась бы тогда 1680. Предположим теперь, что картель сумел в обоих случаях устранить торговый капитал и сократить торговые издержки наполовину. В таком случае машиностроители на свой капитал в 1000 получали бы прибыль в 340, текстильные фабриканты на капитал в 1200 — прибыль в 480. Неравенство норм прибыли может повести к процессам уравнивания, которые обнаружатся потом в изменении цен. Но то, что выигрывают потребители текстильных продуктов, потеряют покупатели машин. Однако вследствие картелирования это уравнивание произойдет лишь с большим трудом и неполностью.

Иначе обстоит дело, когда самостоятельная торговля вытесняется потребительскими обществами, обществами оптовых закупок, сельскохозяйственными закупочными товариществами и т. д. Здесь деятельность торговых капиталистов заменяется деятельностью организованных потребителей, которым достается поэтому и торговая прибыль. В то же время возрастающая концентрация означает экономию на издержках обращения.

были. Сокращение этих издержек означает, что промышленная прибыль, предпринимательская прибыль, повышается на всю сумму, высвободившуюся благодаря уменьшению торговых издержек. И только ложное представление, будто прибыль возникает в торговле, только вера, будто торговец получает прибыль путем надбавки к своим издержкам, порождает у некоторых авторов надежду, что уменьшение торговых издержек могло бы как-нибудь понизить цену продукта для потребителей¹.

Сокращение торговых операций означает в то же время высвобождение капитала, который раньше был занят в сфере торговли и ищет теперь нового применения. При известных обстоятельствах это может усилить тяготение к экспорту капитала.

Но сохранение самой формы торговли — в собственных интересах картеля. Кирдорф, властитель угольного синдиката, говорит на этот счет: «Для того чтобы добраться до самых истоков потребления, дойти до единичного потребителя, необходимо располагать огромным аппаратом. Но тогда увеличиваются издержки управления, которые решительно превосходят выгоды от цены, получаемые вследствие продажи непосредственно потребителю. Производство становится невыносимо дорого, персонал служащих настолько расширяется, что следить за ним и контролировать его уже нельзя. Поэтому солидная посредническая торговля до известной степени остается абсолютной необходимостью и никогда не может быть устранена»².

Но в действительности здесь перед нами уже не торговцы, не купцы, а лишь агенты синдиката, самостоятельность которых столь же фиктивна, как домашнего промышленника, который имеет титул самостоятельного мастера. Разница лишь в том, что домашняя промышленность вследствие технических изменений в производстве в известный момент становится нерентабельной, по отношению же к торговле это не играет никакой роли. В экономическом отношении нет никакой разницы, будет

¹ Оптовый торговец Энгель совершенно справедливо говорит: «Стремление синдиката состоит в том, чтобы монополизировать и просто исключить оптовую торговлю. Цены для покупателя от этого, конечно, не становятся дешевле. В самом деле, движение было бы бесцельным, если бы расчеты не строились таким образом: ту выгоду, которую получал оптовый торговец, я как фабрика, как синдикат хочу иметь сам» («Kontradiktorische Verhandlungen über den Verband deutscher Druckpapierfabriken», Heft IV, S. 114).

То же самое относится, например, и к угольному синдикату. Он «использует монополизацию операций по экспедированию и оптовой торговле для того, чтобы, не повышая заметно цены на уголь, а лишь путем увеличения оплаты за доставку и перевозку обложить мелких потребителей или добиться того, чтобы повышенные цены, которые должны уплачивать потребители, доставались не торговле, как было до сих пор, а производителям». (*Liefmann*, op. cit., S. 98.)

² «Kontradiktorische Verhandlungen», I, S. 236.

ли перед нами агент с точно фиксированным вознаграждением или же «самостоятельный» купец, в действительности получающий только комиссионные. Территориальное разграничение районов сбыта и установление расхождения цен, целиком зависящее от синдиката, оставляют так мало простора для колебаний, что в конечном счете доход купца от комиссионных почти ничем не отличается от дохода агента. Фикция самостоятельности, созданная иным способом вознаграждения,— а в данном случае речь идет фактически о заработной плате, так как доход «купца» составляется из прибыли на его капитал и той заработной платы, которую синдикат должен был бы уплачивать своему агенту,— эта фикция избавляет синдикат от издержек наблюдения и расходов по контролю, совершенно так же, как сдельная оплата по сравнению с повременной. Кроме того, при подобной торговле необходимый капитал чрезвычайно сокращается. Торговцу требуется лишь незначительный собственный капитал, так как устойчивость картельных цен и территориальная монополия уменьшают всякий риск. Следовательно, обороты могут совершаться преимущественно в кредит. Торговцу кредитуются большая часть денег, подлежащих уплате. За эту часть капитала ему приходится уплачивать только проценты. Синдикат заинтересован лишь в одном: по возможности сократить число торговцев, потому что его собственный сбыт благодаря этому упрощается, и действительно приблизить к простой заработной плате комиссионные за торговую деятельность, расцениваемую как высоко квалифицированную деятельность. Насколько долго сохранится у торговцев фикция самостоятельности, в экономическом отношении это безразлично. Сам Кирдорф говорит, что вытеснение посреднической торговли в теперешних размерах не представляет собой чего-либо законченного и что оно определилось «историческими условиями развития торговли углем». Он же подчеркивает: как это само собой очевидно, что «торговля углем в том виде, как она сложилась при прежнем раздроблении горного дела, когда торговцы были многочисленны, теперь не представляет необходимости»¹.

Крупные торговцы углем, несмотря на видимую сдержанность, ясно характеризуют сложившееся положение. Для наших целей достаточно нескольких цитат. Оптовый торговец Фовинкель (Дюссельдорф) заявляет: «Если я только что сказал, что мы уже не купцы в собственном смысле слова, то основания для этого следующие. Угольный синдикат предписывает нам, во-первых, какие сорта мы должны покупать; во-вторых, по какой цене мы их покупаем; в-третьих, ту область сбыта, где мы можем продавать; в-четвертых, те цены, по которым мы

¹ «Kontradiktorische Verhandlungen», I, S. 235.

должны продавать. От свободы действий тут остается, конечно, не так уж много. Но я полагаю, что угольный синдикат при данных обстоятельствах абсолютно не может действовать иначе... В будущем мы, оптовые купцы, должны уяснить себе, что иначе не будет и что нас постепенно будет все меньше и меньше. Это — факт, и притом до такой степени, что уже теперь вообще невозможно начинать оптовое торговое предприятие в сколько-нибудь крупном масштабе, потому что для этого не оказалось бы достаточного количества товаров. Кроме того, современное предприятие ограничено и в том смысле, что его абсолютно невозможно расширить».

Эти «купцы» лишены всякой самостоятельности. Потому что, как говорит торговец углем Бельвинкель (Дортмунд), «в наблюдательном совете каждой сбытовой организации синдикат получает место и голос для члена своего правления» и, «кроме того, имеет право в любое время ревизовать все книги». Вполне справедливо он говорит: «В конце концов нас всех лишили свободы движения; мы стали просто своего рода представителями».

Прогноз на будущее и того хуже. Г-н Фовинкель отзывается на этот счет следующим образом: «Синдикат создал изумительную организацию, и я думаю, что оптовая торговля будет устранена за исключением совсем ничтожной части. Чем вообще будет оправдана оптовая торговля? В конце концов для оптового купца останется лишь очень немного: он сумеет сбывать мелкому потребителю, сбывать нуждающемуся в кредите; создавая в период плохого сбыта крупные склады угля, он принимает меры для выравнивания конъюнктурных колебаний. Все это — моменты, которые вообще оправдывают его существование в будущем; и вполне возможно, что торговля углем, упавшая на 45%, как мы слышали сегодня утром, в дальнейшем упадет по меньшей мере до 20%».

Здесь совершенно правильно описано, что специфически торговая функция, обслуживающая в обращении процесс Т — Д — Т, становится излишней, и что остается только функция распределения продукта, его сохранения, устройства складов, необходимая для обслуживания потребления при всяком общественном строе с массовым производством. Но торговля как таковая уничтожена. Сбыт принял совершенно автоматический характер, жалуется г-н Фовинкель.

Фовинкель с такой же обстоятельностью показывает, как оптовый торговец постепенно заменяется агентом синдиката. Он правильно называет такое соучастие в организации по продаже «синекурою». Пользование ею целиком зависит от милости синдиката. После смерти теперешних соучастников их точно определенная доля в сбыте возвратится к синдикату; «единственным участником сделается синдикат. Из этого совершенно очевидно, что этот подсиндикат (имеется в виду объединение

торговцев.— *Р. Г.*) в конце концов перейдет собственно к главному синдикату»¹.

Монополия крупных торговцев или сбытовых объединений даст им силу подчинить себе сравнительно мелких торговцев, диктовать им сбытовые цены, словом, в свою очередь превращать их в своих агентов. Так, например, оптовый торговец углем Гейдман (Гамбург) говорит: «Так как я установил по своим книгам, что долги этих людей (т. е. сравнительно мелких торговцев, которые получают от него уголь.— *Р. Г.*) все более нарастают, я сказал им: впредь вы получите уголь лишь при том условии, что примете по крайней мере такую-то и такую-то цену»².

От оптовых торговцев Верхне-Силезской области муниципальный советник д-р Риве заявляет: «Те господа оптовые торговцы, с которыми мы имеем дело, следовательно, торговцы первого ранга (фирмы «Сезар Вольгейм» и «Фридлендер»), само собой разумеется, имеют у себя в свите целый ряд оптовых торговцев второго ранга, которые — что можно сказать откровенно — находятся в прямой зависимости от первых. А за оптовыми торговцами второго ранга стоят розничные торговцы первого, второго и последнего ранга. Один зависит от другого, и первые оптовые торговцы, если и не по обязательному договору, то добровольно действуют в соответствии с конвенцией» (имеется в виду верхнесилезская угольная конвенция).

Коротко отметим здесь, что самостоятельность обеих угольных фирм в Верхней Силезии находит себе объяснение в следующем: они уже задолго до заключения конвенции захватили в свои руки торговлю с шахтами. Большая часть шахт принадлежала отдельным лицам, и обе фирмы в известной мере принимали в них финансовое участие. В их руках оказалась, следовательно, не только организация сбыта, они были одновременно либо непосредственно, либо в качестве кредиторов совладельцами шахт.

В Рейнланд-Вестфалии акционерная форма с самого начала сделала шахты независимыми от торговли. Может быть, торговля на западе потому оставалась менее концентрированной, что бесспорная область сбыта там шире, а потому конкуренция не носит столь острого характера. Пожалуй, еще важнее то обстоятельство, что шахты на западе моложе, чем старинные частные угольные шахты в Верхней Силезии. Поэтому в Верхней Силезии, если и не торговля вообще, то обе сильнейшие торговые фирмы удерживают свое положение. Они превращаются в торговую организацию картеля (фактически, а не по форме, ибо формально картель не особенно заботится о торговой части, оставляя сбыт за каждым отдельным пред-

¹ «Kontradiktorische Verhandlungen», I, S. 228—230.

² Ibid., S. 455.

приятием). Но они делают это не потому, что они «торговцы», а лишь благодаря мощи своего капитала. Напротив, менее значительная, ибо она не столь концентрирована, торговля запада утрачивает свое положение, и даже оптовый торговец здесь «более или менее превращается в агента», как говорит старший горный советник д-р Вахлер¹.

Подчинение торговли синдикату облегчает последнему подрыв иностранной конкуренции, которая в большей степени, чем отечественное производство, нуждается в посредничестве торговли. Так, купец Клёкнер (Дуисбург) говорит: «Торговые фирмы, обслуживающие продажу литейного чугуна, так или иначе должны подписывать перед чугунным синдикатом обязательство, что они не будут торговать заграничным железом или ввозить его в Германию»².

В контрасте с этим превосходством сил на стороне картелированной промышленности находится, наоборот, зависимость мелких фабрикантов от капиталистического торговца в отраслях промышленности, еще не способных к картелированию, которая особенно тягостна тогда, когда она усиливается кредитными отношениями.

«Многие мелкие фабриканты в деловом отношении целиком находятся в руках торговцев. В нашей промышленности, производящей готовые товары, к сожалению, очень многие фабриканты располагают слишком недостаточным капиталом и в сущности не могут стоять на собственных ногах. Чтобы продолжать производство, они вынуждены продавать товары по любой цене. В таком случае товар берет какой-нибудь торговец или даже дает под него аванс, и тогда мелкий фабрикант уже навсегда попадает в его руки. В дальнейшем торговец уже может предписывать ему всю организацию дела»³. Г-н Герштейн говорит о промышленности, производящей мелкие изделия из железа, и в сопротивлении торговцев он видит серьезное обстоятельство, затрудняющее картелирование.

С другой стороны, само по себе картелирование промышленности, производящей готовые товары, не дает еще возможности использовать цены. «Если фабриканты отраслей, производящих готовые товары, объединяются и если они устанавливают цены таким образом, что им остается скромная выгода, то,

¹ «Kontradiktorische Verhandlungen», II, S. 380.

² Прелестна лицемерная фразеология бравого агента синдиката: «Как торговые фирмы мы считаем это совершенно правильным, ибо мы существуем главным образом для того, чтобы развивать и охранять внутреннее производство». Разграбление своей страны, помехи, создаваемые для обрабатывающей промышленности посредством искусственного угольного, коксового и железного голода, поддержание на высоком уровне внутренних цен посредством продажи за бесценок за границу, — вот они, национальные убеждения барышничества.

³ Показания Герштейна (Garen), секретаря торговой палаты. «Kontradiktorische Verhandlungen», 6. Sitzung, Halbzeugverband, S. 444.

к сожалению, как слишком часто показывает опыт, крупная промышленность вставляет им палки в колеса, и те изделия, в которых она нуждается, производит в собственных мастерских. При этом само собой разумеется, что здесь получается совершенно иная себестоимость, чем у фабрикантов, которые приобретают сырые материалы по ценам, устанавливаемым картелями в крупной промышленности. Как мы слышали, изготовление необходимых изделий на собственном производстве получает очень широкое распространение. Еще вчера г-н директор Фукс говорил мне, что крупные заводы «Бохум», «Дортмундер ферейн», «Кёнигс-унд лаурахютте» выступают конкурентами чисто вагонных фабрик. (Правда, вагоны не относятся к числу мелких железных изделий, но это во всяком случае готовые фабрикаты). Я ответил, что от этого страдают не только вагонные фабрики, но и производство мелких железных изделий, фабриканты вагонного оборудования. Ведь крупные металлургические заводы сами производят не только готовые вагоны, но и все принадлежности для них: буфера, крестовины, сцепы — словом все части. «Кёнигс-унд лаурахютте» производит для своих вагонов все, от колес до последней детали, за исключением, быть может, пружин, шурупов и заклепок. «Дортмундер унион» тоже изготавливает почти все части для своей вагонной фабрики, а кроме того, и другие мелкие железные изделия, например гайки для скрепления рельсов»¹.

Но если торговля вследствие своего влияния на сравнительно мелких капиталистов тормозит картелирование, то, с другой стороны, она стремится усилить это влияние, сама организуя ринги. И здесь Герштейн приводит несколько иллюстраций. Например, крупные берлинские магазины металлоизделий объединились в союз, который оказывает большое влияние на ценообразование. Данцигские магазины сообща купили одну фирму, а затем объединились в союз металлоторговцев, в общество с ограниченной ответственностью. Союз германских торговцев металлоизделиями с местопребыванием в Майнце, принял постановления относительно закупки товаров. Члены союза должны потребовать от своих поставщиков письменное обязательство, «что они не будут продавать своих товаров базарам». Члены союза обязуются не покупать у таких фабрикантов, которые сами поставляют потребителям. Это местами зашло настолько далеко, что в потребители зачислены и крупные государственные железные дороги и у фабрикантов хотели бы отнять право поставлять различные предметы непосредственно для этих дорог².

¹ «Kontradiktorische Verhandlungen», S. 445.

² Ibid, S. 447. О том, какую непреклонность проявляют иногда, наоборот, крупные заводы по отношению к своим сравнительно мелким поставщикам, свидетельствует показание Герштейна. «Один крупный металлургический завод, располагающий собственными шахтами, составил печатные условия относительно

Вот хороший пример того, как более мощный капитал ведет к отношениям зависимости, хотя бы в такой форме, что оптовый торговец увеличивает свою торговую прибыль за счет промышленной и перекладывает с себя всякий риск, если даже он возникает в результате его собственной спекуляции: «Напротив, спекуляция типографской бумагой противоречит стремлению синдиката достигнуть устойчивых цен и согласовать предложение со спросом. Бумага вообще и типографская в частности не относится к числу объектов спекуляции. Согласно наблюдениям, сделанным почти на всех бумажных фабриках Германии, те самые оптовые торговцы, которые при понижении цен на бумагу продают ее *in blanco* [по передаточной надписи], не считаясь с издержками ее производства, именно они, покупая потом бумагу у бумажных фабрикантов, озабоченных получением заказов, самым недостойным образом производят давление на цены. Бывало, да и теперь еще бывает так, что бумажных фабрикантов, сидящих где-нибудь в горах и отрезанных от бумажного рынка, такие торговцы путем ложной информации принуждают продавать по цене, которая намного ниже рыночной.

Наоборот, когда цены на бумажном рынке обнаруживают тенденцию к повышению, те же самые торговцы, пуская в ход все свое искусство и всяческие меры убеждения, побуждают бумажных торговцев заключать с ними возможно более крупные сделки или продавать значительные количества бумаги, между тем как сами они уже воздерживаются от дальнейшей продажи. В этом случае ущерб наносится в первую очередь владельцам типографий, которым приходится сверх всякой меры оплачивать торговцу его удачную спекуляцию. На втором плане при весьма быстро преходящей высокой конъюнктуре пострадавшими оказываются и фабриканты бумаги, потому что, едва начинается движение рыночных цен вниз, этот торговец без долгих разговоров снижает цены или же, если он не может сам взять бумагу, спокойно предоставляет бумажному фабриканту сидеть на своем товаре. Только в очень редких случаях фабрикант бумаги решается подать жалобу на неисполнение договора или вообще вчинить судебный иск против торговца, опасаясь утратить на будущее время заказы»¹.

Образование синдиката одним ударом меняет положение. Против раздробленных торговцев выступает объединенная промышленность. Власть капитала теперь на стороне промышленников. Но более того. Теперь торговец предстает тем, что он есть в действительности, т. е. заменимым вспомогательным

приобретения им инструментов, в которых требуется оферт и значит далее: количество — наша потребность на 1904 г., причем мы не берем обязательства принять определенное количество. Сдача по нашему требованию» (Ibid., S. 556).

¹ Показание директора Рейтера. «Kontradiktorische Verhandlungen», Heft IV, S. 110 и след.

средством по сравнению с необходимой, независимой промышленностью. Обнаруживается как бы превосходство естественной необходимости производства над капиталистической необходимостью распределения посредством торговли. Синдикат вводит ее в ее «законные границы». «Торговлю следует считать легитимной, если на базе точных закупочных цен с надбавкой достаточной прибыли торговец продает бумагу дальше и при этом соблюдает условия, которые производители бумаги признают допустимыми и которые являются обычными при продаже бумаги». Таким образом, торговец бумагой превращается в агента синдиката с твердыми комиссионными. У него отняли его свободу, и громко звучат его жалобы на недостойное обращение, со скорбной тоской рассказывает он о добрых старых временах славной торговли. Но самым тягостным из всех продиктованных условий представляется ему то, что теперь он должен покупать исключительно у синдиката и ни у кого больше. Для него невозможно использование конкуренции между производителями, и он сам становится орудием укрепления синдиката, увековечения той монополии, которая скручивает его. Он должен оставить всякую надежду, ибо над дверью, ведущей к сбытовому бюро синдиката, написано буквами, которые нагоняют на него такой же ужас, как на грешника слова Данте над воротами ада: покупай только у синдицированных предпринимателей и продавай лишь по ценам, назначенным синдикатом. Это — конец капиталистического торговца ¹.

Средством, ведущим к устранению спекуляции из торговли, является также заключение долгосрочных договоров. Так, угольный синдикат постоянно назначает на целый год цены, не подлежащие изменению, и ни при каких обстоятельствах не отступает от этого «основного правила» ².

¹ «Итак, синдикат поставил своей задачей устранить организованную таким образом оптовую торговлю типографской бумагой. После того как созданием синдиката удалось устранить большое число агентов, которые занимались сбытом типографской бумаги наряду с другими сортами, все еще оставалось большое количество торговцев, которые торговали типографской бумагой. Тогда синдикат задался целью не только отказывать в отпуске типографской бумаги фирмам, которые занимались спекуляцией, но и помешать появлению новых торговцев типографской бумагой. Поэтому синдикат уже во многих случаях отказывался продавать эту бумагу таким фирмам, которые лишь во время существования синдиката решили распространить свои торговые операции и на типографскую бумагу» («Kontradiktorische Verhandlungen», I, S. 111).

² Ibid., S. 94 и след. Осенью 1899 г. германский коксовый синдикат заставил своих покупателей покрыть их потребность на два года — 1900 и 1901. Отметим, кстати, что синдикат использовал свою силу для того, чтобы цены 1900 г., уже в феврале 1899 г. установленные на уровне 14 марок, повысить на оба года до 17 марок. Под угрозой, что иначе им совсем не отпустят кокса, заводы вынуждены были согласиться на заключение таких условий.

Пример интересен и потому, что он показывает, насколько мало влияние синдикатов на кризисы. Договоры были заключены в 1899 г., т. е. приблизительно на 27 месяцев вперед. В середине 1900 г. конъюнктура начала понижаться,

Tempora mutantur! [Времена меняются!] В биржевой анкете 1893 г. спекуляция — высший расцвет и глубочайший корень капитализма. Спекуляция — все: производство, торговля, сделки на разницу; всякий капиталист — спекулянт; и даже пролетарий, взвешивающий, где ему лучше всего продать свою рабочую силу, — тоже спекулянт. В анкете о картелях святость спекуляции предана забвению. Она — безусловно зло, из которого вытекают кризисы, перепроизводство, короче, все дурные стороны капиталистического общества. Пароль — устранение спекуляции. Идеал спекуляции изменяется спекуляцией на идеале «стабильных цен», представляющих собой смерть для спекуляции. Теперь оказывается, что биржа и торговля носят спекулятивный характер, презренны, подлежат устранению во благо промышленной монополии. Промышленная прибыль соединяется с торговой, капитализируется в учредительскую прибыль, становится в этой форме добычей триединства, воплощающего в финансовом капитале высшую форму капитала вообще, ибо промышленный капитал есть бог-отец, который в торговом и банковом капитале родил бога-сына, а денежный капитал есть дух святой. Их три, но они едины в финансовом капитале.

Надежность картельной прибыли в противоположность ненадежности спекулятивной прибыли отражается в различной психологии их представителей и в конкретных формах их выступлений. Картельный магнат чувствует себя господином производства, его действия налицо. Своим успехом он обязан организации производства, сокращению непроизводительных издержек. Он сознает в себе представителя общественной необходимости в противовес индивидуальной анархии и рассматривает свою прибыль как подобающее воздаяние за свою организаторскую деятельность. Для его капиталистического мышления представляется совершенно естественным, что ему достаются плоды организации, создание которой — дело не его одного. Он — представитель нового времени.

«Дни индивидуума миновали. Если масса может получать выгоду за счет индивидуума, — индивидууму остается удалиться, и он должен удалиться»¹, — обрушивается Гавемейер на защитников старого. Он имеет в виду социализм и, опьяненный победой, не замечает, что в один прекрасный день и он, и ему подобные сами могут оказаться среди таких индивидуумов, которые должны будут удалиться. Картельный магнат не испытывает никаких угрызений совести, и если Гавемейер с за-

а 1901 г. был годом кризиса, но максимальные цены для кокса были обеспечены. Вследствие этого действие кризиса на обрабатывающую промышленность чрезвычайно обострилось («Kontradiktorische Verhandlungen», 3. Sitzung, S. 638, 655, 664).

¹ Industrial Commission. «Preliminary Report on Trusts and Industrial Combinations», p. 223.

служивающей признательности откровенностью заявляет, что этика других не интересует его ни на грош¹, то и господин Кирдорф с неменьшей гордостью подчеркивает права хозяина в своем собственном доме. Но тягчайшее преступление с точки зрения их этики — нарушение солидарности, свободная конкуренция, выход из братства монопольной прибыли. Общественное презрение и уничтожение в экономическом смысле — подобающая кара за такие преступления². Рассылаются списки, в которых винокуры, не примкнувшие к синдикату, выделены таким образом, что их имена набраны жирным шрифтом³.

Совершенно иначе выступает спекулянт. Он появляется скромно, с сознанием собственной вины. Его выигрыш — просто проигрыш других. Пусть он, спекулянт, необходим, все же его необходимость свидетельствует только о несовершенстве капиталистического общества. Источник его прибыли остается неясным. Ведь спекулянт — не производитель, создающий стоимость. Если его прибыль превышает известную меру, то изумление перед успехом немедленно начинает борьбу против подозрительности. Он никогда не чувствует себя спокойным перед обществом и постоянно боится нового биржевого закона. Он оправдывается и упрашивает не судить его слишком строго: «Это — участь всех человеческих учреждений: все они порочны и греховны»⁴.

И он счастлив, если ему удастся найти верующих, как г-н профессор ван дер Боргт, который так утешает его:

«В самой природе человека заложено, что страсть к игре время от времени становится особенно сильной», и, обращаясь к нападающим на него с призывом к милосердию, уверяет: «Все эти неблагоприятные последствия в последнем счете приходится свести к неискоренимым слабостям и страстям человеческой природы»⁵.

Но, разумеется, ни к какому капиталисту не следует относиться слишком сурово. Капиталист только что признавался:

¹ Industrial Commission. «Preliminary Report on Trusts and Industrial Combinations», p. 63. Он присовокупляет, что истинный коммерческий принцип — назначать столь дешевые цены, чтобы устранить конкуренцию. Ибо, говорит он дальше, тресты устраиваются не для здоровья конкурентов (Ibid., p. 223).

² Вот какими карами грозит «Дейче аграркорреспондент» (№ 8, 1889 г.), близкая к Союзу сельских хозяев: «Германский винокур, отказавшийся вступить в союз, утрачивает право на профессиональное уважение. На таких господ следует навсегда наложить клеймо. Если впоследствии удастся опустошить его кошелёк, то для такого почтенного господина не было бы более чувствительного наказания, как вполне заслуженное им «тьфу».

³ Показание генерального секретаря Кёпке. «Kontradiktorische Verhandlungen».

⁴ Слова генерального консула Русселя из «Дисконтрезельшафт». Deutsche Börsen-enquete, I, S. 464.

⁵ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», S. 181 и след.

«Деньги имеют в себе моральную разлагающую силу, и моральный характер весьма быстро изменяется с увеличением дохода»¹, и вот уже в нем поднимается желчь. Все время его раздражало то непонимание непосвященного человека, которое г-н профессор Кон противопоставлял его прекраснодушию. Он с великим терпением переносил пространные объяснения г-на профессора о функциях биржи, которые нельзя сказать, чтобы вносили большую ясность в предмет. С снисходительным благодушием выслушивает он зато интересные объяснения, которые придется давать профессору Кону о функциях прусских университетов. Но во всем этом не следует заходить слишком далеко. Он, конечно, ничего не имеет против того, что профессор возвещает: цель университетов — стоять между биржей и социал-демократией, давать этическое оправдание биржи и защищать ее от нападок. Когда же ученый господин продолжает: «если бы не было университетов, то произошло бы столкновение этих антагонистических сторон», то подобный приступ мании величия и других маний заставляет его только смеяться. В серьезность профессора он не верит, и потому он вмешивается: «Что биржи преследуют этические цели, это я признаю» (заметно, что и тут он все еще остается спекулянтом), «но основываются они не для этого, а из эгоизма. Уж не должен ли купец основывать биржи затем, чтобы делать из них благотворительные учреждения?»² У этической экономии на это нет никакого ответа, и в этот момент г-н профессор Кон уподобляется пуделю, которого окатывают водой, но у которого ничего мифистофельского нет и в помине.

Глава четырнадцатая

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ МОНОПОЛИИ И БАНКИ. ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА В ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

Развитие капиталистической промышленности ведет к тому, что в банковом деле развивается концентрация. Концентрированная банковая система сама становится важной движущей силой в достижении наивысшей ступени капиталистической концентрации — картелей и трестов. Какое действие в свою очередь оказывают последние на банковую систему? Картель или трест есть предприятие, располагающее капиталом величайшей силы. При отношениях взаимной зависимости между

¹ Показание ван Гюльпена. Deutsche Börsen-enquete, Bd. II, S. 2151. И не только при увеличении дохода: «Если ему (провинциальному банкиру) отравляют жизнь, немудрено, что ему в большей степени, чем он это делал до сих пор, приходится сбывать чисто спекулятивные бумаги», — уверяет г-н фон Гуайта (Ibid., S. 959).

² Ibid., S. 2169.

капиталистическими предприятиями прежде всего мощь капитала решает вопрос о том, какое предприятие попадает в зависимость от другого. Далеко зашедший вперед процесс картелирования с самого начала действует в том направлении, что и банки начинают сливаться и увеличиваться, чтобы не попасть в зависимость от картеля или треста. Следовательно, само картелирование ускоряет слияние банков, как, наоборот, и слияние банков ускоряет картелирование. Например, в объединении стальных заводов был заинтересован целый ряд банков, которые сообща действовали, чтобы привести заводы к слиянию, даже вопреки воле отдельных промышленников. Наоборот, соглашение, состоявшееся сначала между промышленниками, может привести к тому, что у двух конкурировавших до этого времени банков возникают совместные интересы и они начинают действовать сообща, первоначально в одной определенной области. Подобно этому промышленные комбинации ведут также к расширению промышленной сферы банка. Если раньше он действовал, возможно, лишь в области сырьевой промышленности, то комбинация заставляет его распространить деятельность и на обрабатывающую промышленность.

Но картель сам по себе предполагает существование крупного банка, который был бы в состоянии удовлетворять колоссальной потребности целой отрасли промышленности в платежном и производственном кредите.

Но картель вносит еще и дальнейшую интенсификацию в отношения между банком и промышленностью. Когда свободная конкуренция в промышленности прекращается, то сначала происходит повышение нормы прибыли. Это повышение нормы прибыли играет важную роль. Если устранение конкуренции достигнуто путем фузии, то учреждается новое предприятие. Это предприятие может рассчитывать на повышенную прибыль. Повышенная же прибыль может быть капитализирована и послужит источником учредительской прибыли¹. Последняя играет важную роль при образовании трестов в двояком отношении. Во-первых, стремление к учредительской прибыли — очень

¹ В 1887 г. Гавемейер учредил американский сахарный трест путем слияния 15 мелких компаний, которые определяли свой капитал в общей сложности в 6¹/₂ млн. долл. Акционерный капитал треста был установлен в 50 млн. долл. Трест немедленно повысил цены на рафинад и оказал давление на цены сахарного песка. Расследование, произведенное в 1888 г., показало, что на 1 т рафинированного сахара трест зарабатывал почти 14 долл. Поэтому он мог уплачивать 10% дивиденда на весь акционерный капитал, т. е. почти 70% на капитал, действительно внесенный при учреждении общества. Кроме того, трест мог еще при случае выплачивать дополнительные дивиденды и отчислять огромные суммы в резервный капитал. В настоящее время акционерный капитал треста составляет 90 млн. долл. Половина из них — привилегированные акции, имеющие право на постоянные 7%, другая половина — обыкновенные акции, которые теперь приносят тоже 7% («Berliner Tageblatt», 1. VI. 1909). Многочисленные примеры см. также в «Reports of Industrial Commission on Trusts and Industrial Combinations».

существенный мотив для того, чтобы банки содействовали монополизации. Во-вторых, часть учредительской прибыли можно употребить на то, чтобы путем уплаты повышенной покупной цены склонить противящиеся, но важные элементы к продаже их фабрик, т. е. сделать возможным возникновение картеля. Это можно, пожалуй, выразить следующим образом: картель предъявляет спрос на предприятия данной отрасли промышленности; этот спрос до известной степени повышает их цену¹, и эта повышенная цена оплачивается частью учредительской прибыли.

Картелирование вносит бóльшую устойчивость и равномерность в доходы картелированных предприятий. Устраняется страх конкуренции, которая раньше столь часто представляла смертельную опасность для отдельного предприятия. Но вследствие этого курс акций соответствующих предприятий повышается, что означает повышенную учредительскую прибыль при всякой новой эмиссии. Далее, надежность помещения капитала в данные предприятия значительно повышается. Это позволяет банкам еще больше расширить промышленный кредит и таким образом в большей степени, чем раньше, участвовать в промышленной прибыли. Так, путем картелирования отношения между банками и промышленностью становятся еще более тесными, и в то же время распоряжение капиталом, вложенным в промышленность, все более переходит к банкам.

Мы видели, что на заре капиталистического производства деньги к банкам притекают из двух источников. Во-первых, это деньги непроизводительных классов, во-вторых, это резервный капитал промышленных и торговых капиталистов. Мы видели дальше, как развитие кредита приводит к тому, что в распоряжение промышленности поступает не только весь резервный капитал класса капиталистов, но и наибольшая часть денег непроизводительных классов. Другими словами, современная промышленность ведется на капитал, который бесконечно больше, чем весь собственный капитал промышленных капиталистов. С развитием капитализма постоянно возрастает и та сумма денег, которую непроизводительные классы предоставляют в распоряжение банков, а через них — в распоряжение промышленников. Этими необходимыми для промышленности деньгами распоряжаются банки. Следовательно, с развитием капитализма и его организации кредита зависимость промышленности от банков растет. С другой стороны, банки могут привлекать деньги непроизводительных классов и оставлять в своем распоряжении основную, все увеличивающуюся часть этих денег на длительный срок лишь при том условии, если они за эти деньги уплачивают проценты. Пока масса этих

¹ Здесь дело идет о «цене капитала», а она равна капитализированной прибыли.

денег была не очень велика, банки могли достигать этой цели, употребляя их на кредитование спекуляции и на оборотный кредит. По мере того как количество этих денег все возрастает, а значение спекуляции и торговли уменьшается, все большую часть их приходится превращать в промышленный капитал. Следовательно, без постоянного расширения производственного кредита возможность использовать вклады, а значит и уплачивать проценты по банковым вкладам уже давно была бы намного меньше, чем в настоящее время. В действительности это отчасти имеет место в Англии, где депозитные банки обслуживают только оборотный кредит, и потому процент по вкладам стоит на минимальном уровне. Отсюда постоянный отлив вкладов в сферу промышленности, где они ищут себе приложения посредством покупки акций. Здесь сама публика непосредственно делает то же самое, что делает банк при объединении промышленного и депозитного банка. Результат для публики получается одинаковый, потому что учредительской прибыли она не получает ни в коем случае. Но для английской промышленности это означает меньшую зависимость от банкового капитала по сравнению с германской промышленностью.

Итак, зависимость промышленности от банков есть следствие отношений собственности. Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Тем самым он все в большей степени становится промышленным капиталистом. *Банковый капитал, следовательно, капитал в денежной форме, который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом.* Для собственников он постоянно сохраняет денежную форму, затрачивается ими в форме денежного капитала, капитала, приносящего процент, и в любое время может возвратиться к ним в денежной форме. Но в действительности наибольшая часть капитала, вложенного таким способом в банки, превращена в промышленный, производительный капитал (средства производства и рабочую силу) и закреплена в процессе производства. Все возрастающая часть капитала, применяемого промышленностью, представляет собой финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками.

Финансовый капитал развивается с развитием акционерных обществ и достигает зенита с монополизацией промышленности. Доход от промышленности приобретает более надежный и устойчивый характер. Вместе с тем все более расширяется возможность приложения банкового капитала к промышленно-

сти. Но ведь распоряжается банковым капиталом банк, а господство над банком принадлежит собственникам большей части банковых акций. Ясно, что с возрастающей концентрацией собственности владельцы фиктивного капитала, которым принадлежит власть над банками, все более совпадают по составу с владельцами того капитала, который дает власть над промышленностью. И это тем более, что, как мы видели, к крупному банку все больше переходит и власть над фиктивным капиталом.

Если мы убедились, что промышленность попадает в возрастающую зависимость от банкового капитала, то это вовсе не означает, что магнаты промышленности попадают в зависимость от банковых магнатов. Подобно тому как сам капитал на своей высшей ступени становится финансовым капиталом, так и капиталистический магнат, финансовый капиталист все более объединяет в своих руках власть над всем национальным капиталом и именно в форме господства над банковым капиталом. И здесь важную роль играет персональная уния.

С картелированием и трестированием финансовый капитал достигает высшей ступени своего могущества, между тем как торговый капитал переживает свое глубочайшее унижение. Кругооборот капитализма завершился. На заре капиталистического развития денежный капитал в качестве ростовщического и торгового капитала играл значительную роль как в процессе накопления капитала, так и в процессе превращения ремесленного производства в капиталистическое. Но затем началось сопротивление «производительных» капиталистов, т. е. капиталистов, извлекающих прибыль,— как торговых, так и промышленных,— против процентных капиталистов¹.

Ростовщический капитал начинает играть подчиненную роль по сравнению с промышленным капиталом. В качестве действующего денежно-торгового капитала он выполняет те денежные функции, которые иначе должны были бы выполнять сами промышленники и торговцы при метаморфозе их товаров. В качестве банкового капитала он обслуживает кредитные операции между производительными капиталистами. Мобилизация капитала и постоянное расширение кредита постепенно полностью изменяют положение денежных капиталистов. Власть банков растет, они становятся учредителями и в конце концов господами промышленности. В качестве финансового капитала они урывают для себя промышленные прибыли, подобно тому как некогда старый ростовщик в форме своего «процента» урывал трудовой доход крестьянина и ренту помещика. Гегельянец мог

¹ «Да и на самом деле *ростовщичество*, т. е. переход в руки ростовщика части доходов землевладельца, было одним из главных средств для накопления капитала. Но против этой старомодной формы капитала промышленный капитал и капитал торговый выступают более или менее рука об руку с землевладельцами» (К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, стр. 350).

бы сказать здесь об отрицании отрицания: банковый капитал был отрицанием ростовщического капитала и в свою очередь сам отрицается финансовым капиталом. Последний представляет собой синтез ростовщического и банкового капитала и на бесконечно более высокой ступени экономического развития присваивает себе плоды общественного производства.

Совершенно иначе идет развитие торгового капитала. Развитием промышленности торговый капитал мало-помалу вытесняется с тех господствующих позиций, которые он занимал по отношению к производству в мануфактурный период. Но этот упадок оказывается окончательным, и развитие финансового капитала сокращает торговлю как абсолютно, так и относительно, и превращает некогда столь гордого купца в агента промышленности, монополизированной финансовым капиталом.

Глава пятнадцатая

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ ПРИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ МОНОПОЛИЯХ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Частичные объединения означают дальнейшую ступень концентрации. От прежней формы, при которой концентрация совершалась путем уничтожения более слабого предприятия, новые формы отличаются тем, что с объединением производства и объединением предприятий здесь не происходит одновременное объединение собственности. Однако они не вносят какого-либо принципиального изменения в отношения конкуренции. Поскольку для частичных объединений издержки производства ниже, чем для других предприятий или даже для данных предприятий до их объединения, постольку они становятся более сильными в конкурентной борьбе. Если объединения настолько многочисленны и широки, что они производят большую часть всей продукции, их издержки производства приобретают решающее влияние на цены. Следовательно, этим объединениям присуща тенденция к понижению цен. Это не препятствует, а скорее прямо предполагает, что выгоды объединения могут приносить объединившимся предприятиям сверхприбыль.

Иначе обстоит дело с монополистическими объединениями, картелями и трестами. Их целью является повышение нормы прибыли, а этого они могут достигнуть прежде всего повышением цен, если они будут в состоянии устранить конкуренцию. Здесь возникает вопрос о *картельной цене*. Этот вопрос обычно смешивают с вопросом о монопольной цене вообще и ведут споры о том, действительно ли монополистическое объединение

является монополией или же последняя чем-нибудь ограничивается; и действительно ли в связи с этим цены таких объединений должны быть равны монопольным ценам или должны быть ниже последних. О монопольных ценах говорят, что они определяются взаимозависимостью издержек производства и масштаба производства, с одной стороны, цены и размеров сбыта — с другой. Говорят, далее, что монопольная цена равна цене, допускающей сбыт в таком объеме, чтобы при данном масштабе производства не слишком удорожались издержки производства и чтобы это не слишком понизило прибыль на единицу продукции. Повышение цены понизило бы сбыт, и тем самым масштаб производства, следовательно, повысило бы издержки и понизило бы прибыль на единицу продукции. Понижение цены настолько понизило бы прибыль, что увеличение размеров сбыта уже не было бы достаточным эквивалентом пониженной цены.

Спрос неопределим и неизмерим при господстве монопольных цен. Нельзя заранее установить, как он будет реагировать на повышение цены. Конечно, эмпирически нетрудно установить монопольную цену, но ее уровень не поддается объективному теоретическому анализу. Его можно понять лишь психологически, субъективно. Поэтому классическая экономия, к которой мы относим и Маркса, устранила из своих дедукций монопольную цену, цену товаров, количество которых не поддается произвольному увеличению. Наоборот, излюбленная тема психологической школы — «объяснение» монопольной цены, причем эта школа, исходя из ограниченности запаса товаров, хотела бы представить все цены монопольными ценами.

Классическая экономия видит в цене форму проявления анархического общественного производства и устанавливает зависимость ее уровня от общественной производительной силы труда. Но объективный закон цен прокладывает себе путь лишь через посредство конкуренции. Значит, если монополистические объединения уничтожают конкуренцию, то они уничтожают единственное средство, при помощи которого может осуществляться объективный закон цен. Цена перестает быть объективно определенной величиной. Она становится счетной величиной, устанавливаемой волей и сознанием человека. Место результата занимает предпосылка, место объективного — субъективное, место необходимого, не зависящего от воли и сознания заинтересованных лиц, произвольное и случайное. Кажется, как будто монополистическое объединение, являясь осуществлением учения Маркса о концентрации, является в то же время уничтожением его теории стоимости.

Приглядимся к делу поближе! Картелирование — исторический процесс. Он захватывает различные отрасли капиталистического производства в различной последовательности во времени, смотря по тому, насколько созрели условия для картели-

рования. Как мы видели, развитие капитализма приводит к тому, что эти условия все в большей мере осуществляются для всех отраслей производства. При прочих равных условиях, т. е. при равной степени развития влияния банков на промышленность, на одной и той же фазе промышленного цикла, при одинаковом органическом составе капитала, известная отрасль промышленности будет тем пригоднее для картелирования, чем крупнее размеры того капитала, который требуется для отдельного предприятия, и чем меньше общее количество предприятий в данной отрасли производства.

Предположим, что эти условия прежде всего достигнуты в добыче железной руды. Пусть здесь произошло картелирование и повысились цены. Ближайшим следствием будет повышение нормы прибыли для горнопромышленников. Но повышение сбытовых цен на железную руду означает повышение издержек производства для производителей чугуна. В первое время это не окажет влияния на продажные цены чугуна. Картелирование рудников ничего не изменило на рынке чугуна. Соотношение спроса и предложения, а следовательно, и цены остались прежними. Значит, следствием повышения нормы прибыли, получаемой картелем, будет понижение нормы прибыли для производителей чугуна. Но что это означает?

Теоретически могут наступить такие последствия: капитал отливает из сферы с пониженной нормой прибыли в сферу с повышенной нормой прибыли. Капитал, до сих пор применявшийся в производстве чугуна, будет теперь вкладываться в добычу железной руды. В этом случае здесь возникла бы конкуренция тем более чувствительная, что производство чугуна было бы сокращено. Цены на руду упали бы, а цены на чугун повысились бы, и после некоторых колебаний, в результате которых картель, вероятно, был бы взорван, восстановилось бы прежнее положение. Но мы уже знаем, что именно в таких сферах производства отлив и прилив капитала натолкнулись бы на непреодолимые границы. Следовательно, этот путь к уравниванию норм прибыли закрыт.

Картельные цены имеют значение только для тех производителей чугуна, которым приходится покупать руду на рынке. Для того чтобы избежать влияния картеля, заводам по производству чугуна достаточно присоединить себе железные рудники. Тем самым они сделаются независимыми от картеля, и их норма прибыли достигнет нормального уровня. Те предприятия, которые таким путем раньше других превратятся в комбинированные предприятия, будут к тому же получать сверхприбыль по сравнению с остальными, вынужденными оплачивать дорогой сырой материал и торговую прибыль торговцев рудой. Но все это в равной мере относится и к тем рудникам, которые перейдут к производству чугуна и как комбинированные предприятия обнаружат свое превосходство

в конкуренции с однородными заводами. Таким образом, картель с самого начала дает сильнейший стимул к комбинированию, а вместе с тем и к дальнейшей концентрации. С особенной силой она обнаружится в тех отраслях промышленности, которые покупают и перерабатывают картельные продукты.

Раньше мы видели, как тенденция к комбинированию вызывается или усиливается определенными конъюнктурными явлениями. Картелированием эта тенденция усиливается и в то же время модифицируется. Монополистическое объединение и во время кризиса может удерживать свои цены на высоком уровне, между тем как для тех некартелированных, которые покупают у него, это невозможно. Следовательно, для них влияние кризиса усугубляется невозможностью уменьшить свои издержки производства путем закупки сырого материала по более дешевым ценам. В такие периоды среди некартелированных особенно сильно проявляется стремление добывать дешевый сырой материал на собственных шахтах. Если же это не удастся, дальнейшее существование целого ряда в общем жизнеспособных, технически хорошо оборудованных производств становится невозможным. Они либо обанкротятся, либо будут куплены за низкую цену каким-нибудь рудником, для которого приобретение завода по низкой цене служит гарантией будущей рентабельности.

Впрочем, еще один путь открыт перед промышленниками по производству чугуна. Объединенной мощи владельцев рудников противостояли разъединенные производители чугуна. Поэтому перед удорожанием сырого материала они были бессильны. Но столь же бессильны они были и тогда, когда было необходимо возросшую цену на сырой материал выразить в повышении цен на железо. Все это меняется, как только они сами объединяются в картель. Тогда они могут сомкнутыми рядами противостоять железорудному картелю и проявить свою силу как покупателей. А с другой стороны, при продаже своих продуктов, они сами могут теперь определять цены и повысить норму прибыли выше обычного уровня. В действительности избираются оба пути, как комбинирование, так и картелирование, и результатом этого процесса является комбинированное монополистическое объединение производителей руды и железа.

Ясно, что затем этот процесс должен распространиться на других покупателей чугуна и будет захватывать одну сферу капиталистического производства за другой. Так картели развертывают свою пропагандистскую силу. Картелирование означает в первую очередь изменение нормы прибыли. Это изменение происходит за счет нормы прибыли в других отраслях капиталистической промышленности. Выравнивание этих норм прибыли до равного уровня не может осуществиться путем перемещения капитала. В самом деле, картелирование как раз

означает, что конкуренция капитала *из-за сфер применения* затруднена. Ведь затруднение свободного передвижения капитала, обусловленное экономическими причинами и отношениями собственности (монополия на сырые материалы), является предпосылкой уничтожения рыночной конкуренции между продавцами. Уравнивание может произойти только таким путем, что сами пострадавшие отрасли промышленности картелируются и этим достигнут повышения нормы прибыли также и для себя или парализуют влияние последней путем комбинирования. Оба способа означают усиление концентрации и тем самым облегчают дальнейшее картелирование.

Но если дальнейшее картелирование по тем или иным причинам исключено, то какое действие оказывает тогда картельная цена и можем ли мы сказать что-либо определенное об ее уровне?

Мы видели, что повышение нормы прибыли, обусловленное повышением картельной цены, может наступить лишь вследствие того, что в других отраслях промышленности норма прибыли понижается. Картельная прибыль на первых порах есть не что иное, как присвоение части прибыли других отраслей промышленности. В отраслях промышленности с небольшим капиталом на каждое предприятие и сильной раздробленностью производств существует, как мы знаем, тенденция к понижению нормы прибыли ниже ее среднего общественного уровня. Картелирование означает усиление этой тенденции, дальнейшее понижение нормы прибыли в этих отраслях. Насколько далеко зайдет это понижение, зависит от природы данных отраслей производства. Ответом на слишком сильное понижение будет эмиграция капитала из этих сфер. Здесь она не особенно трудна вследствие технической природы капитала в этих отраслях.

Но тем труднее ответить на вопрос, куда же должен обратиться этот капитал: ведь и другие сферы, где могут найти применение мелкие капиталы, равным образом эксплуатируются картелированными отраслями промышленности¹. Таким образом, в этих эксплуатируемых картелем отраслях прибыль кажущихся все еще самостоятельными капиталистов становится в конце концов лишь вознаграждением за наблюдение, а сами эти капиталисты — служащими картеля, *капиталистами-посредниками* или *предпринимателями-посредниками*, подобно ремесленным посредникам-мастерам.

На практике картельная цена зависит от уровня спроса. Но сам этот спрос есть капиталистический спрос. Следовательно, теоретически, картельная цена в конце концов должна

¹ В то же время изменяется характер картельной прибыли. Она состоит из неоплаченного труда, из прибавочной стоимости, но отчасти из той прибавочной стоимости, которую производят рабочие других капиталистов.

равняться издержкам производства плюс средняя норма прибыли. Но ведь последняя тоже претерпела изменение. Она различна для крупных картелированных отраслей и для мелких сфер мелкой промышленности, попавших в зависимость от первых. Первые отрасли отнимают у капиталистов вторых сфер часть прибавочной стоимости и низводят их доход до уровня простого жалования.

Но и такое ценообразование, как и сам изолированный или частичный картель, носит лишь временный характер.

Картелирование означает изменение средней нормы прибыли. В картелированных отраслях промышленности норма прибыли повышается, в некартелированных — понижается. Это различие ведет к комбинации и дальнейшему картелированию. Для отраслей, стоящих вне процесса картелирования, норма прибыли понижается. Картельная цена повысится над ценой производства картелированных отраслей на всю ту величину, на какую цена некартелированных отраслей упадет ниже цены производства. Поскольку в некартелированных отраслях промышленности существуют акционерные общества, цена не может упасть ниже $k + z$, издержек производства плюс процент, иначе здесь оказалось бы совершенно невозможным применение капитала. Следовательно, повышение картельной цены ограничивается тем, насколько возможно понижение нормы прибыли в некартелированных отраслях. В последних происходит уравнивание нормы прибыли на более низком уровне посредством существующей здесь конкуренции капитала из-за различных сфер приложения.

Повышение картельной цены не оставляет без изменения цены в некартелированных отраслях. Изменение вытекает из уравнивания нормы прибыли в последних. Если бы некартелированная отрасль представляла собой единое целое, то цена некартелированных продуктов осталась бы неизменной. Прежняя цена означала бы лишь несколько понизившуюся по сравнению с прежним уровнем норму прибыли, потому что повысилась цена сырых материалов, следовательно, повысились издержки производства. Если раньше цена была 100, а норма прибыли составляла 20%, то последняя упадет до 10%, раз издержки производства, составлявшие прежде 80, повысятся в результате картелирования до 90. Но так как в отдельных некартелированных отраслях в соответствии с их органическим составом капитала издержки производства в различной степени повышаются картелированием, то должно произойти уравнивание. В тех отраслях, которые потребляют большие количества сырого материала, подорожавшего в результате картелирования, цены продуктов должны повыситься; в тех отраслях, которые потребляют этого сырого материала относительно меньше, произойдет некоторое понижение цен. Другими словами, в отраслях с органиче-

ским составом капитала выше среднего¹ произойдет повышение цены производства, в отраслях с составом ниже среднего произойдет понижение цены производства, а в отраслях с средним составом она останется неизменной. Обычно бросается в глаза только повышение цены и немедленно делают вывод, будто всякое повышение издержек производства без всяких околичностей может быть переложено на потребителей. В действительности повышение издержек производства при известных обстоятельствах приводит даже к понижению цены.

Но в ценообразовании обнаруживаются и еще некоторые особенности. Предположим, что капитал картелированных отраслей составляет 50 млрд. При норме прибыли в 20% цена производства составляет 60 млрд. Из них некартелированные отрасли купили бы [сырья на] 50 млрд. При равной норме прибыли цена производства для них пусть составляет тоже 60 млрд. Следовательно, стоимость всего продукта составила бы 120 млрд. Но картелированные отрасли повысили свою норму прибыли, а для некартелированных она вследствие этого понизилась. Пусть норма прибыли некартелированных составляет теперь только 10%. Прибыль их сократилась, потому что за сырой материал им приходится платить уже не 50 млрд., а, скажем, 55 млрд. (переменный капитал я оставляю здесь в стороне, потому что от этого пример по существу не изменяется). Но если картель за 50 млрд. получает 55 млрд., то за 60 млрд. он должен получить 66 млрд. Ведь цены должны быть одинаковы не только для капиталистических, но и для всех вообще потребителей. Следовательно, в соответствии с нашими предположениями остальные 10 млрд., которые переходят прямо к потребителям, должны быть проданы не за 10 млрд., а за 11 млрд. Значит, потребители покупают некартелированные продукты по прежним ценам, картелированные — по повышенным. Таким образом, часть картельной прибыли поступает от потребителей, под которыми здесь подразумеваются все некартелированные круги, получающие доходы производного характера. Но возможно, что возросшие цены заставят потребителей сократить свое потребление. И здесь мы наталкиваемся на второе ограничение картельной цены. Во-первых, повышение цены, как мы видели, должно оставить некартелированным отраслям такую норму прибыли, при которой возможно дальнейшее ведение производства. Но оно, во-вторых, не должно слишком сильно сокращать потребление. Это второе ограничение в свою очередь зависит от размеров того дохода, которым располагают непроизводительные классы. Но так как для совокупности картелированных отраслей производительное потребление

¹ Здесь имеется в виду средний органический состав не совокупного общественного капитала, а только капитала некартелированных отраслей.

играет несравненно бóльшую роль, чем непроизводительное, то, в общем, собственно решающее значение имеет первое ограничение.

Уменьшение прибыли в немонополизированных отраслях обуславливает замедление их развития. Понижение нормы прибыли приводит к тому, что новый капитал приливает в эти сферы весьма медленно. Одновременно вследствие падения нормы прибыли здесь ведется ожесточеннейшая борьба из-за сбыта. Воздействие тем опаснее, что уже относительно небольшого понижения цены достаточно, для того чтобы низкая прибыль совсем перестала существовать. Вместе с тем наступает и еще одно последствие: там, где картелированные отрасли, опираясь на превосходство своих сил, сумели свести прибыль в зависимых от них отраслях к простой плате за наблюдение, там уже нет места для образования акционерных обществ: ведь и учредительскую прибыль, и дивиденды можно было бы выплатить лишь из излишка дохода над платой за наблюдение. Значит, картелирование тормозит развитие некартелированных отраслей. Одновременно оно обостряет конкуренцию в некартелированных отраслях и тем самым усиливает тенденцию к концентрации, пока, наконец, сами эти отрасли не созреют для картелирования или не разовьются настолько, что картелированная промышленность сможет присоединить их к себе.

Свободная конкуренция вследствие технических усовершенствований заставляет постоянно расширять производство. Для картелей введение усовершенствованной техники равносильно повышению прибыли. Они должны ее вводить, так как иначе угрожала бы опасность, что аутсайдер освоит новую технику и применит ее против картеля во вновь разразившейся конкурентной борьбе. Насколько это возможно, зависит от характера монополии, которую обеспечил за собой картель. В высокой степени защищен от новых конкурентов такой картель, которому удалось монополизировать естественные условия соответствующего производства (например, горнопромышленные синдикаты), а также такой картель, в котором органический состав капитала наивысший. В этом случае новое предприятие потребовало бы чрезвычайно крупного капитала, который могли бы предоставить только банки, но банки ничего не предпримут против картеля. В таких случаях усовершенствование техники приносит сверхприбыль. Конкуренция здесь никак не может привести к ее исчезновению и к понижению цены товаров. Введение усовершенствованной техники идет не на пользу потребителей, а лишь на пользу этих строго организованных картелей и трестов. Но техническое усовершенствование может потребовать расширения производства, сбыт которого вызовет необходимость понижения цен, без чего не могло бы расширяться потре-

ние. Так может быть, но нет никакой необходимости в том, чтобы так оно и было в действительности. Вполне возможно, например, что Стальной трест применит эту усовершенствованную технику лишь на некоторых предприятиях, продукции которых достаточно для удовлетворения всего спроса по прежним ценам, а остальные предприятия закроют. Тогда цены останутся прежними, издержки производства понизятся и прибыль повысится. Расширение производства не произойдет, усовершенствованная техника высвободит рабочих, которые не будут иметь возможность найти работу. К подобному результату может прийти не только трест, но и картельная организация. Крупнейшие заводы вводят усовершенствование и расширяют свое производство. Для того чтобы сделать это, оставаясь в картеле, они выкупают у сравнительно мелких заводов их долю участия и затем закрывают их. Усовершенствованная техника нашла здесь себе применение, привела также к концентрации, но нисколько не вызвала расширения производства.

Картелирование означает экстраординарную сверхприбыль¹, и мы уже видели, что эта сверхприбыль капитализируется и в виде концентрированных масс капитала достается банкам. Но в то же время картелирование ведет к замедлению капиталовложений в картелированных отраслях, потому

¹ Интересную форму принимает картельная сверхприбыль в следующем случае. Поставка машин для германской обувной промышленности в 90-х годах находилась почти исключительно в руках Америки. Американские фабрики, поставлявшие в Германию машины для производства обуви, объединились в «Дейче ферейнигтен шумашиненгезельшафт» («Д. Ф. Ш. Г.»). Машины не продавались, а отдавались в аренду за определенную плату. Если обувной фабрикант желает получить машину, то заключается договор на 5—20 лет. Этим договором фирма-поставщик обязуется поставить машину, безвозмездно производить ремонт, вводить все усовершенствования, а также по умеренной цене поставлять запасные части. За это обувной фабрикант уплачивает единовременную основную таксу, которая приблизительно соответствует цене производства машины, и, кроме того, периодически определенную плату за каждые 1000 оборотов машины... Эта плата... составляет за пару сапог 15—25 пфеннигов, уплачиваемых фабрикантом компании «Д. Ф. Ш. Г.». Некоторое представление о величине этой дани мы получим, когда узнаем, что, например, три эрфуртские обувные фабрики с 885 рабочими, применявшие преимущественно указанные машины, в 1907 г. уплатили за пользование ими в течение года 61 300 марок». (*Karl Rehe, Die deutsche Schuhgroßindustrie, S. 32.*) Интересно здесь следующее: пользование машинами дает германским фабрикантам сверхприбыль, потому что оно дает преимущество над конкурентами. Американский трест заставляет их уступать ему часть этой сверхприбыли (не всю, ибо иначе отпало бы побуждение применять эти машины). Поскольку выговаривается ежегодная рента, этим, во-первых, облегчается покупка машины и, во-вторых, увеличивается зависимость фабрикантов от треста, потому что машины неотделимы от него. Все усовершенствования этих машин немедленно применяются и увеличивают сверхприбыль, а тем самым и оборот фабрикантов, а следовательно, и платежи тресту, который, таким образом, превращает часть чужой сверхприбыли в свою собственную. Следовательно, выгоды усовершенствованной техники в большей части достаются тресту, в меньшей — тем, кто применяет машины, и лишь в ничтожнейшей доле — потребителям.

что первым мероприятием картеля является ограничение производства; в некартелированных — потому что падение нормы прибыли отпугивает от дальнейшего применения капитала. Таким образом, с одной стороны, масса капитала, предназначенного для накопления, быстро возрастает, а с другой — возможность его применения сокращается. Это противоречие требует разрешения и находит его в *экспорте капитала*. Сам по себе экспорт капитала не есть следствие картелирования. Это — явление, вообще неотделимое от капиталистического развития. Но картелирование резко усиливает противоречие и придает вопросу об экспорте капитала острый характер.

Возникает вопрос, где же, собственно, лежат границы картелирования. На этот вопрос следует ответить, что абсолютной границы для картелирования не существует. Наблюдается, напротив, тенденция к постоянному распространению картелирования. Независимые отрасли, как мы видели, попадают все в большую зависимость от картелированных и в конце концов аннексируются ими. В результате этого процесса должен был бы получиться *всеобщий картель*. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой — между остальными членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а лишь своего рода вспомогательным расчетным способом передачи вещей от одних лиц к другим. Деньги не играют никакой роли. Они могут совершенно исчезнуть, потому что дело сводится ведь к передаче вещей, а не к передаче стоимостей. Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Вещественные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, который может употреблять ее на что угодно. Это — сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. Но этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала. Финансовый капитал в своем завершении оказался оторванным от той питательной почвы, на которой он возник. Обращение денег перестало быть необходимым, неустанный кругооборот денег нашел свой конец в урегулированном обществе и *regretum mobile* [вечное движение] обращения достигло покоя.

Тенденция к созданию такого всеобщего картеля и тенденция к учреждению центрального банка совпадают, и из соединения их вырастает великая концентрированная мощь финансового капитала. В финансовом капитале все частичные формы капитала являются соединенными в единую целостность. Финансовый капитал является денежным капиталом и действительно обладает формой движения последнего — $D - D^1$, представляет деньги, которые приносят деньги — наиболее общая и иррациональная форма движения капитала. В качестве денежного капитала он в двоякого рода формах — как ссудный капитал и как фиктивный капитал — предоставляется в распоряжение производительных капиталистов. Посредниками при этом служат банки, которые в то же время стремятся постоянно растущую часть денежного капитала превратить в собственный капитал и таким образом финансовому капиталу придают форму банкового капитала. Этот банковый капитал все более превращается в простую форму, в денежную форму, действительно функционирующего капитала, т. е. промышленного капитала. Одновременно все больше устраняется самостоятельность торгового капитала, между тем как разделение банкового капитала и производительного капитала уничтожается в финансовом капитале. Что касается самого промышленного капитала, то здесь границы между отдельными сферами все более уничтожаются прогрессирующим объединением ранее разделенных и самостоятельных отраслей производства и постоянно сокращается общественное разделение труда, т. е. разделение между различными сферами производства, которые только меновыми актами связывались в качестве частей всего общественного организма. Напротив, одновременно все дальше идет техническое разделение труда внутри объединенных производств.

Таким образом, в финансовом капитале угасает конкретный характер капитала. Капитал кажется единой силой, которая суверенно господствует над процессом жизни общества, силой, непосредственно возникающей из собственности на средства производства, на природные ресурсы и на весь накопленный прошлый труд. Распоряжение живым трудом выступает здесь в таком виде, что оно непосредственно вытекает из отношений собственности. В то же время собственность, концентрированная и централизованная в руках немногих крупнейших капиталистических ассоциаций, непосредственно противостоит массе тех, у кого нет капитала. Таким образом, вопрос об отношениях собственности получает самую ясную, недвусмысленную, наиболее острую постановку, между тем как вопрос об организации общественного хозяйства находит все более совершенное разрешение вследствие развития самого финансового капитала.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И КРИЗИСЫ

Глава шестнадцатая

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ КРИЗИСА

Эмпирический закон таков, что капиталистическое производство осуждено двигаться в кругооборотах подъема и депрессии. Переход от одной фазы к другой носит критический характер. В определенный момент подъема в ряде отраслей производства наступает заминка со сбытом, вследствие которой понижаются цены. Заминка сбыта и понижение цен распространяется вширь, производство сокращается. Эта стадия продолжается более или менее продолжительное время. Цены и прибыли стоят на низком уровне. Но вот производство постепенно начинает расширяться, цены и прибыли повышаются. Объем производства больше, чем когда-либо раньше, пока снова не наступает поворот. Периодический возврат этого явления выдвигает вопрос о его причинах, которые должен раскрыть анализ механизма капиталистического производства.

Общая возможность кризиса дана раздвоением товара на товар и деньги. Тем самым предполагается, что в ходе товарного обращения может наступить перерыв, если деньги не будут употреблены на обращение товаров, а застынут в качестве сокровища. Процесс $T_1—Д—T_2$ останавливается, потому что те деньги, которыми реализована стоимость товара T_1 , не реализуют стоимости товара T_2 . Этот товар T_2 остается непроданным, и мы имеем приостановку сбыта.

Но пока деньги функционируют исключительно как средство обращения, пока товар непосредственно сбывается за деньги, а деньги за товар, превращение денег в сокровище может оставаться чисто единичным изолированным явлением, которое, конечно, означает невозможность продажи товара, но не означает всеобщей приостановки сбыта. Положение изменяется с развитием функции денег как средства платежа и, дальше, с развитием оборотного кредита. Заминка сбыта

означает теперь, что обещанный заранее платеж не удастся провести. Но, как мы видели раньше, такое обязательство платежа послужило средством обращения или средством платежа для целого ряда других оборотов. Неплатежеспособность одного делает и других неплатежеспособными. Цепь платежных обязательств, созданная деньгами как средством обращения, оказывается порванной, и приостановка в одном пункте распространяется на все остальные. Она приобретает всеобщий характер. Таким образом, платежный кредит развивает солидарность между отраслями производства и создает возможность превращения частичного нарушения сбыта во всеобщее.

Но эта общая возможность кризиса представляет собой лишь самое общее его условие: без обращения денег и без развития их функции как средства платежа был бы невозможен и кризис. Но возможность — еще далеко не действительность. Простому товарному производству, или, лучше сказать, докапиталистическому товарному производству, кризисы вообще неведомы. Нарушения хозяйственной жизни здесь — не экономически закономерные кризисы, а катастрофы, возникающие из особенных, естественных или исторических причин, следовательно, из причин, случайных с экономической точки зрения, каковы неурожай, засуха, эпидемии, войны. Общим для них всех является то обстоятельство, что они порождаются не перепроизводством того или иного рода, а дефицитом воспроизводства. Это будет само собой понятно, если мы вспомним, что производство в основном все еще остается производством для удовлетворения собственных потребностей, что производство и потребление связаны здесь как средство и цель, а товарное обращение играет сравнительно скромную роль. Ведь только капиталистическое производство и придает товарному производству всеобщий характер, приводит к тому, чтобы по возможности все продукты принимали форму товара, и превращает — что имеет решающее значение — продажу товара в необходимое предварительное условие возобновления воспроизводства ¹.

¹ Если оставить в стороне рудименты прежнего производства для собственного потребления, сохранившиеся в особенности в крестьянском хозяйстве, то окажется, что производство для собственных потребностей и в капиталистическом обществе играет известную роль, именно в тех случаях, когда продукт предприятия сам становится одним из элементов воспроизводства: например, зерно для посева, уголь для нужд угольной шахты и т. д. С развитием комбинирования возрастают размеры этого рода производства для собственных нужд. Перед нами действительно производство для удовлетворения собственных потребностей, потому что товар не предназначается здесь для рынка, а применяется на том же предприятии как элемент постоянного капитала. Но это производство *totalmente* [в корне] отлично от того производства, направленного на удовлетворение собственных потребностей, которое имело место при прежних общественных формациях, так как теперь оно служит уже не потреблению, а товарному производству.

Это же превращение продуктов в товары приводит производителя к зависимости от рынка. В принципе уже при простом товарном производстве существовала неурегулированность производства, вытекавшая из самостоятельности частных хозяйств. Но только теперь эта неурегулированность превращается в ту анархию капиталистического производства, которая, по мере того как товарное производство принимает всеобщий характер, по мере расширения местных и раздробленных рынков в универсальный мировой рынок становится вторым общим условием кризисов.

Третье общее условие кризисов капитализм создает отделением производства от потребления. Он прежде всего отделяет производителя от его продукта и оставляет ему лишь ту часть стоимости продукта [Wertprodukt], которая представляет собой эквивалент стоимости его рабочей силы. Таким образом, в лице наемных рабочих капитализм создает класс, потребление которого не находится в непосредственном отношении к общему объему производства, а, напротив, определяется лишь той его частью, которая равна капиталу, авансированному на заработную плату. Продукт же, произведенный наемными рабочими, не является их собственностью. Следовательно, их производство не служит целям их потребления. Наоборот, их потребление и его размеры зависят от производства, на которое они не могут оказать никакого влияния. Но и для капиталиста производство служит не для удовлетворения непосредственных потребностей, а для получения прибыли. Реализация и увеличение прибыли — имманентная цель капиталистического производства. Это значит, что для судьбы производства, для его размеров, сокращения или расширения, решающее значение имеет не потребление и его рост, а реализация прибыли. Производится для того, чтобы получить определенную прибыль, чтобы в определенной степени увеличить стоимость капитала. Тем самым производство зависит уже не от потребления, а от потребности капитала в возрастании стоимости, и уменьшение возможности возрастания стоимости капитала означает теперь сокращение производства.

Конечно, и при капиталистическом способе производства сохраняется общая связь между производством и потреблением. Это само собой разумеющееся условие, общее всем формациям общества. Но в хозяйстве, производящем для удовлетворения собственных потребностей, расширение производства определяется потреблением, и пределом производства при этих условиях является только достигнутый уровень техники. При капиталистическом же производстве, наоборот, потребление определяется объемом производства. Но объем производства в данный момент ограничен возможностью и достигнутой ступенью возрастания стоимости капитала, не-

обходимостью в том, чтобы капитал и его приращение приносили определенную норму прибыли. Расширение производства наталкивается здесь на чисто общественные границы, обуславливаемые исключительно определенной структурой общества и только ей свойственные. Конечно, возможность кризисов вытекает уже из неурегулированности производства, следовательно, дана уже товарным производством вообще. Но возможность превращается в действительность лишь при таком неурегулированном производстве, которое уничтожает непосредственную связь между производством и потреблением, характеризующую другие формации общества, и между производством и потреблением вклинивает такое условие, как увеличение стоимости капитала по какой-то определенной норме.

Само по себе выражение «перепроизводство товаров» также ничего не говорит, как и выражение «недопотребление». Строго говоря, о недопотреблении можно говорить только в физиологическом смысле. Напротив, выражение «перепроизводство» не имеет никакого смысла в [политической] экономике, где оно может означать лишь, что общество меньше потребляет, чем оно произвело. И нельзя понять, как это возможно, если только производится в надлежащей пропорции. Совокупный продукт равен постоянному капиталу плюс переменный плюс прибавочная стоимость ($c + v + m$). Так как v потребляется подобно m , а элементы потребленного постоянного капитала должны взаимно возмещаться, то производство может расширяться до бесконечности, не приводя к перепроизводству товаров, т. е. к тому, чтобы товаров (которые в данной связи и данной концепцией рассматриваются исключительно как потребительные стоимости, следовательно, потребительных стоимостей) было произведено больше, чем может быть потреблено¹.

¹ «Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением потребления *sub forma pauperis* [потребления нищего] или потребления «мошенника». То, что товары не могут быть проданы, не означает ничего иного, кроме того, что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что кризисы каждый раз подготовляются как раз таким периодом, когда происходит общее повышение заработной платы и рабочий класс действительно получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период—с точки зрения этих рыцарей простого (!) и здравого человеческого смысла—должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят

При всем том ясно одно: раз кризисы в своей периодической последовательности суть продукты капиталистического общества, то причина их должна лежать в характере капитала. Следовательно, перед нами нарушение, вытекающее из специфического характера общества. Тот узкий базис, который представляют для капиталистического производства условия потребления, становится общим условием кризиса, потому что невозможность расширения этого базиса является общей предпосылкой заминок в сбыте. Если бы потребление можно было расширять произвольно, то перепроизводство стало бы невозможным. Но при капиталистических отношениях расширение потребления равносильно уменьшению нормы прибыли. В самом деле, увеличение потребления широких масс связано с повышением заработной платы. Но последнее означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а следовательно, и уменьшение нормы прибыли. Поэтому, если спрос на рабочих вследствие накопления вырастает настолько сильно, что наступает уменьшение нормы прибыли, и (берем крайний предел) возросший капитал приносит прибыли не больше, чем прежний, то накопление должно прекратиться, так как не достигается цель накопления — увеличение прибыли. Здесь одна необходимая предпосылка накопления, расширение потребления, прямо вступает в противоречие с другим условием, с реализацией прибыли. Условия возрастания стоимости капитала восстают против расширения потребления, и так как они являются решающими, то противоречие разрастается в кризис. Но именно поэтому узкий базис потребления является всего лишь общим условием кризиса, и констатация «недопотребления» отнюдь не объясняет его. Еще меньше можно объяснить этим методом периодический характер кризисов, ведь периодичность вообще невозможно объяснить, исходя из постоянного явления. А потому нет никакого противоречия с ранее приведенным местом, если Маркс говорит:

«Вся товарная масса, весь продукт,— как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость,— должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, что может быть связано с полным отсутствием реализации выжатой прибавочной стоимости или

от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису». Здесь Энгельс в примечании подчеркивает: «Ad notam [к сведению] возможных приверженцев теории кризисов Родбертуса». (К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 411).

лишь с частичной ее реализацией, даже с частичной или полной потерей капитала. Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самих методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. На этой основе, полной противоречий, отнюдь не является противоречием, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения, потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется»¹.

Периодические кризисы характерны для капитализма, и, следовательно, их можно вывести из конкретных особенностей капитализма².

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 254—255.

² «Но теперь речь идет о том, чтобы проследить дальнейшее развитие потенциального кризиса,— реальный кризис может быть выведен лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита,— о том, чтобы показать дальнейшее развитие потенциального кризиса, поскольку он проистекает из тех определений формы капитала, которые присущи капиталу как капиталу и не заключены просто в его бытии как товара и денег». (К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 517—518.)

В наиболее общей форме кризис есть нарушение обращения. Он проявляется в том, что масса товара остается непроданной, в невозможности реализовать товарную стоимость (или соответственно цену производства) в деньгах. Поэтому объяснить его можно, лишь исходя из специфически капиталистических условий товарного обращения, а не из условий простого товарного обращения. Но специфически капиталистическая черта товарного обращения заключается в том, что товары суть продукт капитала, что они произведены как товарный капитал и как таковой должны быть реализованы. Следовательно, эта реализация предполагает такие условия, которые свойственны только капиталу как таковому, и условия эти суть условия возрастания стоимости капитала.

Анализ условий возрастания стоимости капитала как с точки зрения индивидуального капитала, так — что здесь в особенности важно — и с точки зрения общественного капитала дал Маркс во II томе «Капитала». Тем самым он довел до конца попытку, которая в политической экономии никогда и никем, кроме Кенэ, не предпринималась. Маркс в одном месте называет «Экономические таблицы» Кенэ гениальнейшей идеей, какая когда-либо до сих пор появлялась в политической экономии. Но в таком случае его собственный анализ общественного процесса производства является гениальнейшим осуществлением гениальной идеи, как и вообще пользовавшийся столь малым вниманием анализ, данный во II томе, с точки зрения, так сказать, чистого экономического разума представляет собой наиболее блестящую часть этого изумительного труда. И прежде всего: понимание причин кризисов будет возможно лишь при том условии, если вспомнить результаты анализа Маркса¹.

Условия равновесия общественного процесса воспроизводства

Если мы коротко воспроизведем важнейшие результаты анализа Маркса, то получим следующее:

Мы предполагаем прежде всего неизменяющийся масштаб капиталистического производства, т. е. исходим из простого воспроизводства и оставляем в стороне изменения стоимости или цены.

Совокупный продукт, а потому и совокупное производство общества распадается на два крупных подразделения:

¹ Заслуга *Туган-Барановского* заключается в том, что в своей известной работе «Промышленные кризисы» он указал на то значение, какое имеют эти исследования по отношению к проблеме кризисов. Удивительно только то, что на это еще приходилось указывать.

1. Средства производства, товары, обладающие такой формой, что они должны войти в сферу производительного потребления или по меньшей мере могут войти в нее.

2. Предметы потребления, товары, обладающие такой формой, что они входят в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом подразделении капитал распадается на две составные части: переменный (v) и постоянный (c) капитал. Последний в свою очередь распадается на основной и оборотный капитал.

Та часть стоимости (c), которая здесь представляет собой постоянный капитал, *потребленный* в производстве, не совпадает со стоимостью постоянного капитала, *применяемого* в производстве. Основной капитал лишь некоторую часть своей стоимости перенес на продукт. В последующем изложении мы сначала оставляем основной капитал в стороне.

Представим теперь совокупный товарный продукт в следующей схеме:

- I. $4000c + 1000v + 1000m = 6000$ средств производства.
II. $2000c + 500v + 500m = 3000$ предметов потребления.

Вся стоимость равна 9000, причем, согласно нашему предположению, отсюда исключен основной капитал, который продолжает существовать в своей натуральной форме.

Напомним еще раз, что мы остаемся на почве простого воспроизводства, т. е. предполагаем, что вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно. Если мы анализируем при таких обстоятельствах необходимые обороты и сначала оставим в стороне обслуживающее их денежное обращение, то мы в первую очередь получим три важных отправных момента:

1. 500 v , заработная плата рабочих, и 500 m , прибавочная стоимость капиталистов подразделения II должны быть израсходованы на предметы потребления. Но стоимость их существует в форме предметов потребления стоимостью в 1000 и находится у капиталистов подразделения II, которым она возмещает авансированные 500 v и представляет 500 m . Следовательно, заработная плата и прибавочная стоимость подразделения II обмениваются в пределах подразделения II на продукт II. Вместе с тем из всего продукта II исчезают $(500 v + 500 m) = 1000$ в виде предметов потребления.

2. $1000 v + 1000 m$ подразделения I тоже должны быть израсходованы на предметы потребления, следовательно, на продукт подразделения II. Следовательно, они должны быть обменены на остальную часть этого продукта, по размерам равную постоянной части капитала, 2000 c . За это подразделение II получает равную сумму средств производства, про-

дукт подразделения I, воплощающий стоимость $1000v + 1000m$ этого подразделения. Вместе с тем из счета исчезают $2000 II$ с и $(1000v + 1000m)$ I.

3. Остаются еще $4000 I$ с. Они заключаются в средствах производства, которые могут быть использованы лишь в подразделении I и служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала. Поэтому дело с ним заканчивается посредством обмена между отдельными капиталистами I точно так же, как с $(500v + 500m)$ II исчерпалось посредством обмена между рабочими и капиталистами или между отдельными капиталистами II.

Особую роль играет возмещение основного капитала. Часть стоимости постоянного капитала со средств труда переносится на продукт труда. Но эти средства труда продолжают функционировать как элементы производительного капитала, и притом продолжают функционировать в своей старой натуральной форме. Только снашивание, только та утрата стоимости, которую постепенно претерпевают средства труда, функционируя в течение определенного периода времени, только она и появляется вновь как элемент стоимости тех товаров, которые произведены при помощи этих средств труда. А те деньги, в которые превращается этот элемент товарной стоимости и которые представляют стоимость изношенной части основного капитала, не превращаются снова в тот или иной элемент производительного капитала, убыль стоимости которого они возмещают. Они осаждаются возле производительного капитала и затвердевают в своей денежной форме.

Деньги осаждаются так вновь и вновь. Проходит целая эпоха воспроизводства, охватывающая большее или меньшее число лет. И все это время основной элемент постоянного капитала продолжает функционировать в производственном процессе в своей прежней натуральной форме. Когда основной элемент — строения, машины и т. д. — отживает свой век и уже не может далее функционировать в процессе производства, тогда оказывается, что его стоимость существует подле него, вполне возмещенная в денежной форме. Это сумма тех осаждавшихся денег, тех стоимостей, которые с основного капитала постепенно переносились на товары, производившиеся при участии данного основного капитала и посредством продажи принимавшие денежную форму. Тогда эти деньги служат для того, чтобы возместить основной капитал (или отдельные его элементы, так как у различных элементов основного капитала различная продолжительность жизни) *in natura* [в натуре] и таким образом действительно возобновить эту составную часть производительного капитала. Следовательно, эти деньги — денежная форма известной

части постоянной стоимости капитала, именно основной ее части.

Таким образом, такое образование сокровища само является элементом капиталистического процесса воспроизводства. Это — воспроизводство и накопление (в денежной форме) стоимости основного капитала или его отдельных элементов, продолжающееся до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век, пока, следовательно, он не передаст всей своей стоимости произведенным товарам и пока не потребуются возмещать его *in natura* [в натуре]. Но эти деньги утрачивают свою форму сокровища и вновь активно вступают в процесс воспроизводства капитала, обслуживаемый обращением, лишь тогда, когда они превращаются обратно в новые элементы основного капитала, которыми возмещаются отмершие элементы. Для того же, чтобы простое воспроизводство совершалось без всяких нарушений, ежегодно отмирающая часть основного капитала должна быть равна той, которая ежегодно обновляется.

Рассмотрим, например, обмен $(1000 v + 1000 m)$ I на $2000 II$ с. Допустим, что в этих 2000 с должно быть возмещено 200 основного капитала. Итак, 1800 с, которым предстоит превращение в оборотную часть постоянного капитала, обмениваются на $1800 (v + m)$ I. Те 200 , которые остались от I и имеют натуральную форму основного капитала, тоже должны быть получены подразделением II. Но они могут быть получены лишь при том условии, если капиталисты II имеют в запасе 200 в деньгах, на которые они могут купить 200 основного капитала у I. Другие капиталисты II должны возмещать деньгами и удерживать в денежной форме 200 , представляющие снашивание их основного капитала. Значит, те капиталисты, которые в предыдущие годы последовательно откладывали в денежной форме снашивание своего основного капитала, в текущем году возобновляют его *in natura* [в натуре]. За 200 деньгами они покупают остаток I $(v + m) = 200$. На другие 200 в деньгах I покупает остаток предметов потребления у других капиталистов II, которые эти деньги, представляющие для них снашивание их основного капитала, в свою очередь сохраняют в форме сокровища. Значит, та часть капиталистов II, которая в текущем году возобновляет свой основной капитал *in natura* [в натуре], доставляет те деньги, в которые другие капиталисты II могут превратить снашивание своего капитала для того, чтобы удерживать соответствующую стоимость в денежной форме. Следовательно, мы должны предположить, что существует постоянная пропорция между отмирающим и подлежащим возобновлению основным капиталом. Но, далее, точно так же приходится предположить, что постоянной остается пропорция и между отмирающим (а потому подлежащим возобновлению) основным капиталом и тем, который продолжает

функционировать в прежней натуральной форме. В самом деле, если бы отмирающий основной капитал повысился до 300, то оборотный капитал уменьшился бы. У II с было бы теперь меньше оборотного капитала, и было бы невозможно продолжать производство в прежнем масштабе. Далее, если бы основной капитал повысился до 300, а II мог бы затрачивать лишь 200 деньгами на возобновление капитала *in natura* [в натуре], то 100 основного капитала в I остались бы непроданными.

Итак, при простом *поддержании* основного капитала может наступить несоответствие в производстве основного и оборотного капитала, если только — что постоянно и случается в действительности — изменяется пропорция между ежегодно отмирающим основным капиталом и тем, который еще продолжает функционировать.

Раньше мы видели также, что простое воспроизводство предполагает определенную пропорциональность его элементов. I ($v + m$) должно быть равно II с. Осуществление этой пропорциональности постоянно нарушается анархией капиталистического общества. Для того чтобы постоянно поддерживать процесс производства на ходу, в известной мере постоянно необходимо перепроизводство. Только оно и вооружает на случай непредвиденных потребностей или беспрестанных колебаний спроса. В обратном притоке стоимости капитала, совершающей свой оборот, постоянно случаются известные нарушения и отступления от нормального хода. Чтобы справиться с этими нарушениями, капиталисты должны постоянно располагать известным запасом как товаров, так и денег. Это дает им возможность использовать соответствующим образом товарный запас и уравнивать все нарушения. Значит, для такого уравнивания требуются дополнительные деньги, резервный денежный капитал. Последний должен необходимо сохраняться в денежной форме: ведь нарушения могут коснуться только оборота товарного капитала, и капиталист, не располагающий денежным запасом, не сможет получить в свое распоряжение в надлежащее время других товаров. Только в денежной форме стоимость получает форму всеобщего эквивалента и в любое время может быть превращена в какие угодно другие товары. И здесь необходимость денег вытекает из анархии капиталистического способа производства.

«Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве предметов потребления) в различные последовательные годы изменяются... Если предположить, что прочие условия не изменились, то количество сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для годовичного производства предметов потребления, не уменьшается от этого; следовательно, все

производство средств производства должно бы в одном случае расширяться, в другом — сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, создается запас сырья и т. д., который превосходит непосредственные годовые потребности (это в особенности относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в капиталистическом обществе перепроизводство есть элемент анархии»¹.

Такое относительное перепроизводство в известных границах должно постоянно существовать и в капиталистическом обществе. Оно выражается в том, что в наличии постоянно имеется известный запас товаров, который служит для выравнивания нарушений. Ему на другой стороне соответствует резерв денежного капитала, находящийся в распоряжении промышленных капиталистов. Это дает им возможность в случае, если наступают нарушения, приобрести из товарного запаса необходимые элементы для продолжения своего производства. Таким резервным капиталом должен располагать каждый капиталист, чтобы обеспечить себя от преходящих нарушений, которые случаются и в нормальные времена. Его не следует смешивать с тем резервным денежным капиталом, который необходим на случай заминок в сбыте товаров. В периоды подъема, с одной стороны, быстро и сильно расширяется производство, а с другой стороны, прежний резервный денежный капитал превращается в производительный. Резервный денежный капитал уменьшается, и его уменьшение означает, что отпадает возможность уравнивать нарушения. Таким образом, это одна из причин кризиса.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что необходимость такого относительного перепроизводства основывается не на особенностях капиталистического общества, а на самой природе процесса воспроизводства; и это тем более, чем большего объема достигают те элементы производства, которые в капиталистическом обществе принимают форму основного капитала. Это «перепроизводство», необходимое по технически естественным причинам, в действительности представляет собой просто образование запасов. Как таковое оно свойственно и урегулированному хозяйству, производящему для собственного потребления. Его не следует смешивать со всеобщим перепроизводством во время кризиса. Но в капиталистическом обществе даже такое перепроизводство при известных обстоятельствах является одним из моментов, обостряющих кризисы.

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 469—470.

Условия равновесия капиталистического процесса накопления

В капиталистическом обществе, для которого жизненным условием является накопление капитала, простое воспроизводство в действительности не имеет места. Хотя, конечно, это вовсе не исключает того, что в ходе промышленного цикла какой-нибудь год будет отмечен прежним масштабом или даже сокращением воспроизводства. Уже простое воспроизводство предполагает определенные сложные отношения пропорциональности. Еще сложнее становятся они, когда дело касается беспрепятственного хода процесса накопления. Маркс дает следующую схему:

I. Производство средств производства:

$$4000 \text{ с} + 1000 \text{ v} + 1000 \text{ m} = 6000.$$

II. Производство предметов потребления:

$$1500 \text{ с} + 750 \text{ v} + 750 \text{ m} = 3000.$$

Стоимость всего общественного продукта = 9000

Предположим теперь, что I половину свой прибавочной стоимости, равную 500, накапливает, а другую половину потребляет как доход.

Тогда мы получаем следующие обороты. Капиталисты I обменивают $1000 \text{ v} + 500 \text{ m}$, расходуемые в качестве дохода, на 1500 II с. Таким образом, II возмещает свой постоянный капитал и доставляет I необходимые предметы потребления — обмен, совершенно аналогичный тому, который мы встречали уже при анализе простого воспроизводства. Из 500 I m, которые еще остались и должны быть превращены в капитал, при неизменном органическом составе 400 будут превращены в постоянный и 100 — в переменный капитал. Эти 500 существуют в виде средств производства, 400 из них и должны существовать в этом виде, так как они необходимы для увеличения постоянного капитала I. Итак, I присоединяет указанные 400 к своему постоянному капиталу. Остаток I, равный 100 m, необходимо превратить в переменный капитал, следовательно, в средства существования. Значит, они должны быть куплены у II, а так как это средства производства, то II, очевидно, должен использовать их для увеличения своего собственного постоянного капитала.

Тогда для I мы получаем капитал в $4400 \text{ с} + 1100 \text{ v} = 5500$.

II имеет теперь для постоянного капитала 1600 с. Для того чтобы привести его в движение, он должен добавить еще 50 v деньгами на покупку новой рабочей силы, так что его переменный капитал возрастает с 750 до 800. Это расширение как постоянного, так и переменного капитала II в общей сложности на 150 покрывается из его прибавочной стоимости. Следовательно, из 750 II m только 600 m остаются в качестве фонда

потребления капиталистов II, годовой продукт которых распределяется теперь следующим образом:

$$\text{II. } 1600c + 800v + 600m \text{ фонд потребления} = 3000.$$

Мы получаем теперь следующую схему:

$$\text{I. } 4400c + 1100v + 500m \text{ фонд потребления} = 6000$$

$$\text{II. } 1600c + 800v + 600m \text{ фонд потребления} = 3000$$

$$\text{сумма} = 9000,$$

как и прежде.

При этом капитал составляет:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4400c + 1100v \text{ (деньгами)} = 5500 \\ \text{II. } 1600c + 800v \text{ (деньгами)} = 2400 \end{array} \right\} = 7900,$$

между тем как при начале производства было:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4000c + 1000v = 5000 \\ \text{II. } 1500c + 750v = 2250 \end{array} \right\} = 7250.$$

Мы встречаем здесь целый ряд новых усложняющих условий. Во-первых, те 500 m подразделения I, которые подлежат накоплению, должны быть произведены в виде таких средств производства, чтобы четыре пятых этих 500 m были пригодны для постоянного капитала I и одна пятая для постоянного капитала II. Во-вторых, степень накопления в II зависит от накопления в I. В I накапливается половина прибавочной стоимости, во II это невозможно. Из прибавочной стоимости в 750 здесь может быть накоплено только 150, т. е. всего одна пятая, а остальные четыре пятые подлежат потреблению.

Рассмотрим теперь дальнейший ход накопления.

Если производство действительно ведется с увеличенным капиталом, то в конце следующего года мы получаем:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4400c + 1100v + 1100m = 6600 \\ \text{II. } 1600c + 800v + 800m = 3200 \end{array} \right\} = 9800.$$

Если и дальше накопление совершается таким же путем, то еще через год мы получаем:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4840c + 1210v + 1210m = 7260 \\ \text{II. } 1760c + 880v + 880m = 3520 \end{array} \right\} = 10780.$$

В этом примере было предположено, что накапливалась половина прибавочной стоимости в I, и $I(v + \frac{1}{2}m) = IIc$.

Раз происходит такое накопление, $I(v + m)$ непременно должно быть больше, чем II c, так как известную часть I m нельзя превратить в II c, потому что она должна служить в качестве средств производства I. Напротив, $I(v + \frac{1}{2}m)$ может

быть и больше, и меньше, чем II с. Ближайшее рассмотрение всего этого для наших целей не требуется ¹.

Взросшее производство требует для своих оборотов возросшего количества золота. Если предположить прежнюю скорость обращения и оставить кредит в стороне, то увеличение количества золота может быть достигнуто путем расширения его добычи. Капиталистическое производство натолкнулось бы здесь на естественную границу. Система кредита чрезвычайно далеко отодвигает эту границу, но не уничтожает ее.

Остановимся еще на один момент на тех необходимых условиях, при которых только и могут совершаться процессы обращения, предполагаемые накоплением. В нашем примере мы предположили, что 500 I m накаплиются и что из них 400 превращаются в постоянный капитал. Какие процессы обращения необходимы для этого, на какие деньги I покупает эти 400?

Рассмотрим прежде всего накопление отдельного капиталиста. Последний может превратить прибавочную стоимость в капитал лишь при том условии, что она уже достигла определенной величины. Значит, прибавочная стоимость, которая в конце каждого года превращается в деньги, должна в течение ряда лет накапливаться в денежной форме. Как капиталы различных отраслей промышленности, так и индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей находятся на различных последовательных ступенях процесса превращения прибавочной стоимости в капитал. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, а другая часть капиталистов в это время еще занята накоплением своего потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу — одни как покупатели, другие как продавцы, и притом каждый, принадлежащий к одной из двух категорий, выступает исключительно в одной из этих ролей.

Например, капиталист А продает капиталисту В (который может представлять более чем одного покупателя) 600 (400 с + + 100 v + 100 m). Он продал товара на 600 за 600 деньгами, из которых 100 представляют собой прибавочную стоимость. Эти 100 он извлекает из обращения, копит их как деньги. Но эти 100 деньгами являются лишь денежной формой прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100.

Вообще образование сокровища вовсе не производство, а потому само по себе не означает и приращения производства. Деятельность капиталиста при образовании сокровища состоит исключительно в том, что он извлекает из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, выручен-

¹ Дальнейшие примеры см. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 514 и след.

ные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у А, она совершается во множестве пунктов на периферии обращения у других капиталистов — А', А'', А''', которые столь же усердно работают над подобным образованием сокровища. Эти многочисленные пункты, в которых деньги изымаются из обращения и накаплиются в виде многочисленных индивидуальных сокровищ или потенциальных денежных капиталов, являются столь же многочисленными помехами для обращения, потому что они делают деньги неподвижными и на более или менее продолжительное время лишают их способности обращаться.

Но А собирает сокровища лишь постольку, поскольку он по отношению к своему прибавочному продукту выступает только как продавец, не выступая затем как покупатель. Таким образом, последовательное производство прибавочного продукта, являющегося носителем прибавочной стоимости, которой предстоит превратиться в золото, является для него предпосылкой образования сокровища. Следовательно, хотя А на свою прибавочную стоимость извлекает деньги из обращения и накапливает их как сокровище, он с другой стороны бросает в обращение товары, не извлекая за них других товаров, вследствие чего В, В', В'' и т. д. в свою очередь могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товары.

«Как и раньше, при исследовании простого воспроизводства, мы здесь снова находим, что обмен различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение (которое должно охватывать в то же время и воспроизводство капитала и при этом его восстановление в различных его формах: постоянного, переменного, основного, оборотного, денежного капитала и товарного капитала), предполагает отнюдь не просто куплю товара, дополняемую последующей продажей, или продажу, дополняемую последующей куплей, так что фактически происходил бы только обмен одного товара на другой (следовательно, деньги представляли бы просто средства обращения и постольку были бы относительно излишни.— Р. Г.), как это принимает политическая экономия, именно фритредерская школа со времен физиократов и Адама Смита (совращенная полемическими интересами в борьбе против монетарной и меркантилистской системы.— Р. Г.). Мы знаем, что основной капитал, раз затрата на него сделана, после того не возобновляется в продолжение всего времени своего функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег»¹. Только деньги и делают здесь возможным раздельное и обособленное обращение стоимости в противоположность постоянному техническому функционированию основного капитала в процессе производства. Для обще-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 495.

ства такое разделение неосуществимо; в каждый данный момент должно доставляться столько основного капитала, сколько его снашивается. Но для индивидуального капиталиста та стоимость, которая соответствует сношенной части, годами удерживается в денежной форме. «Мы видели, что периодическое возобновление <основной составной части капитала, напр. постоянного капитала> II с (а вся капитальная стоимость II с обменивается на элементы стоимостью в I ($v + m$), предполагает, с одной стороны, *простую куплю* основной части II с, которая превращается из денежной формы в натуральную форму, причем этой купле соответствует простая продажа I m; с другой стороны, оно предполагает *простую продажу* со стороны II с, продажу той основной части его стоимости (стоимости сношенной части), которая осаждается в виде денег, причем этой продаже соответствует простая купля I m. Для того чтобы обмен совершался в этом случае нормально, необходимо предположить, что простая купля со стороны II с по величине стоимости равна простой продаже со стороны II с... Иначе простое воспроизводство будет нарушено; простая купля на одной стороне должна покрываться простой продажей на другой. Точно так же здесь необходимо предположить, что простая продажа части I m, образующей сокровище для A, A', A'', уравнивается простой куплей части I m со стороны B, B', B'', которые превращают свое сокровище в элементы дополнительного производительного капитала.

Поскольку равновесие восстанавливается благодаря тому, что покупатель выступает впоследствии как продавец на такую же сумму стоимости и обратно, постольку происходит возвращение денег к той стороне, которая авансировала их при купле и продала раньше, чем купить. Действительное же равновесие в самом обмене товаров, в обмене различных частей годового продукта, обуславливается равенством величины стоимости взаимно обмениваемых товаров.

Но поскольку происходят лишь односторонние обмены, масса простых покупок, с одной стороны, масса простых продаж, с другой,— а мы видели, что нормальный обмен годового продукта на капиталистической основе обуславливает такие односторонние метаморфозы,— постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга¹. Но во всех этих односторонних операциях деньги действуют не в качестве простого посредника товарообмена; они начинают или завершают процесс каждый раз, когда на одной стороне стоит только товар, а на другой стороне — только товарная *стоимость* в форме обособленного существования, в денежной форме; здесь деньги необходимы

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 495—496.

для того, чтобы такие односторонние процессы вообще могли совершаться.

«Тот факт, что товарное производство является общей формой капиталистического производства, уже включает в себе ту роль, которую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно нормального хода воспроизводства как простого, так и в расширенном масштабе,— условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие — при стихийном характере этого производства — само является случайностью»¹.

Капиталисты А, А', А'', продавая свой прибавочный продукт, образуют сокровище, дополнительный потенциальный денежный капитал. В нашем случае этот прибавочный продукт составляют средства производства средств производства, но как таковые они функционируют лишь в руках В, В', В''. Только в их руках этот прибавочный продукт функционирует как дополнительный постоянный капитал, но потенциально он является таковым раньше, чем продан, уже в руках А, А', А'' (I), которые накапливают сокровище. Пока мы рассматриваем только размер стоимости воспроизводства на стороне I, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства. Различие заключается лишь в отличии производимых потребительских стоимостей. При той же величине стоимости произведено больше таких средств производства, при помощи которых будут создаваться средства же производства, а не предметы потребления. Известная часть I m, которая раньше, при простом воспроизводстве, целиком обменивалась на II c, следовательно, должна была состоять из средств производства предметов потребления, теперь состоит из таких средств производства, при помощи которых будут производиться средства же производства и которые как таковые можно присоединить к постоянному капиталу I. Из этого следует, что, если смотреть на дело исключительно с точки зрения величины стоимости, при простом воспроизводстве создается материальный субстрат расширенного воспроизводства.

Таковым субстратом является просто прибавочный труд рабочего класса I, израсходованный непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального дополнительного капитала I.

Следовательно, потенциальный дополнительный денежный капитал на стороне А, А', А'' (I) образуется просто как денежная форма дополнительно произведенных средств производства, посредством последовательной продажи прибавочного продукта,

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 496.

который создается без всякой капиталистической денежной затраты со стороны капиталистов I. «Следовательно, производство дополнительного потенциального денежного капитала в крупном масштабе — во множестве пунктов на периферии обращения — есть не что иное, как результат и выражение много-стороннего производства потенциального дополнительного производительного капитала, самое возникновение которого не предполагает никаких дополнительных денежных расходов со стороны промышленных капиталистов»¹.

«Последовательное превращение со стороны A, A', A'' и т. д. (I) этого потенциального дополнительного производительного капитала в потенциальный денежный капитал (в сокровище), превращение, обусловливаемое последовательной продажей прибавочного продукта, A, A', A'', — следовательно, повторной односторонней продажей товара без дополняющей ее купли, — совершается посредством повторного извлечения из обращения денег и соответственного образования сокровища. Такое образование сокровища, — исключая тот случай, когда покупателем является золотопромышленник, — отнюдь не предполагает дополнительного богатства в виде благородных металлов, а только изменение функции обращавшихся до того времени денег. До этого они функционировали как средства обращения, теперь они функционируют как сокровище, как образующийся потенциально новый денежный капитал. Следовательно, образование дополнительного денежного капитала и количество имеющегося в стране благородного металла не стоят ни в какой причинной связи между собой.

Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, а тем самым и технические средства для быстрого расширения производства средств производства и, следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых он выражен, тем больше:

1) потенциально дополнительный производительный капитал в форме прибавочного продукта в руках A, A', A'' и т. д. и

2) масса этого прибавочного продукта, превращенного в деньги, следовательно потенциально дополнительного денежного капитала в руках A, A', A''. Таким образом, если, напр. Фуллартон не хочет и слышать о перепроизводстве в обычном смысле, но признает перепроизводство капитала, именно денежного капитала, то это еще раз доказывает, что даже лучшие буржуазные экономисты абсолютно ничего не понимают в механизме своей системы»².

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 498.

² Там же, стр. 498—499.

«Если прибавочный продукт, непосредственно производимый и присваиваемый капиталистами A, A', A'' (I), является реальным базисом действительного накопления капитала, т. е. расширенного воспроизводства, хотя он в такой роли будет активно функционировать лишь в руках B, B', B'' и т. д. (I), — то, напротив, в своей денежной куколке, — в качестве сокровища, как постепенно еще только образующийся потенциальный денежный капитал, — он абсолютно непродуцируем и хотя движется в этой форме параллельно процессу производства, но лежит вне его. Он является мертвым грузом (*dead weight*) капиталистического производства. Жажда использовать в целях получения прибыли и дохода эту прибавочную стоимость, накапливаемую в форме сокровища, в виде потенциального денежного капитала, находит себе удовлетворение в кредитной системе и в «бумажках». Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное влияние на ход и мощное развитие капиталистической системы производства.

Количество прибавочного продукта, превращённого в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала, от функционирования которого возник этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится также более легкой его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие, находящееся в руках того ли самого капиталиста или другого (напр., членов его семьи, при разделе наследства и т. д.). Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала для того, чтобы в качестве нового денежного капитала найти помещение в новом самостоятельном предприятии»¹.

Продавцы прибавочного продукта A, A', A'' (I) получили его как непосредственный результат процесса производства. Напротив, B, B', B'' могут приобрести его лишь посредством акта обращения. Необходимые для этого деньги раньше образовывались у них точно так же, как теперь у A, A', A'' — от продажи соответствующих прибавочных продуктов. Теперь они достигли цели. Накопившийся ими в качестве сокровища, еще только потенциальный денежный капитал действительно функционирует теперь как дополнительный денежный капитал.

Деньги, необходимые для этих превращений прибавочного продукта, должны иметься в распоряжении класса капиталистов. При простом воспроизводстве те деньги, которые служили только как доход для расходования на предметы потребления, возвращались обратно к капиталистам в том размере, в каком они авансировали их для обращения своих соответствующих

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 499—500.

товаров; здесь опять появляются такие же деньги, но их функции изменились. Капиталисты А и В (I) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в дополнительный потенциальный денежный капитал и попеременно снова пускают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (скорость обращения и пр. предполагается неизменной) достаточно для активного обращения, следовательно, то же условие, которое, как мы видели, должно быть выполнено и при простом товарном обращении. Только функция сокровища здесь иная.

* *
*

Схематическое изображение, конечно, сильно упрощено. Ясно, что такие же отношения пропорциональности, которые должны существовать между совокупностью отраслей, производящих средства производства, и совокупностью отраслей, производящих предметы потребления, аналогичным образом должны иметь место и в каждой отдельной отрасли производства. Но в то же время эти схемы показывают, что при капиталистическом производстве как простое, так и расширенное воспроизводство может идти беспрепятственно лишь при том условии, если сохраняется эта пропорциональность. Наоборот, при нарушении отношений пропорциональности, например, между отмирающим и вновь прилагаемым капиталом кризис может наступить и при простом воспроизводстве. Из этого следует во всяком случае, что причина кризиса лежит не в недопотреблении масс, имманентном капиталистическому производству. Слишком быстрое расширение потребления само по себе должно было бы повести к кризису совершенно так же, как неизменность или сокращение производства средств производства. Точно так же из приведенных схем, взятых сами по себе, не вытекает возможность всеобщего перепроизводства товаров; напротив, можно было бы показать, что возможно любое расширение производства, раз только оно допускается существующим состоянием производительных сил.

Глава семнадцатая

ПРИЧИНЫ КРИЗИСОВ

Когда знакомишься со сложностью отношений пропорциональности, которые должны найти осуществление в анархическом производстве, то сначала пытаешься поставить вопрос: кто же несет заботу о сохранении этих отношений? Ясно, что эту

функцию должен выполнять закон цен, так как именно цены регулируют капиталистическое производство, изменения же цен имеют решающее значение для расширения или ограничения, для организации нового производства и т. д. И из этого, между прочим, следует необходимость объективного закона стоимости как единственно возможного регулятора капиталистического хозяйства. Значит, нарушения пропорциональности следует объяснять нарушениями в специфическом регулировании этого хозяйства, т. е. такими нарушениями в ценообразовании, что цены уже перестают быть правильным показателем того, что необходимо для производства. Так как нарушения пропорциональности наступают периодически, то необходимо раскрыть и периодически наступающие нарушения закона цен.

Капиталиста интересует не абсолютная величина цены его продукта, а лишь отношение рыночной цены к издержкам производства, или, иначе говоря, величина прибыли. От этой величины зависит, в какие отрасли производства он вложит свой капитал. Если понижение прибыли значительно, то новые вложения совсем прекратятся. В особенности, когда дело идет о крупных вложениях основного капитала, ведь капитал, вложенный как основной капитал, закрепляется на продолжительное время, а цена основного капитала имеет решающее значение при исчислении нормы прибыли.

Мы знаем, что органический состав капитала изменяется. По причинам технического характера постоянная часть капитала увеличивается быстрее, чем переменная. Далее, основная часть капитала растет быстрее, чем оборотная. Но следствием относительного уменьшения переменной части капитала является понижение нормы прибыли. Кризис означает отсутствие сбыта. Отсутствие же сбыта в капиталистическом обществе предполагает прекращение новых вложений капитала; это в свою очередь предполагает понижение нормы прибыли, а понижение нормы прибыли задано тем изменением органического состава капитала, которое произошло при вложении нового капитала; кризис означает не что иное, как момент, когда наступает понижение нормы прибыли. Но кризису предшествует период подъема, когда цены и прибыли стоят на высоком уровне. Как совершается этот поворот в капиталистическом мире, этот переход от блаженства лихорадочно напряженной деятельности, высоких прибылей и ускоренного накопления к горестям прекращения сбыта, исчезновения прибыли и массовой бездеятельности капитала?

Каждый промышленный цикл начинается расширением производства. Причины его варьируются в частности в зависимости от конкретных условий исторического момента, но в общем их можно свести к открытию новых рынков, возникновению новых отраслей производства, введению новой техники, повышению потребления вследствие роста населения. Возни-

кает повышенный спрос, который вызывает повышение цен и прибылей сначала в отдельных отраслях производства. В результате производство здесь расширяется, а увеличение производства в этих сферах означает повышение спроса в сферах, которые доставляют для них средства производства. Применение нового основного капитала, замена старого и технически устаревшего оборудования новым — все это совершается в расширяющемся масштабе. Процесс приобретает всеобщий характер, каждая отрасль промышленности, расширяясь, создает спрос на продукты других, различные сферы производства взаимно питают друг друга, промышленность становится лучшим покупателем промышленности.

Таким образом, цикл открывается обновлением и возрастанием основного капитала, что служит основной причиной начинающегося подъема, во время которого расширение продолжается и вызывает величайшее напряжение всех наличных производительных сил. «Итак, в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования применяемого основного капитала, в этой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь,— скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием капиталистического способа производства также постоянно возрастают. С этим связаны и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения, потому что они подвергаются моральному снашиванию задолго до того, как физически отживут свое время. Можно принять, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь средним счетом десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь [Geschäft] последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов»¹.

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 181—182.

Но есть и еще одна причина, кроме только что отмеченного увеличения спроса, которая вызывает повышение нормы прибыли в начале подъема. Одновременно и вследствие увеличения спроса сокращается в первую очередь период оборота капитала. Сокращается рабочий период, потому что введение технических усовершенствований позволяет быстрее изготавливать продукт. Так, например, в горнодобывающей промышленности количество вспомогательных рабочих сводится к крайнему минимуму, но зато увеличивается количество рабочих, занятых собственно добычей; машины используются интенсивнее посредством ускорения их хода и прежде всего посредством удлинения рабочего времени (упраздняются перерывы в работе, вводятся сверхурочные работы, нанимаются новые рабочие) и т. д. Далее, сокращается период оборота. Сбыт совершается гладко. Время обращения нередко низводится до нуля, потому что работают на заказ. Для целого ряда важных отраслей промышленности сбыт на ближайших внутренних рынках увеличивается по сравнению со сбытом на более отдаленных иностранных рынках, что опять-таки означает сокращение времени обращения. Все это в свою очередь приводит к повышению годовой нормы прибыли, так как производительный капитал вообще, а вместе с тем и переменный капитал, производящий прибавочную стоимость, оборачивается быстрее.

Сокращение периода оборота означает, что авансируемый промышленником денежный капитал относительно уменьшается по сравнению с производительным капиталом. Во-первых, наличный производительный капитал, не требуя дополнительного денежного капитала или хотя бы дополнительного денежного капитала соответствующей величины, используется лучше, так как рабочий период сокращается ускорением хода машин и так как использование наличных производственных элементов вообще становится интенсивнее. Во-вторых, сокращается время обращения и тем самым величина того капитала, который в течение времени обращения должен иметься у капиталиста наряду с тем капиталом, который функционирует собственно в производстве. Следовательно, тот капитал, который употребляется исключительно на цели обращения, т. е. непроизводительно, уменьшается по сравнению с капиталом, создающим прибыль, функционирующим в процессе производства. Сокращение времени обращения и более быстрый оборот уменьшают также и ту часть капитала, которая лежит праздно в виде товарного запаса и лишь вызывает непроизводительные издержки. Таким образом, вследствие сокращения капитала, обслуживающего обращение, годовая норма прибавочной стоимости и прибыли возрастают, и притом последняя больше, чем первая. В то же время увеличивается масса прибавочной стоимости, а вместе с тем и возможность накопления.

Таким образом, промышленный подъем не означает ничего иного, кроме улучшения условий возрастания стоимости капитала. Но те же самые обстоятельства, которые сначала ведут к подъему, включают в себе силы, которые постепенно ухудшают условия возрастания стоимости, пока, наконец, не наступает момент, когда приложение нового капитала затрудняется и замедление сбыта становится очевидным.

Если, например, увеличение спроса в первой фазе промышленного цикла означает повышение нормы прибыли, то, с другой стороны, это повышение происходит при таких обстоятельствах, которые подготавливают в дальнейшем понижение нормы прибыли. Во время подъема происходят крупные новые вложения капитала, такие вложения, которые соответствуют новейшему уровню техники. Но мы знаем, что технические усовершенствования выражаются в более высоком органическом составе капитала. Но рост органического состава означает понижение нормы прибыли, ухудшение условий возрастания стоимости капитала. И притом норма прибыли падает по двоякого рода причинам. Во-первых, потому, что сократился переменный капитал по сравнению с общей массой капитала, следовательно, прежняя норма прибавочной стоимости выражается в понизившейся норме прибыли. Во-вторых, потому, что, чем крупнее основной капитал по сравнению с оборотным, тем продолжительнее период оборота капитала, но удлинение периода оборота тоже означает понижение нормы прибыли.

К этому присоединяются и другие обстоятельства, которые ведут к удлинению периода оборота. На высшей точке подъема может наступить удлинение рабочего периода, так как может наступить нехватка рабочей силы, в особенности квалифицированной, не говоря уже о борьбе за заработную плату, которая в подобные периоды становится более оживленной. Нарушения в процессе труда могут наступить также вследствие слишком интенсивного использования постоянного капитала, например вследствие чрезмерного ускорения хода машин, которые могут быть повреждены в результате использования неопытных рабочих или вследствие пренебрежения ремонтом и вспомогательными работами, так как иначе осталось бы неиспользованным короткое время наивысшего напряжения промышленности. В дальнейшем период оборота удлинится. Потребности внутреннего рынка удовлетворены, приходится отыскивать более отдаленные заграничные рынки. Сбыт товаров, их обратное превращение в деньги затягиваются; все это — обстоятельства, приводящие к понижению нормы прибыли во второй фазе подъема.

К этому присоединяются еще некоторые моменты. Во время подъема повышается спрос на рабочую силу, цена которой растет. Это означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и нормы прибыли. Далее по причинам, на ко-

торых еще придется остановиться, уровень процента постепенно поднимается выше его нормальной величины, а вследствие этого норма предпринимательской прибыли понижается. Конечно, зато повышается прибыль банковского капитала (обстоятельство, которое обыкновенно игнорируют). Но в этот период банки уже не в состоянии предоставлять деньги промышленникам с целью расширения производства. Во-первых, в это время спекуляция как товарами, так и ценными бумагами достигает наивысшего расцвета и предъявляет чрезвычайно возросший спрос на кредит. А, во-вторых, как мы еще увидим, тот оборотный кредит, который предоставляют друг другу производительные капиталисты, оказывается недостаточным, для того чтобы удовлетворить возросшим требованиям, и здесь также становится необходимым вмешательство банков. Поэтому у банков обнаруживается тенденция удерживать свою прибыль в текущей форме, в денежной форме, чем тормозится превращение в производительный капитал, следовательно, действительное накопление и расширение процесса воспроизводства. Это означает одновременно и нарушение процесса производства: помехи обратному превращению того денежного капитала, который банки привлекли к себе за счет повышения уровня процента и удерживают в денежной форме, приводят к тому, что остается непроданной *pro tanto* [соответственная] часть производительного капитала, предназначенного для расширенного воспроизводства. Следовательно, уменьшение предпринимательской прибыли означает для всего класса капиталистов ухудшение условий возрастания стоимости капитала, сокращение накопления.

Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают верх над тенденциями, которые приводили вследствие возрастания спроса к повышению цены и прибыли. Здесь возникают двоякого рода вопросы: во-первых, каким образом эти тенденции, которые кладут конец подъему, обнаруживаются в капиталистической конкуренции и при ее посредстве. Во-вторых, почему их проявление носит критический, а не затяжной характер, и наступает внезапно, а не постепенно. Впрочем, последний вопрос во всяком случае менее важен, потому что для движения волн конъюнктуры решающее значение имеет смена подъема и депрессии, а внезапность этой перемены — дело второстепенное.

Одно ясно, если бы повышение цен во время подъема было всеобщим и равномерным, то оно оставалось бы чисто номинальным. Если бы все товары повысились на 10 или 100%, то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными¹. Тогда рост цен не оказал бы никакого влияния на про-

¹ На первый взгляд период подъема характеризуется всеобщим и равномерным повышением цен, период депрессии — таким же понижением цен. Это — основание, почему так долго и так упорно причину кризиса отыскивали в изме-

Таким образом, промышленный подъем не означает ничего иного, кроме улучшения условий возрастания стоимости капитала. Но те же самые обстоятельства, которые сначала ведут к подъему, заключают в себе силы, которые постепенно ухудшают условия возрастания стоимости, пока, наконец, не наступает момент, когда приложение нового капитала затрудняется и замедление сбыта становится очевидным.

Если, например, увеличение спроса в первой фазе промышленного цикла означает повышение нормы прибыли, то, с другой стороны, это повышение происходит при таких обстоятельствах, которые подготавливают в дальнейшем понижение нормы прибыли. Во время подъема происходят крупные новые вложения капитала, такие вложения, которые соответствуют новейшему уровню техники. Но мы знаем, что технические усовершенствования выражаются в более высоком органическом составе капитала. Но рост органического состава означает понижение нормы прибыли, ухудшение условий возрастания стоимости капитала. И притом норма прибыли падает по двоякого рода причинам. Во-первых, потому, что сократился переменный капитал по сравнению с общей массой капитала, следовательно, прежняя норма прибавочной стоимости выражается в понизившейся норме прибыли. Во-вторых, потому, что, чем крупнее основной капитал по сравнению с оборотным, тем продолжительнее период оборота капитала, но удлинение периода оборота тоже означает понижение нормы прибыли.

К этому присоединяются и другие обстоятельства, которые ведут к удлинению периода оборота. На высшей точке подъема может наступить удлинение рабочего периода, так как может наступить нехватка рабочей силы, в особенности квалифицированной, не говоря уже о борьбе за заработную плату, которая в подобные периоды становится более оживленной. Нарушения в процессе труда могут наступить также вследствие слишком интенсивного использования постоянного капитала, например вследствие чрезмерного ускорения хода машин, которые могут быть повреждены в результате использования неопытных рабочих или вследствие пренебрежения ремонтом и вспомогательными работами, так как иначе осталось бы неиспользованным короткое время наивысшего напряжения промышленности. В дальнейшем период оборота удлиняется. Потребности внутреннего рынка удовлетворены, приходится отыскивать более отдаленные заграничные рынки. Сбыт товаров, их обратное превращение в деньги затягиваются; все это — обстоятельства, приводящие к понижению нормы прибыли во второй фазе подъема.

К этому присоединяются еще некоторые моменты. Во время подъема повышается спрос на рабочую силу, цена которой растет. Это означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и нормы прибыли. Далее по причинам, на ко-

торых еще придется остановиться, уровень процента постепенно поднимается выше его нормальной величины, а вследствие этого норма предпринимательской прибыли понижается. Конечно, зато повышается прибыль банкового капитала (обстоятельство, которое обыкновенно игнорируют). Но в этот период банки уже не в состоянии предоставлять деньги промышленникам с целью расширения производства. Во-первых, в это время спекуляция как товарами, так и ценными бумагами достигает наивысшего расцвета и предъявляет чрезвычайно возросший спрос на кредит. А, во-вторых, как мы еще увидим, тот оборотный кредит, который предоставляют друг другу производительные капиталисты, оказывается недостаточным, для того чтобы удовлетворить возросшим требованиям, и здесь также становится необходимым вмешательство банков. Поэтому у банков обнаруживается тенденция удерживать свою прибыль в текучей форме, в денежной форме, чем тормозится превращение в производительный капитал, следовательно, действительное накопление и расширение процесса воспроизводства. Это означает одновременно и нарушение процесса производства: помехи обратному превращению того денежного капитала, который банки привлекли к себе за счет повышения уровня процента и удерживают в денежной форме, приводят к тому, что остается непроданной *pro tanto* [соответственная] часть производительного капитала, предназначенного для расширенного воспроизводства. Следовательно, уменьшение предпринимательской прибыли означает для всего класса капиталистов ухудшение условий возрастания стоимости капитала, сокращение накопления.

Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают верх над тенденциями, которые приводили вследствие возрастания спроса к повышению цены и прибыли. Здесь возникают двоякого рода вопросы: во-первых, каким образом эти тенденции, которые кладут конец подъему, обнаруживаются в капиталистической конкуренции и при ее посредстве. Во-вторых, почему их проявление носит критический, а не затяжной характер, и наступает внезапно, а не постепенно. Впрочем, последний вопрос во всяком случае менее важен, потому что для движения волн конъюнктуры решающее значение имеет смена подъема и депрессии, а внезапность этой перемены — дело второстепенное.

Одно ясно, если бы повышение цен во время подъема было всеобщим и равномерным, то оно оставалось бы чисто номинальным. Если бы все товары повысились на 10 или 100%, то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными¹. Тогда рост цен не оказал бы никакого влияния на про-

¹ На первый взгляд период подъема характеризуется всеобщим и равномерным повышением цен, период депрессии — таким же понижением цен. Это — основание, почему так долго и так упорно причину кризиса отыскивали в изме-

изводство; тогда не могло бы наступить никаких передвижек в распределении капитала между различными отраслями производства, никаких перемен в отношениях пропорциональности. Раз производство идет в надлежащих пропорциях, как схематически показано раньше, то нет нужды в каком-либо их изменении, а потому не представляют необходимости и какие бы то ни было нарушения. Иное дело, если из характера повышения цен можно вывести причины, исключаяющие такую равномерность. Тогда изменения в ценообразовании могут привести к изменениям в пропорциональности между различными отраслями производства: ведь изменение цены и прибыли оказывает определяющее воздействие на распределение капитала между различными отраслями производства. Эта возможность превращается в действительность, если можно будет показать, что повышение цен необходимо должно повести к передвижке в распределении капитала. И действительно, можно отметить моменты, препятствующие этой равномерности.

Если оставить в стороне технические революции и постоянные технические изменения рассматривать вначале только в среднем, то окажется, что изменение органического состава капитала, которое в конечном счете приводит к понижению нормы прибыли, будет наибольшим там, где применение машин, основного капитала вообще наибольшее. В самом деле, чем шире уже существующее применение машин, науки и т. д., тем шире и чаще открывается возможность более рационального оборудования, усовершенствованной техники, более научных методов. Тем сильнее будут здесь действовать тенденции к повышению органического состава капитала. Но более высокий органический состав капитала есть лишь экономическое выражение выросшей производительности. Последняя означает более низкую цену за равное количество товаров. Поэтому вновь применяемые капиталы работают сначала со сверхприбылью. Поэтому капитал будет устремляться в данные сферы. Уже это является одним из моментов, обуславливающих нарушения. Чем больше в данных сферах применения нового капитала сверхприбыль, тем больше приливает к ним капитала. Поправка может наступить лишь после того, как новые продукты этих сфер появятся на рынке и их чрезмерное предложение понизит цену¹.

нении стоимости денег. Суеверие количественной теории находит здесь свою наиболее прочную опору.

¹ «Несомненно, именно в Лотарингии — Люксембурге экономическое развитие в горном деле и металлургии было слишком уж быстрым, и влияло оно тем острее, что новые предприятия были поздно пущены в ход и потому длительное время в период высокой конъюнктуры содействовали усилению спроса. Когда же началось производство на новых заводах, — а это было в конце 1899 или весной 1900 г., — высшая точка развития была уже пройдена, и теперь они содействовали увеличению предложения... Следовательно, когда они вышли из рядов потребителей и появились теперь на рынке со своим собственным про-

Между тем спрос этих сфер в свою очередь повысил цену продуктов других сфер и вызвал там тоже приток капитала, хотя и в меньшей степени, потому что вследствие менее значительных технических усовершенствований сверхприбыль там ниже. А это опять-таки приводит к тому, что, так как увеличение капитала происходит здесь не в равной пропорции, повышение цены оказывается относительно сильнее. В первой отрасли производства сверхприбыль значительна, во второй — меньше; эта разница постепенно уравнивается путем уменьшения сверхприбыли, вытекающего из усиленного притока капитала в первом случае, и посредством повышения цен, вытекающего из относительно слабого притока нового капитала, — во втором.

С развитием капиталистического производства увеличивается размер основного капитала, и рука об руку с этим ростом увеличиваются различия между отдельными отраслями по размерам применяемого в них основного капитала. Но, чем крупнее размер основного капитала, тем продолжительнее время, необходимое для изготовления нового оборудования, тем больше поэтому и различия в том времени, которое требуется в различных отраслях промышленности на расширение производства. Но, чем продолжительнее время, необходимое для нового оборудования, тем труднее приспособиться к потребностям потребления, тем больше предложение отстает от спроса, тем сильнее повышаются цены и тем шире распространяется в таких отраслях стремление к накоплению.

Чем крупнее масса основного капитала, тем больше времени требуется для того, чтобы произвести новые изменения и повысить производительность. А до этого момента предложение будет отставать от спроса. Увеличение доменных печей, закладка новых угольных шахт, строительство новых железных дорог требуют больше времени, чем увеличение количества текстильных продуктов или расширение бумажного производства. Итак, с одной стороны, с ростом органического состава капитала умножаются те причины, которые должны порождать понижение нормы прибыли на длительный срок. С другой стороны, вследствие изменившихся отношений конкуренции, сдвигов в соотношении спроса и предложения, обусловленных тем, что предложение растет медленнее, чем спрос, именно в этих сферах во времена благоприятной конъюнктуры наступает сначала более сильное повышение цен, чем в других отраслях производства. Прибыль не только не уменьшается, напрогив, изменение органического состава сначала сопровождается повышением цен и повышением прибыли, и при этом ценам в общем присуща тенденция повышаться тем больше, чем выше органи-

измением, производственная способность значительно повысилась, и перепроизводство сделалось неминуемым». (Die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 ff., Bd. 2, «Montan- und Eisenindustrie», S. 48).

ческий состав капитала. Но капитал устремляется в сферы с более высокой прибылью. Следовательно, вновь накапливаемый капитал будет отклоняться прежде всего к этим сферам, и это отклонение будет продолжаться до тех пор, пока новые сооружения не будут закончены и пока новые предприятия не скажут своего слова в усилении конкуренции. Таким образом, в сферах с наивысшим органическим составом по сравнению со сферами относительно низкого состава существует тенденция к чрезмерному приложению, к перенакоплению капитала. Это несоответствие обнаруживается, когда продукты первых сфер поступают на рынок. Сбыт этих новых продуктов тормозится тем, что производство в сферах с более низким составом расширялось не равным образом, не теми же темпами, а быстрее, но зато и не столь интенсивно. Этим объясняется, почему кризисы сильнее всего проявляются в технически наиболее развитых отраслях производства, следовательно, в прежние эпохи — прежде всего в текстильной (хлопчатобумажной) промышленности, позже — в отраслях тяжелой промышленности. В общем, наибольшей силой кризис отличается там, где оборот капитала наиболее медленный, технические усовершенствования и нововведения наибольшие, а это имеет место преимущественно в тех отраслях, где органический состав наивысший.

Самый кризис приносит с собой в первую очередь понижение цены и прибыли ниже нормального уровня, т. е. ниже цены производства и средней прибыли. Производство сокращается, относительно слабые предприятия гибнут, и в конце концов производство продолжают только те, которые и при понизившихся ценах получают прибыль. Но уровень этой средней прибыли теперь изменился. Он соответствует уже не тому органическому составу, какой был на исходной точке промышленного цикла, а изменившемуся, более высокому органическому составу капитала.

Наоборот, в отраслях с относительно небольшими размерами основного капитала происходит более быстрое приспособление к потреблению, цены растут в более тесных пределах (если оставить в стороне колебания цен сырого материала) и стимулы к накоплению не так сильны. Это — новое основание для возникновения диспропорциональности, для концентрации вновь вкладываемого капитала в тех отраслях производства, где цены поднимаются наиболее быстро и высоко, и новая причина того, что, в общем, действие кризисов тем сильнее, чем больше размеры основного капитала вообще, и наиболее сильно в тех отраслях производства, где размеры основного капитала наибольшие.

Следует отметить, кроме того, что, чем крупнее величина того капитала, который в определенный момент требуется уровнем техники для определенной отрасли производства, тем труднее точное количественное приспособление расширения

производства к увеличению потребления. Технически нерационально, а следовательно, неэкономично, например, увеличивать производство стали путем строительства нового небольшого сталелитейного завода. Сама техника властно определяет здесь степень увеличения вне всякой зависимости от того, согласуются ли размеры увеличения с действительным ростом потребления. В тяжелой промышленности, если там уже полностью используются наличные производительные силы,— а вариации в возможности их использования являются важным фактором уравнивания небольших колебаний спроса,— увеличение может происходить лишь в крупном масштабе, скачками, а не в скромных размерах, характерных для начальных эпох капитализма. И здесь приспособляемость отраслей легкой промышленности несравненно выше, и потому рост цен в промежуточный период не столь значителен.

К этим несоответствиям в ценообразовании, вытекающим из различий органического состава, присоединяются несоответствия, вытекающие из естественных причин. Мы видели, что в сферах с более высоким органическим составом существует тенденция к перенакоплению. С одной стороны, эти сферы потребляют огромное количество сырья, а с другой — они же доставляют большое количество сырья и полуфабрикатов (железо, каменный уголь) для остальных отраслей. Здесь легко могут возникнуть нарушения пропорциональности. «В книге II мы уже видели, что после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала и как раз в том отношении, какого требует определенный технический характер каждой данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях производства важнейшим элементом,— если оставить в стороне заработную плату... является сырье, включая в него и вспомогательные материалы, которые приобретают особенную важность там, где нет сырья в строгом смысле слова, например в горном деле и вообще в добывающей промышленности... Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы вполне возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Продукты земледелия в собственном смысле слова, сырье органического происхождения, в особенности подвержены таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п.— влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне...

Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты,— так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения,— заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам

и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, напр., количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при неизменности природных условий в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Вполне возможно таким образом, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что: 1) сырье начинает подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство его расширяется, причем, однако, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год, и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты, до сих пор не применявшиеся, и более экономно начинают обращаться с отбросами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложения, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в которые сырье входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие обесценения капитала в его различных формах, наступает еще ряд других обстоятельств, о которых мы сейчас упомянем.

Прежде всего уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем более развито капиталистическое производство, чем более поэтому имеется средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства»¹.

«Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современному моменту, тем регулярнее оказывается, и в осо-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 123—125. См. также «Теории прибавочной стоимости».

бенности в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда последующего обесценения сырья органического происхождения»¹.

К этим нарушениям присоединяются другие, вытекающие из того способа, каким воспроизводится основной капитал. Мы видели, что при простом воспроизводстве отмирающий основной капитал должен быть равен вновь применяемому. В действительности это условие никогда точно не осуществляется. Следовательно, для уравнивания всегда должен иметься в наличии, с одной стороны, избыток основного элемента капитала, иными словами, товарный запас, которому, с другой стороны, соответствует резервный денежный капитал. Известный запас и известной величины сокровище — необходимое условие воспроизводства, которое иначе приостанавливалось бы то в одном, то в другом пункте. Такие уравнивания в небольшом масштабе облегчаются эластичностью самого капитала, позволяющей посредством форсирования производства, сверхурочных работ и т. д. удовлетворять известные настоятельные потребности. Лихорадочное напряжение всех производственных возможностей сокращает товарный запас на одной стороне, денежный запас — на другой (сокращает относительно и абсолютно) и таким образом устраняет тот фактор, который в нормальные времена служит для уравнивания нарушений. Накануне кризиса сокращение резервного денежного капитала становится абсолютным, с одной стороны, потому, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал теперь наивысший, а с другой стороны, потому, что возврат капитала, а потому и оборотного кредита начинает замедляться, что ведет к быстрому увеличению спроса на деньги как средство платежа. Дальнейшее нарушение сбыта уже невозможно компенсировать путем привлечения резервного денежного капитала, и потому оно ведет к банкротству.

Дальнейшее нарушение пропорциональности может последовать в том случае, если изменяется отношение производства к потреблению. В период подъема повышаются цены, а вместе с тем прибыль. Цены товаров должны повыситься больше, чем заработная плата, иначе прибыль не могла бы увеличиться. Следовательно, доля предпринимательского класса в новом продукте растет быстрее, чем доля рабочего класса. Потребление увеличивается абсолютно, потому что и предприниматели, и рабочие расширяют свое потребление. Еще быстрее увеличивается накопление, потому что именно теперь с наибольшей остротой действует стремление к накоплению, хотя в течение известного времени все же увеличивается и потребление предметов роскоши. Последнее очень эластично и легко приспособ-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 127.

ляется к сильному стремлению накапливать. Таким образом, совершается передвижка: относительно бóльшая доля прибыли служит накоплению, относительно меньшая — потреблению. Но это значит, что потребление не поспевает за увеличением производства. Здесь же следует указать еще и на ту неизменяющуюся часть потребления, которая достается на долю категорий доходов, связанных с постоянным окладом или не вытекающих непосредственно из производства, а потому затрагиваемых его колебаниями лишь косвенно или опосредствованно.

Таким образом, в ходе конъюнктуры возникают отношения диспропорциональности вследствие нарушений в ценообразовании. В самом деле, все упомянутые моменты означают отклонение рыночных цен от цен производства и тем самым нарушение в регулировании производства, которое как в своих размерах, так и в своем направлении зависит от ценообразования. Ясно, что эти нарушения в конце концов должны привести к приостановке сбыта. Проявление их сопровождается и им способствуют отношения кредита, к анализу которых мы теперь и переходим.

Глава восемнадцатая

КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СПАДЕ КОНЪЮКТУРЫ

В начале подъема господствует низкий, лишь медленно и постепенно повышающийся уровень процента. Ссудный капитал имеется в изобилии. Правда, расширение производства, а вместе с тем и обращения увеличивает спрос на ссудный капитал. Но повышенный спрос легко находит удовлетворение. Для этого имеется в распоряжении, во-первых, бездействовавший во время депрессии денежный капитал, во-вторых, с началом подъема одновременно расширяется и оборотный кредит. Конечно, товарный капитал промышленников и торговцев, превращающийся обратно в денежный капитал, увеличился как со стороны своей массы, так и со стороны цен товаров. Но необходимые для этого средства обращения доставляются увеличением количества кредитных денег. Растет масса кредитных денег и в то же время, так как оборот производительного капитала ускоряется, сокращается период обращения кредитных денег. Возросшее предложение ссудного капитала, вытекающее из создания большого количества кредитных денег, настолько удовлетворяет увеличенный спрос на ссудный капитал, что уровень процента не повышается.

В этот период предложение ссудного капитала растет еще и потому, что тот денежный капитал, которым на время

обращения своего капитала должны располагать производительные капиталисты и величина которого определяется продолжительностью времени обращения, сократился вследствие сокращения времени обращения, и избыток его поступает на денежный рынок в качестве ссудного капитала.

В ходе промышленного подъема эти условия изменяются, и постепенность их изменения выражается в постепенном повышении уровня процента.

Мы видели, что во время подъема, во-первых, удлиняется период оборота капитала и, во-вторых, возникает диспропорциональность между отраслями производства. Удлинение же периода оборота, следовательно, замедление сбыта, означает в то же время замедление скорости обращения кредитных денег. Трехмесячный вексель не может быть оплачен по истечении срока, если товар, денежную форму которого он представляет, будет оплачен только через четыре месяца. Вексель должен быть пролонгирован или оплачен наличными. Пролонгация означает спрос на кредит, на кредит для капиталовложений от банка, следовательно, на банковый кредит. Спрос на банковый кредит становится всеобщим, потому что необходимость пролонгации затрагивает ведь не отдельного капиталиста, а в определенной степени весь класс производительных капиталистов. Как увеличение спроса на банковый кредит, являющееся лишь следствием того, что оборотный кредит, взаимно оказываемый друг другу производительными капиталистами, становится недостаточным, так и увеличение спроса на наличные деньги непосредственно воздействует на повышение уровня процента.

Аналогично воздействует растущая диспропорциональность, которая также означает приостановку сбыта. Для того чтобы кредитные деньги могли выполнять свою функцию и замещать наличные деньги, товар должен замещаться товаром. Если взаимный товарообмен, напротив, приостанавливается, то кредитные деньги приходится заменять наличными деньгами. Вексель по истечении срока не удастся оплатить, потому что остался непроданным тот товар, который он представляет. А если он все же должен быть оплачен, то это возможно, лишь обратившись к банковому кредиту, который теперь заступает место оборотного кредита. Но для промышленника совершенно безразлично, оплачивается ли вексель, за который он продал свой товар, в порядке оборотного кредита, т. е. в последнем счете посредством замещения его товара другим товаром, или посредством банкового кредита, т. е. в условиях, когда еще не произошло окончательного замещения его товара другим товаром. Правда, теперь он вынужден уплачивать несколько повышенный процент, но он, во-первых, не знает, что это означает, а, во-вторых, если бы и понял, не мог бы ничего изменить и ничем не мог бы

помочь. Цены и прибыли еще высокие. Благодаря оплате его векселя он еще имеет денежный капитал, необходимый для того, чтобы продолжать производство в прежних размерах. От него скрыто, что денежный капитал, которым он теперь оперирует, уже не представляет превращенной формы его собственного товарного капитала, который в действительности еще не удалось сбыть. Он не знает, что продолжает теперь свое производство с дополнительным денежным капиталом, который банкиром предоставлен в его распоряжение.

Но существует еще одно обстоятельство огромного значения. Начинаясь диспропорциональность должна выразиться в образовании товарных запасов. На том или ином пункте процесса обращения товара необходимо возникает заминка. Этот товарный запас должен был бы давить на рынок, если бы товар приходилось продавать с той целью, чтобы на вырученные деньги продолжать производство. Таких последствий, а вместе с тем и влияния на цену и прибыль удастся избежать, если банки предоставляют в распоряжение производительных капиталистов денежный капитал. Таким образом, кредит маскирует начинающуюся диспропорциональность. Производство продолжается без изменений; в некоторых отраслях, где цены стоят особенно высоко, оно все еще сильно расширяется, так как привлечение денежного капитала предохраняет от того, чтобы товары производили давление на рынок и цены пошатнулись. Производство все еще кажется вполне здоровым, хотя диспропорциональность между отраслями производства уже возникла.

Изменения в уровне процента, первичным источником которых являются изменения в отношениях пропорциональности во время спада конъюнктуры, в свою очередь оказывают сильнейшее влияние на учредительство, на спекуляцию с товарами и ценными бумагами, а вместе с тем и на общее состояние биржевых операций. В начале подъема уровень процента низок; при прочих равных условиях это приводит к высокому курсу фиктивного капитала. Курс той части фиктивного капитала, которая приносит постоянный и надежный доход, как например долговые обязательства государства и общественных корпораций, некоторые виды закладных и т. д., повышается непосредственно вследствие понижения уровня процента. Что касается акций, то здесь повышению курса вследствие понижения уровня процента противодействует уменьшение дивидендов и относительно меньшая надежность дохода. Подъем устраняет эту противодействующую тенденцию; при уровне процента, по-прежнему низком, курсы акций повышаются, потому что доходы и их надежность растут. В то же время расширяется спекуляция, которая стремится использовать для себя растущий курс; это увеличивает спрос на акции, и их курс еще более повышается. Расширение произ-

водства означает одновременно и рост учредительства. Основываются новые акционерные общества, существующие увеличивают свой капитал. Эмиссионная деятельность банков становится оживленной. Высокий курс акций и низкий уровень процента обуславливают высокую эмиссионную прибыль. Новые акции быстро размещаются на бирже и легко среди публики, т. е. сбываются капиталистам, у которых имеется в распоряжении ссудный капитал. Это — период, когда учредительская деятельность носит наиболее энергичный характер и когда прибыли банков от эмиссионной деятельности наиболее велики. Подвижность денег благоприятствует спекуляции, которой для своих операций ведь приходится пользоваться кредитом. Так как уровень процента низок, то спекуляция может использовать даже такие незначительные колебания курса, какие обычно преобладают в первый период подъема. Биржевая деятельность — оживленная, обороты значительны даже при относительно мелких колебаниях, которые, однако, в конце концов все суммируются в повышении курсового уровня. Повышение курсового уровня, происходящее вследствие увеличения количества ценных бумаг и роста их курса, с одной стороны, увеличение числа сделок — с другой, все это означает большие требования, предъявляемые к кредиту для уравнивания разниц, которые составляют теперь относительно крупные суммы. Это усиливается тем, что в подобные периоды спекуляция на повышение преобладает над спекуляцией на понижение, купли преобладают над продажами и подлежащая уравниванию разница в конце концов возрастает. Но этому повышенному спросу на кредит, предъявляемому биржей, не противостоит здесь какое-либо увеличение предложения в противоположность тому, что мы наблюдали в кредитных отношениях между производительными капиталистами, где растущий спрос удовлетворяется прежде всего расширением оборотного кредита. Следовательно, возрастающий спрос непосредственно влияет на повышение уровня процента и усиливает те тенденции к повышению уровня процента, которые вытекают из процессов в области производства.

Сходны процессы и в области товарной спекуляции. Она тоже стремится использовать для себя растущие цены и усилить тенденцию к повышению. С одной стороны, товары, цена которых на данном рынке стоит высоко, доставляются сюда с других рынков, и таким образом предложение увеличивается. А так как один импортер ничего не знает о другом, то легко может случиться, что предложение в конце концов превысит спрос и произойдет затоваривание. С другой стороны, спекуляция на товарном, так же как и на фондовом, рынке стремится удержать и по возможности усилить повышение цен. Товары по возможности долго удерживаются вне рынка, чтобы поднять цены; это — время, когда образуются ринги

и корнеры, которые, искусственно создавая нехватку товаров, стремятся взвинтить цены. Для того чтобы удерживать товары, опять-таки приходится прибегать к кредиту, что в свою очередь ведет к повышению уровня процента.

Между тем промышленный подъем приобретает всеобщий характер и развертывается в высокую конъюнктуру. Цены и прибыли достигают наивысшего уровня. Курсы акций повышаются вследствие их растущей доходности. Спекуляция, которая до сих пор в общем и целом всегда завершалась прибылью, постоянно расширяется. Спекулятивная прибыль развертывает свою пропагандистскую силу. Участие публики в биржевых оборотах растет и тем самым позволяет профессиональной спекуляции расширить свои операции за счет публики. Уровень процента высок; для того чтобы спекулятивные обороты доставляли прибыль, изменения курса должны быть теперь более значительными, иначе прибыль от спекуляции будет поглощена повышением процента. Но эти колебания теперь становятся значительными еще и потому, что из промышленности поступают уже не только безусловно благоприятные вести. Наряду с растущими прибылями тут и там наступает застой, сбыт идет уже не так гладко, возникают трудности кредита, потому что банки начинают считать опасным поощрение спекуляции; и это тем более, что, раз участие публики усилилось, расширились те круги, которые ведут спекуляцию без собственных средств или расширяют ее далеко за пределы собственных средств. Аналогичные явления разыгрываются и на товарном рынке.

Но повышение уровня процента имеет тенденцию понижать курсы. Следовательно, в конце концов должен наступить момент, когда спекуляция, стремясь повысить цены, приходит к мертвой точке. Наступление его ускоряется, если для спекуляции отчасти закрывается тот кредит, которым она до того времени пользовалась. Мы уже видели, как в поступательном ходе промышленного подъема производительным капиталистам приходится предъявлять все большие требования к банкам. К изложенным раньше причинам теперь присоединяется еще одна. Уровень процента имеет решающее значение для величины учредительской прибыли. Высокий уровень процента в период высокой конъюнктуры уменьшает учредительскую прибыль и потому ограничивает эмиссионную деятельность. К тому же в это время спекуляция оказывается уже насыщенной и не могла бы выдержать увеличения количества ценных бумаг при существующих высоких курсах. Банкам угрожала бы опасность, что они не смогли бы сбыть новых акций или же смогли бы сбыть их лишь по сравнительно низким курсам.

Потребности промышленности удовлетворяют теперь непосредственно сами банки. Они не выпускают акций, а откры-

вают банковый кредит, по которому производительные капиталисты должны уплачивать установившийся высокий процент. Но чем выше спрос, предъявляемый к банкам промышленностью, тем меньше те средства, которые они могли бы предоставить в распоряжение спекуляции; спекуляции приходится сократиться. А это равносильно уменьшению спроса, падению курсов. Но сложившийся уровень курса был основой кредита, предоставленного в распоряжение спекуляции. Следовательно, теперь требуется дополнительное обеспечение бумаг, подвергшихся залогу или иным путем послуживших основой кредита. Но многие спекулянты и в особенности попутчики из публики не могут доставить такого дополнительного обеспечения. Таким образом, дело доходит до принудительных распродаж заложенных акций, до внезапного увеличения предложения, что ведет к быстрому падению курса бумаг. Это падение усиливается тем поворотом, который делает профессиональная спекуляция: она схватывает критическое положение рынка и бросается теперь в игру на понижение. Падение курса означает новое ограничение кредита, новые принудительные продажи. Понижение ведет к краху, наступает *биржевой кризис*, паника и развал. Происходит массовое обесценение ценных бумаг, они быстро падают ниже уровня, соответствующего их действительной доходности при нормальном уровне процента. Обесцененные бумаги скупаются теперь крупными капиталистами и банками; а впоследствии, когда паника минует и курсы вновь поднимутся, они продаются по повышенной цене, пока в кругообороте следующего цикла вновь не развернется процесс экспроприации известной части спекулянтов и не начнется вновь процесс концентрации собственности в руках денежного капитала. Так биржа выполняет функцию средства концентрации собственности путем концентрации фиктивного капитала.

Непосредственно биржевой кризис вызывается теми изменениями, которые происходят на денежном рынке и в отношениях кредита. Так как наступление его зависит непосредственно только от уровня процента, то он может разразиться уже на некоторое время раньше наступления всеобщего торгового и промышленного кризиса. Но биржевой кризис — только симптом, предвестие торгового и промышленного кризиса, потому что изменения на денежном рынке обуславливаются ведь теми изменениями в производстве, которые ведут к кризису¹.

¹ Разумеется, мы рассматриваем здесь биржевой кризис лишь постольку, поскольку он выступает как момент в развитии всеобщего торгового кризиса. Но биржевые и спекулятивные кризисы могут носить и изолированный характер. Так биржевой кризис часто возникает на первых ступенях промышленного подъема, если спекуляция преждевременно использует начинающееся процветание. Например, так было в 1895 г. в Вене.

Такие же явления, как при спекуляции ценными бумагами, разыгрываются при товарной спекуляции, с той только разницей, что здесь по самому существу дела связь с производственными отношениями более тесная. И здесь повышение процента и ограничение кредита затрудняют удерживание товара вне рынка, а вместе с тем и сохранение прежнего уровня цен. В то же время высокий уровень цен приводит к напряжению производства, увеличению предложения и сдержанности потребления до тех пор, пока, наконец, не последует крах. Если дело идет о таком товаре, цена которого оказывает влияние на курс всдуших биржевых бумаг, как например цена меди на курс медных акций, то крах товарной спекуляции может одновременно оказаться симптомом краха также и биржевой спекуляции.

Изменение условий на денежном рынке оказывает также определяющее действие на величину и характер банковской прибыли. В начале подъема господствует низкий уровень процента и высокая эмиссионная прибыль. Мы видели, что в ходе конъюнктуры движение процента и эмиссионной прибыли происходит в противоположном направлении. Далее, все время, пока удерживается благоприятная конъюнктура, повышается прибыль банка от комиссионных, которые он получает как посредник в оборотном кредите; повышается прибыль денежно-торгового капитала, потому что расширяются платежные операции производительных капиталистов, и прежде всего с повышением уровня процента повышается доля банковского капитала, во-первых, в прибыли производительных капиталистов за счет предпринимательской прибыли и, во-вторых, в прибыли спекулянтов за счет дифференциальной прибыли. Чем выше уровень процента, тем выше и доля финансового капитала в плодах высокой конъюнктуры. Следовательно, пока продолжается подъем, растет доля денежного капитала в прибыли производительного капитала.

Мы видели дальше, как с момента, когда оборотный кредит достигает своей максимальной границы, в ходе конъюнктуры предъявляется все возрастающий спрос на банковый кредит. Спрос на него возрастает потому, что расширение производства означает расширение обращения и требует возросшего количества средств обращения. Таким образом, банковые резервы все больше исчерпываются, а это в конце концов отражается на центральном эмиссионном банке. В самом деле, замедление сбыта означает замедление в обращении векселей, следовательно, сокращение оборотного кредита, которое должно быть компенсировано банковым кредитом. Но процесс развития диспропорциональности со всеми его последствиями идет дальше, и его воздействие на банковый кредит обостряется растущими требованиями спекуляции. Таким образом, постепенно наступает напряжение банкового кредита

вплоть до того момента, когда банки уже не в состоянии дальше расширять кредит, потому что это слишком сократило бы их резервы. Обращение, раз его уже невозможно расширить посредством кредита, требует теперь наличных денег; они будут в возрастающей массе приливать в обращение, резервы начнут сокращаться, что заставит банки еще больше ограничить кредитование. Но это ограничение для промышленности равносильно тому, что она уже не может уравнивать нарушения, вытекающие из диспропорциональности, так как у нее уже нет в распоряжении необходимого для этого денежного капитала. Она должна распродавать товары, чтобы получить средства платежа, которых уже не может достать при помощи кредита. Начинается падение цен. Но в основу кредитных сделок был положен прежний уровень цен. Понижение цен означает, что выручкой от товара не может быть оплачен тот вексель, который выдан за этот товар. Спрос, вытекающий из необходимости платежа, возникает в тот самый момент, когда предложение ограничивается. В самом деле, оборотный кредит быстро уменьшается, потому что падение цен обесценивает векселя и сокращает поступления по векселям. В то же время не может быть расширен и банковый кредит, потому что понижение цен ставит под вопрос надежность и платежеспособность производительных капиталистов. Таким образом, спрос на платежи приводит к невозможности их удовлетворения. Напряжение кредита повышается до крайних пределов. Мало того, что процент достиг максимального уровня, вообще невозможно получить какой бы то ни было кредит, так как потрясение кредита приводит к тому, что все, кто располагают наличными деньгами, резервируют их для собственных платежей. Существует только один способ получить средства платежа — это превращение товара в деньги. Каждый хочет продать, но именно поэтому никто не хочет покупать. Цены рушатся скачками, но товары остаются непроданными. Приостановка сбыта принимает абсолютный характер, но тем самым оборотный кредит уничтожается; как ни сильно сократилось обращение, еще сильнее сокращается количество средств обращения устранением кредитных денег; на место кредитных денег должны выступить наличные деньги; спрос на средства платежа превращается в бурный спрос на наличные деньги.

К каким последствиям поведет этот спрос, зависит от конкретных условий. Крушение товарных цен тяжелее всего поражает платежеспособность промышленников, и потому делает сомнительным возврат банкового кредита. Если банк закрепил свои средства в кредитах неплатежеспособным промышленникам, то их банкротство влечет за собой банкротство банка. Внезапно уничтожается тот кредит, которым банк пользовался в форме депозитов или когда принимали выпу-

скаемые им банкноты. Кассы банка подвергаются натиску; требуется выдача депозитов наличными, между тем как лишь минимум их не выдан в качестве ссуд. Вклады пропали, и паника может распространиться отсюда на другие банки и принудить их один за другим к закрытию своих касс. *Банковый кризис* разразился. Крушение кредитной системы, поворот к монетарной системе, как показывает это Маркс, приводит к тому, что единственным средством обращения теперь являются уже только наличные деньги. Но количество наличных денег недостаточно для потребностей обращения, тем более что одновременно вследствие паники масса наличных денег идет на образование сокровища. Следствием является возникновение лажа на наличные деньги; собственная стоимость денег (конечно, и при золотой валюте, как вновь показал, между прочим, последний американский кризис) исчезает, и курс денег определяется общественно необходимой стоимостью обращения.

Обширная полоса развития пролегает между функциями денег как средства обращения и платежа и функцией в качестве ссудного капитала.

Деньги в их блистающей золотой форме — первая пламенная любовь молодого капитализма. Меркантилистская теория — его любовное послание. Это — сильная и великая страсть, просветленная всем сиянием романтики. Чтобы добиться обладания своей вожаделенной возлюбленной, он совершает всевозможные героические деяния, открывает новые части света, ведет все новые и новые войны, создает современное государство и в своем романтическом экстазе уничтожает основу всякой романтики — средневековье. Он входит в годы и в разум. Классическая теория учит его презрению к романтической внешности; он старается устроить солидный уют в своем собственном доме. в капиталистической фабрике. С ужасом взирает он на преисполненные жертв ошибки своей молодости, когда он презирал домашнее счастье. Рикардо раскрывает перед ним весь вред его дорогостоящих ухаживаний за золотом. Вместе с ним он жалуется на непроизводительность «high price of bullion» [высокая цена слитков]. Теперь он пишет возлюбленной свои отказы на бумаге — на банковых билетах и векселях. Правда, он старается удержать за собой известные права, и школа Сиггенсу требует от скромной бумаги, чтобы она в своем поведении сообразовалась со своей блестящей предшественницей. И чем более стареет он, тем утонченнее становятся его потребности. Он насладился своей юностью, расточительная и сильная страсть уже не в его вкусе; мистический трепет охватывает его: только вера дает ему покой. Джон Лоу возвещает новое евангелие: пресыщенный презирает плоть и ищет прибежища в духе. Еще раз он переживает приступ высочайшего блаженства. И вдруг его, хра-

нившего долгое воздержание, потрясает старое желание. Внезапно исчезает упование на возможность удовлетворения одной только верой. Жадно стремится он удостовериться, сохранилась ли его старая сила. Кредит трещит по всем швам, и, внезапно покинутый, отчаиваясь, он возвращается к своей первой любви — к золоту. Сотрясаемый лихорадкой кризиса, он не считает никакую жертву слишком большой, для того чтобы возратить возлюбленную. Он уже думал, что освободился от ее чар, но, пережив страшнейшее разочарование, потрясенный паникой, он, с содроганием убеждается в своей зависимости. Однако это — спасительные кризисы. Мало-помалу он учится постигать характер той, что нагоняет на него ужас, хотя он не может отделаться от своей привязанности к ней. Конечно, он оставляет тщетное стремление отречься от нее, ревнивее, чем когда-либо раньше, старается удержать ее и в особенности положить конец ее опасной склонности к путешествиям за границу. Однако его власть укрепляется все больше, все меньше позволяет он связать себя золотыми цепями. Некогда столь требовательная возлюбленная приучается к скромности и, наконец, довольствуется ролью резерва на тот случай, если новые разочарования заставят неисправимого искать у нее прибежища. А если иногда ее требовательность и растет, если по временам она отказывает во всякой помощи, то это продолжается недолго, и прежнее положение восстанавливается снова. Единодержавие окончательно утрачено золотом...

Но *денежный кризис* не представляется абсолютной необходимостью в развитии кризиса: его может и не быть. И во время кризиса товарообмен продолжается, хотя и чрезвычайно сокращаясь. В этих размерах может продолжаться и обращение, обслуживаемое кредитными деньгами, тем более что кризис не захватывает непременно всех отраслей производства одновременно и с одинаковой силой. Напротив, приостановка сбыта доходит до крайних пределов, когда она осложняется банковым и денежным кризисами. Но если для нужд обращения предоставляются необходимые кредитные деньги, то можно и избежать денежного кризиса: банк, кредит которого остался непоколебленным, ссужает кредитные деньги промышленникам под обеспечение. И в действительности денежных кризисов удавалось избежать, если оказывалось возможным такое расширение средств обращения. Денежные кризисы постоянно возникали только в том случае, если банкам, кредит которых не пострадал, препятствовали предоставлять необходимые кредитные деньги. Так было в Англии 1847 и 1857 гг.: начинавшийся денежный кризис был устранен приостановкой банкового акта, который совершенно произвольно ограничивал выпуск банковых билетов, т. е. количество кредитных денег, суммой золотого запаса плюс 14 млн. ф. ст.

В Америке, где закон в еще более сумасбродной форме тормозит обращение кредитных денег как раз тогда, когда оно всего более необходимо, денежный кризис 1907 г. достиг классического завершения.

Если рассматривать явления на национальном рынке, то окажется, что уменьшение запаса наличных денег происходит не только вследствие их отлива в сферу внутреннего обращения, но также и вследствие отлива за границу. Мы видели, что для уравнивания международного платежного баланса золото функционирует в качестве мировых денег. Можно указать тенденции, которые действуют в том направлении, что в стране, где благоприятная конъюнктура достигла наивысшего расцвета и, следовательно, ближе всего надвинулся кризис, платежный баланс ухудшается. Цены, сопутствующие высокой конъюнктуре, поощряют ввоз товаров и повышают его далеко за нормальный уровень, между тем как экспортная деятельность — ведь поглотительная способность внутреннего рынка все еще кажется значительной — не возрастает в таком же объеме, а для некоторых важных экспортных товаров, как руда, каменный уголь и проч., может последовать и сильное абсолютное сокращение вывоза.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что в высокоразвитых капиталистических странах в импорте преобладают продукты природы, предметы потребления и сырье, в экспорте — промышленные фабрикаты. Первые в несравненно большей мере являются объектом спекуляции. Это, не говоря уже о других обстоятельствах, обуславливает то, что здесь несравненно большую роль играет торговля, а вместе с тем состояние рынка труднее поддается учету. Поэтому чрезмерный импорт возможен в несравненно большей степени и в более крупных размерах, чем чрезмерный экспорт. Торговый баланс, т. е. важнейший элемент платежного баланса, ухудшается и требует для уравнивания большего количества золота.

Иначе складываются отношения на денежном рынке. Во-первых, в той стране, где высокая конъюнктура достигает наиболее полного расцвета, уровень процента наивысший. Следовательно, там находит себе длительное или преходящее помещение большое количество иностранных денег. Во-вторых, наивысшего расцвета достигает там спекуляция с ценными бумагами, а также с товарами, поскольку дело идет о биржевой спекуляции, и привлекает спекулянтов из-за границы; значит, и для этой цели, для покупки бумаг, в эту страну притекут значительные денежные суммы из-за границы. Какой конкретный вид получит платежный баланс, это каждый раз зависит от кредитных отношений международного торгового обмена. Англия, в которой кризисам обычно предшествует сильный отлив золота, оказывает сравнительно большой

кредит для оплаты экспортируемых товаров, а сама лишь в небольшой степени пользуется кредитом для оплаты импортируемых ею товаров. Это еще более увеличивает то несоответствие, которое, как мы видели, обычно проявляется в торговом балансе.

Уже одного ухудшения торгового баланса достаточно для того, чтобы вызвать отлив золота; а в момент наивысшего напряжения кредита всякое уменьшение золотого запаса вызывает тревогу, еще больше повышает уровень процента, расшатывает доверие, в первую очередь ограничивает спекуляцию и, таким образом, может послужить толчком к биржевому кризису. Влияние ухудшения торгового баланса может еще усиливаться сдвигами в платежном балансе. Высокая конъюнктура — интернациональное явление, хотя в различных странах оно обнаруживает различные степени и оттенки в своей интенсивности и временные различия в своем ходе. Предположим, что высокая конъюнктура прежде всего установилась в Соединенных Штатах и достигла там своего зенита, между тем как в Англии она лишь приближается к своему высшему пункту. Относительно высокие процентные ставки и сравнительно сильная спекуляция привлекли в Америку много английского капитала. Но теперь и в Англии все настоятельнее становятся требования, предъявляемые к денежному рынку, здесь тоже процент и спекуляция достигают высокого уровня. Поэтому деньги, которые до того времени размещались на американском денежном рынке, теперь извлекаются оттуда и размещаются в Англии как раз в момент, когда торговый баланс Америки ухудшился. Таким образом, отлив золота усиливается и приводит в Америке к ограничению кредита, а следовательно, к наступлению биржевого кризиса. Биржевой кризис, предшественник торгового кризиса, в свою очередь еще больше ухудшает платежный баланс. Иностранные денежные капиталы, вложенные в спекуляцию, немедленно извлекаются, — разумеется, те, которые можно извлечь, значит, те, которые не вложены в ценные бумаги, а нашли применение в репортных и ломбардных операциях. В начале кризиса иностранные спекулянты тоже стараются отделаться от понижающихся в курсе бумаг и к продажам с их стороны присоединяются принудительные распродажи со стороны тех, чья спекуляция на повышение лопнула. Поскольку за граница участвовала в этом, продажа ценных бумаг ухудшает платежный баланс.

Но одновременно вступают в дело и другие факторы, которые могли бы создать поворот. Биржевой кризис и, быть может, следующий за ним банковый кризис означают сильное потрясение кредита. Уровень процента поднимается чрезвычайно высоко и вызывает приток иностранного денежного капитала. Обесценение фондов таково, что иностранные капи-

талисты считают выгодным делом скупать их, и сильный экспорт ценных бумаг в свою очередь улучшает платежный баланс. Потрясение кредита кладет конец товарной спекуляции, скоро обнаруживается, что внутренний рынок переполнен, цены падают, начинается торговый кризис, импорт останавливается, между тем как экспорт — пока это допускает состояние иностранного рынка, где кризис еще не начался, — форсируется с целью добыть средства платежа¹. Начинаются банкротства. Но поскольку банкротства разражаются над теми импортерами, которые должны произвести иностранным промышленникам платежи за ввезенные товары, банкротство зачеркивает такие платежи и постольку улучшает национальный платежный баланс². Таким образом, за более или менее продолжительное время перед кризисом, в зависимости от конкретных обстоятельств, вывоз золота прекращается, чтобы во время кризиса и после него уступить место притоку золота. Следовательно, в этот период кризиса смена ввоза и вывоза золота отмечает в то же время смену арены, на которой разыгрываются действия кризиса.

Усиленный отлив золота непременно произведет свое действие на уровень процента в такой момент, когда по причине уже сложившихся отношений диспропорциональности оборотный кредит не в состоянии расширяться в соответствии с потребностями обращения. Но конкретные формы этого действия находятся в очень большой зависимости от банковского законодательства. Существо ошибочного банковского законодательства заключается в том, что оно насильственно ограничивает расширение оборотного кредита и не позволяет ему достигнуть той рациональной границы, которая определяется экономическими законами. Оно делает это тем, что насильственно устанавливает какую-либо пропорцию между оборотным кредитом и такими величинами стоимости, с которыми он по своей экономической природе не имеет в действительности решительно ничего общего. Мы знаем, что банкнота есть не что иное, как превращенная форма векселя, а вексель — не что иное, как денежная форма товарной стоимости. И вот количество банкнот регламентируется в определенной пропорции не к векселям, т. е. в последнем счете не к тем товарным стоимостям, которые находятся в обращении, что могло бы достигаться строгим проведением так называемого

¹ Так, во время последнего американского денежного кризиса экспорт хлопка и хлеба в Европу форсировался из всех сил, чтобы привлечь золото из Европы.

² Это, конечно, старое наблюдение. Один не названный по имени «Continental Merchant» выказал это уже перед членами знаменитого Bullion Committee (1810 г.): «В действительности я знаю только два средства для того, чтобы ликвидировать неблагоприятный торговый баланс: или отправка золота, или банкротство» («Report», p. 101).

банкового покрытия банкнот; нет, устанавливается определенное отношение к металлическому запасу, как в Англии, или даже к облигациям государственных займов, как в Соединенных Штатах, где бессмысленность достигла своего зенита и долги считаются наилучшим обеспечением кредита,— бессмысленность, объясняемая превратной формой фиктивного капитала. Таким образом, искусственно ограничивается предложение ссудного капитала, что, разумеется, должно оказать немедленное влияние на уровень процента. В Англии, где количество банковых билетов фиксировано законом, и потому потребности обращения могут удовлетворяться лишь металлическими деньгами (потому что каждая банкнота сверх 14 млн. ф. ст.¹ является просто представителем золота, хранящегося в подвалах банка, следовательно, экономически представляет действительное золото), всякий сколько-нибудь сильный отлив золота превращается поэтому в непосредственную угрозу для обращения. По мере того как отливает золото, например, для оплаты ввоза хлеба, возросшего вследствие неурожая в Англии, банк уже не может превратить такое же количество векселей в свои банкноты, хотя отношения остаются еще вполне здоровыми, и кредит не испытывает потрясений. Поэтому при всяком отливе золота, хотя бы оно очевидно носило лишь временный характер, банк для защиты своего золотого запаса должен немедленно повышать уровень процента и, таким образом, удорожать кредит,— мера, которая, кстати сказать, повышает прибыль ссудного капитала, а потому и прибыль самого банка за счет предпринимательской прибыли. Далее, благодаря этим ограничениям становится сомнительной конвертабельность векселей в банкноты, т. е. в узаконенное, а если даже и не в узаконенное, то все же во всеобщее признанное средство платежа. Таким образом, насильственно стесняется обращение кредитных денег, которого требует рост обращения, хотя состояние производства не дает для этого ни малейшего повода; тем самым при известных обстоятельствах искусственно создается полный разрыв в обращении кредитных денег со всеми его последствиями — с денежным и банковым кризисом. И все это в угоду ложной теории, претворение которой в практику доставляет ссудному капиталу выгоды, которые отнюдь не носят чисто теоретического характера.

Еще более несуразны отношения в Америке, где расширение обращения банкнот возможно лишь путем расширения покупок государственных долговых обязательств банками. Так как количество их ограничено, то повышенный спрос немедленно ведет к чрезвычайному росту курса, так что даже

¹ Так было в эпоху Пиля. В настоящее время сумма билетов без покрытия может составить до 18,5 млн.

при высоком проценте выпуск банкнот становится для банков невыгодным. К тому же раз государственные займы не покупаются банками, а потому и обращение банковых билетов не расширяется, это приводит к необыкновенному повышению процента; последнее не только обеспечивает банкам и банкирам чрезвычайные прибыли, но и вообще превращает их в хозяев денежного рынка, обеспечивает им диктатуру не только над спекуляцией и биржей, но при посредстве акционерного дела и кредита и над промышленностью. В этом, между прочим, одна из причин, почему американские биржи приобрели такое колоссальное значение в деле концентрации собственности в руках немногих денежных капиталистов. Если бы это банковое законодательство сохранилось, то погашение государственного долга означало бы для Соединенных Штатов полное разрушение обращения банкнот: сумасбродство, в котором, однако, есть метод, превосходный метод делания денег для ссудного капитала. Отсюда успешное сопротивление всем попыткам оздоровления.

На практике оказалось возможным до известной степени переносить ограничения, налагаемые банковым законодательством. Но только потому, что — отчасти по причине того же законодательства — в Англии и Америке, где ограничения как раз наиболее сильны и вредны, обращение банкнот ограничивается созданием иных форм кредитных денег, удовлетворяющих потребностям обращения; разумеется, это делает законодательные постановления не столь ощутительными. В этой связи следует отметить клиринговые и чековые операции. Клиринговые операции приводят к непосредственной компенсации векселей, которые в том объеме, в каком они компенсируются, выполняют функции денег, следовательно, не нуждаются в превращении в банковые билеты. Ту же роль играет и чек. Чек — это требование на возврат собственного вклада. Но этого вклада в действительности уже не существует, так как банк отдал его в ссуду. Если я произвожу платеж чеком на этот несуществующий вклад, получается то же, как если бы я уплатил банковым билетом, который также не имеет металлического покрытия и в основе которого, как и отданных в ссуду вкладов, также лежит только банковое обеспечение. Экономическое содержание здесь одинаковое, хотя форма, которую, к счастью, только и видят банковые законодатели, кажется столь различной. К этим средствам экономии в обращении банкнот — а как раз то обстоятельство, что одни формы кредитных денег могут заменяться другими, доказывает тождество их существа — в Англии присоединяется еще уверенность, что пресловутый банковый закон будет немедленно приостановлен в тот самый момент, когда будет угрожать опасность, что он превратится в действительность.

Действие законодательства о банкнотах может также ослабить, а при известных обстоятельствах совершенно уничтожить те тенденции, которые находят свое выражение в изменениях платежного баланса во время кризиса. Мы видели, что изменения платежного баланса постоянно разыгрываются на той основе, которая задана состоянием торгового баланса. Последний в свою очередь зависит, во-первых, от естественных условий производства и, во-вторых, от уровня и зрелости экономического развития. У страны старого экономического развития с чрезвычайно выраженным чисто промышленным складом, с преобладанием экспорта средств производства и относительно слабым производством сырья будет пассивный торговый баланс. Англия только в том случае могла бы сильно развивать свой экспорт средств производства, если бы она — первая страна развитого капиталистического производства — экспортировала свои средства производства не просто как товары, но и как капитал, т. е. не продавала бы средства производства за границе, но отправляла бы их за границу в качестве своих собственных капиталовложений; так, например, если бы Англия предоставила Южной Америке железнодорожный заем и если бы южноамериканцы употребили выручку от займа на покупку машин, локомотивов и т. д. из Англии. Такой экспорт, являясь вместе с тем и экспортом капитала, становится независимым от одновременного импорта товаров. Если бы дело шло о простом товарном экспорте, то Южная Америка, например, могла бы длительное время получать средства производства из Англии лишь при условии, что она оплачивала бы их собственными товарами. Ведь Южная Америка не накопила достаточного количества денег, для того чтобы оплачивать средства производства в таком объеме исключительно из своих металлических запасов. В действительности большая часть международной торговли представляет простой товарообмен, и в этих пределах происходит взаимное уравнивание платежей. Когда же товары экспортируются как капитал, объем экспорта становится независимым от товарного производства еще неразвитой страны. Он находит свои границы, с одной стороны, лишь в возможности ее капиталистического развития, а с другой стороны — в накоплении капитала, избытке производительного капитала в развитой стране. Именно это и является основой быстрого распространения капитализма. Таким образом, наиболее развитые капиталистические страны, с одной стороны, увеличивают свое промышленное производство, а с другой — свой экспорт далеко за пределы импорта из неразвитых стран. Отсюда пассивный торговый баланс, которому, однако, соответствует активный платежный баланс, так как эти страны постоянно получают платежи, прибыль на вывезенный капитал.

Тенденции, которыми определяется ввоз и вывоз золота, обнаруживают свое действие в зависимости от конкретных количественных соотношений торгового и платежного баланса. Если в Соединенных Штатах далеко не так регулярно, как при прежних кризисах в Англии, обнаруживается отлив золота, то здесь в основном действуют два различных момента. Во-первых, препятствия развитию оборотного кредита, вытекающие из законодательства о банкнотах. Так как благодаря этому процент в Америке поднимается выше европейского уровня, ибо сильно суженный оборотный кредит становится здесь недостаточным, то Америка постоянно привлекает к себе европейский денежный капитал, и уже целиком от напряжения кредита в Европе зависит, удастся ли во время высокой конъюнктуры вновь возвратить этот денежный капитал в Европу и вызвать отлив золота из Америки.

Во-вторых, модифицирующее действие может оказать общий характер американского торгового баланса. Америка — страна с преобладающим экспортом сырья. При условии хорошего урожая американский торговый баланс чрезвычайно улучшается как раз во время высокой конъюнктуры, так как цены, например, хлопка, меди, а возможно и зерна повышаются. Это улучшение торгового баланса может ослабить, уничтожить или отодвинуть на какой-либо более поздний срок действие тех тенденций, которые ведут к началу отлива золота, а вместе с тем и наступление кризиса; для последнего, впрочем, отлив золота отнюдь не является *conditio sine qua non* [непременное условие].

В этой связи следует еще подчеркнуть, что способность национальных банков противодействовать отливу золота совершенно различна в зависимости от тех причин, по которым золото требуется для целей экспорта. Если, например, в Берлине установлен банковый дисконт из 5%, в Париже — из 3%, то для французских банкирских домов это послужит мотивом перевести деньги из Франции в Германию, чтобы использовать высокий уровень процента. То же произойдет в случае, если, например, в Берлине господствует оживленная биржевая спекуляция, в которой захотят принять участие французские фирмы. Такие передвижения золота возникают не в силу принудительной экономической необходимости; здесь дело сводится к произвольным в известном смысле движениям денежного капитала. Сами по себе эти капиталы могли бы остаться и во Франции, если бы они удовлетворялись пониженным уровнем процента или пониженной биржевой прибылью. Поэтому таким движениям золота можно воспрепятствовать надлежащими мерами в области банковской политики. Наиболее простая из них заключается в том, что денежные суммы удерживаются в стране посредством повышения процента, т. е. повышения банкового дисконта. В то

же время это приводит к уравниванию процентных ставок. Банк может и прямо воспрепятствовать такому отливу золота, стоит только отказать в размене на золото. У Австро-Венгерского банка, в котором размен приостановлен, имеется на это и законное право. Французский банк, который имеет право производить платежи и серебром, тоже может отказывать в платежах золотом, между прочим, в такой форме, что он применяет свое право начислять премию на золото¹. Удорожая таким образом золото, он ликвидирует выгоду от разницы процента и устраняет тем самым и стремление к вывозу золота. В распоряжении Английского банка и Германского имперского банка нет столь прямых способов, однако последний при напряженном состоянии денежного рынка старается хотя бы косвенным давлением на экспортеров золота ограничить его вывоз: политика, вообще говоря, вполне рациональная с точки зрения национального народного хозяйства, если только она ограничивается этими случаями экспорта золота. В то же время фактическое ограничение свободы передвижения денежного капитала или отлива золота является одной из причин, препятствующих нивелированию национальных ставок процента к одному уровню.

Совершенно иначе обстоит дело в том случае, если, например, в Германском имперском банке спрос на золото возникает потому, что немцам приходится оплатить в Англии товары или ценные бумаги. Немцы прежде всего купят на берлинской бирже вексель в фунтах стерлингов, но если вексельный курс поднимается выше паритета, то они захотят произвести платежи золотом. Если же Имперский банк откажет им в выдаче золота, то германским должникам, которым ведь необходимо уплатить, придется снова добывать стерлинговые векселя, иначе они будут объявлены банкротами. Их спрос поднимает вексельный курс выше паритета, что было бы равносильно обесценению германской валюты, а воспрепятствовать этому — главная задача банковской политики.

Итак, можно воспрепятствовать тому отливу золота, который вытекает из чисто финансовых сделок; тогда эти финансовые сделки не могут состояться. Напротив, не подвергаясь опасности обесценения валюты, невозможно воспрепятствовать отливу золота, который становится необходимым для уравнивания уже принятых обязательств, вытекающих из операций с товарами или ценными бумагами.

¹ «Французский банк очень часто, когда у него берут деньги, взимает премию, которая при большом спросе за границу повышается до 8, даже до 10 промилей, а так как за граница требует только золото, то дисконтер должен присчитать эту сумму к местному дисконту. В общем, можно с уверенностью сказать, что при высоких дисконтных ставках за границей и значительно более низком учете в Париже премия на золото будет взиматься. При 5 промилях для трехмесячного векселя она повысит ставку на 2½ годовых» (*Sartorius, op. cit., S. 263*).

**ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ
ВО ВРЕМЯ ДЕПРЕССИИ**

Если мы обратимся к процессам накопления после кризиса, то окажется прежде всего, что в следующий период воспроизводства оно совершается в более узком масштабе. Общественное производство претерпевает сокращение. Вследствие «солидарности отраслей производства» безразлично, разразится ли перепроизводство в той или иной сфере. Перепроизводство в ведущих сферах означает всеобщее перепроизводство. В это время нет места производительному накоплению, нет возрастания той прибыли, которая превращалась бы обратно в капитал, нет возрастающего применения средств производства. Значит, производительное накопление исчезло. Но как обстоит дело с накоплением индивидуальных капиталистов и в отдельных сферах промышленности? Производство ведь продолжается, хотя и в сокращенном масштабе. Верно также, что значительное количество предприятий и прежде всего технически наиболее производительных в отдельных отраслях, а затем в сферах, производящих безусловно необходимые средства существования, потребление которых не может быть сокращено сколько-нибудь сильно, работают с прибылью. Часть этой прибыли может быть накоплена. Но теперь норма прибыли понизилась, а потому понизилась и норма накопления. Точно так же сократилась масса прибыли, а это тоже понижает возможность накопления. Далее, если одна часть класса капиталистов извлекает прибыль, то другая терпит убытки, которые приходится, чтобы избежать банкротства, покрывать из дополнительного капитала. Но во время депрессии действительное производство не расширяется. Следовательно, если накопление и происходит, то это может быть накоплением лишь в денежной форме. Куда же направляются деньги накапливающих капиталистов?

Напомним еще раз схему воспроизводства:

- I. $4000c + 1000v + 1000m = 6000$
- II. $2000c + 500v + 500m = 3000$

Это было бы производство, уже сократившееся вследствие кризиса. Но капиталисты производят не деньги, а товары. Чтобы получить в руки деньги, и притом в большем количестве, чем те суммы, которыми они уже располагали, ибо иначе ведь не было бы накопления денег, они должны превратить товары в деньги, но воздержаться от обратного превращения денег в товары. Если, например, II хочет из своих 500 m нако-

гить 250, он должен продать средства существования (притом одни члены подразделения II должны продать другим членам того же подразделения, потому что обороты II m совершаются внутри подразделения II), не покупая после этого у других членов подразделения их товары; следовательно, в подразделении II остаются непроданными 250 m. Если одним продажа удастся, то другие остаются сидеть на своих товарах. Тогда совершается перераспределение денежного капитала; продавцы получают деньги от покупателей; но к покупателям эти деньги не возвращаются, потому что они не могут продать на 250 своих товаров.

Тот же результат получится, если мы предположим, что капиталисты из группы I накаплиют половину своей прибавочной стоимости. В таком случае они могут $1000 v + 500 m$, имеющие форму средств производства, продать II c. Последние уплачивают за это 1500 деньгами. Но так как I m покупает теперь средств существования не на 2000, а удерживает 500 в денежной форме, то II c может продать теперь только 1500. Следовательно, 500 остается у него в средствах существования, и денег у него окажется меньше на те 500, которые остались накопленными в руках I. Но если II c не авансирует 1000 деньгами на покупку средств производства, если мы представим, напротив, что процесс начинает I, то I купит на 1500 средства существования, II купит на эти 1500 деньгами средства производства и для I останутся нераспроданными 500 в средствах производства; его надежда на накопление не реализовалась. Подразделение II еще больше ограничивает производство, начинает воспроизводство, имея 1500 c и соответственно сокращает свой переменный капитал. Если раньше у него было 2000 в деньгах, для того чтобы обслужить оборот с I c, то теперь он применяет всего 1500, между тем как 500, функционировавшие раньше в качестве денежного капитала, остаются бездеятельными. К этому присоединяется сокращение и той суммы денег, которая авансировалась в качестве переменного капитала.

Таким образом, оказывается, что *чисто денежное накопление в общественном масштабе невозможно*, если мы предположим производство сократившееся или неизменное. Здесь может совершаться только *индивидуальное* накопление. Но оно означает, что накопление одних представляет собой лишь изменение в распределении денежного капитала других, изменение, которое, однако, в свою очередь должно повести к новым нарушениям воспроизводства. Положение несколько не изменится, если мы обратимся к классу самих производителей золота. Конечно, здесь возможно непосредственное накопление денег. Но оно находит свою границу непосредственно в величине той накапливаемой прибыли, которая получается в этой отрасли производства. На всю сумму накапли-

емых здесь денег непосредственно уменьшается сбыт других отраслей, так как деньги ведь накаплиются и удерживаются в форме сокровища. Как бы в общем ни учитывали мы этот фактор, количественно он слишком незначителен, для того чтобы означать всеобщее накопление.

Кредит ничего не изменяет в этих отношениях: $2000 I (m+v)$ должны быть проданы за $2000 IIc$. Но накопление денег получилось бы в том случае, если бы I продал 2000 , но у II купил бы только 1500 . Обслуживаются ли эти обороты кредитом или нет, I может накопить 500 в деньгах, или в кредитных деньгах или в свидетельстве на доход с будущего производства лишь при том условии, если II покупает у I 2000 . Но II может купить 2000 лишь в том случае, если он уплачивает за них своими товарами, что, согласно нашему предположению, невозможно, или же уплачивает из своего денежного резервного фонда, причем тогда накапливает только то, что теряет II . Значит, неверно, будто в период депрессии бездеятельный капитал состоит из денежного капитала, накопленного в денежной или кредитной форме. Состоит он в действительности из *денежного капитала, высвободившегося* вследствие ограничения производства; раньше он обслуживал обращение, при сокращении же производства сделался излишним. Его бездеятельное состояние соответствует бездеятельному состоянию производственного капитала. Вследствие ограничения производства производительные силы используются лишь частично. Вновь произведенный постоянный капитал лежит на складах и не находит применения в производстве. Денежный капитал и возможности существующей кредитной организации сделались слишком обширными по сравнению с сократившимся оборотом, денежный капитал празднично лежит в банках и ожидает применения, предпосылкой которого является расширение производства.

Кстати сказать, странно представление тех теоретиков кризисов, которые указывают именно на бездеятельность денежного капитала как на сильнейшее побуждение к расширению воспроизводства¹. Как будто бы простой машин с его опасностью материального и морального снашивания, менее энергичное использование основного капитала вообще, означающие не только отсутствие прибыли, но и постоянный убыток, не были бы несравненно более сильным побуждением к расширению производства, чем понижение процента на денежный капитал. Дело заключается не в том, усиливается ли после кризиса под влиянием изобилия денег побуждение к накоплению, а в том, возможно ли в объективном смысле

¹ В это искушение, вытекающее из самих экономических явлений, впал не только Луган Барановский, но даже и Отто Бауэр в своем столь остроумном и богатом мыслями изложении теории кризисов Маркса («Neue Zeit», XXIII, I, S. 133 и след.).

расширение воспроизводства или же нет. Обычно немедленно после кризиса наступает большое изобилие денег, и, несмотря на это, могут пройти целые годы, прежде чем полностью наступит промышленный подъем¹.

В высшей степени забавно наблюдать, как в буржуазной прессе мнения писателей по вопросам торговли меняются с каждым поворотом явлений конъюнктуры. В германских газетах последний кризис сводился почти исключительно к дороговизне денег или к недостатку денежного капитала. Теперь, когда, несмотря на интернациональное изобилие денег, депрессия продолжается, мало-помалу приходят к открытию, что процветание зависит не только от состояния денежного рынка².

Ошибочные воззрения на причины изобилия денег во время депрессии и на значение его для преодоления депрессии основываются в последнем счете на том, что за формальными экономическими определениями не замечают те материальные факторы общественного производства, которые раскрыл анализ Маркса во II томе «Капитала». Опираются только экономическими понятиями: капитал, прибыль, накопление и т. д., и думают, будто нашли разрешение проблемы, раз удалось показать те количественные отношения, на основе которых возможно простое и расширенное воспроизводство или же, напротив, должны наступить нарушения. При этом не замечают, что этим количественным отношениям должны соответствовать и качественные условия; что противостоят друг другу не только известные суммы стоимости, которые взаимно соизмеримы с самого начала, но и потребительные стоимости определенного вида, которым предстоит выполнить вполне определенные функции в производстве и потреблении; что при анализе процесса воспроизводства противостоят друг другу не просто части капитала вообще, так что излишек или недостаток промышленного капитала можно «уравнять» соответствующей частью денежного капитала, и что противостоят друг другу

¹ Так было, например, в период депрессии после 1890 г. Весь 1893 г. характеризовался чрезвычайно изобильным предложением денег и низким процентом. В конце февраля 1894 г. банковый дисконт в Лондоне составлял 2%, частный дисконт в середине марта — 1%. В середине января 1895 г. частный дисконт в Лондоне составлял 1 1/2 — 7 8%. Несмотря на продолжительное и необычайно большое изобилие денег, подъем начался лишь во второй половине 1895 г.

² Вообще в последнее время в связи с пренебрежением теоретическим анализом сильно распространяется другое дурное обыкновение: из нескольких наблюдений, охватывающих немногие годы, делаются общие выводы, и явления одной частичной фазы какого-нибудь промышленного цикла, в лучшем случае явления одного определенного цикла, характеризующегося своеобразными особенностями, возводятся на степень всеобщих «законов». Другие отказываются от всякого общего познания и утешаются житейской мудростью *qui vivit, verrat* [поживем — увидим]. Они сознательно сводят экономическое познание к дешевому остроумию.

также не просто основной или оборотный капитал; совершенно не замечают, что здесь в то же время дело идет о машинах, сырье, рабочей силе совершенно определенного (технически определенного) вида и что они должны иметься в наличии как потребительные стоимости этого специфического вида; иначе нарушения будут неминуемы¹.

В действительности при кризисе мы видим, с одной стороны, бездействующий промышленный капитал: постройки, машины и т. д., а с другой стороны, бездействующий денежный капитал. Та самая причина, которая приводит к бездействию промышленный капитал, приводит к бездействию и денежный капитал, деньги не поступают в обращение, не функционируют как денежный капитал потому, что не функционирует промышленный капитал; деньги бездействуют потому, что бездействует промышленность; «Феникс» останавливает производство не потому, что у него недостает капитала (денежного) и вновь пускает его в ход не потому, что в распоряжении у него оказывается теперь в изобилии денежный капитал. Напротив, деньги оказываются в изобилии потому, что производство сократилось. «Недостаток» денежного капитала — просто симптом приостановки процесса обращения вследствие того, что уже наступило перепроизводство.

Кредит, во-первых, заменяет деньги в качестве средства обращения и, во-вторых, облегчает перенесение денег. Но теоретически можно пока абстрагироваться от него, представив себе просто, что имеется необходимое количество металла для чисто металлического обращения.

Почти всем современным теоретикам кризисов² свойственно стремление объяснять явления конъюнктуры, исходя из изменений уровня процента, вместо того чтобы, наоборот, явления на денежном рынке объяснять, исходя из условий производства. Причины этого найти нетрудно. Явления денежного

¹ До крайних пределов доведена эта путаница в теории кризисов Туган-Барановского. Она видит только специфически экономические формальные определения капиталистического производства и не замечает при этом естественные условия общие производству как таковому, какова бы ни была его историческая форма. Таким образом, теория эта приходит к странному представлению производства, которое существует только для производства, между тем как потребление представляет собой лишь обременительный придаток. Если это уже «безумие», то в нем, однако, имеется «метод», и притом марксистский: специфически марксистским является именно этот анализ исторических формальных особенностей капиталистического производства. Это — свихнувшийся марксизм, но все же марксизм, что делает теорию Тугана одновременно и столь странной, и столь возбуждающей мысль. Впрочем, сам Туган чувствует это, хотя и не сознает. Отсюда его столь ожесточенная полемика против «здорового смысла» противников.

² Впрочем, не только современным. «Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами». (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 639).

рынка лежат на поверхности, они ежедневно обсуждаются в газетах и оказывают определяющее влияние на ход дел на бирже и на спекуляцию. К тому же предложение ссудного капитала в каждый данный момент кажется и должно казаться вполне определенной величиной, ибо иначе оставалось бы необъяснимым, каким образом спрос и предложение могут определять процент. Обычно не видят, что предложение ссудного капитала зависит от состояния производства: во-первых, от его размеров и, во-вторых, от пропорциональности отраслей производства, которая оказывает определяющее влияние на время обращения товаров, а потому и на быстроту обращения кредитных денег; не видят этого точно так же, как и вообще функционального различия между оборотным кредитом и кредитом для капиталовложений (банковым), тем более что выпуск банкнот ведет к тому, что это различие выступает в замаскированной форме: всякий кредит с развитием банков кажется банковым кредитом. Но если это отличие не замечено, то развитие явлений на денежном рынке представляется в совершенно ином свете. Отношение зависимости, как представляется теперь, заключается просто в том, что расширение производства требует большего количества капитала. Капитал более или менее неосознанно отождествляется с денежным капиталом. Производство расширяется, спрос на денежный капитал растет, процент идет вверх. В конце концов наступает нехватка денежного капитала, высокий уровень процента приводит к тому, что промышленная прибыль исчезает, новые капиталовложения прекращаются и начинается кризис. Затем во время депрессии денежный капитал накапливается, вместо того чтобы немедленно превратиться в основной капитал — бессодержательное представление, ибо машины, доки, железные дороги производятся не из золота. Уровень процента падает, денежные капиталисты недовольны низким процентом и вновь начинают вкладывать деньги в производство; снова начинается подъем. Мы уже не говорим о той варварской мешанине, которая лежит в основе этого представления экономистов. Называя деньги, машины и рабочую силу капиталом, они заставляют один капитал, именно деньги, быстро превращаться в другой капитал, именно в машины и т. д. и в рабочую силу, или, как они иногда выражаются, оборотный капитал — в основной капитал. Но даже если не говорить об этом, остается то, что эта пресловутая «теория» совершенно не замечает, что и чисто арифметическое ее утверждение — бессмыслица. В развитых капиталистических странах уровень процента варьируется самое большое в пределах 5%, если мы будем исходить из колебания официальных дисконтных ставок между 2 и 7%; мы думаем, что и этот размах колебаний выходит за пределы экономически рациональной меры в результате ограничительного банковского законодательства или недостатков дисконтной политики.

К денежному капиталу производительные капиталисты обращаются для того, чтобы расширить производство; занятая ими стоимость, превращенная в производственный капитал, увеличивается, приносит прибыль. Уровень последней *ceteris paribus* [при прочих равных условиях] зависит от цен. Но колебания товарных цен в ходе конъюнктуры характеризуются совершенно иным размахом, чем 5%. Первый же взгляд на таблицу цен покажет, что здесь вовсе не редкость колебания в 50—100% и больше. Прибыли, конечно, не могут повыситься в такой же степени, потому что издержки производства увеличиваются. Но все же прибыль промышленников в период подъема и высокой конъюнктуры повышается несравненно больше, чем на 5%. Значит, уровень процента, равный 7, сам по себе не прекратил бы накопления, если бы прибыли промышленников не понижались по причинам иного порядка. Если бы, например, Рейнско-Вестфальский угольный синдикат смог продать всю свою добычу по ценам высокой конъюнктуры, он ни на минуту не колебался бы уплачивать за занятый капитал 10%, так как этот капитал составляет ведь только некоторую часть его капитала, и на эту часть, кроме процента, он получил бы еще предпринимательскую прибыль¹.

Странное представление, будто процент мало-помалу пожирает предпринимательскую прибыль, еще более упрочивается вследствие того абсолютного непонимания, до которого доведены теперь такие категории, как прибыль, предпринимательская прибыль, плата за надзор, процент, дивиденд и т. д. С распространением акционерного общества это непонимание еще более увеличилось. Дивиденд представляется процентом, но поразительно колеблющимся процентом по сравнению с ссудным процентом, фиксированным в каждый данный момент. Различие ссудного и производительного капитала теперь уже не представляется более различием капитала, приносящего процент, и капитала, производящего прибыль. Напрстив, тот и другой кажутся капиталом, приносящим процент, с той только разницей, что «текучий» капитал постоянно при-

¹ О том, что высокий процент еще не порождает кризиса, свидетельствует следующий пример. В 1864 г. у Англии был пассивный платежный баланс. Вследствие гражданской войны в Америке подвоз хлопка прекратился. Но зато увеличился ввоз хлопка из Ост-Индии и Египта, причем в следующих размерах: из Ост-Индии — с 15 млн. (1860 г.) до 52 млн. фунтов (1864 г.), из Египта — с 10 млн. почти до 20 млн. фунтов. Банк повысил дисконт, чтобы воспрепятствовать отливу металла. На протяжении 1864 г. учет колебался между 6 и 9%. Несмотря на это, кризис ограничился исключительно денежным рынком: на товарном рынке обнаружилось лишь незначительное падение товарных цен, но, «несмотря на такую высоту дисконтного процента, какая в прежнее время наблюдалась только во время крайней паники, торговля и промышленность Англии не испытывали больших потрясений». «Несмотря на продолжавшийся «хлопковый голод», английская торговля в течение всего этого времени была очень оживлена» *М. Туган Барановский*, цит. соч., стр. 123—124)

носит процент, определенный для каждого данного момента и ежедневно отмечаемый в бюллетенях биржи, между тем как «основной» капитал приносит процент, который узнается лишь по сообщению о величине дивиденда. Различие в надежности дохода сводят далее к различию «текучего», т. е. денежного капитала, и «основного», т. е. промышленного капитала. Раз таким образом смешиваются все качественные различия, нет ничего странного в том, что приходят к удивительнейшим представлениям о количественных различиях и воображают, будто колебания уровня процента дают достаточное объяснение механизма того, как совершается поворот конъюнктуры.

Глава двадцатая

ИЗМЕНЕНИЕ В ХАРАКТЕРЕ КРИЗИСОВ. КАРТЕЛИ И КРИЗИСЫ

Развитие капиталистического производства вносит известные изменения в формы проявления кризисов, к рассмотрению которых мы теперь и обратимся. При этом мы можем лишь сделать попытку наметить общие линии развития; выяснение же изменений в характере кризисов для каждой отдельной страны — это уже задача детального исторического исследования. Мы попытаемся здесь лишь раскрыть общее в особенном. Это тем труднее, что с развитием капитализма интернациональное переплетение экономических процессов становится все более тесным, а потому и в кризисах явления, происходящие в одной стране, со всеми особенностями, определяемыми стадией ее современного технического и организационного развития, оказывают обратное воздействие на кризис, развертывающийся в другой стране. Так, например, явления последнего европейского кризиса 1907 г. можно понять, лишь исходя из обратного влияния американского кризиса. Особенный характер американского кризиса, в котором с величайшей, уже давно не наблюдавшейся в Европе полнотой выступили явления денежного и банкового кризиса, привел к специфическим явлениям на европейских денежных рынках; и если бы не было этого обратного влияния, быть может, удалось бы избежать и некоторых частных особенностей и обостренного характера этих явлений.

С другой стороны, столь же невозможно из истории кризисов в одной единственной стране, например в Англии, вывести общие законы изменения характера кризисов; ведь капиталистический кризис — это явление мирового рынка, и чем дальше, тем в большей степени. Следовательно, кризисы в отдельной стране вследствие особенностей ее капиталистиче-

ского развития могут испытать определенные модификации, обобщение которых привело бы к ложным выводам¹.

Если мы хотим установить изменения, совершающиеся в явлениях кризиса, то мы должны вывести их из теоретического анализа. Только тогда у нас может быть уверенность, что перед нами не особенные явления, соответствующие лишь одной фазе капитализма, следовательно, в общем, быть может, случайные, а такие тенденции, которые возникают из самого существа капиталистического развития.

Капитализм начинает развиваться в обществе, в котором товарное производство занимает еще сравнительно скромное место. Только распространение капитализма ведет к тому, что товарное производство обобщается, складывается национальный и постоянно расширяющийся мировой рынок. С расширением рынка развиваются и те условия, при которых могут возникать кризисы. Пока капиталистическое производство возвышается над широким фундаментом производства для собственного потребления и по-ремесленному связанного, работающего на местный рынок, некапиталистического товарного производства, кризисы всей своей тяжестью обрушиваются только на капиталистическую надстройку. Значит, они обрушиваются на такие отрасли производства, сбыт которых может прекратиться почти совершенно, ибо то необходимое обращение, которое требуется для обмена веществ в обществе, обслуживается ремесленным производством, остаток же — производством для собственного потребления. Здесь, в сфере капиталистически организованного производства, кризис может принести величайшие опустошения; на некоторое время он может сделать сбыт совершенно невозможным, если только причины кризиса вообще настолько сильны, что они в состоянии парализовать производство; именно так, как мы еще увидим, обычно и бывает в этот период.

С развитием капиталистического производства ремесленное и работающее для собственного потребления производство в значительной мере уничтожается. Теперь кризис обрушивается на производство, способность которого к сокращению ограничивается необходимостью покрывать относительно и абсолютно возросшую долю общественного потребления. С поступательным ходом производства увеличивается и та доля, которую необходимо продолжать при любых условиях, и тем самым устраняется возможность почти полной приостановки процесса производства и обращения. Это сказывается в том, что относительно слабее затрагиваются кризисом те отрасли промышленности, которые служат потреблению, и за-

¹ Нам кажется, между прочим, что этой ошибки не всегда избегает Туган-Барановский в выводах из своего замечательного и правильного изложения истории английских кризисов.

трагиваются тем слабее, чем необходимее средства существования и чем, следовательно, меньше колебания в их потреблении.

Изменения в явлениях кризиса наступают также с прогрессом капиталистической концентрации. С увеличением размеров отдельного предприятия возрастает его способность к сопротивлению. Чем мельче производство, тем более вероятно, что крушение цен приведет его к полному банкротству. Мелкий предприниматель может потерять весь свой сбыт; крушение цен и приостановка сбыта делают невозможным превращение его товарного капитала в денежный капитал. Он не может выполнить своих платежных обязательств, так как он не располагает резервным капиталом и так как именно во время кризиса он не может получить никакого кредита. Таким образом, кризис приводит еще сохранившиеся мелкие капиталистические предприятия к массовому краху, к отказу в кредите, к массовому банкротству, приостановке платежей, краху банков и, следовательно, к панике. К этому присоединяется еще и то, что и технические различия здесь больше. Современным предприятиям противостоят еще старые производства, частично еще ремесленные или относящиеся к мануфактурному периоду, совершенно неспособные существовать при крушении цен. Но их массовый крах увлекает за собой к гибели и предпринимателей, технически все еще жизнеспособных¹.

¹ «Кризис 1857 и еще более кризис 1873 г. захватили чрезвычайно большое количество предприятий (в металлургической промышленности), которые по мощности не очень сильно различались между собой; поэтому общая катастрофа увлекла и многие предприятия, которые сами по себе, с чисто технической точки зрения, были жизнеспособны и имели право на жизнь. Кризис 1900 г. наряду с гигантскими предприятиями ведущих отраслей промышленности захватил многие производства с устаревшей, по современным понятиям, организацией: это — «чистые» предприятия, которые волной высокой конъюнктуры были вынесены наверх. Падение цен, понижение спроса довели эти «чистые» предприятия до бедственного положения, о котором по отношению к комбинированным гигантским производствам вообще не может быть речи или которое коснулось их лишь на самое короткое время. Поэтому новейший кризис привел к промышленной концентрации в совершенно ином масштабе, чем прежние кризисы, чем кризис 1873 г., хотя последний и произвел отбор, однако по состоянию техники не настолько, чтобы создать монополию победоносно выдержавших испытание предприятий. Но такой устойчивой монополией, благодаря своей сложной технике, грандиозной организации и силе своего капитала, в большой степени пользуются гигантские предприятия современной крупной металлургической и электротехнической промышленности, в несколько меньшей — машиностроительной и некоторых отраслей металлической, транспортной промышленности и др. Если это не касается некоторых сравнительно «легких» отраслей промышленности и если для них действие кризиса по существу не изменилось по сравнению с прежним временем, то вследствие этого становится лишь еще более ясно, что новейшее развитие банковского дела в значительной степени находится под знаком ранее упомянутых отраслей промышленности» (Jedels, op. cit., S. 108).

Иначе противостоит кризису современное крупное предприятие; размеры производства здесь настолько велики, что часть его будет продолжаться и во время кризиса. Может случиться, что во время кризиса американскому Стальному тресту придется сократить свое производство наполовину; но ему нет нужды ограничивать свое производство ниже определенного минимума. Таким образом, с концентрацией предприятий увеличиваются те размеры, в которых производство можно вести во всякое время.

Итак, с развитием капиталистического производства абсолютно и относительно увеличивается величина той части производства, которая может продолжаться при любых условиях. Но вместе с тем возрастает объем и той доли товарного обращения, которая остается незатронутой во время кризиса, увеличивается и основывающийся на ней оборотный кредит. Следовательно, разрушение кредита может и не быть столь полным, как это бывало при кризисах раннего капитализма. Мало того, развитие кредитного кризиса, с одной стороны, в банковый кризис, а с другой — в денежный кризис затрудняется изменениями в организации кредита и сдвигами в отношении между торговлей и промышленностью.

Кредитный кризис развивается в денежный кризис, если крушение кредита порождает внезапную нехватку средств платежа¹. Но эта нехватка возникает тем труднее, чем,

¹ И притом требуется осуществление только этого условия, как бы глубоки ни были его причины. При описании амстердамского биржевого краха 1773 г. так рассказывается о последствиях одного крупного банкротства: «Никто не знал, ни как далеко зайдет дело, ни какие фирмы еще будут уничтожены при этом. Всеобщая неизвестность уничтожила всякий кредит, и одно время было совершенно невозможно достать наличные деньги. Один страшился, что ему пришлют обратно его вексель, другие опасались, что они ничего не получают из тех сумм, которые они имеют право истребовать, третьи старались использовать всеобщее бедствие, и, таким образом, все ждали только случая произвести покупки по самым низким ценам; каждый опасался выпустить свои наличные деньги, и потому обращение совершенно приостановилось». («Der Reichtum von Holland», aus dem Französischen, zwei Bände, Leipzig 1778, I, S. 444 и след. Цит. по Sartorius, op. cit., S. 377.)

Сравни с этим следующее описание состояния германских бирж при начале войны 1870 г. 4 июля 1870 г. настроение на берлинской бирже было превосходное, в следующие дни сделалось неустойчивым, 8 июля ее охватило сильное беспокойство, 11 июля она потеряла голову. Паника продолжалась 8—10 дней, потом, когда самоуверенность биржи вернулась, движение на го инжение прекратилось... Как бы по мановению волшебного жезла деньги исчезли с биржи. Дисконт в прусском банке повысился до 9%, в Лейпциге по закладным обязательствам — до 10%, в Любеке — до 9%, в Бремене — до 8%. Куда же делись деньги, которые еще за несколько дней до этого в изобилии предлагались по 3—3½%? Что государство высосало их для целей мобилизации, с самого начала было исключено тогдашней децентрализацией эмиссионных банков Германии, а также тем обстоятельством, что известная наличность имела и у многих банков, не выпускавших банкнот, и у частных банкиров. Большая часть денег осталась там, где они были. Их просто не выпускали из сундуков, а тот, кто мог извлечь их откуда-нибудь, присоединял их к остальным. Так,

во-первых, больше размер той части производства, которая будет продолжаться при всех условиях, так как в этих пределах кредитные деньги могут и впредь выполнять свою функцию. Во-вторых, чем больше размеры тех сделок, которые совершаются посредством кредита, и чем более коммерческий кредит заменяется банковым. Ведь потрясение банкового кредита — дело более сложное, чем потрясение кредита отдельного промышленника. Но решающее значение имеет то, что нехватка средств платежа не наступает вообще: во-первых, потому, что развитие кредита сокращает потребность в средствах платежа также и во время кризиса, так как и тогда продолжается, например, обращение чеков и клиринговые операции. А, во-вторых, эти средства платежа могут быть предоставлены эмиссионными банками, кредит которых остался во время кризиса незыблемым. Мы видели, что в основе обращения банкнот лежит обращение векселей. Последнее сокращается потому, что сокращается его базис, обращение товаров. Но обращение векселей сокращается еще больше, чем товарное обращение потому, что коммерческий кредит испытал потря-

например, из Мюнхена сообщалось: «Был момент, когда за наилучшие бумаги и под наилучшее обеспечение невозможно было достать и 500 флоринов; напротив, даже частные лица ползали, что необходимо, несмотря на величайшие жествы, создать на крайний случай запас наличных денег». Во Франкфурте-на-Майне «банкиры думали только об одном: по возможности извлечь свои деньги, потому что и публика требовала немедленного возврата вложенных у них денег. Как показывает быстрый рост банковской наличности, обе стороны старались оставить крупный резерв наличных, чтобы вооружиться на всякий случай».

О том же из наличных денег сообщается следующее: «Каждый банкир, прежде всего Ганноверский банк, думал только о себе... Кассовые свидетельства и билеты германских частных банков попали в опалу и солидному человеку, которому приходилось иметь дело с прусскими свидетельствами, приходилось соглашаться на скидку в 5%, а крестьянину, который в страхе готов был сбыть их по любой цене, приходилось уступать 10% и больше».

И как это положение в уменьшенном масштабе обнаруживает все типичные черты американского денежного кризиса, так и лекарство было такое же: «В период чрезвычайного стеснения на денежном рынке во второй половине июля искали спасения в различных мероприятиях. В Бремене сенат и городской совет постановили придать известным иностранным золотым монетам характер законного средства платежа, но это помогало мало, потому что, как эти деньги, так и городская монета удерживались в кассах. В Штуттгарте был основан кассовый союз, который пустил в обращение свои 3-процентные, сроком на 6 месяцев, свидетельства на 50—500 флоринов. В Мюнхене такие же свидетельства выпустил в обращение «Гипотекен унд вексельбанк», во Франкфурте-на-Майне видные банкирские дома дали свое коллективное поручительство местному эмиссионному банку. По мере возможности привлекался благородный металл из-за границы. В конце июля банкирские и импортерские фирмы Бремена уже располагали значительными суммами в соверенах. Франкфурт добыл золото из Англии, серебро из Вены. Эти меры оказали известное действие, поскольку дело шло о стеснении с деньгами как средством платежа, но они не могли доставить капитал для ссудного рынка и удовлетворить государственные потребности» (Sartorius, *op. cit.*, S. 323 и след.).

сение. Теперь банк заменяет коммерческий кредит своим собственным в том объеме, в каком это допускается действительным товарным обращением. Он может осуществить это в таком объеме, потому что продолжающееся товарное обращение дает банку уверенность, что соответствующие кредитные требования обеспечены. Следовательно, в меру действительной потребности обращения банк может предоставить в распоряжение обращения свои кредитные деньги и удовлетворить спрос на средства платежа. Но тем самым банк ограничивает спрос на средства платежа действительной, необходимой для обращения потребностью и предотвращает тот почти неограниченный спрос, который, возникая из страха не добыть средства платежа даже под солиднейшие обеспечения, выходит далеко за пределы действительных потребностей и приводит к образованию сокровища в крупном масштабе, следовательно, опять-таки к сокращению средств платежа. Чтобы эмиссионный банк мог действовать таким путем, необходимо, во-первых, чтобы его кредит остался незыблемым, условие, очень легко осуществимое в правильно руководимом эмиссионном банке, и, во-вторых, чтобы увеличившийся выпуск банкнот не угрожал их размену. Это условие осуществляется уже в силу заинтересованности в самосохранении банка диктующей ему определенные действия. Во время кризиса он выдает банкноты только под безусловно надежное обеспечение, и это служит ему гарантией, что он, удовлетворяя потребности обращения, не переходит пределов, поставленных кризисом. Далее, размен билетов охраняется от всяких непредвиденных случайностей достаточным запасом наличных денег, прежде всего золота. С развитием капиталистического производства это условие удовлетворяется растущей добычей золота, сосредоточением золота в банках и ограничением функций золота ролью резерва. Развитие кредита все больше ограничивает золото одной функцией — служить уравниванию международных платежей. Но хотя абсолютный рост международных платежей колоссален, однако вследствие развития кредитных денег, функционирующих в международных платежах, та разница, которую приходится уравнивать наличными, по своей абсолютной и относительной величине отстает от того золотого резерва, который накапливается в странах старого капиталистического развития. Благодаря этому эмиссионный банк получает возможность удовлетворять повышенные требования во время кризиса. При этом, конечно, предполагается, что этот эмиссионный банк не стеснен в своих экономических функциях законодательным принуждением, таким, как в Англии акты Пилля, в Соединенных Штатах — бессмысленные предписания о покрытии; но зато денежные кризисы в этих странах прямо создаются в буквальном смысле этого слова.

Отсутствие денежного кризиса предохраняет кредит от полного крушения и предотвращает тем самым банковый кризис. Натиск на кассы банков не происходит, истребование вкладов не приобретает острого и широкого характера, и банки, если только они вообще платежеспособны, могут выполнить все свои обязательства. Поскольку же банковый кризис возникает не как следствие кредитного и денежного кризиса, а в первую очередь в результате того, что банковый капитал закреплен и что кредитованные деньги потеряны, постольку и здесь капиталистическое развитие создает тенденции, смягчающие кризис для капитала.

И здесь величайшую роль играет концентрация банков. Гигантски расширяя сферу операций, распространяя ее на различные национальные экономические районы, стоящие на различных ступенях капиталистического развития, банки благодаря концентрации достигают несравненно более широкого распределения риска. Далее, растущая концентрация банков идет параллельно с изменением их позиции в отношении к спекуляции, торговле и промышленности. Прежде всего уже вследствие большой мощи капитала концентрация банков означает сдвиг в соотношении сил в пользу банка. Мощь банков не только количественно значительнее, чем сила их должников, превосходство банка имеет также и качественный характер вследствие того, что банк располагает капиталом, находящимся в полной боевой форме — в денежной. Это превосходство предохраняет от того, чтобы крупный, хорошо управляемый банк попал в зависимость от судьбы одного или немногих предприятий, в которых он закрепил свои средства, в такую зависимость, при которой крах этих предприятий во время кризиса неминуемо увлек бы за собой и банк.

Обращаясь к исследованию особых причин, затрудняющих возникновение банкового кризиса, следует упомянуть прежде всего, что спекуляция — как спекуляция товарами, так и спекуляция ценными бумагами — во многом утратила свои масштабы и значение. Под спекуляцией товарами мы подразумеваем здесь не только биржевую спекуляцию, но в первую очередь спекуляцию товарной торговли, спрос на товары со стороны торговцев, возникающий из ожидания дальнейшего повышения цен, и образование относительно крупных товарных запасов с целью сократить предложение и взвинтить цены. Эта спекуляция отступает с устранением торговли вообще, с ростом прямых связей между производителями и потребителями и с превращением торговцев в агентов синдиката или треста, получающих твердые комиссионные. Это до известной степени препятствует тому, чтобы во время высокой конъюнктуры торговля спекулятивно поднимала цены далеко за пределы уровня, устанавливаемого производителями, и вызывала иллюзию оживленного сбыта, в то

время как действительный сбыт на практике уже испытывает заминку¹.

Там же, где оптовая торговля — а только о ней и может идти речь в данной связи — не утратила своего прежнего положения в пользу промышленности или товарных отделений крупных банков, она сама обнаруживает сильную концентрацию и значительно ограничивает роль капиталистически слабых или совершенно посторонних элементов. Если же вследствие особых условий биржевая товарная торговля кое-где еще играет видную роль, движение спекуляции все более подчиняется банками, к которым вследствие развития кредитной организации все более переходит распоряжение совокупным денежным капиталом и которые могут не допустить движения спекуляции дальше известных границ.

Наконец, на ограничение товарной спекуляции оказывает воздействие развитие средств транспорта, сильно сокращающее расстояние от рынка как раз тех товаров, в которых особенно заинтересована спекуляция, и развитие связи, в любое время осведомляющей о состоянии рынков. Сосредоточение на отдаленных рынках непроданных продуктов становится намного труднее, в то время как на предприятиях производство продолжается в прежних или даже растущих размерах. Далее, вследствие сокращения относительной доли предметов потребления меньшую роль играет теперь спекуляция колониальными продуктами, которая часто имела столь роковое значение при прежних английских кризисах. В этом же направлении действует надежность и регулярность подвоза, точность и быстрота информации о состоянии рынка. К этому добавляется еще одно обстоятельство: значение товарной спекуляции падает, по мере того как все более увеличиваются размеры тех отраслей промышленности, которые производят средства производства. Продукция этих отраслей не подлежит спекуляции, так как производство здесь все больше становится производством на заказчика.

В том же направлении, т. е. затрудняя возникновение банковых кризисов, действуют изменения в явлениях промышленного кризиса, а также развитие господства банков над промышленностью. Мы видели, что растущая концентра-

¹ Постольку для современных отношений нуждается в ограничении следующее замечание Маркса: «При современной кредитной системе он (купеческий капитал. — *Р. Г.*) располагает большей частью всего денежного капитала общества, так что он может повторять свои закупки прежде, чем ранее купленное окончательно продано... Кроме отделения актов Т—Д и Д—Т, вытекающего из самой природы товара, здесь создается фиктивный спрос... Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в ее распоряжение денежный капитал общества» (*К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 315—316*).

ция промышленных предприятий повышает их способность к сопротивлению против крайнего действия кризисов, против полного банкротства. Эта способность к сопротивлению повышается организационной формой акционерного общества, которая, как мы видели, чрезвычайно увеличивает влияние банков на промышленность. В самом деле, акционерная форма повышает способность предприятия к сопротивлению. Она делает возможным продолжение производства даже тогда, когда оно не дает дохода или даже приносит убытки потому, что приток капитала осуществляется здесь легче, чем в индивидуальном предприятии. Во-вторых, при акционерной форме легче создать резервы и в хорошие годы подготовиться к плохим. В-третьих, применение средств и прежде всего применение заемного капитала легче подвергается здесь контролю, который поэтому имеет более строгий характер. Банки непосредственно контролируют применение капитала в обществах, которые они поддерживают своим кредитом. Контроль становится все более систематичным, по мере того как растут тенденции, ведущие к зависимости промышленности от банков. Банки препятствуют использованию кредита на что-либо иное, кроме нужд предприятия. В прежних кризисах большую роль играло то, что индивидуальные предприниматели участвовали в спекуляции в крупных масштабах и затрачивали на нее капитал своего предприятия, которое в таком случае приходилось вести дальше с помощью ссудного капитала. Банк, контролирующий предприятие, кладет этому конец.

Только при доктринерском взгляде на вещи можно выступать как против опасности для банков, против этого проникновения банков в промышленность, необходимого и неминуемого потому, что оно вытекает из законов капиталистического развития; только при таком взгляде можно признавать идеалом организационно отсталое английское банковое дело с разделением труда между депозитными и спекулятивными банками и рекомендовать, если понадобится, осуществление этого идеала при помощи законодательного принуждения. Такая концепция, во-первых, внешнюю видимость английских банков принимает за действительность, не замечая, что в Англии банки тоже предоставляют стягиваемые ими деньги в распоряжение промышленности, торговли и спекуляции. И лишь определенными историческими причинами объясняется тот факт, что в Англии это осуществляется при помощи посредников, а в Германии и, в несколько модифицированной форме, в Соединенных Штатах — непосредственно банками¹. Но английская система характеризуется отста-

¹ Это несколько не меняется от того, что иногда между банком и предприятием вклинивается собственно учредительское общество (трест), которое остается в непосредственной зависимости от банка.

лостью, да и вообще исчезает, потому что она затрудняет контроль над ссуженным банковым капиталом, а потому и самое расширение банкового кредита.

Наконец,— и здесь мы можем удовлетвориться простым указанием на изложенное в главе о бирже — спекуляция с ценными бумагами тоже играет все меньшую роль в качестве фактора, обуславливающего банковый кризис. С растущей мощностью банков последние все более подчиняют себе движения спекуляции, вместо того чтобы, как было раньше, подчиняться движениям спекуляции. С уменьшением общего значения биржи еще быстрее падает ее роль как причины, обостряющей кризис.

Параллельно уменьшению роли спекуляции, меняется и психология капиталистической публики. Психология спекулянта очень примитивна, хотя его почитатели и пытаются раскрыть в ней пророческие способности и романтические порывы к всемирному реформаторству. В действительности те изменения, которые произошли в поведении спекулирующей публики, достаточно объясняются избитой фразой нормального капиталистического человека: убытки делают менее глупым. Кажется, безвозвратно миновали те массовые психозы, порождавшиеся спекуляцией в начале капиталистической эры, те блаженные времена, когда каждый спекулянт чувствовал себя богом, творящим мир из ничего. Афера с тюльпанами, со своей столь идиллической подоплекой поэтической любви к цветам, афера с акциями южных морей с ее авантюристски-возбуждающей фантастикой неслыханных открытий, проекты Лоу с его перспективами завоевания мира — все это оттесняется откровенной охотой за дифференциальной прибылью, но и ей кладет конец крах 1873 г. С этого времени исчезла вера в чудотворную силу кредита и биржи. Вопреки Бонту, красивый католический культ уничтожен трезвым просвещением, которое не хочет уже верить в непорочное зачатие от духа спекуляции, принимает естественное за естественное и предоставляет веру глупцам, которые не все еще исчезли. Биржа растеряла своих верующих и сохранила только пастырей, которые на вере других творят свой гешефт. Так как вера превратилась в гешефт, то гешефтов с верой становится все меньше. Возвышенное и доходное сумасбродство улетучилось, тюльпаны давно отцвели, а кофейное дерево доставляет лишь торговую прибыль, но не дает настоящего спекулятивного барыша. Проза убила поэзию прибыли.

Приведенные моменты знакомят с причинами, которые приводят к изменениям в явлениях кризиса, поскольку последние обуславливаются массовым характером банкротств, острыми явлениями биржевого, банкового, кредитного и денежного кризиса. Эти моменты отнюдь не исключают воз-

никновения таких кризисов, но они объясняют, почему возникновение этих кризисов более сложно. Наступают ли они в действительности, зависит от серьезности нарушений и от того, насколько внезапно они наступают. Велики ли они, например, настолько, чтобы привести к краху крупных банков Германии, предполагая, разумеется, нормальное руководство,— это *quaestio facti* [вопрос факта], а не вопрос теории. Но все эти моменты не имеют никакого отношения к наступлению самого промышленного кризиса, к смене подъема и депрессии. Возникает вопрос: не внесли ли качественных изменений в явления конъюнктуры крупные изменения в формах организации промышленности, *монополии*, сопряженные, как утверждают, с уничтожением регулирующей силы капиталистического механизма, свободной конкуренции?

Мы знаем, что картели могут вызвать сдвиги в уровне цен. Они создают различия в уровне прибыли картелированных и некартелированных отраслей производства. На этом изменившемся базисе разыгрываются потом уже все явления конъюнктуры, которые в свою очередь претерпевают благодаря картелям известные модификации. Но картелям приписывалось, да отчасти и теперь приписывается, совершенно иное действие. Они будто бы знаменуют не только модификацию влияния кризиса, но в состоянии совершенно устранить кризисы, так как они будто бы могут регулировать производство и всегда приспособлять предложение к спросу.

Это воззрение совершенно игнорирует внутреннюю природу кризисов. Только в том случае, если причину кризисов видят просто в перепроизводстве товаров, вытекающем из необозримости рыночных отношений, может показаться само собой разумеющимся, что кризисы могут быть устранены путем ограничения производства картелями.

Что кризисы тождественны с перепроизводством товаров или что последнее является одной из «причин» кризисов, это кажется неопровержимой истиной. Это ведь осязаемый факт, лежащий прямо на поверхности. Цены низки потому, что предложение превышает спрос, следовательно, потому, что товаров оказывается слишком много, и каждый взгляд на рыночные бюллетени показывает, что товарные склады переполнены, что товары остаются непроданными, что, следовательно, действительно имеется перепроизводство товаров. Но картели в состоянии предпринять ограничение производства для целой отрасли промышленности. То, к чему раньше приводил слепой закон цен, который понижением цен вызывал приостановку и банкротство целого ряда предприятий.— это благословенное ограничение производства несравненно более быстро и безболезненно осуществляется теперь ассоциированным разумом картелированных руководителей производства. Более того, так как картель может устанавливать цены, всегда «за-

ботиться о согласовании спроса и предложения», так как он устраняет спекуляцию, точно контролирует и направляет торговлю, если только не берет ее непосредственно на себя, почему же нельзя было бы совершенно уничтожить кризисы точным приспособлением производства к потребностям и быстро, без серьезных потрясений устранить небольшие нарушения хозяйственной жизни?

Это было бы слишком хорошо, но этого не может быть. Кто отождествляет кризисы просто с перепроизводством товаров, именно тот и не видит их главную причину: капиталистический характер производства. Продукты суть не только товары, но и продукты капитала, и перепроизводство во время кризиса есть не просто перепроизводство товаров, а перепроизводство капитала. Но это означает лишь одно: капитал вложен в производство в таком количестве, что условия возрастания его стоимости впадают в конфликт с условиями реализации и потому сбыт продуктов уже не доставляет такой прибыли, которая делала бы возможным дальнейшее расширение, дальнейшее накопление. Сбыт товаров останавливается потому, что производство перестает расширяться. Поэтому, если капиталистический кризис просто отождествляют с перепроизводством товаров, то в анализе его останавливаются в самой начальной стадии. Что дело здесь не в простом перепроизводстве товаров, видно уже из того, что через некоторое время после кризиса рынок оказывается способным поглотить несравненно большее количество товаров. Всякий последующий период подъема значительно превосходит предыдущий, хотя ни прирост населения, ни рост доходов, имеющих в распоряжении потребления, не в состоянии были бы объяснить такого увеличения поглотительной способности. И в самом деле, здесь перед нами факторы совершенно иного рода, чем потребительная способность.

Те нарушения регулирования цен, которые, в конце концов, приводят к отношениям диспропорциональности, а следовательно, к противоречию между условиями увеличения стоимости и условиями ее реализации, не уменьшаются, а обостряются картелями.

Картели приводят, во-первых, к тому, что конкуренция в определенной отрасли производства прекращается, или, лучше сказать, приобретает скрытый характер, к тому, что в этой сфере не обнаруживается понижающее цены действие конкуренции. Во-вторых, картели приводят к тому, что конкуренция картелированных сфер идет на основе более высокой нормы прибыли, чем конкуренция некартелированных отраслей. Но картели ничего не могут изменить в конкуренции капиталов из-за сфер приложения, в действии накопления на ценообразование, а потому не могут помешать и возникновению отношений диспропорциональности.

Мы видели, что в период подъема конкуренция в одной и той же отрасли производства не ведет к понижению цен; ведь спрос превышает предложение, а в таком случае конкурируют покупатели, а не продавцы.

Только в том случае, если предложение превышает спрос, наступает конкуренция между продавцами, и цены начинают падать. Но из всего механизма производства следует, что картели следуют за ценообразованием, а не определяют его. Предположим, что в период подъема картели остаются при низких ценах; в таком случае не происходит ни повышения прибыли, ни роста накопления. Если бы цены картелированных отраслей оставались низкими, в то время как в некартелированных они повышались, то капитал отливал бы от картелированной промышленности. Очень скоро наступило бы перепроизводство капиталов в некартелированных, недопроизводство в картелированных отраслях производства, т. е. острейшая диспропорциональность, которая привела бы ко всеобщему кризису, так как кризис возможен и при неизменяющемся и даже при сократившемся производстве. В действительности уже задолго до этого картель оказался бы взорван, потому что он не удовлетворял бы, а противодействовал стремлению к прибыли, и, следовательно, отпал бы основной мотив его существования. Частичное регулирование, т. е. объединение отдельной отрасли промышленности в одно предприятие, не оказывает никакого влияния на отношения пропорциональности в промышленности в целом. Анархия производства не уничтожается количественным уменьшением отдельных элементов при одновременном усилении их деятельности и интенсивности последней; она вообще не уничтожается постепенно или по частям. Регулируемое и анархическое производство — это не количественные противоположности, при которых, внося по частицам все больше «регулирования», мы от анархии могли бы перейти к сознательной организации. Нет, такой поворот может произойти только сразу, посредством подчинения всего производства сознательному контролю. Кто осуществляет этот контроль и кому принадлежит производство, это — вопрос власти. Экономически был бы мыслим всеобщий картель, который руководил бы всем производством и тем самым устранил бы кризисы, хотя социально и политически такое положение является делом невозможным, так как антагонизм интересов, который он довел бы до крайних пределов, неизбежно привел бы к крушению. Но ожидать уничтожения кризисов от единичных, отдельных картелей — это свидетельствовать лишь о непонимании как действительных причин кризисов, так и общей взаимосвязи капиталистической системы.

Точно так же, как картели не могут воспрепятствовать возникновению кризисов, они не могут и избежать их дей-

ствия. Конечно, если отождествить кризис с перепроизводством товаров, то лекарство было бы очень простое. Картель ограничивает производство, следовательно, ускоренным темпом, быть может, даже в большем объеме, делает то же самое, что кризис и так осуществил бы, вызвав ряд банкротств и сокращение производства на предприятиях. Социальные последствия, а именно безработица и снижение заработной платы, конечно, остались бы те же самые. Но картелированные капиталисты могли бы удерживать цены на высоком уровне, так как предложение было бы сильно ограничено. Цены сохранились бы высокие, прибыль, правда, уменьшилась бы, потому что сократился бы сбыт, и издержки производства относительно возросли бы. Через некоторое время рынок поглотил бы избыточные продукты, и вновь наступило бы процветание. Однако эта аргументация столь же элементарна, сколь и ошибочна. Предпосылками возрождения подъема являются два условия: во-первых, восстановление пропорциональности, необходимое для того, чтобы прекратилась депрессия, и, во-вторых, расширение производства, ибо только оно и означает подъем. Но описанная картельная политика как раз затруднила бы наступление этих условий. Ограничение производства означает прекращение всяких новых капиталовложений; удерживание высоких цен обостряет действие кризиса на все некартелированные или не очень прочно картелированные отрасли промышленности. Здесь прибыль понизится еще сильнее, убытки будут соответственно еще большими, и поэтому здесь придется еще сильнее ограничить производство. Тем самым диспропорциональность еще более усилится. Сбыт картелированной промышленности пострадает еще больше; окажется, что, несмотря на сильное сокращение производства, «перепроизводство» еще продолжается и даже обострилось. Дальнейшее же ограничение производства означает увеличение бездеятельного капитала при неизменных «общих издержках», следовательно, дальнейшее повышение себестоимости, а потому новое сокращение прибыли даже при сохранении высоких цен. Уровень их привлекает аутсайдеров; последние могут начинать дело при пониженных затратах на оборудование и рабочую силу, так как цены ведь понизились; поэтому они оказываются конкурентоспособными и начинают теснить картель. Картель уже не может удерживать прежние цены, и крушение их захватывает и картелированную промышленность. Таким образом, в искусственное вмешательство вносится корректив, и ценообразование следует законам, действие которых картели тщетно старались для себя устранить¹. На основе новых условий цено-

¹ Изложенное в тексте иллюстрируется действиями Стального треста. В 1907—1908 гг. он до крайних пределов ограничил свое производство, чтобы удержать цены на высоком уровне. Прошел год, рынок железа развалился и увлек в эти руины и все другие рынки металла.

образования заново происходит перераспределение капитала между различными сферами производства, и постепенно вновь устанавливаются отношения пропорциональности. Депрессия осталась позади. Подъем может начаться, если технические нововведения или новые рынки вызовут повышенный спрос, который приведет к новым вложениям производительного капитала, прежде всего основного капитала.

Итак, картели не уничтожают действия кризиса. Картели модифицируют их постольку, поскольку они перекладывают тяготы кризиса на некартелированные отрасли промышленности. Различие в норме прибыли между картелированными и некартелированными отраслями, которое в общем тем больше, чем прочнее картель и чем более обеспечена его монополия, сокращается во время подъема и увеличивается во время депрессии. В первый период кризиса и депрессии картель может также удерживать прибыль на повышенном уровне дольше, чем свободные отрасли промышленности, и тем самым обострять для них действие кризиса. Это обстоятельство немаловажно потому, что как раз во время кризиса и в первое время после него положение промышленников наиболее тяжелое, и самостоятельность их подвергается наибольшей опасности. А если именно в это время в результате картельной политики для них не наступает никаких облегчений, например в виде понижения цен на сырые материалы и т. д., то это обстоятельство имеет значение в том смысле, что оно еще больше ухудшает положение некартелированных отраслей промышленности и приводит к ускорению их концентрации.

♦

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Глава двадцать первая

ПОВОРОТ В ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Финансовый капитал означает унификацию капитала. Ранее разобщенные сферы промышленного, торгового и банковского капитала поставлены теперь под общее руководство финансовой аристократии, которая объединяет в тесной персональной унии хозяев промышленности и банков. Основой самого этого объединения является уничтожение свободной конкуренции отдельных капиталистов крупными монополистическими объединениями. Естественно, вместе с тем изменяется и отношение класса капиталистов к государственной власти.

Буржуазная концепция государства возникает в борьбе против политики меркантилизма, в борьбе против централизованной и привилегированной государственной власти. Она выражает интересы зарождающейся капиталистической мануфактуры и фабрики, которые она противопоставляет привилегиям и монополиям крупных торговых и колониальных компаний, с одной стороны, а с другой — по-цеховому замкнутой ремесленной промышленности. Но борьбу против государственного вмешательства можно было вести лишь при том условии, если бы удалось показать, что такое государственное законодательство излишне и вредно для хозяйственной жизни. В противоположность законам государства необходимо было раскрыть присущие экономике закономерности и их превосходство над государственным законодательством¹.

¹ Так как открытие экономических законов составляет содержание политической экономии, то борьба против экономической политики меркантилизма становится одной из мощных движущих сил в развитии теоретической экономики. Другой движущей силой, возникшей раньше и еще более непосредственно стоящей на земной почве, были усилия решить кардинальную проблему экономического законодательства в начале современного капитализма: именно воп-

Таким образом, политика буржуазии базируется на политической экономии и борьба против меркантилизма превращается в борьбу за экономическую свободу, а последняя расширяется в борьбу за свободу личности, против государственной опеки. Здесь не место исследовать, каким образом эти воззрения развиваются в мировоззрение либерализма. Можно, пожалуй, отметить лишь одно обстоятельство: там, где, как в Англии, борьба за экономическую свободу увенчивается победой в эпоху, которая не знает современных научных воззрений, либерализм не вносит их в свою картину мира. Революционный переворот во всех моральных и религиозных воззрениях, произведенный французским либерализмом, в Англии никогда не превращался в общее сознание народа; но зато, наоборот, экономический либерализм в Англии добился большего признания, чем где-либо на континенте.

Однако и в Англии победа *laissez faire* [свободная конкуренция] не полная: область банкового дела составляет исключение, и теория банковской свободы побеждается практическими потребностями повелителей Английского банка. Еще меньше влияние теории манчестерцев на фактический ход иностранной политики: в XIX в. она столь же беспрекословно подчиняется директивам английской мировой торговли, как подчинялась им в XVII и XVIII вв. На континенте практика целиком сводится к проведению свободы промышленности и остается принципом внутренней политики, между тем как торговая политика, вполне естественно, остается протекционистской. Ведь английская фритредерская политика основывалась на первенстве капиталистического развития и на вытекавшем отсюда техническом и экономическом превосходстве английской промышленности. Этим первенством Англия была обязана не только естественным причинам, хотя и они сыграли важную роль. Пока современная система транспорта в основном оставалась неразвитой, решающее значение имели водный транспорт и экономия расходов на фрахте, вытекавшая из того, что руда и уголь встречались в одних и тех же местах. Но при всем том не следует забывать, что капиталистическое развитие есть накопление капитала и что более быстрым темпом накопления Англия обязана в значительной степени, с одной стороны, исходу борьбы с Испанией, Голландией и Францией за господство на море и тем самым за господство над колониями, с другой стороны — быстрой пролетаризации вследствие победы крупного землевладения над крестьянами.

рос о правильной денежной системе. Петти, поставив проблему денег, стал основателем классической экономии, потому что она непосредственно приводит к проблеме стоимости, т. е. к основному закону политической экономии,

Промышленное первенство Англии повышало ее заинтересованность в свободной торговле, как раньше первенство капиталистического развития Голландии заставило ее усвоить фритредерскую политику¹. Внутри страны развитие промышленности, рост населения и его концентрация в городах очень скоро привели к тому, что собственное сельскохозяйственное производство оказалось недостаточным. Вследствие этого цена зерна определялась в то время, до переворота в транспортном деле, все еще очень высокими издержками транспорта и таможенными пошлинами, оказавшими свое действие впоследствии, после этого переворота. Впрочем, уже в переходное время, когда случалось, что хорошие урожаи делали ввоз излишним, а плохие — чрезвычайно повышали его, землевладельцы, пользуясь системой экспортных премий, создавали периодически цены голодных лет, а узкий базис английской денежной системы приводил к тому, что за вздорожанием средств существования следовал денежный кризис. Вся эта система находилась в вопиющем противоречии с интересами промышленности. Фабриканты могли не опасаться ввоза иностранных промышленных продуктов, потому что их предприятиям принадлежало решающее техническое и экономическое превосходство. Но хлебные цены были важнейшим элементом «цены труда». Последняя же играла в издержках производства промышленников тем более видную роль, что органический состав капитала был еще низок, а потому доля живого труда в общей стоимости продукта была относительно велика. И вот открыто высказываемым мотивом английской кампании против таможенных пошлин стало уменьшение издержек производства путем удешевления сырого материала, с одной стороны, цены рабочей силы — с другой.

Английский промышленный и торговый капитал был так же заинтересован в том, чтобы и в других странах была свободная торговля, но он был мало заинтересован в обладании колониями. Поскольку они представляли собой рынки сбыта промышленных продуктов и рынки приобретения сырья, Англии не приходилось считаться с какой-либо заслуживаю-

¹ «Расцвет голландского превосходства в торговле и мореплавании относится к эпохе от основания Ост-Индской компании до войн с Кромвелем и Карлом II и охватывает 1600—1675 гг. В конце этого периода Кольбер оценивал весь торговый флот европейских государств в 20 тыс. морских судов, из которых 16 тыс. приходилось будто бы на одних голландцев, которых поэтому называли транспортерами Европы. Создано было неизмеримое колониальное царство в Азии, Южной и Северной Америке, в Африке; возникло огромное страховое дело. Амстердамская биржа была первой биржей, там был мировой рынок денег, низкий уровень процента на них в свою очередь постоянно шел на пользу промышленности и торговле. Никакая другая нация не могла сравниться с голландцами в рыболовстве, включая сюда ловлю сельдей и китов. Торговая политика была либеральнейшая для того времени. Не было таких конкурентов, которых приходилось бы опасаться Голландии» (*Sartorius*, op. cit., S. 369).

шей внимания конкуренцией до тех пор, пока эти области находились под режимом свободной торговли. Перед пропагандой свободной торговли отступало на задний план требование активной колониальной политики, которая стоила очень дорого, повышала налоги и ослабляла парламентский режим в метрополии. Как бы то ни было, отказ от колоний остался платоническим требованием радикальных фритредеров. Важнейшая колония, Индия, имела значение не только как рынок. Господство над ней обеспечивало крупному и влиятельному классу богатые доходы в качестве «дани за хорошее управление»¹. К тому же на этом важном рынке «безопасность» была условием сбыта, и казалось сомнительным, не поведет ли отказ Англии от господства к возрождению старых конфликтов, которые ухудшили бы возможность сбыта².

Совершенно иначе складывались торгово-промышленные интересы на континенте. Здесь за свободу торговли были в первую очередь поставщики аграрного сырья, экспортирующие землевладельцы, потому что свободная торговля увеличивала сбыт их собственных продуктов и удешевляла приобретение промышленных продуктов. Интересы промышленников были прямо противоположными. Об охранительных пошлинах на сельскохозяйственные продукты не было и речи. Но подавляющая английская конкуренция тормозила и замедляла собственное промышленное развитие. Все дело, казалось, только в том, чтобы преодолеть первоначальные затруднения, справиться со всеми препятствиями, которые вытекали из отсутствия обученных рабочих, заведующих мастерскими и инженеров, устранить техническую отсталость, создать коммерческую организацию, содействовать развитию кредита, ускорить пролетаризацию посредством подавления ремесла конкуренцией и разложения старого крестьянского хозяйства, короче говоря, наверстать все, что послужило основой выдвижения Англии. К этому присоединялась заинте-

¹ Сумма одних только пенсий, ежегодно притекающих из Индии в Англию в настоящее время исчисляется в 320 млн. марок в год. К этому присоединяются огромные суммы на оплату английских чиновников, на содержание армии и на ведение некоторых английских колониальных войн в Азии.

² «Напротив, вопреки Кобдену, Англия не отказалась от своих собственных колоний. Руководящий либеральный государственный деятель тех дней, лорд Джон Рассел, вероятно, выразил мнение своей партии, заявив, что время отказа от них еще не пришло. А пока что Англия должна прилагать все меры к тому, чтобы воспитать колонии для самоуправления. Под влиянием манчестерской теории Англия, действительно, отреклась от прежнего взгляда, по которому колонии рассматривались как полезное владение. Еще сэр Роберт Пиль говорил: «В каждой нашей колонии мы получаем вторую Ирландию». Англия строила в это время свои отношения к заморским колонистам на принципе добровольности и дала им парламентское устройство. Таким образом, манчестерцы, вовсе не желая того, оказались основателями новой британской империи, которую не удалось бы сплотить красным мундиром» (*Schulze-Gävernitz, Der britische Imperialismus, S. 75*).

ресованность в повышении таможенных доходов, имевшая еще большее значение, чем в настоящее время. В ту эпоху система косвенного обложения находилась лишь на первых ступенях своего развития, и основанный на натуральном хозяйстве строй обширных стран ставил непреодолимые препятствия ее разработке. Таможенные доходы континентальных государств, поскольку они поступали от обложения промышленных продуктов, в тот период, по-видимому, не были вредны в народнохозяйственном отношении. Конечно, внутреннему потребителю за продукт, например, английской промышленности приходилось платить дороже на всю сумму пошлины, но эта разница попадала в государственную кассу. Напротив, в настоящее время охранительные пошлины приводят к тому, что, кроме сумм, поступающих в государственную казну, внутренние потребители должны еще уплачивать огромные суммы промышленникам и землевладельцам. Наоборот, в современной Англии фискальные интересы начинают выступать на первый план, потому, между прочим, что сложившаяся система налогов при данном соотношении политических сил классов может быть усовершенствована лишь с большим трудом и преодолев очень серьезное сопротивление.

Что касается колониальных владений, то и здесь колониальным государствам приходилось опасаться подавляющей английской конкуренции, если они уничтожали охранительные таможенные барьеры и привилегии.

Таким образом, таможенная политика промышленных классов на континенте и в Англии усвоила различное направление, что объясняется промышленной гегемонией английского капитализма. Теоретическое оправдание континентальной и американской системы охранительных пошлин дали Кэри и Лист. Система Листа отнюдь не является опровержением теории свободной торговли, как ее формулировал, например, Рикардо. Она всего лишь экономическая политика, которая только должна сделать возможной систему свободной торговли, способствуя развитию такой национальной промышленности, для которой система свободной торговли является наиболее соответствующей. Воспитательные пошлины Листа должны были служить исключительно этой цели; поэтому Лист требовал низких пошлин, которые должны были выравнивать разницу между первенством Англии и отсталостью Германии,—временных пошлин, так как его политика должна была привести к тому, чтобы пошлины сделались, наконец, излишними.

Эта таможенная политика развивающегося капитализма превращена в свою противоположность таможенной политикой развитого капитализма.

Система Листа была признана системой капиталистически отсталых стран. Но закон гетерогенности целей и здесь еще

раз проявил свое действие. Не страна свободной торговли, не Англия, а Германия и Соединенные Штаты, страны охранительных таможенных пошлин, стали образцовыми органами капиталистического развития, если принять за его масштаб степень централизации и концентрации капитала, т. е. уровень развития картелей и трестов, господства банков над промышленностью, короче, превращение всякого капитала в финансовый капитал. В Германии быстрый подъем промышленности после уничтожения внутренних таможенных границ и в особенности после основания империи привел к полному сдвигу торгово-политических интересов. Прекращение вывоза сельскохозяйственных продуктов превратило землевладельцев в защитников протекционизма. С ними объединились заинтересованные в таможенных пошлинах промышленники, и это были как раз представители тяжелой промышленности, особенно металлургической промышленности, потребовавшие охранительных пошлин против преобладающей английской конкуренции. Это была отрасль промышленности с высоким органическим составом капитала, ей легко было перенести повышение цен на средства существования, которое к тому же оставалось еще умеренным, и чье воздействие упразднялось начинающейся американской аграрной конкуренцией. С другой стороны, промышленность чрезвычайно страдала от последствий кризиса. Английская конкуренция была тем тягостнее, что германская металлургическая промышленность отставала от английской по причинам естественнотехнического характера, в особенности до изобретения способа удалять фосфор из чугуна. К этому добавлялось и то обстоятельство, что преимущества раннего развития особенно трудно наверстать именно в отраслях с очень высоким органическим составом и особенно большой долей основного капитала. За протекционизм была и известная часть банковского капитала, который в Германии уже очень рано, с самого начала, был тесно связан с развитием тяжелой промышленности. Против протекционизма была та часть промышленного капитала, которая вкладывала свои средства в экспортные отрасли промышленности и торговый капитал. Победа охранительных пошлин в 1879 г. знаменовала начало поворота в функциях протекционизма, который из воспитательного протекционизма мало-помалу превращается в картельный протекционизм¹.

Не подлежит никакому сомнению, что устранение иностранной конкуренции чрезвычайно благоприятствует образованию картелей. Непосредственно — потому что уменьшение

¹ См. *Rudolf Hilferding*, *Der Funktionswandel des Schutzzolles*. «*Neue Zeit*», XX, 2; *Robert Liefmann*, *Schutzzoll und Kartelle*, Jena 1903. Многочисленные иллюстрации имеются у *Hermann Levy*, *Einfluß der Zollpolitik auf die wirtschaftliche Entwicklung der Vereinigten Staaten*, *Conrads Jahrbücher* 1909; *Entwicklungsgeschichte einer amerikanischen Industrie*, *Conrads Jahrbücher* 1905.

числа конкурентов облегчает их объединение. Косвенно — потому что реально в этой стадии охранительные пошлины выдвигались в Европе и в Соединенных Штатах в первую очередь могущественными капиталистами, производящими сырье и полуфабрикаты. Следовательно, протекционизм уже по своему источнику и конкретным формам обычно оказывался более благоприятным для этих отраслей промышленности, чем для тех, которые производили фабрикаты для экспорта и вынуждены были конкурировать на мировом рынке с аналогичными продуктами Англии, издержки производства которых не повышались охранительными пошлинами. Это обстоятельство благоприятствовало развитию именно тех отраслей, которые были заняты производством средств производства, и отдавало в их распоряжение весь капитал, требовавшийся для их технического оборудования, ускоряло рост их органического состава, а вместе с тем их концентрацию и централизацию, создавая, таким образом, предварительные условия, необходимые для их картелирования.

И это же самое обстоятельство, коренившееся первоначально в отсталости капиталистического развития Германии, послужило в конце концов причиной организационного превосходства германской промышленности над английской. Английская промышленность, так сказать, органически из мелких ростков постепенно развилась до своих нынешних размеров. Из кооперации и мануфактуры возникала фабрика, а последняя развилась прежде всего и главным образом в текстильной промышленности, отрасли, которая требовала относительно не очень крупного капитала. В организационном отношении развитие остановилось в основных чертах на индивидуальном предприятии. Доминировало не акционерное общество, а индивидуальный капиталист, и капиталистическое богатство оставалось в руках индивидуальных промышленных капиталистов. Таким образом, с ускорением темпа развития постепенно складывался класс богатых, обладающий крупными капиталами промышленных предпринимателей, собственностью которых были производственные предприятия. Позднее, в особенности с развитием крупных предприятий на транспорте, когда большее значение приобрели акционерные общества, акционерами становились главным образом опять-таки эти крупные промышленники. Капитал, который вкладывался в эти акционерные общества, является промышленным капиталом как по своему происхождению, так и по своей принадлежности. Подобно промышленному и торговому капиталу, банковый капитал, а именно тот капитал, который занимался эмиссионной деятельностью, тоже был исключительно в руках отдельных капиталистов, тогда как акционерные банки обслуживали только оборотный кредит и, следовательно, не оказывали на промышленность сколько-нибудь

серьезного влияния. Банкиры, которые занимались эмиссионной деятельностью и потому как бы переставали быть банкирами, превращались, хотя бы отчасти, в промышленников. Такого сосредоточения капитала в руках индивидуальных капиталистов — следствия раннего и, так сказать, органического развития английского капитализма — не наблюдалось на континенте, равно как и в Соединенных Штатах. Кроме того, крупные суммы, притекавшие из колоний и особенно из Индии, а также в результате использования торговых монополий Англии, тоже накапливались в руках отдельных капиталистов; этого совершенно не было в Германии и Америке.

Впоследствии, когда в Германии Таможенным Союзом, а потом основанием империи были, наконец, устранены политические препятствия капиталистическому развитию и когда для капитализма открылась свободная дорога, капиталистическому развитию Германии, разумеется, не было необходимости задним числом проходить английский путь. Значительно бóльшим должно было быть стремление сделать для своей страны исходным пунктом по возможности ту ступень, которая в техническом и экономическом отношениях уже была достигнута передовой страной. Однако в Германии не было такого накопления капитала в руках отдельных лиц, которое, если предприятие остается индивидуальным предприятием, необходимо для того, чтобы в высокоразвитых отраслях промышленности вести производство в масштабе, достигнутом Англией. Таким образом, акционерное общество, кроме тех функций, которые общи как его германской, так и английской форме, выполняло и еще одну функцию: оно послужило средством для того, чтобы доставить тот необходимый капитал, каким вследствие недостаточного накопления не располагал не только ни один отдельный промышленный капиталист, но и весь класс промышленных капиталистов в целом. В Англии акционерное общество, особенно при своем зарождении, объединяло главным образом богатых капиталистов, напротив, акционерное общество в Германии должно было дать в распоряжение промышленников также и необходимый капитал, доставляя для их предприятий деньги других классов. Но непосредственным выпуском акций это осуществимо далеко не в таких размерах, как при посредстве банков, в которых концентрируются и затем могут быть переданы в распоряжение промышленности не только все бездеятельно лежащие деньги самих капиталистов, но и деньги других классов. Та же причина, которая благоприятствовала акционерной форме в промышленности, обуславливала и возникновение банков в форме акционерных банков. Следовательно, перед германскими банками с самого начала была задача предоставить в распоряжение промышленных акционерных обществ Германии необходимый капитал, организовать не только оборотный

кредит, но и кредит для капиталовложений. Следовательно, в Германии и — отчасти в других формах — в Соединенных Штатах отношение банков к промышленности должно было с самого начала быть совершенно иным, чем в Англии. Если вначале это отличие вытекало из относительно отсталого, позднее начавшегося капиталистического развития Германии, то, наоборот, впоследствии такая тесная связь между промышленным и банковым капиталом сделалась для Германии и Америки важным моментом в развитии высших организационных форм капитализма¹. Это совпадение действия политики протекционизма с финансированием промышленности банками при быстром темпе промышленного развития должно было вскоре создать те тенденции к картелированию, которые в свою очередь выдвинули новые протекционистские интересы: картелирование изменило самую функцию охранительных пошлин.

Задачей старых охранительных пошлин было наряду с компенсацией за те или иные неблагоприятные природные условия ускорить возникновение промышленности в охраняемых границах. Развивающуюся отечественную промышленность они должны были охранить от опасности оттеснения или уничтожения превосходящей конкуренцией уже развитой иностранной промышленности. Поэтому требовался лишь умеренный уровень таможенных пошлин, как раз достаточный для того, чтобы компенсировать превосходство заграничной промышленности. Для этого им незачем было быть

¹ То, что во Франции развитие в аналогичном направлении, начавшееся учреждением «Кредит мобилье», прекратилось, объясняется теми же причинами, которые вообще воспрепятствовали промышленному развитию Франции. Сюда относится неблагоприятное для капиталистического развития распределение земельной собственности с ее последствиями — системой двух детей [Zweikindersystem] и отсутствием достаточной промышленной резервной армии, — чрезмерная протекционистская политика и чрезмерный вывоз капитала, причинами же последнего является сильное развитие рантье́рства, базисом которого служит мелкая буржуазия, мелкое крестьянство и промышленность, производящая предметы роскоши.

Показание Александра (Deutsche Börsenenquête, Teil S. 449) освещает связь между национализацией капитала и усилением влияния банков на промышленность вследствие нехватки собственного капитала у германских промышленников. Согласно его данным, еще недавно (1892 г.) целый ряд угольных шахт, как, например, Герне, Бохум и т. д., находился во владении французских и бельгийских акционеров. Одновременно происходила концентрация шахт. Посредничество в покупке акций взяли на себя банковые учреждения, так как у самих компаний не было для этого свободных средств. Банки могли пойти на это, так как они были уверены, что при помощи сделок на срок им удастся отделаться от этих бумаг, в которых они закрепили свои средства.

Вообще говоря, можно считать, что ослабление бирж путем законодательных ограничений и особенно ограничение сделок на срок имеет тенденцию усиливать влияние банков на промышленность; последней тогда в большей степени приходится прибегать к содействию банков, чем это было бы при энергично функционирующей бирже. В самом деле, влияние германского биржевого законодательства оказалось очень кстати для крупных банков.

запретительными, так как отечественная промышленность еще не могла удовлетворить всего спроса. И прежде всего протекционизм мыслился как временный. Едва лишь он выполнит свою функцию «воспитательного протекционизма», едва лишь отечественная промышленность разовьется настолько, что сможет удовлетворить местные потребности и созреть для экспорта, как охранительные пошлины утратят свой смысл. Они становятся лишь препятствием для экспорта, побуждая и другие нации к аналогичным мерам. При системе свободной конкуренции их влияние на повышение цен прекращалось с того момента, когда охраняемая промышленность развивалась настолько, что уже покрывала местный спрос и могла перейти к вывозу. В самом деле, при свободной конкуренции цена на охраняемом рынке в этот момент должна была сравняться с ценой на мировом рынке, так как благодаря сбережению издержек транспортировки на сравнительно отдаленный заграничный рынок, сбыт на внутреннем рынке был более выгоден, чем на внешнем, а предложение со стороны промышленности было равно внутреннему спросу или выше его. Поэтому охранительная пошлина по своему уровню была умеренной, а по своей продолжительности — временной; она просто должна была в юношеский период той или иной отрасли промышленности помочь ей преодолеть трудности первых шагов.

Иначе обстоит дело в эпоху капиталистических монополий. Теперь за высокие охранительные пошлины выступают как раз наиболее мощные экспортные отрасли промышленности. Их конкурентоспособность на мировом рынке не подлежит никакому сомнению, следовательно, согласно старой теории у них не должно было бы быть никакой заинтересованности в охранительных пошлинах. Конечно, при господстве свободной конкуренции охранительные пошлины не оказывают никакого действия на повышение цены с того момента, когда отечественная промышленность оказывается способной вполне удовлетворять внутренний спрос. Но промышленный протекционизм был одним из самых действенных средств, ускоряющих картелирование: во-первых, потому что он затруднял иностранную конкуренцию¹, а, во-вторых, потому что

¹ Конечно, фабриканты понимают, что свобода торговли затрудняет образование картелей. В «Таймсе» от 10 октября 1906 г. один английский фабрикант предложил организовать картель английских электротехнических фирм. При этом сам предлагавший соглашался, что «в стране свободной торговли высокие цены и ограничение производства могут привести лишь к тому, что торговля перейдет в руки иностранных конкурентов». Другой фабрикант ответил: «Если бы у нас были охранительные пошлины, то мы могли бы сделать кое-что в духе предложений этого проекта, но мы знаем по опыту, что всякая попытка организовать комбинацию при существующих условиях с целью удержать цены на уровне, предлагаемом вашим корреспондентом, безнадежна. Все мы страдаем от перепроизводства и будем впредь страдать от него, пока оно не будет

картель давал возможность полностью использовать пошлину даже в том случае, когда промышленность развилась уже до способности к экспорту. Картель, контингентировав количество продукции, предназначенной для внутреннего потребления, исключает конкуренцию на внутреннем рынке. Устранение конкуренции сохраняет действие таможенных пошлин на повышение цен и на той стадии развития, когда производство намного превышает размеры внутреннего спроса. Таким образом, картелированная промышленность серьезно заинтересована в том, чтобы превратить охранительные пошлины в постоянное учреждение; они обеспечивают, во-первых, существование картеля и, во-вторых, позволяют продавать картелированный продукт на внутреннем рынке со сверхприбылью. Величина этой сверхприбыли определяется размерами превышения внутренней цены над ценой мирового рынка. Но разница эта зависит от уровня пошлин. Следовательно, стремление к повышению пошлины становится столь же безграничным, как стремление к прибыли. Таким образом, картелированная промышленность непосредственно в высшей степени заинтересована в количественных размерах охранительной пошлины. Чем выше пошлина, тем больше можно поднять внутреннюю цену над ценой мирового рынка; так из воспитательных пошлин получаются высокие охранительные пошлины. Друг торговых договоров, защитник постепенного понижения пошлин превращается в самого страстного и крайнего протекциониста.

Но картель получает прибыль не только на тех охранительных пошлинах, которыми обложены производимые им самим продукты. Мы знаем, что границей картельной цены *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] является норма прибыли остальных отраслей промышленности. Если, например, норма прибыли в машиностроительной промышленности повысится благодаря повышению пошлин на машины, то картели в угольной и металлургической промышленности могут повысить свои цены и, таким образом, присвоить себе некоторую часть, а при случае и всю сверхприбыль машиностроительной промышленности. Таким образом, монополистические союзы оказываются заинтересованными в пошлинах не только на свои собственные продукты, но и на продукты перерабатывающих отраслей.

Итак, охранительная пошлина позволяет картелю получать сверхприбыль над той, которая достигается картелиро-

устранено тем, что фабриканты или ограничат производство, или совсем прекратят его» (*Macrosty*, op. cit., p. 319 и след.). Сам Макрости говорит: «Слабость всякой формы комбинации в Соединенном Королевстве вытекает из того, что беспрепятственно допускается иностранная конкуренция. Если бы удалось устранить ее, прочность комбинаций необыкновенно возросла бы и все условия проблемы изменились бы» (*Ibid.*, p. 342.)

ванием¹, и дает ему власть взимать с населения своего рода косвенный налог. Эта сверхприбыль происходит теперь уже не из той прибавочной стоимости, которую производят наемные рабочие картеля; она не представляет также и вычета из прибыли других некартелированных отраслей промышленности. Это — дань, накладываемая на весь класс внутренних потребителей. В каком размере несут ее отдельные слои этих потребителей, представляет ли она собой *in concreto* [конкретно] и в какой степени вычет из земельной ренты, из прибыли, или из заработной платы — это зависит от конкретного соотношения сил и от природы того предмета, который удорожается картельной охранительной пошлиной, точно так же как при переложении косвенных налогов на промышленное сырье и на предметы потребления. Повышение цены на сахар, например, сильнее затрагивает массу рабочих, чем повышение цены на сельскохозяйственные машины или на мебель из гнутого дерева. Но каково бы ни было окончательное действие этих повышений, защищенная пошлинами картелированная промышленность во всяком случае захватывает часть доходов общества, что тем самым сильно ускоряет в ней накопление.

Но этот способ увеличения прибыли должен был получить тем более важное значение, что вследствие усиления рабочих организаций сделалось невозможным повышение нормы прибыли путем увеличения абсолютной прибавочной стоимости, т. е. удлинением рабочего времени и понижением заработной платы; наоборот, все больше усиливается противоположная тенденция. Но то, что введение промышленных пошлин принесло с собой также повышение аграрных пошлин, не имело особенного значения как раз для тяжелой промышленности. Вследствие высокого органического состава капитала удорожание рабочей силы не слишком обременяло их (их позиции в борьбе с наемными рабочими чрезвычайно сильны), а не-

¹ Насколько сама эта возможность становится мотивом картелирования, показывает то тяжелое потрясение, которое испытали германские и австрийские картели сахарозаводчиков, когда вследствие брюссельской конвенции пошлина на сахар была понижена до 6 франков. Например, австрийская пошлина в 22 кроны давала фабрикам, объединившимся в картель, сверхприбыль столь высокую, что она далеко перевешивала ту выгоду, которую могли бы получить даже крупнейшие и технически наиболее совершенные фабрики, если бы они вступили в конкурентную борьбу и вытеснили сравнительно мелкие фабрики; это обстоятельство побудило к картелированию. В то же время значительно легче можно было примириться и с контингентированием производства, которое налагает сравнительно наибольшие жертвы как раз на крупнейшие и технически наиболее совершенные предприятия, так как высокой пошлиной и вытекающей из нее возможностью повышения внутренних цен более чем уравнивались невыгоды контингентирования. Из этого видно, между прочим, насколько важна для картелирования не просто пошлина сама по себе, но также и размеры этой пошлины.

большое увеличение издержек производства, обусловливаемое аграрными пошлинами, более чем компенсируется сверхприбылью от охранительных пошлин, если только уровень их достаточно высок.

Но повышение цены на внутреннем рынке имеет тенденцию уменьшать сбыт картелированных продуктов и, следовательно, впадает в противоречие с тенденцией к понижению издержек производства путем расширения масштаба последнего. Там где картели еще недостаточно сплочены, это может угрожать их существованию. Крупные, наилучше оборудованные предприятия, для которых сокращение сбыта, являющееся следствием картельной политики, становится невыносимым, снова начинают конкурентную борьбу, чтобы уничтожить сравнительно слабые производства и прибрать к рукам их сбыт. В этом случае после окончания борьбы на новом базисе может возникнуть еще более сильный картель. Но если картель сильно сплочен, то он постарается компенсировать сужение внутреннего рынка усилением экспорта, который даст возможность продолжать производство в прежнем и, возможно, даже в возросшем масштабе. На мировом рынке картель, конечно, должен продавать по ценам мирового рынка. Если картель вообще достаточно мощен и способен экспортировать продукты — а мы как раз и предполагаем такой случай, — то его действительная цена производства ($k + p$) будет соответствовать цене на мировом рынке. Но картель может продавать и ниже своей цены производства. Ведь на продукции, сбываемой на внутреннем рынке, он выручает сверхприбыль, величина которой определяется уровнем таможенных пошлин. Поэтому часть своей сверхприбыли он может употребить на то, чтобы, вытеснив конкурентов, расширить арену своего заграничного сбыта. Если это удастся, он сможет расширить свое производство, понизить издержки производства и, так как внутренняя цена остается прежней, получить новую сверхприбыль. Тот же результат достигается картелем и в том случае, когда он из своей сверхприбыли уплачивает вывозные премии тем отечественным покупателям, которые экспортируют продукты картеля. При данных размерах хозяйственной территории и при данной величине внутреннего потребления максимальная граница экспортной премии определяется здесь уровнем таможенных пошлин. При благоприятной же конъюнктуре картель может назначить эту премию намного ниже, может быть даже совсем уничтожить ее и, таким образом, оставить у себя часть такой определяемой конъюнктурой прибыли, которая иначе досталась бы его клиентам. При неблагоприятной конъюнктуре быть может и полной премии окажется недостаточно для того, чтобы компенсировать те убытки, которые несут эти клиенты от понижения цен на мировом рынке. История кар-

телей вновь и вновь учит, насколько важно для их прочности удерживать в своих руках также и экспорт; заминка экспорта вследствие недостаточно разработанной системы премий постоянно угрожает их существованию.

С развитием системы премий функция охранительных пошлин совершенно изменилась, даже превратилась в свою прямую противоположность. Из средства обороны против завоевания внутреннего рынка иностранной промышленностью таможенная пошлина стала средством завоевания иностранных рынков отечественной промышленностью, из оборонительного оружия слабого — наступательным оружием сильного.

Защитники английской свободы торговли видели в ней экономическую политику, применимую отнюдь не только в Англии. Напротив, придать политике свободной торговли всеобщий характер имело огромное значение для английской промышленности, которая таким образом обеспечила бы свою монополию на мировом рынке. Охранительные пошлины в других государствах означали сокращение сбыта английских товаров. И здесь в настоящее время произошло изменение в том смысле, что капитал преодолевает и этот барьер. Конечно, введение или повышение таможенных пошлин в известной стране теперь, как и раньше, равносильно ограничению возможности сбыта для страны, экспортирующей в первую, и, следовательно, создает препятствие для промышленного развития последней. Но охранительная пошлина означает для первой страны свехприбыль, и это становится мотивом вывоза в чужую страну уже не товаров, а самого производства этих товаров. Пока капитализм оставался неразвитым, такая возможность существовала лишь в сравнительно скромных пределах, отчасти потому, что государственное законодательство, вмешиваясь, ставило препятствия, отчасти потому, что еще не в достаточной мере сложились экономические предпосылки капиталистического производства — отсутствовала государственная безопасность, не хватало рабочей силы, в особенности квалифицированной; все это были препятствия, которые удавалось преодолевать медленно и постепенно и которые чрезвычайно затрудняли передвижение капитала. В настоящее время эти помехи по большей части устранены. Таким образом, для капитала развитой страны возможно преодолеть вредное действие протекционистской системы на норму прибыли посредством экспорта капитала.

ЭКСПОРТ КАПИТАЛА И БОРЬБА ЗА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ТЕРРИТОРИЮ

В то время как система охранительных пошлин, получая всеобщее распространение, ведет к тому, что мировой рынок все более расчленяется на отдельные государственно разграниченные хозяйственные территории, развитие в направлении к финансовому капиталу повышает значение размеров хозяйственной территории. Последняя всегда имела крупное значение для развития капиталистического производства¹. Чем больше и населеннее хозяйственная территория, тем крупнее может быть производственная единица, тем, следовательно, ниже издержки производства, тем выше специализация внутри предприятий, что опять-таки означает снижение издержек производства. Чем больше хозяйственная территория, тем легче можно разместить промышленность там, где имеются наиболее благоприятные природные условия, где выше всего производительность труда. Чем обширнее территория, тем разнообразнее производство, тем более вероятно, что отдельные отрасли производства будут взаимно дополнять друг друга, и можно будет сэкономить на издержках транспорта за счет ввоза извне. На большой территории легче уравниваются нарушения производства, вытекающие из сдвигов в области спроса, из стихийных катастроф. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что при развитии капиталистическом производстве свобода торговли, связав весь мировой рынок в единую хозяйственную территорию, обеспечила бы максимальную производительность труда и наиболее рациональное международное разделение труда. Однако и при свободе торговли промышленность пользуется на своем собственном национально-государственном рынке известными преимуществами вследствие знания нравов страны, привычек в области потребления, вследствие большей легкости понимания и в особенности благодаря тому преимуществу, которое дает ей относительная близость, а потому и экономия на издержках транспорта, которая может еще более возрасти в результате мероприятий в области тарифной политики. Напротив, иностранная промышленность наталкивается на известные препятствия, вытекающие из различий языка, права, валюты и т. д. Охранительные пошлины чрезвычайно усиливают невыгоды сравнительно мелкой хозяйственной территории. Они тормозят вывоз, следовательно, сокращают возможные размеры предприятия, противодействуют специали-

¹ См. *Otto Bauer*, Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. «Marx-Studien», Bd. II, S. 178 и след.

зации и тем самым, равно как помехами рациональному международному разделению труда, повышают издержки производства. Тем, что Соединенные Штаты смогли так быстро развиваться в промышленном отношении даже при режиме охранительных пошлин, они обязаны прежде всего величине своей хозяйственной территории, допускающей чрезвычайную специализацию в масштабах предприятия. Чем меньше хозяйственная территория при развитом капиталистическом производстве, т. е. в эпоху, когда воспитательный протекционизм уже сделал свое дело, тем в общем более заинтересовано соответствующее государство в свободе торговли. Отсюда, например, сильные фритредерские течения в Бельгии. К этому присоединяется еще одно обстоятельство: чем меньше территория, тем как бы более односторонне распределение естественных условий производительности, следовательно, тем меньше число способных развиваться отраслей промышленности, тем больше заинтересованность во ввозе тех иностранных товаров, для производства которых менее пригодна собственная хозяйственная территория.

Напротив, протекционизм означает ограничение хозяйственной территории и поэтому является помехой развитию производительных сил. Он сокращает размер промышленных предприятий, затрудняет специализацию и, наконец, препятствует международному разделению труда, благодаря которому капитал обращается к тем отраслям производства, для которых в данной стране имеются наиболее благоприятные предпосылки. При современных высоких охранительных пошлинах это тем более важно, что таможенные ставки часто устанавливаются не столько с учетом производственно-технического положения отдельных отраслей промышленности, сколько являются результатом политической борьбы отдельных промышленных групп, от влияния которых на государственную власть в конечном счете зависит, какой характер приобретут таможенные пошлины. Но если протекционизм является препятствием для развития производительных сил, а вместе с тем и для развития промышленности, то непосредственно для класса капиталистов он означает повышение прибыли. Свобода торговли затрудняет картелирование, отнимает у способных к картелированию отраслей промышленности их монопольное положение на внутреннем рынке, если только монополия не обеспечивается для них условиями транспорта (как в случае с углем) или естественной монополией (как в случае с германским производством калия). Вместе с тем отпадают и те сверхприбыли, которые поступают от использования картельноохранительных пошлин.

Конечно, монополизация прогрессирует и без охранительных пошлин. Но, во-первых, темп ее тогда очень сильно замедляется, во-вторых, прочность картелей уменьшается и, в-тре-

тых, приходится опасаться сопротивления против международных картелей, потому что последние воспринимаются тогда непосредственно как национально чуждые эксплуататорские силы. Напротив, протекционизм обеспечивает национальный рынок за картелем и придает ему несравненно большую прочность не только устранением конкуренции, но и потому, что возможность использовать охранительную пошлину является силой, непосредственно побуждающей к картелированию. Международное картелирование, которое, правда, на основе значительно большей концентрации, несомненно, в конце концов наступило бы и при свободе торговли, тоже ускоряется протекционизмом. Последний облегчает организацию картелей прежде всего в форме разграничения областей сбыта и в форме соглашений относительно цен, так как здесь дело сводится к объединению не разрозненных производителей на мировом рынке, как было при свободной торговле, а к объединению уже упрочившихся национальных картелей. Протекционизм выдвигает в качестве контрагентов отдельные картели и, следовательно, чрезвычайно сокращает число участников. Протекционизм подготавливает базис для соглашений еще и тем, что он с самого начала предоставляет национальный рынок национальным картелям. Но чем больше становится таких рынков, поставленных охранительными пошлинами вне конкуренции и предоставленных определенным национальным картелям, тем легче, во-первых, достигаются соглашения относительно свободных рынков, тем прочнее будет, во-вторых, интернациональное соглашение, потому что разрыв его не сулит аутсайдерам столь крупных успехов от конкуренции, как было бы при свободе торговли.

Таким образом, здесь имеются две противоположные тенденции. С одной стороны, охранительные пошлины становятся для картеля наступательным оружием в конкурентной борьбе, вследствие чего борьба цен обостряется; в то же время он стремится усилить свою позицию в конкурентной борьбе, используя государственную власть, дипломатическое вмешательство и т. д. С другой стороны, протекционизм укрепляет национальные картели и таким образом облегчает возникновение межкартельных образований. В результате этих тенденций интернациональные объединения представляют скорее перемирие, чем прочное соглашение об общности интересов. Любой сдвиг в протекционистском вооружении, любое изменение в соотношении рынков отдельных государств меняют основу соглашений и делают необходимыми новые договоры. Более прочные образования возникают лишь в тех случаях, когда свободная торговля более или менее устраняет национальные границы, или когда основой картеля служит не охранительная пошлина, а прежде всего естественная монополия, как, например, в случае с нефтью.

В то же время картелирование чрезвычайно увеличивает непосредственное значение размеров хозяйственной территории для величины прибыли. Мы видели, что охранительная пошлина обеспечивает капиталистической монополии сверхприбыль от сбыта на внутреннем рынке. Но чем больше хозяйственная территория, тем больше внутренний сбыт (припомним, например, какую долю всего производства стальных заводов составляет экспорт Соединенных Штатов, с одной стороны, и Бельгии — с другой), тем, следовательно, выше картельная прибыль. Чем больше последняя, тем выше могут быть экспортные премии, тем больше конкурентоспособность на мировом рынке. Одновременно с активизацией вмешательства в мировую политику, обусловленного жадностью колоний, возникало стремление до максимально возможных пределов расширить хозяйственную территорию, огражденную стеной протекционизма.

Поскольку протекционизм оказывает неблагоприятные воздействия на норму прибыли, картель старается преодолеть их средствами, которые даются ему в руки самой системой охранительных пошлин. То развитие экспортных премий, которое приносит с собой протекционизм, позволяет преодолевать, хотя бы отчасти, барьеры иностранного протекционизма и таким образом до известной степени предотвращать сокращение производства. Последнее оказывается возможным в тем большей степени, чем крупнее внутреннее производство, премированное собственными охранительными пошлинами. Значит и здесь возникает заинтересованность опять-таки не в свободе торговли, а в расширении собственной хозяйственной территории и в повышении пошлин. Если же это средство отказывает, тогда начинается экспорт капитала в форме строительства фабрик за границей. Промышленная сфера, угрожаемая охранительными пошлинами чужих стран, теперь, перенося часть своего производства за границу, сама пользуется этими охранительными пошлинами. Хотя расширение основного производства становится в силу этого невозможным, а повышение нормы прибыли путем уменьшения издержек производства неосуществимым, это возмещается, однако, тем ростом прибыли, который обеспечивают тому же капиталисту повышенные цены продуктов, производимых теперь за границей. Таким образом, экспорт капитала, которому в другой форме дается сильный толчок охранительными пошлинами собственной страны, стимулируется в свою очередь протекционизмом чужой страны и в то же время содействует повсеместному проникновению капитала во всем мире и интернационализации капитала.

Итак, поскольку дело касается нормы прибыли, здесь уничтожается тенденция к ее понижению, которую оказывает современный протекционизм, тормозящий развитие произво-

дательных сил. Таким образом, свобода торговли представляется капиталу излишней и вредной. За те помехи развитию производительности, которые вытекают из сужения хозяйственной территории, он старается вознаградить себя не переходом к свободной торговле, а расширением собственной хозяйственной территории, форсированием экспорта капитала¹.

Итак, современная политика протекционизма все более усиливает всегда присущее капиталу стремление к расширению своей сферы. С другой стороны, концентрация всего бездеятельного денежного капитала в руках банков приводит к планомерной организации экспорта капитала. Соединение банков с промышленностью позволяет им предоставлять денежный капитал на том условии, чтобы этот денежный капитал нашел применение в соответствующей отрасли промышленности. Это чрезвычайно ускоряет экспорт капитала во всех его формах.

Под экспортом капитала мы подразумеваем вывоз стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость. Существенно при этом, чтобы прибавочная стоимость оставалась в распоряжении отечественного капитала. Если, например, германский капиталист переселяется со своим капиталом в Канаду, производит там и уже не возвращается на родину, то это равносильно потере для германского капитала, это — денационализация капитала; это — не экспорт, а перенесение капитала, которое представляет собой вычет из отечественного и приращение иностранного капитала.

¹ Характерен следующий пример, на котором мы знакомимся также с международным картелем и действием экспорта капитала. «Производство швейных ниток является очень важной отраслью, издавна пустившей корни в Великобритании и главным образом в Шотландии. Четыре крупнейшие фирмы, почти целиком подчинявшие себе эту отрасль: «Котс энд К^о», «Кларк энд К^о», «Брук энд браз.», «Чодвиг энд браз.» с 1896 г. вступили в соглашение, известное под названием «И. энд П. Котс лимитед»; оно охватывает также ряд сравнительно мелких фабрик и объединение, в которое входят 15 американских обществ. Этот так называемый «Трид комбайн» с капиталом в 5,5 млн. ф. ст. представляет одно из крупнейших промышленных объединений во всем мире. Протекционистская политика Соединенных Штатов уже до этого объединения заставила фирмы «Котс» и «Кларк» основать в Соединенных Штатах собственные фабричные заведения, чтобы обезвредить высокие тарифные ставки, направленные против их продукции. Эту тактику продолжило и новое объединение и, кроме того, приобретя значительное количество акций соответствующих промышленных компаний в Северной Америке и других странах (значит, в крупном масштабе произошла эмиграция капитала), оно обеспечило за собой контроль над ними. Итак, английские промышленники производят за границей; вследствие сокращения работ потери ложатся на английских рабочих и, в последнем счете, на всю нацию. Нитяной трест имеет все основания и в дальнейшем вести ту же политику. Не встречая возражений, утверждают, что прибыль в 2,58 млн. ф. ст., полученная за 1903 04 операционный год, выручена главным образом с фабрик, построенных за границей. Когда окрепшая иностранная промышленность свергнет иго английского «контроля» и уменьшит уплачиваемую ему дань — это лишь вопрос времени» (Schwab, op. cit., S. 42).

Об экспорте капитала можно говорить только в том случае, если применяемый за границей капитал остается в распоряжении страны, из которой он происходит и, если отечественные капиталы могут располагать той прибавочной стоимостью, которая производится этим капиталом. Тогда этот капитал представляет собой статью в национальном «балансе претензий», а ежегодно производимая прибавочная стоимость — статью в национальном платежном балансе. Экспорт капитала уменьшает *pro tanto* [соответственно] количество отечественного капитала и увеличивает национальный доход на всю сумму производимой прибавочной стоимости.

Акционерная форма предприятий и развитая организация кредита благоприятствуют экспорту капитала и изменяют его характер в том смысле, что капитал получает возможность эмигрировать отдельно от предпринимателя; следовательно, собственность на этот капитал намного дольше сохраняется за экспортирующей страной или вообще остается за ней, и национализация капитала затрудняется. Если капитал экспортируется для сельскохозяйственного производства, национализация обыкновенно совершается значительно быстрее, как показывает прежде всего пример Соединенных Штатов.

С точки зрения экспортирующей страны экспорт капитала может происходить в двух формах: капитал эмигрирует за границу как капитал, приносящий проценты, или как капитал, приносящий прибыль. Последний опять-таки может функционировать как промышленный, торговый или банковый капитал. С точки зрения страны, в которую капитал экспортируется, важно также, из каких частей прибавочной стоимости уплачивается процент. Процент, уплачиваемый по закладным, находящимся за границей, означает, что за границу уходит часть земельной ренты¹; процент, уплачиваемый по облигациям промышленных предприятий, показывает, что за границу уходит часть промышленной прибыли.

По мере того, как европейский капитал развивается в финансовый капитал, он нередко уже с самого начала и эмигрирует как таковой. Крупный германский банк открывает за границей филиал. Этот филиал выступает посредником при заключении займа, выручка от которого употребляется на сооружение электротехнического завода. Строительство последнего передается электротехническому обществу, с которым банк связан на родине. Или процесс упрощается еще больше. Заграничное отделение банка учреждает за границей промышленное предприятие, выпускает акции у себя на родине и передает заказы опять-таки предприятиям, с которыми свя-

¹ Так, например, часть венгерской земельной ренты уходит в Австрию на оплату процентов по закладным венгерских ипотечных банков, обращающихся в Австрии.

зан главный банк. В наибольшем масштабе этот процесс происходит в тех случаях, когда операции с размещением государственных займов банки выполняют с целью доставить заказы промышленным предприятиям. Развитие такого экспорта капитала чрезвычайно ускоряется тесной связью банкового и промышленного капитала.

Условием экспорта капитала является различие норм прибыли; экспорт капитала — средство уравнивания национальных норм прибыли. Уровень прибыли зависит от органического состава капитала, следовательно, от уровня капиталистического развития. Чем он выше, тем ниже общая норма прибыли. Это — общие условия, определяющие величину прибыли. Они имеют меньшее значение здесь, где речь идет о товарах мирового рынка, цена которых определяется наиболее совершенными методами производства. К этим общим условиям присоединяются еще и специфические. Что касается нормы процента, то в странах с относительно низким уровнем капиталистического развития и недостаточной организацией кредитного и банкового дела она намного выше, чем в развитых капиталистических государствах. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что в первых странах в проценте обыкновенно содержится и часть заработной платы или предпринимательской прибыли. Высокий процент служит непосредственной приманкой для экспорта ссудного капитала. Предпринимательская прибыль здесь выше, потому что рабочая сила чрезвычайно дешева, а ее относительно низкое качество уравнивается чрезмерной продолжительностью рабочего времени. Выше еще и потому, что земельная рента низкая или номинальная, так как имеется еще много свободной земли, свободной в силу естественных причин или вследствие насильственной экспроприации туземцев, и издержки производства удешевляются низкой ценой земли. Кроме того, прибыль повышается привилегиями и монополиями. Если же дело идет о продуктах, для которых именно новый рынок создал сбыт, то реализуется сверхприбыль, потому что капиталистически производимые товары вступают здесь в конкуренцию с товарами, производимыми ремеслом.

В какой бы форме ни совершался экспорт капитала, он всегда означает, что поглотительная способность чужого рынка растет. В прежнее время границей экспорта товаров была поглотительная способность чужих рынков по отношению к продуктам европейской промышленности. Потребительная способность этих рынков ограничивалась тем, в какой мере они располагали избытками своего натуральнохозяйственного и во всяком случае неразвитого производства, производительность которого нельзя было бы ни повысить в короткое время, ни тем более превратить в производство для рынка. Таким образом, без дальнейших рассуждений понятно, что

английское капиталистическое, т. е. чрезвычайно эластичное и способное к расширению производство очень быстро удовлетворяло потребности всякого вновь открываемого рынка и превышало эти потребности, что в свою очередь проявлялось как перепроизводство в текстильной промышленности. Но, с другой стороны, потребительная способность самой Англии, поскольку дело касается специфических продуктов, производимых на вновь открываемых рынках, ограничена. Конечно, ее потребительная способность вообще, рассматриваемая с чисто количественной стороны, несравненно больше, чем потребительная способность чужих рынков. Но здесь решающее значение приобрела качественная сторона — потребительная стоимость тех продуктов, которые можно было извлечь с чужих рынков как эквивалент за английские товары. Поскольку дело тут шло о специфических продуктах, являющихся предметами роскоши, потребление их в Англии оставалось ограниченным; с другой стороны, тенденция к чрезвычайно быстрому расширению обнаруживалась именно в текстильной промышленности. Но вывоз текстильных продуктов повышал ввоз колониальных продуктов, между тем как потребление предметов роскоши расширялось далеко не в такой же мере. И даже для быстрого расширения текстильного производства было необходимо, чтобы прибыль в возрастающей степени накапливалась, а не потреблялась, затрачиваясь на предметы роскоши. Поэтому открытие новых чужих рынков каждый раз заканчивается для Англии кризисами, которые начинаются, с одной стороны, падением цены текстильных продуктов за границей, а с другой стороны — крушением цен колониальных продуктов в Англии. История любого английского кризиса показывает значение этих специфических причин кризисов. Стоит отметить, с какой старательностью Тук, например, следит за ценами всех колониальных продуктов и как регулярно прежние промышленные кризисы сопровождались полным крахом этих отраслей торговли. Изменение наступает только с развитием современной системы транспорта, которое переносит центр тяжести на металлургическую промышленность, между тем как связи с вновь открываемыми рынками все более меняются в том направлении, что они все больше сводятся уже не к простому товарообмену, а к экспорту капитала.

Уже экспорт капитала как ссудного капитала чрезвычайно расширяет поглотительную способность вновь открываемого рынка. Предположим, что вновь открытый рынок в состоянии экспортировать товаров на 1 млн. ф. ст. При простом товарообмене, предполагая обмен равных стоимостей, его поглотительная способность равнялась бы тоже 1 млн. ф. ст. Но если эта стоимость экспортирована в страну не как товар, а как ссудный капитал, например в форме государственного

займа, то эта же стоимость в 1 млн. ф. ст., которой может располагать новый рынок, экспортируя свои избытки, послужит уже не для обмена на товары, а для уплаты процентов на капитал. Значит, в эту страну можно теперь экспортировать уже стоимость не в 1 млн. ф. ст., а, скажем, в 10 млн., если эта стоимость отправляется туда как капитал и если процент составляет 10, или в 20 млн., если процент падает до 5. На этом примере видно также, какую большую роль для способности рынка к расширению играет понижение уровня процента. Обостренная конкуренция иностранного ссудного капитала имеет тенденцию быстро понижать норму процента также и в отсталых странах и, следовательно, опять-таки расширяет возможность экспорта капитала. Экспорт промышленного капитала оказывает значительно большее воздействие, чем экспорт в форме ссудного капитала, и как раз по этой причине экспорт капитала в форме промышленного капитала приобретает все большее значение. В самом деле, перенесение капиталистического производства на чужой рынок совершенно освобождает последний от тех границ, которые ставятся его собственной потребительной способностью. Ведь увеличение стоимости капитала обеспечивается доходностью этого нового производства. Но сбыт этого производства рассчитан не на один только данный вновь открытый рынок. Напротив, в таких новых районах капитал обращается к тем отраслям производства, для которых обеспечен сбыт на мировом рынке. Например, проникновение капитала в Южную Африку никак не связано с поглотительной способностью Южной Африки; главная отрасль производства — эксплуатация золотых рудников — пользуется почти безграничной возможностью сбыта, и темп внедрения капитала зависит здесь только от естественной возможности расширять разработку и от наличия достаточного рабочего населения. Точно так же, например, эксплуатация месторождений меди не зависит от потребительной способности колонии; напротив, те отрасли промышленности, которые производят собственно предметы потребления и должны искать возможности сбыта по большей части на самом новом рынке, в своем расширении очень быстро наталкиваются на границы потребительной способности.

Таким образом, экспорт капитала расширяет ту границу, которая определяется потребительной способностью нового рынка. Но в то же время перенесение капиталистических методов транспорта и производства в чужую страну обуславливает здесь ускоренный темп экономического развития, приводит к возникновению расширяющегося внутреннего рынка вследствие разложения натуральнохозяйственных связей, к расширению производства на рынок и тем самым к увеличению количества тех продуктов, которые могут быть вывезены

и могут таким образом послужить опять-таки на уплату новых процентов по вновь импортированному капиталу. Раньше открытие колоний и новых рынков означало прежде всего открытие новых предметов потребления; напротив, в настоящее время новый капитал обращается главным образом к тем отраслям, которые доставляют сырой материал для промышленности. Одновременно с расширением отечественной промышленности, которая обслуживает потребление экспорта капитала, экспортированный капитал обращается к производству сырья для этой самой промышленности. Следовательно, продукты экспортированного капитала находят сбыт в метрополии, и тот узкий круг, в котором двигалось производство Англии, чрезвычайно расширяется благодаря взаимоснабжению отечественной промышленности, с одной стороны, и промышленности, созданной экспортированным капиталом,— с другой.

Но мы знаем, что открытие новых рынков играет важную роль тем, что кладет конец промышленной депрессии, удлиняет период подъема и ослабляет действие кризисов. Экспорт капитала ускоряет открытие чужих стран и развивает их производительные силы в огромном масштабе. В то же время он увеличивает в метрополии производство, которое должно доставить товары, экспортируемые за границу в качестве капитала. Таким образом, он превращается в мощную движущую силу капиталистического производства, которое по мере того, как экспорт капитала становится всеобщим явлением, вступает в новый период бури и натиска¹, характеризующийся тем, что цикл подъема и депрессии как будто сокращается, кризисы принимают как будто более мягкие формы. Быстрое расширение производства порождает также рост спроса на рабочую силу, который столь благоприятствует профессиональным союзам. Кажется как будто страны старого капиталистического развития преодолели имманентные тенденции капитализма, ведущие к обнищанию. Быстрый подъем производства затемняет отрицательные стороны капиталистического общества и ведет к оптимистической оценке его жизнеспособности.

Быстрым ли, медленным ли темпом совершается открытие колоний и новых рынков, это в настоящее время зависит главным образом от их способности послужить ареной для приложения капитала. Способность же эта тем выше, чем богаче колонии такими продуктами, которые можно производить капиталистически, сбыт которых на мировом рынке обеспечен и которые важны для промышленности метрополии. Быстрая экспансия капитализма в 1895 г. вызвала прежде всего повы-

¹ По удачному выражению Парвуса (*Parvus, Die Handelskrise und die Gewerkschaften, München 1901*).

шение цен металлов и хлопка и тем самым значительно усилила стремление открыть новые источники этих важнейших сырых материалов. Поэтому экспортированный капитал ищет применения прежде всего в тех областях, которые способны производить эти продукты, и обращается именно к этим сферам, из которых горное дело немедленно же приобретает развитую капиталистическую производственную организацию. Производство этого рода в свою очередь увеличивает тот избыток, который может вывозить колония, а это дает возможность приложения новых капиталов. Таким образом темп проникновения капитала на новые рынки чрезвычайно ускоряется. Препятствием открытию новой страны является не отсутствие в ней капитала; последнее устраняется ввозом капитала. В большинстве случаев помехой становится другое обстоятельство: нехватка «свободного», т. е. наемного труда. Рабочий вопрос приобретает острые формы, и представляется, будто он разрешим только средствами насилия.

Как всегда, во всех случаях, когда капитал впервые встречается с отношениями, противоречащими его потребности самовозрастания и экономически преодолимыми лишь медленно и постепенно, так и здесь он апеллирует к государственной власти и ставит ее на службу насильственной экспроприации, которая создает необходимый свободный наемный пролетариат, будь то, как в начале капитализма, европейские крестьяне или индейцы Перу и Мексики, или, как в настоящее время, африканские негры¹. Насильственные методы неотделимы от существа колониальной политики, которая без них утратила бы свой капиталистический смысл, и так же составляют интегральный элемент колониальной политики, как наличие неимущего пролетариата вообще представляет собой *conditio sine qua non* [непременное условие] капитализма. Проводить колониальную политику и в то же время толковать об устранении ее насильственных методов — это фантазия, к которой нельзя относиться серьезнее, чем к иллюзии, будто можно уничтожить пролетариат, но сохранить капитализм.

Методы принуждения к труду многообразны. Главное средство — экспроприация туземцев, у которых отнимается земля и, следовательно, основа прежнего существования. Земля отдается завоевателям, причем все сильнее обнаруживается тенденция передавать ее не отдельным колонистам, а крупным земельным компаниям. В особенности это касается тех случаев, когда дело идет о добыче продуктов горного дела. Здесь по методу первоначального накопления капиталистическое богатство сразу сосредоточивается в руках немногих капиталистических магнатов, между тем мелкие переселенцы

¹ См. примеры у Парвуса (*Parvus, Die Kolonialpolitik und der Zusammenbruch*, Leipzig 1907, S. 63 и след.).

остаются ни с чем. Напомним лишь о тех огромных богатствах, которые были сконцентрированы таким путем в руках группы, захватившей золотые рудники и алмазные прииски английской Южной Африки, и в меньшем масштабе — в руках германских колониальных обществ Юго-Западной Африки, находящихся в самой тесной связи с крупными банками. В то же время экспроприация создает из освобожденных от земли туземцев пролетариат, который должен сделаться послушным объектом эксплуатации. Возможность экспроприации создается сопротивлением со стороны туземцев, которое естественно встречают притязания завоевателей. Насилия колонистов создают конфликты, которые делают «необходимым» вмешательство государства, а там уже государство позаботится, чтобы дело было сделано основательно. Стремление капитала к безропотным объектам эксплуатации становится теперь под маркой «замирения» области задачей государства, и выполнение ее ложится уже на всю нацию, т. е. прежде всего на пролетариев-солдат и налогоплательщиков в метрополии.

Там, где не удастся разом произвести столь радикальную экспроприацию, та же цель достигается созданием налоговой системы, которая требует от туземцев столь крупных денежных платежей, что внести их возможно лишь непрерывным трудом на службе чужого капитала. Это воспитание к труду достигло законченных форм в Бельгийском Конго, где средствами накопления капитала, наряду с удушающим обложением являются хроническое применение насилия в позорнейших формах, обман и коварство. Рабство снова становится экономическим идеалом, а вместе с ним и тот дух зверской жестокости, который из колонии передается носителям колониальных интересов метрополии и справляет здесь свои отвратительные оргии¹.

Если туземного населения недостаточно, потому ли что чрезмерное усердие при экспроприации освободило туземцев не только от земли, но и от жизни, потому ли что население нестойко или недостаточно многочисленно для того, чтобы норма прибавочной стоимости достигла желанного уровня, то капитал стремится разрешить рабочий вопрос привлечением труда извне. Организуется ввоз кули, и одновременно при помощи утонченной системы контрактного рабства заботятся

¹ Припомним, например, тот позорный энтузиазм, с которым страна поэтов и мыслителей отнеслась к Карлу Петерсу. Эту связь ясно видели уже английские фритредеры и указание на нее служило им хорошим агитационным средством против колониальной политики. Так, Кобден говорит: «Возможно ли, чтобы мы играли роль деспота и палача там (в Индии) и чтобы наш характер при этом не испортился здесь!» (Цит. по *Schulze-Jävernitz*, *op. cit.*, примечание 104).

о том, чтобы законы спроса и предложения на этом рабочем рынке не оказали какого-нибудь неприятного действия. Конечно, это не радикальное разрешение рабочего вопроса для капитала. С одной стороны, во всех странах, где имеется место для белого наемного труда, привлечение кули наталкивается на растущее сопротивление белых рабочих. С другой стороны, господствующим классам это решение также представляется опасным во всех случаях, когда европейская колониальная политика вступает в конфликт с постоянно усиливающимся стремлением Японии к экспансии, а за Японией в непродолжительном времени последует и сам Китай¹.

Если таким образом привлечение желтого труда ограничивается, то, с другой стороны, возможность расширить арену белого труда еще более ограничена. Для Европы освобождение рабочих в результате развития капитализма в значительной степени приостановилось. Быстрое расширение капитализма в этот период бури и натиска отчасти породило противоположную тенденцию в наиболее передовых странах.

Так, германский капитализм в оба последних периода высокой конъюнктуры сам натолкнулся на ограниченность рабочего населения и вынужден был восполнить необходимое рекрутирование резервной промышленной армии иностранными рабочими. Капитализм Соединенных Штатов тоже и притом в несравненно большем масштабе должен пользоваться привлечением иммигрантов. Напротив, замедленный темп развития Англии проявляется, между прочим, и в более ощутимой безработице. Таким образом, европейская область эмиграции ограничивается Южной и Юго-Восточной Европой и Россией. Но в то же время вследствие быстрой экспансии потребность в наемном труде чрезвычайно возросла.

Итак, государства, которые по социальным или международно-политическим соображениям не допускают иммиграции, наталкиваются в своей экспансии на преграду, которую ставит численность рабочего населения, и труднее всего преодолеть эту преграду как раз в тех областях, где перед капиталистическим развитием стоят наиболее блестящие перспективы, например в Канаде и Австралии. Кроме того, в этих странах при крупных размерах *Terra libera* [свободной территории] расширение земледелия тоже требует быстрого роста дополнительного населения и серьезно противодействует возникновению неимущего пролетариата. Собственный же прирост населения в этих областях чрезвычайно медленный. Но и рост населения в развитых европейских государствах

¹ См. полемику по вопросу об иммиграции в «Neue Zeit», XXVI, 1, в особенности работы: *Otto Bauer*, *Proletarische Wanderungen*; *Max Schippel*, *Die fremden Arbeitskräfte und die Gesetzgebung der verschiedenen Länder*.

постоянно замедляется¹, что уменьшает то избыточное население, которым может располагать эмиграция.

Но это замедление роста населения сказывается в особенности в тех странах, которые имеют огромное значение для увеличения количества сельскохозяйственных продуктов: в Канаде, Австралии и Аргентине. Оно создает тенденцию к повышению цены земледельческих продуктов, которая проявляется все сильнее, несмотря на то что сельскохозяйственное производство обладает большой способностью к расширению.

Однако граница, которую ставит рост населения, всегда лишь относительная граница. Она объясняет, почему капиталистическая экспансия не идет еще более бурным темпом, но ни в коем случае не прекращает самой экспансии. К тому же она несет в себе и средства исцеления. Мы оставляем здесь в стороне создание свободного наемного труда или принудительного труда в собственно колониальных областях; оставляем в стороне и постоянно происходящее относительное высвобождение белого труда вследствие технического прогресса в капиталистических метрополиях, которое при замедлении экспансии сделалось бы абсолютным. Помимо всего этого,

¹ См. об этом данные, например, у Пауля Момберта (*Paul Mombert, Studien zur Bevölkerungsbewegung in Deutschland, 1907*). Так, на каждую 1000 жителей в Европе приходилось живых новорожденных в среднем за год:

Годы		Годы	
1841—1850	37,8	1881—1885	38,4
1851—1860	37,8	1886—1890	37,8
1861—1870	38,6	1891—1895	37,2
1871—1875	39,1	1896—1900	36,9
1876—1880	38,7	1901	36,5

Снижение цифр рождаемости очень значительно также в Соединенных Штатах и поразительно в Австралии. Например, в Новом Южном Уэльсе на каждую 1000 замужних женщин в возрасте 15—45 лет приходилось рождений в браке: в 1861 г. — 340,8, в 1901 г. 235,3 (см. также *Schulze-Gävernitz, op. cit., S. 195*. Он цитирует вопли правительственного статистика Гойлена: «Проблема падения рождаемости по своей важности превосходит все остальное, а для Австралии ее значение больше, чем для какой-либо иной страны. От ее удовлетворительного решения зависит, займет ли когда-либо наша страна место среди великих наций мира»).

Следовательно, в указанных областях прирост населения приходится приписать только значительному снижению смертности, которая упала больше, чем рождаемость. В Германии смертность до сих пор падала много быстрее, чем рождаемость. «Если упадок последней продолжится, то должен наступить момент,— это лежит в самой природе вещей,— когда снижение смертности пойдет медленнее и соотношение ее с уменьшением рождаемости примет обратный вид. Но тогда и в избытке рождаемости обнаружится тенденция к понижению» (*Mombert, op. cit., S. 263*). Это явление уже наблюдается, например, в Англии и Уэльсе, Шотландии и Швеции.

Для этой стадии развития капитализма правильно также и заключительное суждение Момберта: «Может быть в не особенно отдаленном будущем и суть вопроса о населении не только во Франции, но и в других странах увидят не столько в слишком сильном, сколько в слишком слабом приросте населения» (*S. 280*).

если бы капиталистическая экспансия в колониальных областях, где применяется белый труд, натолкнулась на более податливые границы, следствием этого было бы только одно: капитализм, преодолевая противодействующие ему политические границы, в еще большей степени обратился бы к отсталым аграрным областям самой Европы, и его выступление здесь, разрушая деревенскую домашнюю промышленность и высвобождая аграрное население, в огромнейших размерах создало бы материал для усиления эмиграции.

Но если новые рынки становятся не просто областями для сбыта, а сферами приложения капитала, то в зависимости от этого изменяется и политическая позиция стран, экспортирующих капитал.

Простая торговля, поскольку она не являлась колониальной торговлей, которая соединяется с разбоем и грабежом, а была торговлей с белым или желтым населением, способным к сопротивлению и сравнительно высоко развитым, долгое время оставляла в неприкосновенности основные социальные и политические отношения соответствующих стран и ограничивалась лишь экономическими связями. Если только имеется какая-нибудь государственная власть, которая до известной степени может поддерживать порядок, непосредственное подчинение не столь важно. Это изменяется по мере того, как перевес берет экспорт капитала. Тут дело касается уже несравненно более крупных интересов. Если в чужой стране строятся железные дороги, приобретается земля, сооружаются порты, закладываются и пускаются в ход рудники, риск намного больше, чем в том случае, когда просто покупаются и продаются товары.

Таким образом, отсталость правовых отношений становится препятствием, преодоления которого хотя бы и мерами насилия все более энергично требует финансовый капитал. Это приводит к постоянно обостряющимся конфликтам между развитыми капиталистическими государствами и государственной властью отсталых стран, к все более настойчивым попыткам навязать этим странам правовые отношения, соответствующие потребностям капитализма, будь это с сохранением или же с уничтожением прежних властей. В то же время конкуренция из-за вновь открытых сфер приложения капитала приводит к новым противоречиям и конфликтам между самими развитыми капиталистическими государствами. Что касается вновь открытых стран, там ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию, против пришельцев. Сопротивление это легко может вырасти в опасные меры, направленные против иностранного капитала. В корне революционизируются старые социальные отношения, разрушается тысячелетняя аграрная обо-

собленность «внеисторических наций», они вовлекаются в капиталистический водоворот. Сам капитализм мало-помалу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшею: создание единого национального государства как орудия экономической и культурной свободы. Это движение к независимости угрожает европейскому капиталу в его наиболее ценных областях эксплуатации, сулящих наиболее блестящие перспективы, и европейский капитал может сохранять свое господство, лишь постоянно увеличивая свои военные силы.

Отсюда призывы всех капиталистов, заинтересованных в чужих странах, к сильной государственной власти, авторитет которой защитил бы эти интересы и в отдаленнейших уголках света; призывы к тому, чтобы повсюду развевался военный флаг, который позволил бы повсюду развеваться торговому флагу. Но лучше всего чувствует себя экспортированный капитал, когда государственная власть его страны полностью подчинит себе новую область. Тогда экспорт капитала из других стран будет исключен, экспортированный капитал будет пользоваться привилегированным положением, и его прибыли по возможности будут гарантированы государством. Таким образом, экспорт капитала действует в пользу империалистической политики.

Экспорт капитала, в особенности с тех пор, когда он вывозится в форме промышленного и финансового капитала, гигантски ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и вовлечение всего земного шара в сферу капитализма. Капиталистическое развитие не зарождалось самостоятельно в каждой отдельной стране. Вместе с капиталом импортировались капиталистическое производство и отношения эксплуатации, причем всегда на той ступени развития, которой они достигли в наиболее передовой стране. В настоящее время вновь возникающая промышленность не развивается от ремесленных зачатков и техники к современному гигантскому предприятию, а с самого начала основывается в форме крупнокапиталистического предприятия. Точно так же в настоящее время и капитализм импортируется в новую страну каждый раз на уже достигнутой им стадии и потому развертывает свое революционизирующее действие с несравненно большей мощностью и в несравненно более короткое время, чем потребовалось, например, для капиталистического развития Голландии и Англии.

Эпоху в истории экспорта капитала составил переворот в транспортном деле. Железные дороги и пароходы сами по себе имеют колоссальное значение для капитализма, сокращая период обращения. Благодаря этому, во-первых, высвобождается капитал из сферы обращения и, во-вторых, повышается норма прибыли. Удешевление сырого материала понижает

издержки производства и расширяет потребление. Далее, только железные дороги и пароходы создают те громадные хозяйственные территории, которые делают возможными современные гигантские предприятия с их массовым производством. Но железные дороги были прежде всего важнейшим средством для открытия иностранных рынков сбыта. Только они сделали возможным потребление Европой продуктов этих рынков в таком колоссальном масштабе, и только благодаря им рынок столь быстро расширился в мировой рынок. Еще важнее было то обстоятельство, что теперь стал необходимым в крупнейшем масштабе экспорт капитала для строительства этих железных дорог, которое осуществлялось почти исключительно европейским, в особенности английским капиталом.

Однако экспорт капитала оставался монополией Англии и в свою очередь обеспечивал за ней господство над мировым рынком. Следовательно, Англии не приходилось бояться промышленной или финансовой конкуренции других стран. Поэтому ее идеалом оставалась свобода рынка. Наоборот, превосходство Англии тем более должно было побуждать другие государства к тому, чтобы удерживать и расширять свое господство над уже приобретенными областями, так как это было средством защититься от подавляющей конкуренции Англии хотя бы в пределах этих областей.

Положение изменилось, когда монополия Англии была сломлена, когда в американском и германском капитализме вырос превосходящий конкурент английскому капитализму, организационно недостаточно действенному вследствие свободы торговли. Развитие в направлении к финансовому капиталу создавало в Америке и Германии сильное стремление к экспорту капитала. Мы видели, как развитие акционерных обществ и картелей создает учредительскую прибыль, которая притекает к банкам в виде капитала, ищущего применения. К этому присоединяется и то, что система охранительных пошлин сужает внутреннее потребление и тем самым заставляет форсировать экспорт. Притом экспортные премии, которые стали возможными благодаря картельному протекционизму, явились средством для того, чтобы подготовить на нейтральных рынках подавляющую конкуренцию против Англии, тем более опасную, что сравнительно молодая крупная промышленность этих стран благодаря своему новому оборудованию отчасти превосходит английскую и в техническом отношении. Но раз экспортные премии сделали важным средством международной конкурентной борьбы, то это орудие тем более действенно, чем выше их можно назначить. Уровень экспортных премий зависит от высоты таможенных пошлин. В повышении последних заинтересован теперь всякий национальный класс капиталистов. И здесь никак нельзя отставать на сколько-нибудь продолжительное время. Протекционизм в одной стране необ-

ходимо влечет за собой протекционизм в другой, и это тем более неизбежно, чем более развит в последней капитализм, чем более сильны и распространены в ней капиталистические монополии. Величина охранительных пошлин становится решающим моментом в международной конкурентной борьбе. Чтобы не ухудшить условий конкуренции, чтобы не потерпеть поражения на мировом рынке, каждая страна должна немедленно подражать повышению пошлин в другой. Промышленный протекционизм становится тем же, чем является по своей природе аграрный протекционизм: бесконечной спиралью.

Конкурентная борьба, раз ее приходится вести только путем удешевления цены товара, всегда угрожает убытками или хотя бы падением прибыли ниже ее средней нормы. Устранение конкуренции становится идеалом крупных союзов капиталистов. Тем более, что, как мы видели, экспорт превращается для них в настоятельную необходимость, которая должна быть осуществлена во что бы то ни стало, ибо технические условия властно требуют, чтобы производство велось в возможно более крупном масштабе. Но на мировом рынке царит конкуренция, и потому не остается ничего иного, как только заменить один вид конкуренции другим, менее опасным. На место конкуренции на товарном рынке, где решающее значение имеет только цена товара, выступает конкуренция на рынке капиталов, в сфере предложения ссудного капитала, предоставление которого с самого начала связывается с условием, что впоследствии будет принят товар. Экспорт капитала становится теперь средством обеспечить заказы за промышленностью страны, экспортирующей капитал. Перед покупателем не остается теперь выбора. Он стал должником, значит, зависимой стороной, вынужденной принимать условия кредитора. Сербия получит заем в Австрии, Германии или Франции лишь при том условии, если она возьмет на себя обязательство покупать пушки или железнодорожные материалы у Шкоды, Круппа или Шнейдера. Борьба за сбыт товара превращается в борьбу за сферы приложения ссудного капитала между национальными банковскими группами; а так как вследствие интернационального уравнивания процентных ставок, экономическая конкуренция поставлена здесь в сравнительно узкие рамки, то экономическая борьба быстро ведет к столкновению сил, которое решается уже политическим оружием.

Но в этих конфликтах экономическое преимущество остается как раз на стороне старых капиталистических государств. Англия¹ располагает старой, насыщенной капиталом, промыш-

¹ Британский капитал, вложенный за границей, оценивался в 1900 г. в 2500 млн. ф. ст., а его ежегодное увеличение — в 50 млн., из коих 30 млн. в ценных бумагах. Капиталовложения за границей возрастают, по-видимому, быстрее, чем внутри страны. По крайней мере, общая сумма британского дохода в период 1865—1898 гг. только удвоилась, между тем как доход, получаемый

ленностью, которая со времен английской монополии на мировом рынке приспособлена к потребностям мирового рынка, развивается сравнительно медленнее, чем германская или американская, и обладает меньшей способностью к расширению. Но, с другой стороны, накопленный капитал чрезвычайно велик, и от заграничных вложений постоянно притекают в Англию новые массы прибыли, подлежащие накоплению. Отношение накапливающегося масс капитала к тому количеству капитала, которое может быть вложено в самой Англии, здесь наивысшее, а потому стремление к помещению за границей наиболее сильное, взимаемая процентная ставка самая низкая. По иным причинам то же явление наблюдается и во Франции. Здесь тоже, с одной стороны, имеется издавна накопленное богатство. Хотя собственность на него не так концентрирована, зато оно централизовано банками; наряду с этим постоянно притекают доходы от заграничных вложений. С другой стороны, имеет место застойное состояние промышленности в собственной стране, и потому здесь тоже сильно стремление капитала к экспорту. Эти преимущества обеих стран можно возместить только политически, усиленным давлением дипломатии — средство опасное и потому ограниченное, — или же экономически: путем потерь на цене, которые могут при случае уравновесить повышенный процент.

Но ожесточенность конкуренции пробуждает стремление к ее прекращению. Самым простым способом это удастся, если части мирового рынка включаются в состав национального рынка, т. е. присоединением чужих стран посредством колониальной политики. Если свободная торговля была безразлична к колониям, то протекционизм непосредственно приводит к большей активности в сфере колониальной политики. Здесь инте-

из-за границы, за тот же период возрос в 9 раз. (Giffen). Обстоятельные данные содержит доклад Джоржа Пейша, опубликованный в «*Journal of the Royal Statistical Society*» в сентябре 1909 г. Согласно этим данным, в 1906/07 г. доход от государственных займов Индии составлял 8 768 237 ф. ст., остальных колоний — 13 952 722 ф. ст., всех остальных стран — 8 338 124 ф. ст., итого 31 039 083 ф. ст. против 25 374 192 ф. ст. в 1897/98 г. Доход от других ценных бумаг (железные дороги!) определялся в 48 521 тыс. ф. ст. Сумма заграничного капитала определяется в 2700 млн. ф. ст., из них 1700 млн. вложено в железные дороги. Доход от этого исчисляется в 140 млн. ф. ст., что соответствует доходности в 5,2%. По всей вероятности, эти оценки еще немало отстают от действительности.

Французский капитал за границей П. Леруа-Болье определял в 34 млрд. франков; в 1905 г. он, вероятно, возрос до 40 млрд. Ежегодное увеличение этого капитала оценивается в 1500 млн. франков.

Иностранные владения Германии Шмоллер в своем известном сообщении перед комиссией по биржевой анкете оценивал в 1906 г. в 10 млрд. марок. В. Христианс — в 13 млрд., ежегодно приносящих прибыль в 500—600 млн. марок. Для 1906 г. Сарториус оценивает в 16 млрд. ценные бумаги и в 10 млрд. иные заграничные владения, ежегодный доход — приблизительно в 1240 млн. марок. Более подробные данные см. *Sartorius*, op. cit., S. 88 и след.

ресы государств непосредственно враждебно сталкиваются между собой.

В том же направлении действует и еще одно обстоятельство. Уже с чисто количественной точки зрения для страны выгоднее, если ее капитал будет экспортирован в форме капитала, приносящего прибыль, а не капитала, приносящего процент, так как прибыль*ведь больше, чем процент. Далее, если экспортирующие капиталисты вкладывают свой капитал как промышленный капитал, распоряжение капиталом будет более непосредственным, а контроль более прямым. Тот английский капитал, который вложен в американские железнодорожные займы, т. е. вложен как капитал, приносящий процент, оказывает минимальное влияние на политику американских железнодорожных тузов; напротив, влияние это — решающее, когда промышленное предприятие ведется самым английским капиталом. Но в настоящее время субъектами экспорта промышленного капитала являются прежде всего картели и тресты. Причины этого различны. Во-первых, эти организации сильнее всего в отраслях тяжелой промышленности, где, как мы видели, сильнее всего стремление к экспорту капитала, который ищет новых рынков сбыта для своего колоссально раздувающегося производства. Эти монополизированные отрасли тяжелой промышленности в первую очередь заинтересованы в строительстве железных дорог, эксплуатации рудников, росте вооружений в иностранных государствах, строительстве электростанций. За ними стоят крупные банки наиболее тесно связанные с этими отраслями. Кроме того, с одной стороны, стремление к расширению производства в картелированных отраслях очень сильно, но, с другой стороны, этому на внутреннем рынке противодействуют высокие картельные цены. Таким образом, экспансия обеспечивает наилучшую возможность для того, чтобы удовлетворить потребности в расширении производства. Далее, в результате своих сверхприбылей картели всегда располагают капиталами, ожидающими накопления, которые они охотнее всего вложат в свою собственную сферу, где норма прибыли наиболее высокая. К тому же связь между банками и промышленностью здесь наиболее тесная, и возможность получить учредительскую прибыль от эмиссии акций предприятия становится серьезным стимулом экспорта капитала. Таким образом, мы наблюдаем, что стремление к экспорту *промышленного* капитала в настоящее время особенно сильно в странах с организационно наиболее передовой промышленностью, в Германии и Соединенных Штатах. Так объясняется то своеобразное явление, что эти государства, с одной стороны, экспортируют капитал, а с другой — отчасти сами импортируют из-за границы капитал, необходимый для их собственного народного хозяйства. Они экспортируют прежде всего промышленный капитал, расширяя тем самым свою

промышленность, оборотный капитал для которой они частично получают в форме ссудного капитала из стран с сравнительно замедленным промышленным развитием, но с более крупным богатством в виде накопленных капиталов. При этом они выигрывают не только разницу между промышленной прибылью, которую выручают на чужих рынках, и значительно более низким процентом, который им приходится уплачивать на занятый капитал в Англии или Франции, но и обеспечивают этим способом экспорта капитала более быстрый рост собственной промышленности. Так, Соединенные Штаты в огромном масштабе экспортируют промышленный капитал в Южную Америку и в то же время импортируют из Англии, Голландии, Франции и т. д. необходимый для ведения собственной промышленности ссудный капитал в форме акций и облигаций¹.

Таким образом, картелирование и трестирование форсируют экспорт капитала из стран, где монополизация промышленности зашла всего дальше, и тем самым обеспечивают для капиталистов этих стран превосходство перед странами с низкоорганизованной промышленностью. В последних это пробуждает стремление ускорить картелирование собственной промышленности протекционизмом, а в передовых странах усиливает стремление при любых обстоятельствах обеспечить дальнейший экспорт капитала путем устранения всякой конкуренции иностранного капитала.

Если экспорт капитала в своих наиболее развитых формах выдвигается такими сферами, в которых концентрация капитала зашла всего дальше, то он же оказывает обратное воздействие, усиливая мощь капитала и ускоряя накопление в этих капиталистических сферах. Только крупнейшим банкам и крупнейшим отраслям промышленности удастся добиваться для себя на чужих рынках условий, наиболее благоприятных для увеличения капитала. Крупным банкам и крупной промышленности достаются здесь столь высокие сверхприбыли, о которых нечего и мечтать сравнительно мелким капиталистическим силам.

Итак, политика финансового капитала преследует три основные цели: во-первых, создание возможно более обширной хозяйственной территории, которая, во-вторых, должна быть ограждена от иностранной конкуренции таможенными стенами и таким образом должна превратиться, в-третьих, в область эксплуатации для национальных монополистических объединений. Но эти требования впадают в самое острое противоречие с экономической политикой, которую с поистине классическим совершенством проводил промышленный капитал во время его

¹ Если даже европейский капитал вкладывается в Соединенных Штатах в форме акций, он часто получает всего лишь обычный процент, потому что предпринимательская прибыль уже предвосхищена в учредительской прибыли американских банков.

единодержавия в Англии (единодержавия в том двойном смысле, что ему был подчинен торговый и банковый капитал и что ему в то же время принадлежало единодержавие на мировом рынке). И это тем более, что проведение политики финансового капитала в других странах представляло все большую угрозу для интересов английского промышленного капитала. Страна свободной торговли вполне естественно была центром натиска иностранной конкуренции. Конечно «демпинг» имел и свои выгоды для английской промышленности. Обрабатывающая промышленность вследствие разорительной конкуренции получала более дешевый сырой материал. Но это именно и наносило ущерб отраслям, производящим сырые материалы. С прогрессом картелирования, с объединением все больших ступеней производства и с разработкой системы экспортных премий должен пробить час и для тех отраслей английской промышленности, которые до сих пор выигрывали от «демпинга». Но самое важное обстоятельство заключалось в том, что пошлины пробуждают надежду на эру быстрой монополизации с ее перспективами сверхприбылей и учредительских барышей, представляющих лакомую приманку для английского капитала.

С другой стороны, объединение Англии с колониями при помощи охранительных пошлин вполне возможно. Большая часть автономных колоний Англии, это — государства, которые важны для Англии прежде всего как поставщики сырья¹ и как покупатели продуктов промышленности². Протекционизм

¹ «За последние 20 лет ввоз пшеницы и другого зерна из-за границы увеличился на 4 млн. ф. ст., или на 9%; напротив, импорт из британских владений вырос на 9 1/4 млн. ф. ст., или на 84%. Увеличение ввоза мяса из-за границы составляет 16 1/2 млн. ф. ст., или 79%, а из британских владений — 8 млн. ф. ст., или 230%. 9,5 млн. ф. ст., или 60%, составляет рост импорта масла и сыра из других государств, 630% — из британских владений.

Ввоз всех видов зерновых из британских владений составлял в 1895 г. 7722 тыс. ф. ст., в 1905 г. — 20 345 тыс. ф. ст., т. е. увеличился на 12 623 тыс. ф. ст., или на 163%. В то же время ввоз из-за границы возрос с 45 359 тыс. ф. ст. до 49 684 тыс. ф. ст., т. е. увеличился всего на 4 323 тыс. ф. ст., или на 9,5%. В 1895 г. заграница доставила 85,4%, а британские колонии 14,6% всего зерна, потребленного в Соединенном Королевстве. В 1905 г. заграница ввезла 71% и британские колонии — 29%. (W. A. S. Hewins, Das britische Reich; «Die Weltwirtschaft», herausgegeben von Ernst von Halle, 1. Jahrg. 1906, Teil III, S. 7).

² По данным тарифной комиссии Чемберлена (см. Schulze-Gävernitz, op. cit., S. 216), стоимость импорта из Великобритании в 1902 г. составляла в расчете на душу населения:

Страны	в фунтах стерлингов
Германия, Голландия и Бельгия	0,118
Франция	0,80
Соединенные Штаты	0,63
Наталь	8,60
Капская колония	6,196
Австралия	5,56
Новая Зеландия	7,57
Канада	1,184

(См. продолж. сноски на стр. 422).

промышленность, оборотный капитал для которой они частично получают в форме ссудного капитала из стран с сравнительно замедленным промышленным развитием, но с более крупным богатством в виде накопленных капиталов. При этом они выигрывают не только разницу между промышленной прибылью, которую выручают на чужих рынках, и значительно более низким процентом, который им приходится уплачивать на занятый капитал в Англии или Франции, но и обеспечивают этим способом экспорта капитала более быстрый рост собственной промышленности. Так, Соединенные Штаты в огромном масштабе экспортируют промышленный капитал в Южную Америку и в то же время импортируют из Англии, Голландии, Франции и т. д. необходимый для ведения собственной промышленности ссудный капитал в форме акций и облигаций¹.

Таким образом, картелирование и трестирование форсируют экспорт капитала из стран, где монополизация промышленности зашла всего дальше, и тем самым обеспечивают для капиталистов этих стран превосходство перед странами с низкоорганизованной промышленностью. В последних это пробуждает стремление ускорить картелирование собственной промышленности протекционизмом, а в передовых странах усиливает стремление при любых обстоятельствах обеспечить дальнейший экспорт капитала путем устранения всякой конкуренции иностранного капитала.

Если экспорт капитала в своих наиболее развитых формах выдвигается такими сферами, в которых концентрация капитала зашла всего дальше, то он же оказывает обратное воздействие, усиливая мощь капитала и ускоряя накопление в этих капиталистических сферах. Только крупнейшим банкам и крупнейшим отраслям промышленности удается добиваться для себя на чужих рынках условий, наиболее благоприятных для увеличения капитала. Крупным банкам и крупной промышленности достаются здесь столь высокие сверхприбыли, о которых нечего и мечтать сравнительно мелким капиталистическим силам.

Итак, политика финансового капитала преследует три основные цели: во-первых, создание возможно более обширной хозяйственной территории, которая, во-вторых, должна быть ограждена от иностранной конкуренции таможенными стенами и таким образом должна превратиться, в-третьих, в область эксплуатации для национальных монополистических объединений. Но эти требования впадают в самое острое противоречие с экономической политикой, которую с поистине классическим совершенством проводил промышленный капитал во время его

¹ Если даже европейский капитал вкладывается в Соединенных Штатах в форме акций, он часто получает всего лишь обычный процент, потому что предпринимательская прибыль уже предвосхищена в учредительской прибыли американских банков.

единодержавия в Англии (единодержавия в том двойном смысле, что ему был подчинен торговый и банковый капитал и что ему в то же время принадлежало единодержавие на мировом рынке). И это тем более, что проведение политики финансового капитала в других странах представляло все большую угрозу для интересов английского промышленного капитала. Страна свободной торговли вполне естественно была центром натиска иностранной конкуренции. Конечно «демпинг» имел и свои выгоды для английской промышленности. Обрабатывающая промышленность вследствие разорительной конкуренции получала более дешевый сырой материал. Но это именно и наносило ущерб отраслям, производящим сырые материалы. С прогрессом картелирования, с объединением все больших ступеней производства и с разработкой системы экспортных премий должен пробить час и для тех отраслей английской промышленности, которые до сих пор выигрывали от «демпинга». Но самое важное обстоятельство заключалось в том, что пошлины пробуждают надежду на эру быстрой монополизации с ее перспективами сверхприбылей и учредительских барышей, представляющих лакомую приманку для английского капитала.

С другой стороны, объединение Англии с колониями при помощи охранительных пошлин вполне возможно. Большая часть автономных колоний Англии, это — государства, которые важны для Англии прежде всего как поставщики сырья¹ и как покупатели продуктов промышленности². Протекционизм

¹ «За последние 20 лет ввоз пшеницы и другого зерна из-за границы увеличился на 4 млн. ф. ст., или на 9%; напротив, импорт из британских владений вырос на 9¼ млн. ф. ст., или на 84%. Увеличение ввоза мяса из-за границы составляет 16¼ млн. ф. ст., или 79%, а из британских владений — 8 млн. ф. ст., или 230%. 9,5 млн. ф. ст., или 60%, составляет рост импорта масла и сыра из других государств, 630% — из британских владений.

Ввоз всех видов зерновых из британских владений составлял в 1895 г. 7722 тыс. ф. ст., в 1905 г. — 20 345 тыс. ф. ст., т. е. увеличился на 12 623 тыс. ф. ст., или на 163%. В то же время ввоз из-за границы возрос с 45 359 тыс. ф. ст. до 49 684 тыс. ф. ст., т. е. увеличился всего на 4 323 тыс. ф. ст., или на 9,5%. В 1895 г. за граница доставила 85,4%, а британские колонии 14,6% всего зерна, потребленного в Соединенном Королевстве. В 1905 г. за граница ввезла 71% и британские колонии — 29%. (W. A. S. Hewins, Das britische Reich; «Die Weltwirtschaft», herausgegeben von Ernst von Halle, 1. Jahrg. 1906, Teil III, S. 7).

² По данным тарифной комиссии Чемберлена (см. *Schulze-Gävernitz*, *op. cit.*, S. 216), стоимость импорта из Великобритании в 1902 г. составляла в расчете на душу населения:

Страны	в фунтах стерлингов
Германия, Голландия и Бельгия	0,118
Франция	0,80
Соединенные Штаты	0,63
Наталь	8,60
Капская колония	6,196
Австралия	5,56
Новая Зеландия	7,57
Канада	1,184

(См. продолж. сноски на стр. 422).

других государств и в особенности их аграрный протекционизм и без того уже превратил Англию в главный рынок колониального сбыта. Что касается тех препятствий, которые английская промышленность поставила бы развитию собственной промышленности в колониях, то здесь следует отметить, что эти колонии находятся еще на стадии воспитательного протекционизма, т. е. на той стадии, когда высота пошлин не должна переходить за известный уровень, так как ввоз иностранных промышленных продуктов остается безусловно необходимым для снабжения собственного рынка. Следовательно, было бы очень легко осуществить сравнительно высокий картельный протекционизм для всей Британской империи и в то же время сохранить внутренние («внутригосударственные») воспитательные пошлины. Перспектива такой хозяйственной территории, которая при том была бы политически и экономически достаточно сильна для того, чтобы положить конец вытеснению британской промышленности путем роста охранительных пошлин в других государствах, способна объединить весь класс капиталистов¹. К этому добавляется еще и то, что подавляющая часть капитала, оперирующего в колониях, находится во владении английских капиталистов, для которых имперские охранительные пошлины намного важнее, чем сравнительно более значительное повышение автономных таможенных тарифов в колониях².

Импорт британских колоний в 1901 г. составил (в млн. фунтов стерлингов):

из метрополии	123,5
из других британских владений . .	68,0
из-за границы	90,0

Экспорт Соединенного Королевства (в млн. фунтов стерлингов)

	1866 г.	1872 г.	1882 г.	1902 г.
Британские владения	53,7	60,6	84,8	109,0
Европа	63,8	108,0	85,3	96,5
Небританские части Азии, Африки и Южной Америки	42,9	47,0	40,3	54,1
Соединенные Штаты	28,5	40,7	31,0	23,8

¹ Потому и Чемберлен постоянно выдвигает эту точку зрения на первый план в своей агитации. «Мне кажется, что наше время ведет к тому, чтобы всю мощь сосредоточить в руках крупных государств. Сравнительно мелким странам, тем, которые не прогрессируют, по-видимому, суждено отодвинуться на положение подчиненных стран. Если же Великобритания останется единой, то никакое государство в мире не превзойдет ее по размерам, численности населения, богатству и многообразию ресурсов» (Речь Чемберлена от 31 марта 1897 г., Цит. по *Marie Schwab, Chamberlains Handelspolitik, Jena 1905, S. 6*).

² Профессор Гевинс так резюмирует общую заинтересованность капиталистов в тарифной реформе и империализме, причем он искусно выдвигает на первый план те отрасли обрабатывающей промышленности, которые до сих пор были за свободу торговли: «Соединенное Королевство ввозит в настоящее время продукты питания из известных стран, с которыми у него нет никаких договоров о взаимности. Значит, для оплаты расчетов за продукты питания

Соединенные Штаты сами по себе представляют достаточно обширную хозяйственную территорию даже для эпохи империализма, и направление экспансии в общем определяется географическими условиями. Панамериканское движение, которое нашло свое первое политическое выражение в доктрине Монро, только еще начинается и вследствие колоссального перевеса Соединенных Штатов имеет перед собой широкие перспективы.

Иначе обстоит дело в Европе, где раздробление на государства создало противоположные экономические интересы. Устранению их посредством таможенного союза Центральной Европы противодействуют очень серьезные препятствия. Здесь перед нами не взаимно дополняющие друг друга части, как в Британской империи, а более или менее однородные образования, которые в силу этой однородности враждебно конкурируют между собой.

Враждебность эта чрезвычайно повышается экономической политикой финансового капитала. При этом антагонизм возникает не из стремления к созданию единых хозяйственных территорий в самой Европе, как было в XIX в., а из стремления к присоединению чужих нейтральных рынков. На службу этому поставлены теперь все национальные политические

приходится обращаться к сложному аппарату международного обмена, постоянно отыскивать в мире новые рынки сбыта для своих фабрикатов и ликвидировать свои долги при посредстве взаимоотношений между различными странами. Такая промышленная политика, думается, не может проводиться постоянно по следующим причинам:

1. Число стран, открытых, таким образом, для импорта британской мануфактуры, постоянно уменьшается, и, например, на рынках Дальнего Востока мы несомненно и очень скоро встретимся с непреодолимой конкуренцией Японии.

2. Если вновь отвлечься от колоний, то необходимость постоянно отыскивать иные рынки, чем такие страны, как Германия и Соединенные Штаты, оказывает вредное влияние на ход экономического развития Англии. Естественный ход развития был таков, что английская промышленность поднималась на все более высокую ступень, пользовалась рабочими, которые имели более высокую выучку и более высокий технический уровень. Но на практике ход развития может значительно уклониться от этой линии. Цивилизованные и передовые рынки закрываются, и вынужденная иметь дело с отсталыми частями мира... английская промышленность должна производить товары, соответствующие их потребностям.

3. Получается прямой конфликт между двумя противоположными тенденциями. Как раз в производстве этих массовых товаров более молодые промышленные государства могут одерживать крупные успехи. Германия, Бельгия, Соединенные Штаты, Австрия и даже Япония могут конкурировать с нами в этих областях и тоже ввозить в упомянутые страны. С другой стороны, в английской промышленности обнаруживается тенденция к большему развитию производства специальных, а не массовых товаров, следовательно, к производству более дорогих товаров. Таким образом, в районах, от которых Англия все более зависит в оплате своих продуктов питания, она все больше и больше оттесняется на задний план. По этим соображениям во всей империи приобретает свое значение стремление к организации британской промышленной жизни в более крупном масштабе (Hewins, op. cit., S. 37).

ресурсы европейских государств. Ведь дело идет уже не о присоединении капиталистически высокоразвитых стран, промышленность которых сама способна к экспорту и означала бы для стран-завоевательниц только усиление конкуренции и во всяком случае не имела бы значения как сфера, где мог бы найти себе применение избыточный капитал другой страны. Дело идет теперь прежде всего об областях, которые еще не открыты для капитала и открытие которых могло бы иметь серьезное значение как раз для наиболее мощных групп капиталистов, следовательно, главным образом только о заморских колониальных областях. Только здесь можно найти возможность в крупном масштабе применить капитал. Особенно большие массы капитала поглощает создание современной системы транспорта — железных дорог и пароходных сообщений¹.

Государство несет заботу о том, чтобы в колониях в распоряжении капитала имелся живой труд на таких условиях, которые делали бы возможной сверхприбыль. Кроме того, во многих случаях оно обеспечивает и прибыль вообще, принимая на себя ее гарантию. Естественные богатства колоний тоже становятся источником сверхприбылей. В особенности важно

¹ Какое важное значение имеет, например, для Англии строительство колониальных железных дорог, показывают следующие данные: «В 1880 г. Британская империя владела 40 тыс. английских миль железных дорог; из них три восьмых в Соединенном Королевстве, пять восьмых — в заморских владениях и колониях. В 1904 г. железнодорожная сеть увеличилась до 95 тыс. английских миль, из них уже только две девятых приходится на Соединенное Королевство. Следовательно, протяженность железнодорожной сети здесь увеличилась на 26%, за морем — на 223%. Несомненно быстрое развитие колоний основывается на стремительном открытии областей, где раньше не было железных дорог или где последние находились лишь в примитивном состоянии. С 1880 г. протяженность железных дорог в Индии и Канаде увеличилась в 3 раза, в Австралии — в 4, в Южной Африке — в 5 раз.

Вне Соединенного Королевства наибольшая густота железнодорожной сети по сравнению с плотностью населения — в Австралийском Союзе, где на 1000 жителей приходится 3,86 мили железных дорог против 3,76 в Канаде и 0,19 в Индии.

Примечательно, что крупная сама по себе железнодорожная сеть Соединенного Королевства является небольшой по сравнению с Соединенными Штатами, где согласно «*Poor's Railroad Manual*» в 1904 г. эксплуатировалось 212 349 миль, т. е. вдвое больше, чем в Британской империи, хотя население последней в 5 раз больше. Отсюда вытекают перспективы дальнейшего экстенсивного, почти безграничного расширения и развития железных дорог в Британской империи.

Почти весь капитал на постройку этих дорог получен в Соединенном Королевстве. Суммы, вложенные в британские дороги вне метрополии, определяются в 850 млн. ф. ст., ежегодный валовой доход — 75 млн. и чистый — до 30 млн. ф. ст. Присоединив сюда соответствующие данные для самого Соединенного Королевства, я определяю весь капитал, вложенный в железные дороги империи, приблизительно в 2100 млн. ф. ст., что значительно ближе подходит к соответствующей цифре Соединенных Штатов (2800 млн. ф. ст.), чем протяженность сети. Ежегодный чистый доход железных дорог составлял 70—75 млн. ф. ст. в год, или 3% на вложенный капитал» (*Hewins, op. cit.*, S. 34).

здесь удешевление сырого материала, т. е. понижение издержек производства промышленных продуктов. В колониях земельная рента еще не развилась или развилась лишь в ничтожной степени. Изгнание или истребление туземцев, в лучшем случае превращение их из пастухов и охотников в контрактных рабов или земледельцев, наделенных мелкими, ограниченными определенными размерами клочками земли, одним ударом создает свободную землю, цена которой чисто номинальна. Если земля вообще плодородна, она может поставлять отечественной промышленности сырье, например, хлопок, намного дешевле, чем старые области его производства. Если даже это и не находит выражения в цене,— потому что, например, для хлопка определяющей остается американская цена,— то все же часть той земельной ренты, которую иначе пришлось бы уплачивать американским фермерам, теперь достается владельцам колониальных плантаций.

Еще важнее снабжение сырьем металлообрабатывающей промышленности. Быстрое развитие металлообрабатывающей промышленности, несмотря на все технические усовершенствования, имеет тенденцию повышать цены металлов, которая еще больше усиливается капиталистической монополизацией. Тем важнее иметь на своей собственной хозяйственной территории источники соответствующего сырья¹.

Таким образом стремление к приобретению колоний ведет к постоянно растущему антагонизму между крупными хозяйственными областями и оказывает в Европе решающее воздействие на отношения между отдельными государствами. Различие естественных условий для такой крупной объединенной хозяйственной территории, как Соединенные Штаты, становится источником быстрого экономического развития. Но те же различия естественных условий в Европе, где они разделены между мелкими хозяйственными областями сложнейшим образом, с точки зрения политической экономии случайным, а потому и нерациональным, наоборот, тормозят экономическое развитие, разнообразят его в пользу более крупных и в ущерб сравнительно мелким хозяйственным территориям. И это тем более, что здесь нет свободной торговли, которая связала бы эти области в более высокое экономическое единство. Но экономическое неравенство означает для государств то же самое, что экономическое неравенство внутри каждого государства для отдельных слоев: зависимость экономически слабейшего от более сильного. Экономическим средством подчинения и здесь является экспорт капитала. Богатая капиталом страна

¹ Г-н Дернабург, следовательно, очень хорошо знал психологию капиталистов, когда он в своих агитационных речах вновь и вновь подчеркивал, что германские колонии могли бы эмансипировать германских капиталистов от Америки в получении хлопка и меди.

экспортирует капитал как ссудный капитал; она становится кредитором страны-должника.

Пока экспорт капитала служил в основном для того, чтобы в отсталой стране, во-первых, создать транспортную систему и, во-вторых, развить отрасли, производящие предметы потребления, он ускорял капиталистическое развитие этой страны. Конечно, и этот метод имел для нее свои невыгоды: большая часть прибыли утекла за границу, где она потреблялась как доход, не приводя, следовательно, к расширению промышленности страны-должника, или накапливалась как капитал. Конечно, это накопление могло совершаться и не в той стране, в которой производилась прибыль. Такой капиталистический «абсентизм»¹ чрезвычайно замедлял в этой стране накопление, т. е. дальнейшее развитие капитализма. В крупных хозяйственных территориях, в которых капитализм быстро развивался бы и на почве местных условий, вскоре происходила национальная ассимиляция иностранного капитала. Так, Германия очень быстро национально ассимилировала бельгийский и французский капитал, который играл особенно крупную роль в горном деле Рейнланд-Вестфалии. В мелких же хозяйственных областях эта ассимиляция сильно затрудняется, потому что класс отечественных капиталистов возникает несравненно более медленно и с большими трудностями.

Совершенно невозможной сделалась эта эмансипация, когда экспорт капитала изменил свой характер. Капиталисты крупных хозяйственных территорий отнюдь не стремятся создать в чужих странах отрасли, производящие предметы потребления. Напротив, они исходят из того, чтобы обеспечить за собой господство над сырым материалом для своих все более развивающихся отраслей, производящих средства производства. Так, рудники и горные заводы государств Пиренейского полуострова подпали под власть иностранного капитала, который экспортируется сюда уже не как ссудный капитал, а непосредственно вкладывается в эти рудники. То же при более серьезном сопротивлении случилось и с минеральными богатствами Скандинавии, особенно Швеции. Таким образом, в эпоху, когда эти страны, быть может, смогли бы перейти к созданию важнейшей из современных отраслей, собственной металлургии, у них отнимается сырой материал, который вывозится для английской, германской и французской промышленности. Вследствие этого их экономическое, а вместе с тем и политическое, и финансовое развитие, остановилось на первых ступенях. Экономически подданные иностранного капитала² в поли-

¹ См. глубокий анализ последствий этого явления для России у Каутского (*Kautsky, Der amerikanische Arbeiter*, «*Neue Zeit*», XXIV, 1, S. 676 и след.)

² То же самое и в случае с Россией. Но благодаря обширности территории, ей намного легче удастся национальная ассимиляция, которая отчасти уже и началась в ней. Радикальнейшим средством для этой ассимиляции было бы государственное банкротство.

тическом отношении они также превратились в государства второго разряда, неспособные обойтись без покровительства крупных держав.

С другой стороны, растущее значение капиталистической колониальной политики поставило Англию перед такой задачей, как сохранение ее колониальной империи, а эта задача была тождественна с сохранением господства на морях и с охраной путей в Индию. Но для этого необходимо располагать портами на Атлантическом океане, и это заставляет Англию поддерживать хорошие отношения с прибрежными государствами Атлантического океана. Она смогла достигнуть этого политическими методами, потому что экономически, путем экспорта своего капитала она держала в зависимости от себя более мелкие из этих государств. Сила английского флота побудила склониться на сторону Англии и Францию, когда притязания Германии на участие в колониальной политике создали антагонизм между Германией и Францией и заставили последнюю, как и все другие государства, обладающие колониями, опасаться за свои владения. Так развилась тенденция, направленная, правда, не на то, чтобы уничтожить внутри Европы таможенные границы и создать таким образом обширную единую хозяйственную территорию, а на то, чтобы сравнительно мелкие, а потому экономически отсталые политические единицы сгруппировать политически вокруг крупнейших единиц. Эти политические связи воздействуют обратно на экономические отношения и создают из страны, политически находящейся в подчинении, преимущественную сферу для приложения капитала страны-покровительницы. Дипломатия непосредственно состоит здесь на службе у капитала, ищущего применения.

Но пока малые государства еще не прочно «прибраны к рукам», они превращаются в арену необузданной конкуренции иностранного капитала. И здесь исход стараются решить политическими средствами. Например, с поставкой пушек для Сербии связывается политическое решение, изберет ли она франко-русскую поддержку или германо-австрийскую¹. Политическая власть приобретает таким образом решающее значение в конкурентной борьбе, и прибыль финансового капитала оказывается непосредственно связанной с политической силой государства. Важнейшей функцией дипломатии становится теперь

¹ Малые государства, договариваясь о займах, напротив, лишь с трудом могут связать с ними условия о промышленных заказах, отчасти потому, что их промышленность слабее. «Нидерландским банкам нередко посылается тот небезосновательный упрек, что они часто снабжают за границу капиталом, не ставя при этом никаких условий»... Биржа «отдавала за границе, в последний раз (в 1905 г.) Южной Америке, сравнительно крупные капиталы, не связывая с этим никаких условий в пользу нидерландской промышленности, как нередко делается в Бельгии, Германии и Англии». (G. Hesselink, Holland, in «Halles Weltwirtschaft», Teil III, S. 118.)

представительство финансового капитала. К чисто политическому оружию присоединяется торгово-политическое¹, и параграфы торгового договора определяются уже не только интересами товарообмена, но и большей или меньшей готовностью малого государства предоставить финансовому капиталу крупного государства известные преимущества перед конкурентами.

Но чем меньше хозяйственная территория, тем меньше способность победоносно выдерживать конкурентную борьбу при помощи экспортных премий, тем сильнее стремление к экспорту капитала, который дает возможность принять участие в экономическом развитии других, более крупных государств и в их сравнительно крупных прибылях; и чем больше масса богатства, уже накопленного в собственной стране, тем скорее может быть удовлетворена эта потребность.

Но и здесь действуют противоположные тенденции. Чем крупнее хозяйственная территория, чем более сильно государство, тем благоприятнее положение национального капитала на мировом рынке. Таким образом, финансовый капитал становится носителем идеи усиления государственной власти всеми средствами. Но чем крупнее исторически сложившиеся различия в мощи различных государств, тем больше различия в условиях конкуренции, тем ожесточеннее,— потому что она сопряжена с большими надеждами на успех,— борьба крупных хозяйственных областей за подчинение мирового рынка. Эта борьба становится тем острее, чем более развит финансовый капитал и чем больше он стремится монополизировать части мирового рынка для национального капитала; но чем дальше зашел процесс монополизации, тем ожесточеннее борьба за оставшееся. Если английская система свободной торговли делала это противоречие до некоторой степени терпимым, то переход к протекционизму, который необходимо совершится в непродолжительном времени, должен привести к его чрезвычайному обострению. Противоречие между развитием германского капитализма и относительной незначительностью его хозяйственной территории вырастет тогда до чрезвычайных размеров. В то время как промышленное развитие Германии стремительно идет вперед, область ее конкуренции внезапно сужается. И это будет тем ощутительнее, что в силу исторических

¹ О том превосходстве, какое дает более обширная хозяйственная территория, см. *Richard Schüller, Schutzzoll und Freihandel*, Wien 1905, S. 247: «Внешняя торговля небольшой области велика по сравнению с размерами ее производства и потому важна для этой страны. Но для крупных иностранных держав, из которых она ввозит и в которые хочет вывозить товары, этот товарообмен по сравнению с размерами их производства имеет относительно небольшое значение. Поэтому малому государству не удастся надлежащим образом оградить в договорах свои интересы и заставить другие государства приспособить к его интересам свою торговую политику».

причин¹, следовательно, причин случайных для современного капитализма, который глубоко равнодушен к прошлому, если только это не есть накопленный «прошлый труд», — у Германии нет заслуживающих внимания колониальных владений. Между тем как не только ее сильнейшие конкуренты — Англия и Соединенные Штаты (для последних весь американский континент экономически носит характер колонии), но и сравнительно небольшие державы, как Франция, Бельгия и Голландия, располагают значительными колониями, а ее будущий конкурент, Россия, тоже владеет колоссально огромной хозяйственной территорией. Это положение должно чрезвычайно обострить антагонизм между Германией, с одной стороны, и Англией с ее спутниками — с другой, и будет толкать к насильственному разрешению.

Последнее уже давным-давно наступило бы, если бы не противодействовали причины, оказывающие обратное влияние. Ибо экспорт капитала сам создает тенденции, противодействующие такому насильственному разрешению вопроса.

Неравномерность промышленного развития вызывает известные различия в формах экспорта капитала. Прямое соучастие в открытии промышленно отсталых или сравнительно медленно развивающихся стран выпадает на долю таких государств, в которых промышленное развитие как в техническом, так и в организационном отношении достигло наиболее высоких форм. К ним относятся, во-первых, Германия и Соединенные Штаты, во-вторых, Англия и Бельгия. Другие страны старого капиталистического развития участвуют в экспорте капитала больше в форме ссудного капитала, чем в форме строительства фабрик. Это приводит к тому, что, например, французский, голландский и в значительной степени английский капиталы превращаются в ссудный капитал для отраслей промышленности, находящихся под германским и американским управлением. Так возникают тенденции к солидаризации интернациональных капиталистических интересов. Французский капитал как ссудный капитал становится заинтересован в успехах германских предприятий в Южной Америке и т. д. В то же время эта связь, чрезвычайно увеличивая силу капитала, обеспечивает более быстрое открытие для него чужих областей, которое еще более облегчается усиленным давлением союзных государств².

¹ См. *Karl Emil*, *Der deutsche Imperialismus und die innere Politik*. «*Neue Zeit*», XXVI, 1.

² Примером таких отношений может служить предварительное разрешение марокканского столкновения, когда союз Круппа и Шнейдера—Крезо, имеющий целью совместную эксплуатацию марокканско-алжирских рудных залежей, привел к соглашению обоих государств. Марокко намного труднее было противиться их давлению, чем в том случае, если бы можно было использовать одно государство против другого.

Какая из этих тенденций одерживает верх — это зависит от конкретной обстановки и прежде всего от тех перспектив на прибыль, которые связаны с исходом борьбы. Здесь, в международном и межгосударственном масштабе, играют роль обстоятельства, аналогичные тем, которые решают, будет ли в известной промышленной сфере продолжаться конкурентная борьба, или же картель или трест положат ей конец на более или менее продолжительное время. В общем, чем больше различие в мощи, тем вероятнее борьба. Но всякая победоносная борьба увеличила бы силы победителя и, таким образом, повела бы к изменению в соотношении сил к выгоде победителя и невыгоде всех остальных. Отсюда в новейшее время — международная политика, которая весьма напоминает политику равновесия на ранних стадиях капитализма. К этому присоединяется страх перед внутривнутриполитическими последствиями войны, порождаемый социалистическим движением. Но, с другой стороны, решение вопросов о войне и мире лежит во власти не одних только высокоразвитых капиталистических государств, в которых наиболее резко выражены тенденции против военных осложнений. Капиталистическое пробуждение наций Восточной Европы и Азии сопровождалось сдвигом в соотношении сил, и это обстоятельство, оказывая обратное воздействие на крупные державы, может привести к тому, что здесь произойдет разрядка существующих противоречий.

Но если политическая мощь государства становится на мировом рынке орудием конкуренции финансового капитала, то это, разумеется, означает полное изменение в отношении буржуазии к государству. В борьбе против экономического меркантилизма и политического абсолютизма буржуазия была носителем враждебного отношения к государству. Либерализм действительно был разрушительной силой, действительно означал «ниспровержение» власти государства, расторжение старых пут. Опрокидывалась вся с трудом возведенная система отношений зависимости в деревне и система связанности товариществами с ее сложной надстройкой привилегий и монополий — в городе. Победа либерализма означала прежде всего огромное уменьшение силы государственной власти. Экономическая жизнь, по крайней мере, в принципе должна была быть совершенно освобождена от государственного регулирования, а политически государство должно было ограничиться надзором за безопасностью и установлением гражданского равенства. Таким образом, либерализм действовал чисто отрицательно, в вопиющем противоречии с государством раннего меркантилистского капитализма, который в принципе хотел все регламентировать. Он находится в противоречии и со всеми социалистическими системами, которые не разрушительно, а созидательно выдвигают на место анархии и свободы конкуренции сознательное регулирование, посредством которого

общество организует экономическую жизнь, а тем самым и само себя. Вполне естественно, что принцип либерализма раньше всего осуществлялся в Англии, где носительницей его была фритредерская буржуазия, которую даже антагонизм с пролетариатом лишь на сравнительно короткие периоды вынуждал апеллировать к государственной власти. Но даже в Англии его осуществление натолкнулось на сопротивление не только старой аристократии, которая вела протекционистскую политику, следовательно противилась принципу либерализма, но и частично торгового и банкового капитала, оперировавшего за границей. Последний требовал прежде всего сохранения господства на морях, требование, которое энергичнейшим образом поддерживалось слоями, заинтересованными в колониях. На континенте же либеральная концепция государства могла достигнуть господства лишь вследствие того, что она с самого начала подверглась сильному изменению. Континентальный либерализм, выраженный в классической форме у французов, несравненно более смело и с более неумолимой последовательностью, чем английский либерализм, сделал все теоретические выводы во всех областях политической и духовной жизни вообще. Выступив позже, он был вооружен совершенно иным научным аппаратом, чем либерализм английский. Поэтому его формулирование носило несравненно более универсальный характер, его основой была рационалистическая философия, между тем как английский либерализм опирался, главным образом, на политическую экономию. Но характерная противоположность между идеологией и действительностью — практическому осуществлению либерализма на континенте с самого начала были поставлены определенные границы. Да и как могла бы осуществить требование либерализма ослабить государственную власть такая буржуазия, которая экономически нуждалась в государстве, как мощном рычаге своего развития? Для нее речь могла идти не об уничтожении государства, а лишь о его преобразовании, превращении из тормоза в опору ее собственного развития. Континентальная буржуазия нуждалась, прежде всего, в преодолении раздробленности на мелкие государства, в том, чтобы бессилие мелкого государства было заменено всеилием единого государства. Потребность в создании национального государства с самого начала должна была сделать буржуазию элементом, охраняющим государство. На континенте дело шло не о морской, а о сухопутной мощи. Между тем современная армия служит несравненно более удобным средством, чем флот, для того чтобы противопоставить государственную власть обществу. Она с самого начала дает возможность обособления государственной власти и сосредоточения ее в руках тех, кто располагает армией. С другой стороны, всеобщая воинская повинность, которая вооружает массы, очень скоро должна была убедить буржуазию, что

требуется строго иерархическая организация с замкнутым офицерским корпусом, который был бы послушным орудием государства, иначе армия превратится в угрозу для ее господства. Итак, в таких странах, как Германия, Италия или Австрия, либерализм оказался неспособным провести свою государственную программу. С другой стороны, и во Франции его стремлениям скоро был положен предел, потому что французская буржуазия по причинам торгово-политического свойства не могла обойтись без государства. К тому же победа французской революции по необходимости вовлекла Францию в борьбу на два фронта. С одной стороны, ей приходилось охранять свои революционные завоевания от континентального феодализма; с другой стороны, создание новой империи современного капитализма угрожало прежним позициям Англии на мировом рынке, и потому Франции пришлось вести одновременно борьбу с Англией за господство на мировом рынке. Поражение Франции усилило в Англии власть землевладения, торгового, банкового и колониального капитала — и тем самым государственной власти — по отношению к промышленному капиталу и, таким образом, замедлило наступление полного господства английского промышленного капитала, равно как и победу свободной торговли. С другой стороны, победа Англии превращала промышленный капитал Европы в приверженца охранительных пошлин и полностью расстроила торжество экономического либерализма; но в то же время она создала условия для ускоренного развития финансового капитала на континенте.

Итак, приспособление буржуазной идеологии и буржуазной концепции государства к потребностям финансового капитала с самого начала встречало на континенте сравнительно слабые препятствия. А то обстоятельство, что объединение Германии совершилось контрреволюционным путем, должно было чрезвычайно укрепить положение государственной власти в народном сознании. Во Франции же военное поражение заставило сосредоточить все силы прежде всего на восстановлении государственной власти. Следовательно, потребности финансового капитала встречались с такими идеологическими элементами, которые он легко мог использовать, для того чтобы создать из них новую идеологию, приспособленную к его интересам. Но эта идеология прямо противоположна идеологии либерализма. Финансовый капитал хочет не свободы, а господства. Он не видит смысла в самостоятельности индивидуального капиталиста и требует ограничения последнего. Он с отвращением относится к анархии конкуренции и стремится к организации, конечно, лишь для того, чтобы вести конкурентную борьбу на все более высоком уровне.

Но, чтобы осуществить это, чтобы сохранить и усилить свое преобладание, он нуждается в государстве, которое таможен-

ной и тарифной политикой должно обеспечить за ним внутренний рынок и облегчить завоевание внешних рынков. Он нуждается в политически сильном государстве, которому в своей торговой политике не приходится считаться с противоположными интересами других государств¹. Для него необходимо, наконец, сильное государство, которое добьется признания за границей его финансовых интересов, которое применит свою политическую мощь, для того чтобы принудить мелкие государства к благоприятным договорам о заказах и к благоприятным торговым договорам. Ему нужно государство, которое повсюду в мире может осуществлять вмешательство, чтобы весь мир превратить в сферу приложения своего финансового капитала. Финансовому капиталу необходимо далее государство, достаточно сильное, для того чтобы проводить политику экспансии и присоединять новые колонии. Либерализм был противником государственной политики силы, он хотел обезопасить свое господство от старых сил аристократии и бюрократии, предоставляя им средства государственной власти в минимальном объеме. Напротив, политика неограниченной силы становится требованием финансового капитализма и осталась бы его требованием, если бы даже расходы на милитаризм и маринизм не обеспечивали наиболее мощным капиталистическим слоям важной статьи сбыта, приносящей по большей части монополистические прибыли.

Но требование политики экспансии революционизирует все мировоззрение буржуазии. Она перестает быть миролюбивой и гуманной. Старые фритредеры верили, что свободная торговля не только наиболее правильная система экономической политики, но и начало эпохи мира. Финансовый капитал давным-давно утратил эту веру. Для него нет гармонии капиталистических интересов, он знает, напротив, что конкурентная борьба все более превращается в борьбу политических сил. Идеал мира поблек, место идеи гуманности занимает идеал величия и силы государства. Но современное государство возникло как осуществление стремления наций к единству. Национальная идея признавала право всех наций на самостоятельное государственное бытие, и потому границы государства определялись для нее естественными границами нации. Следовательно, эта идея находила свою естественную границу, когда определенная нация конституировалась как основа государства. Напротив, в настоящее время национальная идея превратилась в идею возвышения собственной нации над всеми остальными².

¹ Напомним, насколько важно было для заключения Германией последних международных торговых договоров то обстоятельство, что политическая сила России была ослаблена осложнениями на Дальнем Востоке и политическое давление сделалось для нее невозможным.

² См. *Otto Bauer*, *Der Imperialismus und das Nationalitätsprinzip*. «Marx-Studien», II., § 30, S. 491 и след.

Идеал теперь — обеспечить собственной нации господство над миром, стремление столь же безграничное, как то стремление капитала к прибыли, из которого оно возникает. Капитал становится завоевателем мира, но каждый раз, как он завоевывает новую страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. Это стремление превращается в экономическую необходимость, потому что задержка понижает прибыль финансового капитала, уменьшает его конкурентоспособность и может в конце концов меньшую хозяйственную область превратить в данницу более крупной. Обосновываемое экономическими соображениями, это стремление идеологически оправдывается при помощи примечательного поворота национальной идеи. Последняя уже не признает права каждой нации на политическое самоопределение и независимость и уже не является выражением в национальном масштабе демократической догмы о равенстве всего, что носит человеческий облик. Экономическая предпочтительность монополии отражается в том привилегированном положении, которое должно принадлежать собственной нации. Последняя является избранной среди всех остальных. Так как подчинение чужих наций осуществляется насилием, следовательно, вполне естественным способом, то представляется, будто державная нация обязана этим господством своим особым естественным свойствам, т. е. своим расовым особенностям. Таким образом, в расовой идеологии стремление финансового капитала к власти приобретает оболочку естественнонаучной обоснованности, его действия получают благодаря этому вид естественнонаучной обусловленности и необходимости. Место идеала демократического равенства занял идеал олигархического господства.

Но если в области внешней политики создается видимость, что этот идеал охватывает всю нацию, то во внутренней политике он преобразуется в подчеркивание позиции господства по отношению к рабочему классу. В то же время рост силы рабочих укрепляет стремление капитала еще больше усилить государственную власть в качестве гарантии против пролетарских требований.

Так возникает идеология империализма, идущая на смену идеалам старого либерализма. Она высмеивает наивность последнего. Какая иллюзия в мире капиталистической борьбы, где все решается исключительно превосходством оружия, верить в гармонию интересов! Какая иллюзия ожидать царства вечного мира, возвещать о международном праве, когда судьбы народов решаются только силой. Какая глупость стремиться к тому, чтобы регулирование правовых отношений внутри государств перенести за пределы государственных границ. Какое безответственное нарушение деловой жизни эта сентиментальная гуманность, которая из рабочих делает вопрос, которая изобрела для внутренних отношений социальную реформу и

хочет устранить в колониях контрактное рабство — единственную возможность рациональной эксплуатации. Вечная справедливость — прекрасный сон, но моралью не построишь железных дорог и внутри собственной страны. Как могли бы мы завоевать мир, если бы стали ждать прозрения конкурентов?

Но империализм заменяет поблекшие идеалы буржуазии этим разрушением всяких иллюзий только затем, чтобы пробудить новые и более грандиозные иллюзии. Взвешивая реальные столкновения групповых капиталистических интересов, он сохраняет свою трезвость; всю политику он воспринимает как гешефт взаимно борющихся, но и взаимно объединяющихся капиталистических синдикатов. Но он начинает увлекать и ошеломлять, когда ему приходится раскрывать свои собственные идеалы. Империализм ничего не хочет для себя. Он не принадлежит и к числу тех фантазеров и мечтателей, которые невыразимый хаос рас, стоящих на различных ступенях и обладающих различными возможностями развития, растворяют в бескровном понятии человечества, вместо того чтобы воспринимать их как сверкающую красками действительность. Твердым, ясным взором окидывает он смешение народов и над всеми ними видит свою собственную нацию. Она реальна, она живет в мощном, все умножающем свою мощь и величие государстве, и на ее возвышение направлены все его силы. Этим достигнуто подчинение интересов индивидуума высшим общим интересам, представляющее условие всякой жизнеспособной социальной идеологии. Чуждое народу государство и сама нация связаны в единое целое, и национальная идея в качестве движущей силы сделалась служанкой политики. Классовые противоречия исчезли и уничтожены, поглощенные службой интересам целого. На место чреватой для собственников неведомыми последствиями опасной борьбы между классами выступили общие действия нации, объединенной единой целью — стремлением к национальному величию.

Этот идеал, который кажется способным сплотить новыми узами раздираемое буржуазное общество, должен был найти тем более восторженный прием, что процесс разложения буржуазного общества успел продвинуться дальше.

Глава двадцать третья

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И КЛАССЫ

Мы видели, что объединение в капиталистические монополии пробуждает заинтересованность капитала в укреплении государственной власти. В то же время капитал приобретает способность овладевать государственной властью как не-

посредственно, с помощью собственной экономической силы, так и косвенно,— подчиняя интересы других классов своим интересам.

Развитие финансового капитала в корне меняет экономическую, а вместе с тем и политическую структуру общества. Индивидуальные капиталисты ранней эпохи капитализма враждебно противостояли друг другу в конкурентной борьбе. Этот антагонизм препятствовал их совместным действиям как в политической, так и в других областях. К этому добавляется и то обстоятельство, что такие действия еще не вызывались потребностями класса, так как при отрицательном отношении к государственной власти промышленный капитал не выступал как представитель капиталистических интересов, а индивидуальный капиталист являлся просто гражданином. Крупными вопросами, интересовавшими буржуазию, были в основном конституционные вопросы, организация современного конституционного государства, следовательно, вопросы, которые в равной мере касались всех граждан и объединяли их в совместной борьбе против реакции, против остатков феодального и абсолютистско-бюрократического образа правления.

Положение изменилось, когда победа капитализма развязала противоречия внутри буржуазного общества. Против господства промышленного капитала прежде всего восстали мелкая буржуазия и рабочие. Они открыли наступление в экономической области. Свобода промышленности оказалась под угрозой со стороны мелкой буржуазии, которая требовала ограничений, подобных цеховым, и со стороны рабочих, которые требовали законодательного регулирования трудового договора. Теперь речь шла уже не о гражданах, а о фабрикантах и рабочих, фабрикантах и мастерах. Политические партии открыто ориентировались теперь на экономические интересы, между тем как раньше последние скрывались за лозунгами реакции, либерализма и демократии, за которыми стояли три класса раннего капитализма — получатели земельной ренты с их продолжением при дворе, в бюрократии и армии, буржуазия и объединившиеся мелкая буржуазия и пролетариат. Таким образом, в борьбе за промышленный строй сложились три группы экономических союзов: союзы промышленников, товарищества, а также организации рабочих, причем государственная власть всяческими способами покровительствовала первым двум группам, превращая их для известного рода функций в узаконенные союзы. Но в то время как ориентировка товариществ и профессиональных союзов скоро приобрела характер внутреннего единства, предпринимательские союзы раскалывались торгово-политическими противоречиями. Кроме того, промышленный капитал политически находился в антагонизме с торговым и ссудным капиталом. Торговый капитал больше склонялся к усилению государственной власти, чем промышленный

капитал, так как оптовая торговля, в особенности заокеанская вообще и колониальная в частности, стремилась к государственной защите и, кроме того, легко поддавалась соблазну привилегий. Ссудный капитал раннего капитализма поддерживал государственную власть, с которой ему приходилось проводить свои важнейшие операции — государственные займы, и был совершенно чужд тому стремлению к миру и спокойствию, которое воодушевляло промышленный капитал. Чем крупнее финансовые потребности государства, тем больше его влияние, тем чаще заключаются займы и финансовые сделки. Но из этих займов и сделок тогда вытекала не только непосредственная прибыль. Они представляли также основное ядро и биржевых операций и, кроме того, важное средство для приобретения банками государственной привилегии. Так, привилегия Английского банка на выпуск банкнот исторически тесно связана с долговыми отношениями государства к банку.

Картелирование объединяет экономическую силу и таким образом непосредственно повышает ее политическую действенность. Но оно вносит в то же время единство в политические интересы капитала и позволяет ему воздействовать всей тяжестью экономической мощи непосредственно на государственную власть. Оно объединяет интересы всего капитала, который благодаря этому противостоит государственной власти намного более сплоченно, чем раздробленный промышленный капитал эпохи свободной конкуренции. Но в то же время и в других классах населения капитал встречает несравненно большую готовность к поддержке.

На первый взгляд это кажется странным, потому что финансовый капитал, по-видимому, вступает в противоречие с интересами всех других классов. Ведь монополистическая прибыль, как мы видели, представляет собой вычет из дохода всех других классов. Картельная прибыль на промышленные продукты удорожает для сельского хозяйства средства производства и уменьшает потребительную силу дохода сельских хозяев. Быстрое развитие промышленности отнимает у сельского хозяйства рабочую силу и создает в связи с научно-техническим переворотом в сельскохозяйственном производстве хроническую нужду деревни в людях. И это противоречие должно было ощущаться с наибольшей остротой, пока тенденции финансового капитала к повышению цены промышленных продуктов не соответствовали подобные тенденции на стороне сельскохозяйственных продуктов.

Начало капиталистического развития встречает в сельскохозяйственном населении противоположные интересы. Промышленность уничтожает крестьянское домашнее производство и превращает в общем удовлетворяющее само себя крестьянское хозяйство в чисто сельскохозяйственное, рас-

считанное на рыночный сбыт предприятие, преобразование, за которое крестьянство платится многими жертвами. Поэтому оно враждебно относится к промышленному развитию. Но само по себе крестьянство в современном обществе представляет собой недостаточно дееспособный класс. Не сплоченное, территориально изолированное от городской культуры, с кругозором, ограниченным самыми узкими местными интересами, оно становится политически дееспособным, лишь следуя за другими классами. Но в начале капиталистического развития оно находится в антагонизме как раз с тем классом деревни, который обладает величайшей дееспособностью, — с крупным землевладением. Последнее непосредственно заинтересовано в промышленном развитии. Оно должно продавать свои продукты, и капитализм создает для него большой внутренний рынок и открывает возможность развития таких сельскохозяйственных отраслей промышленности, как винокурение, пивоварение, производство крахмала и сахара и т. д. Такая заинтересованность крупного землевладения имеет большое значение для развития капитализма, так как она обеспечивает последнему на ранней стадии его развития поддержку крупного землевладения, а вместе с тем и государственной власти. Политика меркантилизма и выдвигалась всегда помещьем, продуктом капиталистического преобразования помещичьего хозяйства.

Дальнейшее развитие капитализма очень быстро разрывает эту общность интересов, порождая борьбу против меркантилизма и его исполнительного комитета — абсолютной государственной власти. Эта борьба направляется непосредственно против землевладения, которое в значительной степени владеет государственной властью, занимая руководящие посты в войске, бюрократии и при дворе, повышая свои доходы экономической эксплуатацией государственной власти и являясь для окрестностей поместья непосредственным ее носителем. После победы над абсолютизмом и создания современного государства этот антагонизм усиливается. Развитие промышленности усиливает политическую позицию буржуазии и угрожает землевладению полным лишением политической власти. К политическому антагонизму присоединяется обострение экономического антагонизма. Развитие промышленности ведет к обезлюдению деревни, создает нужду в рабочих и некогда столь сильную заинтересованность в вывозе превращает в конце концов в заинтересованность во ввозе. Так возникает торгово-политический антагонизм, который в Англии заканчивается поражением землевладения. На континенте общая заинтересованность в протекционизме препятствует развитию антагонизма до наибольшей остроты. Пока на континенте промышленная отсталость принуждает крупное сельское хозяйство вывозить свои про-

дукты, крупное землевладение в известной степени все еще сочувствует развитию промышленности и в особенности транспорта. Оно остается фритредерским, и только с возникновением заинтересованности в импорте оно обращается к протекционизму и сближается в отношении экономической политики с тяжелой промышленностью. Но то самое промышленное развитие, которое в Германии ведет к усилению землевладения, к повышению цены аграрных продуктов и к увеличению земельной ренты, создает зародыши нового антагонизма. Пока не наступил период картелирования, усиление промышленности укрепляет ее фритредерские тенденции и склонность к торговым договорам, а ее сила угрожает развиться до такой степени, что ей удастся отстоять низкие цены на хлеб, в которых она заинтересована. Таким образом, промышленное развитие превращается в угрозу для землевладельческих интересов. Эта угроза еще больше возрастает вследствие того, что то же самое развитие, которое превращает европейский континент в промышленное государство, развязывает в Америке сельскохозяйственную конкуренцию, угрожающую европейскому сельскому хозяйству острым потрясением хлебных цен, ренты и цены земли. Развитие финансового капитала, изменив функцию протекционизма, перекидывает мост между этими противоположными интересами и создает новую общность интересов между крупным землевладением и картелированными отраслями тяжелой промышленности. Для сельского хозяйства высокий уровень цен теперь обеспечен, а дальнейшее развитие промышленности должно повести к его повышению. Главное беспокойство землевладению причиняют теперь уже не противоречия с промышленностью, а *рабочий вопрос*. Подавление требований рабочих становится для него настоятельнейшей политической задачей. Кроме того, землевладение вступает в резкий антагонизм с стремлениями промышленных рабочих улучшить свое положение также и потому, что всякое такое улучшение затрудняет сохранение деревенской рабочей силы. Таким образом, общность вражды к рабочему движению объединяет эти два наиболее мощных класса.

В то же время сила крупного землевладения возрастает и потому, что его антагонизм к мелкому землевладению исчезает или по меньшей мере сильно смягчается. Старый исторический антагонизм давным-давно устранен уничтожением крестьянских повинностей перед помещиками. Период понижения хлебных цен, а также затруднения с рабочим вопросом почти совершенно приостановили расширение крупного землевладения за счет мелкого. С другой стороны, общая борьба за аграрные пошлыны объединила крупных и мелких землевладельцев. А то, что мелкое производство несравненно более, чем крупное, заинтересовано в защите от

импорта скота и мяса, разумеется, несколько не вредило сближению, так как пошлин можно было добиться только совместной борьбой. К этому добавляется специфическое влияние сельскохозяйственных пошлин на цену земли. Правда, рост цен на землю скорее вреден для сельского хозяйства как такового, но для каждого землевладельца он очень полезен. Итак, совместная борьба за направление торговой политики в странах, нуждающихся в импорте сельскохозяйственных продуктов, объединила все слои сельскохозяйственной собственности и таким образом обеспечила финансовому капиталу поддержку деревни. Среднее и мелкое землевладение в тем большей степени участвует в этой борьбе, что быстрое развитие кооперативных товариществ увеличило для каждого крестьянского хозяйства работу на рынок и уменьшило производство для собственного потребления. Притом крупное землевладение очень легко захватывало руководящую роль в этих товариществах, так как, с одной стороны, не было сколько-нибудь серьезной противоположности интересам, а с другой, именно крупные землевладельцы располагали необходимым опытом, интеллигентностью и авторитетом. Это опять-таки укрепляло руководящую роль крупного собственника в деревне и приводило к тому, что политика деревни все более направлялась крупным землевладением.

Одновременно развитие вело к тому, что интересы собственности все более объединялись, так как источники доходов становились все более многообразными. Протекционизм быстро увеличивал доход от земельной ренты, в особенности в последнее десятилетие, когда интенсивность заокеанской аграрной конкуренции начала уменьшаться, отчасти вследствие быстрого промышленного развития Соединенных Штатов Америки¹, отчасти потому, что сельскохозяйственное про-

¹ Вывоз Соединенных Штатов составлял в 1901 г. 33% всего производства пшеницы, в 1902 г. — 21, в 1903 г. — 19,5, в 1904 г. — 10,5% (*J. M. Rubinow, Russia's wheat trade. Washington 1908*).

В замечаниях вашингтонского департамента торговли и труда, цитируемых Марией Шваб (см. *Marie Schwab, op. cit., S. 73*), говорится: «То уменьшение вывоза хлебов, продуктов питания и хлопка, которое наступило в недавние годы и особенно в последний 1903/04 г. нельзя объяснить ни плохими урожаями в Америке, ни понижением цен за границей. За последние годы сбор кукурузы, пшеницы и хлопка был не ниже среднего, в большинстве случаев даже необычайно высокий. Главная причина того, что доля сельскохозяйственных продуктов в общем вывозе все понижается, очевидно заключается в росте потребности Соединенных Штатов. То количество пшеницы, которое оставалось в Соединенных Штатах для внутреннего потребления, до 1880 г. ни разу не достигало 275 млн. бушелей. В 1883 г. оно превысило 300 млн. и возрастало постепенно с дальнейшим увеличением населения. В 1889 г. оно составило более 400 млн. бушелей, в 1902 г. — свыше 500 млн. и в отчетном году, закончившемся 30 июня 1904 г., — 517 млн. бушелей. Это наибольший объем, не достигавшийся ни в один из прежних годов».

«Население Соединенных Штатов в период 1880—1900 гг. выросло с 50 млн. до 76 млн., т. е. на 52%, между тем как площадь, засеянная пшеницей, увеличи-

изводство центральных и южных штатов Америки, несмотря на быстрое развитие, не поспевает за увеличением спроса. Но повышение земельной ренты означало, что в распоряжении относительно крупного землевладения оставался избыток доходов. Однако его использование для расширения сельскохозяйственного производства встречалось с известными трудностями, так как именно расширению обрабатываемых площадей серьезно препятствовало сложившееся распределение собственности. Их удается преодолеть, во-первых, в том случае, если тенденция к росту цен на зерновые сильна и устойчива настолько, что повышенная цена земли представляется вполне подходящей; и затем — и это второй важный момент — если крупный землевладелец находит нищающее крестьянство, неспособное противиться покупке его земли. Но период с середины 70-х годов до середины первого десятилетия XX в. был благоприятным для крестьянства. Заморская конкуренция всей своей тяжестью обрушилась как раз на крупное землевладение, ведущее в широком масштабе зерновое хозяйство и экстенсивное животноводство; ему же больше всего вредил и недостаток рабочих. Напротив, сильный рост городского спроса на основные продукты более мелкого производства, на молоко, мясо, овощи, фрукты и т. д. благоприятствовал средней и мелкой собственности, равно как сравнительно меньшее значение для нее рабочего вопроса. Стремление крупного производства расширить свое землевладение могло развернуться в полную силу лишь тогда, когда тенденция к падению цен на зерновые была побеждена противоположной тенденцией, но именно тут оно и наткнулось на сопротивление сильного среднего и мелкого владения, для основных продуктов которого тоже обнаружилась тенденция к повышению цен. Следовательно, упомянутому избытку доходов крупного землевладения приходилось в поисках за прибыльным применением обратиться прежде всего к промышленности. В этом направлении толкало и то обстоятельство, что начавшийся с 1895 г. бурный период высокой конъюнктуры увеличивал норму прибыли в промышленности и во всяком случае поднимал ее значительно выше нормы прибыли в сельском хозяйстве. Возможность такого применения избытков была тем легче, что развитие акционерного дела создавало форму, приспособленную для приложения капиталов, притекающих из других сфер, а концентрация и консолидация крупной промышленности сильно уменьшали риск даже для аутсайдеров. К этому добавлялось быстрое развитие собственно деревенских отраслей промышленности, которые при содействии государственной

лась в республике всего с 34 млн. до 42 млн. акров, или на 23,5%. Вся площадь под всеми видами зерновых возросла лишь с 136 млн. до 158 млн. акров, или на 16,5%» (Ibid., S. 72).

власти (налоговое законодательство) достигают монопольного положения, столь же быстрое развитие отраслей промышленности, просто имеющих свое местопребывание в деревне, и, наконец, в особенности важное для крупнейших землевладельцев соединение сельскохозяйственного и горнопромышленного землевладения, сложившееся еще в старые времена. Все это превращало класс крупных землевладельцев из класса, доход которого поступал от земельной ренты, в такой класс, доходы которого проистекают, кроме того, и во все возрастающей степени из промышленной прибыли, из участия в прибылях «движимого капитала»¹.

С другой стороны, возрастал интерес финансового капитала к ипотечным операциям. Но для их расширения решающее значение имеет *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] уровень цен на землю. Чем выше цена земли, тем больше может быть ипотечная задолженность. Следовательно, повышение аграрных пошлин приобретает важное значение для развития немаловажной части банковых операций. В то же время растущие доходы землевладельцев и арендаторов служат приманкой для новых капиталовложений в земледелие, побуждают увеличивать интенсивность производства, а вме-

1. * ¹ Для Пруссии см. *Dr. F. Kühnert, Das Kapitalvermögen der selbständigen Landwirte in Preußen. «Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Landesamtes», 48. Jahrgang, 1908.* Основой служит прусская статистика задолженности собственников земельных владений с минимальной ставкой поземельного налога в 60 марок, т. е. действительно самостоятельных сельских хозяйств, базирующаяся на материалах распределения подоходного и дополнительного налога за 1902 г. Под «собственно капитальным имуществом» здесь подразумевается не имущество в земельных участках, не оборотный капитал в сельском и лесном хозяйстве и не промышленный и горнопромышленный основной и оборотный капитал, а ценные бумаги разного рода, как-то: акции, вклады в сберегательные кассы, кукусы и т. д. Следовательно, имеется в виду капитальное имущество, за исключением сельскохозяйственного и промышленного основного и оборотного капитала. Оказывается, что собственники участков земли с минимальными размерами поземельного налога в 60 марок, общее число которых составляло 720 067, в целом обладали капитальным имуществом в 7 920 781 703 марки. Из них 3 997 549 251 марка, или 50,5%, приходится на 628 876 собственников, которые основной доход получают от сельского хозяйства или лесоводства, т. е. профессия которых в общем—это самостоятельный сельский хозяин. 3 923 232 452 марки, или 49,5%, приходится на 91 191 собственника, которые от сельского и лесного хозяйства получают дополнительный доход. Это главным образом собственники, для которых профессия самостоятельный сельский хозяин является подсобной.

Из всего валового имущества 720 067 прусских самостоятельных хозяйств, составляющего 39 955 313 135 марок, 74,1% приходится на земельное имущество, 19,8 — на капитальное имущество, 5,9 — на основной и оборотный промышленный капитал и 0,2% — на самостоятельные права и привилегии. В частности, все имущество 628 876 собственников, для которых главная профессия — сельский хозяин и которые владеют 28 541 502 216 марками, соответствующее отношение 84,9%, 14,1 и 0,1%, а для тех 91 191 собственников, для которых сельское хозяйство представляет побочную профессию и которым принадлежит 11 413 811 919 марок, соответствующие цифры составляют 47,1%, 34,4, 18,3 и 0,3%.

сте с тем увеличивать количество оборотных средств, следовательно, опять-таки приводят к расширению этой сферы приложения банковского капитала.

Кроме того, стремление возвысить свое социальное положение побуждало городских капиталистов приобретать земельную собственность или — здесь мы тоже встречаемся с принципом персональной унии — присоединять крупное землевладение посредством браков, излюбленной формы социального переплетения и противодействия раздроблению собственности.

Таким образом, то отделение функции собственности от функции руководства производством, к которому приводит акционерная организация, приносит с собой возможность солидаризации собственнических интересов, а с повышением земельной ренты, с одной стороны, и промышленной сверхприбыли — с другой, эта возможность становится действительностью. «Богатство» уже не дифференцируется по источникам дохода, по тому, происходит ли оно из прибыли или из ренты; оно притекает теперь от соучастия во всех частях, на которые распадается прибавочная стоимость, производимая рабочим классом.

Но связь с крупным землевладением чрезвычайно усиливает способность финансового капитала к овладению государственной властью. С крупным землевладением он завоевывает политически руководящий слой, а вместе с ним в большинстве вопросов и деревню вообще. Правда, поддержка землевладения отнюдь не безусловна и, несомненно, обходится очень дорого. Но те издержки, которые приходится оплачивать в виде повышенной цены сельскохозяйственных продуктов, легко покрываются сверхприбылями, которые доставляет финансовому капиталу овладение государственной властью, *conditio sine qua* поп [непременное условие] проведения империалистической политики. Поддержкой крупного землевладения он обеспечивает себе содействие класса, который замещает, по большей части, высшие и влиятельнейшие должности и осуществляет господство над бюрократией и войском. С другой стороны, империализм знаменует укрепление государственной власти, увеличение армии и флота и бюрократии вообще — и это опять-таки укрепляет солидарность интересов финансового капитала и крупного землевладения.

* * *

Итак, если в своем стремлении овладеть государственной властью финансовый капитал получил поддержку влиятельного слоя деревни, то и развитие классовых противоречий среди промышленных производителей вначале тоже благоприятствовало этому стремлению.

Первоначально финансовый капитал вступает в противоречие с мелким и средним капиталом. Мы видели, что картель-

ная прибыль представляет собой вычет из прибыли некартелированной промышленности. Следовательно, последняя заинтересована в том, чтобы картелирование натолкнулось на противодействие. Но эта заинтересованность перекрещивается с другими интересами. Поскольку дело идет об отраслях, неспособных или еще неспособных к экспорту, последние объединяются с картелированной промышленностью общими протекционистскими интересами, которые можно защищать лишь совместными действиями; мало того, картелированная промышленность выступает в качестве ярого поборника протекционизма. Далее, образование *одного* картеля усиливает тенденции к монополизации у других. Как раз наиболее сильные и наиболее конкурентоспособные капиталисты еще некартелированных отраслей приветствуют образование картелей, так как последние должны ускорить концентрацию и тем самым способность к картелированию их собственной отрасли. Защиты от картелирования других отраслей они ищут в создании собственного картеля, но отнюдь не в борьбе за свободу торговли; цель их стремлений — не свобода торговли, а возможность использовать охранительные пошлины посредством собственного картеля.

Кроме того, между средними и мелкими капиталистами также множатся случаи косвенной зависимости от капитала. Мы видели, как в гигантских масштабах такой зависимостью охватывается капиталистическая торговля. Разумеется это несет с собой определенные противоречия, пока процесс подчинения еще не закончен. Но как только он закончится, именно эти слои солидаризируются в своих интересах с картелем. Именно поэтому торговцы, являющиеся в настоящее время агентами угольного или спиртового синдиката, особенно заинтересованы в усилении синдиката, который освобождает их от конкуренции аутсайдеров, и в расширении синдиката, потому что это увеличивает их обороты. Что же касается многочисленных и все умножающихся случаев косвенной зависимости промышленников, работающих на универсальный магазин, на крупный промышленный концерн и т. д., то и здесь наблюдается аналогичное явление: ведь развитие картелирования вообще означает однородность интересов всего капиталовладения. В том же направлении действует участие мелких и средних капиталистов в крупной промышленности. Благодаря акционерной форме прибыль, накопленная в других отраслях промышленности, частично тоже вкладывается в отрасли тяжелой промышленности, так как развитие, которое требует относительно быстрого расширения производства средств производства, именно здесь идет наиболее быстрыми темпами, картелирование принимает здесь наиболее выработанные формы, а потому и норма прибыли наивысшая.

Наконец, политика финансового капитала — это политика энергичнейшей экспансии и постоянной погони за новыми сферами приложения капитала и новыми рынками сбыта. Но чем быстрее расширяется капитализм, тем продолжительнее эпоха процветания, тем короче кризис. В экспансии одинаково заинтересован всякий капитал, а в эпоху протекционизма она возможна лишь как империалистическая экспансия. Кроме того, чем продолжительнее процветание, тем менее ощутима конкуренция капитала в собственной стране, тем меньше для мелких капиталистов опасность, что они будут побеждены конкуренцией крупных. Это относится к мелким капиталистам всех отраслей промышленности, в том числе и картелированных. Ведь если периоды депрессии наиболее опасны для существования картелей, то и, наоборот, депрессия с ее обостряющейся конкурентной борьбой внутри страны, с массами бездеятельного капитала является таким временем, когда сильнее всего становится стремление к новым рынкам.

После того как в течение десятилетий опровергали марксову теорию концентрации, в настоящее время она превратилась в трюизм. Упадск промышленного среднего сословия признается непредотвратимым. Но здесь нас интересует не столько его количественное сокращение, вытекающее из уничтожения мелкого производства, сколько то структурное изменение мелкого промышленного и торгового производства, которое порождается современным капиталистическим развитием. Значительная часть мелких предприятий играет вспомогательную роль при крупных и потому заинтересована в расширении последних. Ремонтные работы в городах, установка оборудования и т. д. обязаны своим существованием крупному фабричному производству, которое еще не овладело ремонтными работами. Враг ремонтных предприятий всякого рода — не фабрика, а ремесло, которое обслуживает все эти работы. Следовательно, эти слои находятся в антагонизме не с крупной промышленностью, а с рабочими. Другая, еще большая часть мелких предприятий вообще сохраняет только кажущуюся самостоятельность; в действительности они попали в «косвенную зависимость от капитала» (Зомбарт) и сделались таким образом «подданными капитала» (Отто Бауэр). Это — численно сокращающийся слой со слабой способностью к сопротивлению и отсутствием способности к организации, находящийся в полной зависимости от крупных капиталистических предприятий, агентами которых они являются. Сюда относятся, например, полчища мелких хозяев, которые являются всего лишь торговыми агентами пивоваренных заводов, владельцы обувных магазинов, основываемых какой-нибудь фабрикой обуви, и т. д. Сюда же относятся и многочисленные, кажущиеся самостоятельными столяры, которые работают на мебельный магазин, портные, работающие на магазин готового платья, и т. п. Нет

необходимости подробнее останавливаться на этих отношениях, тем более, что они обстоятельно и превосходно обрисованы Зомбартом в его «Современном капитализме».

Что здесь важно, так это то, что одновременно с развитием в указанном направлении менялась политическая позиция этих слоев. Борьба интересов мелкого и крупного производства, представлявшаяся в начале капитализма борьбой ремесла против капиталистического предприятия, в основном решена. Эта борьба заставляла старое среднее сословие занять враждебную капитализму позицию. Среднее сословие пыталось отсрочить свое поражение борьбой против свободы промышленности, обузданием крупнокапиталистических предприятий. Законодательство призывалось к тому, чтобы prolongировать существование среднего сословия охраной ремесленников, возрождением цехов, установлением сроков ученичества, дифференцированием налогового законодательства и т. д. В этой борьбе против крупного капитала среднее сословие нашло поддержку со стороны деревенских классов, которые в ту эпоху тоже разделяли антикапиталистические тенденции. Но оно натолкнулось на враждебность рабочего класса, который в ограничении производительных сил видел угрозу своим жизненным интересам.

Совершенно иная позиция теперешнего мелкого производства. Поскольку дело касается конкуренции между капиталом и ремеслом, конкурентная борьба в основных чертах здесь закончена. Борьба за концентрацию разыгрывается скорее в сфере самого капитализма как борьба мелкого и среднего производства против гигантских предприятий. В настоящее время мелкие предприятия в основном являются подданными крупных предприятий; если даже их самостоятельность не чисто фиктивна, они всего лишь вспомогательные предприятия при крупных производствах. Таковы предприятия по установке оборудования в осветительной сети, современные фирмы в крупных городах, сбывающие продукты фабрик, и т. д. Все они не ведут конкурентной борьбы против крупной промышленности, а, напротив, заинтересованы в максимальном ее расширении, потому что они выполняют при ней ремонтные и вспомогательные работы, являются ее торговцами или агентами. Это не исключает того, что они конкурируют между собой, что и среди них проявляется движение к концентрации. Но эта борьба в общем уже не принимает антикапиталистического характера; напротив, они ждут своего спасения только от быстрого развития капитализма, продуктом которого являются и они сами и которое расширяет арсенал их операций. Напротив, поскольку они держат наемных рабочих, их антагонизм с рабочим классом все более обостряется, так как сила рабочих организаций именно на мелких предприятиях оказывается наибольшей.

Но даже в тех сферах, где мелкому производству еще принадлежит перевес, как, например, в строительной промышленности, антагонизм с крупным капиталом утрачивает свою остроту. Не только потому, что и эти предприниматели, вынужденные обращаться к банковому кредиту, насквозь проникнуты капиталистическим духом, и не только потому, что их антагонизм по отношению к рабочим становится все интенсивнее, но и потому, что каждый раз, когда они выступают со своими специфическими требованиями, они все реже встречают сопротивление, но зато нередко находят прямую поддержку именно со стороны крупнейшего капитала. Борьба за и против свободы промышленности с особенной интенсивностью велась в отраслях, производящих предметы потребления, между ремесленными мастерами, с одной стороны, и мелкими и средними фабрикантами — с другой. Портные, сапожники, каретники, строительные ремесленники были передовыми борцами на одной стороне, текстильные фабриканты, конфекционеры и т. д. — на другой. Напротив, в настоящее время, когда борьба во всем существенном решена, защита ремесленников не затрагивает жизненных интересов сколько-нибудь развитых капиталистических сфер. Для угольного синдиката, для объединения сталелитейных предприятий, для электрической и химической промышленности весьма безразличны те требования, с которыми выступает среднее сословие в настоящее время. Те интересы мелких и средних капиталистов, которые могли бы пострадать от осуществления этих требований, не являются непосредственно их интересами. Напротив, представители этих требований являются наиболее энергичными и ожесточенными противниками требований рабочих. В этих сферах мелкого производства царит ожесточеннейшая конкуренция, норма прибыли — наиболее низкая. Всякая новая социальная реформа, всякий успех профессиональных союзов кладет конец целому ряду таких производств. Здесь рабочие встречают наиболее ярых противников, но здесь же крупный капитал и крупные предприниматели находят для себя наилучшее охранное войско¹.

¹ До какой степени ясно сознается это крупными промышленниками, показывает пример барона фон Рейсвица, генерального секретаря союза работодателей в Гамбург-Альтоне и главного поборника принципа смешанных союзов работодателей. В качестве преимущества смешанных союзов он выдвигает следующее: во-первых, они «чрезвычайно воспитывают» работодателей, так как почти *какая-нибудь* из участвующих в них отраслей затронута стачкой, а потому союз, «так сказать, постоянно находится на военном положении». А с другой стороны, — и это главное — они *открывают возможность солидарных действий крупной промышленности, мелкой промышленности и ремесла*. По причинам политического свойства барон фон Рейсвиц придает особую ценность этой солидарности всех групп промышленности. Ремесленник, говорит он, наилучший передовой боец в малой войне против социал-демократии, а потому крупная промышленность особенно заинтересована в том, чтобы поддержать его экономическую жизнеспособность. (См. *Reiswitz, Gründet Arbeitgeberverbän-*

необходимости подробнее останавливаться на этих отношениях, тем более, что они обстоятельно и превосходно обрисованы Зомбартом в его «Современном капитализме».

Что здесь важно, так это то, что одновременно с развитием в указанном направлении менялась политическая позиция этих слоев. Борьба интересов мелкого и крупного производства, представлявшаяся в начале капитализма борьбой ремесла против капиталистического предприятия, в основном решена. Эта борьба заставляла старое среднее сословие занять враждебную капитализму позицию. Среднее сословие пыталось отсрочить свое поражение борьбой против свободы промышленности, обузданием крупнокапиталистических предприятий. Законодательство призывалось к тому, чтобы продлить существование среднего сословия охраной ремесленников, возрождением цехов, установлением сроков ученичества, дифференцированием налогового законодательства и т. д. В этой борьбе против крупного капитала среднее сословие нашло поддержку со стороны деревенских классов, которые в ту эпоху тоже разделяли антикапиталистические тенденции. Но оно натолкнулось на враждебность рабочего класса, который в ограничении производительных сил видел угрозу своим жизненным интересам.

Совершенно иная позиция теперешнего мелкого производства. Поскольку дело касается конкуренции между капиталом и ремеслом, конкурентная борьба в основных чертах здесь закончена. Борьба за концентрацию разыгрывается скорее в сфере самого капитализма как борьба мелкого и среднего производства против гигантских предприятий. В настоящее время мелкие предприятия в основном являются подданными крупных предприятий; если даже их самостоятельность не чисто фиктивна, они всего лишь вспомогательные предприятия при крупных производствах. Таковы предприятия по установке оборудования в осветительной сети, современные фирмы в крупных городах, сбывающие продукты фабрик, и т. д. Все они не ведут конкурентной борьбы против крупной промышленности, а, напротив, заинтересованы в максимальном ее расширении, потому что они выполняют при ней ремонтные и вспомогательные работы, являются ее торговцами или агентами. Это не исключает того, что они конкурируют между собой, что и среди них проявляется движение к концентрации. Но эта борьба в общем уже не принимает антикапиталистического характера; напротив, они ждут своего спасения только от быстрого развития капитализма, продуктом которого являются и они сами и которое расширяет арену их операций. Напротив, поскольку они держат наемных рабочих, их антагонизм с рабочим классом все более обостряется, так как сила рабочих организаций именно на мелких предприятиях оказывается наибольшей.

Но даже в тех сферах, где мелкому производству еще принадлежит перевес, как, например, в строительной промышленности, антагонизм с крупным капиталом утрачивает свою остроту. Не только потому, что и эти предприниматели, вынужденные обращаться к банковому кредиту, насквозь проникнуты капиталистическим духом, и не только потому, что их антагонизм по отношению к рабочим становится все интенсивнее, но и потому, что каждый раз, когда они выступают со своими специфическими требованиями, они все реже встречают сопротивление, но зато нередко находят прямую поддержку именно со стороны крупнейшего капитала. Борьба за и против свободы промышленности с особенной интенсивностью велась в отраслях, производящих предметы потребления, между ремесленными мастерами, с одной стороны, и мелкими и средними фабрикантами — с другой. Портные, сапожники, каретники, строительные ремесленники были передовыми борцами на одной стороне, текстильные фабриканты, конфекционеры и т. д. — на другой. Напротив, в настоящее время, когда борьба во всем существенном решена, защита ремесленников не затрагивает жизненных интересов сколько-нибудь развитых капиталистических сфер. Для угольного синдиката, для объединения сталелитейных предприятий, для электрической и химической промышленности весьма безразличны те требования, с которыми выступает среднее сословие в настоящее время. Те интересы мелких и средних капиталистов, которые могли бы пострадать от осуществления этих требований, не являются непосредственно их интересами. Напротив, представители этих требований являются наиболее энергичными и ожесточенными противниками требований рабочих. В этих сферах мелкого производства царит ожесточеннейшая конкуренция, норма прибыли — наиболее низкая. Всякая новая социальная реформа, всякий успех профессиональных союзов кладет конец целому ряду таких производств. Здесь рабочие встречают наиболее ярых противников, но здесь же крупный капитал и крупные предприниматели находят для себя наилучшее охранное войско¹.

¹ До какой степени ясно сознается это крупными промышленниками, показывает пример барона фон Рейсвица, генерального секретаря союза работодателей в Гамбург-Альтоне и главного поборника принципа смешанных союзов работодателей. В качестве преимущества смешанных союзов он выдвигает следующее: во-первых, они «чрезвычайно воспитывают» работодателей, так как почти *какая-нибудь* из участвующих в них отраслей затронута стачкой, а потому союз, «так сказать, постоянно находится на военном положении». А с другой стороны, — и это главное — они *открывают возможность солидарных действий крупной промышленности, мелкой промышленности и ремесла*. По причинам политического свойства барон фон Рейсвиц придает особую ценность этой солидарности всех групп промышленности. Ремесленник, говорит он, наилучший передовой боец в малой войне против социал-демократии, а потому крупная промышленность особенно заинтересована в том, чтобы поддержать его экономическую жизнеспособность. (См. *Reiswitz, Gründet Arbeitgeberverbän-*

Но та же самая заинтересованность обеспечивает среднему сословию поддержку деревенских классов, и таким образом исчезает старая противоположность интересов между буржуазией и мелкой буржуазией, и последняя политически становится охранным войском крупного капитала. Это несколько не меняется от того, что выполнение требований среднего сословия нимало не улучшило его положения. Создание принудительных государственных организаций мелкого производства повсюду потерпело фиаско. Даже в тех случаях, где мелкое производство еще жизнеспособно, товарищества и цехи превратились (как, например, в области производства продуктов питания в крупных городах) в своего рода картели, которые сообща стараются грабить потребителей (как мясные и пекарни). Или же они превращаются в союзы работодателей либо в прямой форме, либо путем вступления членов цехов в полном составе в какой-нибудь союз работодателей, внешне обособленный, но внутренне зависимый от цеха¹.

Но именно эта, столь противоположная старому ремеслу, невозможность отстаивать сколько-нибудь важные собственные экономические требования делает среднее сословие неспособным к самостоятельной политике, делает политику хвостизма необходимой для него. Неспособное к самостоятельной классовой политике, оно становится добычей всяческой демагогии лишь бы последняя считалась с его враждебностью к рабочему классу. Из экономического противника рабочих оно становится их политическим противником и, будучи уже неспособным использовать для себя политическую свободу, видит в ней средство, содействующее укреплению политической, а тем самым и экономической силы рабочего класса. Оно становится политически реакционным и, чем меньше его дом, тем большее значение придает оно тому, чтобы оставаться хозяином своего собственного дома. Оно апеллирует к твердой руке в правительстве и готово поддерживать всяческую политику насилия, если она направлена против рабочих. Таким образом, оно становится восторженным приверженцем сильной правительственной власти, с энтузиазмом поддерживает милитаризм и маринизм, равно как и авторитарную бюрократию. Тем самым оно обслуживает дело империалистических классов, а следовательно, и в этом отношении становится самым ценным их союзником. И тот же империализм снабжает его новой идеологией. От быстрого расширения капитала оно ждет улучшения собственных дел, увеличения работы, усиления покупательной способности заказчиков и превращается в восторженного попутчика империалистиче-

de, S. 22 и след. Цит. по Dr. Gerhard Keßler, Die deutschen Arbeitgeberverbände; «Schriften des Vereins für Sozialpolitik», Bd. 124, Leipzig 1907, S. 106 и след.)

¹ G. Keßler, op. cit., S. 15.

ских партий. Но в то же время оно наиболее легко подвергается воздействию различных средств, влияющих на исход выборов, и прежде всего бойкоту против его предприятий; его слабость превращает его и политически в превосходный объект эксплуатации.

Конечно, оно огорчается, когда ему преподносят счет расходов, и гармония между ним и крупным капиталом на некоторое время нарушается. Но огромнейшая часть налогов доставляется рабочими, а косвенные налоги, если и затрагивают его сильнее, чем крупный капитал, то ведь его способность к сопротивлению слишком мала, для того чтобы порвать союз. Только небольшая часть среднего сословия порывает со свитой, следующей за буржуазией, и примыкает к пролетариату. Оставляя в стороне только кажущихся самостоятельными владельцев предприятий без наемной силы, всех тех, кто в действительности ведет домашнее производство, эти элементы по большей части принадлежат к слою городской розничной торговли. Обслуживая преимущественно покупателей-рабочих, они по коммерческим ли соображениям, вследствие ли постоянного общения с рабочими начинают разделять их воззрения и примыкают к рабочей партии.

Совершенно иную позицию занимают те слои, которые в последнее время установилось дурное обыкновение называть «новым средним сословием». Речь идет о служащих в торговле и промышленности. Развитие крупного производства и общественная форма предприятий чрезвычайно увеличили их количество и превратили их в известной иерархической градации в действительных руководителей производства. Нарастание этого слоя быстрее, чем нарастание даже пролетариата. Прогресс в росте органического состава капитала означает относительное, а в некоторых случаях и в некоторых отраслях промышленности и абсолютное сокращение числа рабочих. Но в отношении технического персонала это не имеет места; напротив, численность его увеличивается с увеличением размеров производства, хотя и не так быстро. В самом деле, рост органического состава означает прогресс в автоматизации производства, изменение и усложнение машинного оборудования. Введение новых машин делает излишней человеческую рабочую силу, но оно отнюдь не делает излишним надзор техника. Расширение машинного крупнокапиталистического производства представляет поэтому жизненный интерес для технических служащих всех категорий и превращает промышленных служащих в самых страстных приверженцев крупнокапиталистического развития. Точно так же действует первоначально и акционерное дело. Оно отделяет руководство от собственности и превращает его в общую функцию более высоко оплачиваемых наемных рабочих и служащих. Высшие должности превращаются в посты, обеспечивающие большое влияние и круп-

ные оклады, возможность, открытая как будто для всех служащих. Интересы карьеры, стремление к повышению в должности, возникающие в такой иерархии, пробуждаются в каждом отдельном служащем и подавляют в них чувство солидарности. Каждый рассчитывает перегнуть другого и подняться из своего полупролетарского положения до высот капиталистического дохода. Чем быстрее развитие акционерных обществ, чем крупнее их размеры, тем больше число мест вообще, а вместе с тем и мест, которые дают большое влияние и хорошие оклады. Служащие видят сначала только эту гармонию интересов и, так как всякий пост представляется им только переходом к высшему, не столько заинтересованы в борьбе за свой трудовой договор, сколько в борьбе капитала за расширение сферы влияния.

Это — слой, который по своей идеологии и своему происхождению принадлежит к буржуазии, талантливейшие или наиболее беззастенчивые представители которого еще поднимаются в капиталистические слои и который по своим доходам отчасти еще возвышается над пролетариатом. Лица, принадлежащие к этому слою, обычно еще соприкасаются с руководящими капиталистами, которые подвергают их самому придирчивому контролю и тщательнейшему отбору. Борьба против организации служащих наиболее энергична и неумолима. Если в конце концов развитие и толкнет эти слои, необходимые для ведения производства, на сторону пролетариата, особенно, когда соотношение сил начнет колебаться, и сила капитализма, хотя еще не сломленная, все же больше не будет казаться непреодолимой, то в настоящее время они пока не являются особенно активным отрядом в самостоятельной борьбе.

Несомненно, дальнейшее развитие неизбежно постепенно разрушит эту пассивность. Постоянно убывающая возможность достичь самостоятельного положения — следствие развития концентрации — все больше заставляет ремесленников и мелких капиталистов избирать для своих сыновей карьеру служащих. Но одновременно с ростом числа служащих растет значение той статьи расходов, которая состоит из их заработной платы, и появляется тенденция к понижению ее уровня. Предложение этой рабочей силы быстро увеличивается. С другой стороны, в крупном производстве и для этой высококвалифицированной рабочей силы развивается все более дробное разделение труда и специализация. Часть труда, приобретающая автоматический характер, выполняется менее квалифицированной рабочей силой. Современный крупный банк, современная электрическая компания, универсальный магазин применяют большое количество служащих, которые немногим отличаются от обученных частичных рабочих. А если некоторые обладают сравнительно более высоким образованием, то это

более или менее безразлично для предпринимателя. Им постоянно угрожает опасность, что они будут заменены необученными или полуобученными рабочими. Женский труд тоже создает сильную конкуренцию. Им приходится расплачиваться за эту конкуренцию ценой своей рабочей силы, уровень их жизни понижается, и это тем более болезненно для их сознания, что у них сложились буржуазные привычки. Важно и то обстоятельство, что с развитием гигантских предприятий растет число только таких плохо оплачиваемых должностей, а число высших должностей увеличивается далеко не в равной мере. И если увеличение количества крупных предприятий, рост их современных форм быстро повышали спрос на служащих разного рода, то расширение уже существующих производств далеко не в той же пропорции увеличивает спрос на труд служащих. Кроме того, с консолидацией акционерных обществ лучше оплачиваемые места все более становятся монополией крупнокапиталистического слоя, и надежды на карьеру чрезвычайно понижаются¹.

Соединение отраслей промышленности и банков в крупные монополии еще больше ухудшает положение служащих. Они противостоят теперь непомерно сильным группам капиталистов. Свобода перехода с места на место, а потому и надежда улучшить свое положение, используя конкуренцию предпринимателей из-за способнейших служащих, даже для даровитейших и талантливейших становится все более проблематичной. Это соединение может повести также и к абсолютному уменьшению количества служащих. Это сокращение касается прежде всего наилучше оплачиваемых должностей, так как в организацию руководства вносится упрощение. Возникновение комбинаций, а в особенности трестов уменьшает количество высших технических должностей. Число же агентов обращения — коммивояжеров, составителей реклам и т. д. сокращается абсолютно².

Но требуется немалое время для того, чтобы все эти изменения оказали свое воздействие на политическую позицию этого слоя. Вышедшие и рекрутируемые из буржуазных кругов, они сначала целиком живут своей старой идеологией. Это — круги, в которых страх перед тем, как бы не опуститься до пролетарского положения, оставляет живучим только одно стремление: чтобы их не считали пролетариями. Это в то же

¹ Так, по сообщению «Берлинер тагеблатт» от 14 июня 1909 г., на съезде Союза германских банковых служащих председатель правления Фюрстенберг (Берлин) заявил: «К счастью, стремление к концентрации в банковом деле установилось. Во всяком случае у 90% всех банковых служащих Германии в настоящее время нет никакой надежды на то, что когда-нибудь они сделаются самостоятельными».

² Образование треста в производстве виски сделало излишним 300 коммивояжеров, образование Стального треста — 200 коммивояжеров, (см. G. W. Jenks, The Trust Problem, New York 1902, p. 24).

время круги, где ненависть к пролетариату всего интенсивнее, отвращение к пролетарским средствам борьбы — наибольшее. Торговый служащий чувствует себя оскорбленным, если его назовут рабочим; напротив, тайный советник, а иногда даже руководитель картеля горячо рекламируют себя как рабочего. Конечно, при этом один страшится приниженного общественного положения, а для другого важна этическая оценка труда. Но, как бы то ни было, эта идеология пока что отдаляет служащих от пролетарских воззрений. С другой стороны, развитие акционерных обществ и в особенности картелей и трестов означает чрезвычайное ускорение капиталистического развития. Быстрое развитие крупных банков, расширение производства посредством экспорта капитала, завоевание новых рынков — все это открывает перед служащими всякого рода новое поле деятельности. Все еще отрезанные от пролетарской борьбы, они возлагают все свои надежды на расширение сферы деятельности капитала. Более образованные, чем среднее сословие ранее описанного рода, они легче захватываются идеологией империализма. Заинтересованные в расширении капитала, они становятся рабами своей идеологии. Социализм еще далек от них идеологически, а реально представляется слишком опасным. Империалистическая же идеология, кажется им, дает выход и открывает заманчивые перспективы карьеры и повышения оклада. Социально слабый, этот слой служащих при своих связях с кругами мелкого капитала, при относительной доступности для него общественной деятельности оказывает значительное влияние на создание общественного мнения. Это подписчики специфически империалистических органов, приверженцы расовой теории, которая представляется им иногда орудием конкуренции, читатели военных романов, почитатели колониальных героев, агитаторы и голосующее стадо финансового капитала.

Но эта позиция — не окончательная. Чем сильнее наталкивается дальнейшее распространение капитализма на препятствия, замедляющие это распространение, чем более завершеным становится картелирование и трестирование и одерживают верх тенденции, ухудшающие положение служащих, тем более растет в этих слоях, которым принадлежат важнейшие руководящие, равно как и наиболее излишние функции, антагонистическое отношение к капиталу. Та часть служащих, которая образует их главную массу, находится и остается в постоянной зависимости, оплачивается слишком плохо, работает слишком продолжительное время и деградирована до положения частичных работников капитала, все более подталкивается к тому, чтобы примкнуть к пролетарской борьбе против эксплуатации. И этот момент наступит тем раньше, чем больше сила, чем яснее поэтому перспективы победы пролетарского движения.

В конце концов все буржуазные слои все более объединяются общностью интересов против наступательного движения рабочего класса. Но в обороне против него руководящую роль уже давным-давно взял на себя крупный капитал.

Глава двадцать четвертая

БОРЬБА ЗА ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

Борьба за трудовой договор проходит в своем развитии, как известно, три стадии. На первой стадии отдельный фабрикант противостоит отдельным рабочим; на второй — отдельный фабрикант борется против организации рабочих; на третьей — предпринимательские организации сомкнутыми рядами противостоят рабочим организациям.

Функция профессионального союза заключается в том, чтобы прекратить на рынке труда конкуренцию рабочих между собой; он стремится монополизировать предложение товара рабочая сила. В этом смысле он представляет собой картель, контингентирующий предложение, или — так как отношения к капиталисту исчерпываются здесь куплей и продажей товара — ринг. Но каждый картель, контингентирующий предложение, и каждый ринг страдает, однако, тем недостатком, что он не подчиняет себе производство и потому не может регулировать размеры предложения. В профессиональном союзе этот недостаток полностью сохраняется. Производство рабочей силы почти всегда находится вне сферы его регулирования. Только в тех случаях, когда дело идет о квалифицированной рабочей силе, рабочей организации может удасться путем определенных мероприятий урегулировать ее производство. Ограничением числа учеников, осуществлением продолжительного периода ученичества, предписанием давать работу только квалифицированным рабочим, т. е. только тем, кого признает таковыми профессиональный союз, сильный профессиональный союз квалифицированных рабочих может ограничить производство такой рабочей силы и, следовательно, обеспечить для себя известную монополию. Примером могут служить профессиональные союзы книгопечатников, которые добились того, что для работы на наборных машинах используются только высококвалифицированные «обученные» печатники, хотя для их обслуживания были бы вполне пригодны и сравнительно малоквалифицированные рабочие, имеющие лишь чисто технические навыки. Сильный профессиональный союз при благоприятных обстоятельствах может добиться даже того, что он перевернет отношения с ног на голову и заставит, вопреки действительности, признавать известный труд квалифицированным и высоко оплачиваемым, заставит признавать полноценным работником

только рабочего, проработавшего не менее определенного количества лет. Так обстоит дело, например, в английской текстильной промышленности, монополия которой на мировом рынке, еще и теперь отчасти сохранившаяся для известных продуктов, во-первых, благоприятствовала образованию сильного профессионального союза и, во-вторых, делала предпринимателей более уступчивыми, так как монопольное положение позволяло перекладывать повышенную заработную плату на потребителей.

Стремление к овладению рынком труда порождает также тенденцию к устранению конкуренции иностранных рабочих путем осложнения иммиграции, в особенности когда дело идет о непритязательных, с трудом поддающихся организации пролетариях. Запрещение иммиграции должно дать профессиональному союзу то же, что охранительные пошлины — картелю¹.

Но профессиональный союз — организация живых людей. Своих целей он может достигнуть, лишь осуществляя эти цели волей своих членов. Создание монополии предполагает, что рабочие продают свою рабочую силу лишь при помощи профессионального союза и лишь на устанавливаемых им условиях. Цена рабочей силы должна быть изъята из-под игры спроса и предложения. Следовательно, те, кто предлагает свою рабочую силу, т. е. безработные, не должны выступать на рынке труда по ценам, отличным от установленных. Цена есть величина данная, устанавливаемая волей профессионального союза, и предложение должно сообразоваться с ценой, а не цена с предложением и спросом. Таким образом, профессиональный союз превращается в кооперацию работающих и безработных. Безработных нужно удерживать от появления на рынке труда, так же как картель, раз производство уже превысило тот уровень предложения, который соответствует его целям, защищает рынок от переполнения, удерживая продукты на складах. Издержкам хранения в складах соответствуют пособия по безработице, выдаваемые профессиональными союзами. Они имеют здесь тем более важное значение, что являются единственным средством ограничить предложение, между тем как картель располагает для этого несравненно более эффективным средством в виде ограничения производства. Но, с другой стороны, та же цель — удерживать безработных от появления на рынке труда — достигается и мерами морального принуждения: бойкотом желающих работать, разъяснением того, какой вред причиняет это классовым интересам, короче говоря, специфически тред-юнионистским воспитанием, объединяющим рабочий класс в единое боевое целое.

Как для всякой монополии, так и для профессионального

¹ Здесь не место подробнее останавливаться на вопросе об иммиграции и можно не останавливаться на нем в виду уже упомянутой обстоятельной дискуссии на страницах «Нее дейт».

союза дело идет, естественно, о возможно более полном подчинении рынка. Но профессиональный союз наталкивается на серьезные препятствия. Классовым интересам рабочего класса противостоят временные личные интересы отдельных рабочих. Организация требует известных жертв: взносов, затраты времени, готовности к борьбе. Кто сторонится организации, тому покровительствует предприниматель, того не касаются конфликты, безработица или унижения. Чем больше усиливаются профессиональные союзы, тем больше растет стремление предпринимателя удерживать своих рабочих подальше от профессионального союза. Профсоюзные организации помощи он заменяет собственными учреждениями и целеустремленно использует антагонизм между личными и классовыми интересами.

Профессиональная борьба есть борьба за результат труда. Рабочий переносит стоимость c и создает новую стоимость, которая распадается на $v + m$, заработную плату и прибавочную стоимость. Абсолютная величина $v + m$ зависит от продолжительности рабочего времени. Чем короче рабочее время, тем меньше $v + m$ и при неизменном v , тем меньше m . При неизменном рабочем времени m возрастает, если v уменьшается и наоборот. Эта зависимость меняется вследствие изменения интенсивности труда. При растущей заработной плате и сокращении рабочего времени интенсивность труда растет. Развитие сдельной заработной платы и системы премий ведут к росту интенсивности труда до уровня, максимального при данной заработной плате и данном рабочем времени. Точно так же ускорение хода машин дает объективную возможность увеличивать интенсивность труда. Завоевания, добытые рабочим классом в области сокращения рабочего времени, несомненно, лежат внутри границ, в которых сокращение рабочего времени вполне компенсируется ростом интенсивности труда, далеко еще этих границ не достигая. Как ни важно было влияние сокращения рабочего времени на социальное положение рабочих, как ни поднимало оно и борьба за него их физический и духовный уровень, не подлежит никакому сомнению, что сокращение рабочего времени не изменило отношение $v : m$ в сторону, неблагоприятную для m . Норма прибыли благодаря этому не изменилась, следовательно, с чисто экономической точки зрения ничего не изменилось. Отметим кстати, что развитие многих отраслей промышленности с их высокими требованиями к точности и тонкости труда было бы невозможно при сохранении продолжительного рабочего времени и что с сокращением рабочего времени качество труда в общем повысилось, технический прогресс ускорился, относительная прибавочная стоимость увеличилась. Что касается уровня заработной платы, то связь между ее увеличением и ростом интенсивности труда выступает не столь явно. Но и здесь такая связь налицо, и по меньшей мере весьма сомнительно, чтобы сравнительно небольшое

повышение реальной заработной платы, прежде всего неквалифицированных рабочих, увеличило v за счет m ; напротив, намного более вероятно, что и здесь произошла полная компенсация вследствие роста интенсивности труда. Но, разумеется, следует признать, что пока наступает такая компенсация, проходит известное время, в течение которого m остается меньше вследствие повышения v .

Стоимость товара — а здесь, где речь идет об отношениях в общественном масштабе, мы для краткости можем говорить о стоимости — равна постоянному капиталу плюс переменный капитал плюс прибавочная стоимость ($c + v + m$). Следовательно, изменение v , соответствующее противоположному изменению m , не оказывает на цену товара никакого влияния, никак не сказывается на потребителях. Уже Рикардо убедительно показал, что повышение заработной платы и сокращение рабочего времени не могут оказать какого-либо влияния на цену товара. Это ясно и без дальнейших рассуждений. Общественный продукт каждого года распадается на две части. Первая представляет собой возмещение потребленных средств производства — машин, сырья и т. д. Ее в первую очередь приходится возмещать из валового продукта. Вторая часть представляет собой новый продукт, созданный производительными рабочими в течение года. Она попадает сначала в руки капиталистов и в свою очередь распадается на две части. Одна образует доход рабочих, другая достается капиталистам в качестве прибавочной стоимости. Цена продукта для потребителей равна сумме обеих частей и не может измениться от того, в каком соотношении вторая часть распределяется между рабочими и капиталистами. Следовательно, с точки зрения всего общества совершенно бессмысленно утверждение, что повышение заработной платы или сокращение рабочего времени удорожает продукт. Несмотря на это, подобное утверждение выплывает снова и снова, и для этого имеются свои основания.

Приведенные нами выше дедукции относятся непосредственно только к стоимости товаров, следовательно, сохраняют свою силу лишь с точки зрения общества в целом. Но мы знаем, что стоимость товара испытывает модификацию вследствие тенденции к уравниванию норм прибыли. Для отдельного капиталиста или для капиталиста известной отрасли промышленности повышение заработной платы представляет собой увеличение издержек производства. Предположим, что сумма заработной платы до сих пор составляла 100; пусть потребленный постоянный капитал равнялся 100 и норма прибыли 30%. В таком случае капиталист продавал продукт за 260. Если теперь вследствие успешной забастовки заработная плата повысится до 120, то издержки производства составят для капиталиста 220. Если бы он по-прежнему продавал за 260, то абсолютная величина

его прибыли упала бы с 60 до 40, норма прибыли с 30% до уровня несколько меньше 19%, следовательно, ниже средней нормы прибыли. Поэтому должно произойти уравнивание норм прибыли. Это означает: повышение заработной платы в отдельной отрасли производства приводит к повышению цены в этой отрасли производства. Это повышение совершается на основе образования новой общей нормы прибыли, которая ниже, чем прежняя. Но повышение цены каждый раз встречает известное противодействие. Повышение цены затрудняет сбыт, что в свою очередь противодействует ее росту. Приходится выполнять договоры, заключенные еще по старым ценам. И во всяком случае проходит более или менее продолжительное время, прежде чем удастся осуществить повышение цены. Строго говоря, это удастся лишь после того, как произойдет эмиграция капитала из данной отрасли производства: ведь повышение цены приводит к сокращению сбыта и потому приходится сократить предложение, т. е. размеры производства. Опасность уменьшения сбыта различна в разных отраслях производства, а потому различно и сопротивление предпринимателей требованиям повысить заработную плату. От состояния конъюнктуры и от организации промышленности также во многом зависит, удастся ли переложить это повышение заработной платы на другие отрасли в большей или в меньшей степени, быстро или медленно. Если мы предположим всеобщее повышение заработной платы, то вследствие уравнивания изменившейся нормы прибыли цены продуктов в тех отраслях, в которых органический состав капитала выше среднего, понизятся, а в тех отраслях, где он ниже среднего, повысятся. Но следствием всякого повышения заработной платы является понижение средней нормы прибыли, хотя это понижение, если оно вызвано повышением заработной платы лишь в отдельной отрасли, осуществляется очень медленно и незначительно по величине.

Но так как, пока цена не достигнет нового уровня, отдельный капиталист несет убытки, то сопротивление капиталистов в природе вещей, и оно тем сильнее, чем ниже норма прибыли. Мы видели выше, что норма прибыли ниже средней господствует в мелкой промышленности ремесленного типа и в мелкокапиталистических сферах. Уже по этой причине сопротивление должно обнаружиться здесь с наибольшей силой, хотя в то же время способность к сопротивлению наименьшая. Профессиональная борьба является борьбой за норму прибыли — с точки зрения предпринимателя, и борьбой за уровень заработной платы (включая и сокращение рабочего времени) — с точки зрения рабочих. Она никогда не может быть борьбой за устранение самих капиталистических отношений, за устранение эксплуатации рабочей силы, потому что исход такой борьбы был бы решен с самого начала. Так как цель капиталистического производства — производство прибыли посредством эксплуата-

ции рабочего, то устранение эксплуатации сделало бы для предпринимателя бессмысленным продолжение производства. Он остановил бы производство, потому что, каково бы ни было его личное положение, оно не изменилось бы, если бы он вновь приступил к производству. Следовательно, в таком случае ему пришлось бы постараться смирить рабочих голодом в полном смысле слова. Если бы опасность угрожала только его отрасли, то он постарался бы спасти хоть часть своего капитала перенесением в другую сферу. Таким образом, борьба за полное устранение эксплуатации выходит за рамки чисто тред-юнионистских задач. Эта борьба, вопреки уверениям синдикалистской «теории», вообще не может быть решена чисто тред-юнионистскими методами. Если даже она заимствует форму тред-юнионистских методов борьбы, как, например, массовую стачку, то это уже не борьба против экономических позиций предпринимателя, а борьба рабочего класса как целого за власть против организованной власти буржуазии, против государства. Тот экономический ущерб, который причиняется при этом предпринимателям, является всегда лишь вспомогательным средством в борьбе за дезорганизацию органов государственной власти. Эта политическая задача никогда не может быть задачей профессиональных союзов как таковых, но профессиональная форма организации может быть поставлена на службу политической борьбе пролетариата.

Но если тред-юнионистская борьба означает борьбу вокруг нормы прибыли, то цели профсоюза всегда поставлены в известные границы. Для предпринимателя речь идет о калькуляции, о том, будет ли он в состоянии провести новые расценки, не перевесят ли убытки переходного времени убытков от продолжения стачки на длительный срок и, наконец, нет ли возможности применить свой капитал иначе, в такой отрасли производства, в которой успехи забастовок не оказывают непосредственного влияния на норму прибыли. Но из этого следует, что для каждого отдельного акта тред-юнионистской борьбы с самого начала поставлены известные границы: познание их — трудная задача профсоюзных руководителей; эти же границы определяют и тактику профсоюзных руководителей. Отсюда следует, далее, что профессиональный союз может действовать в общем с тем большим успехом, чем выше норма прибыли как в целом, например в период высокой конъюнктуры, так и в отдельной отрасли, занимающей, скажем, монопольное положение или получающей благодаря патентам и т. д. сверхприбыль. Более детальное изучение этих условий выходит за рамки нашей работы. Напротив, мы должны вкратце остановиться на наиболее общих изменениях в соотношении сил обоих классов.

Само собой разумеется, что возникновение организации предпринимателей означает сдвиг в соотношении сил капитала и труда.

Развитие организации предпринимателей рассматривают обычно как реакцию на развитие рабочих организаций, и, несомненно, не без оснований. Но темпы развития организации предпринимателей, равно как и ее сила, во многом зависят от изменения структуры промышленности, от концентрации и монополизации капитала.

Пока обособленный предприниматель противостоял организованному рабочему, в распоряжении профессионального союза был целый ряд таких средств, которые с развитием организации предпринимателей перестали быть действенными.

С концентрацией капитала растет сила предпринимателя в борьбе за трудовой договор, но также растет и способность к организации у концентрированных рабочих. Различия в размерах предприятий обуславливают различную способность сопротивляться требованиям профессиональных союзов. Чем раздробленнее промышленность, тем мельче средние размеры производства, тем в общем больше сила профессионального союза. В пределах одной и той же отрасли сила профессионального союза на мелких и средних предприятиях опять-таки больше, чем на крупных, по той простой причине, что мелкое предприятие, которому и без того серьезно угрожает конкуренция крупного производства, несравненно менее, чем крупное, способно вынести убытки от борьбы. Борьба профессиональных союзов вообще содействует развитию крупного производства, а потому и развитию производительности, техническому прогрессу, снижению издержек производства и возникновению относительной прибавочной стоимости; следовательно, сама эта борьба создает предпосылки для завоевания новых уступок.

Пока профессиональные союзы противостоят отдельным предпринимателям, их позиции благоприятны. Они могут направлять свою концентрированную силу то против одного, то против другого обособленного предпринимателя. Борьба за условия найма распадается на ряд отдельных стачек. Рабочие соответствующих предпринимателей имеют за собой всю финансовую мощь профессионального союза, которая несколько не ослабляется и во время борьбы, так как продолжают поступать и регулярные взносы, и экстренные сборы от продолжающих работать членов союза. Предпринимателю приходится опасаться, что продолжающие работать конкуренты отобьют у него заказчиков, так что и по окончании стачки его сбыт останется сократившимся. Ему приходится идти на уступки, и с этого момента он уже заинтересован в том, чтобы те уступки, которые он сделал, получили всеобщее распространение в его отрасли, т. е. чтобы и остальные предприниматели добровольно или вынужденно согласились на те же условия труда. Разъединенность предпринимателей позволяет профессиональным союзам добиваться у них уступок поодиночке, у одного за другим, в систематически ведущихся поединках, причем эти стачки не

требуют со стороны союза затраты крупных сил. Успехи укрепляют их притоком новых членов и увеличением взносов, и после борьбы они оказываются сильнее, чем были раньше. Ясно, что подобная тактика может применяться с тем большим успехом, чем меньше сплоченность предпринимателей, чем сильнее конкуренция между ними, чем больше, следовательно, число предпринимателей, которых касается эта тактика, и чем ниже способность к сопротивлению каждого отдельного предпринимателя. Все это имеет место в отраслях, где преобладают мелкие и средние предприятия. Влияние и сила профессиональных союзов здесь наибольшие. Крупная промышленность, ведущая калькуляцию несравненно более точно, с самого начала оказывает намного более упорное сопротивление таким частным стачкам, так как крупные предприятия гораздо более решительно отстаивают равенство издержек производства. Здесь успехи возможны только как общие успехи. Обособленная стачка встречает здесь несравненно большее сопротивление, преодолеть которое тем более трудно, что сила отдельного крупного предпринимателя намного больше, и соглашение между небольшим количеством предпринимателей может состояться значительно быстрее¹. Но чем сильнее развитие профсоюзов, тем сильнее и сопротивление, которое они вызывают со стороны предпринимателей. Объединению рабочих теперь противостоит сосредоточенная сила предпринимателей. Так как влияние профессиональных союзов наибольшее на мелких и средних предприятиях, то и сопротивление обнаруживается здесь с наибольшей силой. Действительно, организация предпринимателей начинается в ремесле и в сравнительно мелкой обрабатывающей промышленности², где сила профессиональных союзов была всего ощутимее и прогрессирует наиболее быстрым темпом в годы высокой конъюнктуры³. Но хотя и правильно в возникновении союзов работодателей видеть реакцию против профессиональных союзов⁴ и хотя раньше всего они возникают, дей-

¹ Поэтому в странах, где развитие профессиональных союзов относится к сравнительно позднему времени и с самого начала противостоит высокоразвитой крупной промышленности, в различных отраслях последней профессиональная организация, как правило, оказывается слабее, чем, например, в Англии, где она развивалась параллельно с промышленностью.

² См. *G. Keßler*, *op. cit.*, S. 40.

³ *Ibid.*, S. 37.

⁴ «Пока рабочие известного предприятия представляют собой неорганизованную массу, отдельный предприниматель имеет большое превосходство над ними. Он не нуждается в каком-либо союзе работодателей... Следовательно, пока германское профессиональное движение мучительно боролось за свое существование — в общем до конца 80-х годов XIX в., — в Германии не было никакой потребности в союзах работодателей. Но когда с конца 80-х годов и особенно после того, как отпали исключительные законы против социалистов, начался великий подъем профессионального движения, когда одна за другой прокатились волны борьбы за заработную плату и стачек, тогда и предприниматели стали объединяться в особые союзы работодателей — естественная реакция против действий профессиональных союзов. Профессиональный союз — пер-

ствительно, в легкой промышленности, однако этим дело не ограничивается. Картелирование и трестирование несравненно более прочно и неразрывно связывает интересы капиталистов и превращает последних в единое целое, противостоящее рабочему классу. Устранение конкуренции не ограничивается здесь в противоположность некартелированной легкой промышленности рынком труда, и это в несравненно большей степени укрепляет солидарность предпринимателей. Может даже случиться, что в тех отраслях, где позиции предпринимателей наиболее сильны, не будет надобности в особой организации предпринимателей. Угольный синдикат делает организацию работодателей излишней, Стальной трест — невозможной. Если бы даже справедливы были постоянные официальные заверения, будто германские картели не занимаются рабочим вопросом, все же единство действий предпринимателей имеет здесь место с самого начала, а их сила делает излишними такие специфические функции союзов работодателей, как взаимная поддержка во время стачек; «добрососедских соглашений» от случая к случаю вполне достаточно. Однако и здесь все сильнее обнаруживается тенденция к созданию союзов работодателей.

Образование союза работодателей с самого начала делает успех единичных атак профессионального союза значительно более трудным, хотя и не невозможным. Теперь за отдельным предпринимателем стоит организация. Она возмещает его убытки, печется о том, чтобы забастовавшим рабочим нигде не давали работу, и в то же время старается выполнить неотложнейшие работы предпринимателя. В случае необходимости она обращается и к более сильным средствам: она сама превращается в нападающую сторону и посредством локаута придает борьбе всеобщий характер, чтобы ослабить и принудить к уступчивости профессиональный союз. И в этой борьбе объединенных предпринимателей против профессиональных союзов организация предпринимателей часто оказывается сильнейшей стороной ¹.

вичное, союз работодателей — вторичное явление. Профессиональный союз по самой своей природе нападает, союз работодателей обороняется (если же иногда это отношение перевертывается, это нисколько не меняет общей справедливости указанного факта). Профессиональный союз в своей юности — это преимущественно стачечный союз, союз работодателей — антистаечный. Чем раньше в известной отрасли производства выступает сильный профессиональный союз, тем раньше складывается и четко выраженный союз работодателей. Следовательно, союз работодателей есть организация промышленных предпринимателей, имеющая своей целью урегулирование отношений с организованными рабочими». (Ibid, S 20.)

¹ Сравним следующее об отношениях в Соединенных Штатах: «Организации работодателей в Соединенных Штатах, вероятно, прочнее и отличаются большей боевой готовностью, чем в других странах. Почти в каждой отрасли промышленности имеются центральные союзы, союзы в масштабах штатов и местные союзы, не говоря уже об объединениях этих союзов. Два важнейших —

Прежде всего союз работодателей в принципе дает возможность отодвигать начало борьбы. Пока рабочие организации противостояли разобщенным предпринимателям, выбор момента зависел от рабочих. Но момент имеет решающее значение для исхода борьбы. Чувствительнее всего забастовка в период высокой конъюнктуры, когда норма прибыли наивысшая, условия для получения сверхприбыли наиболее благоприятные. Чтобы не потерять всю прибыль, даже сильный предприниматель предпочтет в такое время уклониться от борьбы, ибо дело идет о возможностях, которые не повторятся или по меньшей мере не повторятся до следующего периода высокой конъюнктуры. С точки зрения чисто тред-юнионистских успехов стачку следует отнести к периоду наивысшего напряжения производительных сил, и трудная задача воспитательной работы профсоюзов состоит в том, чтобы расположить своих членов к такой тактике. Именно в это время благодаря сверхурочным

«Нэйшнел ассосиэйшен оф мэнуфакчурерс» и «Ситизинс индастриел ассосиэйшен оф Америка». Первый состоит почти исключительно из фабрикантов и был основан в 1895 г. главным образом с целью расширения иностранного рынка для американских изделий. Но в последние пять лет он принял активное участие в борьбе против рабочих организаций и стремился воздействовать на общественное мнение и федеральное законодательство в интересах предпринимательского класса. В 1905 г. он вновь воспрепятствовал принятию двух важных законов, которые были внесены в конгресс по предложению рабочих союзов. Один должен был ввести 8-часовой рабочий день для всех работ, которые выполняются федеральным правительством или по его заказу; другой должен был ограничить сферу компетенции «судебных запретительных приказов», издаваемых во время трудовых конфликтов.

От этого союза «Ситизинс индастриел ассосиэйшен» отличается тем, что он является объединением всех местных, охватывающих отдельные штаты, и, наконец, национальных предпринимательских и гражданских организаций в Соединенных Штатах. Он возник в 1903 г. по инициативе «Нэйшнел ассосиэйшен оф мэнуфакчурерс» с целью объединения всех лиц и союзов в единую боевую организацию, которая должна оказывать сопротивление требованиям тред-юнионов и, в частности, проведению «closed shop», т.е. правила принимать на предприятие исключительно членов рабочих союзов. Он быстро вырос и охватил в своих национальных, окружных и местных союзах в общем несколько сот тысяч членов. Он борется против всяческого вмешательства в дела промышленности, исходит ли оно от правительства или от рабочих союзов. В ноябре 1905 г. на своем третьем годовичном собрании в Сан-Луи он принял резолюции о создании промышленных школ и бюро найма; последние должны находиться под контролем этой организации и снабжать предпринимателей рабочими независимо от принадлежности последних к союзам.

Два важнейших союза, которые, кроме ранее упомянутого, находятся в связи с «Ситизинс индастриел ассосиэйшен», это — «Нэйшнел металл трейдс ассосиэйшен» машиностроительных фабрикантов и «Нэйшнел фаундерс ассосиэйшен», в которую входят владельцы литейных заводов, работающих вне чугунолитейной промышленности. Во время своей организации пять лет тому назад эти союзы заключили сначала договоры с профсоюзами машиностроителей и литейщиков. Но потом эти договоры были упразднены, и в 1905 г. «Фаундерс ассосиэйшен» начала борьбу против мощного союза литейщиков, распространившуюся с того времени на все фабрики Соединенных Штатов» («Halles Weltwirtschaft», III, S. 62).

работам и регулярной занятости доход рабочих стоит на самом высоком уровне, и потому психологические побуждения к забастовке самые слабые. Этим объясняется также, почему наиболее многочисленны стачки в период подъема, до наступления собственно высокой конъюнктуры.

Но когда организация предпринимателей укрепляется, выбор момента перестает зависеть от профессиональных союзов. Тогда эта организация может определять момент борьбы. Профилактической войной для нее является локаут, который можно успешнее всего провести во время депрессии, когда вследствие перепроизводства приостановка работ весьма полезна, а способность же рабочих к сопротивлению наименьшая, вследствие чрезмерного предложения на рынке труда, финансового ослабления профсоюзов выдачей пособий и убылью членов. Уже одна эта возможность передвинуть момент борьбы означает чрезвычайный сдвиг в соотношении сил, который является следствием организации предпринимателей ¹.

¹ Дело не меняется от того, что в первое время, когда развитие предпринимательской организации и ее тактики лишь начинается, это влияние на избрание момента борьбы не проявляется с полной силой. Статистика локаутов (G. Kessler, op. cit., S. 259) показывает, что 1) количество локаутов быстро возрастает и что 2) в период высокой конъюнктуры оно больше, чем во время депрессий. Это весьма просто объясняется тем, что те локауты, которые представляют собой меру обороны против стачек, чаще всего, конечно, имеют место во время высокой конъюнктуры, когда забастовок всего больше. Но это несколько не опровергает того факта, что с развитием предпринимательских организаций борьба тем чаще отодвигается волей предпринимателей на времена депрессии, чем больше растет количество наступательных локаутов. Кесслер говорит об этом: «Наряду с локаутами с целью солидарности в последнее время особенно частыми стали *программные локауты*. Под этим названием автор объединяет все те увольнения рабочих, которые предпринимаются без предшествовавшей им стачки и задача которых — принудить рабочих согласиться на выдвинутую работодателями программу с определенными ставками заработной платы, определенной продолжительностью рабочего времени, с бюро найма, которые организуются исключительно предпринимателями, и с какими-либо иными общими или частными условиями трудового договора... По всей вероятности в ближайшее время значение программных локаутов еще более увеличится: после того как переговоры о возобновлении тарифного договора потерпят крушение, союз работодателей часто больше, чем профсоюз, заинтересован в том, чтобы как можно быстрее принудить к выработке нового тарифного соглашения, хотя бы для этого потребовалась борьба. Программные локауты походят то на наступательные, то на оборонительные забастовки профсоюзов, но в огромном большинстве случаев на последние, в соответствии с самим характером союзов предпринимателей. Редко бывает и, конечно, и впредь будет редко, чтобы союз работодателей попытался посредством локаута непосредственно *ухудшить* условия труда. Чаще бывает, что проводится локаут с целью возобновить тарифный договор на целые годы без каких-либо *улучшений* и оградить себя от возможного повышения заработной платы и т.д.» (Ibid., S. 243.)

Кесслер на основании имеющейся статистики приходит к том выводу, «что почти все более крупные локауты оканчивались для работодателей успехом, полным или частичным... Локаут — оружие, которому рабочие обычно

Но те самые причины, которые обуславливают возникновение организации предпринимателей, в свою очередь ведут к усилению профсоюзов. Теперь они повсюду становятся прибежищем для рабочих, если последние не хотят всецело быть отданными на милость и немилость предпринимателей. Боевые меры предпринимателей затрагивают и тех, кто до того времени стоял вдали от профессиональных союзов. Локаут и в особенности всеобщий локаут становится и для тех, кто до того времени был неорганизован, самым мощным побуждением к вступлению в организацию. Число членов профессиональных союзов быстро растет, а вместе с тем растет и их сила.

Предпринимательские организации стараются противодействовать этому постоянной борьбой против профессиональных союзов. Искусственным подбором рабочих они хотят сделать неорганизованных жизнеспособными. Бюро найма, созданное союзом предпринимателей, систематически оказывает предпочтение неорганизованным перед организованными, наиболее опасные из которых подвергаются гонению при помощи черных списков. Организуя желтые профсоюзы, эти пристанища классовой измены, организации предпринимателей стремятся расколоть рабочих подкупам, предоставлением особых выгод и создать для себя гвардию штрейкбрехеров¹. Отказываясь от переговоров с руководителями профсоюзов, стараются уменьшить моральное влияние этих организаций. Тщетная борьба, ибо классовые интересы рабочих являются в конце концов их личными интересами, и профессиональная организация вообще превратилась в жизненное условие для них. Но эта борьба затрудняет прогресс профсоюзного движения и уменьшает его влияние. Как до возникновения предпринимательской организации способность отдельных предпринимателей к сопротивле-

не могут противостоять. Достаточное основание для того, чтобы вожди профессиональных союзов по возможности обуздывали охоту своих полчищ к забастовкам и подавляли в зародыше легкомысленные стачки. Достаточное основание и для того, чтобы работодатели неразумно не боялись роста рабочих союзов. Впрочем, те крупные расходы и потери, с которыми сопряжен для работодателей всякий, даже победоносный локаут, по всей вероятности послужат к тому, чтобы этим острым оружием не пользовались слишком часто и в явно неоправданных случаях. Ни та, ни другая стороны не будут зарываться». (Ibid., S. 263.)

¹ «Если в Америке стало особым промыслом нанимать, подобно кондотьерам, банды профессиональных штрейкбрехеров, которые, смотря по надобности, за особое вознаграждение предоставляются в распоряжение того или иного предпринимателя, то и на наших гигантских предприятиях держат при помощи благотворительных учреждений постоянные полчища штрейкбрехеров. Следовательно, благотворительные учреждения являются не средством, служащим социальному миру, а боевым средством, которое становится одной из причин социальной борьбы и увеличивает перевес силы одной из двух борющихся сторон» (Lujó Brentano in «Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik», 1905, Bd. 115, S. 142).

нию была различна, смотря по величине предприятия, так различна и способность к сопротивлению предпринимательских организаций в зависимости от их состава. Сильнее всего союзы крупной промышленности, а здесь наиболее прочные позиции занимают опять-таки крупные *картелированные* отрасли. Прежде всего, им не приходится опасаться отпадения или банкротства своих членов. Они знают, что никакой конкурент не сумеет извлечь выгоды, если им придется приостановить производство. Наконец, они могут, если их монополия обеспечена, а иностранная конкуренция сильно ослаблена охранительными пошлинами, наверстать все убытки, причиненные забастовкой. Не выполненные вовремя заказы будут выполнены впоследствии, нехватка товаров, следствие приостановки производства, позволяет поднять цены, т. е. переложить на других убытки от стачки. Следовательно, здесь сопротивление наиболее сильно, борьба против профессиональных союзов наиболее легкая. Таким образом, к этим отраслям промышленности переходит руководящая роль в борьбе всех предпринимательских организаций, они выступают защитниками общих интересов предпринимателей в борьбе против рабочего класса. Чем чаще мелким капиталистам приходится отступать перед профессиональными союзами, чем большей угрозой кажется сила рабочих, тем сильнее растет в них чувство солидарности с крупнейшими промышленниками,— этим авангардом в борьбе за их собственное дело.

Положение несколько не меняется оттого, что сравнительно слабым предпринимательским союзам все же приходится считаться с профессиональными союзами, хотя и для них обстоятельства теперь более благоприятны, чем были раньше для отдельных предпринимателей. И для них объединение устраняет величайшие опасности. Оно сумело провести в своей отрасли оговорки на случай стачек, оно препятствует отпадению аутсайдеров, подвергая их блокаде со стороны поставщиков материалов, вследствие чего эти поставщики становятся помощниками в его борьбе, оно, наконец, обеспечивает при любых условиях равенство конкуренции, воспрещая сепаратные договоры. Лучше всего это удастся посредством тарифного договора,— совместного соглашения между организациями о трудовом договоре. Тарифный договор соответствует интересам профессионального союза, так как достигнутые успехи он обобщает сразу для всей отрасли. Невыгода его заключается в том, что он заранее устанавливает срок нового соглашения и таким образом отнимает у профессионального союза выбор момента борьбы. Но так как сам факт существования союза предпринимателей приводит к тому, что выбор момента зависит не от одного только профсоюза, то это обстоятельство в равной мере затрагивает обе организации. Во всяком случае оно вносит элемент

случайности в будущую борьбу и заставляет сильный профессиональный союз определять продолжительность тарифного договора так, чтобы не сделать невозможным использование периода высокой конъюнктуры.

Для предпринимателей существование их организации имеет еще и то преимущество, что она облегчает возможность переложить на других повышенные издержки производства. Мы знаем, что успехи забастовок означают для соответствующей отрасли промышленности непосредственное уменьшение нормы прибыли до уровня ниже среднего. Уравнивание происходит лишь путем повышения цен, оно облегчается и ускоряется совместными действиями, которые в этом случае тем легче могут быть осуществлены союзом работодателей и проведены даже в некартелированных отраслях, что повышение цены соответствует изменившимся издержкам производства. Именно поэтому мелкокапиталистические некартелированные отрасли промышленности, производящие готовые продукты, склонны к заключению тарифных договоров¹.

Здесь же следует упомянуть о тех тенденциях, которые ведут к заключению Trade Alliance. Отрасли, которые вследствие раздробленности, обусловленной техническими причинами, еще неспособны к картелированию, стремятся обеспечить себе монополию, организуя блокаду рынка труда для аутсайдеров. Эту блокаду должны обеспечить для них профессиональные союзы. Тогда у объединившихся предпринимателей оказывается картель, который охраняется профессиональным союзом от конкуренции аутсайдеров. Картельная сверхприбыль распределяется между предпринимателями и рабочими, и это создает заинтересованность рабочих в сохранении картеля.

Иначе складываются отношения в картелированной промышленности. Здесь норма прибыли уже достигла наивысшего

¹ С другой стороны, заключение тарифных договоров усиливает профессиональный союз, в который устремляются многочисленные рабочие, оставшиеся до того времени вне союза. Это обстоятельство заставляет предпринимателей усиливать свое сопротивление. Так, самая мощная из германских организаций фабрикантов — Центральное объединение германских промышленников — приняла в мае 1905 г. следующую резолюцию: «Центральное объединение германских промышленников считает заключение тарифных договоров между организациями работодателей и организациями рабочих чрезвычайно опасным для германской промышленности и для ее дальнейшего благополучного развития. Тарифные договоры отнимают у отдельного работодателя необходимую для целесообразного ведения каждого предприятия свободу решений относительно использования рабочих, точно так же, как отдельного рабочего они неминуемо подчиняют господству рабочей организации. По убеждению Центрального объединения, которое находит полное подтверждение в опыте Англии и Америки, тарифные договоры являются серьезным препятствием для технического и организационного прогресса германской промышленности». (Цит. по *Adolf Braun, Die Tarifverträge und die deutschen Gewerkschaften, Stuttgart 1908.*)

уровня, вообще возможного при существующих производственно-технических условиях. Цена равна или почти равна цене мирового рынка плюс охранительная пошлина, плюс издержки транспорта. Здесь невозможно переложить повышение заработной платы, следовательно, сопротивление будет особенно упорным. Притом высокая картельная прибыль уже фиксирована в цене акций. Уменьшение прибыли означает понижение курса и потому вызывает сопротивление акционеров против какой-либо уступчивости со стороны руководства. Последнее поддерживается здесь и банками, для которых уменьшение прибыли означает сокращение эмиссионного барыша при новых выпусках акций. С другой стороны, сопротивление руководителей, которые являются простыми уполномоченными акционерных обществ, растет и в силу психологических причин. Они теперь уже совсем не соприкасаются с рабочими и противостоят им исключительно как представители чужих интересов. Уступчивость, которую может еще иногда проявить предприниматель, защищающий свое собственное дело, представляется им нарушением долга. Исчезли последние остатки личных настроений в отношениях между рабочими и капиталистами, и содержание трудового договора становится вопросом соотношения сил, совершенно свободным от всякого влияния чувств¹.

То ценное для предпринимателя свойство тарифного договора — гарантия равенства издержек производства достигается картелями и без тарифного договора, путем совместных действий предпринимателей, а продолжительный мир в промышленности гарантируется огромным масштабом столкновений, который исключает их частое повторение. Следовательно, у тарифных договоров остается только та невыгодная для предпринимателей сторона, что договоры связывают их в выборе момента следующего этапа борьбы и оказывают пропагандистское действие в пользу профессиональных союзов. Отсюда отклонение картелями тарифных договоров. Кроме того, возможность картелирования без помощи профсоюзов делает совершенно излишним Trade Alliance, с которым пришлось бы делиться картельной сверхприбылью². Такое же положение,

¹ См., между прочим, речь правительственного советника Лейдига («Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik», 1905, S. 156), а также речь доцента доктора Гармса (Ibid., S. 201).

² То, что и с точки зрения рабочего класса в целом к Trade Alliance приходится отнестись отрицательно, доказывает Адольф Браун: «Указывалось на то обстоятельство, что предприниматели начинают связывать с тарифными договорами далеко идущие надежды на устранение всякой неудобной конкуренции, на упрочение высоких цен и на эксплуатацию потребляющей публики. Те самые предприниматели, которые еще недавно, а отчасти и теперь выражали величайшее возмущение забастовками, недопущением замены бастующих, воздействием профессиональных союзов на рынок труда, взвешивают теперь, не следует ли при заключении тарифных договоров потребовать от профессиональ-

как картелированная промышленность, занимают отрасли, работающие преимущественно на экспорт, потому что цены здесь определяются мировым рынком и, следовательно, перекладывание затруднительно.

Развитие организации предпринимателей и рабочих придает столкновениям из-за условий найма все более широкое, общесоциальное и политическое значение. Гверилья профессиональных союзов против отдельных предпринимателей отступает на задний план перед массовыми конфликтами, которые захватывают целые отрасли промышленности и угрожают остановкой всего общественного производства, если они распространяются на жизненно важнейшие части производства, неразрывно связанные между собой разделением труда. Таким образом, профсоюзная борьба перерастает свои собственные рамки, и из дела, касающегося лишь непосредственно затронутых предпринимателей и рабочих, превращается в дело, касающееся всего общества, т. е. превращается в политическое событие. Вместе с тем все труднее становится закончить борьбу чисто тред-юнионистскими средствами. Чем сильнее организация предпринимателей и профессиональный союз, тем более продолжительной становится борьба. Проблема повышения заработной платы и понижения прибыли становится проблемой власти. У предпринимателей растет непоколебимое убеждение, что всякая уступчивость в настоящем ослабит их позицию в будущем, что она усилит моральную и действительную силу профсоюза и что победа профессионального союза в настоящем — предзнаменование его будущих побед. Предприниматели хотят решить борьбу раз и навсегда, и склонны оплатить военные издержки, лишь бы достигнуть подчинения на долгое время. Сила их капитала достаточно велика для того, чтобы выдержать борьбу, выдержать в течение более продолжительного времени, чем это

ных организаций гарантии определенных минимальных цен производимых товаров. В таком случае кроме тарифа, регулирующего оплату рабочей силы, должен существовать тариф, который регулирует цены, уплачиваемые потребителями. Тогда профессиональные организации, связанные тарифом, должны отказаться от работы или от предоставления рабочих при помощи своих бюро найма во всех случаях, когда предприниматель сбывает товары по более дешевым ценам, чем те, которые установлены в общей расценке предпринимательской организации. Тем самым профессиональные союзы будут вынуждены не только оказывать значительное содействие удорожанию всех предметов потребления и помогать этому удорожанию, но и более того, они стали бы тогда сознательными представителями интересов предпринимателей и несли бы перед общественным мнением ответственность за удорожание жизни. Конечно, можно представить себе исключительные случаи, когда иными способами невозможно достигнуть целей профессиональной организации, когда соответствующие соглашения не окажут влияния на массовое потребление и когда подобные соглашения будут понятны. Но превращать подобные соглашения в общее правило, в условие и предпосылку тарифного договора — это, несомненно, противоречит принципам рабочего движения, задачам профессиональных союзов» (*Adolf Braun*, *op. cit.*, S. 5 и след.).

возможно для профессионального союза, средства которого все быстрее поглощаются пособиями. Но борьба не ограничивается данной сферой, а распространяется на другие, которым первая доставляет сырой или вспомогательный материал; здесь тоже приходится остановить производство, а рабочим оставаться без работы. Это вызывает растущее ожесточение не только среди рабочих, но и в тех отраслях розничной торговли, которые живут от рабочего класса; при случае оно может привести к крупным социальным и политическим столкновениям. Растет стремление тех, кто не участвует в борьбе непосредственно, закончить борьбу за заработную плату на начальном этапе, а так как они не располагают никаким иным средством воздействия, то они требуют вмешательства государства. Таким образом, вопрос об окончании стачки из вопроса силы профсоюзов превращается в вопрос политической силы. И чем больше развитие организации предпринимателей вызывает благоприятный для них сдвиг в соотношении сил, тем важнее для рабочего класса приобрести наибольшее влияние в политических представительных учреждениях и располагать там собственным представительством, которое решительно и независимо отстаивало бы интересы рабочих против интересов предпринимателей и содействовало бы победе рабочих. Но эта победа обусловливается не только политическим влиянием. Напротив, последнее может иметь место и, в конце концов, увенчаться успехом лишь при том условии, если профессиональный союз достаточно силен, если он с величайшей энергией и интенсивностью может проводить чисто экономическую борьбу, с такой интенсивностью и энергией, что ему удастся расшатать сопротивление буржуазного государства, которое отказывается вмешиваться в условия труда в ущерб предпринимателям, и что политическому представительству останется лишь окончательно сломить это сопротивление. Положение далеко не таково, чтобы сделать профессиональный союз излишним для рабочего класса и заменить его политической борьбой; наоборот, рост силы профессиональной организации становится необходимым условием всякого успеха. Но как бы ни был силен профессиональный союз, именно размах, интенсивность и широта его борьбы превращают ее в борьбу политическую и указывают рабочим на необходимость дополнения тред-юнионистской деятельности политической. Таким образом, в любой стране в ходе развития профессиональной организации необходимо наступает момент, когда создание независимой политической рабочей партии становится условием самой тред-юнионистской борьбы. Но раз сложилась независимая политическая рабочая партия, ее политика лишь ненадолго ограничивается теми моментами, которые дали толчок ее возникновению; она превращается в политику, которая стремится представлять общие классовые интересы рабочих в их совокупности, она перерастает поэтому рамки борьбы внутри буржу-

азного общества и становится борьбой против буржуазного общества.

Но, с другой стороны, укрепление организации предпринимателей не только не делает тред-юнионистскую борьбу излишней, но отнюдь не делает ее и бесперспективной. Из того, что предпринимательская организация сама по себе в состоянии спокойно выжидать, пока рабочие не будут истощены, пока их профессиональный союз не удастся взять финансовым голодом, пока постепенно не возьмут верх желающие работать, из этого было бы односторонне делать вывод, будто тред-юнионистская борьба будет заканчиваться всегда поражениями, а локауты победой. Ведь это не только вопрос силы, но и арифметическая задача относительно влияния на норму прибыли. Локаут или стачка во время высокой конъюнктуры при всех обстоятельствах означают столь крупные убытки, что для предпринимателей может оказаться более выгодным пойти на уступку требованиям рабочих и таким образом предотвратить борьбу¹. Даже профессиональный союз, ослабленный предшествующим локаутом, все же способен применить такую силу, что предпринимателям во время высокой конъюнктуры придется пойти на уступки. С той, однако, разницей, что, так как профессиональному союзу приходится опасаться тягот борьбы, возможные уступки лежат в более узких границах, чем в те времена, когда профессиональному союзу еще не противостояла какая-либо предпринимательская организация.

¹ Следовательно, Науман вместе с водой выплескивает из ванны и ребенка, когда он говорит: «Сфера, в которой возможно это нормальное завершение стачки (имеется в виду тарифный договор — *P. Г.*), заканчивается выше той линии, до уровня которой примерно доходит среднее производство. Конечно, единичные попытки тарифного договора делались и выше этой границы, но все же именно только в этой сфере по старому либеральному рецепту можно рекомендовать рабочему забастовку, чтобы тем самым добиться тарифного договора. Совершенно иная сфера лежит выше этой границы, где никакая стачка сама по себе не в состоянии добиться тарифного договора по той очень простой причине, что элементарный вопрос — какая из двух сторон выдержит дольше, с первого же дня является решенным для всякого способного считать человека. Если нам предстоит пережить еще раз стачку горнорабочих..., то и участникам и неучастникам с самого начала будет ясно, что рабочие не смогут дойти до такой победы, до какой они доходили в прежних мирных переговорах, что эти стачки по существу относятся к новому типу демонстративных стачек. Ибо, если мы предположим, что удалось бы выиграть одну стачку этого рода — совершенно гипотетическое предположение, — то в распоряжении крупной комбинированной промышленности в несравненно большей степени оказались бы средства для того, чтобы положить предел повторению таких происшествий. Не так давно один молодой банкир представил мне очень простой расчет: «Сколько процентов придется потерять нам (имея в виду стачку в старом смысле), если у нас будет постоянный запас на такое-то количество месяцев для того, чтобы абсолютно гарантировать себя от всякой победы забастовщиков?» Что же следует из этого? Что рабочий, если он вообще стремится улучшить свое положение, должен видеть в стачке лишь средство апеллировать к остальному населению» («*Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik*», 1905, S. 187).

ПРОЛЕТАРИАТ И ИМПЕРИАЛИЗМ

Экономическая политика пролетариата находится в принципиальном противоречии с экономической политикой капиталистов, и его позиция в каждом отдельном вопросе характеризуется этой противоположностью. Борьба наемного труда против капитала это прежде всего борьба за долю в той новой стоимости годового продукта, которая создана рабочим классом (включая сюда производительных служащих и руководителей производства). Непосредственно эта борьба является борьбой за трудовой договор и находит свое продолжение в борьбе за экономическую политику государства. Что касается торговой политики, то здесь интересы рабочих требуют прежде всего расширения внутреннего рынка. Чем выше заработная плата, тем больше та доля вновь созданной стоимости, которая представляет собой непосредственный спрос на товары, именно спрос на предметы потребления. Но расширение отраслей промышленности, производящих предметы потребления, готовые фабрикаты вообще, равносильно расширению сфер, вообще говоря, с относительно низким органическим составом капитала, т. е. отраслей, способных поглощать большое количество труда. Это вызывает быстрое повышение спроса на труд, а потому создает для рабочих более благоприятное положение на рынке труда, усиливает профессиональную организацию и увеличивает шансы на победу в новых столкновениях из-за условий найма. Интересы предпринимателей обратные. Расширение внутреннего рынка вследствие повышения заработной платы означает для них понижение нормы прибыли и открывает перспективу повторного понижения, что в свою очередь приводит к замедленному темпу накопления. В то же время их капитал оттесняется в отрасли, производящие готовые фабрикаты, где конкуренция — наибольшая, способность к картелированию — наименьшая. Конечно, они заинтересованы в расширении рынка, но не за счет нормы прибыли. Это достигается, если при неизменном внутреннем рынке им удастся расширить внешний рынок. Тогда часть нового продукта не превращается в доход рабочих и не увеличивает спрос на отечественные продукты; она вкладывается как капитал, который служит производству для иностранного рынка. Следовательно, в этом случае норма прибыли выше и накопление быстрее. Поэтому торговая политика предпринимателей всегда имеет в виду прежде всего внешний рынок, торговая политика рабочих — внутренний рынок и, таким образом, сводится в значительной степени к политике заработной платы.

Пока охранительные пошлины оставались воспитательными пошлинами главным образом для отраслей промышленности,

производящих готовые фабрикаты, они не противоречили интересам наемного труда. Хотя они наносят ущерб рабочему как потребителю, однако они ускоряют промышленное развитие и потому могут вознаградить его как производителя, если только профессиональные союзы развились достаточно для того, чтобы использовать сложившуюся ситуацию. Ремесленники, рабочие домашней промышленности и крестьяне в этот период протекционизма страдают от него намного больше, чем фабричные рабочие. Положение изменяется, когда протекционизм превращается в картельный протекционизм. Мы знаем, что картели прежде всего появляются в тех отраслях производства, где органический состав капитала наивысший. Производство сверхприбыли в этих сферах тормозит развитие отраслей, производящих готовые фабрикаты и предметы потребления. В то же время удорожание всех средств существования — следствие необходимой связи промышленного протекционизма с аграрными пошлинами — означает понижение реальной заработной платы, а вместе с тем сужение внутреннего рынка, поскольку размеры последнего определяются спросом рабочих на промышленные продукты. Следовательно, рабочему наносится ущерб и как потребителю, и как производителю; последнее потому, что страдают отрасли, способные поглощать относительно большое количество живого труда. И, далее, картелирование означает усиление позиций предпринимателей на рынке труда и ослабление профессиональных союзов. Наконец, картельный протекционизм дает наиболее сильный толчок увеличению экспорта капитала и неизбежно приводит к империалистической политике экспансии.

Мы видели, что экспорт капитала является условием быстрого распространения капитализма. В социальном отношении эта экспансия является необходимым условием сохранения капиталистического общества вообще, а экономически — необходимым условием сохранения и временного повышения нормы прибыли. Политика экспансии объединяет все слои собственников на службе финансовому капиталу. Протекционизм и экспансия становятся, таким образом, общим требованием господствующего класса. Но отказ капиталистических классов от политики свободной торговли означает ее полную бесперспективность. Ведь свобода торговли — не какое-либо положительное требование пролетариата. Для него свобода торговли — это лишь отпор протекционистской политике, означающей более быстрое и сплоченное картелирование, а следовательно, усиление предпринимательской организации, обострение национальных противоречий, увеличение вооружений, рост налогового гнета, удорожание жизни, усиление государственной власти, ослабление демократии, проявление идеологии, враждебной рабочим, оправдывающей насилия. Но раз буржуазия отвернулась от свободы торговли, борьба за свободную торговлю

становится безнадежной, потому что пролетариат один слишком слаб для того, чтобы продиктовать господствующим классам свою политику.

Однако это вовсе не означает, что теперь пролетариат обращается к современной политике протекционизма, с которой неразрывно связан империализм. Если он увидел необходимость этой политики для класса капиталистов и, следовательно, ее торжество, пока господство принадлежит классу капиталистов, это еще вовсе не основание для того, чтобы пролетариат отрекся теперь от своей собственной политики и капитулировал перед политикой своих врагов или даже сам предался иллюзиям насчет тех мнимых выгод, которые должно принести для его классового положения обобщение и усиление эксплуатации. Тем не менее пролетариат не может не видеть, что империалистическая политика придает всеобщий характер той революции, которой является распространение капитализма, а вместе с тем придает всеобщий характер тем условиям, которые необходимы для торжества социализма. Но если политика экспансии, ведущаяся капиталом, является в последнем счете самым мощным фактором конечной победы пролетариата, это не основание для того, чтобы он ее поддерживал, точно так же, как убеждение, что политика финансового капитала необходимо ведет к военным осложнениям, а следовательно, и к тому, что разразятся революционные ураганы, не может отвратить пролетариат от его непримиримой вражды к милитаризму и военной политике. Наоборот, пролетариат может добиться победы лишь в постоянной борьбе с этой политикой, потому что только тогда он окажется наследником после той катастрофы, к которой неизбежно ведет эта политика, причем дело идет о политической и социальной, а не о экономической катастрофе, — представление о последней вообще нельзя признать рациональным представлением. Протекционизм и картели означают удорожание жизни, предпринимательские организации укрепляют силу того сопротивления, которое капитал оказывает натиску профессиональных союзов. Политика вооружений и колониальная политика все быстрее увеличивают налоговое бремя, которое должен нести пролетариат. Неизбежный результат этой политики — военное столкновение капиталистических государств — означает острый рост пауперизма. Но все эти силы, революционизирующие народные массы, только в том случае послужат преобразованию экономики, если класс, которому предстоит стать творцом нового общества, в своем сознании предвосхищает всю эту политику и ее необходимые результаты. Но это может произойти лишь при том условии, если народным массам вновь и вновь разъясняют необходимые последствия этой политики, направленной против интересов масс. А это возможно в свою очередь лишь в постоянной, беспощадной борьбе с империалистической политикой.

Но если капитал не в состоянии проводить теперь никакой иной политики, кроме империалистической, то пролетариату не приходится противопоставлять ей политику той эпохи, когда промышленному капиталу принадлежало единодержавие. Не дело пролетариата более прогрессивной капиталистической политике противопоставлять оставшуюся позади политику эры свободной торговли и враждебного отношения к государству. Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только социализм. Не такой идеал, как восстановление свободной конкуренции — он превратился теперь в реакционный идеал — может быть теперь целью пролетарской политики, а единственно лишь полное уничтожение конкуренции посредством устранения капитализма. На буржуазную дилемму: протекционизм или свобода торговли пролетариат отвечает: ни протекционизм, ни свобода торговли, а социализм, организация производства, сознательное регулирование хозяйства не магнатами капитала и не на их пользу, а всем обществом и на пользу всего общества, которое только тогда подчинит себе, наконец, и экономику, как оно подчиняло природу по мере того, как открывало законы ее движения. Социализм перестает быть отдаленным идеалом, перестает быть даже той «конечной целью», которая просто указывает общее направление «текущих требований», он становится существенным элементом непосредственной практической политики пролетариата. И как раз в тех странах, где политика буржуазии проводится наиболее последовательно, где политико-демократические требования рабочего класса осуществлены в наиболее важной в социальном отношении части, там социализм в качестве единственного ответа на империализм должен выдвинуться на первый план пропаганды; только так и будет обеспечена независимость рабочей политики и ее превосходство в деле отстаивания интересов пролетариата.

Финансовый капитал все более сосредоточивает власть над общественным производством в распоряжении малочисленных крупнейших капиталистических ассоциаций. Руководство производством он отделяет от собственности и доводит обобществление производства до той границы, которая вообще достижима при капитализме. Границы капиталистического обобществления определяются, во-первых, распадением мирового рынка на национальные экономические области отдельных государств; международные картели преодолевают их медленно и не полностью; это распадение ведет к продлению конкурентной борьбы, которая идет между картелями и трестами, опирающимися на содействие политических сил государства. Во-вторых, что следует упомянуть ради полноты, границы капиталистическому обобществлению производства ставятся образованием земельной ренты, которая тормозит концентрацию в

сельском хозяйстве; в-третьих, теми мерами экономической политики, целью которых является продление живучести среднего и мелкого производства.

По своим общим тенденциям финансовый капитал означает установление общественного контроля над производством. Но это обобществление происходит в антагонистической форме: господство над общественным производством остается в руках олигархии. Борьба за низложение этой олигархии является последней фазой классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал чрезвычайно облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, то достаточно, чтобы общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладело финансовым капиталом; это немедленно передаст ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и потому господство над крупной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действенному общественному контролю, который осуществляется и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления. Общество, которое располагает горным делом, металлургической промышленностью включительно до машиностроительной, электрической и химической промышленности, которое господствует над системой транспорта, подчиняя себе эти важнейшие сферы производства, тем самым получает в свои руки, т. е. тоже может подчинить себе как распределение сырого материала между остальными отраслями, так и транспортировку продуктов последних. Овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и чрезвычайно облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным-давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно дать этому процессу постепенно созреть, т. е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоренное теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществом: ведь финансовый

капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма.

Итак, создавая последние организационные предпосылки социализма, финансовый капитал облегчает переход и в политическом отношении. Деятельность самого капиталистического класса в том виде, как она проявляется в империалистической политике, неизбежно толкает пролетариат на путь самостоятельной классовой политики, которая вообще может найти завершение лишь в окончательном преодолении капитализма. Пока царил принцип *laissez faire* [свободной конкуренции], пока вмешательство государства в экономическую жизнь, а вместе с тем и характер государства как организации классового господства оставались замаскированными, требовалась сравнительно большая дальновидность для того, чтобы понять необходимость политической борьбы и в особенности необходимость политической конечной цели — завоевания государственной власти. И вовсе не случайно, что именно в Англии, классической стране невмешательства, столь трудным оказалось развитие самостоятельной политической деятельности рабочего класса. Теперь это меняется. Класс капиталистов непосредственно, незамаскированно, осязательно овладевает государственной организацией и превращает ее в орудие своих эксплуататорских интересов такими путями, что даже самый последний пролетарий неизбежно приходит к сознанию, что завоевание политической власти пролетариатом составляет его ближайший личный интерес. Очевидный захват государства капиталистическим классом непосредственно заставляет всякого пролетария стремиться к завоеванию политической власти, как единственному средству положить конец эксплуатации¹.

¹ «Современная система охранительных пошлин — и в этом ее историческое значение — вводит в последнюю фазу капитализма. Чтобы остановить понижение нормы прибыли, в котором находит себе выражение закон движения капитализма, капитал устраняет свободную конкуренцию, организуется и вследствие своей организации приобретает способность овладеть государственной властью, чтобы непосредственно и прямо поставить ее на службу своих эксплуататорских интересов. Уже не одни только рабочие, но и все население подчиняется стремлению капиталистического класса к прибыли. Все силы, какими только располагает общество, сознательно сосредоточиваются и потом превращаются для капитала в средство эксплуатировать общество. Это — ступень, непосредственно предшествующая социалистическому обществу, ибо она представляет его полное отрицание, сознательное обобществление всех имеющихся в современном обществе экономических сил, но сосредоточение их не в интересах всего общества, а с той целью, чтобы небывалым доселе способом повысить степень эксплуатации всего общества. Но именно ясность, очевидность этого явления и делает невозможным длительное его существование. Оно, в противовес деятельности капиталистического класса, которому концентрация средств производства принесла с собой концентрацию сознания и действий, пробуждает деятельность пролетариата, которому остается только осознать свою силу, чтобы она стала непреодолимой» (*Rudolf Hilferding, Der Funktionswandel des Schutzzoll, «Neue Zeit», XXI, 2*).

Борьба против империализма усиливает все классовые противоречия в буржуазном обществе. Но пролетариат, как решительнейший враг империализма, получает подкрепление из других классов. Империализм, который сначала поддерживали все остальные классы, в конце концов обращает своих приверженцев в бегство. Чем дальше развивается монополизация, тем тяжелее ложится груз сверхприбылей на все остальные классы. Вздорожание, результат деятельности трестов, понижает их уровень жизни, и это тем более, что тенденция к повышению цены продуктов питания распространяется и на необходимейшие средства существования. В то же время увеличивается гнет налогов, который затрагивает и средние слои. И они обнаруживают все возрастающую склонность к возмущению. Служащие все больше теряют надежду сделать карьеру, они все более сознают в себе эксплуатируемых пролетариев. Средние слои в сфере торговли и промышленности тоже начинают замечать свою зависимость от картелей, которые превращают их в простых агентов, живущих одними комиссионными. Но в тот момент, когда экспансия капитала начнет замедляться, все эти противоречия должны обостриться до невыносимой степени. А все это наступит, когда развитие акционерных обществ и картелей пойдет вперед уже не столь быстрым темпом, когда замедлится образование новых учредительских прибылей, когда, следовательно, уменьшится стремление к экспорту капитала. Но это должно произойти, когда замедлится столь быстрое теперь открытие чужих стран для капитализма. Открытие Дальнего Востока, стремительное развитие Канады, Южной Африки и Южной Америки сыграли главную роль в том явлении, что развитие капитализма совершалось столь головокружительно быстро и прерывалось с 1895 г. лишь короткими периодами депрессии. Но когда развитие это замедлится, давление картелей на внутренний рынок проявится тем более остро: ведь концентрация наиболее быстро происходит как раз в период депрессии. В то же время, с замедлением темпа расширения мирового рынка еще больше обострится антагонизм между капиталистическими нациями, борющимися за свою долю на мировом рынке, причем в тем большей степени, если крупные рынки, открытые теперь для конкуренции, распространением протекционизма, например на Англию, будут закрыты для конкуренции других стран. Опасность войны ведет к росту вооружений и налогового гнета и, в конце концов, гонит в ряды пролетариата средние слои, жизненный уровень которых подвергается все большей угрозе. Пролетариат пожнет плоды от ослабления государственной власти и от военного столкновения¹.

¹ См. *Karl Kautsky, Der Weg zur Macht*, в особенности заключительную главу «Ein neues Zeitalter der Revolutionen».

Исторический закон таков: в общественных формациях, построенных на классовых противоречиях, великие социальные перевороты совершаются лишь тогда, когда господствующий класс достигнет максимально возможного уровня концентрации своей силы. Экономическая сила господствующего класса всегда означает в то же время власть над людьми, власть распоряжаться человеческой рабочей силой. Но, вследствие этого, экономически господствующий становится зависимым от силы подчиненных. Ибо, увеличивая свою силу, он в то же время укрепляет силу тех, кто противостоит ему в классовой вражде. Но, как подчиненные, они кажутся бессильными. Их сила, которая может обнаружить себя лишь в борьбе, в ниспровержении власти господствующего класса, является скрытой, а власть господствующих — единственно очевидной. Сила подчиненных проявляется как реальная сила только в столкновении обеих сил, следовательно, только в революционный период.

Экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над экономикой дает в то же время господство над политическими ресурсами государственной власти. Чем выше концентрация в экономической сфере, тем более неограниченно овладение государством. Это строгое сплочение всех сил государства является величайшим развитием его сил, государство становится непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти становится предпосылкой экономического освобождения. Буржуазная революция началась лишь тогда, когда абсолютистское государство, преодолев внутригосударственную территориальную власть крупных феодалов, сосредоточило все политические ресурсы; точно так же, как концентрация политической власти в руках немногих крупнейших феодалов в свою очередь была предпосылкой победы абсолютной монархии. Точно так же победа пролетариата примыкает к концентрации экономической власти в руках немногих магнатов капитала или союзов магнатов и к их господству над государственной властью.

Финансовый капитал в его завершении — это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала. Но он же делает диктатуру господ национального капитала одной страны все более несовместимой с капиталистическими интересами другой страны, и господство капитала в любой стране все более несовместимым с интересами народных масс, эксплуатируемых финансовым капиталом, но им же и пробуждаемых к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адлер Макс — 43.
Аристофан — 81.
Арнольд Антон — 72, 190, 197, 204.

Бауэр Отто — 366, 445.
Бернштейн — 4.
Боргт ван — 155, 297.
Боте — 72.
Браун Адольф — 467.
Брей — 97.

Вашингтон Георг — 197.
Веддинг — 247.
Вильсон Джеймс — 120.

Гайндман — 139.
Гарней Семюзль — 197.
Гельферих — 69.
Гевинс — 422.
Гильфердинг Рудольф — 3, 7—13, 17—21.
Гоббс — 245.
Гобсон — 37.
Грей — 97.
Грунцель — 274, 275.

Дарвин — 73.
Дернбург — 425.
Диль — 119.

Ейдельс — 128.

Золя Эмиль — 154, 245.
Зомбарт Вернер — 280, 445, 446.

Ибсен — 245.

Кант — 28.
Карнер (Реннер Карл) — 193.
Каутский Карл — 4, 6, 8, 10, 25, 26, 37, 426.

Кенэ — 320.
Кесслер — 463.
Кнапп — 42, 44, 59, 62, 73, 75, 76, 120.
Кобден — 389, 411.
Кэри — 390.

Ландесбергер — 224.
Леббок Джон — 72.
Леви — 258, 260, 269.
Лее Альгернон — 279, 280.
Лексис — 64, 72, 229.
Ленин В. И. — 5, 6—10, 15—20, 25, 26, 28—30, 35—40.
Леруа-Болье — 418.
Линдсей — 71.
Лист — 390.
Лоеб — 165.
Лотц — 64.
Лоу Джон — 244, 354, 380.
Люрман — 247.

Маколей — 81.
Макрости — 161, 396.
Маркс Карл — 3, 6, 7, 11, 14, 16, 18, 28, 29, 31—34, 33, 41—44, 47, 54, 55, 60, 61, 73, 74, 76, 84—87, 95, 97—99, 101—105, 107—111, 114, 127, 138, 141, 150, 156, 157, 176, 177, 192, 197, 231, 232, 243, 257, 259, 263, 273, 302, 304, 318—320, 325, 328—333, 336, 343—345, 354, 366—368, 378, 445.

Мах — 28, 55.
Мейер Рудольф — 96.
Менгер Карл — 68.
Момберт — 413.

Науман — 470.

Парвус — 409, 410.
Перейра — 244.
Петерс Карл — 411.
Петти Вильям — 41, 387.
Пиль Роберт — 80, 119, 142, 359, 376, 389.
Пэйш Джордж — 418.
Рейсвиц — 447.
Рикардо Давид — 71, 74—77, 83, 119, 120, 354, 390.
Родбертус — 52, 96, 97, 153, 154, 318.
Сарториус — 418.
Смит Адам — 143, 146, 329.
Туган - Барановский — 175, 320, 366, 368, 370, 372.

Тук — 71, 82, 83, 120, 143, 407.

Франклин Бенджамен — 197.
Фуллартон — 44, 77, 78, 120, 332.

Шваб Марня — 440.
Швонер Альфред — 143, 145.
Шмоллер — 143, 418.
Шницмюллер — 68, 69.
Штейницер Эрвин — 147.
Штирнер — 53.
Шумпетер — 139.

Энгельс Фридрих — 4, 11, 28, 32, 38, 97, 273, 318.

Юм — 34.

Arnold Anton — 70.

Bauer Otto — 400, 412, 433.
Blacke William — 64.
Braun Adolf — 466.
Brentano Lujo — 464.

Cunow Heinrich — 258.

Diehl Karl — 119.

Ehrenberg Richard — 229.
Emil Karl — 429.
Eulenburg — 168.

Fuchs — 210.
Fullarton John — 79, 121.

Giffen — 418.
Grunzel — 274, 275.

Hewins — 421, 423, 424.
Hesselink G. — 427.
Helfferich — 66, 85.
Heymann Hans Gideon — 246—248, 259, 261.
Hilferding Rudolf — 49, 391, 476.

Jaffé — 95, 128, 135, 199.
Jeidels — 131, 135, 136, 168, 373.
Jenks — 451.

Kautsky Karl — 426, 477.
Keller — 448, 460, 461, 463.
Knapp — 59.
Kühnert — 442.

Landesberger — 224.
Lee Algernon — 279.
Levy Hermann — 258, 261, 269, 391.
Liefmann Robert — 264, 391.
Lürmann — 247.

Macrosty Henry W. — 161, 256, 271, 396.
Mayer Rudolf — 96.
Mead Edward Sherwood — 179.
Mombert Paul — 413.

Parvus — 409, 410.
Phillippovich — 203.
Prion W. — 116, 129, 135, 183.

Rehe Karl — 113, 248, 311.
Reiswitz — 447.
Rießer G. — 172.
Rodbertus-Jagetzow — 154.
Rubinow I. W. — 440.
Ruesch H. — 220.

Sartorius — 122, 363, 375, 388, 418.
Schüller Richard — 428.
Schulze-Gävernitz — 389, 411, 413, 421.
Schwab Marie — 404, 422, 440.
Spitzmüller — 67, 68.
Steinitzer Erwin — 147, 168.

Völker — 258.

Wilson James — 60, 118.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акционер — 12, 14, 131, 148—151, 153, 156, 157, 159, 162—164, 169, 174—176, 234, 239, 284, 392, 394.

Акционерное дело, форма — 10—13, 22, 148, 150, 154, 177, 251, 254, 297, 379, 405, 441, 443—445.

Акционерное общество — 10—13, 30, 147, 150—158, 160, 162, 177, 179, 192, 194, 203, 216, 256, 301, 308, 310, 349, 370, 379, 392, 393, 416, 450, 451, 452, 467, 477.

Акция — 11—14, 18, 133, 137, 148—152, 155—160, 164—165, 167, 170, 173—175, 177, 180, 181, 184, 186, 197, 198, 203, 207, 229, 236, 238—241, 250—266, 284, 301—302, 348—352, 393, 394, 405, 419, 420, 467.

— **обыкновенная** — 12, 160, 161, 162, 299.

— **привилегированная** — 12, 160, 161, 162, 299.

— **эмиссия** — 167, 201.

Анархия — 20, 57, 62, 191, 223, 224, 243, 296, 312, 316, 324, 325, 383, 430, 432.

Аутсайдеры — 191, 214, 216, 267—270, 272, 301, 310, 349—351, 384, 402, 441, 445, 465, 466.

Банк, банковое дело — 5, 7, 9, 11—13, 15—17, 21, 30, 32, 74, 82, 84, 85, 95, 113, 114, 116—122, 125—130, 132—137, 142—144, 157, 166—168, 170, 172, 173, 178—180, 182—185, 202—205, 211, 212, 220—222, 230—243, 251, 254, 256, 264—266, 271, 278, 279, 282, 285—287, 298—302, 305, 310, 312, 313, 339, 347—355, 359, 360, 362,

363, 366, 370, 373, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 391—394, 404—406, 410, 416, 419, 420, 437, 442, 451, 452, 467.

— **депозитный** — 128, 239, 265, 301, 379.

— **концентрация** — 135, 136, 137, 250, 254, 255, 298, 377.

— **кредитный** — 129.

— **эмиссионный** — 143, 155, 185, 238, 352, 374, 375, 376.

Банковский билет, банкнота — 69, 73, 74, 75, 77, 80, 84, 85, 95, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 141, 142, 184, 206, 354, 355, 358—362, 369, 374, 375, 376, 437.

Банкротство — 134, 252, 254, 345, 353, 358, 364, 373, 374, 379, 380, 381, 384, 465.

Биржа — 14, 15, 30, 133, 137, 296, 298, 349, 351, 360, 363, 369, 374, 380, 394.

— **товарная** — 42, 133, 137, 207—208, 211, 216—223, 225, 226, 228, 229.

— **фондовая** — 42, 150, 155, 156, 164, 179, 180, 183—185, 192, 199, 204, 205, 206, 207, 240,

Валюта (денежная система) — 67, 68, 69, 70, 73, 77, 78, 81—86, 119, 123, 138, 139, 145, 146, 182, 238, 354, 363.

Вексель — 63, 80, 90, 91—94, 100, 114—122, 126, 128, 129, 130, 133, 134, 135, 141, 155, 181, 183, 184, 192, 347, 348, 353, 354, 358—360, 363, 374, 375.

Вклады — 137, 233, 234, 238, 240, 301, 353, 354, 360, 377.

Воспроизводство — 105, 115, 141, 142, 156, 232, 315, 320—326,

- 329, 331, 333, 334, 339, 343—345, 365—367.
- Государство** — 23, 24, 26, 35, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 69, 71, 75, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 87, 118—120, 122.
- Демократизация собственности, капитала** — 177, 197.
- Деньги** — 7, 15, 28, 30, 32—35, 42, 44, 46, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 69, 70, 71—74, 76—85, 86—101, 103—106, 111, 113—117, 119, 121—126, 128, 134—135, 137—142, 148, 149, 151, 155, 156, 170, 178, 181—185, 189, 192, 194, 198—204, 206, 209, 210, 211, 229, 231, 232, 236—239, 241, 243, 244, 249, 250, 254, 277, 281, 286, 289, 297, 300, 312—315, 319, 320, 322, 323, 324, 326—334, 338, 340, 343, 345, 347—349, 353, 354, 356, 357, 360—369, 374, 375, 387, 393.
— авансирование — 99, 100, 108, 110, 127, 132, 167, 188, 202.
— бумажные — 33, 34, 59, 61—65, 67, 69, 71, 73—76, 79—85, 86—87, 90—92, 95, 96, 100, 101, 116, 118, 119, 120, 123, 142, 282.
— кредитные — 76, 80, 84, 88, 90, 91—95, 109, 115, 116, 118, 119, 121, 123, 124, 125, 126, 128, 140, 141, 155, 182, 185, 200, 346, 347, 353, 355, 356, 359, 360, 366, 369, 375, 376.
— металлические — 61, 62, 64, 65, 66, 67, 75, 79, 80—82, 85, 89, 95, 96, 100, 109, 115, 123, 141, 142.
- Депрессия** — 19, 20, 61, 189, 292, 241, 256, 257, 258, 259, 261, 262, 268, 269, 273, 282, 314, 339, 346, 363, 366, 367, 369, 385, 409, 445, 463, 477.
- Дивиденд** — 11, 17, 18, 128, 147, 150, 153, 156—160, 162—164, 170, 172, 174, 175, 179, 180, 192, 196, 197, 239, 240, 251, 253, 299, 310, 348, 370, 371.
- Дисконт** — 118, 135, 142—144, 145, 185, 204, 362, 363, 367, 369, 370, 374.
- Доход** — 148—153, 155, 156, 160, 162, 167, 171, 174, 175, 177, 180—182, 186, 187, 189, 193—195, 198, 205, 206, 209, 215, 228, 237, 241, 289, 298, 300, 301, 302, 308, 309, 326, 333, 346, 348, 371, 379, 382, 405, 418, 426, 487, 440, 441, 442, 443, 450, 456, 462.
- Займы государства** — 241, 359, 360, 406, 437.
- Заработная плата** — 103, 321, 453—457, 466, 468, 469, 471.
- Золото** — 33—35, 58, 59, 62, 63, 71—75, 77, 78, 80, 82—87, 92, 93, 94, 99, 130, 142, 143, 204, 328, 354—359, 362, 363, 365, 369, 376.
- Империализм** — 422, 423, 434, 435, 443, 448, 452, 471, 474, 477.
- Империалистическая политика** — 415, 443, 445, 472—474, 476.
- Импорт, ввоз** — 356, 358, 361, 362, 388, 391, 400, 401, 407, 408, 422, 439, 440.
- Капитал** — 5, 6, 11—14, 16—26, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110—117, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130—134, 137, 138, 139, 141, 147—158, 162—164, 166, 167, 170—176, 180, 181, 183, 185, 191, 193, 197, 200, 201, 203, 204, 206, 210—215, 218, 220, 221, 223, 224, 231—237, 239—243, 246—255, 259, 266, 270, 271, 277, 280—285, 287, 289, 292, 294, 296, 298—302, 305—309, 311—313, 316—328, 334—337, 340—342, 345—349, 361, 362, 364, 366—368, 369—370, 373, 377, 378, 379, 382, 383, 384, 385, 386, 391, 392, 393, 394, 399, 401, 403, 404, 405, 408, 411, 415, 416—422, 424—429, 434—435, 437, 441—450, 452, 453, 458, 468, 471, 473, 474.
— авансированный — 100, 103, 108, 110, 114, 125, 127, 132, 133, 166, 167, 188, 249, 316, 337.
— акционерный — 128, 131, 150, 152, 157, 159, 161—164, 175, 236, 239, 241, 253, 299.
— банковый — 16—18, 41, 42, 128, 134, 178, 179, 211, 213, 218, 221, 223, 230—232, 233—239, 242, 243, 254, 255, 283, 284, 285, 296, 301—303, 313, 339, 352, 355, 377, 380, 386, 391, 392, 394, 405, 406, 421, 431, 432, 443.

- денежный — 11, 15, 42, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 132, 134, 137, 138, 139, 141, 148—154, 170, 171, 178, 180—183, 185, 186, 190, 192, 193, 199, 201, 207, 209, 211, 230—233, 236—239, 241, 243, 249, 281, 282, 301, 302, 313, 324, 325, 328, 329, 331—334, 337, 339, 345—348, 351, 353, 355, 357, 362, 363, 364—371, 373, 374, 376, 378, 403.
- денежно-торговый — 232, 233, 235, 238, 278, 302, 352.
- импорт, ввоз — 361, 409, 410, 419.
- индивидуальный — 113, 125, 132, 139, 252, 253, 320, 436.
- иностранный — 414, 420, 426, 427.
- конкуренция капиталов — 246, 249, 259, 307, 420, 427, 430, 445.
- концентрация — 132, 134, 166, 172, 176, 177, 182, 216, 218, 220, 236, 247, 342, 351, 391, 450.
- кругооборот — 97, 98, 101, 104, 106, 107, 112, 113, 125, 127, 151, 155.
- мобилизация — 10, 18, 147, 178, 184, 193, 195, 207, 230, 249, 250, 251, 302.
- монополистический — 9, 24—27, 30, 36, 37, 38.
- накопление капитала — 302, 312, 333, 342, 361, 369, 387, 393, 411, 418, 419, 420, 426.
- оборот капитала — 15, 337, 338, 342, 346, 347.
- оборотный — 104, 108, 113, 127, 128, 131, 132, 133, 173, 220, 246, 248, 321, 323, 324, 329, 338, 368, 369, 420.
- общественный — 102, 112, 125, 156, 309.
- органический состав — 109, 110, 132, 193, 246, 247, 252, 305, 308, 309, 326, 338, 340—343, 355, 388, 391, 392, 397, 406, 449, 471, 472.
- основной — 15, 18, 105, 108, 123, 127, 128, 132, 133, 173, 193, 246, 247, 248, 249, 252, 253, 259, 321—325, 329, 330, 335, 336, 338, 340—342, 344, 345, 366, 368, 369, 371, 385, 391.
- переменный — 142, 181, 246, 309, 318, 321, 326, 329, 335, 337, 338, 365, 456.
- постоянный — 19, 184, 246, 249, 259, 267, 315, 317, 318, 321, 322, 323, 326—329, 331, 335, 338, 344, 366, 456.
- производительный — 42, 98, 99, 101, 104, 106, 107, 11, 115, 116, 121, 123—125, 149, 152, 155, 160, 174—176, 178, 181, 184, 185, 187, 188, 193, 220, 230, 235, 236, 301, 322, 325, 328, 330, 332, 337, 339, 346, 363, 366, 385.
- производственный — 109, 133, 134, 230—232, 239, 247, 249, 250, 281, 287, 370.
- промышленный — 16, 18, 41, 42, 96, 98, 104, 114, 128, 132, 133, 141, 150—152, 166, 170, 173, 178, 192, 196, 197, 207, 212, 213, 231, 232, 235, 236—239, 249, 250, 254, 255, 278, 282, 284, 287, 296, 301, 302, 313, 336, 367, 368, 371, 386, 388, 391, 392, 394, 405, 406, 408, 415, 419—421, 432, 436, 437, 474.
- резервный — 113, 114, 174, 213, 215, 220, 233, 234, 261, 299, 300, 324, 325, 345, 373.
- ростовщический — 302, 303.
- свободный — 110, 172.
- собственный — 131, 132, 137, 164, 166, 172, 178, 179, 195, 212, 231, 233, 234, 235—239, 241, 242, 243, 289, 300, 313.
- совокупный — 133.
- ссудный, приносящий процент — 14, 110, 122, 132, 136, 138, 141, 143, 146, 148, 150, 151, 153, 154, 164, 181, 183, 184, 194, 196, 206, 211, 212, 231, 233—238, 243, 249, 250, 253, 301, 313, 346, 347, 349, 354, 359, 360, 369, 370, 379, 406, 407, 408, 417, 420, 426, 429, 436, 437.
- стоимость капитала — 317, 320, 338, 339, 408.
- товарный — 98, 102, 103, 115, 117, 123, 124, 134, 185, 231, 241, 280, 281, 320, 324, 329, 346, 348, 373.
- торговый — 41, 42, 128, 133, 212, 213, 230, 233, 235,

- 238, 277, 281, 282, 286, 287,
296, 302, 303, 386, 388, 391,
392, 405, 421, 431, 432, 436.
— фиктивный — 11, 14, 147,
152, 154, 155, 158, 162, 178,
179, 182, 185, 190, 192, 194—
196, 206, 207, 235, 239, 301,
302, 313, 348, 351, 359.
— финансовый — 7, 17, 21, 23—
26, 30, 37, 39, 41, 146, 245,
296, 298, 301—303, 312—314,
352, 386, 391, 400, 405, 414,
416, 420, 421, 423, 427, 428,
430, 432—437, 439, 440, 442,
443, 445, 452, 473, 474, 475,
476, 478.
— функционирующий — 124,
127, 138, 140, 158, 159, 324,
333.
— чужой, заемный — 11—13,
131, 132, 163, 164, 166, 176,
200, 231, 233—235, 236—238,
240, 286, 379, 411, 420.
— экспорт вывоз — 21, 22,
38, 288, 312, 394, 399, 400,
403, 404, 405, 406, 407, 409,
410, 414, 415, 416, 417, 418,
419, 420, 425, 426, 427, 428,
429, 452, 472, 477.
- Капиталист денежный** — 125, 146—
150, 155, 156, 170, 173, 239,
360, 369, 377.
— индивидуальный — 131, 149,
154—156, 166, 167, 171, 172,
175—177, 194, 207, 239, 245,
246, 251, 261, 328, 347, 364,
379, 392, 393.
— промышленный — 11, 125,
127, 132, 147, 149, 156, 184,
243, 261, 281, 300, 302, 325,
332, 345, 393.
— торговый — 125, 243, 302.
— ссудный — 125, 132, 138, 139.
— финансовый — 302.
— функционирующий — 139,
140.
- Картель** — 20—22, 30, 41, 42, 209,
218, 222—226, 230, 242, 254,
255, 258, 263—265, 267, 268,
269—276, 282—288, 291, 293,
296, 298—300, 302, 303—313,
371, 381, 382—385, 392, 394,
395, 396, 397, 398, 401, 402,
403, 419, 420, 421, 430, 437,
439, 444, 445, 448, 452, 453,
454, 461, 464, 465, 466, 467,
468, 471, 472, 473, 474, 477.
- Класс** — 435—439, 442, 458,
— буржуазия — 387, 430, 431,
435, 436, 438, 448, 449,
450, 458, 472, 474, 475.
— буржуазия мелкая — 436,
444, 446, 447, 448.
— землевладельцы крупные —
391, 432, 436—443.
— крестьянство — 410, 437,
438, 441, 472.
— пролетариат — 139, 187, 188,
410—412, 431, 434, 436,
439, 441, 443, 445, 449,
450, 452, 453, 455, 458,
459, 461, 464, 465, 469, 471—
477.
- Колонии** — 23, 36, 37, 38, 408—411,
418, 419, 422, 423, 424, 425,
427, 429, 431, 433, 435.
- Комбинация** — 19, 254, 261, 262,
263, 265, 268, 269, 299, 305, 308,
373, 395, 396, 451.
- Комбинирование** — 248, 256, 260,
261, 262, 263, 274, 282, 306,
307, 315.
- Конкуренция** — 3, 5, 6, 17—21, 23,
26, 41, 78, 129, 130, 141, 150,
159, 172—174, 176, 195, 220,
233, 235, 241—243, 245, 252—
258, 263—269, 271, 272, 274,
276, 280, 282, 339, 341—343,
381, 382, 383, 386, 387, 389,
390, 391, 394, 395, 396, 398,
402, 403, 408, 416—418, 420,
421, 424, 428, 430, 432—437,
441, 445—447, 451, 452, 459,
461, 465, 474, 476, 477.
— рабочих — 453, 454.
- Концентрация** — 280, 281, 304, 306,
310, 311, 351, 373, 374, 378—
379, 385, 402, 404, 418, 441,
444, 445, 446, 474, 478.
— производства — 13, 16, 18,
41, 137, 176, 177, 254, 261,
266, 271, 281.
— собственности — 12, 266,
271, 302, 313, 360.
- Концерн** — 279, 444.
- Конъюнктура** — 13, 19, 131, 135,
137—142, 143, 158, 162, 172,
174, 188, 189, 191, 205, 224,
240, 256, 258—262, 267, 268,
269, 270, 272, 282, 291, 294—
297, 299, 300, 303—307, 310,
319, 339, 341, 346, 348, 350,
352, 356, 357, 362, 367, 368,
370, 371, 373, 381, 398, 441,
457, 458, 460, 462, 463, 465, 470.
- Корнер** — 209—211, 218, 228, 350.
- Кредит** — 10, 21, 22, 30, 42, 46,

- 68, 69, 72, 90, 95, 99—101, 108, 110, 112—117, 119—126, 128—136, 140, 141, 153, 163, 164, 170, 172, 173, 182, 184, 198—204, 212, 221, 232, 233, 236, 241—244, 255, 266, 278, 280—282, 286, 290, 292, 300—302, 319, 328, 333, 339, 343, 346—355, 357—360, 366, 368, 369, 373—377, 379, 380, 389, 406.
- банковый — 117, 121, 122, 126, 129, 130, 136, 167, 178, 184, 239, 241, 242, 347, 351, 352, 353, 369, 375, 380, 447.
 - вексельный — 117, 129.
 - государственный — 196, 206.
 - денежный — 348.
 - для капиталовложений — 110, 113, 123, 124, 129, 130, 134, 135, 140, 141, 167, 237, 347, 369, 394.
 - исламический — 129, 178.
 - международный — 122, 130.
 - оборотный — 115—117, 123, 124, 140, 141, 142, 237, 301, 314, 339, 345—347, 349, 352, 353, 358, 362, 374, 392, 394.
 - платежный — 114, 124, 128, 129, 134, 135, 166, 167, 237, 240, 282, 299, 315.
 - товарный — 278.
 - торговый — 117, 129, 130, 141, 142.
 - эмиссионный — 138, 178.
- Кредитные бумаги** — 142, 145.
- Кризис** — 42, 79, 80, 84, 94, 95, 112, 116, 118, 119, 120, 121, 204, 241, 262, 270, 272, 296, 306, 314—320, 325, 331, 334—336, 339, 342, 345, 351, 354—358, 361, 362, 364, 366—369, 371, 372, 373, 374, 375—385, 391, 407, 409, 445.
- банковый — 121, 243, 354, 357, 359, 371, 377, 378, 380.
 - биржевой — 351, 357, 380.
 - денежный — 12, 20, 21, 34, 120, 355, 356, 371, 374, 375, 377, 380.
 - кредитный — 121, 374, 377, 380.
 - промышленный — 94, 351, 378, 381.
 - торговый — 94, 121, 351, 357, 358
- Курс акций, ценных бумаг** — 11, 13, 14, 137, 143, 148, 158, 160, 175, 176, 189—191, 197, 198, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 214, 240, 250, 348—352, 354, 359, 363.
- денег — 33, 34, 71, 73, 75, 76, 82.
- Курсовая стоимость** — 158, 159, 161, 202, 251.
- Либерализм** — 387, 430, 431, 432, 433.
- Локаут** — 461, 463, 464, 470.
- Меновой акт** — 47, 49, 50, 51, 54, 55, 89, 90, 91, 128.
- Меркантилизм** — 60, 386, 387, 430, 438.
- Милитаризм** — 5, 23, 433, 448, 473.
- Монополия, монополистические объединения, союзы** — 3, 4, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 30, 42, 184, 222, 255—258, 264, 266, 268, 269—272, 275, 277, 282, 283, 285, 289, 291, 295, 296, 298, 300, 301, 303, 304, 306, 307, 310, 373, 381, 386, 395, 396, 399, 401, 402, 403, 406, 416—418, 420, 425, 428, 434, 435, 444, 450, 454, 455, 459, 465.
- Накопление** — 13, 21, 105, 109, 123, 147, 176, 240, 318, 323, 326, 327—329, 337, 339, 341, 344—346, 364, 365, 366, 367, 370, 382, 383, 393, 397, 418, 420, 426, 471.
- Обмен** — 29, 30, 31, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 59, 91, 322, 323, 329, 331, 408.
- Оборот** — 328, 336—338, 347, 349, 365, 366.
- Обращение** — 29, 30, 33—35, 59—64, 66, 73, 74, 75, 78, 81—85, 87—102, 104, 105, 109, 110, 113—115, 117, 118, 121, 122—125, 134, 140, 141, 142, 143, 181, 182, 184, 186, 214, 215, 217, 237, 313, 320, 323, 328, 329, 333, 334, 347, 353, 354, 356, 358—360, 366, 368, 372, 374, 376.
- акций — 151, 155, 236.
 - банкнот — 360.
 - векселей — 116, 117, 121, 122, 123, 134, 135, 178.
 - время обращения — 101—103, 107, 109—111, 178, 220, 337, 347, 369.
 - денежное — 59, 62—65, 73, 76, 120, 121, 315, 321, 369.
 - издержки обращения — 113,

- 124, 231, 261, 277, 281—282, 285, 287.
- капитала — 99, 106, 213.
- кредитное — 120.
- общественно-необходимое время — 48, 50, 52, 54—57, 59.
- общественно-необходимая стоимость — 32, 33, 72, 93, 354.
- товаров — 64, 65, 100, 105, 106, 114, 118, 141, 195, 210, 230—232, 235, 314, 315, 320, 334, 348, 369, 374, 376.
- средства обращения — 60, 71, 73—75, 77, 80, 82, 83, 91, 92, 93, 94, 96, 99, 100, 106, 116, 117, 119, 120, 155, 185, 250, 314, 315, 332, 354, 355.
- ценных бумаг — 228.
- Перепроизводство** — 268, 269, 296, 315, 317, 318, 325, 333, 344—346, 361, 364, 368, 369, 381—384, 392, 395, 407.
- Платеж** — 129, 133, 135, 182, 231, 237, 272, 282, 315, 352, 353, 354, 358, 361, 363, 373, 376.
- средства платежа — 73, 88—90, 92—95, 97, 99, 100, 104, 114, 117, 119, 121, 124, 314, 315, 353, 356, 359, 374—376.
- Подъем, процветание** — 20, 61, 240, 256—260, 314, 325, 335—339, 346, 347, 349—352, 367, 369, 370, 382, 384, 385, 409, 445, 463.
- Потребление** — 29, 225, 253, 309, 310, 315—319, 327, 334, 336, 341, 343, 345, 346, 364, 372, 373, 378, 382, 400, 415.
- Пошлины** — 388, 389, 390, 391, 392, 394, 395—403, 416, 417, 421, 422, 432, 439, 440, 442, 444, 454, 465, 466, 471, 472.
- Предложение** — 20, 140, 142, 149, 183, 190, 219, 221, 223, 233, 238, 253, 256, 257, 259, 267, 272, 273, 340, 341, 344, 349, 351—353, 369, 377, 381—384, 395, 454, 457.
- Предметы потребления** — 321, 323, 324, 326, 331, 333, 397, 409, 426, 471, 472.
- Предпринимательские организации, союзы работодателей** — 458—465, 468, 469, 472.
- Предприятие индивидуальное, частное** — 11, 13, 147, 152, 157, 162, 167, 169—174, 176, 179, 414.
- Прибыль** — 13, 19, 37, 101, 106, 109, 112, 120, 130, 131, 135, 137—139, 143, 145, 148, 150—153, 156, 157, 160, 170, 171, 174, 176, 180, 186—189, 191, 193—196, 210, 212—216, 219, 221, 222, 228, 230—233, 235, 238—242, 245, 246, 249—256, 258, 261, 262, 266, 268, 269, 271—273, 275, 277, 281, 283, 285, 287, 288, 289, 297, 299, 302, 304, 307, 309—311, 314, 316, 318, 333—336, 339—342, 345—348, 350, 352, 359, 360—362, 364—366, 367, 370, 381, 382, 383, 384, 396, 397, 398, 403, 406, 418, 419, 424, 426, 427, 428, 434, 442—444, 457, 467.
- банковая — 230, 234, 235, 239, 240, 241, 352.
- валовая — 233, 234.
- дифференциальная — 146, 147, 187, 192, 200, 203, 208, 211, 214, 216, 224, 227, 352, 380.
- капитализированная — 300.
- картельная — 222, 269, 297, 307, 403, 467.
- монополистическая — 297, 433, 437.
- норма прибыли — 18, 19, 22, 131, 132, 141, 143, 145, 146, 159, 179, 188, 193, 194, 215, 245, 246, 249, 251—254, 258—263, 264, 266, 267, 280, 299, 303, 305—310, 312, 318, 335, 337—340, 364, 385, 396, 397, 403, 406, 415, 419, 441, 444, 447, 455, 457, 458, 462, 466, 470, 471, 472.
- средняя норма прибыли — 130, 131, 137, 149, 153, 157, 188, 194, 206, 215, 233—235, 236, 242, 246, 253, 254, 262, 308, 417, 457.
- промышленная — 149, 150, 207, 212, 230, 261, 262, 281, 284, 287, 288, 296, 300, 302, 369, 405, 420, 442.
- Прибыль предпринимательская** — 11, 131, 132, 146, 150, 151, 153, 154, 156, 179, 180, 188, 196, 230, 234, 235, 240, 242, 246, 253, 254, 262, 339, 352, 359, 370, 406, 420.
- спекулятивная — 188, 189, 216, 221, 236, 240, 296.
- средняя — 131, 148, 150, 151, 153, 156, 159, 212, 215, 227, 230—234.

- торговая — 207, 208, 211, 212, 223, 261, 282, 287, 296, 305, 380.
- учредительская — 11, 147, 153—157, 160, 161, 167, 174, 178—180, 194, 196, 234—237, 240, 241, 242, 251, 254, 296, 299—301, 310, 350, 416, 419, 420, 426, 477.
- чистая — 158, 175, 233, 234, 238.
- эмиссионная — 349, 352.
- сверхприбыль — 4, 37, 38, 131, 132, 173, 241, 245, 251, 255, 256, 268, 274, 276, 303, 305, 310, 311, 340, 341, 396, 397, 398, 399, 401, 403, 406, 419, 420, 421, 424, 443, 458, 462, 466, 472, 477.
- сверхприбыль картельная — 466, 467.
- Производитель частный** — 220, 221.
- Производство** — 29, 30, 33, 131—133, 138—142, 195, 212, 215, 217, 222—229, 231, 235, 237, 243, 244, 249, 250, 252—254, 258—260, 263—270, 272—274, 276—277, 278, 280, 282—285, 288, 292, 296, 301, 303—307, 309—311, 313—317, 319, 322, 324, 325, 327—329, 331—337, 339—344, 346—349, 352, 355, 359—361, 364—366, 368—376, 378, 381, 382, 383—385, 388, 395, 396, 398, 400, 401, 403, 406, 407, 409, 410, 412, 415, 417, 421, 425, 439, 450, 453, 458, 468, 471, 472, 474, 475.
- время производства — 101, 102, 103, 223.
- издержки производства — 37, 131, 174, 187, 215, 217, 224, 225, 257, 260, 268, 269, 270, 272, 273, 276, 287, 294, 303—306, 308, 309, 311, 335, 370, 384, 392, 397, 398, 400, 401, 403, 415, 425, 456, 459, 460, 466, 467.
- капиталистическое — 137, 139, 156, 252, 253, 254, 258, 259, 306, 312, 314—316, 318—320, 328, 331, 333, 335, 336, 340, 344, 368, 371, 372, 374, 382, 399, 400, 408, 409, 416.
- средства производства — 51, 97, 98, 102, 103, 110, 111, 125, 139, 151, 156, 157, 177, 191, 193, 235, 240, 321, 322, 325—327, 331, 334, 336, 361, 364, 365, 378, 392, 426, 444, 450.
- товарное — 32, 43, 44, 48, 50, 51, 53—55, 62, 315—317, 331.
- Протекционизм** — 273, 391, 392, 395, 396, 399, 401, 402, 403, 404, 416, 417, 418, 420, 422, 431, 439, 440, 444, 472—474, 477.
- картельный — 23, 391, 416, 422, 472.
- Процент** — 11, 13, 116, 118, 119, 124, 126, 127, 131, 135, 136, 137, 138, 139, 140—143, 145, 148—151, 153, 156—159, 162, 170, 174, 175, 179, 180—187, 189, 193—195, 198—200, 202, 206, 211, 212, 230, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 241, 243, 249, 253, 300—302, 308, 347, 350—353, 360, 362, 363, 366, 369, 370, 371, 405, 406, 408, 409, 418, 419, 420.
- средний — 144, 150.
- уровень — 130, 137—143, 145, 146, 148, 150—152, 156, 159, 170, 179—183, 189, 192—194, 204, 206, 233—236, 238—242, 339, 346—352, 356—359, 362, 368, 369, 370, 371, 408, 418.
- Профсоюзы** — 453, 454, 455, 458—465, 466, 468, 469, 470, 472, 473.
- Распределение** — 29, 30, 230, 295, 312.
- Ринг** — 209, 211, 218, 293, 350.
- Рынок** — 14, 15, 22, 108, 109, 111, 131, 133, 137, 186, 188, 190—192, 195, 199—201, 213—216, 219, 221—223, 226, 252, 258, 263—273, 276, 283, 286, 294, 305, 315, 316, 319, 335, 340, 342, 348, 349, 351, 352, 356, 358, 369, 371, 372, 378, 382, 385, 389, 392, 395, 402, 406, 407, 408, 409, 410, 414, 416, 422, 440, 445, 452, 455, 471.
- вексельный — 184.
- внутренний — 286, 337, 338, 356, 358, 395, 396, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 408, 433, 438, 471, 472.
- внешний — 286, 337, 338, 395, 399, 406, 407, 414, 415, 418, 420, 423, 433, 471.
- денежный — 106, 107, 110, 111, 112, 119, 137, 140, 234, 241, 347, 351, 352, 356, 357, 360, 363, 367, 368, 369, 370, 371.

- капитала — 42, 182, 194, 417.
- мировой — 4, 5, 38, 58, 70, 316, 392, 395, 396, 398, 399, 400, 402, 403, 406, 408, 409, 416, 417, 418, 421, 428, 432, 454, 466, 468, 474
- сбыта — 109, 280, 286, 388, 395, 416, 419, 422, 423, 445.
- сырья — 388.
- товарный — 241, 349, 350.
- труда — 453, 454, 466, 467, 471, 472.
- Рынок фондовый — 236, 349.
- Сверхприбыль, см. прибыль.
- Синдикат — 217, 222, 223, 225—227, 230, 270, 274, 276, 284, 288, 289—292, 294, 295, 297, 310, 370, 377, 391, 435, 444, 447, 461.
- Служащие — 429, 430, 449, 450, 451, 452, 477.
- Соглашение об общности интересов — 20, 264, 265, 271—275, 402.
- Спекуляция — 14, 180, 182, 185—192, 200—203, 205, 208—214, 216—220, 223, 228, 229, 230, 236, 240, 241, 243, 285, 294—296, 301, 348—352, 356—358, 360, 362, 369, 377—380, 382.
- Спрос — 19, 21, 138, 139, 140, 142, 149, 183, 190, 219, 221, 233, 256, 257, 259, 267, 269, 272, 273, 300, 304, 307, 324, 336—338, 339, 341, 343—348, 351, 359, 363, 369, 376, 377, 381, 382, 383, 385, 395, 396, 400, 409, 411, 441, 451, 454, 471, 472.
- Среднее сословие — 445—449.
- Средства существования — 326, 364, 365, 373, 388, 391.
- Стачки — 458—463, 465, 466, 467, 469, 470.
- Стоимость — 7, 15, 32, 33—35, 50, 51, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 66, 69, 70, 71—74, 76, 82—89, 94, 96, 97, 98, 101, 104, 106, 111, 113, 115, 116, 119, 137, 139, 154, 155, 194, 206, 227, 232, 257, 260, 297, 309, 312, 316, 320—324, 326, 330—332, 336, 340, 343, 354, 358, 367, 370, 382, 387, 388, 404, 407, 408, 455, 456, 471.
- Стоимость меновая — 55, 56, 75, 76, 83, 86, 87, 94, 228.
 - потребительная — 49, 50, 52, 56, 57, 58, 59, 75, 98, 138, 181, 195, 205, 208, 209, 227, 228, 317, 331, 332, 367, 368, 407.
- прибавочная — 15, 22, 97, 98, 102, 105, 106, 108, 109, 123, 138, 139, 150, 177, 186, 188, 193, 213, 232, 238, 251, 282, 308, 317—319, 321, 326—329, 333, 337, 365, 397, 404, 405, 411, 443, 455, 456.
- товарная — 83, 111, 314, 320, 322, 330, 358.
- Сырье, сырой материал — 5, 20, 217, 221, 226, 258—263, 270, 274, 275, 293, 305, 306, 308, 309, 324, 325, 342, 343, 344, 345, 362, 368, 385, 388, 397, 409, 410, 421, 425, 426.
- Тантьема — 165, 166, 170, 174.
- Тарифный, трудовой договор — 453, 459, 465, 466, 467, 468, 470, 471.
- Товар — 31, 33, 34, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 71—73, 77, 78, 82, 83, 84, 86—90, 92—96, 97, 98, 100, 105, 107, 108, 109, 110, 113, 115, 116, 117, 119, 124, 126, 131, 133, 134, 141, 150, 151, 155, 181, 186, 189, 198, 207—215, 217, 219—223, 226—228, 231, 236, 240, 250, 256, 261, 274, 276, 277, 280, 283, 285, 287, 292, 293, 302, 304, 314—325, 328—330, 332, 334, 338—340, 343, 344, 347—350, 352, 353, 356, 357, 358, 361, 363—366, 369, 375, 377, 378, 381, 382, 384, 399, 406, 408, 409, 414, 423, 453, 471.
- Торговля — 186, 196—198, 207, 208, 212, 218, 221, 222, 224, 229, 230, 232, 261, 262, 277, 278, 279, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289—293, 295, 296, 303, 356, 361, 367, 370, 374, 377, 382, 395, 407, 414, 444, 449.
 - биржевая — 207—210, 212, 213, 229, 378.
 - деньгами — 182, 184, 222, 232.
 - колоннальная — 414, 437.
 - концентрация торговли — 278—283, 291, 292, 378.
 - оптовая — 217, 222, 280, 285, 288, 290, 378, 437.
 - посредническая — 221, 289.
 - торговля на срок, рынок, сделки на срок — 200, 201, 203,

- 207—210, 213—224, 226, 228, 229, 230, 394.
— розничная — 140, 279, 280, 378, 468.
— товарная — 207, 221, 229, 287, 377, 378.
— свобода торговли — 388, 389, 390, 391, 395, 399—404, 416, 418, 421, 425, 428, 432, 433, 439, 444, 472, 474.
— ценными бумагами — 182, 191, 192, 204, 207, 220.
Тред-юнионизм — 454, 458, 462, 468, 469, 470.
Трест — 9, 17, 18, 20, 30, 41, 42, 162, 217, 230, 254, 264, 265, 269—271, 275, 276, 279, 298, 299, 302, 303, 310, 311, 377, 379, 391, 419, 420, 430, 451, 452, 461, 474, 477.
Участие — 12, 163, 236, 238, 255, 254, 291.
Уния персональная, личная — 13, 166, 168, 169, 256, 264, 302, 386, 443.
Фонды, ценные бумаги — 180, 181, 185, 186, 190, 196, 198—204, 207—211, 214, 217, 220, 228, 236, 241.
Фузия — 254, 264, 265, 266, 272, 275, 299.
Хозяйственная территория — 400, 401, 403, 404, 415, 420, 422, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 434.
Цена — 13, 19, 20, 34, 37, 59, 74, 77, 78, 82, 87, 90, 92—94, 96, 100, 108—111, 113, 129, 131, 133, 134, 139, 140, 162, 174, 182, 187—191, 198, 199, 207—210, 212—227, 229, 246, 253, 256—267, 266—270, 272—274, 276—279, 282, 283, 287—289, 291—297, 300, 303—312, 314, 320, 335, 336, 338—346, 348—350, 352—354, 356, 358, 362, 370, 373, 374, 377, 381—383, 384, 385, 388, 391, 395, 396, 397, 398, 402, 403, 406, 407, 410, 412, 417, 418, 425, 437, 438, 441, 443, 457, 465, 466, 468.
— акций — 150, 151, 152, 153, 186, 467.
— дохода — 149, 152.
— земли — 424, 440, 442.
— капитала — 300.
— картельная — 267, 276, 289, 303, 305, 307—309, 396, 419.
— монопольная — 202, 209, 303, 304.
— производства — 131, 151, 155, 174, 208, 214, 261, 276, 309, 320, 398.
— рабочей силы — 451, 454.
— товара — 60, 310, 346, 347, 353, 370, 417, 456.
— сбытовая — 291, 305.
Ценные бумаги — 11, 15, 339, 348—352, 356—358, 363, 377, 380.
Ценообразование — 224, 225, 283, 284, 303, 308, 309, 335, 340, 343, 346, 382, 383, 384.
Цикл — 258, 260, 305, 326, 335, 336, 338, 342, 367, 368, 409.
Шванцы — 218, 219.
Экспансия — 409, 411, 414, 419, 423, 433, 445, 472, 473.
Эксплуатация — 138, 206, 318, 319, 410, 411, 457, 458.
Экспорт, вывоз — 225, 286, 356, 358, 361, 362, 363, 392, 395, 396, 398, 399, 400, 403, 406, 407, 410, 416, 417, 421, 424, 444.
Экспроприация — 410, 411.
Эмиссия, эмиссионные операции — 134, 136, 230, 235, 239, 240, 242, 300, 349, 350, 392, 393, 419.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Предисловие автора	41

Отдел первый

Деньги и кредит

<i>Глава первая.</i> Необходимость денег	46
<i>Глава вторая.</i> Деньги в процессе обращения	59
<i>Глава третья.</i> Деньги как средство платежа. Кредитные деньги . .	88
<i>Глава четвертая.</i> Деньги в обращении промышленного капитала	96
Периодическое высвобождение и бездеятельное состояние (Brach-	
legung) денежного капитала	101
Изменения величины бездействующего капитала и их причины	106
Превращение бездеятельного в функционирующий денежный	
капитал посредством кредита	112
<i>Глава пятая.</i> Банки и промышленный кредит	114
<i>Глава шестая.</i> Уровень процента	137

Отдел второй

Мобилизация капитала. Фиктивный капитал

<i>Глава седьмая.</i> Акционерное общество	147
1. Дивиденд и учредительская прибыль	—
2. Финансирование акционерных обществ. Акционерные обще-	
ства и банки	157
3. Акционерное общество и индивидуальное предприятие . . .	169
4. Эмиссионная деятельность	178
<i>Глава восьмая.</i> Фондовая биржа	180
1. Биржевые бумаги. Спекуляция	—
2. Функции биржи	192
3. Биржевые операции	198
<i>Глава девятая.</i> Товарная биржа	207
<i>Глава десятая.</i> Банковский капитал и банковая прибыль	230

Отдел третий

Финансовый капитал и ограничение свободной конкуренции

<i>Глава одиннадцатая.</i> Препятствия к уравниванию нормы прибыли и их преодоление	245
<i>Глава двенадцатая.</i> Картели и тресты	271
<i>Глава тринадцатая.</i> Капиталистические монополии и торговля . . .	277
<i>Глава четырнадцатая.</i> Капиталистические монополии и банки. Превращение капитала в финансовый капитал	298
<i>Глава пятнадцатая.</i> Ценообразование при капиталистических монополиях. Историческая тенденция финансового капитала	303

Отдел четвертый

Финансовый капитал и кризисы

<i>Глава шестнадцатая.</i> Общие условия кризиса	314
Условия равновесия общественного процесса воспроизводства .	320
Условия равновесия капиталистического процесса накопления .	326
<i>Глава семнадцатая.</i> Причины кризисов	334
<i>Глава восемнадцатая.</i> Кредитные отношения при спаде конъюнктуры	346
<i>Глава девятнадцатая.</i> Денежный капитал и производительный капитал во время депрессии	364
<i>Глава двадцатая.</i> Изменение в характере кризисов. Картели и кризисы	371

Отдел пятый

Экономическая политика финансового капитала

<i>Глава двадцать первая.</i> Поворот в торговой политике	386
<i>Глава двадцать вторая.</i> Экспорт капитала и борьба за хозяйственную территорию	400
<i>Глава двадцать третья.</i> Финансовый капитал и классы	435
<i>Глава двадцать четвертая.</i> Борьба за трудовой договор	453
<i>Глава двадцать пятая.</i> Пролетариат и империализм	471
Именной указатель	479
Предметный указатель	481

Рудольф Гильфердинг
ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

Редактор *О. Арав*
Переплет художник *В. Ашмарова*
Технический редактор *Р. Москвина*
Корректор *М. Лыткина*

Сдано в набор 25 сентября 1958 г. Подписано в печать 12 XII 1958 г.
Формат бумаги 60×92¹/₈. Бумажных листов 15,375; печатных
листов 30,75; учебно-издательских листов 32,41 Тираж 20000 экз.
А 07051 Цена 13 р. 95 к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Виловая, 28. Заказ № 2298.

Отпечатано в тип. Металлургиздата
Москва, Цветной бульвар, д. 30

13 р. 95 к.

СОЦЭКГИЗ - 1959